ISSN 2409 3238

Лінгвістика. Лінгвокультурологія

Функційно-семантичні та когнітивно-прагматичні питання мови й міжкультурної комунікації

№ 10

2017

ISSN 2409 3238

Министерство образования и науки Украины
Днепровский национальный университет имени Олеся Гончара

ЛИНГВИСТИКА. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Сборник научных работ

Функционально-семантиченские и когнитивно-прагматические вопросы языка и межкультурной коммуникации

Том 10

2017

ISSN 2409 3238

Міністерство освіти і науки України
Дніпровський національний університет імені Олеся Гончара

ЛІНГВІСТИКА
ЛІНГВОКУЛЬТУРОЛОГІЯ

Збірник наукових праць

Функційно-семантичні та когнітивно-прагматичні питання мови та міжкультурної комунікації

Том 10

2017

ISSN 2409 3238

The Ministry of Education and Science of Ukraine

Oles Gonchar Dnipro National University

LINGUISTICS. LINGUACULTUROLOGY

Collection of scientific works

Functional-semantics and cognitive-pragmatics questions of the language and intercultural communication

Volume 10

2017

УДК 811(082)
ББК 81:0; я 5
Л 59

Входить до «Переліку наукових фахових видань, в яких можуть друкуватися результати дисертаційних робіт на здобуття наукових ступенів доктора і кандидата наук», затвердженого наказом Міністерства освіти і науки України *№ 1604 від 22.12.2016 року (додаток № 9)*

Друкується за рішенням Вченої ради факультету української й іноземної філології та мистецтвознавства Дніпропетровського національного університету імені Олеся Гончара

Рецензенти:
д-р філол. наук, проф. ***Горпинич В. О.*** (Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара);
д-р філол. наук, проф. ***Приходько А. М.*** (Запорізький державний технічний університет);

Редакційна колегія: *д-р філол. наук, проф. Ю. О. Шепель (відп. ред.),* д-р філол. наук, проф. *О. І. Панченко* (*заст. відп. ред.);* д-р філол. наук, проф. *В. В. Зірка;* д-р філол. наук, проф. *В. І. Ліпіна;* д-р філол. наук, проф. *Н. В. Підмогильна;* д-р філол. наук, проф. *І. І. Меньшиков;* д-р філол. наук, проф. *Г. В. Ходоренко*, д-р філол. наук, проф. *Т. В. Філат;* д-р філол. наук, проф. *Т. С. Пристайко;* д-р філол. наук, проф. *В. А. Глущенко;* д-р філол. наук, проф. *О Лещак* (Польща); д-р філол. наук, проф. *В. А. Маслова* (Білорусь), канд. філол. наук, доц. *Д. П. Амічба* (відп. секр.).

Л 59 ***Лінгвістика. Лінгвокультурологія*** : зб. наук. пр. [Функційно-семантичні та когнітивно-прагматичні питання мови та міжкультурної комунікації] / редкол. : Ю. О. Шепель (відп. ред.) та ін. – Дніпропетровськ : Акцент ПП, 2017.– Т. 10. – 532 с.

Розглядаються актуальні проблеми сучасної лінгвістики, теоретичні аспекти когнітивної лінгвістики, прагмалінгвістики, лінгвокультурології, етнолінгвістики, лінгвістики тексту.

Рассматриваются актуальные проблемы современной лингвистики, теоретические аспекты когнитивной лингвистики, прагмалингвистики, лингвокультурологии, этнолингвистики, лингвистики текста.

The urgent problems of modern linguistics, theoretical aspects of cognitive linguistics, pragmalinguistics, linguoculturology, ethnolinguistics, text linguistics are regarded.

Збірник зареєстровано у міжнародних наукометричних базах даних:

Все науки	Scientific Indexing Services
AE Global Index	Наукова періодика України
JIFACTOR	Українські наукові журнали
Open Academic Journals Index	Calaméo
Index Copernicus International	Publications/Cognitive-and-Language-Sciences.

УДК 811(082)
ББК 81:0; я 5

© ДНУ імені Олеся Гончара, 2017
© Автори статей, 2017

"Язык, каким бы богатым в художественном отношении и логичным он ни показался последующему наблюдателю, не является ни универсально-историческим творением духа, ни звеном культуры; он доисторичен, внеисторичен. Он есть источник духа или, во всяком случае, связан с источником духа теснейшим образом"

Ханс Фрайер

ПЕРЕДМОВА

++

ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОГНИТИВНЫЙ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ КАК ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ УРОВНЕЙ ЯЗЫКА

Шепель Ю. А.

Современная лингвистика является полипарадигмальной научной дисциплиной, сочетающей в своей методологии приемы системно-структурного и коммуникативно-прагматического подходов. Такое положение дел неизбежно ведет к тому, что многие традиционные категории этой науки, такие, как, например, неполное предложение, эллипсис, языковая экономия, осмысляются с новых комплексных позиций, причем упор делается на экспликацию их личностно-коммуникативных и текстовых аспектов. При этом в лингвистическую парадигму неизбежно вовлекаются понятия из области когнитивной науки, которые существенно расширяют привычные представления о ее традиционном объекте.

С самого первого момента своего возникновения как самостоятельной науки, языкознание занималось изучением семантики языковых единиц, начиная с семантики высказывания, семантики грамматических форм, и, наконец, семантики предложения и целого текста.

При рассмотрении проблем языковых универсалий, взаимосвязи языка и мышления, при сопоставительном исследовании неродственных языков, лингвисты пришли к выводу, что всеобщие закономерности, управляющие развитием мышления и языка, свойственны не какому-либо одному языку конкретного общества. Процессы восприятия, понимания, переработки информации в речемыслительной деятельности человека основаны на некоторых общих для всех людей понятийных категориях.

Знания в памяти человека не являются аморфными, а организованы в виде, так называемых, концептов — наиболее абстрактных, обобщенных понятий, отражающих различные сферы жизнедеятельности.

Концепты сводят все существующие и наблюдаемые явления и факты действительности окружающей человека к единому понятию.

В деятельностном аспекте концепты представлены функционально-семантическими сферами — совокупностью средств реализации концепта в речи.

Функционально-семантическая сфера — комплексное образование, состоящее из блоков лексем, разнообразно связанных между собой.

Основные функционально-семантические сферы связаны с жизнедеятельностью человека. Основой их являются суперконцепты. Например, "жить", "работать", "двигаться", "говорить", "видеть", «человек».

Поскольку мир действительности динамичен, правомерно поставить в центр суперконцепта соответствующий многозначный глагол, в смысловой структуре которого начинается конкретизация суперконцепта.

Внимание современной лингвистики к прагматическим параметрам речевого общения находит свое выражение в виде поиска новых методик, подходов, акцентов на личностно-социальных аспектах языкового материала. При этом в ее парадигму неизбежно вовлекаются понятия из области когнитивной науки, которые, существенно расширяя привычные представления о традиционном объекте лингвистики, в сущности, не выходят за пределы ее компетенции, т. к. объектом исследования по-прежнему остается язык и его реализация в текстовой деятельности.

Функционально-когнитивный подход к исследованию языка и рассматривающий язык с точки зрения выполняемых им функций, когда коммуникативная и когнитивная (познавательная) функции считаются наиболее важными, в настоящее время позволяет по новому взглянуть на взаимосвязь языка и мышления.

Применение такого подхода к изучению лексического уровня языка и всей системы языка привело к необходимости построения словаря нового типа — основанного на типах знаний,

зафиксированных в смысловой структуре слова. И, предположительно, нового типа грамматики, где языковые единицы будут рассматриваться, как со стороны выполняемых ими функций, так и со стороны отраженных в них различных пластов знаний о мире.

Именно то общее содержание, заложенное в языковых единицах, и позволяет эффективно использовать их в речи — люди понимают друг друга.

Актуальность предлагаемого читателям научного коллективного исследования сотрудников кафедры перевода и лингвистической подготовки иностранцев определяется, на мой взляд, тем, что оно проведено в русле активно реализующейся в современной лингвистике тенденции к преодолению разрыва между структурным и коммуникативно-прагматическим подходами в интерпретации явлений языка, а также назревшей необходимостью разработки интегративной концепции, сочетающей элементы указанных выше подходов. В качестве связующего звена нами были избраны положения когнитивной методологии, вскрывающие связь между ментальными процессами в человеческом сознании и репрезентацией языковых явлений, в нашем случае — семантико-синтаксических элиминаций, в структуре языка и дискурса.

Более того, актуальность коллективного исследования определяется также недостаточной степенью изученности в современной лингвистике комплекса проблем, касающихся акторечевого моделирования различных дискурсов и роли субъектов коммуникации в выборе структурных и прагматических параметров речевого общения. Как представляется, изучение семантико-синтаксических элиминаций в различных дискурсах поможет более наглядно и убедительно проиллюстрировать особенности речевого поведения участников коммуникативных актов, конституирующих тот или иной тип дискурса.

Мы ставили перед собой на начальном этапе коллективной работы рассмотреть, изучить и описать элементы коррелятивных отношений между прагматическими параметрами дискурса и особенностями функционирования в его рамках семантико-синтаксических элиминаций; показать и попытаться через анализ языкового материала обосновать необходимость дальнейшего

глубокого рассмотрения различных типов семантико-синтаксических элиминаций с комплексных когнитивно-прагматических и функциональных позиций.

Думаю, что полученные результаты могут быть использованы для разработки курсов по интерпретации текста, дискурсивному анализу, переводу, на практических занятиях по устной и письменной речи, в курсах по выбору студентов по прагматике, риторике, когнитивной и функциональной лингвистике,

Положения монографии могут иметь выход в методику преподавания языков, при чтении курсов стилистики, лингвистической интерпретации текста, теоретической грамматики, сравнительной типологии русского и английского языков, а также в процессе написания курсовых и дипломных работ, использоваться при обучении студентов навыкам подготовки публичных выступлений, при обучении межъязыковой и межкультурной коммуникации, а также для написания учебных пособий.

ФУНКЦІЙНО-ПРАГМАТИЧНІ ПИТАННЯ ГРАМАТИКИ

==========

СЛОВОТВІРНІ ОСОБЛИВОСТІ ТЕРМІНІВ СУЧАСНОЇ АНГЛІЙСЬКОЇ МОВИ І ЛЕКСИКОГРАФІЧНА ПРАКТИКА

Шепель Ю. О.

Сучасна епоха характеризується бурхливим розвитком науки та техніки, процесами їхньої інтеграції й міжнародного кооперування. У зв’язку з цим виникає потреба щодо вдосконалення системи обміну та обробки інформації у співробітництві з науковцями різних країн у найрізноманітніших сферах науки та техніки.

У останні десятиліття різко зріс інтерес лінгвістів і фахівців різних галузей науки та техніки до питань галузех терміносистем, що пояснюється зростаючим потоком наукової й технічної інформації, процесами інтеграції, зіткненням наук, посиленням процесів термінотвоення. Останній чинник особливо є важливим для правової термінології у зв'язку із створенням і прийняттям останнім часом великої кількості нових законів.

Часто-густо обговорюються питання термінології у зв'язку зі зростаючими автоматизацією інформаційних процесів, вживанням електронно-обчислювальних машин для створення банків термінологічних даних, автоматизованих словників. Укладання такого роду словників і банків даних неможливе без стандартизації та уніфікації термінологічної лексики, вивчення лінгвістичних проблем термінології, виявлення особливостей термінотворення в кожній конкретній області знаннь. Це обумовлює необхідність поглибленого вивчення та подальшої розробки методологічних аспектів побудови термінології.

В наш час уже не викликає сумніву те, що для правильного, науково обгрунтованого вирішення термінологічних проблем необхідно вивчати термінологію, виходячи з визнання її природності

та закономірності існування в системі загальнонародної мови. В рамках вищезазначеного стилю дослідження питань термінології повинне проводитися як лінгвістами, так і термінологамі – представниками відповідних галузей науки і техніки.

Науково-технічна революція як одне з найважливіших соціальних явищ сучасності вносить істотні зміни до лінгвістичної моделі світу. Ці зміни полягають, насамперед, у тому, що нині переважну частину лінгвістичного фонду складає фахова лексика (терміни та номенклатурні назви), причому ця величина має тенденцію до зростання.

Науково-технічна термінологія — це значний шар лексики, що інтенсивно розвивається та активно взаємодіє з іншими шарами лексики, насамперед, із загальновживаною. Як наслідок, у субмовах з'являються слова, тотожні за звучанням або написанням, але відмінні за значенням — ***омоніми***. Отже, потреби суспільства у правильному розумінні значень того чи того слова, у вірному їхньому вживанні згідно з контекстом матеріалу визначають актуальність дослідження проблеми міжгалузевої омонімії термінів.

Вивчення закономірностей утворення омонімії термінологічної лексики, її структури та семантики стало одним із найважливіших завдань сучасної лінгвістики. Проблема омонімії виявляється частиною більш загальної проблеми співвідношення форми та змісту у мові, що робить її поглиблене теоретичне вивчення актуальним як для перекладознавства, так і для філологічної науки у цілому.

Омонімія призводить до труднощів в процесі засвоєння іноземної мови, коли студент-перекладач стикається з тим, що та сама мовленнєва форма має різні значення. Це є фактом, на якому у своїй рідній мові людина, за звичай, не акцентує увагу. Між іншим, аналіз таких форм істотно ускладнює сприйняття іншомовного тексту.

Проблема омонімії ускладнюється, коли питання стосується вживання омонімічних термінів у різних науково-технічних галузях, тобто правильного застосування особливостей вживання лексем у тому чи іншому значенні в різноманітних технічних сферах. Цікавою залишається проблема виникнення омонімічних термінів, шляху їхнього розвитку та етимології.

У цьому напрямку було проведено ряд досліджень. Першочергова увага приділяється при цьому таким питанням, як виникнення та усунення омонімів (Б. Трнка, О. Есперсен, Т. Фрінгс, Ж. Жіл'єрон); проблема співвідношення омонімії та полісемії (С. І. Ожогов, О. О. Уфімцева, С. І. Абаєв та ін.); теорія лексичної та граматичної омонімії (О. І. Смирницький, П. А. Соболєва, О. М. Кім, М. Г. Арсен'єва, Л. В. Малаховський); збереження омонімів у мові (Л. О. Булаховський, М. М. Маковський) і т.ін.

Однак, не зважаючи на низку досліджень, які з'явились останнім часом, омонімія залишається недостатньо вивченою, у порівнянні з такими суміжними явищами, як полісемія, синонімія або антонімія; не упорядкована термінологія, не розроблена класифікація, яка б адекватно відбивала характер формально-змістових відношень між різними класами омонімів; недостатньо вивчене питання омонімічної лексикографії, зокрема питання про відображення структури омонімічного ряду у структурі словника.

Поняття системності словника (структурні типи слів, семантична та стилістична диференціація лексики)

Слово є складним структурно-семантичною одиницею і має цілу низку ознак. Залежно від характеру цих ознак увесь словник може бути поділений на групи і підгрупи зв'язаних між собою або протиставлених одна одній одиниць.

Інколи при класифікації береться до уваги декілька ознак.

Існують наступні класифікації:

- структурна;
- стилістична;
- за схожістю значення;
- за схожістю форми;
- етимологічна.

Розглянемо ці класифікації.

Структурні типи слів

Структурні типи слів диференціюються залежно від кількості та характеру кореневих морфем, а також залежно від наявності словотворчих афіксів.

У сучасній англійській мові можна виділити слова:

- прості та складні;
- непохідні (кореневі) й похідні;
- повноосновні та абревіатури.

1) ***Прості слова.***

Різновидами простих слів є:

прості непохідні слова (прості кореневі) — *red, leg, ask;*

прості похідні слова — *helpless, disorder, outwit;*

прості повноосновні слова — *back, room, take;*

прості абревіатури — *doc, prof, ref.*

Прості непохідні слова 1) складають центр словарного гнізда (тобто групи спільнокореневих слів) і є базою для творення нових слів; 2) форма їх, що має нульову флексію, збігається з основою і коренем; 3) мають більше лексичних значень, ніж похідні і складні, і легко піддаються конверсії.

Похідні слова (прості і складні): 1) мають у своєму складі словотворчі афікси. Наприклад: *aimless, spoonful, disbelief* (прості похідні); *broad-shouldered, footballer, old-ladyish* (складнопохідні).

Спільнокореневі пароніми — категоріально ідентичні споріднені слова, що розрізняються суфіксами:

Economic — економічний, пов'язаний з економікою (*economic crisis*);

Economical — економний, бережливий (*economical woman*).

2) ***Складні слова.***

Різновидами складних слів є:

складні непохідні (складні кореневі) — *to blacklist* (вносити до чорного списку), *air-sick, home-made*;

складнопохідні слова — *dark-haired, week-ender, horse-driven*;

складні абревіатури (складноскорочені слова) — *USA, V-day, UNESCO*.

Складне слово — це слово, що складається з двох або більше основ (*водолаз, землетруси, сталевар, foreign-made, red-haired, to daydream*).

Складні слова слід відрізняти від словосполук, які також є складними утвореннями. Компонентами словосполук є слова, а компонентами складних слів — основи (морфеми).

Якщо в російській мові можна чітко провести межу між складним словом і словосполукою, через те що основи зовні відмінні від слів (*волн=* від *волна*), то в англійській мові складні слова можуть зовні не відрізнятися від словосполук, через омонімію слів і основ (*foreign=* і *foreign*). Отже в англійській мові для диференціації цих видів складних утворень потрібен спеціальний лінгвістичний аналіз.

Складні слова у сучасній англійській мові утворюються:

1) компресією;

2) основоскладанням.

1) складні слова утворюються компресією пропозицій і словосполук:

(а) *Do it your self – on the do-it-your-self principle*

(б) *Stay slim – a stay-slim diet*

A performance given out of town – an out-of-town performance

Компресиви — характерна особливість сучасної англійської мови. Їхняє функціонування обмежене. Більшість з них є індивідуальними авторськими утвореннями і вживаються вони для додавання мові новизни і образності.

2) Основоскладання — це творення складних слів з'єднанням основ або основи і цілого слова (що набуває в останньому випадку рангу морфеми і розглядуваного теж як основа.

Різновидами основоскладання є поєднання основ повних і усічених. Складанням повних основ утворюються повноосновні складні слова, складанням усічених основ — складні абревіатури (складноскорочені слова).

Складанням повних основ у сучасній англійській мові утворюються головним чином прикметники:

World-famous (week-long);

Dark-brown (light-green);

Radio-transmitted (flood-affected, nuclear-powered, Oxford-educated).

Окрім слів, словосполук і морфем в англійській мові існують особливого роду структури, які можна умовно назвати нейтральними утвореннями.

Нейтральні утворення — це структурні одиниці, компонент (або компоненти) яких не мають чітко виражених ознак основи або слова і які внаслідок цього можуть тлумачити як складні слова, так і словосполуки.

До нейтральних утворень належать:

1) поєднання двох субстантивних компонентів (*space vehicle, pain killer*);

2) поєднання з компонентом на *–ing* (за винятком поєднань з дієприкметником і утвореним від дієприкметника прикметником) — *sleeping pills, sewing machine, sound recording*.

Семантична диференціація лексики

Значення слова — закріплений за даною звуковою формою обумовлений системою даної мови розумовий зміст, сукупний для даного мовного колективу.

Об'єм значення — сукупність предметів того самого класу, до яких дане слово застосовне як назва.

Зміст значення — це знання про даний предмет і його характеристика (сукупність істотних ознак, емоційно — оцінне відношення, вказівка на зв'язок з предметами іншого класу).

Словарне значення — найбільш спільне значення властиве слова в усіх випадках його реалізації при найменуванні предметів того самого класу.

Контекстне (комбінаторне) значення — окремі випадки реалізації слова в одному словарному значенні.

Гніздо — сім'я слів, об'єднаних спільним походженням від одного кореня.

Семантична диференціація лексики — класифікація лексики за схожістю значення. При класифікації лексики за схожістю значення беруться до уваги наочне і дефініціювальне значення.

Словник:

Групи однопольових словарних одиниць

категоріально ідентичні слова — різні частини мови

синоніми ***антоніми*** ***евфемізми***

- повні і часткові синоніми;
- комбінаторно нетотожні / тотожні;
- однакові за компонентним складом (семантичні дублети);
- різні за компонентним складом (емоційно нетотожні, асоціативно нетотожні, дефініціювально нетотожні);
- одностильові/різностильові;
- помилкові синоніми (ложні синоніми).

При семантичній класифікації весь словник можна поділити на групи однопольових словарних одиниць, зв'язаних схожістю дефініціювального значення (інакше: тематично об'єднаних словарних одиниць або одиниць, що належать до одного семантичного поля).

Семантичне поле — це сукупність понять, яким в об'єктивній дійсності відповідають пов'язані між собою предмети, ознаки, явища, дії. Так, можна говорити про семантичні поля «Час», «Простір», «Радість», «Боротьба», «Фізична праця» й ін.

Однопольові слова можуть бути категорійно ідентичними:

- слова з однаковим наявним значенням;

- слова, що не співпадають за об'ємом значення, але мають схоже дефініціювальне значення;

- слова, що протиставляються за значенням (антоніми);

- слова, які не протиставляються за значенням і можуть бути різними частинами мови.

Синоніми

Синоніми виділяються за спільністю наявного значення (наявне значення збігається з обсягом значення слова). Синоніми — це однопольові категорійно ідентичні словарні одиниці, що співпадають за обсягом в одному або декількох словарних значеннях.

Наприклад: *сміливий – хоробрий, секрет – таємниця,; to end – to finish, jail – prison*.

Синоніми називають той самий клас предметів. Коли у лексикології говорять про синоніми, мають на увазі й порівнюють словарні значення слів.

Ті самі предмети набувають два найменування:

а) через випадковість (при цьому одне з них поступово виходить з ужитку);

б) через логічну необхідність: кожне із слів по-різному характеризує предмет (у цьому випадку кожне зі слів зберігається в мові, закріпившись за різними стилями мови).

Критерієм синонімічності слугує збіг обсягів значень і можливість використання слова для найменування всіх предметів, що складають обсяг значення слова.

Відмінність між синонімами як словами із ідентичним наявним значенням проходить по декількох лініях.

Синоніми можуть:

- збігатись не в усіх словарних значеннях (якщо слово багатозначне);
- збігатись не в усіх комбінаторних значеннях (тобто розрізнятись сполучуваністю);
- розрізнятись за компонентним складом значень (тобто мати різні дефініційні, емоційні й асоціативні значення);
- розрізнятись за місцем поширення, часом використовуватись за сферою вживання.

Виходячи з вищесказаного, можна виділити наступні різновиди синонімів:

1) повні та часткові;

2) комбінаторно тотожні й комбінаторно нетотожні;

3) однакові за компонентним складом (семантичні дублети) і різні за компонентним складом (емоційно нетотожна дефініціювальна нетотожність);

4) одностильові та різностильові;

5) американо-британські синоніми — найменування тих самих предметів, що мають місце в американському і британському варіантах англійської мови.

• Ті ж самі синоніми можуть належати до різних видів, наприклад, бути одночасно частковими емоційно нетотожними синонімам, тобто такими, що розрізняються за місцем вживання.

1) Повні синоніми — у них збігаються всі словарні значення.

Льотчик: *airman — flyer — flying man;*

Сценарист: *screenwriter — scriptwriter — scripter — scenarist.*

Часткові синоніми – багатозначні слова, що співпадають лише в деяких своїх словарних значеннях:

семантика	**семасіологія**
1. наука про значення слова	1. наука про значення слова
2. значення слова	2. -

Наприклад:

convince	***persuade***
1. змусити повірити чомусь	1. змусити повірити чомусь
2. —	2. умовити когось зробити щось
survive	***outlive***
1. пережити кого-небудь, жити довше, ніж будь-хто.	1. пережити кого-небудь, жити довше, ніж будь-хто.
2. вижити, залишитися в живих	2. —

2) Комбінаторні нетотожні синоніми — це слова, що співпадають в словарних значеннях, але не співпадають у комбінаторних значеннях. Вони мають різну сполучуваність і не можуть замінювати один одного в усіх однотипових контекстах. Наприклад, пор.:

prison	***jail***
1. in prison	1. in jail
2. put smb. in prison	2. put smb. in jail
3. release smb. from prison	3. release smb. from jail
4. —	4. jail bird (ув'язнений, разг.)

Семантичних дублетів, тобто синонімів, що мають однаковий компонентний склад, коли слова співпадають за дефініційним, емоційним і асоціативним значеннями, дуже небагато, їх практично не існує.

Збігаючись за своїм наявним значенням, синоніми, зазвичай, розрізняються останніми компонентами.

3) Емоційно нетотожні синоніми — це такі, що виражають різне емоційно-оцінне відношення в тому самому предметі, як правило, належать до різних стилів мови, будучи одночасно різностильовими синонімами. Пор.:

soldier (стилістично немаркирован.) – *warrior* (уроч.);

get arrested – get nailed (грубий);

get married – get buckled (шутл.);

he saw a girl (стилістично нейтральний) – *he beheld a girl* (уроч., кн. стиль).

4) Асоціативно нетотожні синоніми мають різне асоціативне значення.

Вони є семантично похідними від різних коренів і співвідносять той самий предмет із різними класами предметів. Пор.:

money: cabbage, chips, berries, dough, brass;

prison: cage, den, cooler, school, can, hotel.

Асоціативно нетотожні синоніми, як правило, розрізняються емоційним забарвленням і сферою ужитку та є різностильовими.

5) Дефініційно нетотожні синоніми — це такі синоніми, з яких один виражає побутове, а другий — науково відпрацьоване поняття про той самий предмет. Пор., наприклад, концептуальний вміст слів *water, acid, power, area* у побутовому і науковому розумінні.

Протягом певного періоду часу синоніми можуть використовуватись паралельно, розрізняючись лише асоціативним значенням (яке є другорядною складовою) і сполучуваністю, але зрештою вони або чітко диференціюються стилістично, або один з них виходить з ужитку.

У англійській мові багато синонімічних пар, в яких одним із синонімів є словосполука: *die, pass away, join the great majority, take the ferry, kick the bucket, go the way of all flesh*.

6) Помилкові синоніми — це однопольові категорійно ідентичні слова, що називають, на відміну від синонімів, не один клас предметів, а різні їх класи.

Виділяють два різновиди помилкових синонімів: взаємозамінні в окремих випадках: *car* і *vehicle*, і невзаїмозамінні: f*amous* і *notorious*. Наприклад:

Vehicle (транспортний засіб) і *car* (автомобіль, машина) — виражають родове і видове поняття. Об'єми їх частково збігаються, вони можуть інколи замінювати один одного, але при цьому змінюється зміст вислову: думка виражається точніше або менш точно.

Vehicle — це не лише *car*. Якщо ми говоримо *vehicle,* маючи на увазі автомашину, то для нас не важливі ті ознаки, що відрізняють автомашину від інших засобів пересування.

І. В. Арнольд виділяє ***ідеографічні синоніми*** *і* ***стилістичні синоніми****:*

• ***Ідеографічні синоніми*** відрізняються або додатковими значеннями, або вживанням і сполучуваністю з іншими, або і тим і іншим. Пор.:

to understand – to realize;

to understand – відноситься до якого-небудь конкретного вислову: *to understand words, a rule, a text;*

to realize – має на увазі здатність схопити якусь ситуацію.

• ***Стилістичні синоніми*** — це близькі, а інколи і тотожні за значенням, але такі, що уживаються в різних стилях мови:

enemy (стилістично нейтральне);
opponent (офіційне);
adversary (книжне).

Евфемізми

Евфемізм — особлива стилістична фігура, що полягає в уживанні слова не в основному, а в переносному значенні.

Суть евфемізма полягає у тому, що грубі, лайливі та інші слова і вирази замінюються «м'якшими».

У сучасних мовах високорозвинених в культурному плані народів евфемізм обумовлюється соціальними нормами спілкування і поведінки, прагненням дотриматись пристойності і не образити співбесідника.

Як зазначалось вище, суть евфемізму полягає в заміні небажаного слова іншим, що асоціюється з ним за значенням або за звучанням.

- Так, наприклад, замість *die* говорять *to go west, to pass away, to join the silent majority*.
- Замість *depression – recession*, замість *strike – industrial action* замість *murder – liquidation*.

Евфемізми є дуже рухливим шаром лексики і швидко застарівають.

Антоніми

Іншим типом семантичного угрупування є підбір антонімів до слів. Антоніми — це слова різні за звучанням і протилежні за значенням. Вони можливі далеко не у всіх слів в мові. Наприклад, назви конкретних предметів антонімів не мають, як-от: *hand, face, nose, table, book*.

Антоніми характерні для слів, що містять у своєму значенні вказівку на якість:

ім. *light – darkness;*
дієсл. *to freeze – to thaw;*
прикм. *full – empty;*

прислівн: *slowly – quickly;*

Особливо багаті антонімами якісні прикметники, пор.:

Beautiful – ugly

Big – small

Bitter – sweet

Для іменників антонімічні пари притаманні такій групі лексики, а саме іменникам, що:

1) називають почуття, настрій та якості людини, наприклад: *love – hatred, joy – sorrow, timid – arrogant;*

2) називають стан або діяльність людини: *work – rest, life – death, health – illness;*

3) називають час: *day – night, summer – winter, beginning – end.*

Не вважають за лексичні слова, що утворені від того самого кореня за допомогою афіксів: *happy – unhappy, order – disorder, useful – useless*. Такі антоніми розглядають як словотвірні (П. А. Соболєва, О. А. Земська, Н. Ф. Клименко, Є. А. Корліловська, К. Г. Горденська, Ю. О. Шепель та ін.).

Відзначають деякі інші класифікації лексики, а саме: за схожістю форми, за частинами мови, за етимологією.

Класифікація лексики за схожістю форми

За схожістю форми у мові виділяють омоніми і пароніми (помилкові омоніми).

Омонімія — збіг форми при нетотожності значення.

Омоніми можуть бути:

- граматично тотожні: *to strike with a club, a yacht club; a tank unit, a petrol tank;*
- граматично нетотожні: *to meet a person, fresh meat.*

За характером матеріальної оболонки вони розподіляються на:

- омографи (графічно однакові);
- омофони (фонетично однакові);
- омографи — омофони (які співпадають за графічним та фонетичним оформленням). Наприклад:

омофони: *flour, flower; air, heir* (спадкоємець); *peace, piece; sale, sail; sell, cell;*

омографи: *tear* (рвати різати), *tear* (сльоза); *bow* (цибуля, бант), *bow* (уклін);

омографи – омофони: *bear* (1. ведмідь, 2. терпіти, 3. носити); *fair* (1. чесний, 2. красивий, 3. ярмарок); *row* (1. ряд, 2. гребти).

Пароніми (помилкові омоніми) – це слова схожі, але не однакові за формою:

lay – класти *soil* - грунт *quiet* – тихий
lie – лежати *soul* – душа *quite* – цілком
lawyer – адвокат
lower – знижувати

Стилістична диференціація лексики

Лексичне значення не лише виражає поняття або групу понять, але характеризується певним емоційним забарвленням і стилістичною віднесеністю.

Усю лексику тієї чи іншої мови можна розподілити на

- стилістично немарковану;
- стилістично марковану.

Більшість слів мови стилістично немарковані. Стилістично немаркована лексика використовується в усіх формах спілкування і ситуаціях спілкування незалежно від мети висловлення.

Стилістично маркована лексика обмежена в своєму вживанні. Вона може використовуватися окремими групами людей, об'єднаних певною спільністю; функціонування її може бути обмежене певною ситуацією або часом т. ін.

Стилістична диференціація лексики проводиться за наступними ознаками відповідно до яких виокремлюють такі стилістичні угрупування лексики:

Таблиця А.1

Стилістичні угрупування лексики

Ознака	Стилістичні угрупування	Приклади
1.Форма мовної діяльності	Лексика, не обмежена формою мовленнєвої діяльності; Лексика усної мови; Лексика писемної мови (книжкова лексика).	To see; start Dough (money) To behold; commence
2.Ситуація мовної діяльності	Лексика, не обмежена характером ситуації; Офіційна; Урочиста; Неофіційна; Фамільярна (лайлива).	enemy opponent warrior (уроч. от soldier) Dough (money); friend Grub (food) (фам., розм.), pal
3.Емоційно-оцінне відношення до висловлюваного	Емоційно нейтральна; Емоційно забарвлена (що передає, зневажливе, жартівливе і ін. відношення до предмету висловлення).	Fellow, well-known Bloke (пренебр. от fellow) Famous, notorious
4.Літературний жанр	Жанрово необмежена: поетична, публіцистична, наукова (терміни), канцеляризми.	Girl maid (поэт.) receiver (термін в телефонії – тел. трубка)
5.Відповідність загальноприйнятій нормі	Літературна; Просторіччя.	To be in love To to have a crush on smb.
6.Соціальна спільність людей, що використовують лексику	Загальнонародна лексика: соціальні жаргонізми, арготизми.	Нейтр: wife Кокні: trouble and strife
7. Професійна	Професійно необмежена:	to send / to forward – форвардить – комп.

спільність	професійна лексика – лексика усного спілкування людей тієї або іншої спеціальності (професійні жаргонізми, виробничо-ремісницькі і наукові терміни).	жарг. Mike (microphone), lab (laboratory)
8.Корпоративна спільність	Корпоративна необмежена; Корпоративний жаргон	
9.Територіальна спільність	Загальнонаціональна, територіально необмежена: територіально обмежена (діалектизми, локалізми; територіальні варіанти загальнонаціональної мови).	To take, to go, a place, a house Lorry (br) – truck (am), petrol (br) – gas (am), realise (br) – realize (br).
10. Час використання	Сучасна лексика: застаріла лексика (архаїзми – слова, замінені синонімами, історизми - слова, що називають зниклі предмети).	girl, lady - damsel, wench (арх.) sloop (ист.) – вартовий корабль

Сленг — функційно обмежені емоційно забарвлені слова та словосполучення, що мають переносне значення та являються вторинним найменуванням предметів.

В'язниця: jail – *can;*

Стратити: to execute – *to fry;*

Голова: head – *bean, mug;*

Зав'язати, покінчити з будь-чим: *to catch up.*

Розрізняють:

Сленг загальний: *bag – некрасива жінка, повія, чувіха*. *Queen – гомосексуаліст;*

Сленг спеціальний (професіональний (комп'ютерний) або соціально-груповий (студентський, спортивний*)). forward – форвардувати – комп'ютерний. сленг.*

Сленг – це стилістично марковані синоніми загальнонародної лексики. Межа між сленгом і неофіційною розмованою лексикою рухлива і не завжди може бути чітко визначена.

Кокні (cockney) — лондонське просторіччя, різновид соціального жаргону та територіального діалекту.

Він дуже мало вивчений. Характерна його риса — римований сленг: багато слів замінюються на співзвучні ним та на вирази, що римуються з ними:

Wife – trouble and strife;

Head – a loaf of bread;

Upstairs – apples and pears;

North and south – mouth.

Шляхи розвитку і поповнення словарного складу мови

Чинники, що обумовлюють розвиток і поповнення словарного складу мови можна розподілити на

- лінгвістичні;
- нелінгвістичні;
- змішані.

Виділяють (I) кількісне та (II) якісне поповнення словникового складу.

Кількісне поповнення – утворення нових слів	
Внутрішній спосіб - поповнення словникового складу мови за рахунок його внутрішнього потенціалу. Це продуктивний спосіб.	Зовнішній спосіб
• Конверсія • Афіксація • Компресія • Основоскладання • Абревіація • Дезафіксація • Відособлення значення	• запозичення

Новоутворення, використовувані більшістю людей, які говорять тією чи іншою мовою, але що з'явилися в мові порівняно недавно, називають ***неологізмами***.

Кількісне поповнення.

Внутрішній спосіб

А. Конверсія — безафіксальний спосіб словотворення, в результаті дії якого утворюється категорійно відмінне слово, що співпадає в деяких формах із твірним (вихідним / мотивувальним).

Утворене конверсією слово має інше значення.

The story was filmed (За цією історією був знятий фільм);

He elbowed his way through the crowd (Протиснувся);

They kept us in the dark;

I have no say in the matter (Я не можу брати участь у вирішенні цього питання).

• При конверсії утворюється омонім, семантично пов'язаний з вихідним словом. Зрозуміти значення новоутворення можна спираючись на значення вихідного (мотивувального) слова:

The actor was hissed off the stage (hiss – шипіння, шикання)

• Основні різновиди конверсії:

вербалізація (утворення дієслів);

субстантивація (утворення іменників);

ад’єктивація (утворення прикметників);

адвербіалізація (утворення прислівників).

• Конверсія протікає по-різному в залежності від морфологічної характеристики твірного та похідного слів і буває двох типів:

І тип: якщо твірне і похідне слова (або одне з них) морфологічно змінні. Найбільш типовою конверсією цього типу є вербалізація та субстантивація.

ІІ тип: якщо твірне і похідне слова морфологічно незмінні. Конверсія цього типу полягає в зміні синтаксичної функції слова та його лексичного значення. Конверсією цього типу можуть бути зв'язані прийменник і прислівник (*on, off, in*), прийменник і сполучник (*before, after*), займенники і сполучники (*who, when, why*).

III тип: повна і часткова.

Повна — новоутворення приймає всі властивості іншої частини мови. Іменники і прикметники при вербалізації починають позначати дію і вживатись у функції присудка, і також приймають всі словозмінювальні форми дієслова:

A tape – to tape: They are taping the programme. The programme has been taped. They'll tape the programme, etc.

Часткова — слово набуває не обов'язково всіх ознак іншої частини мови. Наприклад, багато іменників, які утворені від дієслів, в результаті часткової конверсії використовуються лише у формі однини: *It gave me quite a* **scare**. *That was a good* **laugh**. *The film had a long* **run**.

Б. Афіксація — це спосіб творення нових слів шляхом приєднання до основи слова словотворчих афіксів.

Афікси, за допомогою яких у певний період часу утворюється відносно багато новоутворень, називаються продуктивними.

Продуктивними в сучасній англійській мові є

суфікси: -ing, -y, -ee, -ist, -ette, -ed;

префікси: anti-, super-, pro-, mis-, re-, etc.

За допомогою цих афіксів утворюються нові похідні слова (прості і складні):

*Summitolog**ist*** (прихильник наради на вищому рівні);

***Supe**rwar* (війна із застосуванням атомної зброї);

*A smart**y*** (розумниця);

*A cut**y*** (красуня);

*Environmental**ist*** (що бореться із забрудненням навколишнього середовища).

В. Дезафіксація — спосіб словотворення, при якому слова утворюються шляхом відкидання суфікса або елемента, зовні схожого з суфіксом.

Beggar – ***to beg;***

Legislator – ***to legislate;***

Burglar - ***to burgle.***

У сучасній англійській мові дезафіксація частіше спостерігається при компресії словосполук і призводить до утворення складних слів, як-от: *to vacuumclean* (від vacuum clean**ing**), *to stagemanage, to housekeep*.

Г. Абревіація — творення нових слів шляхом скорочення (усікання) основи. В результаті утворюються слова з неповною, усіченою основою (або основами), звані абревіатурами. Абревіатури можуть бути простими і складними.

•***Прості абревіатури*** утворюються шляхом відкидання кінцевого або початкового складів основи: *caps* (capital letters), *demo* (demonstration), *intro* (introductory sentence), *ad* (advertisement).

•***Абревіатури, що є вторинним найменуванням*** предмету і існують в мові разом з повною формою, є стилістично забарвленими словами і носять неофіційний розмовно-фамільярний характер:

*Sis – sister, professor- prof, second – sec, difference – dif, etc,*та ін.

•Якщо початкове слово забувається і рідше уживається, то абревіатура стає основною і набуває статусу стилістично нейтрального слова:

Plane (aeroplane), *cab* (cabriolet), *phone* (telephone).

• Складні абревіатури (складноскорочені слова) утворюються дією абревіації і основоскладання. Вони складаються з початкових літер, або складів слів, або з їхнього поєднання з повними основами:

LLC — limited liability company, *V-day* — Victory Day, *Interpol* — international police, etc.

• **Акроніми** (ініціальні абревіатури) — скорочення, що складаються з початкових літер слів і основ. Читаються вони по літерах або по складах за правилами читання (внз, ВР, МОН).

• **Лексичні абревіатури** (слова) слід відрізняти від графічних (графічні скорочення). Графічні абревіатури — це символи, використовувані замість слів на письмі. В усної мови їм відповідають повнозначні слова і словосполуки:

D.c. – District of Columbia, *F.o.* – Foreign Office, *Ltd* – limited.

• **Графічні абревіатури** можуть ставати словами, якщо починають використовуватися в усній мові нарівні із словами:

MP – Member of Parliament.

Д. Компресія — творення складних слів на базі словосполук і пропозицій в результаті зниження рівня компонентів початкової словосполуки або пропозиції.

Do it your self – on the do-it-your-self principle;

Stay slim – a stay-slim diet;

A performance given out of town – an out-of-town performance.

До компресії призводять:

1) Синтаксичний зсув словосполуки або пропозиції (без зміни або із зміною їх компонентного складу) — порушення норм зв'язку слів у пропозиції або словосполуці, що веде до втрати компонентами словосполуки синтаксичної самостійності.

To take off – a take off, a drawback, a comeback;

A flight test – to flighttest, to roadtest, to headline;

End of term – end of term examinations, heart to heart – a heart-to-heart talk;

A hook and eye – to hook and eye;

Cat and dog – a cat and dog life.

Компресиви — характерна особливість сучасної англійської мови. Їх функціонування обмежене. Більшість із них є індивідуальними авторськими утвореннями і використовуються для додання мові новизни і образності.

2) Порушення рівневої однопорядковості внаслідок приєднання до словосполуки або пропозиції словотворчого і / або формоутворювального афікса.

Порушення рівневої однопорядковості — це приєднання до словосполуки або пропозиції одиниці нижчого рівня — морфеми (дериваційного або реляційного афікса).

*Dark hair – a dark-hair**ed** girl;*

*One side – one sid**ed** approach;*

*Do it yourself – a do-it-yourself**er.***

Е. Основоскладання — творення складних слів з'єднанням основ або основи і цілого слова (що набуває в останньому випадку рангу морфеми і розглядуваного теж як основа).

Різновидами основоскладання є поєднання основ повних і усічених. Шляхом складання повних основ утворюються повноосновні складні слова; складанням усічених основ — складні абревіатури (складноскорочені слова).

Складанням повних основ у сучасній англійській мові утворюються головним чином прикметники:

World-famous, week-long, air-sick;

Dark-brown, light-green;

Radio-transmitted, flood-affected, nuclear-powered, Oxford-educated.

Ж. Уособлення значення — виділення слова в одному із значень у самостійну словарну одиницю. Уособлення значення відбувається за умови зникнення семантичного зв'язку між похідним і твірним значенням.

Наприклад, іменник *ton* «тонна» (написання tun, що мало раніше) — значення слова *tun*, що відокремилося «велика діжка».

Уособлення значення – особливе явище, що схоже з останніми способами словотворення лише по кінцевому результату: так само, як при дії останніх способів, при відусобленні значення утворюється нова словникова одиниця.

Другорядні способи словотворення

Подвоєння (reduplication) — *bye-bye, tip-top* (чудовий, першокласний), *shilly-shally* (нерішучість).

Перерозподіл — процес переосмислення морфологічного складу слова, що відбувається в ході історії. Найчастіше відбувається втрата або додавання початкового (n) за рахунок артикля: *An eke name* (назва власна) — *a nick name* (прізвисько).

Приголосну (n) почали вважати такою, що відноситься до прикметника.

Зворотне словотворення

Цей спосіб можна проілюструвати на прикладі слів *beg – beggar*. *He beggar* було утворене від *to beg*, а навпаки: запозичене з французької *beggard* — під впливом і за аналогією з іменниками з суф. *–er*. Другий склад цього слова був сприйнятий як суфікс, і дієслово утворилося шляхом усічення цього суфікса.

Стяжіння, або контамінація (blend) — *hurry* (квапитися) + *bustle* (квапитися) = *hustle*; *shine* (світити) + *glimmer* (мерехтіти) = *shimmer.*

Зовнішній спосіб. Запозичення

Другий спосіб кількісного поповнення словникового складу мови — запозичення слів з інших мов.

Запозичення лексики є наслідком зближення народів на підґрунті економічних, політичних, наукових і культурних зв'язків.

У більшості випадків запозичені слова потрапляють до мови як засіб назви нових речей і вираження раніше невідомих понять. Запозичені слова можуть також з'явитися вторинними найменуваннями вже відомих предметів і явищ.

Це відбувається, якщо запозичене слово якось по-іншому характеризує предмет, якщо воно є загальноприйнятим, інтернаціональним терміном або упроваджується в мову насильницьким (при військовій окупації) способом.

Багатозначні слова зазвичай запозичуються в одному зі своїх значень, об'єм значення при цьому, як правило, звужується.

Велику роль у розвитку словникового складу англійської мови зіграли запозичення з латинської та французької мов. Також деякий вплив на словник англійської мови мали скандинавські мови.

Визначаються такі етапи в запозиченні латинської лексики:

I—V ст. н.е. — римське панування*: kettle, wine, cheese, butter, cheap;*

VI—VII ст. — введення християнства в Англії: *angel, candle, priest, school, church;*

XV—XVI ст. — розвиток культури в епоху Відродження.

Етапи запозичення французької лексики такі:

XI—XV ст. — 1066 р. — нормандське завоювання: французьке панування в країні. Французька мова — державна мова в Англії, в країні існувала двомовність.

Запозичення скандинавської лексики:

IX ст. — скандинавське завоювання, Англія входить складовою до держави датського короля. З скандинавських діалектів до англійської мови увійшли загальновживані слова широкої семантики: *they, their, take, give, call, get, raise, want.*

Вважають, що скандинавський вплив посприяв відпаданню закінчень в англійських словах і зрештою становленню аналітичних конструкцій англійської мови.

Періоди історії англійської мови:

Староанглійський — V—XI ст. (з моменту переселення німецьких племен англосаків та ін. на Британські острови і до

початку інтенсивного впливу французької мови та встановлення в країні двомовності).

Середньоанглійський — XI—XV ст. (до припинення двомовності і утворення національної англійської мови).

Новоанглійський — з XV ст.

• Запозичення лексики може відбуватись усним і писемним шляхом. У разі запозичення усним шляхом слова швидше повністю асимілюються в мові. У разі запозичення писемним шляхом слова довше зберігають свої фонетичні та граматичні особливості.

• Запозичення буває безпосереднє та через мову-посередник. Наприклад, багато запозичень з латинської мови увійшли до англійської з французької. Багато слів з грецької мови потрапили до англійської з латини.

Основні способи запозичення:

- транскрипція;
- транслітерація;
- калькування.

1) **Транскрипція** (фонетичний спосіб) — запозичення словарної одиниці, при якому зберігається її звукова форма. Наприклад: у англ. з фр.: *ballet, bouquet*, з англійської в укр. та рос.: *футбол, трейлер*.

2) **Транслітерація** — спосіб, при якому запозичується вид написання іноземного слова, літери запозичуваного слова замінюються літерами рідної мови. При транслітерації слово читається за правилами рідної мови, пор.:

audio лат. слухати — *audience, audible;*

demos грец. народ — *demography, democracy.*

3) **Калькування** — спосіб запозичення, при якому компоненти запозичуваного слова або словосполуки перекладаються окремо і з'єднуються за зразком іноземного слова або словосполуки.

Методом калькування в англійській мові створено багато слів на базі латинської і французької мов:

masterpiece — фр. шедевр;

blue stocking — фр. вчена жінка;

under consideration – лат. обговорюваний, розглядуваний.

Приклади запозичень:

Латинські*: kettle, wine, cheese, butter, circus, angel, candle, priest, church, school;*

Грецькі: *alphabet, character, psychology, Christmas, sympathy, physics;*

Скандинавські: *take, give, want, get, their, them, they, leg, egg;*

Французькі: уряд: *government, parliament, treaty, majesty;*

- їжа: *peach, lemon, beef, bacon, cream, biscuit;*

- церковні: *baptism, sermon;*

- ігри і розваги: *dance, chess, music, restaurant, pleasure, leisure;*

- література: *romance, poet, literary, story;*

- інші: *treasure, memoirs, bouquet, ballet, fiancée, cartoon, engineer, cigarette, machine.*

І. Якісне поповнення словникового складу — зміна семантичної структури слова.

Багато лінгвістів вважають зміну значення слів і появу у слів нових значень одним із способів творення нових слів.

Виділяють наступні типи семантичних змін:

- розширення значення (генералізує);
- звуження значення (спеціалізація);
- перенесення найменування: метафора і метонімія;
- деградація (погіршення) і елівація (поліпшення) значення.

1) **Розширення значення** — зміна значення, в результаті якого слово, що називало предмети одного вигляду, поширюється як найменування на усі види даного роду, тобто стає найменуванням відповідного роду. Пор.:

to help: лікувати, зціляти — допомагати;

stock: запас дров — запас будь-яких товарів дров.

2) **Звуження значення** — зміна значення, в результаті якого слово, що називало предмети певного роду, закріплюється як найменування лише за одним з видів даного роду. Наприклад, раніше слово “*пиво*” позначало *напій* взагалі. Тепер в результаті звуження значення слова “*пиво*” позначає цілком певний слабоалкогольний напій.

to starve: померти — померти з голоду;

wife: жінка — дружина;

deer: тварина — олень;

affection: які-небудь емоції, відчуття — любов, прихильність.

3) **Метафора** — це перенесення найменування на предмети іншого роду або вигляду за схожістю другорядних ознак (колір, форма, розмір, внутрішні якості та ін.). Пор.:

the tongues of flame;
the tongue of a bell;
the foot of a page;
the foot of a mountain;
a fox — хитра людина.

4) **Метонімія** — це перенесення найменування на предмети іншого роду або вигляду через реальний зв'язок, що існує між предметами. Наприклад:

iron: залізо — праска;
glass: скло — стакан;
the foot: нога — піхота;
coin: клин для чеканки монет — монета.

5) **Деградація** — процес зміни значення, коли властивий тому або іншому слову негативний емоційний відтінок настільки посилюється, що поглинає інші значення і стає центральним, пор.:

Imp — (раніше) «молодий паросток рослини» — (пізніше) «дитина» — (зараз) «зла істота, бісеня»;

gay — «веселий, живий» — «гомосексуаліст».

6) **Еліовація** — процес з посиленням позитивної емоційної оцінки:

knight — «слуга» — «лицар» — «смілива порядна людина»

• «Зміна значення» — як процеси, які призводить до збагачення слів новими значеннями і до розвитку багатозначності, тобто полісемії, так і процеси, що ведуть до заміни старого значення новим так, що слово, набувши нового значення, багатозначним від цього не стає, а число слів в словниковому складі мови не збільшується.

Висновки

Аналіз досліджень питань омонімії сучасної англійської мови, різних підходів до її класифікації дозволяє пізнати особливості

омонімічних термінів як основної складової терміносистем науково-технічної літератури.

Можна стверджувати, що уява про омонімію у якості безсистемної, неорганізованої сукупності ніяким чином не пов'язаних між собою мовленнєвих одиниць, є невірною. В омоніміці сучасної англійської мови простежуються істотні системні зв'язки, які на різних її рівнях мають різний характер.

Усі загальнонаукові слова регулярно виступають як одиниці перекладу і вимагають вибору відповідних перекладацьких еквівалентів. Перекладацькі еквіваленти загальнонаукових слів специфічні, багато з них не зареєстровані ані взагальних, ані в термінологічних перекладних словниках. Регулярні загальнонаукові перекладні еквіваленти відтворюють реальні значення загальнонаукових слів. Якісна специфіка загальнонаукової лексики виражається як у появі нових значень, так і в рекомбінації значень у функціонуючій смисловій структурі загальнонаукових слів. Реєструються випадки повної зміни набору значень слова і часткової зміни.

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОСВЕЩЕНИЕ МЕЖДОМЕТИЯ В ДИАХРОНИИ И СИНХРОНИИ

Лю Фейхун, Панченко Е. И., Шепель Ю. А.

1. Словарная статья как матрица[1] толкования русского междометия

Неоднозначное толкование статуса междометий в теории языкознания отразилось и в лексикографической репрезентации этих единиц. В словарях наблюдается смешение звукоподражательных слов и непроизводных междометий. Этнокультурными особенностями ряда междометий также является их гендерно-возрастная специализация, которая пока не нашла отражения в словаре.

Лексикографические исследования последних десятилетий поставили перед лингвистами принципиально новые задачи. Современный словарь задумывается не только как справочное пособие, способствующее пониманию некоторого текста, но и как источник сведений, необходимых для построения текста. Такой словарь активного типа предполагает значительно больший объем сведений, нежели тот, который традиционно включался в словарь-справочник. Активный словарь, ориентированный на синтез текста, должен стать одним из двух равноправных компонентов целостного лингвистического описания; другим таким компонентом является грамматика. Его словарная статья предлагает пользователю по возможности максимально полный набор информации, необходимой для правильного употребления данного слова: сведения о значении и синтаксическом поведении слова, о его коммуникативных и прагматических свойствах, просодические характеристики и многое другое.

[1] **Матрица** (лат. *matrix* — «первопричина»):Матрица (искусство и техника) — образец, модель, штамп, шаблон, форма, инструмент в серийном производстве объектов искусства и техники.

Создатели таких словарей, как Толково-комбинаторный словарь (ТКС 1984) и Интегральный словарь (Семиотика и информатика 1991) предложили образцы словарных статей отдельных русских глаголов, существительных, прилагательных, наречий, предлогов, частиц и союзов. Практически единственный представительный класс слов, оставшийся не охваченным в лексикографических описаниях нового типа, —междометия. Таким образом, разработка принципов лексикографического описания междометий, отбор параметров, релевантных для словарного представления слов этого класса, остается одной из наиболее актуальных задач современной лексикографии. Междометия остались за пределами внимания не только лексикографии — это вообще одна из наименее исследованных областей языка. Это обстоятельство вполне объяснимо: широко используемый в современной лингвистике подход к описанию семантики слов основан на идеях и методах, разрабатываемых в логике. Однако, как отмечают лингвисты, исследующие модальные частицы, «концептуальный аппарат, разработанный для описания логических частиц — метаязыки, основанные на исчислении предикатов и оперирующие теоретико-множественными концептами — оказываются мало эффективными при описании частиц, не участвующих или почти не участвующих в формировании логической структуры предложения (аналогичные трудности возникают с междометиями)» [1, с. 46].

Существующие в русистике исследования междометий в основном носят довольно общий характер. Их цель, как правило, — описать те или иные особенности самой системы междометий. Между тем исследование типологических свойств междометий должно опираться на подробное лексикографическое описание отдельных слов.

Для определения оптимального наполнения словарной статьи, толкующей междометие, обратимся к некоторым общетеоретическим положениям лексикографии.

Определение или толкование значений слов — главная цель составления словарей, прямой объект лексикографии. Лексикографию можно считать одним из древнейших видов прикладной лингвистической деятельности. Результатами этой деятельности пользуется практически каждый грамотный человек.

В задачи лексикографии входит не только исследование семантического содержания слов в связи с разработкой словарных статей, но также участие в языковом мышлении как общественном процессе, состоящем в поисках максимальной ясности и простоты как в разделении значений слов на рубрики, так и в способах интерпретации этих значений в определениях.

Лексикографический труд является свидетелем определенного уровня цивилизации народа, он фиксирует состояние и уровень производства и производственных отношений в обществе, развитие философской, политической, религиозной, научно-технической мысли этноса – носителя описываемого в словаре языка.

Словарь в обществе играет важную роль авторитетного советчика для пользователей, является своего рода социальным институтом, регламентирующим словоупотребление и даже в принципе жизнь языка в рамках определенной нормы. Для среднего носителя языка словарное произведение представляется надежным гидом в различных областях общественного знания. Ответы лексикографа (носителя коллективного знания) воспринимаются как более или менее обязательные предписания для читателей словаря, поскольку словарь предназначен для того, чтобы устранить расхождение между индивидуальным знанием и знанием всего коллектива.

Общепринятая точка зрения на словарь заключается в том, что словарь является описанием всего того, что есть в языке. Задача лексикографа – собрать и сгруппировать каким-то образом все слова, хорошие или плохие, нравятся они ему или нет, так как он историк языка, а не его критик. Таким образом, роль лексикографа должна сводиться, прежде всего, к объективному и беспристрастному собиранию фактов языка, а лексикография перестала бы быть одним из искусств, вернее сказать, превратилась бы в одну из областей науки о языке, то есть приобрела бы действительно научный характер. Задача лексикографа состоит в том, чтобы показать те значения, в которых слова употребляются в языке, а не приводить мнение редакторов словаря относительно того, каковы должны быть эти значения.

Толковый словарь должен быть регистрирующим, то есть должен описывать действительно существующие в настоящий

момент в данном языковом коллективе языковые факты и на основе их объективного анализа делать соответствующие обобщения.

Рекомендации и оценки, предлагаемые в словаре, должны носить объективный характер и опираться не на показания предшествующих словарей, а на материалы языковой действительности.

Вопрос формирования словника занимает отдельное место в теоретической лексикографии. Известно, что наиболее полные списки слов современных языков, развитых в научном, техническом и политическом отношении, насчитывают сотни тысяч единиц. Однако и эти списки нельзя считать исчерпывающими.

Лексикографы признают, что объективных критериев для отбора лексики в словник в современной лексикографии нет. Иногда в качестве относительно надежного критерия предлагают такую характеристику лексем, как частотность. Однако здесь есть два опасных момента: во-первых, уровень современной лингвистической статистики не может обеспечить достаточный уровень достоверности. Во-вторых, используя только эту величину, мы рискуем упустить из виду значительный слой лексики, который ощущается нами как «не очень редкие слова». Необходимо помнить, что частотная характеристика слова, даже если она установлена с достаточно высокой точностью, далеко не всегда совпадает с «частотой референта», т.е. она не обязательно точно соотнесена с важностью слова для общения людей данного языкового коллектива.

Задача словаря не сводится только к возможно полному отражению запаса слов современного языка. Правильное его истолкование, показ места слов в лексической системе языка, особенностей, условий их употребления есть не менее важная и не менее трудная часть всякой словарной работы. Очень хорошо о важности правильного и полного истолкования семантики слов в словаре говорил В. Дорошевский, подчеркивая, что основная «объективная» задача лексикографии заключается в объяснении, «что значат слова, в чем состоит эта orationis et vitae societas, т.е. связь слов с жизнью, составляющая самую их сущность. Ясное осознание содержания слов – это форма овладения ими и одновременно ситуациями, в которых употребляются слова как

орудия мышления и деятельности. Формирование рационального отношения к словам и к жизни – высокая цель теоретической работы над познанием языка и общественно-практической работы над его культурой» [2, с. 207 – 208].

Ю. Д. Апресян отмечает, что современный «словарь – это моментальный снимок обновляющегося и находящегося в движении языка» [3, с. 8]. Именно в нем взаимодействует статика и динамика языка, синхрония и диахрония.

Любая словарная статья в толковом словаре решает, по крайней мере, две задачи, которые направлены на разных адресатов: одна – для тех, кто ищет информацию в самом слове; другая – для тех, кого интересует типология словесного окружения.

Чаще всего в словаре комментируется семантическая структура слов, т.е. словам в словаре сопоставляются толкования их значений и контексты употребления, но возможны и другие типы комментариев. Рассмотрим следующий пример.

АУ. *1. межд. Восклицание, которым перекликаются в лесу, чтобы не потерять друг друга. 2. в знач. сказ. Кончено, пропало (разг.). Теперь-то уж ау, не догонишь его!*

Помимо слов объектами словарного описания могут выступать более мелкие единицы языковой системы – это, как правило, морфемы. Также в словарях могут быть описаны и единицы, более крупные, чем слово, в частности, словосочетания различных типов. Существуют также словари, в которых специальные комментарии при каждой единице словарного описания отсутствуют (например, орфографические и орфоэпические словари).

Перед толковыми словарями всегда ставилась задача систематизации и классификации лексических явлений, причем «систематизация» явлений в этих словарях имеет самые различные основания: с одной стороны, это формальные приемы, облегчающие пользование словарем, например, расположение материала в алфавитном порядке, некоторые структурные особенности словарных статей и т.д.; с другой, — разные виды и типы описания, обусловленные различными связями, отношениями лексики в её живом употреблении, которые должны раскрыть читателю особенности лексического состава.

Наиболее важной композиционной частью словарной статьи, основным компонентом в структуре её текста является дефиниция. Лексикографы все чаще ставят вопрос о необходимости изучения формы, конструкции, синтаксиса словарной дефиниции, а главное — структурно-семантических отношений между главным словом и его дефиницией. Определение как структурная составляющая языка описания состоит из двух частей: левой (определяемой) и правой (определяющей), между которыми — в идеале — стоит знак равенства. Но определения могут быть различного характера не только по своему способу, но и по своей направленности, то есть комбинация отобранных абстрактных свойств предмета (при правильном замещении позиций) в правой части должна составлять указательный минимум, позволяющий «опознать» предмет, означенный определяемым.

Иногда интерпретируют структуру словарной статьи, указывая при этом на связь последней с микроструктурой словаря и называя словарную статью «уравнением» между объясняющим и объясняемым (А. А. Арутюнова).

Выделяют следующие типы определений по основаниям, на которых они построены, и по их назначению: одни типы определений построены на основании интерпретации знака в другом знаке, т.е. строго лингвистическим путем (деривационные, синонимические, а главное – идентифицирующие), другие — соотносят знак с внеязыковой действительностью и нашим знанием о ней (несколько типов логических определений), третьи — ориентируют его в системе принятых словарем способов описания (множество отсылочных и формально-грамматических определений), четвертые — представляют собою многочисленные комбинации, образованные из вышеназванных трех.

Наиболее научно обоснованной и отражающей положение дел в той части словарного состава, где нет прямого раскрытия содержания, на наш взгляд, является классификация Д. И. Арбатского, включающая в себя отсылочные определения, синонимические определения и перечисления [4, с.180 – 186].

Лексикографам хорошо известно, что главная трудность связана с определениями лексических значений тех классов слов, где семантические составляющие не мотивированы материальной

структурой, и потому такие слова требуют иных методов анализа, ориентированных на другие, не словообразовательные связи. Такие слова составляют основную часть словника. Для ее описания словарями применяются аналитические определения: идентифицирующие и логические.

Логические определения (дефиниции) являются весьма важным и очень широко применяемым способом раскрытия значений слов и терминов в словарях как энциклопедических, так и филологических.

А. М. Бабкин в работе, посвященной лексикографической разработке русской фразеологии, выделяет следующие общие требования, предъявляемые к словарным определениям значений: «…определения должны быть точны, отчетливы и лаконичны; их следует формулировать, избегая излишне тяжелых конструкций и канцелярских речевых оборотов. При формулировании определений следует избегать идиоматических речевых оборотов» [5, с. 38].

Словарная дефиниция и толкование не синонимы. Словарная дефиниция – составная часть толкования, которая представляет собой краткое определение однозначной вокабулы или значения многозначной вокабулы в словаре, которое достигается лексикографом при помощи специально подобранного и организованного в определенной системе лексического материала. Словарными дефинициями предлагается считать не только описательные определения, но и определения с привлечением синонимов и антонимов. Словарная дефиниция дает краткую характеристику значения по нескольким самым существенным признакам. Для дальнейшего, более полного раскрытия значения используются иллюстративный материал и соответствующие пометы как составная часть толкования. Стилистические пометы совершенно справедливо относят к элементам толкования, поскольку стилистическая характеристика является одним из компонентов значения слова. В то же время такие разновидности помет, как фонетические (в некоторых иноязычных словарях), грамматические (при наличии лексической словарной дефиниции), пометы об архаизмах, хронологические, этимологические пометы можно вынести за пределы толкования, поскольку в современном языке они

лишь косвенно связаны с лексическим значением слова, отражая иные стороны этого языка.

Суммируя вышеизложенное, можно представить объем понятия *толкование вокабулы* в виде следующей сложной структуры:

а) основная семантическая характеристика вокабулы (словарные дефиниции для ее значений);

б) иллюстративный материал (авторские речения, цитаты, поясняющие парафразы, рисунки);

в) добавочная семантико-функциональная характеристика (система лексико-стилистических помет);

г) грамматико-функциональные пометы, иногда выступающие в роли словарной дефиниции.

Применительно к междометиям, подчеркнем, что их лексикографическое описание предлагается формировать на основании трех основных семантических компонентов: имени междометия, наименования эмоции и указания на типовой стимул, мотивирующий симптоматическую реакцию. В частных случаях в толкование вводятся дополнительные компоненты. Междометия национально специфичны, а стоящие за ними эмоции или побуждения, напрямую связанные с тем или иным эмоциональным состоянием, до определенной степени универсальны.

Одним из наиболее сложных вопросов многокомпонентного анализа междометия является определение его семантического содержания, которое непосредственно связано с эмоциональным или волеизъявительным поведением человека в конкретной речевой ситуации. Сложность определения семантики междометий обусловлена наличием в любом языке однозначных и многозначных (диффузных) междометий. «Междометия с семантически диффузными функциями передают общее состояние возбуждения, и потому могут использоваться для выражения разнородных душевных состояний… С опорой на содержание и общую эмоциональную окрашенность речи одно и то же междометие может выражать одобрение и порицание, испуг и радость, восхищение и презрение, страх и решимость. В сужении и уточнении семантики таких междометий велика роль интонации, мимики, жеста» [6, с. 290].

Очень важно, что междометия отличаются от других частей речи как по своим внешним грамматическим признакам и функции в

речи, так и по фонетической характеристике. С. Карцевский указывал: «…звуковая структура междометий не подчиняется полностью закономерностям фонологической системы. …междометия принадлежат не концептуальному плану… То, что называют «фонологической системой», управляет звуковой структурой концептуальных семиологических планов и, в первую очередь, звуковой структурой слов, организованных в части речи. Но ее воздействие практически не распространяется на неконцептуальный план, к которому принадлежат междометия» [7, с. 129].

Своеобразие звукового состава междометий подтверждается многочисленными примерами. Так, в русской устной речи функционируют непроизводные междометия, адекватное графическое обозначение которых не представляется возможным, ввиду их необычного звукового состава. Причиной вариативности, наблюдающейся на письме, является специфичность звуковой системы междометий, имеющей в своем составе звуки, не характерные для фонетического состава языка в целом, так как «междометие не всегда подчиняется фонетическим законам и заключает в себе часто фонемы, принадлежащие только ему…» [8, с. 114]. Известно, что междометия в устной речи характеризуются большей вариативностью, чем в письменной форме речи, как в плане содержания, так и в плане выражения. Кроме того, в устной речи широкое употребление имеют интерьективизмы, произносимые с закрытым ртом, которые не отражены в словарях, ввиду сложности их лексикографической репрезентации и отсутствия для них адекватного графического обозначения. Для полного описания семантики этих междометий важна информация о произношении, мимике, жестах, интонации, так как «интонационные, фонетические особенности междометий, их аффективная окраска, их моторно-мимическое и жестовое сопровождение составляют чрезвычайно важную сторону их смыслового строя» [9, с. 584]. Междометия, графически передаваемые как «м-м-м», «гм», «угу», произносятся с закрытым ртом, с сильно редуцированным гласным звуком. В зависимости от интонации, высоты тона, мимики, жестов, данные междометий способны выражать самые разнообразные значения.

Актуальные для современного языка междометия строятся на четырех гласных звуках: *а, о,* у, э (и, по-видимому, можно считать уже утраченным формантом). Как уже отмечалось, наиболее регулярными являются следующие структуры первичных междометий: чистый гласный (междометия *а, о,* у, э), гласный + *х (ах, ох, ух, эх),* гласный + *j (ой, ой, эй),* повторенный гласный со звонким щелевым или смычным заднеязычным согласным в середине (ага, *ого, угу, эге).* Все это необходимо учитывать при лексикографировании интерьективов.

В лингвистической литературе подчеркивается, что традиционная система представления интерьекционных единиц в словарях не способна в полном масштабе отразить семантику междометия. Словарная статья междометия в одноязычных словарях, как правило, содержит неполный перечень эмоций, передаваемых данной интерьекционной единицей, и примеры. При этом нередко различные, даже противоположные эмоции не разграничиваются, а примеры приводятся не ко всем названным значениям, иногда без достаточного контекста для понимания семантики междометия и дополнительных пояснений. Словарное представление интерьекционных единиц требует значительного расширения помещаемых в статью сведений. Лексикографическое толкование междометия должно включать в себя как адекватное семантическое описание, так и сведения о звуковых вариантах интерьективизма, его стилистическом употреблении, способах графического изображения, произношения. Желательна информация о мимике, жестах, которыми сопровождается то или иное междометие. Для этого необходимо создание специального словаря междометий. Существующие современные электронные словари дают возможности показать фонетические особенности междометий.

Вариативность в практике написания междометных выражений касается прежде всего наличия или отсутствия запятой. Указанные справочники не рекомендуют ставить запятую в цельных сочетаниях, в составе которых имеются междометия (*эх вы, эх ты, о нет* и др.).

Известно, что важнейшими помощниками переводчика являются двуязычные словари, однако не всегда словарные соответствия могут быть использованы в качестве готовых

«универсалий» для передачи междометий на язык перевода, так как семантическое содержание того или иного интеръектива может варьироваться в зависимости от определенной речевой ситуации. Представление в словаре однозначного варианта перевода необъективно, так как междометие обладает огромной семантико-прагматической вариативностью.

Отчетливое осознание типа реакции, вокального жеста, стоящего за тем или иным употреблением междометия, позволяет более адекватно описывать междометия, рассматриваемые как многозначные и омонимичные единицы словаря. Структура экспериментальной словарной статьи в словаре междометий включает несколько зон, отражающих как релевантные характеристики симптоматической ситуации, в которой используется вокальный жест, так и способы передачи вокального жеста на письме.

В словарной статье предлагаются следующие зоны:

- зона толкования: вводится после номера значения;
- зона жестово-мимического сопровождения: вводится после знака **||;**
- зона иллюстраций: вводится после знака ▼;
- зона вариативных написаний передаваемого вокального жеста: вводится после знака **VAR**;
- зона синонимов: вводится после знака **SIN.**

Словарь содержит около 1000 междометий, релятивов, звукоподражательных слов русского языка с их толкованиями, переводами и иллюстративными цитатами из художественной литературы. Предназначен он для переводчиков художественных и публицистических текстов, для специалистов в области английского языка.

Выводы. Междометие представляет собой уникальную группу слов, которая, являясь количественно ограниченной в любом языке, тем не менее привлекала и привлекает внимание многих лингвистов. Специфические семантико-коммуникативные черты междометий, их морфологическая и синтаксическая обособленность от других слов по-прежнему не позволяют решить окончательно вопрос об их частеречной принадлежности.

Начиная с античных грамматик и до современности лингвисты продолжают спорить по таким основополагающим проблемам, как

- лингвистический статус междометия;
- классификация междометий;
- критерии включенности в данную группу слов тех или иных лексических единиц.

Проанализировав труды ученых, изучавших междометия (Н. И. Греч, А. Х. Востоков, А. М. Пешковский, А. А. Потебня, Д. Н. Овсянико-Куликовский, А. И. Германович, А. И. Алатырев, И. Шаронов, Н. Добрушина и мн. др.), мы присоединяемся к той точке зрения, что междометия — это особый разряд слов, не относящийся ни к знаменательным, ни к служебным частям речи. Они не имеют возможностей словоизменения и выражают эмоции, не называя их.

Среди основных типов междометий с точки зрения семантики, на наш взгляд, необходимо назвать такие:

1) эмоциональные (эмоционального состояния и эмоционально-оценочные);
2) когнитивные (узнавания, понимания и модально-логической оценки);
3) императивные (апеллятивно-контактирующие и апеллятивно-побудительные);
4) вокативные (прямого контакта и дистанционного контакта);
5) фатические;
6) поэтические.

Вслед за рядом ученых (Л. Карпов и др.), мы не рассматриваем в качестве междометий звукоподражательные слова, поскольку они не выражают ни эмоций, ни императивов.

Как показывает анализ лингвистической литературы, проблема лексикографирования междометий еще не получила всестороннего освещения. Несомненно, при представлении междометия в словарях необходимо учитывать перечисленные выше семантико-функциональные особенности междометий.

Литература

1. Баранов А.Н., Кобозева И.М. Модальные частицы в ответах на вопрос / А. Н. Баранов, И. М. Кобозева // Прагматика и проблемы интенсиональности. - М., 1988. – С. 45-69.

2. Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики / В. Дорошевский. – Москва : Прогресс, 1973 . – 285 с.
3. Апресян Ю. Д. Лексикографическая концепция Нового Большого англо-русского словаря / Ю. Д. Апресян // НБАРС. - Т. 1. - М.: Русский язык, 1993. - С. 6 - 17.
4. Арбатский Д. И. Основные способы толкования значений слова/ Д. И. Арбатский // Русский язык в школе.- 1970.- №3. – С. 26-31
5. Бабкин А. М. Лексикографическая разработка русской фразеологии / А. М. Бабкин. - М.; Л.: Наука, 1964 - 76 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь. - М.,1990. – 986 с.
7. Карцевский С. Введение в изучение междометий / С. Карцевский // Вопросы языкознания. - 1984. - №6. - С. 127—137.
8. Вандриес Ж. Язык: Лингвистическое введение в историю : Пер. с фр. / Ж. Вандриес ; Под ред. и с предисл. Р. О. Шор; Примеч. П. С. Кузнецова. — **М.** : Соцэкгиз, 1937. – 410 с.
9. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. - М., 1972. – 784 с.

NOTION OF THE RESPONSIVE SENTENCE (Types of the responsive sentences in the English language)

Suima I. P.

Communication as a linguistic phenomenon was dealt with in different aspects in a wide range of scientific researches connected with the structure and semantics of dialogue parts, speech act theory, question-answer unity etc. According to the linguists, the conversation is considered to be successful in case of existence of the utterance (interrogative, declarative or imperative) and the verbal answer\reaction to it [2;3;4;5;6;8;9;10]. So, there are two sides of the communication: intention – plans, ideas, purpose or aim of the speaker; the act of determining mentally upon some action or result, and the verbal reaction to the utterance, realized with particular intention.

Verbal stimulus of one speaker and verbal reaction of the other conversation partner are represented as two main parts of the process of

communication. According to the dictionary, stimulus is any impact on the organism, greatly changing his behavior. In linguistics stimulus had been investigated by behaviorists and found its development in the scientific paper by L. Bloomfield "The Language" [33]. The verbal stimulus can be presented as interrogative, imperative or declarative sentence. All above-mentioned types of the expressions can be followed with verbal reaction: *Do you know that I want to complain about one of your sales staff? – What happened?; Tell me, who was at fault? – Well, if you want me to take this seriously; She will be transferred to another department. – The job here is too difficult for her* [32].

Despite the great amount of scientific papers dealing with the problem of sentences classification according to the purpose of communication, nowadays the mentioned question is still among the most controversial and unexplored ones. The majority of various reference books or English Grammars offer the reader two variants of such a typology: 1) declarative, interrogative and imperative sentences [21;22;23]; 2) declarative, interrogative, imperative and exclamative sentences [25]. Nevertheless, in parallel with above-mentioned, traditional, generally accepted types of sentences by the aim of communication, linguists introduce the other ones, which are added to the traditional terms or substituted them. For example, optative sentences [45], conditional sentences [46] etc.

The sentences with the communicative intention "answer or reaction to the question" firstly were marked as separate class of speech units according to the purpose of communication in the article of I. I. Menshikov and are called "responsives or responsive sentences" [19; p.89]. The term "responsive" is not new in linguistics. Several decades before, Charles Fries identified the following types of sentences: "situation utterance" (eliciting a response) and 'response-utterances". Situation utterances are subdivided into 3 groups: 1) utterances that are regularly followed by oral responses only. These are greetings, calls, questions. (Hello, goodbye, see you soon). 2) Utterances eliciting action responsing. These are requests or commands (come up to me). 3) utterances regularly eliciting conventional signals of attention to continue discourse. (I've been taking to him. –Yes.) [39; p. 116-117] Under the term "responsive" David G. Lockwood, Peter Howard Fries, James E. Copeland understood such structures as "They are, we are, I am, he\she is" etc. [40; p.112-116]. If

they are used as answers to the question. Jones Bob Morris appealed to the term “responsive” while describing “yes-no words and their equivalents” [9]. But, if consider the notion “responsive” itself, it can be supposed that it is much broader then *yes-no words* or phrase *I am, You are* etc. According to the dictionary, the word “response” means:

1. something said or done in answer; reply or reaction
2. *Eccles.*
   2.1. a word or words used in replying to or affirming a prayer, reading, or exhortation
   2.2. responsory
3. *Electronics* the ratio of the output to the input, as for a given frequency, of a device or system operating under specified conditions
4. *Physiol., Psychol*. any biological reaction or behavior resulting from the application of a stimulus [47;48]

As it can be seen from the proposed definition, the term “responsive” or responsive sentence” includes *any* verbal reaction to *any* statement or question: *Would you like a cup of tea or coffee, while you are waiting? – I would like coffee!; How was your trip? – Fantastic.; Look for your suitcase under the car! – Why should I look for it under the car! I have put the suitcase in the luggage rack!; Everything's closed. – I have seen closed shops, bars and offices. Did you order the pizza? – He did. Are you having a good time? – Are we ever*., etc.

Responsive sentences as special and peculiar communicative units have their characteristic differential features and their typology. As follows from the scientific research of I. I. Menshikov, they firstly can be divided into two groups: contented and empty responsives [19; p. 98], while contented responsive sentences were considered as those, answering the question directly, giving the necessary information to the questioner and satisfying the person, who asks the question or mentions some facts (*Can you advise me some flights if it is nothing to Chicago? – There's nothing to Chicago, New York, Nashville; Are we going to take another train? – We are going to take a train, if it will not be possible to take a car; I think she sings funny – She sings funny and her dancing's not all that great either*) and empty ones vice versa: is used for avoiding answering the question or providing a conversation partner with the information he\she needs (*Will you answer my questions? – I have no time!; What's the matter with you? –*

Don't you start speaking with me now; What do you think, how long will we fly? – Stop talking!).

As it is stated in the Linguistic encyclopedic dictionary, the answer, as well as the other types of statements (question, command, a spell oath, the statement of addressing to, the order, request), was also described as a separate unit of speech with peculiar communicative task even by ancient philosophers [17, p. 445].

The nation "answering sentence" is found in the Dictionary of linguistic terms by E. Ahmanova in the dictionary entry to the term "answer" [1, c. 668]. However, the notion "responsive sentence" is more relevant for identification of the speech units with the communicative task "verbal reaction to the any type of expression" (from English *response – ответ, отклик, реакция, ответное чувство*). By the Oxford Explanatory dictionary of English, the word «*response*» is explained as "verbal or written answer, reaction to something" [48], so the responsive itself represents not only the answer to the utterance, but the reaction to it.

From our point of view, the term "responsive sentence" can be implemented not only for question-response system, but also may be used for the nomination of syntactic unit used as a reaction on any expression: interrogative (*And where have you been ? - Nowhere. Can you help me? I'm on the phone*), declarative (*There's no way we'll make this plane. It leaves in 45 minutes. Think positive! He thinks I'm guilty. That's not what's important*) and imperative (*Get upstairs now. Why? Do it! Why me?*) [3].

Responsive sentences within the "question-answer system"

It was made an attempt to classify the responsive sentences according to their structural, semantic peculiarities and lexical unite they include. The typology was made on the material of the Russian language [4, p. 98-100]. As for English, to our mind, some other types can be added. First of all the constructions under analysis can be divided into three main classes: contented responsive – a verbal reaction to the utterance, which satisfies the person who asks something, the answer\reaction, containing the needed information and representing by itself the data necessary for the conversation partner. The communicative units, belonging to this type of

responsives, can be characterized with different lexical content and structural peculiar features: *What time is it? – Seven o'clock; Had your breakfast? – No* etc. empty responsive sentences – a verbal reaction, which is unsatisfied for the conversation partner and gives no information he\she asked for. Such type of responsives is usually present when the speaker does not want to give any answer, tries to avoid inconvenient question or even make the asking person answer his\her question by himself\herself: *What could you do? – Sometimes one thing, sometimes another!; Are you going in now? – That depends upon whether you have anything to show me; What is your business, sir? – I am a professional!* To the speech units, belonging to the empty responsives, it is possible to include means of communicative sabotage, attempts to manipulate with the information received from the content of the question or statement itself etc: *Have you got a room to let? – Is it for yourself you ask?; What building is that? – That belongs to me friend!*

Sometimes the empty responsive sentences under review may show the uncertainty of the reacting\answering person in some facts and, simultaneously, pursue the speaker to prove something to his\her conversation partner: *You know I am your real friend! – Do you?; She knows everything about computer software! – Does she?; My sister can bake the best cakes all over the world! – Does she?* [3]. Considering the first situation, it is possible to mark that the answering\reacting person wants to hear some words proving friendly relations of the speaker and, depending on the situation, proving these words by doing some actions, for instance, *if you really my friend, you will borrow me money, pick me up to my work, help me do any task* etc. so the speaker has no possibilities to reject the request of his\her conversation partner. So, the implementation of such a responsive sentence in the conversation will help the reacting person to hide the fact of manipulation. The same with the next example: while introducing the responsive construction "*Does she*" the reacting or answering person make a speaker to prove his\her words about his\her sister and, apparently, the next phrase, which the speaker is made to say, will be something like this "*Really, if you have questions concerning this topic or if you have problems with your computer you can address her*" etc. So, by means of these responsive sentences the reacting\answering person can avoid direct asking speaker's sister help. In the third case (*My sister can bake the best cakes all over the world! – Does she?*) the

responsive construction can be implemented for several purposes, such as for asking speaker's sister to give the receipt of the cakes or for being welcoming for eating of these cakes, and, continuing the conversation, the reacting person tries to make the speaker to say something the reacting person wants to hear.

Communicative constructions, including the positive or negative answer are considered within a lot of typologies of answers. In the given article, dealing with the peculiarities of the responsive sentences in the English language, such constructions are referred to as formal responsive sentences. The formal responsive is the simplest but at the same time one of the most interesting types of the responsive sentences.

The formal responsive is communicatively meaningful in case the question does not include the direct speech unit, for example, question word, which requires to extend the lexical content of the answer: *«Is the runway still blocked?»* - ***«Yes»***; *«Have you got any friends there?»* - ***«No.»*** [31]

In the proposed examples with the help of the responsive sentence the participant of the communication gives only positive or negative answer, but adds nothing and gives no comments. But there is another type of the formal responsive sentences that are accompanied with some modal words or even with the information. Very often besides words *Yes, No* formal responsive sentences include the other lexical units because of linguistic or even extralinguistic reasons, for example, grammatical peculiarities of the language, etc.

In the written speech as well as in the oral one, we can find the so called "mixed" responsive sentences that consist of the elements of different subtypes of the responsive sentences including the formal ones.

The formal responsive sentences include also the following lexemes: *Ok, Certainly, Undoubtedly, good, very well, indeed, I'm for it, I don't mind, I am not against it, of course, that is not true, no go, by no means, I object to that* etc., that the same as words *Yes, No* show the agree or disagree of the speaker. The formal responsive sentences first of all contain the meaning of the positive or negative answer, and exist in the dialogical language as its integral part.

The verbal reaction to any kind of the utterance, not only to the question, can be very different: from one word, expressing the agreement or disagreement of the answering person, confirmation or objection of a

fact, emotional condition of the speaker etc.: *"Close the window, please! It's too cold – Ok.", "Promise you will never be late for the supper! – Yes, Yes", "I hope they accept here a two-dollar bill? – No, only exact change", "You can leave her a massage – No, thanks"* [31] to the very big speech units, where the conversation partner gives all details concerning the subject of the conversation or tries to bewilder the speaker and avoid providing the information needed for the questioner while hiding these intentions with the help of giving a lot of unnecessary facts: *"Tell me please your opinion concerning the newscast this morning? – Have they said something important? I heard they started again working on the solving of the international economy problems", "I saw you in the city center yesterday! – What did you do there yesterday? I thought you went on business for this week. Why did you decide to postpone your travel?"* [32] etc.

The responsive sentences, representing the verbal reaction to the interrogative constructions, are the most interesting ones according to their structural, semantic, lexical and contented peculiarities. Verbal response to the message of any type may be dependent on a significant amount of linguistic and extra-linguistic factors. Among linguistic reasons we can primarily include the following:

- The tendency to the linguistic means economy;
- Construction of the original phrase: the use of different linguistic figures; distortion of the grammatical construction of the statements;
- Lexical material of the original phrase: speech units that are used by participants of communication; the use of clichés;
- Accuracy, pace of speech, clarity of pronunciation of the speaker; the correct interpretation of the lexical units of the original sentence;
- Change the speech genre, such as the replacement of communication;
- Style of communication, adequacy of the style of communication situations, etc.

As one of the most important linguistic factors determining the nature of responsive sentences in dialogic speech, the lexical content of the original expression should be noted. Lexical material that is used by speaker largely determines the course of communication and the nature of the response, which will be followed this type of statement. The use of

different speech units – evaluative vocabulary, emotionally-colored, official ones etc. – naturally cause different reactions of the interlocutor.

Linguistic factors together with extralinguistic ones influence the verbal response to the statement or question as well as the whole communication itself. Among the most significant extralinguistic factors in the proposed article are considered the following ones: the emotional condition of the speakers, the relations between speakers, having or not having an intention to answer the question, a wish to give more information, then the speaker asks for, a personality of the individual you ask a question, having or not having information you asks for, a situation itself, an intention to bewilder the speaker, to avoid answering the question and, sometimes, a wish to get even some information from the speaker, lack of time for conversation. The responsive sentences are influenced with the extralinguistic factors as well as with linguistic ones during all stages of communication: establishing contact or introducing an issue for a discussing, continuation of the conversation and its logical development, concluding of the communication, presenting of final arguments, drawing to the conclusion.

Empty responsive itself can be also divided into subtypes: sabotaged, manipulative, expressing emotional reaction, rejection or correction of your own words, clichéd responsive etc.

Manipulative responsive sentences, being diverse and contented ly significant language units, in their turn can be classified the following way: responsive sentence, where part of the whole phrase is actualized (*Have you broken the vase? – Vase?; Wash up the dishes! – Me?; What did you do there yesterday? – Yesterday?*); responsive with the whole actualized phrase (*You will go home tomorrow! – Why?!; I will never work in collaboration with that company! – But why?!; You room will be on the second floor! – What?!*); responsive sentence requiring no additional information (*You bus arrives to the 3-rd platform. – What platform, sorry?; I can help you with new material for your newspaper! – Really?; My address is 56-34 Swinton Street. – Can you repeat, please?*) and responsives intended on gathering an additional information (*I saw you from the window. What did you do there yesterday? – What are you doing here?; Are you tired? – Why do you always ask me so stupid questions?; What are you doing here? – What do you think?*).

The word “manipulate” is defined as “to move, arrange or control something in a skilled manner” [29], so the manipulative responsive sentence is a verbal reaction with the help of which answering person tries to control the conversation and avoid giving a lot of information to the interlocutor while taking some information from the conversation partner. Consequently, such responsive sentences as in the following communicative situations — *I don't like it. — Don't you?;— She doesn't want to go with us. — Doesn't she?* etc. can be treated as sentences related to manipulative responsive. The above-mentioned type of responsive sentences is useful not only as another way of repeating the question for the purpose of specification or précising of the information in the question or statement but also as mean of manipulation of the speaker. For instance, the responsive constructions in the following communicative situations — *The letter has not come. — Hasn't it?; — Mother is not sleeping. — Isn't she?* can be of different meaning and encourage the conversation partner to the concrete actions. So, in the first example, the answering person, depending on the intonation and objective circumstances of the conversation, may express by the responsive sentence his\her surprising with the fact that the letter has not come and the hidden wish to make the speaker to check again the fact of letter receiving or to send another one. The same with the other example: the answering person can show his\her surprising with the fact that mother is not sleeping at such a late time or make a speaker ask her to go to bed or to check is everything all right with her.

In some cases such a responsive construction can pursue the speaker to think over the said words ones again, as, for example, in the following communicative situation: *I will go with you tomorrow! – Will you?; He will do his homework by 5 o’clock today! – Will he?* So, in the first situation, by means of the responsive sentence of the answering person the speaker is made to overview his\her decision to go somewhere because of different reasons: the reacting conversation partners knows that the speaker will be busy at that time or he\she will not be able to go there or someone will not let him\her to go there etc. In the second example the reacting person expresses his\her uncertainty concerning the fact will he be managed to cope with his homework by 5 o’clock and tries to make a speaking person think about his\her words ones again.

Sometimes the responsive sentences under review may show the uncertainty of the reacting\answering person in some facts and, simultaneously, pursue the speaker to prove something to his\her conversation partner: *You know I am your real friend! – Do you?; She knows everything about computer software! – Does she?; My sister can bake the best cakes all over the world! – Does she?*. Considering the first situation, it is possible to mark that the answering\reacting person wants to hear some words proving friendly relations of the speaker and, depending on the situation, proving these words by doing some actions, for instance, *if you really my friend, you will borrow me money, pick me up to my work, help me do any task* etc. so the speaker has no possibilities to reject the request of his\her conversation partner. So, the implementation of such a responsive sentence in the conversation will help the reacting person to hide the fact of manipulation. The same with the next example: while introducing the responsive construction "*Does she*" the reacting or answering person make a speaker to prove his\her words about his\her sister and, apparently, the next phrase, which the speaker is made to say, will be something like this "*Really, if you have questions concerning this topic or if you have problems with your computer you can address her*" etc. So, by means of these responsive sentences the reacting\answering person can avoid direct asking speaker's sister help. In the third case (*My sister can bake the best cakes all over the world! – Does she?*) the responsive construction can be implemented for several purposes, such as for asking speaker's sister to give the receipt of the cakes or for being welcoming for eating of these cakes, and, continuing the conversation, the reacting person tries to make the speaker to say something the reacting person wants to hear.

The responsive sentences of such type can be used also as mean of expressing irony or distrust to the person you speak with. For instance, the following examples, of course, depending on the situation can be treated in this way: *— I like this house. — Do you? ; — She wants to help us. — Does she?* For example, if person knows, that his\her conversation partner says that he\she likes a house, but really it is not true, the responsive "*Do you*?" will express not only the astonishment of the reacting person (surprising with the fact, that his\her interlocutor has changed the point of view about the house), but also some distrusting to the words heard. While considering the next example, it can also be explain in the same way: an

answering person knows that the woman which is spoken about has never helped them and he\she shows a hesitation concerning the fact that she will help them now.

One more aspect of the semantic specificity of the responsive sentences of such type exists in the fact, that the responsives under review may also be used just for keeping a conversation when the reacting\answering person does not know what to say more to the conversation partner, but wants to hide this fact in order not to show his\her impoliteness or to get additional time to think what to say. For instance, *My parents decided to move to our city! – Do they?; Director of the Microsoft company starts working on the new project! – Does he?; My uncle likes discuss different political events! – Does he?* etc. In all three cases the reacting\answering person by using the responsive construction shows his\her interest to the conversation and tries to make a speaker to give more information and to continue the conversation by himself or herself.

Some responsive sentences within the "question-answer system" are also considered as means of communicative sabotage (nine main figures of the communicative sabotage are identified). But it is possible to suppose, that the responsives as linguistic figures representing forms of the communicative sabotage can be used out of the "question-answer system". It is possible to find a correspondent variant for each of these figures out of the "question-answer system" [19, p. 98-99]: 1. A speaker pretends that he\she have not heard the question\statement or he\she does not understand it: "*What will be the payment for such a work? – You will receive your salary in time", "Do you really want to live in such a slum? – What do you mean?"* And the same situation can be while providing a reaction to the declarative or imperative utterance: *"I think it is time for you to find a job. – You mean, some job in my specialty?", "Let's go somewhere on holidays? – You should not go to the office tomorrow?"* etc.; 2. The question\statement is ignored on the emotional level as an inappropriate, irrelevant and incorrect: *"What did you do there yesterday? - Just trivial issues", "He thinks that I am guilty – It is not the important thing now!", "The translation of this book is not so good as the original version! – It doesn't matter, you should only know the plot of this book!"* etc.*;* 3. The answer to the question\statement requires additional time to work on and because of this fact it can be postponed: "*Will all members of our group be*

at that conference? – I should call them first!"," *Show me, please, your license on these goods production! – I must send an inquiry to the main office!", "I hope you will deliver my parcel as soon as possible! – I should firstly contact our delivering service";* 4. There is an answer to the question\statement, but it is determined with some requirements to the formulation of the question\statement or to the speaker: "*Can you send this information via e-mail? – Only if you provide us with the internet access!", "You should be at that factory at 3 o'clock! – Pick me up, if you have a car!", "I want you to make several copies of this paper by the afternoon! – If I have time and if you tell me the exact number of the needed copies"; 5.* The answering person ask the counter-question or gives counter-statement, which is impossible or very difficult to respond: *"Why are you here? – And why are you here?"*, "*What did you do there? – And what did you do there?"* 6. The question\statement is readdressed to another person: *"Why are you late for work? – Ask the driver of bus I took to get there!", "I heard you company has new taxation policy – I don't know, speak about it with our director", "Give me your time-table for tomorrow! – Ask my secretary to do it!"* 7. The rejection of the answering the question or statement is motivated: *"Who is the owner of this car? – It is confidential information", "I need to speak with the deputy minister! – Sorry, he doesn't accept visitors now", "Tell me where they keep documents? – It is secret information"*.

And one more class of the responsive sentences – latent responsives – are the most interesting structurally as well as semantically. These communicative units show a verbal reaction, that is not giving an answer to the question directly, but you can analyze the information you are said and understand the data you need: *What'll you have? – The same as you!; Do you go to school? – I'm studying with a private tutor.*

Responsive sentences are interesting in structural and semantic aspects as well as in contented one. These communicative units can be characterized with a wide range of special features: 1) As it was mentioned above responsives express verbal reaction to any communicative unit; 2) Communicative structures under review always have deep semantic implication; 3) The structure of the responsives despite the other types of sentences, can vary greatly: the reaction can be presented by one word as well as a long speech or the reaction to the message can repeat the lexical units used in the message itself as well as be expressed in the most

unexpected way with the help of different lexemes. This structural peculiarities influence also the contented aspect of the responsive sentences. 4) Different types of the responsive sentences are widely used practically in all spheres of human life and activity; 5) The contented loading of the responsive sentences as a rule depends not only on the initial phrase, which is reacted by means of this sentence, but also on different linguistic and extralinguistic reasons; 6) The communicative units under review can be found in all speech styles; 7) Responsive sentences can be clichéd or fixed structures as well as free, usual communicative units, which are using in everyday life etc.

Responsive sentences with the referential index as a type of latent responsives.

Responsive sentence, being a verbal reaction to any kind of the expression, can be first of all classified as contented (reaction that is satisfactory for the dialogue partner and gives the needed information: *What time is it? – Seven o'clock!; Have you any money deposited here? – No, sir. I want to leave some here*), Empty (some kind of manipulation, sabotage, refusal to answer the question or provide the information necessary for the conversation partner: *What is your age? – Must I answer your questions?; What is your address? – It is confidential information!)* or latent one (an answer\reaction, including the needed data, but the participants of the communications are made to analyze the full answer itself in order to find the information they want: *Will you go out tomorrow? – It depends on the weather!; Are you hungry? – Try me, and see*). The latent responsive sentences are subdivided into a wide range of different types. One of the most controversial among them is the responsives with the referential index – answer\reaction containing the quotation which had been taken from various sources: from someone's words to serious scientific researches: *What will you be doing in such a difficult situation? – As my mother always says, we should never give up!; How do you know it? – It is obvious! And what are you going to tell the teacher when he asks you to read your home task composition? – I will just quote the A. Liebling's words "I can write better than anybody who can*

write faster, and I can write faster than anybody who can write better." etc.

Responsive sentences with the referential index are of great interest structurally – they can be of different structure – from one word to the whole paragraph; from uncompleted sentence to the composite one, and semantically – usage of quoted words or lines from artistic work can provide the listener with different information concerning his\her question itself, conversation partner's treatment of the object of the communication, intention to continue or vice versa to stop the conversation etc. For example, *Do you know, my brother wants to become a famous painter and he is creating his fiftieth picture now! – Oh, give him a museum and he will fill it!* The responsive sentence (*Oh, give him a museum and he will fill it!*) expresses not only implied answer to the question (that the interlocutor knows or realize the information he is told), but also shows the treatment of this information by the conversation partner. The quotation of Picasso's words "Give me a museum and I will fill it" is used in ironical sense here and by means of this irony he shows his distrust to the talent of the person they speak about. The responsive in the following dialogue has all functions of the latent responsive sentences – it gives an answer to the question, but in a hidden, disguised manner and in order to understand it the conversation partner should think the phrase over: *Will you stop smoking? – You know that "The only way to get rid of a temptation is to yield to it.*" So, by means of a famous quote from Oscar Wilde's artistic work the speaker gives, although in a hidden way, the fair answer that he will not stop smoking. The responsive sentences with the referential index can be also implemented when it is difficult to find how to answer someone's question or when you do not want for any reason to reveal the whole information to the conversation partner: *Why have you chosen dancing as your profession, your trade? – Because dancing – is a silent poetry!; Do you believe in our state's legislation? – As Plato says "Good people do not need laws to tell them to act responsibly, while bad people will find a way around the laws."; Who told you about it? – Everyone knows it!* The most frequent reason of usage of the sentences under the research is the desire to relieve of responsibility. For example, *Why were you absent at the office yesterday? – According to the Statue of our company we have two days off; Just imagine! We must learn by heart twenty poems during the term! – It is written in your curriculum that you*

must do it in order to pass the literature exam. The answering person quotes the rules from the Statue or curriculum in order to show to the conversation partner that it is not his\her personal idea or view, but it is just rule to be kept.

To sum up, responsive sentences with the referential index are among the most interesting and frequently used type of latent responsive; they are characterized with the existence of various intentions, transferring the inner state of the participants of the communication and their treatment of the discussed subject as well as the answer\reaction to the asked question or addressed expression.

Structural-semantic variants of the responsive sentences.

Within the question-answer system types of replies are traditionally corresponded to the types of questions. The identification of questions typology is dealt with in different linguistic researches [6;7;8]. The classification of answers, which can be connected with the interrogative sentence as well as for example, be means of the communicative sabotage or linguistic manipulation has not its detail description yet. Very often the responsive sentence or verbal reaction to the question within the question-answer system somehow contents tautological elements, the case when the answer repeats some lexical units used in the question (*I'm willing to work hard! – said the Dick. – And you must not only work hard, but work in the right way*) [10]; is formal, when the reply is reduced only to words "Yes\No" or their equivalents (*Are these all the clothes you have? – Yes, sir; Have you ever been in any situation? – No, sir*) etc. The responsive sentences of such type are make the communication easier for the its participants, but in real life the other type of answers, which are containing new lexical units, are more sufficient, more pragmatically oriented and more important for the process of the communication. The responsive sentences of such type can be called heuristic ones. Heuristic responsive sentences are the most interesting class of answers from the structural, lexical, semantic and contented aspects because they are characterized with the usage of the extended lexical filling, comparing to the other classes, they may not include the vocabulary of the interrogative

sentence at all while representing by itself the detail to some extend information which had been demanded by the speaker. From the structural pint of view the heuristic responsives are diverse and having any kind of structure – from several words to big text massage.

Semantically, this type of answers is intended on the presenting of the concrete information the asking person needs. But, as it was mentioned above, it can be done in different ways. It enables us to divide heuristic responsive sentences into three main types:

- The direct answer, needing no additions, more detail descriptions, which satisfies the person who asks: "*Tell me, why does Captain Demerest dislike you so much?" – "I suppose he knows I dislike him" [32]*;
- The reduced responsive – an answer avoiding some elements of the dialogue, but the speaker, who asks understands the reply correctly and, the same as for the previous class, it needs no additional information or details: *What is the matter? – We should go home!;*
- The extended responsive – the responsive sentence, containing except the information was asked for some additional data, which, according to the answering persons' view, will be interesting or useful for the other speaker: *"You'd like me to take him home too?"- "He lives at 9002, Hollywood Boulevard. Thank you for your help" [32]*.

The common feature of the three classes of the responsive sentences mentioned above consists in the fact that the answers of all named types are satisfactory ones for the speaker and they present the information he\she needs. But there are also peculiar features of every class, which can be seen while analyzing the structural, lexical and semantic specificity of them.

The direct answer to the question is not restricted to any form or content: *"How many complaints have there been?" Mel asked. – "At least 50."; "Don't they know there's a storm and we have a runway out of use?" – "We try to tell them, but they don't want to listen. I hear they're holding a meeting tonight to decide what to do next."; "How did you know about the Snow Committee report?' he asked her – "It was typed in the Trans America Office. I saw it there" [13] etc.* As we can see from the examples, the first class of the heuristic responsive sentence – direct answer to the

question – in the most cases explains something or presents some information.

The first subtype of the heuristic responsive sentences includes, except the direct answer itself the antecedent responsives, meaning the replies which are correlating with the interrogative pronoun-adverbial component of the question: *"Where's Joe Patroni?" – "Still on the road"; "Why don't you fly from San Diego?" Tanya asked. – "I'm afraid, my dear, they know me there."; "What do you do at stops?" – "I pretend to be asleep. Usually they don't trouble me."; "How long?" - "Until midnight. Possibly all night" [13]* etc. The replies of such type give the concrete answer to the question, but semantically and structurally they are corresponded to the pronoun-adverbial element of the question itself.

In practical communication the heuristic responsive sentences are interrelated within the dialogue with the other types of the replies, which are supplemented each other, because there are some questions demanding the extended answer and there are ones, needing only Yes\No answer:

"Inez," he continued. "May I call you Inez?"
"Yes," she whispered. "Inez, will you answer my questions?"
"Yes - if I can."
"Why is your husband going to Rome?"
"I don't know."
"Have you got any friends there?"
"No."
"What is your husband's job?"
"He was a builder."
"Was? Isn't he now?"
"Things went - wrong." [31]

The given fragment from the text illustrates the correlation of different types of the responsive sentences. Heuristic replies are connected semantically with the tautological, formal, determined ones etc. But as we can see from the above-mentioned example, the direct answers are the most important and sufficient links, that let us to understand the content of the dialogue, they explain the other remarks and are complementing the other types of the responsive sentences presenting in the given fragment.

The second main type of the heuristic responsive sentences is the reduced responsive. The reduction in this class of answers may be structural – when some lexical units are avoid in the reply, but it is insufficient for the listener and he\she can easily realize the missed word or word-combination. As for the example, presented in the article: “What is the matter? – We should go home!”, here the full answer would be like the following one: “The matter is that we should go home”. But in the practical speech the word-combination “the matter is that”, repeating the lexical units of the question is contracted because the participant of the communication will understand everything without it. It is also doing for the purpose of the language units’ economy and, as a rule, for the economy time. Besides structural reduction it can also be semantic – when it is missed one or several lines from the dialogue, but it does not affect the process of the communication and the interlocutors understand each other without problems: *“What is the score? – Liverpool has won”; “Have you seen the weather forecast for tomorrow? – It will be raining the whole day!”* etc. So, the intention of the asking person is not actually to hear the answer to their question, but it is understood, that this question will be followed with the other one. In the first example, the speaker asks about the score of the match, but, actually, he is interested only the score itself, for him it is important to know who wins the match. And if the answer to the first question (What is the score of the match) were, for example, 2:0, it would not have been satisfactory for the speaker, because such type of the answer does not present the information he needs.

The same situation is with the other example – the speaker hardly needs the information about the fact has his conversation partner seen the weather forecast or not. He needs the information from this forecast itself. So, the answer “It will be raining the whole day” satisfies the speaker.

And the third main type of the heuristic responsive sentences is an extended one. This class has something in common in semantic aspect with the previous type of the responsive sentences, because here we also have one or even several missed lines from the dialogue, but the speaker does not need them. But the previous – reduced type of the responsives – represented only the main information and only the data needed for the person who asks. And the extended responsive sentences are intended to give not only the needed information but also the additional one: *Have you done your home composition? – I will not give it to you!; Have you done*

some notes from the lecture? – I have given it to the other student; Do you need a bag? – A little one; etc.

Here the speaker begins the communication with a question, but his\her conversation partner can easily understand the real intention of the speaker and gives him\her the answer not to the question itself, but to the question, that will follow this question in case he\she replies: for instance, the first example with the composition: the speaker asks his\her conversation partner whether he\she has done the homework. Of course, the person, who is asked, realizes why the speaker put such a question and reacts in this way. He\she knows that if he\she answers "Yes", his\her conversation partner will ask to read it or even to rewrite to his\her copybook. The same is the situation with the other example, concerning the notes from the lecture. The asking person implies by his\her question the latent request to give these notes to him\her. And the conversation partner, understanding it, answers that he\she gave the notes to the other person. It may be also done for the purpose of the time economy and from the linguistic point of view, economy of language means, i.e. words and word-combinations.

The heuristic responsive sentences are widely used not only in the modern English prose, but also in the oral speech. According to the statistical analysis, that has been held on the material of the 10000 dialogues in English, above 4000 responsive sentences here are the heuristic responsive sentences which are presenting the satisfactory for the speaker answer to the interrogative sentence put by him. The heuristic responsive sentences are also used in the so-called mixed type responsives when, for example, formal reply "Yes\No" is complemented with the heuristic one, or maybe the tautological responsive is supplemented with the heuristic responsive sentences etc.

So, the heuristic responsive sentences are among the most significant answer type within the typology of replies. Along with the empty responsive sentences – the answers, those are not satisfactory for the speaker and represent the attempt of the answering person to avoid the question or to change the subject of the communication and latent responsive sentences – replies that are not giving the exact answer but implying it – are the main structures representing the whole system of the responsive sentences. They are characterized with the diverse structural, lexical, semantic features and they are integral and sufficient part of the

process of communication. All subtypes of the heuristic responsive sentences have some common and peculiar features. And, the main specificity of the given class of the answers consists in the fact that despite the existence of the various forms of the structure, lexical filling and semantic content the heuristic responsive sentences are representing the answer which is satisfactory for the person who asks and give the information that is understood without additions and details.

Responsive sentences of the emotional reaction.

Responsive sentences of the emotional reaction are syntactic units that are aiming not at answering a question or statement, but at presenting of the emotional state of the speaker and showing his\her personal view of the situation and attitude to something.

Responsive sentences of the emotional reaction can be subdivided into several groups: 1. The responsives of evaluation: *We will never get that train! – Be positive!; What a beautiful weather today! – Great!; I finally passed my exam! – My congratulations*! 2. Devaluation of an issue: *He still thinks I had broken that vase! – It is not important now!; I forgot to buy butter – You have a lot of products to eat even without it!; I promised to visit my aunt today! – You are busy today, she will understand*. 3. Responsives of quarrel: *Don't ask me stupid questions! – You are stupid, but not my questions!; You have mental problems! – Not so much as you are!; I was advised not to deal with you! – I had the same advice concerning you!* 4. Doubts concerning the objectiveness of someone's praise, compliments or abuse: *You English is very good! – Americans always say that in order to show their politeness!; Your paper is out of theoretical value! – But it is only your opinion!; You can miss this film in the cinema, it is not so interesting! – I don't think so!*

This type of the responsive sentences can be influenced with linguistic factors as well as extralinguistic. The verbal reaction to such type of syntactic construction can be reasoned with, first of all, usage of the correspondent lexical material, grammatical structure of the initial phrase (linguistic reasons) and the communicative situation itself, attitude

of the speakers to each other and to the subject of conversation (extralinguistic reasons).

The responsive sentences of the emotional reaction are interesting in lexical as well as in semantic, contented and structural aspects, lexical content of the sentence of this type can include lexical material of the question or expression, but, mostly it can be expanded not informatively but modal according to the specifics of the issue or expression. These speech units have a wide range of differential features, based on the lexical content, contented loading and communicative orientation of the corresponding constructions.

In dialogical speech the responsive utterances – verbal reaction to the initial, stimulating phrases –, as a rule, are characterized not only with logical and semantic loading, but also the emotional one. Emotivity from the linguistic point of view is studied by a wide range of scientists [11;26;28], but this notion had not been described yet in relation to responsive sentences.

Emotivity is one of the most undefined characteristics of the text, despite the fact that the problem of emotions expression in monological, as well as in dialogical speech, today attracts more and more attention of linguists and is one of the most relevant objects of linguistic research. Nowadays there are many approaches to the identification of the emotivity as a language category. According to lexically-based approach, which is considered as main and the most traditional one, the lexical units are the main means of expressing emotions in language and these means are divided into the following groups: 1) interjections and the adjacent words (swear words, addressing to the God, etc.); 2) the names of the emotions; 3) words with suffixes of subjective evaluation; 4) words containing emotionally-evaluative component; 5) evaluation words etc. At the same time in this approach linguists also highlight some of the most important items:1) within the conceptual approach the term "emotive lexicon" researchers refer to while speaking about units that reflect sensory phenomena in the form of conceptual characters (love, excitement, passion, anger, etc.); 2) the main criterion for selection of emotive units is their functions in the reflection of the emotional state of the speaker and his\her treatment of the subject of the question; 3) emotivity is interpreted as a part of word’s connotation, connected with its subjective-evaluative

meaning and expresses a subjective attitude of the speaker to the subject of speech, thereby causing an emotional response from the addressee [26].

Emotions can be expressed in various ways: in the form of emotional responses or as an emotional state, which reflects the internal human experience, but it has no external expression. While emotional reactions are external way of expressing emotions, feelings one of their means is an expression of emotions through language: different kinds of exclamations, questions, interjections, etc. Because language is not just a unique mean of communication, getting of the information and influencing the listener, but also a mean of self-expression. There is a certain set of means of emotional reaction expression that can be used separately, but more often it is used in complex. Oral speech is characterized, first of all, with emotional colouring, which is manifested in the use of emotionally colored words, different morphemes (eg, the use of diminutive suffix), interjections, but primarily in the intonation. This occurs automatically in the speech on the basis of previous experience of communication. The circumstances of the situation, for example, being in a hurry, leaves the speaker no time for thinking over the situation. The speaker uses words that are common and customary for everyday life and are stored in memory with the general semantics of the word. In dialogical speech the responsive sentences, expressing the verbal reaction on the different kind of utterances, are of major importance when it is needed to reflect the emotional state of the speaker, his\her feelings and preferences, because in the language emotions are, as a rule, expressed by means of questions, exclamations, exclamations, interjections etc. and are reactions on different kind of expressions (declarative, imperative, interrogative). In dialogical speech the emotive constructions, used in the responsive sentences and uttered in different contexts and with different intonation can express joy, surprise, anger, and even irony; the meaning of these language units is characterized with the situation of the communication. Phrase-reaction is almost always emotionally coloured, which is reflected in the use of emotionally colored words, different morphemes (for example, the usage of diminutive suffixes), interjections, but primarily with the intonation.

The dialogue elements are closely related within the dialogical entity, many of them present a direct response to the preceding remark, and their construction as syntactically complete sentences would lead to a repetition of information and the syntactic structure of the preceding remarks.

Therefore, ellipsis, highlighting only the most important thing in a sentence and paying attention only to the most important details, makes the responsive phrase more emotionally-coloured, more expressive, and is one of the basic principles of the spoken text, and especially reactive phrases.

Reacting utterance (response) – is a phrase or sentence, which is the response to the stimulating phrase (question, statements, offers, etc.). Responsives can be expressed in different ways: in the form of interrogative, exclamatory and negative sentences, as interjections, elliptical constructions, phraseological units etc. They are directly dependent on the stimulating or initial phrases. Emotionally-coloured reacting phrases can be not only the reaction to the stimulating phrase, but they can become the stimulating phrases themselves: *Your behavior at the lecture was intolerable! – Look at yourself! You are not better, believe me! – Me? – Don't pretend to be very surprised! – No, you should explain…* etc. As we can see from the example, all utterances are connected semantically and logically and every reacting utterance becomes a stimulating one. Responsive utterances are closely connected with the initial ones within the context [19].

Emotivity in responsive sentences may be expressed in different ways: by using stylistic devices, by peculiar syntactic structure, by intonation etc. The most widespread example of the emotional responsive sentence is the actualization of the whole phrase or its part: *You are always doing nothing! – What?!; What a nuisance you are! – I am…who?*; *I don't like to work with people like you are! – Like me?!* etc.

In these examples the speaker actualizes some parts of the phrase expressing such emotions like "fear", "anger" etc. So, the usage of such type of phrases is quite natural for expressing of mentioned emotions because experiencing strong emotions like this, the speaker can not be logical in giving the argumentation to his\her statements, he\she uses ellipsis, trying to say as little as possible. In this case, the use of elliptic repetition helps to express the emotional state of the speaker.

The main stylistic mean of the expression of the emotional state of the speaker in the responsive sentences – verbal reactions to any kind of utterance – is syntactic repetition. It includes parallel constructions, chiasmus, anadiplosis, anaphora and epiphora. The most widespread among the above-mentioned units are anadiplosis and parallel constructions.

The practical implementation of the given stylistic means can be shown on the following examples: *“What was there to be gained by fighting the most evil wizard who has ever existed?” said Black, with a terrible fury in his face. “Only innocent lives, Peter!”*

“You don’t understand!” whined Pettigrew. “He would have killed me, Sirius!”

“Then you should have died!” roared Black. “died rather than betray your friends, as we would have done for you!” [53, p. 146].

In this example, anadiplosis is seen as the stylistic mean of the expression of the emotions “anger”, “resentment” etc. The author repeats the word «died», using it at the end of the first sentence and at the beginning of the second one, to create a rhythmic text and link two sentences together. Also, due to the author's remark and special syntactic construction of the reacting utterance we can better understand the emotions of the speaker.

In the next example: *"What the hell are you thinking? Is she more important than everything — than the whole tribe? Than the people getting killed?"*

"She can help," Jacob said quietly.

"Help!" the angry boy shouted. His arms begin to quiver. "Oh, that's likely! I'm sure the leech-lover is just dying to help us out!" [53, p.182] the author repeats the word «help», using it at the end of the phrase of one character and as responsive sentence of another character to create a connection between the two phrases and to highlight the main reason of the statement. In this case, the anadiplosis serves as a stylistic mean of expressing of the emotion "anger" in the reacting utterance.

The main stylistic mean of expression of the emotivity in the responsive utterances – syntactic repetition – includes: parallel structures, chiasmus, anaphora, anadiplosis etc. For instance: 1) *Why can’t you understand! I don’t like speak with these pigheaded people! – Then you must speak with our clients and you will speak with our clients because it is part of your work!* In this example, the anadiplosis serves as a stylistic mean of expressing emotion "anger" in reacting utterance; 2) *I will ask Jane to help me with translation! – Help? I hope with her help you will fail you exam!* In the example, the word «help» is repeated in stimulating and in reacting utterances to create a connection between the two phrases. In this case, the anadiplosis serves as a stylistic mean of expressing emotion

"anger" in reacting sentence. 3) *They invited you to that party! – They invited me! Did you hear it? They invited me!* In this example, repetition is used to express positive emotions "joy" in reacting utterance. 4) *Kate will be the chairperson at our meeting! – Kate can't do it! Kate doesn't know all details of our project!* In this example the first element of the sentence is repeated, repetition is used to express the emotional state of the speaker and specify the emotive-coloured responsive utterance. It is used to repeat the expression of positive emotions "surprise" and "discontent" in reacting utterance.

Another fairly common mean of expression of the emotivity in the responsive sentences is an ellipsis. As well as repetition, ellipsis can be used to express different emotions: *How did you get here? – I got there by the first bus! – Great! It is good to see you here!* In this example, the phrase "It is great!" is ellipted not only in order to show the emotional state of the speaker, but also to make the speech realistic. In the next example: *Can I go by that tram? – Overcrowded* the construction "no, because it is overcrowded" is shortened only to one word in order to save time and to show that the interlocutor doesn't want to speak for a long time.

Except of different stylistic devices, the emotivity in the responsive sentences can be expressed by means of emotionally-coloured words (wonderful, great, awesome, delighted, horrible, awful etc.): *This year I will finally have a rest from work! We can go abroad! – Wonderful!; What a downpour! It rains cats and dogs! – Terrible!* and interjections (wow, oh, ow, hm, am): *Can you listen to me and then you can speak via your phone for as long time as you can! – Hm…; Just look at this dress! – Wow!*

So, the most common types of stylistic means used to express the emotivity in the responsive sentences are repetitions, ellipsis, and actualization of the whole phrase or part of it; actualization of the whole phrase or part of it is the main stylistic mean of expression of the emotivity in the responsive sentences (43%), and is primarily used to reflect such strong emotions as joy, fear and anger.

The second mean of the expression of the emotivity in the responsive sentences is repetition (27%), but mostly it is used to express emotions such as fear and surprise; the next mean is anadiplosis (15%), which we analyzed in the dialogues, only used to express such emotions as fear and surprise. In addition to stylistic means, the other means of the expression

of the emotivity in the responsive sentences are such elements as emotive-coloured vocabulary, interjections etc (15%).

Cliché responsives

One of the most widespread subtype of the empty responsive sentenses is the stereotyped or cliché responsives: *Have a good day! – Have a good day too!; Help yourself! – Thank you!* etc. According the Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English, cliché is an "idea or expression, that has been too much used and is now stereotyped phrase" [47, p. 154]. Cliché responsives do not give the answer in its direct meaning and do not provide the questioner with some information, but the constructions of this type are used to continue the dialogue and to show the intention of the respondent. Cliché responsives are characterized with the possibility to reproduce these syntactic units, combine them with the other communitative units, interprete in different ways according to the desire of the speaker.

In the "question-answer" construction the character of the responsive sentence depends on the addressed phrase. This statement is also true for cliché elements of the dialogue. For example, there is a limited number of answers (responsives) we can give as a reaction to the greeting "*Good morning*!". The stereotyped reply may be "*Good morning*!; *Nice to meet you*" or something like that. Responsives-cliches appeare in our speech under different circumstances and in various contents. A lot of reasons of the usage of these syntactic units can be found. First of all, the desire to be polite, to continue the dialogue or begin the conversation, to make good relations with the person you speak with etc. Moreover, wlile reproducing the prepared responsive-cliché, the participant of communication have time to think over the further conversation, to find better facts to convince the interlocutor to do something.

Responsives-cliches are of great interest in the lexical aspect.

Responsive sentenses, that are standartized and clichéd, as a rule are brief, exect and include not only the lexical material from the question/statement addressed (*Nice to meet you! – Nice to meet you too!*), but also the other words and word-combinations, demanding with the

character of the question/statement itself (*Excuse my disturbing you. – No need to be sorry! That's all right*).

Responsive sentences, which can be called cliches, are used also while expressing you agreement: *There are many reasons for...; There is no doubt about it that... I am of the same opinion; I am of the same opinion as the author. I completely / absolutely agree with the author; I agree with you 100 percent; I couldn't agree with you more; That's so true; That's for sure; etc*, disagreement: *There is more to it than that; The problem is that...;I (very much) doubt whether...; This is in complete contradiction to...; What is even worse,...;I am of a different opinion because...; I cannot share this / that / the view; I cannot agree with this idea; What I object to is...; Unlike the author I think...; I don't think so; etc* with the speaker addressing you.

Analizing the previous examples, we can make a conclusion that within the cliched responsives in parallel with proper responsives-cliches there are also complemented responsive sentences-cliches, which contain additional information and include the new, not cliched lexical material demanded with the character of the question or statement.

For instance, as we know, the same phrase can induce different reaction and if this reaction is represented as cliched phrase it frequently can be complemented with another statement, expressing respondent's arguments concerning the discussing issue, his\her emotional condition etc. For example: *This football team will win 100 percent! – I don't think so!; I am of a different opinion* (proper cliched responsive); *– I don't think so, they were defeated too many times this year!; I am of different opinion because their rivals are trained better* (complemented responsives-clichés).

The usage of responsives-clichés does not mean that syntactic units of this type are related to the uniformity, monotony and tediousness. These communicative units are diverse; they can vary depending on the situation or circumstances. For example let's take the phrase "*Thank you*". In English there are several variants how to answer it, so in this case we will have a wide range of possible responsive sentences and all these syntactic units will be within the group of responsives-clichés: *Don't mention it; That's all right; It's nothing; It was no trouble at all; It was no bother; It was a pleasure; It was a real pleasure for me to do it* etc. (in situation when someone appreciates your service or just thanks you for something);

It is I who should thank you; The pleasure is entirely mine (when it was a successful collaboration in some issues etc.); *I'm glad you enjoyed it. You're welcome!* (the answer of the hostess to the thanks from guests) etc.

Responsives-clichés can be useful in a wide range of situations: the beginning of the dialogue, joining the conversation, changing of the subject of the communication, continuation of the conversation even if you don't know exactly the communicative orientation of person, addressing you.

Also different functions of the syntactic units under the research can be named. First of all, they are: transferring of the information, regulation of the process of communication, determination of emotions of the speaker as well as the respondent etc.

To sum up, the responsive sentences, that are clichéd or containing the clichéd element, are used during all stages of communication: establishing contact or introducing an issue for a discussing, continuation of the conversation and its logical development, concluding of the communication, presenting of final arguments, drawing to the conclusion.

The knowledge of clichés that can be used as the responsive sentences also help to be oriented in every situation: for example, it will be rude to say "please" as a response to the addressed phrase "sorry". There is a wide range of the other stereotyped phrases we can use in this situation: *It's all right; Oh, that's all right; It's quite all right; Never mind; No harm done; No need to be sorry; Forget it.*

Despite of the fact, that all proposed phrases are clichés, there are various variants how to reply in a way appropriate for the situation. The person, answering the addressed phrase, can follow some stylistic requirements, norms of the etiquette and be ruled by the situations itself, relationships with the speaker, the aim of the communication etc.

So, the responsive sentences, containing stereotyped phrases or clichés are significant elements of the communicative process, but these syntactic units, as well as the other ones, should be used relevantly, in a way suitable for the occasion and, when required, be complemented with another words and word-combinations.

Contact responsive sentences

This classification can be complemented with one more subtype – contact responsive sentences. These syntactic units we identify as verbal reaction to the addressing, requests etc. For example, *Excuse me… – Can I help you?; Wait! – Yes?; Please, listen to me! – Speak with someone else! I am in hurry!* etc. As we can see from the examples, the initial question or statement is, in the majority of cases, clichéd, standard and the response or reaction on it can be unexpected and it is difficult to predict it. The structure and contented loading of the contact responsive sentences depend on a wide range of linguistic and extralinguistic reasons, beginning with the economy of time by the speaker: *Hello! I say – Yes?; Excuse me… – What?* and ending with the attempt to get rid of the conversation partner as soon as possible: *Excuse me, where is Thompson Street situated? – I'm not your answering service; I say! – I have no time!* Very often the response is also dependent on the initial phrase itself: *I beg your pardon, can I address you? – Of course, I listen to you!; You, there! – What do you want?; Hey! – What?* Basically, the contact responsive sentence is the reaction to the phrase, saying in order to draw the attention to the person: *Excuse me, pardon me, I say, Hi!, Hey!* etc. The first two forms (*Excuse me* and *Pardon me*) are considered as polite ones and they are addressing and at the same time apologizing for the disturbing a person you are speaking to. In most cases the responsive sentence for these phrases will be the following: *Can I help you? I am listening to you!* etc. Responsive sentences to such type of initial phrases are used generally to see if the person you speak with wants to continue the conversation. Contact responsive sentences usually stop the conversation or are followed with the next question or statement, demanding the concrete answer\reaction: *I am sorry to trouble you, but can you speak with me for a minute? – It's ok, can I help you? – Could you please tell me how can I get to the bus station from here? – With pleasure. You should take the first left and go straight on. It's on the left*. Or one more example: *Excuse me. Do you know where the baggage claim area is? – Yeah, it's downstairs. Take an elevator at the far end of the hall there, and it'll be right behind you when you go*

downstairs. – Okay, let's see ... I take that elevator down there and turn around when I get to the first floor and I'll see it. – Right – Great! Thanks! – Any time! Here the correlation between the addressing (initial phrase) and the responsive sentence are represented as "question-answer entity" – structural variant of dialogical correlation: the fragment of dialogue, consisting of two or more informationally-bound phrases [22].

Contact responsive sentences following the same initial statement may be represented by one word or short phrase: *Could you tell me, is the supermarket far from it? – No; Excuse me. Is there a bank near here? – Yes, there is a bank on the corner* as well as detail piece of information about something: *How can I get to the bank? – Cross the road and turn left at the other side. Walk along the footpath until you reach the traffic lights. You will see a shopping centre on the right hand side. Walk across the road and turn right after the shopping centre. Keep going straight for about 100m and the bank is to your left.* Responsive sentences, including contact responsives, are characterized with lexical and grammatical (structural) diversity. As we can see from the above-mentioned examples, this syntactic unit can comprise some several words, sentence fragment, be an incomplete or complete sentence. Among the analyzed 3000 contact responsive phrases we distinguished 337 responsives consisting of one word, 561 – word-combinations or sentence fragment, 942 – complete sentences and 1160 – incomplete sentences.

Contact responsive sentence can be connected with the initial phrase explicitly as well as implicitly. It means, that in the "question\statement-verbal reaction" entity there is a complex semantic unit, and, even if the connection is unclear firstly, it can be found deeper. So, in the contact responsive sentences, for example, when the conversation partner did not satisfy the asking person (*I say! – I have no time!; Can you, please, help me? – Ask someone else!*), responsive is always connected with the initial statement, because despite the result of the communication, the responsive phrase is the answer\ verbal reaction to the question or statement at the beginning of the conversation.

The lexical and semantic aspect of the syntactic units under review, as a rule, depends on a wide range of linguistic and

extralinguistic factors. Among the linguistic ones are such as economy of the lexical material, the structure of the initial phrase itself, lexical material of the initial phrase, speech patterns, used by the conversation partners, the style of the communication, the clarity, concreteness, accuracy and correctness of the said phrase. Having analyzed 3000 dialogues comprising the contact responsive sentences, we made the following conclusion: the most widespread linguistic reason, influencing the result of the communication, is the lexical material and structure of the initial phrase (547 dialogues), the next factors are the style of the initial phrase and its correctness (334 dialogues), the economy of lexical material or, in other words, trying to answer briefly (158 dialogues). The other 1961 dialogues were influenced with the combination of the factors mentioned above.

The tendency to save linguistic resources is a characteristic feature of the almost every language. Linguistic economy – is the desire of the communication participant to save the speaker's efforts at using speech as one of the reasons to change the language. In the syntax of language means savings can be found in elliptical constructions in incomplete sentences in the deletion of the auxiliary words, etc. In some cases, the application of the principle of linguistic economy cannot affect the course of communication; for example, when the speaker knows the subject of conversation it is not difficult to recover the missing elements of the statement.

One more linguistic factor that contributes to the character of contact responsive sentence in dialogic speech is the construction of the initial phrase itself, which requires the verbal reaction. Changing the grammatical construction of statements may cause misunderstanding of the meaning of the utterance, what the speaker wanted to say that the other partner of communication, since the original statement is somewhat ambiguous.

One of the most important linguistic factors determining the nature of contact responsive sentences in dialogic speech is the lexical content of the original statement, the reaction to which is certain responsive sentence. Lexical material which is used by speaker largely determines the course of communication and the nature of the response, which will follow this type of statement.

Accuracy, pace of speech, clarity of the pronunciation, correct interpretation of the lexical units of the original phrase are also significant linguistic factors determining the nature of responsive sentences.

Of course, linguistic reasons are defining the way of the communication only in combination with the extralinguistic factors. And, very often, extralinguistic factors are dominant. Among them we can note the following ones: 1) The emotional condition of the speakers: *Excuse me? – Get off my back!*; *Can you help me to find the way to the nearest bank? – Of course, I will be very glad to help you!* 2) The relations between speakers: *Hi! Can I speak with you? – Don't bother me; Sir, can you help me with the map? – Please, ask you questions*; 3) Having or not having an intention to answer the question: *Sorry, can you show me the way to the grocery? – I have no time!; Sorry, can you explain me where is the building with this address? – You should go straight and then turn left. The building you need will be the third one*. 4) A wish to give more information, then the speaker asks for: *Excuse me. Are some dress shops here? – A lot of! And, by the way, I can show you an excellent clothing repair studio here!; Excuse me, show me this laptop, please! – Here you are! And, please, look at this model!*.5) A personality of the individual you ask a question: *Sorry... - Shut up; Excuse me? – I am listening very attentively*; 6) Having or not having information you ask for: Sorry, *any idea how to get to the station of the 23-rd bus? – No; Excuse me, how late's the restaurant open?- 8:30 every night*; 7) A situation itself: - *Sorry, what is this? – Don't touch it!* 8) An intention to bewilder the speaker, to avoid answering the question and, sometimes, a wish to get even some information from the speaker*: Can I address you, I saw you from the window. - What are you doing here?;* 9) Lack of time for conversation: *Sorry, where are the Thompson street? Ask someone else! I am in a hurry!. - Can I talk to you for a minute? – Quickly*, etc.

Having analyzed 3000 dialogues comprising the contact responsive sentences, we concluded that: the most widespread extralinguistic reason, influencing the result of the communication, is the intention to answer the question (216 dialogues), the next factors are having or not having information you ask for (184 dialogues), lack of time for conversation (179 dialogues), a wish to give more

information, then the speaker asks for (173 dialogues), a personality of the individual you ask a question (137 dialogues),the emotional condition of the speakers (126 dialogues), a situation itself (75 dialogues), an intention to bewilder the speaker, to avoid answering the question and, sometimes, a wish to get even some information from the speaker (47 dialogues), the relations between speakers (32 dialogues). This statistics is only approximate, because the majority of dialogues are influenced with the combination of the factors mentioned above, in our calculations we have chosen the dominant one according to our opinion.

Contact responsive sentences as well as the responsive sentences of the other types are of great interest concerning their structural, semantic and lexical aspect. The prospects of the further research of the contented peculiarities of the responsives are in the conducting of the comparative analysis of such types of sentences in different languages in order to understand the specific character of these syntactic units.

Responsive sentences out of the "question-answer system"

If to interpret the notion "responsive sentence" in a broader sense, it is possible to suppose, that this syntactic unit can be used not only in the correlation with the interrogative sentences, but also in relation with the other ones: declarative, imperative, optative. Such a consideration can be reasoned by the fact that a person can react verbally not only the question (interrogative sentence), but also the statement (declarative sentence), command or request (imperative sentence), expressing of someone's wishes (optative sentence) etc. For instance, along with the communicative situations such as "*How late's the restaurant open? – 8:30 every night", "What platform does this bus go from? – 6-th platform*", where the responsive sentence presents an answer to the question, another speech constructions, where the responsive communicative unit will represent by itself the reaction to the statement, request etc.: *"I'm afraid I'll be busy at 5. – Let's make it 7", "I don't want to go to the university today! – You can do everything you want", "I have finally finished the reconstruction of my flat. – That is excellent!"* (reaction to the declarative sentences)*, "If you*

only told us where we are going… – Calm down, stand still", "I would not like to do such a difficult work – You had no another way out", "If we were now near the seaside… - Don't get distracted! Focus your attention on the project" (reaction to the optative sentence) *"Promise me that you won't follow me! – Promise", "Please, give me that newspaper! – Here you are!", "Remind the driver I will wait for him at three o'clock! – At three o'clock"* (reaction to the imperative sentence) etc.

Responsive sentences also have their specific differential features and their typology. First of all, responsives are divided into contented – containing the needed information and providing the questioner with some kind of answer, and empty – ignoring the question, avoiding answering it or trying to change the subject of the communication [19]. Out of the "question-answer system" the same types of responsive sentences can be found in various communicative situations. For example: contented responsive sentences: *"If you finish with this picture today it's going to be a lot less work. – A lot less work for you!", "- I am really sorry for breaking your glasses. - "I am really sorry for breaking your glasses"! And that is all you can tell me?!", "Let's go to the cinema! – Let's go!", "Look for your suitcase under the car! - Why should I look for it under the car! I have put the suitcase in the luggage rack!", "I hope everything is all right with the package, send it to Chicago! – Everything is all right, don't worry!"* etc.; empty responsive sentences: "*I think it's customary to take a preliminary vote. – Who knows?*", *"Don't make a deal with him! – Do you think I need you advice?!",* "*Tell me what do you think about it, please – Don't you start speaking with me now", "Write his address to the paper - Sorry, but that's strictly confidential".*

Subclasses of contented and empty responsive sentences can also be represented responsives-reactions to the interrogative sentences as well as declarative and imperative ones. For example, informative subtype of responsive sentences that comprises such subclasses as tautological and heuristic responsives contain responsives as a verbal reaction to any kind of the communicative act. For example, tautological responsive sentences: *"Is it enough for you a piece of cake or I should bring one more for you? – Enough", "Do you have a dog, a cat or some other pet? – A cat", "Would you like the galleries and the exhibitions or the sights? – the sights"* (responsives to the interrogative sentence); *"Julia, I will call you tomorrow. – I'll call!", "If you finish with this picture today it's going to*

be a lot less work. – A lot less work for you!", "I think they're going to fire me. – No, no, nobody's going to fire you!" (responsives to the declarative sentence); *"Eat it! – I'll eat it", "Let's go to the cinema! – Let's go!", "Remind the driver I will wait for him at three o'clock! – At three o'clock"* (responsives to the imperative sentence). And the same situation with the heuristic responsive sentences: *"How was your trip? – Fantastic", "What sort of a company are you founding? – Internet", "At what time does the train arrive? – At 10 a.m."* (responsives to the interrogative sentence); *"Tell me the fare please? – One dollar fifty", "Talk with me for a minute! – Quickly!", "Tell me where is the nearest bus stop? – Over there, around the corner"* (responsives to imperative sentences); *"He entered a university in Great Britain – I heard about it. It's ancient university in London", "Our new manager knows nothing about computer programs! – I have already asked our programmer to help her", "I saw a new café in the next street. – It is always overcrowded"* (responsives to declarative sentences).

The verbal reaction to any kind of the utterance, not only to the question, can be very different: from one word, expressing the agreement or disagreement of the answering person, confirmation or objection of a fact, emotional condition of the speaker etc.: *"Close the window, please! It's too cold – Ok.", "Promise you will never be late for the supper! – Yes, Yes", "I hope they accept here a two-dollar bill? – No, only exact change", "You can leave her a massage – No, thanks"* to the very big speech units, where the conversation partner gives all details concerning the subject of the conversation or tries to bewilder the speaker and avoid providing the information needed for the questioner while hiding these intentions with the help of giving a lot of unnecessary facts: *"Tell me please your opinion concerning the newscast this morning? – Have they said something important? I heard they started again working on the solving of the international economy problems", "I saw you in the city center yesterday! – What did you do there yesterday? I thought you went on business for this week. Why did you decide to postpone your travel?"* etc. In the connection with this fact, some responsive sentences within the "question-answer system" are also considered as means of communicative sabotage (nine main figures of the communicative sabotage are identified).

Responsive is peculiar type of sentences, marking the reaction to any verbal communicative act. Specific features and subclasses in the general

typology of responsives that are characteristics of the responsive sentences in the system "question-answer" are also appropriate for the communicative units under the research out of the "question-answer system".

References

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М .: Сов. энцикл., 1966. – 608 с.
2. Бархударов Л. С. Структура простого предложения современного английского языка / Л. С. Бархударов. – М.: Высшая школа, 1966. – 199 с.
3. Белова Н. С. Типы ответных реплик в составе диалогического единства с отрицательным вопросом: дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук: спец. 10.02.05 «Романские языки». – Москва, 2010. – 179 с.
4. Богачева Е. В. Вербализация намерения говорящего в диалоге: на материале английского и русского языков: дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук: спец. 10.02.19 «Теория языка». – Москва, 2007. – 172 с.
5. Брызгунова Е.А. Диалог. Русский язык. Энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1979. – С. 74-75.
6. Винокур Т. Г. Диалог. Русский язык; Энциклопедия. – М.: Большая Российская энциклопедия: Дрофа, 1998. – С. 119-120.
7. Гильмутдинов В. И. Безглагольные реплики-реакции в английской разговорной речи: дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук: спец. 10.02.04 «Германские языки». – Горький, 1984. – 223 с.
8. Головаш Л.Б. Коммуникативные средства выражения стратегии уклонения от прямого ответа: на материале английского языка: дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук: спец. 10.02.19 «Теория языка». – Кемерово, 2008. – 177 с.
9. Грамматика английского языка: морфология, синтаксис / Н.А. Кобрина, Е.А. Корнеева, М.И. Оссовская, К.А. Гузеева. – Санкт-Петербург: Перспектива, Изд-во «Союз», 2008. – 528 с.
10. Гуревич В. В. Теоретическая грамматика английского языка. Сравнительная типология английского и русского языков: Учебное пособие / В. В. Гуревич. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 168 с.
11. Джобава И. М. Эмотивность реагирующих реплик // Англистика XXI века: сборник материалов III Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 24 – 26 января 2006 г. – СПб.: Филологический факультет СпбГУ, 2007. – 730 с. – С. 64 – 73.
12. Диалог на английском языке. – Электронный ресурс. – Режим доступа: http://lengish.com/dialogs/dialog-23.html
13. Зиновьева Л.А., Омеляненко В.И. Все фразы и диалоги английского языка / Л. А. Зиновьева, В. И. Омеляненко. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2012. – 16 с.
14. Изаренков Д.И. Обучение диалогической речи: монография. – М.: Русский язык, 1981. – 136 с.

15. Ильиш Б. А. Строй современного английского языка / Б. А. Ильиш. – Ленинград: Просвещение, 1971. –С. 185-186 (365 с.).

16. Колокольцева Т. Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи. – Волгоград: Изд-во Волгоградского госуниверситета, 2001. – 260 с.

17. Лингвистический энциклопедический словарь. – М .: Сов.энцикл., 1990. – 686 с.

18. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов-на-Дону, 2010. – С. 58.

19. Меньшиков И. И. Типология респонсивных предложений в современном русском языке / И.И. Меньшиков // Избранные труды по лингвистике. – Днепропетровск: Новая идеология, 2012. – С. 85-100.

20. Новый словарь методических терминов и понятий. — М., 2009. – Электронный ресурс. – Режим доступа. – http://methodological_terms.academic.ru/666/undefined

21. Прибыток И. И. Теоретическая грамматика английского языка / И.И. Прибыток. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 384 с.

22. Сарычев В. В. Реплика как структурно-семантическая единица драматургического текста: на материале ряда трагедий В. Шекспира :дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук: спец. 10.02.04 «Германские языки». – Москва, 2009. –205 с.

23. Синтаксис сучасної англійської мови: навч. посіб. для студ. вищ. навч. закл. / Є. І. Гороть, О. В. Василенко, Т. М. Кухарчук, Л. К. Малімон, А. А. Семенюк, О. М. Торосян. – Луцьк: ВНУ ім. Лесі Українки, 2011. – 464 с.

24. Стариченок В. Д. Большой лингвистический словарь. – Ростов н/Д: Феникс, 2008. – 811 с.

25. Українська мова. Енциклопедія / за ред. В. М. Русанівського, О. О. Тараненка. – К.: Укр. енцикл., 2000. – 752 с.

26. Филимонова О.Е. Эмоциология текста. Анализ репрезентации эмоций в английском тексте: учебное пособие. – СПб.: ООО «Книжный Дом», 2007. – 448 с.

27. Цирельсон Н. Ю. Взаимодействие инициирующих реплик и реплик-редакций в диалоге: на материале современного английского языка: дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук: спец. 10.02.19 «Теория языка». – Москва, 2002. – 152 с.

28. Шаховский В. И. Лингвистика эмоций // Филологические науки. – 2007. – № 5. – С. 7-13

29. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике, 2013. – Электронный ресурс. – Режим доступа. – http://psychology_pedagogy.academic.ru/Коммуникативная цель

30. Якубинский Л. П. О диалогической речи // Избранные работы: Язык и его функционирование. – М., 1986. – С. 17-58. – Режим доступа: http://www.philology.ru/linguistics1/yakubinsky-86.htm

31. Alger Horatio. Ragged Dick or Street life in New York with the Boot-Blacks / Horatio Alger. – New York: Signet classic, 1990. – 186 p.

32. Arthur Hailey. – Electronic resource. – Access: http://english-e-books.net/books/upper-intermediate/Airport-Arthur_Hailey/Airport-Arthur_Hailey.txt

33. Bloomfield L. Language / L. Bloomfield. – New York: Henry Holt and Company, 1933. – 580 p.

34. Carnie Andrew. Syntax / Andrew Carnie. – Oxford, Blackwell Publishers, 2001. – 383 p.

35. Crystal D. Cambridge Encyclopedia of the English language / D. Crystal. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – 491 p.

36. Dictionary definitions. – Электронный ресурс. – Режим доступа: http://www.yourdictionary.com/manipulate (response)

37. Encyclopedia of language and linguistics / edited by Keith Brown. – 2-nd edition, Elsevier Science, 2005. – 9000 p.

38. English Grammar: types of sentences – Электронный ресурс. – Режим доступа: http://learningnerd.wordpress.com/2006/09/12/english-grammar-types-of-sentences/

39. Fries. Ch.C. The Structure of English: An Introduction to the Construction of English Sentences / Ch. C. Fries. – London: Longmans, G-reen and Co., 1957. – 304 p.

40. Contented approaches to language culture and cognition / edited by David G. Lockwood, Peter H. Fries, James E. Copeland. – Michigan state university: John Benjamins B.V., 2000. – 656 p.

41. Gleason H.A.J. Linguistics and English Grammar / H.A.J. Gleason. – New York.: Holt, Rinehart and Winston, Inc., 1965. – 519 p.

42. Greenbaum Sidney. The Oxford English Grammar / Sidney Greenbaum. – Oxford university press, 1996. – 664 p.

43. Iriskulov A.T. Theoretical Grammar of English / A. T. Irisulov. – Tashkent, 2006. – 64 p.

44. Jones Bob Morris. The Welsh answering system. – Berlin: Rotaprint Druck Werner Hidebrand, 1999. – 360 p.

45. Leech G., Deucher M., Hoogenraad R. English Grammar for today / G. Leech, M. Deucher, R. Hoogenraad. – Macmillan, 1982. – 224 p.

46. Miller J. An introduction to English Syntax / J. Miller. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2002. – 206 p.

47. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A.S.Hornby. – Oxford University Press, 1982. – 544 p.

48. Oxford dictionary. – Электронный ресурс. – Режим доступа: http://www.oxforddictionaries.com/

49. Quirk R., Greenbaum S. A university Grammar of English. – London: Longman, 1973. – 485 p.

50. Rauch I., Carr G.F. Insights into Germanic Linguistics I / I. Rauch, G.F. Carr. – New York: Peter Lang, 1999. – P. 127 – 144.

51. Redford A. Syntactic Theory and the Structure of English. A Minimalist Approach / A. Redford. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997 – 572 p.

52. Reis M. On sentence type in German. An Enquiry into the relationship between grammar and pragmatics / M. Reis. – Tubingen: University of Tubingen, 1999. – P. 141 – 157

53. Rowling, J. K. Harry Potter and the Prisoner of Azkaban. – London: Bloomsbury, 1999. – 170 c.

54. Shopen T. Language typology and syntactic description / T. Shopen. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 499 p.

55. Soames, Scott, David M. Perlmutter. Syntactic Argumentation and the Structure of English / Scott S., Perlmutter M. David. – Berkeley: University of California Press, 1979. – 618 p.

56. Soames, Scott, David M. Perlmutter. Syntactic Argumentation and the Structure of English / Scott S., Perlmutter M. David. – Berkeley: University of California Press, 1979. – 618 p.
57. Stephenie Meyer New Moon. – 1st ed. – NY: Little, Brown and Company Time Warner Book Group, 2006. – 319 c.

ЗНАЧЕННЯ СТВЕРДЖЕННЯ У ФІЛОСОФІЇ, ЛОГІЦІ ТА ЛІНГВІСТИЦІ

Гурко О. В

Категорія ствердження належить до найскладніших у теоретичному плані. Багато питань, що пов'язані із цією категорією, є дискусійними, та й загалом немає єдиного витлумачення логіко-філософської та лінгвістичної сутності ствердження. Науковці по-різному репрезентують природу та функцію цієї категорії.

Перші спроби потрактування категорії ствердження трапляються у філософії Стародавньої Греції та Індії. Відомо, що давньоіндійські філософи школи вайшешики (III ст. до Р. Х.) серед усіх об'єктів, позначених лексемами, виокремлюють два класи: *буття* (*охва*) та *небуття* (*абхава*). До класу буття зараховують позитивні реальності, предмети матеріального світу, зокрема, наявні факти [1, с. 355]. Представники іншої філософської школи Стародавньої Індії – ньяя (I ст. Р. Х.) уналежнюють буття до шістнадцяти категорій реальності та вказують його безпосередність. Наявність чи буття філософи кваліфікують як особливу властивість речей, яку сприймають наші органи чуття [2, с. 58–59; 1, с. 398]. Отже, основою концепції цих шкіл є визнання реального буття як онтологічного об'єкта стверджувальних суджень.

Платон у діалогах ототожнює ствердження з буттям, констатуючи, що всі основні роди буття (власне буття, рух і спокій)

потрібно характеризувати як такі, що одночасно є буттям та небуттям [3, с. 257]. Філософ вербалізує ствердження через схожість, зауважуючи, що істинні стверджувальні судження експлікують позитивну інформацію про навколишній світ загалом, відбиваючи ознаки, що властиві предметам та явищам безпосередньо [3, с. 259].

Філософи Ф. Тренделенбург та Ю. Майєр уважають, що первинно судження є ствердженням [4, с. 156; 5, с. 78]. Г. Рітер стверджує, що афірмативна форма судження залежить від наявності зв'язки [6, с. 668]. Х. Зігварт відзначає, що сумнівів щодо того, що стверджувальні висловлення є об'єктивними та реалізують пізнавальну цінність, немає [7, с. 156]. Л. Вітгенштейн ствердження пов'язує з відбиттям дійсності [8, с. 56].

За потрактуванням Аристотеля, ствердження – це констатація, наявність у кого-небудь чи чого-небудь певної ознаки. До основних екслікаторів цієї категорії дослідник уналежнює зв'язку є, зазначаючи, що одному ствердженню може відповідати одне контрадикторне заперечення [9, с. 108], наприклад, стверджувальному висловленню «*є червона машина*» відповідає заперечне «*не є червона машина*». Грецький філософ протиставляє ствердження *«Katáphasis»* запереченню *«Apóphasis»*, об'єднуючи в поняття *«Apóphansis»* та наголошуючи, що все висловлене є ствердженням або запереченням. На думку Аристотеля, судження можна класифікувати як істинні чи хибні. Афірмація (ствердження) відповідно істинна тоді, коли судження про об'єкт є правильним, якщо афірмативне судження не відповідає дійсності, то воно хибне [9, с. 250–251]. Ці думки виформовують підвалини сучасної логіки, оскільки чимало логіків сьогодення вважають істинність речення його основним значенням [10, с. 92; 11, с. 172].

Крім того, філософи наголошують також на тому, що ствердження реалізує наявний факт, наприклад, висловлення «*Олена читає*» є таким самим реальним, як «*Олена не читає*». За Аристотелем, «немає потреби вважати дійсним те, що стверджуєш на словах» [12, с. 725]. Цю концепцію підтримує Л. Вітгенштейн, зауважуючи, що ствердження набуває статусу форми, оскільки «картина показує свій предмет відбиття ззовні» і як наслідок її зображення є правильним чи неправильним [8, с. 10].

Уважаємо, що ствердження не потрібно ототожнювати лише з істинністю, оскільки стверджувальне судження може бути водночас істинним та хибним, наприклад, якщо стверджувальне судження хибне, то його заперечне істинне та навпаки. Отже, з погляду філософії, підґрунтям стверджувальних суджень є реальна дійсність (буття), релевантним є не стверджувальний чи заперечний зміст висловлень, а істинність чи хибність дійсності.

Г. Гегель відходить від концепції Аристотеля, наголошуючи, що позитивне чи негативне не мають окремішньо жодного значення, вони експлікують лише те, що одне не є іншим. На думку Г. Гегеля, кожне поняття, а отже, і кожне явище в природі, суспільстві й духовному житті, проходить потрійний цикл розвитку — ствердження, заперечення й заперечення заперечення, або нового ствердження. Ствердження, за потрактуванням Г. Гегеля, — це теза, а нове ствердження — це синтез, тобто поєднання тези й антитези [12, с. 222].

За І. Кантом, стверджувальні судження експлікують стверджувальну думку, яка розкриває зв'язок між предметами та їхніми ознаками через ствердження. Філософ констатує, що вони є первинними, інформативними, конкретними та структурно простими [13, с. 399]. Ф. Брентано наполягає на тому, що зміст судження, яким згодом послуговується категорія ствердження, є нейтральним [6, с. 414].

У теоретичній лінгвістиці витлумачення ствердження суперечливіше ніж у логіці та філософії, хоч відбиток цих наук наявний майже в усіх концептуальних підходах до досліджуваної категорії. Зокрема, якщо враховувати думку В. Адмоні щодо граматичних категорій та їхньої диференціації на логіко-граматичні та комунікативно-граматичні, то в цьому разі категорію ствердження можна уналежнити до двох класів, оскільки вона експлікує процеси, що співвіднесені з об'єктивною дійсностю, а також з відношенням комунікантів до змісту повідомлення [14, с. 15].

Відомо, що з філософського погляду важливим для інтерпретації ствердження є істинність чи хибність судження, а основою лінгвістичної концепції ствердження є передусім зміст висловлення, що ґрунтується на позитивності. Однак цей чинник, що уможливлює

потрактування ствердження з філософсько-лінгвістичних знань, зокрема, формування та функціонування ствердження, залежить від особи, яка висловлює думку, від її бачень та світовідчуття.

Враховуючи думки філософів та мовознавців, О. Ахманова у «Словнику лінгвістичних термінів» потрактовує ствердження як позитивну форму висловлення, зміст якого представлено мовцем як такий, що відповідає дійсності [15, с. 490].

М. Васильєв єдине підґрунтя ствердження вбачає в поєднуваності та схожості ознак [16, с. 60]. Й. Бродський зазначає, що інформація про наявність фактів, властивостей має практичне значення. Наприклад, *S є P* — логічна формула, у якій відбито значення про різні види буття, наявності, схожості, ідентичності. У змісті кожного ствердження лежить відбиття наявності в реальній дійсності предметів, ознак, думки тощо [17, с. 61].

Деякі науковці відзначають, що в думці із семантикою ствердження поєднано те, що сполучено насправді. М. Строгович зауважує, що стверджувальні думки, а отже й стверджувальні речення, репрезентують відношення явища до своєї ознаки (наявність зв'язку з ним) [18, с. 113]. Услід за М. Строговичем, М. Кондаков виокремлює в атрибутивній логіці стосунки включення (ствердження) та виключення (заперечення) одного класу предметів з іншого [19, с. 156]. Він кваліфікує ствердження як судження, що відбиває зв'язок предмета та його ознаки. Наприклад, у реченні *Всі метали мають певний металевий блиск*, предметом є *метал*, який поєднаний з ознакою *металевий* [19, с. 632].

За спостереженнями О. Кривоносова, логічне судження є здебільшого стверджувальним навіть у разі наявності в ньому заперечення, зокрема, «якщо цей негативний формант заперечує будь-який непредикативний (неприсудковий) член» [20, с. 41].

Є. Галкіна-Федорук уважає, що ствердження – це протилежний запереченню акт мислення, у якому стверджується наявність якого-небудь факту, але водночас будь-яке ствердження є запереченням «буття» [21, с. 21].

Т. Ломтєв зауважує, що «ствердження і заперечення являють собою логічні операції, визначувані з погляду логічної валентності і висловлення. Вони однаково виражають наявність чи відсутність

чого-небудь у будь-якому модальному плані» [22, с. 89]. М. Орлова зазначає, що ствердження указує на наявність зв'язку між явищами дійсності [23, с. 81].

Крім того, прихильники формальної логіки та граматики протиставляють категорію ствердження запереченню за якістю судження. Науковці зазначають, що ствердження і заперечення є протилежними категоріями, оскільки предмет у своєму якісному витлумаченні окремішньо існує / не існує, має / не має певні ознаки. У цьому разі якість судження як його невід'ємна ознака є стверджувально-заперечною визначеністю предмета думки. В. Бондаренко кваліфікує «заперечні і стверджувальні судження як рівноправні форми відбиття дійсності, оскільки якість судження – це його ствердження / заперечення, що має певну онтологічну основу» [24, с. 45].

Отже, у вітчизняному мовознавстві вважають, що ствердження має об'єктивний зміст і відбиває реальне буття об'єктів, властивість ознак, сумісність понять тощо.

Незаперечним є те, що функціонує взаємозв'язок між логічними поняттями «ствердження» та «судження». Вони нерідко є тотожними. Судження про дійсність зазвичай називають ствердженнями. У формальній (класичній) логіці, а також у граматиці, що будує свої трактати на положеннях формально-логічної теорії, вивчають єдину форму мислення – судження й відповідний йому тип речень — розповідні. У цьому разі предметом дослідження зазвичай є не всі розповідні речення, а лише ті, які містять у собі судження в його класичному витлумаченні. Це категоричне атрибутивне судження називають ще ствердженням. Через різноманіття семантичних форм ствердження недослідженими залишаються ті типи розповідних речень, що містять інші форми мислення, відмінні від судження в його класичній інтерпретації.

Традиційно розповідні речення кваліфікують як мовні форми вираження судження. У «Логічному словнику» судження потрактовують як «думку, що виражена розповідним реченням та є правдивою чи помилковою. Судження позбавлене психологічного відтінку, що властиве ствердженню» [25, с. 324]. Проте не всяке розповідне речення виражає судження (у логічному витлумаченні цього терміна). Мовною формою вираження судження є риторичні

питання. Граматична семантика розповідних речень — значення повідомлення. Значення повідомлення, так само, як значення питання і спонукання, — це тип абстрактного, синтаксичного значення. П. Чесноков визначає логічний зміст розповідних речень як «думку-повідомлення», пропонуючи вживати це поняття, а не «судження», оскільки воно є ширшим [26, с. 7].

У вузькому витлумаченні термін «ствердження» кваліфікують як «рід», «різновид» повідомлення та розповідного речення [27, с. 159], «модифікацію комунікативного значення» розповідності [28, с. 174]. Ствердження як «рід повідомлення» протиставляють іншим комунікативним різновидам розповідних речень — власне повідомленням, констатаціям тощо.

Змістом стверджень є думка про дійсність, що відбиває діяльність індивідуальної свідомості та результат осмислення явищ дійсності, їхньої інтерпретації, класифікації, оцінки. На відміну від судження, ствердження завжди має конкретного автора, який активно показує себе в реченні, висловлює власну позицію та захищає її як справжню.

У вивченні ствердження одним з найважливіших постає питання щодо його потрактування в наукових лінгвістичних студіях й упорядкування його термінологічного апарату.

Для традиційного мовознавства характерне уявлення щодо об'єктивного, онтологічного статусу категорії ствердження. Ствердження потрактовують як категорію, що відбиває явища реальної дійсності. На думку А. Бахарева, «ствердження в мові можна визначити як констатацію наявності предмета, ознаки, явища, що виражене мовними засобами» [29, с. 65].

І. Харитонова кваліфікує афірмативність (ствердження), по-перше, як «самостійну категорію речення, що тісно взаємодіє з модальними значеннями», а по-друге, як «явище, яким послуговується особа, що говорить» [30, с. 109–111].

В «Енциклопедичному словнику-довіднику лінгвістичних термінів і понять російської мови» ствердження – це констатація буття, наявність такої ситуації в межах речення. Формальним сигналом ствердження є відсутність частки *не*: *Ми ходили туди; Він був поетом*. У розмовному мовленні стверджувальне значення (за рахунок інтонації, порядку слів та спеціальних лексико-

фразеологічних показників) можуть набувати висловлення, які містять частку не: *Як же, він не піде туди! Еге ж, не будуть вони втручатися!* Ствердження протиставляється запереченню [31, с. 353].

Є. Ступак уналежнює ствердження до поля з гносеологічним типом, зауважуючи, що ствердження – це «відбиття наявності предмета та його відношення між своїми ознаками» [32, с. 46]. Натомість С. Григор'єва витлумачує ствердження як універсальну мовну категорію, що зреалізовує граматичні (морфологічні та синтаксичні), лексичні та стилістичні засоби мови [33, с. 4].

В. Бабайцева та А. Калініна, ототожнюючи поняття «розповідність» і «стверджувальність», «повідомлення» і «ствердження», кваліфікують ствердження як повідомлення про дійсність [34, с. 93; 35, с. 27].

А. Калініна потрактовує ствердження як «категорію, що має подвійну об'єктивно-суб'єктивну природу» [35, с. 11]. Досліджуючи денотативний та комунікативно-прагматичний аспект цієї категорії, вона вважає, що ствердження, по-перше, функціонує в поняттях «буття», «наявність», а по-друге, за допомогою категорії ствердження оцінюють відповідність думки дійсності. Ця оцінка входить до кола модальних (верифікативних) значень категорії ствердження. У реальних процесах комунікації прагматичний аспект семантики ствердження зазвичай реалізують у сфері вираження ствердження чи спростування (висловлення) [35, с. 13]. Отже, за А. Калініною, ствердження — це багатоаспектна категорія мови та мовлення, категорія структурного аспекту речення-висловлення та його змістових сторін [35, с. 18].

Автори «Словника української мови» послуговуються такими витлумаченнями *ствердження*:

Ствердження — дія за знач. ствердити, стверджувати.

Стверджувати, *недок.,* ствердити, *док.*

1. *перех.* Робити непохитним, установлювати, остаточно встановлювати що-небудь.

2. *перех., а також про що, із спол. що.* Упевнено висловлювати що-небудь, запевняти в чомусь. // Відповідати ствердно, говорити ствердним тоном.

3. *перех.* Доводити, підтверджувати достовірність, правильність чого-небудь // *також із спол. що.* Визнавати правильність,

достовірність чого-небудь. // Бути, служити доказом істинності, достовірності чого-небудь. // *перев. док.* Підкріпити чим-небудь обіцянку, клятву, сказане тощо.

4. *перех*. Офіційно схвалювати, визнавати остаточно встановленим що-небудь, затверджувати [36, с. 674].

З наведеної словникової статті стає очевидним, що ствердження є формою мовленнєвого акту, коли його зміст видається мовцеві правильним, істинним, таким, що відповідає дійсності. Ініціативне висловлення у формі ствердження – це акт інформативного характеру, що виникає тоді, коли мовець знає та упевнений, що пропозиція істинна, і прагне переконати в цьому комунікативного партнера.

Услід за О. Селівановою [37, с. 459] та І. Штерн [38, с. 228], Н. Войцехівська потрактовує ствердження як не просто ініціативний інформативний акт, а мовленнєвий крок, що допомагає ініціатору досягти (або не досягти) адекватного власним намірам ефекту впливу (перлокутивного ефекту), тобто безпосередньої зміни свідомості та поведінки об’єкта впливу, його психічного стану, знань про світ або його ставлення до тих чи тих подій та реалій цього світу [39, с. 31].

І. Дронова зауважує, що асерція «відбиває реальні процеси мовленнєвої та мисленнєвої діяльності людини, є засобом плану змісту (категорія та її мовна інтерпретація) та плану вираження (система мовних засобів)» [40, с. 87].

Отже, широке використання терміна «ствердження» в науковій літературі пояснює наявність у зарубіжному та вітчизняному мовознавстві його синонімічних відповідників: *афірмативність* [30; 41], *асерція* [40], *позитивність* [42; 43], *ствердження* [33; 35; 39; 44; 45; 46; 47; 48; 49]

На нашу думку, *ядром* логіко-філософської та лінгвістичної категорії *ствердження* є, по-перше, відбиття істинності чи хибності висловлення, по-друге, констатація наявності в кого-небудь чи чого-небудь певної ознаки, а по-третє, відповідність чи невідповідність об’єктивній дійсності. Отже, ствердження – одна з основних категорій філософії, логіки та лінгвістики.

Література

1. Рой М. История индийской философии / М. Рой. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1958. – 548 с.
2. Инголлс Д. Х. Г. Введение в индийскую логику навьяньяя / Д. Х. Г. Инголлс. – М. : Наука, 1974. – 238 с.
3. Платон. Сочинения : В 3 т. /Платон. – М. : Мысль, 1970. – Т. 2. – 611 с.
4. Trendelenburg Dtsch. Chirurgie / Trendelenburg. - Bd.33.- 1886. – S 156.
5. Mayer Die Philosophie der Logik und die Negation. – Dissertation der Universität Göttingen, 1929. – 234 с.
6. Ritter J., Gründer K. (Hrsg.) Historisches Wörterbuch der Philosophie / J. Ritter K. Gründer // Bd. 6. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1984. – 1396 p.
7. Sigwart C. Logik / C. Sigwart . – Tübingen: J. C. B. Mohr, 1904. – 120 S.
8. Wittgenstein L. Tractatus logico-philosophicus / L. Wittgenstein // Reprinted in: Wittgenstein L. Schriften 1. – Frankfurt: Suhrkamp, 1922/1984. – S. 7-83.
9. Аристотель. Категории. Соч. в 4 т. / [ред.3. Н. Микеладзе]. – М., 1978. – Т. 2. – 687 с.
10. Горский Д. П. Определение: Логико-методологические проблемы / Д. П. Горский. – М. : Мысль, 1974. – 311 с.
11. Конверский А. Е. Логика традиционная и современная / А. Е. Конверский. – К., 2010. – 374 с.
12. Гегель Г. В. Ф. Наука логики / Г. В. Ф. Гегель. – СПб. : наука, 1997. – 799 с.
13. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант. – Петроград, 1915. – 464 с.
14. Адмони 1979 Типология предложения. Исследования по общей теории граматики / В. Г. Адмони. – М.: Наука, 1968. – 105 с.
15. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Сов. энцикл., 1966. – 384 с.
16. Васильев Н. А. Воображаемая логика : Избранные труды / Н. А. Васильев. – М. : наука, 1989. – 284 с.
17. Бродский И. Н. Отрицательные высказывания / И. Н. Бродский. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1973. – 104 с.
18. Строгович М. С. Логика / М. С. Строгович. – М. : Гос. Узд-во полит. л-ры, 1949. – 362 с.
19. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник : [изд. 2-е, испр. и доп.] / Н. И. Кондаков. – М. : Наука, 1975. – 720 с
20. Кривоносов А. Т. Отрицание впредложение и отрицание в умозаключении (опыт семантического анализа отрицания в тексте) / А. Т. Кривоносов // Вопр. языкознания. – 1986.—№ 1. – С. 35–49.
21. Галкіна-Федорук Є. М. Заперечні речення в російській та українській мовах / Є. М. Галкіна-Федорук // Українська мова і література в школі. – 1951. – № 5. – С. 21–31.
22. Ломтев Т. М. Предложение и его грамматические категории / Т. П. Ломтев. – М., 1972. – 198 с.

23. Орлова М. Н. О лингвистической сущности отрицания и типах отрицательных предложений в русаком языке / М. Н. Орлова // Уч. зап. Башкирского государственного ун-та им. 40-летия Октября. – Уфа, 1973. – Вып75. – С. 19–26.

24. Бондаренко В. Н. Отрицание как логико-грамматическая категория / В. Н. Бондаренко. – М. : Наука, 1983. – 212 с.

25. Ивин А. А. Словарь по логике / А. А. Ивин, А. Л. Никифоров. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. – 384 с.

26. Чесноков П. В. О трех типах функционально-семантического поля – онтолого-онтологическом, онтолого-гносеологическом и гносео-гносеологическом / П. В. Чесноков // Личность, речь и юридическая практика. Выпуск 7. – Ростов-на-Дону, 2004. – С. 342–347.

27. Шатуновский И. Б. Коммуникативные типы высказываний, описывающих действительность / И. Б. Шатуновский // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. – М.: Наука, 1995. – С. 158 – 165.

28. Янко Т. Е. Коммуникативный статус высказываний со словом *правда* / Т. Е. Янко // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. – М.: Наука, 1995. – С. 173–177.

29. Бахарев А. И. Отрицание в логике и грамматике / А. И. Бахарев. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1980. – 77 с.

30. Харитонова И. Я. Вопросы взаимодействия лексики и граммматики / И. Я. Харитонова. – К : «Вища школа», 1982. – 159 с.

31. Тихонов А. Н., Хашимов Р. И. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык [Текст] : в 2-х т. / А. Н. Тихонов, Р. И. Хашимов, Г. С. Журавлева, М. А. Лапыгин, А. М. Ломов, Л. В. Рацбурская, Е. Н. Тихонова. – Том.2. – М.: Флинта : Наука, 2008. – 816 с.

32. Ступак Е. С. Функционально-семантическое поле утверждения в современном русском языке:дис. на соискание научн. степени канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык / Е. С. Ступак. – Таганрог, 2005. – 20 с.

33. Григорьева С. Б. Категория утверждения в простом предложении современного русского языка [Електронний ресурс] / С. Б. Григорьева. – Режим доступу: http://vestnik.adygnet.ru/files/2010.4/1020/grigoryeva2010_4.pdf

34. Бабайцева В. В. Избранное. 2005-2010 : сб. науч. и науч.-метод. ст. / В. В. Бабайцева. – М. – Ставрополь : Изд-во СГУ, 2010. – 400 с.

35. Калинина Категория утверждения/отрицания в функциональных типах предложений в современном русском языке : дисс. на соискание учен. степени докт. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык » / А. А. Калинина. – М., 2011. – 539 с.

36. Словник української мови: в 11 тт. / [за ред. І. К. Білодіда]. – К.: Наукова думка, 1970–1980. – Т. 9. – С. 516.

37. Селиванова О. О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія / О. О. Селиванова. – Полтава: Довкілля. – К., 2006. –716 с.

38. Штерн І. Б. Вибрані топіки та лексикон сучасної лінгвістики: енцикл. словник для фахівців з теоретич. гуманіт. дисциплін та гуманіт. інформатики / І. Б. Штерн. – К.: АртЕк, 1998. – 336 с.

39. Войцехівська Н. К. Категорія згоди в українському літературному діалогічному дискурсі: дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.01 «Українська мова» / Н. К. Войцехівська. – К., 2008 . – 289 с.

40. Дронова И. А. Модусные категории assertation / negation в современном английском языке : когнитивно-функциональный потенциал : дисс. на соискание учен. степени докт. филол. наук: спец. 10.02.04 «Германские языки » / И. А. Дронова. – М., 2012. - 193 с.

41. Ніка О. Теорія модусу в сучасній лінгвістиці / О. Ніка // Українська мова. – 2011. – № 2. – С. 19– 29.
42. Почепцов Г. Г. «Положительность / отрицательность» как семантический фактор в синтаксисе / Г. Г. Почепцов // Вопросы романо-германской филологиии. Синтаксическая семантика. – Вып. 12. – М., 1977. – С. 82–90.
43. Максимов В. Д. О функционально-семантической категории негопозитивности / В. Д. Максимов // Структурно-семантические исследования на материале западноевропейских языков. – Барнаул: Изд-во Алтайск. гос. ун-та, 1979. – С. 99– 105.
44. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – М. : Учпедгиз, 1956. – 512 с.
45. Дудик П.С. Синтаксис сучасного українського розмовного літературного мовлення / П. С. Дудик. – К. : Наукова думка, 1973. – 226 с.
46. Озерова Н. Г. Средства выражения отрицания в русском и украинском языках / Н. Г. Озерова. – К. : Наук. думка, 1978. – 118 с.
47. Вихованець І. Р. Граматика української мови. Синтаксис / І. Р. Вихованець. – К. : Либідь, 1993. – 268 с.
48. Кущ О. П. Ствердження і заперечення в українській мові : дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.01 «Українська мова» / О. П. Кущ. – Вінниця, 2002. – 156 с.
49. Мірченко М. В. Структура синтаксичних категорій / М. В. Мірченко. – Луцьк. : Редакційно-видавничий відділ Волинського державного університету імені Лесі Українки «Вежа», 2001. – 340 с.

ПИТАННЯ ЛЕКСИКОЛОГІЇ ТА ЛЕКСИКОГРАФІЇ

==========

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ МЕЖДОМЕТИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Лю Фейхун, Панченко Е. И., Шепель Ю. А.

1. Словник междометий в диахронии и синхронии

Междометие — часть речи, объединяющая лексические единицы, которые в нерасчлененном виде выражают реакции говорящего, его волеизъявления и отображают явления внешнего мира (звукоподражания). Данные признаки междометий позволяют значительно расширить класс междометий, включить в него наряду с прототипическими, или собственно эмоциональными междометиями, прочие слова в изолированных синтаксических позициях. Данный подход привел к тому, что междометиями стали называться слова со значительно различающимися признаками. Серьезного внимания на это обстоятельство в традиционных грамматических описаниях обращено не было. Важнее было распределить по частеречным классам все лексические единицы, и междометия при решении этой задачи выполняли функцию «последней» части речи. Другими словами, междометия в грамматике – это часть речи, построенная по остаточному принципу, в ней собраны группы разных синтаксически изолированных слов, невзирая на их языковую и коммуникативную разнородность. К этой части речи относят собственно эмоциональные междометия – первичные, или прототипические: *ай, ох, ого* и др.; вторичные, или производные междометия: *ну и ну, вот так так* и т. п.; побудительные междометия: *фас, цыц, эй, ау, марш* и т. п., ответные реплики: *да, нет, еще бы, ну уж* и т. п., другие группы

слов. Мы считаем, что сюда не следует включать звукоподражательные слова *ку-ку, дзинь, бабах* и т. п.

Из этой емкой характеристики следует несколько принципиальных, методологически базовых, для нашего исследования позиций: особый семиотический статус междометий; принадлежность междометий к «речевым» единицам языка; спонтанность и аффективность порождения интерьективов; смысл междометной локуции реализуется лишь в момент речевой интенции / реакции говорящих (психологичен, прагматичен, ситуативен).

Рассмотрим далее. как реализуются данные теоретические положения в практической лексикографии. Существует большое количество толковых и специальных словарей современного русского языка. Мы посчитали целесообразным исследовать представление междометий в следующих изданиях:

- Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля как один из первых русских толковых словарей;
- Словарь русского языка С. И. Ожегова (далее словарь Ожегова) как один из наиболее популярных словарей, выдержавший огромное количество изданий;
- Большой толковый словарь русского языка подредакцией С. А. Кузнецова как один из новейших словарей;
- Русско-английский словарь междометий (Квеселевич Д. И., Сасина В. П.) (далее Словарь междометий) как единственное специфическое словарное построение, посвященное непосредственно междометиям.

Представим далее подробнее тот словник междометий, который имеется в указанных словарях. При его отборе мы пользовались методом сплошной выборки, в качестве критерия которой было принято условное обозначение данной части речи в словаре.

Толковый словарь живаго Великорускаго языка (В. Даль) — словарь, составленный Владимиром Ивановичем Далем в середине XIX века. Один из крупнейших словарей русского языка. Содержит около 200 000 слов и 30 000 пословиц, поговорок, загадок и присловий, служащих для пояснения смысла приводимых слов. В основе словаря лежит живой народный язык с его областными видоизменениями, словарь включает лексику письменной и устной

речи XIX века, терминологию и фразеологию различных профессий и ремёсел. Словарь не только даёт информацию о языке, но и о народном быте, поверьях, приметах, другие этнографические сведения.

Словарь составлен по алфавитно-гнездовому принципу. Такой метод способствует отражению словообразования, но вызывает и трудности: порой не ясно, где именно следует искать то или иное конкретное слово.

Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова содержит 80 000 слов и фразеологических выражений (считая заголовочные слова, производные слова), помещенные в словообразовательном гнезде, и фразеологические выражения и идиомы. Слова и фразеологизмы, заключенные в словаре, относятся к общелитературной русской лексике, а также к взаимодействующим с ней специальным сферам языка; в словаре широко представлена также просторечная лексика, употребительная в литературе и в разговорной речи. Словарная статья включает толкование значения, характеристику строения многозначного слова, примеры употребления, сведения о сочетаемости слова, грамматические и акцентологические (в необходимых случаях также орфоэпические) характеристики слова. Словарная статья сопровождается описанием тех фразеологических выражений, которые порождены этим словом либо так или иначе с ним связаны.

Словарь Ожегова имеет помету «*межд.*». Заголовные, которые являются первообразными междометиями, и звукоподражательные слова, снабжены этой пометой (всего 59 междометий). Приведем несколько примеров словарных статей, включающих указанную помету.

А³ [*произносится с различной степенью длительности*], ***межд.*** *Выражает досаду, горечь, а также удивление, злорадство и другие подобные чувства. Что я наделал? - А-а! А, попался!*

*Бах. 1.**межд**. звукоподр. Об открывистом низком и сильном звуке. 2. в знач. сказ. Бахнул (во 2 знач.) (разг.). Он б. стакан об пол! 3. межд. глагол* [*интонационно чётко обособлен*] *предваряет сообщение о возникновении такой (сменяющей другую) ситуации, которая в высшей степени неожиданна. Долго ходил*

женихом,потом бах! – и женился. Сижу без денег и вдруг бах! – перевод!

Эге и Э-ге-ге [*ге или he*], ***межд.*** *Употр. при обнаружении чего-н. значительного или неожиданного в знач. Вот оно что, вот так. Эге! Вот, оказывается, в чём дело-то!*

В словнике междометий в словаре представлены все основные их виды. Большая часть междометий является первообразными (41 слово или 70%), например:

Ага [aha] 1. ***межд.*** *Восклицание с торжествующей интонацией. Ага! Попался! 2. частица Выражает подтверждение,а также уяснение или догадку (прост.). Ага,вот в чём дело-то! Видишь? – Ага, вижу.*

И³, ***межд.*** *[произн. протяжно. В начале предложения в реплике выражает увещевание или несогласие] И, полно!*

Мы провели количественные подсчеты слов, которые являются исконными, заимствованными или интернациональными, то есть общими для ряда языков. К исконным словам, которые насчитывают 39 единиц (66%), отнесем, например,

Боже. 2. ***межд.*** *Выражает удивление,восторг, негодование и другие чувства. Б., как здесь красиво! Б., как я устал! *Боже правый! (высок.) - восклицание,выражение удивления,восторга,гнева,печали. Боже (ты) мой! (разг.) – то же, что Боже (во 2 знач.);*

Цыц, ***межд.*** *(прост.) Окрик, выражающий запрет,приказание прекратить что-н. или замолчать. Ц.,ты!*

Незначительное количество междометий, представленных в Словаре Ожегова, является заимствованными. Таких единиц мы насчитали 8, или 14%, например:

Виват, ***межд.*** *Восклицание в знач. «да здравствует». В. Россия!*

Эврика! Восклицание в знач. Нашёл, понял, открыл.

12 интерьективов, или 20%, являются восклицаниями, существующими в значительном количестве языков мира. Можно предположить, что те древнейшие звуки, которыми человек издавна выражал свои эмоции, например:

Ого и ого-го [oho, ho] ***межд.*** *Выражает удивление и оценку. Ого (или о-го-го), как ты вырос!*

Э. ***межд.*** *Выражает недоумение, удивление, недоверие и другие самые разные чувства. Э, да это ты! Э нет, я не согласен!*

По нашему мнению, наблюдается определенная непоследовательность в отборе междометий для словника данного словаря. В первую очередь следует обратить внимание на то, что сюда же включаются и звукоподражательные слова, которые большинство лингвистов не относят к разряду междометий, например:

Вжик (разг.). 1. ***межд.*** *звукоподр. О резком и коротком свистящем звуке.*

Динь-динь. 1. ***межд.*** *звукоподр. О звонке бубенчика, колокольчика.*

Во-вторых, в словаре не представлены устойчивые сочетания, которые функционируют как междометия. Некоторые из них включены в словарную статью, заголовочным словом которой является ключевое слово устойчивого оборота, например:

Фу ***межд.*** *Выражает укоризну, досаду, презрение, отвращение. Фу, надоел! Фу, какая гадость!** ***Фу-ты*** *(разг. ирон.) – в сочетании с другими словами выражает насмешку, осуждение. Фу-ты какой важный стал! Опять всё перепутал,* ***Фу-ты господи! Фу-ты, ну-ты!*** *(разг. ирон.) – восклицание, выражающее насмешливое удивление, неодобрение. Нарядилась, накрасилась,фу-ты, ну-ты!*

В данном словаре также не различаются междометия, состоящие из одного звука или слога, и междометия, в состав которых входят повторы, например:

Ай *и* ***Ай-Ай-Ай*** *[айяяй],* ***межд.*** *1. Выражает самые разные чувства: испуг, боль, упрёк, порицание, удивление, одобрение, насмешку. Ай,больно! 2. Усиливает слово, к которому примыкает одно или вместе с местоимёнными словами «как»,«какой»(разг.). Ай как нехорошо! Ай (какой) молодец! *Ай да (всегда в непосредственном сочетании с именем или глаголом) (разг.) – выражает похвалу, одобрение, Ай да молодец! Ай да погуляли!*

«Большой толковый словарь русского языка» (Кузнецов С. А.) является универсальным справочником по современному русскому языку, в котором успешно соединена академическая полнота описания языковой лексики с лаконичной формой однотомного издания. Словарь включает около 130 тысяч слов. Кроме общеупотребительных слов в словаре приведены

основные термины, используемые в современной науке и технике, а также слова, обозначающие явления и реалии производственной, культурной и общественной жизни. Новым для толковых словарей является включение в некоторые статьи энциклопедических справок.

Как отмечается в Предисловии к Словарю, он соединяет научность с ясной, доходчивой формой изложения. Его основная задача — дать полную характеристику слова (его написания, произношения, происхождения, словоизменения, значения, сферы функционирования, сочетаемости), а также показать исторические, эстетические, символические смысловые нагрузки слова.

Величина словника позволяет полно представить лексический состав русского языка. В словаре содержится лексика всех стилистических пластов и литературных жанров, в которых функционировал русский язык на протяжении всего двадцатого века. Основным критерием включения слова в словарь является его фактическое использование в текстах художественной литературы и научно-популярных изданий, публицистике, массовой периодической печати и устной речи.

В словарь включены также слова и значения слов, которые по разным причинам не были представлены в толковых словарях ранее. К словам такого рода относятся: слова, вошедшие в русский литературный язык в течение последних десятилетий; слова, означающие термины и реалии понятийных сфер, связанных с астрологией, парапсихологией, народной медициной, религии и др.; слова, остававшиеся до недавнего времени на границе отдаленной периферии литературного языка (сниженная, жаргонная и бранная лексика).

Кроме описания основных значений слова, в словаре последовательно истолкованы переносные значения слов, а также устойчивые сочетания слов и фразеологизмы. Это позволяет раскрыть богатые экспрессивные и образные возможности русской лексики. Включены также слова, широко распространенные в художественных текстах конца XIX — начала XX века. Иллюстративный фонд словаря содержит пословицы, поговорки, афоризмы, цитаты признанных классиков русской литературы.

Словарь междометий (Квеселевич Д. И., Сасина В. П.), насколько нам известно, является единственным специализированным лексикографическим построением, предназначенным для токования и первода данной части речи. Этот словарь состоит из двух основных разделов:

- междометия и релятивы;
- звукоподражания и глагольно-междометные слова.

Количество слов здесь значительно превышает слова с пометой «межд.» в Словаре Ожегова. На титульном листе словаря указано «около 1000 единиц). По нашим подсчетам, в Словаре междометий представлено 791 междометие, одиночное или в составе устойчивых сочетаний.

«При отборе словника авторы относили к междометиям и релятивам следующие слова:

а) слова, выражающие согласие / несогласие: *да, нет, ага, конечно, ладно, как же, никак нет* и др.;

б) слова, выражающие различные оценки сказанного собеседником, ситуаций, происшествий и т.п.: *ой!, ах!, ужас!, цирк!, факт!, ну и ну!, здорово!* и др.;

в) слова, выражающие побуждение, команду, призыв и т.п. : *ш-ш!, стоп!, цып-цып!, огонь! оставь(те)!, кругом!* и др.» [1, с. 8].

Как отмечается в предисловии к словарю, междометия и релятивы — «это один из наименее разработанных в лексикографии пластов лексики» [1, с. 8]. Данный словарь пытается исправить существующее положение, при этом основной задачей здесь является дать английское соответствие тому или иному междометию.

Междометия здесь рассматриваются как ядро некоего поля, в которое входят две зоны – неидиоматическая и идиоматическая. Эти зоны включают в себя эмоциональные и императивные междометия, релятивы, восходящие к иным частям речи и сверхсловные релятивы. Приведем пример словарной статьи из данного словаря.

БРР /*брр, бр-р-р*/. *Выражает ощущение холода или чувство брезгливости, отвращения к чему-л.* brr!, br-r-r!

…весь он от головы до ног издавал такой вкусный морозный запах, что, глядя на него, хотелось замерзнуть и сказать: **бр-р-р**!	…from head to toe he emitted a pleasant frosty smell – just looking at him gave you the shivers: ‘**brrr**’

А. Чехов. Мальчики.

– Это невозможно видеть без содрогания! Я потом все вспоминал, и у меня по спине мурашки бегали. **Бр-р-р**!

К. Федин. Необыкновенное лето.

'It's impossible to look at such a thing without shuddering. Whenever I remember it the chills run up and down my back. **Br-r-r!**

Характеризуя словник данного лексикографического построения, отметим следующие его особенности.

Здесь разграничиваются как отдельные словарные статьи толкования одного или того же междометия в разном значении.Так, толкование эмоционального междометия *А* подано под номером 1, толкование когнитивного междометия *А* — в отдельной статье под номером 2. Такой подход объясняет значительное увеличение общего количетва междометий, представленных в словаре (ср. 59 слов в Словаре Ожегова и 791 междометие в словаре междометий). особенности толкования той или иной единицы являются предметом рассмотрения в следующем разделе, здесь мы лишь проиллюстрируем подобные варианты.

Увеличение объема словника данного издания достигается также засчет выделения в отдельные статьи структурных вариантов междометий (с повторами звуков или без).

Лексемы, отличающиеся отдельными звуками, что позволяют отнести их к различным стилистическим регистрам (например, просторечное и нейтральное слово), также представлены в отдельных словарных статьях, ср.: *погоди!, подожди!, ха, хе!*

Значительное количество заголовных единиц в Словаре междометий (49 %, по нашим подсчетам) представляют собой устойчивые междометные сочетания типа *будь добр, будь спокоен, будь ты неладен, будь ты (трижды) проклят; очень мило, очень надо, очень нужно, очень приятно, чтоб тебе пусто было, чтоб тебя, что делать, что ж, что ж такого, стыд и позор, ясное дело* и т. п.

По нашим подсчетам, около 150 отдельных слов отнесено к междометиям в словаре междосметий, которые в таком качестве не педставлены в словаре Ожегова. Среди них, например, *айда, амба, берегись, беда, безобразие, врешь, гляди, давай, есть, задача, история, каково, любопытно, молодец, навались, откуда, пади,*

рассчитайсь, салют, точка, уел, фига, хорош, чушь, шабаш и многие другие.

Таким образом, сравнивая Словарь Ожегова и Словарь междометий с точки зрения полноты их словника, можно говорить о минимальном и максимальном наборе интересующих нас слов.

2. Отражение семантического разнообразия междометия в словаре

Уникальность междометий состоит в том, что большинство слов из этой замкнутой группы способны выражать не только широкий диапазон чувств и эмоций, но и выступать в качестве императивов, вокативов и др. Эта особенность ставит очень сложные задачи перед лексикографами. В этом подразделе мы рассмотрим, как решются эти задачи в разных словарях.

Свойства эмотивных междометий заключаются в создании предварительного эмоционального фона, зачина, на основе которого и развивается в целом эмоциональный план текста. Их синтагматическая особенность состоит в том, что они могут не входить непосредственно в структурный состав высказывания, но вместе с ним создают единый эмоциональный план контекста. Другая группа междометий служит усилителем основного высказывания, интенсифицируя эмоцию. Третья группа уточняет характер эмоции. Признак «однозначность» эмоциональной оценки предполагает абсолютивность функционирования междометия, в чем и заключается их уникальность.

Многозначные эмоциональные междометия – это языковые единицы, имеющие более одного значения. Конкретное значение междометия в каждом случае реализуется в соответствующем коммуникативном контексте. Принципиальная разница с однозначными междометиями состоит в том, что однозначные междометия входят в коммуникативный контекст, приспособленный для актуализации именно этой эмоции, создавая и определяя в целом эмоциональный план контекста. Многозначные же междометия обслуживают множество коммуникативных контекстов, создавая с

другими эмоциональными средствами тот эмоциональный план, в котором собственно реализуется одно из эмоциональных значений междометий. Междометия, сигнализирующие одну эмоцию, и те, семантика которых совмещает две и более эмоции, реализуются, исходя из данных самой коммуникативной ситуации, специфики партнера, контекстуальных средств идентификации той или иной эмоции. Различно и синтагматическое поведение междометий как класса слов. Обычно их относят к единицам с ограниченной сочетаемостью. В зависимости от интенции и структуры высказывания междометие может включаться в его состав, придавая ему эмоциональную окраску и, соответственно, экспрессию. Таким образом, «поведение» междометия в речевом общении может сигнализировать, во-первых, об абсолютивном употреблении, во-вторых, об усилении эмотивного высказывания, в-третьих, о том, что междометие может являться сигналом о приближении последнего.

Группа первичных эмоциональных междометий является прототипической, ее признаки имеют статус категориальных. Другие группы единиц, регулярно относимые к классу междометий, лишь частично обладают категориальными признаками; такие единицы необходимо описывать отдельно от эмоциональных междометий.

А. А. Шахматов, говоря о смысловых функциях междометий этого типа, отмечал, что иногда эти различные значения отражаются в соответствующей интонации, а иногда о различном значении для говорящего того или другого междометия можем узнать только из тех условий, при которых вырвалось данное восклицание. Зависимость экспрессивно-смысловой окраски междометий от ситуации здесь проявляется особенно ярко.

Рассмотрим, как именно выстраиваются словарные статьи, предназначенные для толкования эмоциональных междометий.

В Словаре Ожегова типичным типом толкования является описательная дефиниция, обязательным компонентом которой выступает лексическая единица, называющая то или иное чувство, например:

Ах. *1.* ***межд.*** *Выражает* ***удивление, восхищение, испуг и другие чувства****. 2.* ***межд.*** *Усиливает слово, к которому примыкает – одно или вместе с местоимёнными словами «как», «какой». Устал ты,ах (ах и; ах как) устал! Чувак он, ах какой чувак! 3. ахи, -ов. Аханье,*

*восклицания, выражающие удивление, сожаление (разг.). Ахами да охами делу не поможешь.*Ах да! (разг.) – Вот кстати; Восклицание при внезапном воспоминании о чём-н. упущенном. Ах да, чуть не забыл сказать. Не ах (разг. шутл.) – не особенно хорош, так себе. Костюмчик, конечно, не ах.*

Словарь междометий также в большинстве случаев прибегает к использованию указанного типа дефиниций, но в данном словаре центр тяжести переносится на иллюстрации и способы перевода, например:

Возвращаясь к теоретической классификации эмоциональных междометий, проанализируем, насколько точно данная классификация отражается в словарях.

Междометия эмоционального состояния, имеющие положительную коннотаицю, выражают:

1) радость;

2) удовлетворение, облегчение.

Эти чувства находят следующее отражение в Словаре Ожегова:

- выражает восхищение (*ах, ну*), восторг (*боже*), одобрение, восхищение (*браво*), воодушевление, восторженное одобрение (*ура*). Этим недлинным перечнем положительных эмоций список дефиниций исчерпывается. Проиллюстрируем сказанное следующим примером.

Ах. 1. ***межд.*** *Выражает удивление, восхищение, испуг и другие чувства.*

В Словаре междометий к приведенному выше перечню эмоций добавляются следующие: любование, гордость, торжество, любопытство, интерес, высшая степень удовлетворения, блаженства, счастья.

При отрицательной тональности эмоции и активном эмоциональном поведении субъекта междометия могут выражать: 1) гнев, негодование; 2) страх; 3) тревогу, беспокойство; 4) горе, отчаяние; 5) боль, душевные страдания; 6) злорадство – «эмоциональный гибрид», имеющий в основе две эмоциональные доминанты гнев и радость, при сложной тональности (–/+), и активном проявлении эмотивной реакции у говорящего.

По нашим наблюдениям, отрицательные эмоции выражены в Словаре Ожегова более широким набором слов, что выражают

досаду, горечь, злорадство, испуг, боль, негодование, гнев, печаль, сомнение, недоверие, нерешительность, сожаление, страх, озабоченность, например:

Эхма, ***межд.*** *Выраж.* ***сожаление****, удивление, решимость и другие подобные чувства.*

К этому списку можно добавить отрицательные эмоции, названные в Словаре междометий: безразличие, безысходность, злоба, протест, сильная тревога, сильное раздражение, решимость с оттенком досады, брезгливость, возмущение, отчаяние, ощущение холода, типа *какого рожна, вот где сидит.*

В целом Словарь междометий описывает эмоции со значительно большей степенью детализации.

Междометия эмоциональной оценки, как известно, передают:

А) положительное эмоционально-оценочное отношение: 1) удивление; 2) похвалу, поощрение; 3) восхищение; 4) желание, стремление. Этот достаточно широкий перечень эмоций. представленный в лингвистической литературе, в Словаре Ожегова сводится к следующему:

- удивление, одобрение, восхищение, оценка:

Ого и ого-го [оhо,hо] ***межд.*** *Выражает удивление и оценку. Ого (или о-го-го),как ты вырос!*

Положительная оценка в Словаре междометий, кроме перечисленного выше, может выражаться таким образом: похвала, утвердительная оценка высокой степени удовлетворения, удовлетворение, оценка чего-либо или кого-либо как привлекательного, обаятельного, чарующего: *важно, земной рай.*

Б) Отрицательное эмоционально-оценочное отношение:
1) порицание, недовольство; 2) презрение, отвращение; 3) сожаление, досаду; 4) сочувствие; 5) укоризну, упрек; 6) зависть; 7) иронию, пренебрежение; 8) неловкость, смущение; 9) пресыщение.

Из перечисленных выше слов, представляющих негативную коннотацию, в Словаре Ожегова наличествуют:

- *досада, упрёк, ирония, укоризна, презрение, отвращение,* кроме того, добавляются такие эмоционально-оценочные слова, как *горечь, порицание, негодование, угроза, насмешка, неодобрение, недоверие, озабоченность*, например:

А³ [произносится с различной степенью длительности], ***межд.***

Выражает досаду, горечь, а также удивление, злорадство и другие подобные чувства. Что я наделал? - А-а! А, попался!

Словарь междометий выражает отрицательную оценку также словами: ситуация нелепая, смешная. мелодраматическая; неудовольствие, ситуация в значении «конец, гибель, смерть, возмущение, укор, несуразное, нелепое, преувеличенное, осуждение, вздорное, не имеющее никакого смысла», ср.: *кино, амба* и др.

Некоторые эмоционные междометия употребляются в крайне разнородных, экспрессивно-противоречивых значениях. Они служат средством выражения очень далеких, иногда даже исключающих друг друга чувств и настроений. Например, междометие *А*^{3} выражает догадку, удивление, иногда с оттенком иронии или злорадства; ужас, боль, отвращение, решимость с оттенком отчаяния или досады; иногда просто досаду, даже настойчивость зова или требования, что отражается в словаре следующим образом:

А^{3} *[произносится с различной степенью длительности],* *межд. Выражает досаду, горечь, а также удивление, злорадство и другие подобные чувства. Что я наделал? - А-а! А, попался!*

Не менее сложен и разнообразен круг значений междометия ***ЭХ!*** Оно выражает и укор, и сожаление, и горе, и удивление с оттенком ошеломленности, и восхищение, и страстное желание-тоску:

Эх, ***межд.****(разг.). 1. Выраж. сожаление, упрёк, озабоченность. Эх ты, разиня! 2. усиливает слово, к которому прим. – одно или вместе с «как», «какой». Эх, побежали! Эх, и песня! Эх, как ты вымок!*

Междометие ***О*** выражает не только горе, сожаление, печаль, но и порицание, и восхищение-удивление, и самоуверенность, и вместе с тем служит эмоциональным усилением утверждения.

Бросается в глаза эмоциональная неустойчивость, смысловая диффузность этого типа междометий. Они легко подхватываются интонационной волной аффективной речи и изменяются соответственно общей эмоциональной окраске высказывания. Кроме того, повторение, разнообразное интонационное варьирование гласного звука междометия или целого соответствующего односложного междометия ведет к образованию новых междометий с иными значениями (ср.: *а-а-а! ой-ой-ой! ох-ох-ох! о-ох! ай-ай-ай*! и т. п.).

В Словаре Ожегова такие варианты представлены в одной словарной статье:

Например, *Ай!* служит лишь выражением: 1) боли, неудовольствия или испуга; 2) упрека или укоризны, иногда с иронической окраской:

Ай и ***Ай-Ай-Ай*** *[айяяй]*, ***межд.*** *1. Выражает самые разные чувства: испуг, боль, упрёк, порицание, удивление, одобрение, насмешку. Ай, больно! 2. Усиливает слово, к которому примыкает одно или вместе с местоимёнными словами «как», «какой»* (разг.). *Ай, как нехорошо! Ай, (какой) молодец!* Ай да (всегда в непосредственном сочетании с именем или глаголом) (разг.) – выражает похвалу, одобрение, Ай, да молодец! Ай, да погуляли!*

Однако большая часть многозначных междометий этого рода состоят из одного гласного или с присоединением согласного х (*о, а, э, ох, ах, эх*, но ср. узость значений междометий, начинающихся гласным верхнего подъема: *ух! их!).* Однообразнее и теснее есть круг значений односложных междометий, оканчивающихся на [й]; ср.: *ай, ой, эй.*

Другая группа эмоционных междометий, особенно тех, которые включают такие характеристические согласные, как губные (*б, ф*), или состоят из узких гласных (*и, у*), более однотонна и однообразна в смысловом отношении, например:

Фу. ***межд.*** *Выражает укоризну, досаду, презрение, отвращение.*

Не подлежит сомнению, что гласные фонемы русского языка в разной степени способны выражать эмоции. По-видимому, наиболее однообразна эмоциональная окраска звуков [*у*] и [*и*]:

Междометие *И*, практически вышедшее из употребления в литературном языке и носящее отпечаток областного просторечия, выражает не только укоризну, но и отрицательное отношение к словам собеседника, протест, возражение, несогласие с его оценкой. Данное междометие толкуется следующим образом:

И[3], ***межд.*** *[произн. протяжно].. В начале предложения в реплике выражает увещевание или несогласие. И, полно!*

Междометие *у* выражает резкие аффек- тнвные состояния восторга, восхищения, крайнего изумления и ужаса, трепета.

У[1], *[произн. протяжно]*, ***межд.*** *Выражает укоризну или угрозу, а также удивление, страх и другие эмоции. У, безобразник!*

Еще более одноцветна экспрессивно-смысловая окраска эмоционных междометий, состоящих из согласных в сочетании их с гласными.

Например, *БА* выражает только удивление или недоумение при неожиданности:

***Ба**, межд. Выражает удивление. Ба! кого я вижу!*

Междометия обладают такими свойствами, которых нет даже у знаменательных частей речи. Речь идет, прежде всего, о том, что междометия обладают, во-первых, рядом коммуникативных функций; во-вторых, они способны представлять высказывание абсолютивно, не нуждаясь в синтаксической поддержке речевой цепочки. Фонетический анализ единиц этой группы позволяет говорить о двойственности объекта исследования.

Устные эмоциональные междометия имеют самостоятельную (отдельную от языковой) или периферийную фонетическую систему, принципы описания которой до сих пор окончательно не определены. Значимыми для этих единиц оказываются просодические характерисики — интонация, тон, тембр, фонации. Звуковой состав устных эмоциональных междометий не играет той роли, которая характерна для стандартных языковых единиц. Письменные фиксации эмоциональных междометий не способны отражать просодические характеристики, они строятся на языковых звуках и их сочетаниях. Различия между устными и письменными формами не только качественные, но и количественные. Многие устные междометия строятся на неязыковых звуках, которые описываются словосочетаниями *зацокать языком (от сожаления), присвистнуть (от удивления), (облегченно) вздохнуть, застонать (от боли)* и т. д.

Исследованием фонетических свойств первичных эмоциональных междометий в разных языках занимались и занимаются такие специалисты по устной речи, как Н. В. Юшманов, А. А. Реформатский, Ф. Пойатос, Н. Вард, Н. Кемпбел, К. Элих и др. Все они отмечают наличие при коммуникации особых звуков и звукосочетаний, отличных от языковых. Этим звукам исследователи дают различные наименования: необычные слогофонемы, звуковые жесты, вокальные рефлексы, несловесные разговорные звуки, квазиязыковые элементы,альтернанты, «мычания», изоляты и т. д. Эмоциональные междометия описываются в работах как

фонетически нестандартные и как высоко частотные единицы устной речи.

В лингвистической литературе перечисляются основные фонетические свойства рассматриваемых единиц:

1) нечленораздельность звучаний, неразложимость или плохая разложимость их на отдельные языковые звуки. Сюда можно отнести, например, звучания свиста (*Фью*), символического плевка (*Тьфу!, тьфу-тьфу*!) и т. п.:

2) нестандартность производства и артикуляции звука, отсутствие соответствующих звуков в языке. К нестандартным относятся так называемые «вдыхательные» звуки (*Фф* «в себя»), «гортанно-носовые» звуки (*Гм, Мда*), разного рода прищелкивания языком (*Ц-ц-ц!)* и т. д. А звуки эмоциональных междометий, близкие к языковым, напоминают их лишь отчасти. Именно в результате общей фонетической непохожести, считают некоторые фонетисты, устные междометия не смешиваются акустически в потоке речи со стандартными языковыми единицами.

Следует подчеркнуть, что Словарь междометий разграничивает значение сходных междометий ГМ и ХМ. Часть значений у этих слов совпадает, но имеются дифференцирующие семнатические оттенки.

3) Первичность суперсегментных и вторичность сегментных характеристик.

В лингвистической литературе встречаются утверждения, что звуковой состав нужен междометию лишь для того, чтобы дать возможность развиться экспрессивной интонации. Словарь Ожегова. в отличие от Словаря междометий, отражает особенности интонационного рисунка слова:

У[1]*,* ***[произн. протяжно]****,* ***межд.*** *Выражает укоризну или угрозу, а также удивление, страх и другие эмоции. У, безобразник!*

4) Звуковой состав устного междометия не всегда проявляет смыслоразличительную функцию.

Для иллюстрации данного утверждения рассматриваются употребления междометий, построенных на одиночных гласных: о, а, э, и в качестве эмоциональных реакций на высказывание *«Она уехала». Она уехала. — У-у, даже так? Она уехала. — А, понятно. Она уехала. — Э, а я-то думал…* Смысловые различия междометных реакций, проявленные через звуковое оформление, в приведенных

примерах очевидны. Но в других контекстах такая дифференциация звуков не «срабатывает». Например, в последнем из приведенных контекстов, передающем возглас разочарования, междометие Э легко меняется на У-у, или на И-и, если эти звуки произносятся с одной – высокой и ровной – интонацией. При этом можно заметить, что эти звуки назализованы. *Она уехала. – Э /У-у / И-и, а я-то думал…*

Все перечисленные фонетические особенности устных эмоциональных междометий никак не могут быть отражены графически, в письменных текстах. «Письменные» фиксации представляют эмоциональные междометия внешне похожими на все прочие языковые единицы, построенными на основе стандартного звукового состава языка.

На морфологическом уровне эмоциональные междометия рассматриваются как неизменяемые слова. Они не располагают системой грамматических форм, что позволяет в некоторых западных лингвистических школах включать их в класс частиц, объединять с другими служебными словами и т.д.

Вторая, широко представленная в словаре, система междометий — это волитивная, или императивная, лексика. Среди императивных междометий по коммуникативной направленности воздействия на реципиента выделяются:

а) призыв как вокативный императив для установления контакта с кем-л.; это междометия прямого или дистанционного контакта, служащие для привлечения внимания реципиента в форме призыва или обращения; к ним относятся, в частности, слова *агу, пст, ау* и др.

***Агу**, **межд.** Ласковое слово, обращаемое к младенцу.*

Словарь междометий указывает на такие варианты значения:

а) переспрос, приглашение, призыв, вопросительный отклик (*Ась*)*;*

б) призывы как стимулирующие императивы сделать или взять что-л., проявлять активность в действиях (*марш, цыц* и т.п.):

***Цыц**, **межд.** (прост.) Окрик, выражающий запрет, приказание прекратить что-н. или замолчать. Ц., ты!*

По мнению составителей Словаря междометий, сюда следует добавить совет, предупреждение, предостережение, команда (*будь*);

в) приказы как направительные императивы побуждают кого-л. двигаться в указанном направлении; чаще всего используются для управления животными (*цоб, ату, фас*).

Ату, ***межд.*** *Побуждающая команда собаке:лови, хватай. Ату его! цоб цобэ*

По иной терминологии, среди волитивных междометий выделяют апеллятивно-контактирующие, или вокативные междометия – выражающие призыв, обращение:

Кис-кис, ***межд.*** *Возглас, которым подзывают кошку*;

г) апеллятивно-побудительные, или императивные – побуждающие к какому-либо действию:

Чу, ***межд.*** *Выражает призыв обратить внимание на негромкий,неясный или далёкий звук. Чу! что-то зашелестело в траве.*

Заметим, что в Словаре междометий при толковании волитивных и когнитивных междометий достаточно широко используются словарные дефиниции, построенные на употреблении слов-синонимов, которые практически отсутствуют в Словаре Ожегова, например: *баста, а то как же*.

Определенное место в ряду междометий, включенных в Словарь Ожегова, занимают когнитивные междометия, которые часто являются многозначными. Это слова, что выражают узнавание, припоминание, догадку, понимание, утверждение, возражение, а также непервообразные междометия, непосредственно выражающие модально-логическую оценку речевой ситуации, не называя ее при этом. Эти когнитивные действия представлены в словарных дефинициях следующими лексическими единицами: подтверждение, уяснение, догадка, внезапное воспоминание о чём-н. упущенном:

Эврика! — Восклицание в знач. Нашёл, понял, открыл.

В Словаре междометий такая группа слов представлена значительно шире. Когнитивные междометия выражают припоминание, реакцию на неоправданное сомнение, узнавание при встрече, полную уверенность, реакцию на неоправданную надежду, нахождение истинной причины, желание, усилие вспомнить, озадаченность, недоверие, уступительное допущение: *вот где собака зарыта, верняк, подожди*.

Говоря о междометиях, в первую очередь следует обратить внимание на фонетическую составляющую словарной статьи, каковая практически отсутствует в дефинициях других разрядов слов. Считаем необходимым отметить такую их особенность, как ***преобладание фонетической составляющей***. По нашим наблюдениям, этот компонент словарной статьи не типичен для толкования слов, относящихся к другим частям речи.

Фонетическая составляющая словарной статьи может быть выражена следующими способами.

1. Описание особенностей интонации при произношения данного слова, например:

*А³[**произносится с различной степенью длительности**], межд. Выражает досаду, горечь, а также удивление, злорадство и другие подобные чувства. Что я наделал? - А-а! А, попался!;*

*Ага [aha] 1. межд. Восклицание **с торжествующей интонацией**. Ага! Попался! 2. частица Выражает подтверждение, а также уяснение или догадку (прост.). Ага, вот в чём дело-то! Видишь? – Ага, вижу.*

*Бах. 1. межд. звукоподр. **Об отрывистом низком и сильном звуке**. 2. в знач. сказ. Бахнул (во 2 знач.) (разг.). Он б. стакан об пол! 3. межд. глагол **[интонационно чётко обособлен]** предваряет сообщение о возникновении такой (сменяющей другую) ситуации, которая в высшей степени неожиданна. Долго ходил женихом, потом бах! – и женился. Сижу без денег и вдруг бах! – перевод!*

*И³ межд. **[произн. протяжно**. В начале предложения в реплике выражает увещевание или несогласие. И, полно!*

*У¹, **[произн. протяжно**, межд. Выражает укоризну или угрозу, а также удивление, страх и другие эмоции.*

2. Лингвистическая характеристика звукового воплощения описываемого слова (транскрипция):

*Ай и Ай-Ай-Ай **[айяяй**, межд. 1. Выражает самые разные чувства: испуг, боль, упрёк, порицание, удивление, одобрение, насмешку. Ай, больно! 2. Усиливает слово, к которому примыкает одно или вместе с местоимёнными словами «как», «какой» (разг.). Ай как нехорошо! Ай (какой) молодец!* Ай да (всегда в непосредственном сочетании с именем или глаголом) (разг.) –*

выражает похвалу, одобрение, Ай да молодец! Ай да погуляли!

Гоп ***[hon]****, межд. поощрительный возглас при прыжке. Не говори г., пока не перепрыгнешь (посл.).*

3. Физическая характеристика звука, образующего междометие:

Бац. 1. межд. звукоподр. ***О коротком сильном и резком звуке****. 2. в знач. сказ. Ударил. Бахнул (разг.). Б. его по спине. 3. межд. глагол* ***[интонационно чётко обособлен]****. Предваряет сообщение о возникновении такой (сменяющей другую) ситуации, которая в высшей степени неожиданна. Никто не гадал – бац! – явился. Был солнечный день – бац! – ливень.*

Бултых (разг.) 1. межд. звукоподр. ***О коротком и сильном звуке при падении в воду****.*

Бум² межд. звукоподр. ***О глухом и сильном звуке****, напр. Об ударе колокола, выстреле из орудия. *Ни бум-бум (прост. шутл.) — современно ничего (не знать, не понимать).*

Бух. 1. межд. звукоподр. ***О коротком и сильном глухом звуке****. 3. межд. глагол [****интонационно чётко обособлен****]. Предваряет сообщение о возникновении такой (сменяющей другую) ситуации, которая в высшей степени, что он погостит, а он – бух! – и уехал.*

Вжик (разг.). 1. межд. звукоподр. ***О резком и коротком свистящем звуке****.*

Фьють, межд. звукоподр. ***Воспроизведение свиста, свистка****.*

Чу, межд. Выражает призыв обратить внимание на ***негромкий, неясный или далёкий звук****. Чу! что-то зашелестело в траве.*

4. Лексическое наполнение словарной дефиниции содержит слова, относящиеся к лексико-семантическому полю «звук»: *оклик, окрик, припев, восклицание* и т.п., например:

Бай² и Бай-Бай. межд. ***Припев*** *колыбельной песни в знач. спи, засыпай. Идти бай-бай (у детей: идти спать).*

Брысь, межд. ***Окрик****, которым прогоняют кошку. Б. отсюда!. Б., пошла!*

Ура, межд. Боевой ***клич*** *войск при атаке, а также* ***восклицание****, выражающее воодушевление, восторженное одобрение. Грянуло Ура! *На ура – 1) решительной атакой; 2) с энтузиазмом, горячо(разг.). Предложение приняли на ура; 3) не подготовившись, в надежде на случайный успех(разг.) действовать на ура.*

Чур, межд.(разг.) 1. ***Возглас*** *(обычно в детских играх),которым запрещают касаться чего-н.; переходить за какой-н. предел [первонач. в заклинаниях, где слово «чур», обозначает границу, межу]. Ч. меня! 2.* ***Возглас****, которым требуют соблюдать какое-н. условие. Ч. я первый! Только ч. я остаюсь! Ч. это секрет!*

Ш-ш! [произносится протяжно]. межд. Выражает ***призыв к тишине, к молчанию****.*

Эврика! ***Восклицание*** *в знач. Нашёл, понял, открыл.*

Таким образом, словарь, безусловно, является одним из важнейших способов описания лексической системы языка. В отличие от некоторых других способов лексикографической интерпретации словарного состава присуща комплексность анализа слова (характеристика с позиций всех уровней языка), полнота (универсальность, всеохватность структуры словарной статьи), доказательность исследования, достаточность для отдельных периодов, определенная обозримость, наглядность. Ср.:

АГА *нареч. зап.,* ***эге*** *малорос. (буква г произн. по-южному, с придыханием) да, так, конечно, ладно. Ти быв ён тамацки? — "Ага" смол. Ага, агату междомет. изумления, смол. а, ах, ба. | Ага междомет. торжества а-а!*

В Словаре междометий значительное внимание уделяется словам, выражающим согласие или несогласие, например: *естественно, что ты.*

Толкование подобных единиц во многих случаях включает элементы градуальности, то есть согласие ∨ несогласие может полным ∨ частичным, с различной степенью категоричности, например: *вроде, откуда.*

В лингвистических определениях описание строится таким образом, что объекты, названные словом, характеризуются с помощью лингвистических понятий, отсылающих к другому исходному слову:

АЮШКА*, аяй, аякса и пр. — см. ай.*

Традиционное назначение словаря — определить значение слова, его «лица необщее выраженье», его отличие от других слов и, следовательно, место среди других единиц лексемного уровня, короче говоря, установка словаря — на детальную дифференциацию лексем. Пополнение и уточнение

дифференциальных признаков слова, совершенствование наших представлений о значениях слов и способах упорядочить, систематизировать эти представления — важнейший и необходимый компонент лингвистического знания, все это отражено и зафиксировано в трудах многих поколений лексикографов.

Таким образом, существующая палитра разнообразных способов представления слова в толковом словаре дает возможность лексикографам успешно толковать даже такие сложные семантические единицы, как междометия.

3. Структурная матрица междометия как проблема лексикографии

Наиболее важной композиционной частью словарной статьи, основным компонентом в структуре её текста является дефиниция. Лексикографы все чаще ставят вопрос о необходимости изучения формы, конструкции, синтаксиса словарной дефиниции, а главное — структурно-семантических отношений между главным словом и его дефиницией.

Словарные статьи, посвященные междометиям, могут быть представлены в виде структурных схем или моделей, что позволяет проанализировать большой по объему фактический материал и наглядно представить весь массив исследуемого материала. Под структурной схемой или моделью мы понимаем символическое представление речевого отрезка, являющегося объектом нашего исследования. Представление о модели как системе изучения и описания отдельных явлений объективной действительности и как структурно-функциональном анализе явлений нашло отражение в отечественной лингвистике (Г. А. Брутян, Б. Х. Исмагулова, И. И. Меньшиков, Л. П. Столярова, И. Б. Петриченко, Л. П. Попко и др. лингвисты).

Массив моделей словарной дефиниции, толкующей междометие, можно представить тремя списками с учетом частоты использования данной конструкции в пушкинском тексте:

высокочастотные (более 15 %), низкочастотные (до 15 %) и единичные модели. Для построения моделей используем символику, принятую в большинстве исследований отечественных языковедов. Слова имеют такие обозначения:

С – существительное;

П – прилагательное;

М – субстантивное местоимение;

К – адъективное местоимение;

Р – причастие

Р – причастный оборот;

Д – деепричастие

Мд - междометие

Пр – предлог

Г – глагол

Ч – частица

Предл. – придаточное предложение.

Ключевой структурный опорный компонент конструкции мы будем выделять жирным шрифтом с двойным подчеркиванием (**С**).

По результатам наших исследований были построены следующие базовые модели, учитывающие принадлежность к частям речи и порядок слов, входящих в словарную дефиницию:

1. Глагол — дополнение (чаще имя существительное)

Г – С,

например:

У[1], [произн. протяжно, межд.] ***Выражает укоризну или угрозу****, а также удивление, страх и другие эмоции. У, безобразник!*

Данная модель является преобладающей в Словаре междометий. По нашим подсчетам, по этой модели выстраиваются около 90% всех дефиниций. В них входят в основном две ключевые лесические единицы: *выражает* и *употр*. как, например: *каково*

2. (Прилагательное) имя существительное – (прилагательное) имя существительное

С – С:

Бай[2] и Бай-Бай. межд. ***Припев колыбельной песни*** *в знач. спи, засыпай. Идти бай-бай (у детей: идти спать).*

Незначительное количество словарных статей в Словаре междометий моделируется этой модели, ключевым словом здесь

можно считать «*возглас*», например: *раз-два, взяли*

3. (Прилагательное) имя существительное – придаточное предложение (чаще со словом который):

С – С:

Чур, межд.(разг.) 1. ***Возглас*** *(обычно в детских играх),* ***которым*** *запрещают касаться чего-н.; переходить за какой-н. предел [первонач. в заклинаниях, где слово «чур» обозначает границу между. Ч. меня! 2. Возглас, которым требуют соблюдать какое-н. условие. Ч. я первый! Только ч. я остаюсь! Ч. это секрет!*

4. Предлог (***о, об***) – (прилагательное) имя существительное

Пр – (П) **С**:

Бум² межд. звукоподр. ***О глухом и сильном звуке****, напр. Об ударе колокола, выстреле из орудия. *Ни бум-бум (прост. шутл.) – современно ничего (не знать, не понимать).*

Эта конструкция может иметь место также в Словаре междометий, где она представлена в основном словами *В знач.,* например: *каюк*

5. Причастие (одиночное или с зависимыми словами) в препозиции — имя существительное

Р (Р) – **С**:

Ату, межд. ***Побуждающая команда*** *собаке: лови, хватай. Ату его!*

6. Отсылочная дефиниция, включающая структуру ТО ЖЕ, ЧТО:

К – Ч – М, – С:

*Ей-ей, межд.(прост.). То же, что ей-богу. *Ей-же-ей (прост.) – то же , что ей-ей. Ей-же-ей не вру.*

7. Сочетание существительного с инфинитивом глагола:

С – Г:

Пли, межд. Команда выстрелить.

Таким образом, 1 конструкция (модель)

С – Г

оказалась одиночной (уникальной).

К низкочастотным моделям, по которым построено не более 10 исследованных нами конструкции (16% от общего количества) относятся следующие:

То же, что — С;

С – Предл

Остальные модели, в соответствии с упомянутыми выше количественными критериями, можно считать высокочастотными. Приведенное выше утверждение можно подкрепить некоторыми количественными данными, представленными в Таблице А.1.

Таблица А.1.

Количественная характеристика структурных моделей словарныйх дефиниций

Высокочастотные модели			Низкочастотные модели			Одиночные модели		
Модель	Общее коли-чество		Модель	Общее количест-во	%	Модель	Общее коли-чество	%
С – С	15	7	То же	5	8	С – Г	1	0,6
П – С	13	2	С– Пр	5	8			
Г – С	12	0						
С – Р	9							

Перечисленные выше модели имеют разное количественное наполнение. Как показывают наши подсчеты, размер словарной дефиниции (не учитывая пометы и иллюстрации) колеблется от 2—3 слов до 18—20. Как пример кратчайшей дефиниции проиллюстрируем толкование слова *пли*:

Пли, межд. Команда выстрелить.

Значительный объем имеют дефиниция слова *чур* в Словаре Ожегова:

Чур, межд. (разг.) 1.Возглас (обычно в детских играх), которым запрещают касаться чего-н.; переходить за какой-н. предел [первонач. в заклинаниях, где слово «чур» обозначает границу, межу.] Ч. меня! 2. Возглас, которым требуют соблюдать какое-н. условие. Ч. я первый! Только ч. я остаюсь! Ч. это секрет!

Словарную дефиницию можно отнести к такому виду текстовых построений, как сжатый текст. Сжатый текст — это сообщение, объективированное подобно любому иному тексту в письменной форме, построенное путем сокращения полного текста либо созданное как изначально краткое, предназначенное при необходимости для дальнейшего развертывания в более объемный текст. Сжатый текст имеет повышенную информативную насыщенность по сравнению с первичным полным вариантом, что достигается благодаря разнообразным обязательным и факультативным средствам всех уровней языка. Сжатые тексты создаются в результате своеобразного сочетания объективных (материальных и технических) и субъективных факторов, имеют обширную сферу функционирования; возможность их формирования базируется на таких языковых тенденциях, как языковая избыточность и языковая экономия, последняя реализуется в языковой краткости и языковой компрессии.

Сжатость текста словарной дефиниции, толкующей междометие, по нашим наблюдением,заключается в следующем:

- на графо-фонемном уровне наблюдается использование сокращений, таких как *употр., кого-н.. чего-н., знач.* и т. п. Заголовное слово, потсоряясь в тексте, обозначается только первой буквой, например:

Ей-богу, межд. (устар. и разг.) Уверение в ***знач****. действительно, истинная правда.*

На синтаксическом уровне происходит сжатие текста словарной статьи благодаря применению эллипсиса — пропуску частей предложенияя. которые могут быть мысленно восстановлены. Так чаще всего строится предложение с пропущенным подлежащим.

Другим видом эллиптированного отрезка текста можно считать так называемое «осколочное» построение, когда роль словарной дефиниции выполняет отрезок предложения, как правило, имя существительное с предлогом:

Динь-динь. 1. *межд. звукоподр.* *О звонке бубенчика, колокольчика.*

Рассмотрим далее структурные варианты самих междометий, которые толкуются в различных словарях.

Среди них есть первообразные непроизводные междометия, которые состоят:

а) из одного звука: из одного гласного: *а! у! о! э! и!;*

б) из повторяющегося одного звука: *ааа! ууу!*

в) из двух звуков:

-из гласного и согласного: *ай! ой! уй! эй! ах! ох! ух! эх! их! уф!;*

-из согласного и гласного: *ба! хо! хе! но! ну! на! ша! фи! фу!;*

г) из повторяющихся двух звуков: *ах-ах!, ха-ха!*

д) из трех и больше звуков:

-из двух гласных и согласного между ними: *ага! угу! ого!; эге! увы!;*

-из одних согласных: *брр! гм!;*

-из нескольких согласных и гласного: *тьфу! тпру!*

е) из двух слов: *бум-бум!*

ж) из трех и больше слов.

Некоторые первообразные междометия могут быть удвоенными или утроенными: *а-а! ба-ба-ба! ай-ай! ой-ой-ой! ха-ха-ха! ох-ох-ох!*, а также могут употребляться с частицами или с глагольными флексиями 2-го лица множественного числа: *Ну же! Ну-ка! Ой-ли! Ну-те! Ну-те-ка!*

Первообразные междометия не соотносятся с какими-либо с другими частями речи

Производные междометия соотносятся с другими знаменательными частями речи

а) с глагольными формами: *Брось! Вали! Поди! Смотри! Скажи! Помилуй! Здравствуйте! Извините! Подумаешь! Прощайте*!;

б) с существительными: *Батюшки! Беда! Дудки/ Крышка! Пропасть! Страсть! Ужас!;*

в) с местоимениями: *То-то! Да что ты!;*

г) с наречиями: *Полно! Тиш!* (из «тише»);

д) с фразеологизмами: *Спасибо!* (из «спаси бог»); *Вот так штука! Черт возьми! Вот те раз! Скажи-ка на милость!*

4. Этимологичекий аспект лексикографирования междометия

По своему происхождению междометия делятся на три разновеликие группы

- вненациональные;
- исконно русские (славянские);
- заимствованные.

К вненациональным относятся первообразные эмоциональные междометия, схожие с рефлекторными выкриками (*ах, а, о, ох, фу, хм, ха, эх, эй* и т.д.). Их значение очень тонко подчеркнул своим вольным стихом В. Солоухин. «Мы сидим за одним столом»:

...Но в это время кошка,
пробиравшаяся по крыше,
Прыгнула, чтобы поймать воробья.
Промахнулась и упала в кадушку
с водой.
Ха-ха-ха! — на это сказал англичанин.
— Ха-ха-ха! — ответил ему француз.
— Ха-ха-ха! — подтвердил им обоимнемец.
— Ха-ха-ха! — согласился русский с тремя.
Официант, поклонившись вежливо,
сообщил нам,
Что будет подано
Самое лучшее,
Чуть не столетней выдержки,
Уникальное, фирменное вино.

О! — на это сказал англичанин.
— О! — француз отозвался мгновенно.
— О! — охотно включился немец.
— О! — согласился с ними и я. (...)
Так я понял, почему,
говоря по-разному,

Мы все же в конце концов
понимаем друг друга:
Англичанин, русский, немец,
француз.

Однако многозначность каждого такого междометия приводит к тому, что у разных народов появляются свои, не свойственные прочим языкам оттенки эмоций, передаваемые каким-либо подобным междометием. Во многих языках большую группу составляют императивные междометия, с помощью которых отдаются команды животным. По-русски цыплят подзывают, говоря *цып-цып-цып.*

Акцентирование внимания на письменных формах без учета вокальных жестов приводит к возникновению трудностей в переводческой практике. Отметим две из них.

1. Списки первичных эмоциональных междометий в разных языках не совпадают. При переводе не всегда удается найти близкий по форме и значению аналог.

2. Близкие по написанию междометия в разных языках могут различаться значениями, что опасно при переводе (эффект ложных друзей переводчика).

Эти проблемы и пути их решения рассматриваются в работе через анализ конкретных примеров. Считается, что английскому *phew* "удивление" в русском языке нет близкого аналога, и в результате междометие переводится на русский как *Ну и ну*.

В русском языке междометия давно заимствовались наряду с другими словами в результате контакта народов. Процесс заимствования в той или иной мере происходил и происходит постоянно. На сегодняшний день наиболее многочисленны заимствования из английского языка. Так, к новейшим заимствованиям междометий в современном русском языке можно отнести междометия типа *упс, кул, о-оу, бла-бла-бла, вау* и др.

Междометия делятся на «свойственные и заимствованные», причем термин «заимствованные» касается словообразовательной стороны, то есть в современной трактовке это производные междометия. Эти слова-реактивы не имеют императивного значения, но вполне могут иметь эмоциональную окраску, возникающую в ответ на слова собеседника.

Среди производных междометий встречаются иноязычные слова: *алло! стоп!* (из английского), *марш! куш! тубо! иси мерси пардон* (из французского), *баста! бравоти-исп! вира! майна!* (из итальянского) *караул! Айда, каюк* (из тюркских), *бис! виват* (из латинского), *капут* (из немецкого) и др.

Выводы

Междометие представляет собой уникальную группу слов, которая, являясь количественно ограниченной в любом языке, тем не менее привлекала и привлекает внимание многих лингвистов. Специфические семантико-коммуникативные черты междометий, их морфологическая и синтаксическая обособленность от других слов по-прежнему не позволяют решить окончательно вопрос об их частеречной принадлежности.

Начиная с античных грамматик и до современности лингвисты продолжают спорить по таким основополагающим проблемам, как

- лингвистический статус междометия;
- классификация междометий;
- критерии включенности в данную группу слов тех или иных лексических единиц.

Проанализировав труды ученых, изучавших междометия (Н. И. Греч, А. Х. Востоков, А. М. Пешковский, А. А. Потебня, Д. Н. Овсянико-Куликовский, А. И. Германович, А. И. Алатырев, И. Шаронов, Н. Добрушина и многие другие), мы присоединяемся к той точке зрения, что междометия — это особый разряд слов, не относящийся ни к знаменательным, ни к служебным частям речи. Они не имеют возможностей словоизменения и выражают эмоции, не называя их.

Среди основных типов междометий, на наш взгляд, необходимо назвать с точки зрения семантики такие: 1) эмоциональные (эмоционального состояния и эмоционально-оценочные); 2) когнитивные (узнавания, понимания и модально-логической оценки); 3) императивные (апеллятивно-контактирующие и

апеллятивно-побудительные); 4) вокативные (прямого контакта и дистанционного контакта), 5) фатические, 6) поэтические.

Вслед за рядом ученых (Л. Карпов и др.) мы не рассматривали в качестве междометий звукоподражательные слова, поскольку они не выражают ни эмоций, ни императивов.

При представлении междометия в словарях необходимо учитывать перечисленные выше семантико-функциональные особенности междометий.

Литература

1. Квеселевич Д. И., Сасина В. П. Русско-английский словарь междометий. - М . : Издательство АСТ, Астрель, 2001. — 253 (511) с.

ОДНОЗНАЧНОЕ СЛОВО В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЯЗЫКА И В ЛЕКСИКОГРАФИИ

Вотинцева М. Л.

Однозначное слово в его противоположности слову многозначному

Выяснение сущности значения слова, анализ качественных изменений в структуре слов в их историческом движении является одной из основных задач лексикологии. Как считает В. Г. Гак, лексическое значение слова — это содержание слова, отображающее в сознании и закрепляющее в нем представление о предмете, свойстве, процессе, явлении и т. д. Лексическое значение слова – продукт мыслительной деятельности человека, оно связано

с редукцией информации человеческим сознанием, с такими видами мыслительных процессов, как сравнение, классификация, обобщение. Лексическое значение слова носит обобщенный и обобщающий характер. Формирование лексического значения слова играет первостепенную роль в познавательной деятельности человека [17, с. 213].

Одним из путей подхода к решению сложных вопросов, связанных с изучением слова и его значения, с исследованием законов изменений значений слов, является выяснение разных типов или видов лексических значений слова и способов или форм их связи в смысловой структуре слова.

Общеизвестно, что слово является не только названием предмета или предметов, но и может выражать целую систему значений. В одном и том же значении обобщается и объединяется общественное понимание разных предметов или явлений, действий, качеств [ср., например: *пища, питание; продукт — продукты* (в разных значениях); *драгоценность — драгоценности; образец, образ; вести, идти, лететь, отплатить* и т. п.]. С другой стороны, разные слова, отличающиеся одно от другого своими значениями или их оттенками, могут быть применены как названия по отношению к одному и тому же предмету (например: *пища, питание, еда, стол*).

Значение слова определяется не только соответствием его тому понятию, которое выражается с помощью этого слова (например: *движение, развитие, язык, общество, закон* и т. д.); оно зависит от свойств той части речи, той грамматической категории, к которой принадлежит слово, от общественно осознанных и отстоявшихся контекстов его употребления, от конкретных лексических связей его с другими словами, обусловленных присущими данному языку законами сочетания словесных значений, от семантического соотношения слова с синонимами и вообще с близкими по значениям и оттенкам словами, от экспрессивной и стилистической окраски слова.

Объем словаря любого языка ограничен, поэтому развитие лексики происходит не только благодаря созданию новых слов, но и в результате увеличения числа значений у ранее известных, отмирания одних значений и возникновения новых. Это приводит

не только к количественным, но и к качественным изменениям в лексике. Лексическое значение в слове может быть единственным (такие слова называются однозначными), но может и сосуществовать с другими лексическими значениями этого же слова (такие слова называются многозначными).

По подсчетам Р. А. Будагова, «около 80 % слов в любом из языков (с небольшими колебаниями, в зависимости от конкретного языка) предстанут перед нами как слова многозначные. Однозначными окажутся или некоторые производные слова либо термины, т. е. наименования, относящиеся к определенной строго очерченной области знания (*азот, гипотенуза, дифтонг* и т. д.)» [13, с. 132-133]. Например, слово *люди* имеет следующие значения: множественное число к слову *человек* (морально-политическое единство людей); какая-нибудь общественная среда, группа (показаться на людях, жить в людях); *солдаты*, *живая сила* (потеря в людях и технике); *работники, кадры* (на заводе не хватает людей); устаревшее *слуги* (господские люди). Проиллюстрируем данные значения на примере из стихотворения С. Я. Маршака:

Для нас, <u>людей</u>, был черный ход,
А ход парадный – для господ.
Хоть нашу братию подчас
<u>Людьми</u> не признавали,
Но почему-то только нас
<u>Людьми</u> и называли [42, с. 331].

Полисемантизм слова подтверждает тот факт, что лексические единицы постоянно находятся в динамическом состоянии, отражающем изменения в окружающей действительности. Новые идеи и понятия получают новые значения, которые могут выражаться одним и тем же словом. Соприкасающиеся черты между явлениями сосредоточиваются в этом слове.

Несмотря на то, что вопросы теории значения, однозначности и многозначности давно являются объектом исследовательского интереса ученых, их некоторые аспекты по-прежнему вызывают множество споров среди современных языковедов.

Словарная практика, по-видимому, не успевает за развитием новых значений, и, по нашим подсчетам, которые будут подробнее освещены ниже, однозначных слов только на букву «А» в БТС [12]

насчитывается около 69%. Из рассмотренных 1784 слов, слов-моносемантов — 1238. Данное заключение подтверждает факт распространенности не только многозначных, но и однозначных слов в русском языке.

Целью нашего исследования является изучение особенностей лексикографического представления однозначных слов. Для достижения этой цели нам необходимо исследовать не только понятие однозначности, но и работы, связанные с многозначностью, которые имеют определенное значение и для нашего исследования, поскольку ряд проблем, типичных для полисемантов, являются общими и для моносемантов.

Одним из удачных и глубоких исследований является, на наш взгляд, работа А. П. Чудинова [63]. Функциональные аспекты многозначности проанализированы в монографиях Ф. А. Литвина [40] и Н. Г. Комлева [36]. Словообразовательные аспекты затрагивает В. Н. Прохорова [51]. Семантико-онтологическая сторона многозначности представлена в работе М. П. Муравицкой [45]. При исследовании полисемии Е. Л. Гинзбург преимущественно уделяет внимание методу семного анализа лексем [20].

Как отмечается в исследуемых работах, изменение лексического значения слова проходит через три этапа: единичное, не закрепившееся в языке изменение лексического значения проявляется лишь в особом употреблении слова; регулярное новое употребление, социально закрепившееся, приводит к формированию отдельного значения слова. При дальнейшем расхождении значений, сопровождающемся утратой ощущения связи между ними, образуется омоним — новая лексическая единица. Так, например, существительное *бригадир* в XVIII веке обозначало военный чин, средний между полковником и генералом, а теперь это руководитель производственной группы, бригады; слово *анекдот* еще во времена А. С. Пушкина означало необычайный случай, небольшой занимательный рассказ, а ныне — это ещё и маленький рассказ смешного содержания с неожиданным острым окончанием; современники Евгения Онегина приобретали *щепетильный* товар, т. е. галантерейные изделия, в наше время щепетильным называют человека деликатного, до мелочей

принципиального в отношениях с кем-либо или по отношению к чему-либо [12].

В связи с существованием многозначности возникает ряд теоретических проблем, которые различные ученые решают по-разному. А. А. Потебня считал, что многозначности нет: в каждом новом значении слова он видел новую лексическую единицу [17]. Р. О. Якобсон также отвергал, по сути дела, полисемию, утверждая, однако, что все значения слова представляют собой частные манифестации одного общего значения [17]. Д. Н. Шмелев утверждает, что мысль А. А. Потебни противоречит как «языковому чутью» носителей языка, так и лексикографической практике. Трудно выделить также и «общее значение» (Р. О. Якобсон) в структуре многозначного слова, так как соотнесённость многозначных слов с различными предметами и явлениями действительности обусловливает невозможность приписать слову такое обобщенное значение, – оно оказалось бы громоздким или пустым [16].

Лексическая полисемия может быть определена следующим образом: «Способность слова иметь одновременно несколько значений называется полисемией (из греческого *poly* — много, *sema* — знак)» [43].

А. И. Смирницкий ввел в научный обиход термин «лексико-семантический вариант (ЛСВ)». Под ним понимается один из структурных вариантов слова, совокупная семантика которых в случае многозначности «расщепляется» на отдельные части. Другие разновидности вариантов слова (морфологические, грамматические и словообразовательные) А. И. Смирницкий объединяет под общим названием фономорфологических. Различия между ЛСВ не касаются звукографической оболочки слова, но проявляются либо в разной сочетаемости, либо в синтаксических связях, либо во фразеологических особенностях [54].

Разнообразие семантической структуры многозначного слова отражается в наличии разных типов его значений. Прежде всего, принято выделять стержневое, или основное, значение слова. Именно оно служит стержнем, связывающим все остальные ЛСВ своим значением. Как правило, однако, полисемия предполагает

наличие одного основного и одного или нескольких производных значений слова. например:.

ЗАЯВЛЕНИЕ, -я; ср. 1. Официальное обращение с сообщением о чём-либо важном, значительном. Сделать ***З****. Выступить в печати с заявлением. З. о несогласии с действиями кого-л. З. правительства. З. послу. З. для прессы. 2. Письменная просьба о чём-л., направленная официальному лицу, организации. Подать, принять, рассмотреть, подписать З. Поступило З. З. на имя директора. З. об отпуске. З. от жильцов дома. Приём заявлений граждан* [12].

Исторически развитие и накапливание вторичных, производных значений шло двумя основными путями, получившими названия цепочечного и радиального.

При цепочечном пути развития полисемии каждое следующее значение развивалось из предыдущего, иногда очень далеко отрываясь от исходного: *игла, натура, описать*.

Более распространен другой путь, известный под названием *радиального*. В этом случае исходное значение можно представить в виде некоего центра, от которого отходят радиусы вторичных, производных значений. Каждое из таких вторичных значений развивается непосредственно из исходного и не зависит от предыдущего производного. Связь между ЛСВ опосредована наличием именно исходного, стержневого значения. Так же как и цепочечный, радиальный путь развития в чистом виде встречается редко [54].

Способы образования значений слов различны. Новое значение слова может возникнуть, например, путем переноса названия по сходству предметов или их признаков, т.е. метафорически (от гр. *metaphora* – перенос). Например: по сходству внешних признаков: *нос (человека) — нос (корабля)*, формы предметов: *яблоко (антоновское) — яблоко (глазное),* по сходству ощущений, оценок: *теплое (течение) — теплое (участие)* и т.д. Возможны также переносы наименований по сходству выполняемых функций (т.е. функциональные переносы): *перо (гусиное) — перо (стальное), кондуктор (должностное лицо, сопровождающее поезд) — кондуктор (в технике — приспособление, направляющее инструмент).*

Новое значение может возникнуть в результате появления ассоциаций по смежности (так называемые метонимические переносы, греч. *metōnymía* — перенаименование). Например, наименование материала переносится на изделие из этого материала: *люстра из бронзы (название материала)*. — *В антикварном магазине продавалась старинная бронза* (изделие из этого материала). Метонимическим способом возникают и разного рода соподразумевания (гр. *synekdochē*), т.е. наименование одним словом действия и его результата, ср.: *заниматься вышивкой — выставка художественной вышивки*; части и целого (и наоборот), ср.: *Мелькали бушлаты с бескозырками и серые шинели (т. е. моряки и пехотинцы; в этом случае по части одежды назван человек)* и т.д.

Разные значения слова, а также их оттенки составляют так называемую семантическую его структуру и служат ярким примером проявления системных связей внутри одного слова. Именно этот тип отношений позволяет пишущим и говорящим широко использовать многозначность как без особой стилистической заданности, так и с определенной целью: для придания речи выразительности, эмоциональности и т.д. [14].

В теории словообразования поиск ответов на традиционные вопросы, связанные с анализом полисемии и моносемии, типа: чем вызвано явление многозначности, каковы его особенности, какую роль играет контекст в реализации значений многозначных слов, привел исследователей к разграничению «лексической» полисемии и «словообразовательной», к установлению специфики семантической организации и путей формирования (создания формы) многозначного деривационного конструкта. Следует отметить, что проблема многозначности сравнительно недавно исследуется как феномен словообразования (см. работы Е. А. Земской [30], О. П. Ермаковой [29], Е. С. Кубряковой [37], Е. Л. Гинзбург [20], Н. Д. Голева [22] и др.), поскольку до некоторого времени было принято полагать, что полисемия производного слова вообще ничем не отличается от полисемии непроизводного слова (ср. [12]).

При определении многозначности как естественного процесса языка, в теории словообразования выявлен целый ряд причин,

способствующих развитию полисемии: 1) частотность употребления слова, связанная с актуальностью для языкового коллектива, обозначаемого словом понятия; 2) отсутствие экспрессии и эмоциональной окраски у производного слова; 3) грамматическая природа слов — принадлежность слова к той или иной части речи: немаловажную роль играет тот факт, что у каждой части речи свои семантико-деривационные потенции; 4) особенности структуры слова: у слов со сложной структурой — слов суффиксально-префиксального образования, сложных слов и т. д. словообразовательные возможности ниже, чем у слов с непроизводной основой; 5) деривационные потенции той ЛСГ, к которой принадлежит данное слово [51]; 6) фиксация всего безграничного человеческого опыта ограниченными языковыми средствами, когда за одним звуковым комплексом закрепляется несколько значений: особенность нашего мышления, выраженного в обобщающем характере слова, в способности слова соотноситься не только с конкретным предметом (явлением), но и с классом однородных предметов (явлений), что часто связано с трудностью найти название для каждого предмета (явления) и с нецелесообразностью такого поиска (человеческая память не в состоянии вобрать в себя бесконечное множество названий) [51]. Формируя новые ЛСВ, исходя из вышеперечисленных условий, многозначные дериваты способствуют расширению семантической организации словообразовательных типов и возникновению новых. Поэтому наиболее значимым является вопрос о том, что развитие многозначности связано с процессом закономерного изменения самого языка, перехода его единиц из одного состояния в другое. В зависимости от того, как исследуется динамика «измененных состояний» многомерной словообразовательной формы, вскрываются или нет особенности системных уровневых моделей реализации полисемии, в теории словообразования разграничивают разные подходы к проблеме полисемантических комплексов.

По нашему убеждению, полисемия — это естественный процесс, протекающий в любом языке, который может возникнуть вследствие как лингвистических, так и экстралингвистических факторов. Значительное количество многозначных слов в любом языке объективно отодвигает на периферию проблемы

однозначности, поэтому количество работ, связанных с моносемией, значительно уступает количеству работ по проблемам многозначности.

Для того чтобы четко представить себе, что такое однозначное слово, или моносемант, обратимся к его лексикографической обработке, то есть проанализируем ряд существующих определений в разных словарях и учебниках.

ОДНОЗНАЧНЫЙ, -ая, -ое; -чен, -чна, -чно. 1. Тождественный по смыслу. О-ные выражения. О-ные понятия. О-ые решения проблем. Пришли к однозначным результатам. 2. Имеющий только одно значение. О-ное слово. 3. Чёткий, определённый, недвусмысленный, не допускающий двоякого толкования. // Я не могу дать вам однозначного ответа. Постарайтесь уйти от однозначного ответа. Трудно ожидать от журналистов однозначной оценки этого события. В жизни не все так однозначно. Предусматривающий один вариант, одно решение, одну возможность. О-ое решение задачи. О-ая постановка проблемы. < Однозначно, нареч. (3 зн.). Я не могу о. оценить это произведение. Нельзя о сложных вещах судить о. Проблему следует поставить о. Однозначность (см. Большой толковый словарь русского языка под ред. С. А. Кузнецова) [12].

ОДНОЗНАЧНЫЙ, однозначная, однозначное; однозначен, однозначна, однозначно (книжн.). 1. Тожественный по смыслу, значению. Однозначные слова. 2. Имеющий только одно значение (редко). 3. Обозначаемый одною цифрою, состоящий из одного знака (мат.). Однозначные числа [58].

ОДНОЗНАЧНОСТЬ англ. monosemy, univocity, фр. univocite. 1. (взаимооднозначное соответствие) Логический принцип построения знака (или «знак знака») как основной принцип общей семиологии, согласно которому каждой единице содержания должна соответствовать одна определенная единица выражения и наоборот. 2. (моносемия) Наличие у слова (у данной единицы выражения, характеризующейся всеми формальными признаками слова) только одного значения. Однозначность слова. – Русск. Крысонепроницаемость зернохранилищ. (оба слова являются безусловно однозначными) [8]

ОДНОЗНАЧНЫЙ (моносемантический). Прил. к однозначность (по 2 знач.) Однозначное слово англ. monosemous word. Слово, которое, подобно точным терминам, соотносимо только с одним предметом мысли [8].

Семантический анализ данных определений позволяет выделить следующие общие компоненты значения, которые подчеркиваются во всех словарях и энциклопедиях:

- наличие одного значения (практически тавтологическое толкование, представляющее собой морфолого-синтаксическое переразложение термина «однозначное слово»);

- использование слова «тождественный» (вариант «тожественный») [12, с. 58]. Использование этого слова нам представляется не очень удачным, т.к. возникает определённая неполнота определения — тождественный чему? Само слово «тождественный» толкуется как: «представляющий собой тождество; вполне сходный, одинаковый, такой же», «соответствующий кому-, чему-либо» [12].

На наш взгляд, не является также удачным внесение в толкование слова объяснения «не имеющий двоякого толкования, недвусмысленный». Такое толкование можно считать антонимическим переразложением слова «однозначный».

Наиболее точное толкование представлено в словаре О. С. Ахмановой (слово, которое соотносимо только с одним предметом мысли) «…каждой единице содержания должна соответствовать одна определенная единица выражения» [8].

Исходя из выполненного анализа, мы можем предложить следующее рабочее определение понятия «моносемант»: лексическая единица, соответствующая одной определенной единице содержания, тождественная одному объекту действительности или одному понятию.

Представленные в словарях однозначные слова разнообразны по морфологической структуре: это слова с непроизводной (*агат*) и производной основой (*абсурдный*), сложные слова (*агроконвейер, автошкола*). Среди моносемантов представлены практически все части речи: имя существительное (*адресант, агрофизика*), имя прилагательное (*адсорбирующий, актуальный*), глагол

(*активизировать, аккумулировать*), наречие (*афористично*), междометие (*агу*), союз (*ай*) и т. д.

Однозначные слова входят в разнообразные тематические группы — названия растений, представителей животного мира: *абрикос*, авокадо, аир, альбатрос, аист и др.; названия людей по роду деятельности, специальности: *агроном, аллерголог, антрополог* и др. К однозначным словам в значительной мере относятся имена собственные, возможности семантического варьирования у которых ограничены особым, предельно-конкретным характером значений. Они служат названиями уникальных, единичных объектов. Многозначность для них возможна только в процессе утраты качеств имени собственного, на пути перехода в существительные нарицательные.

Однозначны, как правило, неологизмы, слова, недавно возникшие, ещё не получившие широкого распространения (*террорист, спикер, хакер, принтер*). Например:

***ПРИНТЕР**, -а, м. Печатающее устройство, подключаемое к компьютеру. Лазерный, матричный п. Распечатать что-л. на принтере.< Принтерный, -ая,-ое*. П-ая лента [12].

Появление новых слов, очевидно, мотивировано социолингвистически. С новыми бытовыми реалиями связано значительное пополнение общеупотребительной бытовой лексики такими единицами как:

а) слова, обозначающие предметы быта: *горка «форма шкафа», блайзер, топ* и др.;

б) слова-названия распространенных лекарств: *«мультитабс» – витамины, мемориум, гепабэнэ* и др.

Вхождение в русский литературный язык множества слов, которые раньше встречались только в разговорной речи, объясняется мощным процессом демократизации литературного языка; в результате этого процесса не только обогащается лексико-семантический состав, но и происходит непрерывное обновление стилистических ресурсов. Например, появляются а) слова-названия человека по профессии или какому-либо признаку: *компьютерщик, секретарь-референт, программист* и др.; б) в русский литературный язык постоянно входят из обыденной разговорной

речи слова с разговорной экспрессивной окраской: *гриппoвать, аварийка*.

Помимо перечисленных выше, лишены многозначности слова с узким, конкретно-предметным значением. Обозначая предметы специфические, они, естественно, являются словами редко употребляемыми, что и способствует сохранению их однозначности (*бидон, бинт, бинокль, бисер* и т. д.) [38, с. 120].

Например: ***БИНОКЛЬ**, -я, м. [франц. binocle от лат. bini — по два и oculus — глаз]. Ручной оптический прибор из двух параллельно соединённых зрительных труб линзами для рассматривания удалённых предметов. Театральный, полевой б. Смотреть в б. < Биноклевый, -ая, -ое.* [12, с. 78]

Значительную часть массива моносемантов составляют термины, которые, в идеале, стремятся к однозначности: мед.*: амнезия, анемия;* литер.: *аллитерация, анафора, хорей;* биол.*: агрессины, аэробы и др.* Подобные слова характеризуются чётко выраженной предметной соотнесённостью, семантические границы их вполне определены [62, с. 37]. Приведем пример:

***ВЕЛЬВЕТ**, -а,(-у); м. Хлопчатобумажная или синтетическая ткань с густым коротким ворсом, образующим рубчики. Юбка из вельвета. В. В мелкий, крупный рубчик. < Вельветовый, -ая, -ое. В-ая куртка. В-ые джинсы* [12].

***БРОНХИТ**, -а. м. Заболевание, проявляющееся в воспалении бронхов. Хронический, острый б. < Бронхитный, -ая, -ое. Б-ые явления* [12].

По мнению Э. В. Кузнецовой, требование однозначности является одним из социальных требований, на которое должна ориентироваться терминология. Однако это требование далеко не всегда реально выполняется, и терминам «приходится преодолевать» естественную способность любой лексической единицы к многозначности [38, с. 120].

Такие «модификации могут осуществляться в рамках эмпирического компонента в зависимости от особенностей денотата» [38, с. 120]. Таким образом, мы можем наблюдать смысловые различия и в слове *бинокль* при употреблении его в таких фразах, как: *У отца был военный бинокль и Я возьму в театр мамин бинокль*. Эти различия проявляются на уровне наших

представлений о разных типах *биноклей* и входят в смысл данного слова только в конкретных словоупотреблениях. Модификации однозначных слов могут определяться конкретными факторами. Например, в значении прилагательного в слове *мокрый* в разных контекстах актуализируются разные семы, уточняющие категориально-лексическую сему, *«пропитанный влагой»*: *На улице мокрый («содержащий влагу») снег*; *Мокрый («покрытый влагой») асфальт тускло блестит; Нужно было сушить мокрую («пропитанную влагой») одежду и обувь*. В целом семантическое варьирование однозначного слова в сравнении с многозначным представляется более простым, так как осуществляется только в виде семного речевого варьирования: мокрый: 1) «содержит влагу» — снег; 2) «покрытый влагой» – асфальт, 3) «пропитан влагой» — одежда, обувь [38, с. 120].

Таким образом, очевидно, что однозначные слова достаточно разнообразны как с точки зрения их семантики, так и функциональной нагруженности. Их существование и распространение в языке требует соответствующей лексикографической обработки.

Макроструктура и микроструктура словаря и их связь с толкованием моносемантов

Определение или толкование значений слов — главная цель составления словарей, прямой объект лексикографии. Лексикографию можно считать одним из древнейших видов прикладной лингвистической деятельности. Результатами этой деятельности пользуется практически каждый грамотный человек. В задачи лексикографии входит не только исследование семантического содержания слов в связи с разработкой словарных статей, «но также участие в языковом мышлении как общественном процессе, состоящем в поисках максимальной ясности и простоты как в разделении значений слов на рубрики, так и в способах интерпретации этих значений в определениях» [26, с. 213–214].

Понимание роли и места лексикографии, т.е. теории и практики создания словарей, исторически было различным. Постоянно велись и ведутся споры о том, чем же является лексикография — наукой, искусством, просто практической деятельностью. Акад. Л. В. Щерба полагал, что «словарная работа …требует особо тонкого восприятия языка, требует совершенно особого дарования, которое по какой-то линии, вероятно, родственно писательскому дарованию (только последнее является активным, а дарование словарника – пассивным и обязательно сознательным)» [67, с. 6].

Видный испанский лексикограф Х. Касарес в своей широко известной книге «Введение в современную лексикографию» утверждает, что лексикография – это техника и *искусство* составления словарей» [33].

Эту же мысль мы находим у В. В. Дубичинского: «Словарный труд сродни искусству – он прорывает всякие пределы возможного, он требует художественного восприятия. С полным правом лексикографию можно назвать искусством – искусством сотворения словарей» [27, с. 9].

Лексикографический труд, по замечанию В. В. Дубичинского, является свидетельством определенного уровня цивилизации народа, он фиксирует состояние и уровень производства и производственных отношений в обществе, развитие философской, политической, религиозной, научно-технической мысли этноса — носителя описываемого в словаре языка [27, с. 16–17].

Каждый из нас хорошо знает, для чего нужны и как выглядят словари, однако дать лексикографически точное определение словаря довольно сложно. Разные источники дают словарю следующие определения:

Словарь *— справочная книга, содержащая собрание слов (или морфем, словосочетаний, идиом и т. д.), расположенных по определенному принципу, и дающая сведения об их значениях, употреблении, происхождении, переводе на др. язык и т. п. (лингвистические словари) или информацию о понятиях и предметах, ими обозначаемых, о деятелях в каких-либо областях науки, культуры* и др. [46].

***Словарь**, словник, словотолковник, словотолк, словарик, словарчик; словаришка; словарище; речник, лексикон; сборник слов, речений какого-либо языка, с толкованием или с переводом. Словари бывают общие и частные, обиходные и научные* [24].

***Словарь** — собрание слов какого-либо языка азбучным порядком или по словопроизводству расположенных* [52].

***Словарь** — книга, содержащая перечень слов, обычно с пояснениями, толкованиями или переводом на другой язык* [53].

***Словарь** — книга, содержащая перечень слов, расположенных по тому или иному принципу (например, по алфавиту), с теми или иными объяснениями* [58].

***Словарь** — собрание слов (обычно в алфавитном порядке), устойчивых выражений с пояснениями, толкованиями или с переводом на другой язык* [48].

***Словарь** — это вселенная в алфавитном порядке* [10, с. 762]

Нам наиболее полным кажется следующее определение: «***Словарь** — это определенным образом организованное собрание слов, обычно с приписанными им комментариями, в которых содержится информация об особенностях структуры и/или функционирования лексических единиц языка*» [66].

Словарь в обществе играет роль авторитетного советчика для пользователей, является своего рода социальным институтом, регламентирующим словоупотребление и даже в принципе жизнь языка в рамках определенной нормы [27, с. 16]. Для среднего носителя языка словарное произведение представляется надежным гидом в различных областях общественного знания. Ответы лексикографа (носителя коллективного знания) воспринимаются как более или менее обязательные предписания для читателей словаря, поскольку словарь предназначен для того, чтобы устранить расхождение между индивидуальным знанием и знанием всего коллектива [18, с. 12].

Словарь — это и средство познания мира — предметного или идеального, рожденного человеческим сознанием. Словарь — это долговременная память народа об этом мире, об этапах развития культуры и о её ликах на определённом историческом этапе [25]. Словари русского литературного языка, по общему признанию, являются важнейшим источником распространения литературных

норм, повышения культуры речи вообще. Вместе с тем на этот счет в теории и практике лексикографии имеются две противоположные точки зрения.

Одна группа лингвистов считает, что толковый словарь должен ниспровергать различные «неправильности» в языке, осуждать слова и выражения, не имеющие нормативного статуса, активно устанавливать некую «правильную», «образцовую» норму. Другая группа, наоборот, считает, что словарь не должен ничего предписывать и устанавливать, а должен лишь отражать существующий узус, то есть должен беспристрастно и объективно регистрировать состояние языка на данном этапе его развития [59, с. 32].

Первую точку зрения на словарь так или иначе разделяют многие лингвисты. Приведем здесь высказывание С. И. Ожегова: «лингвисту не только ведомы пути развития языка, он сам — носитель языка коллектива. Поэтому он не только регистрирует и объясняет факты языка, но, как проницательный участник языкового творчества коллектива, сам становится законодателем норм» [47, с. 90].

Таким образом, С. И. Ожегов ясно и недвусмысленно определяет задачу лексикографа: не только и не столько регистрировать, но и устанавливать норму, то есть быть законодателем норм.

Еще более решительно высказывается другой известный лексикограф Н. И. Фельдман. Она, в частности, пишет: «Никакая цитата сама по себе не может служить доказательством того, что данное слово действительно вошло в язык, а не является окказиональным; этим доказательством не могут являться даже несколько цитат. Решающее слово принадлежит составителю словаря…» [61, с. 72].

Разумная точка зрения на словарь заключается в том, что словарь является описанием всего того, что есть в языке. Задача лексикографа — собрать и сгруппировать каким-то образом все слова, хорошие или плохие, нравятся они ему или нет, он историк языка, а не его критик. Таким образом, роль лексикографа должна сводиться, прежде всего, к объективному и беспристрастному собиранию фактов языка, а лексикография перестала бы быть

одним из искусств правильно говорить, превратилась бы в одну из областей науки о языке, то есть приобрела бы действительно научный характер [56]. Задача лексикографа состоит в том, чтобы показать те значения, в которых слова действительно употребляются в языке, а не давать мнение редакторов словаря относительно того, каковы должны быть эти значения.

Вторую точку зрения настойчиво отстаивал А. А. Шахматов. Он, в частности, писал «…странно было бы вообще, если бы ученое учреждение вместо того, чтобы показать, как говорят, решилось бы указывать, как надо говорить. Академия должна дать в Словаре отечественного языка по возможности полное описание существующего словоупотребления; ее Словарь должен содержать не плоды сочинительства и «научных соображений о том, как следует говорить, а такой надежный материал, из которого было бы видно, как говорит народ в различных областях России, как выражаются современные писатели…» [цит. по: 56, с. 33]. А. А. Шахматова поддерживали А. М. Пешковский [49], Л. В. Щерба [67].

В последнее время принимается вторая точка зрения и подчеркивается, что толковый словарь должен быть регистрирующим, то есть должен описывать действительно существующие в настоящий момент в данном языковом коллективе языковые факты и на основе их объективного анализа делать соответствующие обобщения [56, с. 38].

В связи с этим А. М. Бабкин высказывается следующим образом: «Рекомендации и оценки, предлагаемые в словаре, должны носить объективный характер и опираться не на показания предшествующих словарей, а на материалы языковой действительности» [9, с. 91]. Л. П. Ступин свое мнение о регистрирующем словаре обосновывает следующим образом: «Ни один словарь, составленный на подлинно научных принципах, не может быть предписывающим, ибо ученые-языковеды не могут предписывать, предсказывать развитие языка, особенно в части изменения значения слов, их узуального статуса, появления новых слов и т.п. Тезис о предписывающем словаре противоречит самой природе языка, подверженного непрестанной эволюции» [56, с. 40].

Таким образом, важнейшим компонентом любого словаря является словник. В него включаются все единицы языка, которые входят в область описания словаря и являются входами словарных статей. Словник является одним из наиболее существенных факторов, определяющих объём словаря. В толковом словаре в состав словника будут входить лексемы, а в словаре энциклопедическом, кроме лексем, в словник будут также включены словосочетания.

Вопрос формирования словника занимает отдельное место в теоретической лексикографии. Известно, что наиболее полные списки слов современных языков, наиболее развитых в научном, техническом и политическом отношении, насчитывают сотни тысяч единиц. Однако и эти списки нельзя считать исчерпывающими.

Лексикографы признают, что объективных критериев для отбора лексики в словник в современной лексикографии нет. Иногда в качестве относительно надежного критерия предлагают такую характеристику лексем, как частотность. Однако здесь есть два опасных момента: во-первых, уровень современной лингвистической статистики не может обеспечить достаточный уровень достоверности. Во-вторых, используя только эту величину, мы рискуем упустить из виду значительный слой лексики, который ощущается нами как «не очень редкие слова». Необходимо помнить, что частотная характеристика слова, даже если она установлена с достаточно высокой точностью, далеко не всегда совпадает с «частотой референта», т.е. она не обязательно точно соотнесена с важностью слова для общения людей данного языкового коллектива [66, с. 25].

На отбор лексики оказывает влияние существующая литературная норма. По определению, нормативный словарь – это словарь, который фиксирует то, что признается правильным, соответствующим норме, и не включает в себя того, что считается лежащим за пределами этой нормы [66, с. 25]. Сразу возникает вопрос о том, каковы критерии нормы. Большинство лексикографов сходится на трех критериях: во-первых, представленность языкового факта у наиболее авторитетных авторов, особенно у писателей-классиков. Во-вторых, важным критерием признается распространенность явления. Наконец, третьим критерием

считается требование соответствия явления основным законам языка. Данные критерии не лишены недостатков. Во-первых, необязательно учитывать все три критерия одновременно — для принятия решения достаточно, чтобы лексема удовлетворяла хотя бы одному из них. Во-вторых, все эти критерии весьма субъективны. Тем не менее, выбору лексикографов все же следует доверять, поскольку, как правило, это люди с глубокой филологической подготовкой, хорошим языковым чутьём и широким кругозором.

Задача словаря не сводится только к возможно полному отражению запаса слов современного языка. Правильное его истолкование, показ места слов в лексической системе языка, особенностей, условий их употребления — не менее важная и не менее трудная часть всякой словарной работы. Очень хорошо о важности правильного и полного истолкования семантики слов в словаре говорил В. Дорошевский, подчеркивая, что основная «объективная» задача лексикографии заключается в объяснении, «что значат слова, в чем состоит эта orationis et vitae societas, т.е. связь слов с жизнью, составляющая самую их сущность. Ясное осознание содержания слов — это форма овладения ими и одновременно ситуациями, в которых употребляются слова как орудия мышления и деятельности. Формирование рационального отношения к словам и к жизни — высокая цель теоретической работы над познанием языка и общественно-практической работы над его культурой» [26, с. 207–208].

Таким образом, словарь, безусловно, является одним из важнейших способов описания лексической системы языка. В отличие от некоторых других способов, лексикографической интерпретации словарного состава присуща комплексность анализа слова (характеристика с позиций всех уровней языка), полнота (универсальность, всеохватность структуры словарной статьи), доказательность исследования, достаточность для отдельных периодов, определенная обозримость, наглядность. Рассмотрим следующий пример, в котором слово-моносемант исчерпывающе охарактеризовано как с точки зрения его формы, так и семантики.

***БАР**, -а; мн. род. бар и баров; м. [от греч. báros – тяжесть]. Метео. Единица измерения атмосферного давления (равная 750,1*

миллиметров ртутного столба или 0,987 атмосфер). < Барический, -ая, -ое.

БАР – заглавное слово;

-а – грамматическая зона: указание окончания в род. п. ед.ч.;

мн. род. бар и баров – грамматическая зона: указание форм род. п. мн. числа;

м. – грамматическая зона: указание родовой отнесённости слова, оно мужского рода;

[от греч. báros – тяжесть] — зона этимологии;

Метео. – стилистическая зона: указание на ограниченность этого слова специальной лексикой, а именно метеорологической.

Единица измерения атмосферного давления (равная 750,1 миллиметров ртутного столба или 0,987 атмосфер) — зона толкования, состоящая из определения слова и энциклопедической справки, указанной в круглых скобках.

< Барический, -ая, -ое. — словообразовательная зона: указано производное прилагательное и его родовые окончания.

Однако, как известно, указанные выше признаки всегда относительны, поскольку словарь обычно создается с учетом новых потребностей, нового адресата, актуальных лингвистических воззрений. И само лексикографическое произведение является всегда достаточно новым, то есть современность словарного произведения по-своему анахронична. Лексикографическая фиксация языковых нововведений, как правило, не успевает отразить развитие языка в целом, что с философской точки зрения объективно и логично [27, с. 17].

Как указывает Ю. Д. Апресян, современный «словарь — это моментальный снимок обновляющегося и находящегося в движении языка» [1, с. 8]. Именно в нем взаимодействуют статика и динамика языка, синхрония и диахрония.

Как известно, в лексикографической практике давно уже сложилось представление о двух основных типах словарей: о словарях понятий (энциклопедических словарях, энциклопедиях) и словарях слов (филологических, лингвистических словарях). Первую научную типологию словарей создаёт известный учёный Л. В. Щерба (1940) [67]. В энциклопедических словарях даются сведения о понятиях или, как считают некоторые лексикографы, о

денотатах, в лингвистических — разнообразные сведения о словах. Л. В. Щерба ввел в теоретические построения и практическую деятельность лексикографов антитезу: словари энциклопедические — словари филологические. Антитеза Л. В. Щербы строилась на двух противоположениях: объектов описания и дефиниций. Объект описания энциклопедических словарей — научное понятие, филологических словарей – языковое значение; значение термина в научном языке и в языке литературном не совпадают. В научном языке реализуется научное понятие, в общем языке — обиходное.

Проблема соотношения лингвистических и энциклопедических словарей (или просто словаря и энциклопедии) имеет большую теоретическую и практическую значимость, и многое в ней остается дискуссионным. При всей наглядности различия лингвистической (например, «Слово *стол* относится к мужскому роду и склоняется так-то; оно многозначно и имеет такой-то набор значений; в первом значении оно обозначает предмет мебели, важнейшей частью которого является горизонтальная доска на ножках, предназначенная для сидения за ней с целью работы или принятия пищи и т. д.») и энциклопедической информации (например, «*СТОЛ*, 1) в Др. Руси — княжеский престол. 2) Низшая структурная часть гос. центр. и местных учреждений в дорев. России. 3) Учреждение, занимающееся к.-л. узким кругом канцелярских дел») функционирование языка сплошь и рядом предполагает обращения к сведениям обоих типов. Чаще всего с этим сталкиваются разработчики компьютерных систем обработки естественного языка, а также практики преподавания иностранных языков и переводчики. Последнему обстоятельству обязан своим существованием особый класс предназначенных для массового использования лексикографических описаний, объединяющих в себе черты словаря и энциклопедии, – лингвострановедческих словарей.

Разные толковые словари адресованы разному кругу пользующихся. Большие словари предназначены тем, кто специально работает с языком, они имеют все характеристики фундаментального филологического труда, адресованного тем, кто должен уметь им пользоваться.

Однако существуют широчайшие круги читателей, которым словарь нужен, прежде всего, как современный практический справочник, который постоянно находится под рукой. Это функция однотомного словаря. Однотомный словарь должен совмещать в себе качества научного труда, удобного справочного пособия и достаточно полной коллекции слов современного языка [64, с. 168].

Чаще всего в словаре комментируется семантическая структура слов, т. е. словам в словаре сопутствуют толкования их значений и контексты употребления, но возможны и другие типы комментариев. Помимо слов объектами словарного описания могут выступать более мелкие единицы языковой системы — это, как правило, морфемы. Также в словарях могут быть описаны и единицы, более крупные, чем слово, — это словосочетания различных типов. Существуют также словари, в которых специальные комментарии при каждой единице словарного описания отсутствуют (например, орфографические и орфоэпические словари).

Перед толковыми словарями всегда ставилась задача систематизации и классификации лексических явлений, причем «систематизация» явлений в этих словарях имеет самые различные основания: с одной стороны, это формальные приемы, облегчающие пользование словарем, например, расположение материала в алфавитном порядке, некоторые структурные особенности словарных статей и т. д.; с другой — разные виды и типы описания, обусловленные различными связями, отношениями лексики в её живом употреблении, которые должны раскрыть читателю особенности лексического состава [59, с. 20].

Традиционное назначение как филологического, так и энциклопедического словаря — определить значение слова, его «лица необщее выраженье» [31, с. 85], его отличие от других слов и, следовательно, место среди других единиц лексемного уровня, короче говоря, установка словаря на детальную дифференциацию лексем. Пополнение и уточнение дифференциальных признаков слова, совершенствование наших представлений о значениях слов и способах упорядочить, систематизировать эти представления — важнейшая и необходимая компонента лингвистического знания, все это отражено и зафиксировано в трудах многих поколений

лексикографов [см. об этом, например, История русской лексикографии и т. д.]. По мнению ученых, самым важным в составлении толковых словарей является толкование значений слов, раскрытие их реального содержания, показ различных оттенков значения и особенностей употребления. «По существу, — отмечает Ф. П. Сороколетов, — толковые словари составляются ради этого (или, по крайней мере, прежде всего ради этого)» [55, с. 3].

Описанное выше деление словарей на две группы отражается и в характере словарной статьи, как словаря энциклопедического типа, так и такого лингвистического словаря, как толковый. Однако при сравнении словарных статей того и другого словаря тотчас же бросается в глаза, что четкого представления об отличии семантического толкования от понятийного определения все же нет. (Характерно, что сами термины «определение» / «дефиниция» и «толкование» обычно не дифференцируются или употребляются прямо как синонимичные.) Элементы обычного понятийного определения (через род и видовое отличие), как правило, но далеко не регулярно, появляются при толковании значений слов в любом толковом словаре [50].

Энциклопедия — это справочное издание, содержащее в обобщенном виде основные сведения по одной или всем отраслям знаний и практической деятельности, изложенные в виде кратких статей, расположенных в алфавитном или систематическом порядке. Энциклопедия включает в себя обобщенный свод упорядоченных, концептуально организованных и апробированных сведений. Задача энциклопедии — в тексте запланированного объема представить читателю систематизированный свод знаний по всем (***универсальная энциклопедия***) или по одной отрасли знания (***специализированная***). Важными требованиями к энциклопедии являются сжатость изложения, концентрация фактического материала, его точность.

Статьи энциклопедии взаимосвязаны и составляют единый комплекс, отражающий систему накопленных знаний по вопросам, освещаемым в издании. Комплекс статей представляет собой, в свою очередь, определенную систему органически связанных между собой разделов и циклов. Важнейшим требованием к

основному тексту энциклопедии является системность представления круга сведений.

Материал для энциклопедии подбирается целенаправленно, при этом обеспечивается комплексное освещение как отдельного явления, события, предмета, так и их совокупности. Важнейшие качества материала — достоверность и научность, соответствие современному уровню знаний в данной области.

Слова в их значениях невозможно отделить от обозначаемых ими предметов и понятий, очень часто значение слова можно идентифицировать только указанием на устройство и назначение обозначаемого предмета, а это уже может содержать сведения энциклопедического характера. Отражение в толковом словаре энциклопедических, культурно-исторических и этнолингвистических сведений повышает познавательную значимость словаря, а подчас оказывается необходимым для раскрытия значения слова [19].

Сравним, как представлено в двух словарях слово виолончель.

ВИОЛОНЧЕЛЬ *(итал. violoncello), муз. инстр-т скрипичного сем. басо-тенорового регистра. Появился в XV–XVI вв. Классич. образцы созд. итал. мастерами XVII–XVIII вв.: А. и Н. Амати, Дж. Гварнери, А. Страдивари и др.* [11].

ВИОЛОНЧЕЛЬ*, и, ж. [ит. violoncello] Смычковый музыкальный инструмент, средний по регистру и размерам между скрипкой (альтом) и контрабасом. Концерт для виолончели с оркестром. <Виолончельный, -ая, -ое. В-ые струны* [12].

Можно ли из первой статьи узнать, какого рода слово *виолончель* и как оно склоняется? Не зная, как сказать: *моя виолончель* или *мой виолончель*, с *виолончелью* или с *виолончелем*, мы не узнаем об этом из статьи энциклопедического словаря (даже специального музыкального, где сведений об этом инструменте сообщено гораздо больше и даже помещен рисунок).

Из второй статьи мы узнаем все необходимое, чтобы правильно употреблять слово, но о предмете сообщается совсем немного сведений [50].

Помимо словника, макроструктуру словаря составляют некоторые другие элементы. Профессионально сделанный словарь начинается с предисловия, где объясняются общие принципы

построения словаря, даются указания по его использованию. Там же объясняется структура словарной статьи. Важной составной частью лингвистического словаря является список условных сокращений и обозначений и алфавит.

Основной структурной единицей словаря является словарная статья. Словарной статьей называется каждый отдельно взятый объект описания словаря и относящиеся к этому объекту словарные характеристики. Множество словарных статей составляет основной текст словаря.

Любая словарная статья в толковом словаре решает, по крайней мере, две задачи, которые направлены на разных адресатов: одна — для тех, кто ищет информацию в самом слове; другая — для тех, кого интересует типология словесного окружения [65, с. 6].

Наиболее важной композиционной частью словарной статьи, основным компонентом в структуре её текста является дефиниция. Лексикографы все чаще ставят вопрос о необходимости изучения формы, конструкции, синтаксиса словарной дефиниции, а главное — структурно-семантических отношений между главным словом и его дефиницией.

По мнению Е. Н. Толикиной, определение как структура языка описания состоит из двух частей: левой (определяемой) и правой (определяющей), между которыми — в идеале — стоит знак равенства. Но определения могут быть различного характера не только по своему способу, но и по своей направленности, то есть комбинация отобранных абстрактных свойств предмета (при правильном замещении позиций) в правой части должна составлять указательный минимум, позволяющий «опознать» предмет, означенный определяемым [57, с. 62], как, например, в следующем тексте:

***ВЕРСТАК**, -а; м. Специально оборудованный рабочий стол для столярной, слесарной и другой ручной работы. Сборочный в. < Верстачок, -чка; м. Уменьш.-ласк. Верстачный, -ая, -ое* [12, с. 120].

А. А. Уфимцева так же, как и Е. Н. Толикина, интерпретирует структуру словарной статьи, указывая при этом на связь последней с микроструктурой словаря и называя словарную статью «уравнением» между объясняющим и объясняемым [60].

Говоря о словарных определениях, В. Ф. Асмус выделяет четыре условия их правильного построения. По его мнению, «определения должны быть соразмерными», то есть объем определяющего понятия в точности равен объему понятия определяемого. Второе условие состоит в том, что «определение не должно заключать в себе круга». Кругом называется такой способ определения, когда понятие как будто определяется посредством другого понятия, однако это другое понятие таково, что оно само может сделаться понятным только через определяемое. Особо явный случай круга в дефиниции образует тавтология, когда определяющее представляет простое повторение того, что мыслится в определяемом. Причиной тавтологии может быть как небрежность и неотчетливость логического мышления, так и крайняя трудность, с какой приходится встречаться при определении. Третье условие правильного определения: «определение не должно быть только отрицательным». Отрицательным называется такое определение, в котором указано только, какие признаки не принадлежат данному понятию, но не указывается, какие признаки принадлежат ему. Четвертым условием правильности является «ясность определения, т. е. отсутствие в нем всякой двусмысленности». Многие выражения, например сравнения, будучи чрезвычайно картинными, образными и ценными для выражения чувства, для познания, однако, не являются вовсе определениями, так как не указывают существенных признаков предмета [7].

Словарная статья толкового словаря содержит информацию о принадлежности слова к определенному грамматическому классу и соответственные характеристики; о деривационном потенциале слова и его связи с другими грамматическими классами; о существовании в слове семантического инварианта, а значит, и о том, что это слово существует не само по себе, а в окружении слов с тем же семантическим ядром; о вхождении слова в определенный ряд слов, близких, а иногда и одинаковых по значению. Словарная статья своей структурой, характером информации, которая содержится в ней, показывает, что слово существует в составе разнообразных множеств, как член этих множеств; тем самым сообщается о существовании в языке каких-то целостностей и об

отношении этих целостностей к отдельным единицам, которые входят в их состав.

Общий анализ словарных статей толковых словарей позволяет согласиться с мыслью лексикографов о том, что толковый словарь является тем словарем, который, так или иначе, приближается к полному лексикографическому описанию языка [59, с. 38].

Набор определений типологически гораздо более разнообразен, чем это предусмотрено инструкциями современных словарей. Так, например, Е. Н. Толикина выделяет следующие типы определений по основаниям, на которых они построены, и по их назначению: одни типы определений построены на основании интерпретации знака в другом знаке, т.е. строго лингвистическим путем (деривационные, синонимические, а главное — идентифицирующие), другие — соотносят знак с внеязыковой действительностью и нашим знанием о ней (несколько типов логических определений), третьи — ориентируют его в системе принятых словарем способов описания (множество отсылочных и формально-грамматических определений), четвертые — представляют собою многочисленные комбинации, образованные из вышеназванных трех [57, с. 55–56].

Лексикографам хорошо известно, что главная трудность связана с определениями лексических значений тех классов слов, где семантические составляющие не мотивированы материальной структурой, и потому такие слова требуют иных методов анализа, ориентированных на другие, не словообразовательные связи. Такие слова составляют основную часть словника. Для ее описания словарями применяются аналитические определения: идентифицирующие и логические.

Логические определения (дефиниции) являются весьма важным и очень широко применяемым способом раскрытия значений слов и терминов в словарях как энциклопедических, так и филологических. В общем, определения значений слов и терминов в энциклопедических словарях и специальных словарях-справочниках несколько полнее и более развернуты и уточнены, чем в толковых словарях. Провести резкую грань между толкованиями, определениями значений одних и тех же заглавных слов в словарях только что названных типов невозможно.

Противопоставление слова «энциклопедический» слову «филологический» может породить весьма нежелательные недоразумения. Поэтому лучше такой антитезы не строить и говорить о различии между пространными энциклопедическими определениями слова или термина и краткими, сжатыми определениями тех же слов в толковых словарях филологического типа. В больших энциклопедических словарях бывают довольно краткие определения, но мы не станем называть их поэтому филологическими определениями, а в энциклопедических словарях (справочниках) совсем незначительного объема основная масса дефиниций предельно сжата и короче определений тех же слов в толковых словарях филологического типа. Но на этом основании вряд ли кто вздумает назвать такие маленькие справочники филологическими словарями и помещенные в них определения филологическими [23, с. 153].

Существует ряд точек зрения на различие между типами определений. Словарная дефиниция может быть: 1) логической (значение слова определяется через ближайший род и видовое отличие обозначаемого предмета – родовидовые; через отношение целого и части – партитивные; через объем — предметные, обобщенно-классифицирующие); 2) лингвистической как следствие лингвистических операций анализа, иногда этот тип называют структурным (через синонимы — синонимические определения, через антонимы — антонимические, через словообразовательные формулы — деривационные; синтагматические, отсылочные).

Наиболее научно обоснованной и отражающей положение дел в той части словарного состава, где нет прямого раскрытия содержания, на наш взгляд, является классификация Д. И. Арбатского, включающая в себя отсылочные определения, синонимические определения и перечисления [4, с. 180–186].

Существенное значение для толкового словаря имеет эффективное использование отсылочных определений, которые позволяют избежать ненужных повторений, значительно сокращают объем словаря без уменьшения его содержательности. В современных толковых словарях используются следующие три типа отсылочных определений, каждый из которых имеет свою область применения.

Графический: при помощи выделения курсивом (или иными средствами) того слова, толкование которого находится в другом месте словаря, или же с помощью указательных слов: *такой, этот*. Например: *общеуниверситетский — охватывающий все университеты; бесцветковый — не имеющий цветков, происходящий без цветков.*

Словообразовательный: путем указания родового класса, к которому относится денотат (действие, качество, свойство, состояние), и отсылки к значению того слова, от которого он образован. Например: *Абсолютист, -а; м. Сторонник абсолютизма.*

Грамматический: отсылкой к тому слову, от которого образована данная форма слова. Например: *англофобский — к Англофоб и Англофобство.*

Наиболее экономный способ отсылок — графический. Практически он не занимает много места в словаре, тем не менее делает пояснения достаточными.

Существуют также синонимические определения: *сопель — сопелка, вампир — упырь, изразец — кафель*. Поясняющие слова для многих являются столь же неясными, непонятными, сколь и поясняемые. В силу этого подобные толкования воспринимаются как тавтологичные. Если же мы выделим курсивом или иными средствами (например, разрядкой) поясняющие слова и отошлем, таким образом, читателя к определению смысла данных слов, стоящих в другом месте словаря, то тавтологичность этих определений снимается. В результате мы вносим в определение дополнительную информацию, необходимую для пояснения, и расширяем, обогащаем определения. Понятно, что подобного рода отсылки могут быть оправданы лишь в том случае, когда они даются к словам, которые действительно нуждаются в дополнительном пояснении.

С другой стороны, в совершенно достаточные определения с общеизвестными словами иногда включается отсылка, например, значение слова *сопоставление* можно передать посредством отсылочного определения «действие по знач. глагола *сопоставлять — сопоставить*». Обратившись к определению значения глагола *сопоставлять* («сравнивать что-либо с чем-либо или между

собой»), мы можем сделать вывод, что *сопоставление* — это «сравнение чего-либо с чем-либо». Однако такой путь раскрытия значения слова в данном случае не оправдывает себя. Дело в том, что значение слова *сопоставление* может быть сразу, без отсылки и дополнительной работы мысли, не менее кратко определено как «сравнение чего-либо с чем-либо или между собой».

Как подчеркивается в лингвистической литературе, рассмотренные типовые отсылочные определения отнюдь не облегчают пользование словарем, наоборот, обычно усложняют и затрудняют получение необходимых справок. Они несомненно требуют больше времени для наведения справки, чем обращение к прямым определениям, поскольку приходится знакомиться не с одной, а двумя-тремя, а иногда четырьмя словарными справками в разных местах текста. Кроме того, сами по себе они не дают точной формулировки искомого значения слова, а только подводят к нему. Для получения же нужной справки нужно не только дополнительное время, но и умение извлечь нужную информацию из предлагаемых определений – толкований. При этом далеко не каждый пользующийся словарем может извлечь именно ту информацию, которая необходима для понимания и правильного применения поясняемого слова [4, с. 180–186].

Решающее значение для оценки того или иного типа определения имеет точность, адекватность толкуемым значениям. С этой точки зрения словообразовательные отсылочные определения безусловно уступают прямым толкованиям. Если первые дают только наметку искомого значения, подчас неопределенны и двусмысленны, то вторые весьма точно и определенно выражают именно те семантические признаки, которые составляют значения поясняемых слов. Достаточно простого сопоставления, чтобы убедиться в этом. Например: *УБАВКА, убавки, мн. нет, ж. (разг.) — «Действие по глаг. убавить — убавлять, убавиться — убавляться» и «уменьшение, сокращение размеров чего-либо».* Едва ли найдется такой читатель словаря, который добровольно предпочел бы отсылки, необходимость дальнейших поисков и преобразований четким и ясным толкованиям.

Главное достоинство отсылочных определений данного типа, по мнению А. П. Евгеньевой, заключается в том, что они раскрывают системные отношения слов [28, с. 168–169]. Это замечание справедливо, но односторонне: это свойство определений не может компенсировать их недостатка: раскрытие смысла становится неотчетливым. Существительные *убежденность, убыточность, мечтательность, освещенность, начинание* и под. возникли в языке не для выражения глагольных корней, а для обозначения и обобщения реальных свойств, качеств и состояний. Поэтому их значение в словаре может быть раскрыто не через призму глагольных основ, а непосредственно через указание самих этих реальных свойств, качеств и состояний. Задача толкового словаря заключается как раз в том, чтобы точно раскрыть значения подобных слов. Всякая неясность, неопределенность в понимании их порождает неясность и неопределенность в мысли и языке.

Отсылка может быть определена предельно краткими пометами, как это делается в Словаре Ожегова: *оправдание см. оправдать*. Следует сказать, что системность в языке и словаре нельзя сводить к выражению словопроизводственных отношений, она гораздо шире и глубже и заключается, прежде всего, в системе универсальных семантических признаков и характере их сочетания или выражения. Словообразовательные связи являются лишь частичным и своеобразным отражением лексико-семантической системы языка. В этом смысле прямые определения значения отвлеченных слов, фиксирующие наиболее общие, универсальные семантические признаки состояния, действия, движения, функции, структуры, цвета и т. п., выражают более глубокие и общие системные отношения, чем словообразовательные отсылочные определения.

Отсылочное определение, на наш взгляд, более приемлемо для слов-моносемантов, чем для многозначных слов, т. к. в первом случае система отсылки максимально четкая и простая, нет опасности смешения различных значений и оттенков значений многозначного слова.

Прямое назначение грамматических определений состоит в указании на грамматические свойства слов и словоформ в

сравнении с теми словами, от которых они образованы. В русской лексикографии нет единства в подаче грамматических определений и отсылок, в одних случаях они располагаются по гнездовому принципу, в других — по алфавитному. Последний метод представляется менее удачным. Так, формы глаголов совершенного или несовершенного видов выносятся обычно за пределы основной статьи и располагаются по алфавиту. Например, в Четырехтомном словаре формы несовершенного вида глаголов *зазубривать* и *зазубриваться* находятся за пределами статей, где раскрывается их лексическое значение, и к ним даются пояснения: *«Несов. к зазубрить», «Несов. к зазубриться».* Этот метод отнюдь не предназначен облегчить поиск нужных слов. В рамках основной статьи их особенности были бы раскрыты более кратко и выразительно [4, с. 168–169].

Существует также особый вид дефиниций, которые Н. Л. Тычинская называет квазидефинициями. Это дефиниции, которые сами по себе не дают реального толкования соответствующих слов, то есть, в них нет прямого раскрытия содержания слова, нет непосредственной характеристики денотат, а значения слов толкуются через отношения к другим словам [59, с. 67]. З. И. Комарова объединила эти типы иным названием — релятивные определения, указав тем самым единый их признак – относительность [35, с. 27].

Объединив указанные типы дефиниций общим названием соотносительные, А. А. Уфимцева расширяет количество типов определений за счет такой формулы: *«То же что ...»*, поскольку в ней раскрывается значение слова путем сопоставления его со словами, близкими и идентичными по смыслу [60, с. 134].

Н. Л. Тычинская, проанализировав имеющиеся разработки о типах определения значений слов, приходит к выводу, что в одних случаях средствами языка описываются непосредственно значения слов, в других же — описывается лингвистическая действительность. По нашему мнению, именно в соответствии с этим в большинстве исследований по лексикографии выделяется все же два основных типа определений, каждый из которых имеет свою внутреннюю классификацию.

В лингвистических определениях описание строится таким образом, что объекты, названные словом, характеризуются с помощью лингвистических понятий, отсылающих к другому исходному слову:

ПЕРЕКЛЕИВАНИЕ. *Действие по значению глагола переклеивать;* ***ПОЧТАЛЬОНКА***. *Прост. женск. к почтальон;* ***РАЗВИНЧЕННОСТЬ***. *Свойство и состояние по знач. прилаг. развинченный.*

Вряд ли есть необходимость напоминать ту непреложную истину, что хотя квазидефиниции и носят общий характер, все же именно без них трудно обойтись и от них зависит характер дальнейшего содержания словарной статьи: указание ли на отнесенность слова к определенному грамматическому классу, информация ли о классных признаках слова, о синтаксических свойствах слова, о семантических нюансах, содержащихся в синонимическом ряду к заголовочному слову и т. п. [59, с. 69].

Иными словами, квазидефиниция и самим своим строением, и характером заключенных в ней сведений представляет собой, наряду с явной дефиницией, информативно значимый компонент словарной статьи.

По мнению В. И. Карасика [32, с. 38], значение слова в коммуникативном аспекте традиционно трактуется как смысл слова. Если мы согласимся с тем, что дефиниция в толковом словаре представляет собой определенным образом организованный текст, дефинитивный текст, то следует признать, что словозначения / лексико-семантические варианты / — это узуальные смыслы соответствующего слова. Окказиональные же смыслы не входят в обычные толковые словари и раскрываются ситуативно. Граница между узуальным и окказиональным смыслом подвижна, и в этой связи представляет интерес вопрос о соотношении определения и толкования лексического значения.

Таким образом, современная лексикография имеет широкую номенклатуру способов толкования слова, применимую к однозначным словам, хотя целесообразность и распространенность того или иного способа требует более подробного исследования, которое будет представлено в последующих разделах нашей работы.

Слово и понятие как объекты описания различных типов словарей

В данном исследовании мы поставили перед собой задачу сопоставить лексикографическую обработку слов-моносемантов в толковых и энциклопедических словарях. Повторим, что предметом толкования в филологическом словаре является слово, а в энциклопедическом — понятие. Поэтому в данном параграфе мы представим некоторые теоретические положения, связанные с проблемой разграничения слова и понятия.

Виднейший английский материалист XVII в. Д. Локк отмечал: «Когда я начал рассматривать границы и достоверность нашего познания, то нашел, что оно так тесно связано со словами, что если не рассмотреть внимательно их силы и значения, то и о познании можно сказать очень немного» [41, с. 486].

Проблема соотношения слова и понятия является объектом внимания двух наук: лингвистики и логики, интересы которых максимально сближаются именно при решении вопроса о том, как соотносятся между собой основная единица языка (слово) и одна из основных форм мышления (понятие). В разных концепциях, выдвигавшихся и выдвигающихся в науке, слово и понятие то сближаются, вплоть до отождествления, то разводятся, вплоть до противопоставления.

Понятие — это одна из основных форм мышления, с помощью которой реальная действительность обобщенно отражается в нашем сознании. Каждое понятие имеет две основные характеристики — объем и содержание. Объем понятия — это класс определенных явлений, обобщенных в нем, а содержание — совокупность существенных признаков этих явлений.

Объективный характер назывных слов роднит их с понятиями. Лексические значения, как и понятия, — это своего рода умственные «концентраты», сгустки человеческих знаний об определенных фрагментах и сторонах окружающей нас действительности. Значения слов, как и понятия, покоятся на специфической форме отражения действительности — обобщении

и абстракции. В основе слов и понятий всегда лежит обобщение, т.е. отражение того общего, постоянного и устойчивого, что скрыто в многообразии и бесконечной переменчивости явлений [34, с. 9].

Эту важнейшую особенность значения видели уже древние индийские и греческие мыслители. Так, Вачаспати, один из представителей индийской философской школы Ньяя, говорил, что «слово обозначает общее, включающее в себя все индивидуумы, рассеянные во времени и пространстве, и, таким образом, относится к индивидуумам, как настоящего, так и прошедшего» [цит. по: 34, с. 92]. Ср. также замечание Аристотеля: «Число слов и понятий ограничено, вещи же количественно бесчисленны. Одно слово и одно понятие по необходимости обозначает поэтому многое» [цит. по: 34, с. 93].

В результате длительного обсуждения проблем имен мыслители древности назвали два принципа их выбора: по «природе» самого предмета (Гераклит, Августин) и по соглашению говорящих (Демокрит, Аристотель). Этот спор заложил основы гносеологического истолкования природы языка.

Философы средневековья расчленили проблему и выявили происхождение лишь общих названий. Дискуссия между двумя влиятельными школами велась с разных позиций: реалисты, по существу, продолжали традицию Платона, полагая, что понятия как общие идеи появились раньше единичных вещей. Единичные вещи являются неточными копиями, слабыми отражениями общих идей; номиналисты, напротив, признавали существование единичных вещей и отрицали наличие общих понятий; концептуалисты пытались примирить стороны и предлагали свой вариант, считая, что универсалии — это категории ума познающего субъекта, возникающие в результате отвлечения от единичных вещей их сходных признаков.

Мнение представителей последовательного номинализма по вопросу об универсалиях разделял выдающийся английский философ XIII в. У. Оккам, что обусловило материалистическую направленность его философского учения. У. Оккам впервые стал трактовать слово с позиций семиотики. Он попытался произвести классификацию знаков, учитывая степень абстрагированности содержания при определении терминов. У. Оккам выделил понятия

«первичной» и «вторичной» интенции. Понятие первичной интенции толкуется ученым как познавательный образ отдельных предметов, вторичная интенция понимается им как своего рода понятие о понятии. В гносеологическом плане различение первичной и вторичной интенций означает рассмотрение абстракций неодинакового порядка. «Отличительной особенностью любого знака У. Оккам, сопоставляя знак и название, считает его свойство, «обнаруживая» себя, представлять одновременно (помимо самого себя) еще и нечто иное …главное в знаке — это функции репрезентации иного» [цит. по: 39, с.123].

Существенным достижением в рамках теории номинации мы считаем правильную интерпретацию У. Оккамом функции знака — наименования, подход к наименованиям как к системе знаков, каждый из которых распространяется не только на единичный предмет, но и на классы предметов. Как видим, У. Оккам предвосхитил многие положения современной теории номинации, однако не всегда философы, логики и лингвисты ссылаются на него.

В XVI–XVII вв. проблему наименований предметов философы по традиции продолжают рассматривать в тесной связи с разработкой учения о познании. Возрастает интерес к природе слов, относящихся к сфере общественного сознания. Ценны в этом плане мысли английского материалиста Ф. Бэкона. Отмечая размытые понятийные границы общенародного языка, языка «толпы», он сформулировал важнейшее положение о том, что номенклатурная система языка науки должна представлять собою совокупность терминов, четких по употреблению и строго раскрытых по объему и содержанию. Хотя Ф. Бэкон не дал подробного анализа роли слов в процессе познания, он поставил перед наукой проблему, которая заняла одно из центральных мест в теории познания его прямых последователей — Т. Гоббса и Д. Локка.

Т. Гоббс был сторонником точки зрения, согласно которой слова возникли по произвольному установлению, однако он пошел намного дальше античных мыслителей, рассматривая процесс использования имен в связи с обобщающей, генерализирующей функцией названия. Анализируя положение Т. Гоббса о том, что «разница между метками и знаками состоит в том, что первые

имеют значение для нас самих, последние же – для других» [21, с. 62].

Б. Спиноза обращает внимание на те вопросы номинации, которые связаны с взаимодействием научной терминологии и общенародного словаря. Отмечая исключительное значение терминологии для развития научных знаний, он требует точного употребления терминов для обозначения известных понятий.

Д. Локк подходит к системе наименований также с точки зрения потребностей науки, понимая, что от выбора терминов и их точного соотношения с понятиями зависит совершенствование научных знаний. Общее понятие, по Д. Локку, возникает на основе осознания общих свойств в единичных предметах. Эта мысль Д. Локка лежит в основе правильного решения одной из важнейших проблем номинации, связанной со степенью абстракции в наименованиях.

Явными отголосками античной теории происхождения имен «по природе» можно считать концепцию звукоподражательного образования языка в целом и отдельных его наименований. Она получила дальнейшее развитие в учении Г. Лейбница, который не только ограничивает сферу деятельности звукоподражательного принципа на разных этапах развития языка, но и пытается обосновать причину этого. Указывая, что большинство слов чрезвычайно преобразовалось и удалилось от своего первоначального произношения и значения, рассматривая звукоподражание как принцип, на основе которого возник «дар речи» у человека, философ отвергает значение его для последующего развития языка.

Таким образом, философы разных времен пытались глубоко вникнуть в важнейшие проблемы номинации, рассматривая их на широком философском фоне в рамках учения о познании. Ими сформулированы важнейшие положения, сохраняющие актуальность в современной лингвистике:

- необходимо формировать номенклатурную систему языка науки;
- научная терминология должна строго отображать содержание понятия;

- правильно определить объем и содержание термина можно только в том случае, если обстоятельно рассматривать сущность единичного и общего, правильно устанавливая их соотношение;

- систему наименований можно и нужно изучать как выявление особенностей самих объектов действительности.

В течение длительного периода времени в лингвистической философской литературе продолжает дискутироваться вопрос о том, каковы взаимоотношения между понятием и значением слова с точки зрения их мыслительного содержания. Адекватны ли они? Исследователи этого вопроса Д. И. Арбатский [2—6], В. В. Виноградов [15], С. Д. Кацнельсон [34], Н. П. Мостовенко [44] и др. единодушно признают, что в основе значения слова лежит понятие, однако стремятся найти между ними отличия, выдвигая то один, то другой аргумент в доказательство тезиса: значение слова не тождественно понятию. Специфичность этих критериев, считают исследователи, и заключается в отсутствии полного соответствия между смыслом, выраженным словом, и понятием, с которым слово связано.

И языковое значение, и понятие являются категориями мышления. То и другое суть отражения мира в нашем сознании. Но это разные виды отражения. Если понятие – это полное (на данном уровне познания) отражение в сознании признаков некоторой категории объектов или явлений, то языковое значение фиксирует лишь их различительные признаки. Так, в значение слова *река* входят такие «дифференциальные признаки» понятия о *реке*, как *'водоем', 'незамкнутый', 'естественного происхождения', 'достаточно большого размера'*, по которым объект, именуемый *рекой*, отличается от объектов, именуемых *канавой, морем, прудом, озером, ручьем*. Понятие же о реке включает, помимо данных, и другие признаки, например *'питающийся за счет поверхностного и подземного стока своего бассейна'*. Можно сказать, что значению слова соответствует «наивное», обиходное понятие о предмете (в отличие от научного). Существенно, что признаки предмета, которые входят в значение некоторого слова, могут не совпадать с признаками, составляющими соответствующее научное понятие. Классический пример расхождения между языковым значением, в котором воплощено наивное представление о вещи,

и соответствующим ему научным понятием привел русский лингвист Л. В. Щерба: «Научное представление о *прямой (линии)* фиксируется в ее определении, которое дает геометрия: *«Прямая есть кратчайшее расстояние между двумя точками».* Но выражение «*прямая линия»* в литературном языке имеет значение, не совпадающее с этим научным представлением. *Прямой* мы называем в быту линию, которая не уклоняется ни вправо, ни влево (а также ни вверх, ни вниз)» [67, с. 71].

Представление о предмете у каждого говорящего связано с его индивидуальным опытом, а язык — это орудие общения, поэтому слова и выражают не представления, а понятия, которые являются результатом коллективного опыта. Слова основного словарного фонда сохраняются в языке на протяжении ряда веков. Изменяются ли при этом их значения? Ответ на этот вопрос должен учитывать диалектический характер явления. Значения остаются неизменными в том смысле, что слово продолжает называть все тот же класс предметов, выделенный когда-то из числа других при возникновении о нем понятия. И в то же время они не остаются неизменными, потому что в процессе познания действительности понятия об этих классах предметов уточняются, приближаясь к сущности вещи. Поэтому, например, такие слова, как *земля, огонь, вода, небо, воздух* и т. п., в тех случаях, когда они передают научное понятие об этих явлениях, наполнены для нашего времени совсем иным содержанием в сравнении с тем, как их понимали несколько столетий тому назад. Естественно, что эти отличия проявятся, прежде всего, в сфере научной речи. В обиходе те же слова продолжают передавать понятие о таких свойствах называемых ими явлений, которые исстари известны человеку, так как имеют существенное значение для его быта, но для научного знания могут и не быть определяющими.

Слово, связанное с понятием на всем протяжении его развития, отражает процесс изменения понятия, который, как известно, отличается большой сложностью. Старые понятия иногда продолжительное время сосуществуют наряду с новыми, они вытесняются из обихода лишь по мере распространения научных знаний. Возможность различного понимания в обществе одних и тех же явлений действительности находит свое отражение в слове.

С точки зрения материалистической философии за словами — «названиями вещей» стоит не только мир мыслей, идей, представлений, но, прежде всего реальная действительность, существующая объективно вне и независимо от сознания. Названия вещей являются обозначениями отраженных в сознании предметов и явлений внешнего мира. Раскрытие лексических значений этих слов может быть достигнуто только путем описания именуемых данными словами предметов, явлений. В этом смысле можно сказать, что «не существует номинальной дефиниции, которая не была бы в то же время реальной» [цит. по: 4, с. 10]. Поэтому противопоставление семантических определений «реальным» бессмысленно. Семантические определения в то же время являются определениями реальными.

Еще Аристотель учил, что во всяком определении одновременно утверждается, «что есть данная вещь» и «что обозначает название». Т. Гоббс, Ст. Милль, сторонники чисто номинальных определений, признают, что определение значения слов, в конце концов, достигается «посредством возможно краткого описания вещи, к которой это имя относится» [цит. по: 4, с. 10].

В повседневной практике мышления люди пользуются не строго установившимися понятиями, но лишь представлениями о предмете. Представление, так же как и понятие, есть мысль, выделяющая в предмете известные признаки этого предмета. Но в представлении, во-первых, не выделяются непременно существенные признаки, которые почему-либо бросаются в глаза и которые могут не быть существенными. Во-вторых, в представлении признаки устанавливаются не одинаково и зависят от лица, представляющего предмет, от психологических обстоятельств в каждом отдельном случае.

Определить понятие значит указать, какие существенные признаки мыслятся в его содержании. Словесное обозначение понятия, точно определённого и пригодного к применению в науке, называется термином. Определение не просто поясняет значение термина. Определение устанавливает это значение. По мнению Н. П. Мостовенко, «понятия — это мысленные слепки, снимки предметов или явлений, существующих независимо от нас в окружающем мире. Давая определение, мы раскрываем содержание

понятия, т. е. указываем существенные признаки предмета мысли. Такова связь между окружающим нас материальным миром, понятиями и определениями» [44, с. 266].

Слово является не только названием предмета или предметов, но и выражением значений, а иногда и целой системы значений. Вопрос о соотношении значения слова и понятия — это вопрос о специфике слова как языковой категории в отличие от понятия — категории мыслительной. Исходя из положения о неразрывной связи языка и мышления, языковедение признает взаимоотношения между понятием и словом также непосредственными и неразрывными. Однако значение слова и понятия не означает их тождества. Среди отличий, которые можно обнаружить у этих двух категорий, чаще всего указывают на возможность выражения понятия не только словом, но и группой слов *(земной шар*), а также на наличие в значении слова различных экспрессивных оттенков.

Смысловые границы слова могут быть очень широки, а иногда и не вполне определенны. Смысловая область слов (даже многих научных терминов) имеет пограничные зоны и многочисленные оттенки. Значение слова определяется не только соответствием его тому понятию, которое выражается с помощью этого слова (например: *движение, развитие, язык, общество, закон* и т. д.); оно зависит от свойств той части речи, той грамматической категории, к которой принадлежит слово, от общественно осознанных и отстоявшихся контекстов его употребления, от конкретных лексических связей его с другими словами, обусловленных присущими данному языку законами сочетания словесных значений, от семантического соотношения этого слова с синонимами и вообще с близкими по значениям и оттенкам словами, от экспрессивной и стилистической окраски слова. Нередко различие лексических значений слова связано с разными его грамматическими формами.

Рассмотрим наиболее типичные способы представления единиц в словарях энциклопедическом и лингвистическом. При сравнении словарных статей того и другого словаря тотчас же бросается в глаза, что четкого представления об отличии семантического толкования от понятийного определения все же нет. Элементы обычного понятийного определения (через род и

видовое отличие), как правило, но далеко не регулярно появляются при толковании значений слов в любом толковом словаре [50, с. 3].

***АБОРДАЖ**, -а, м. В эпоху гребного и парусного флота: атака корабля противника при непосредственном сближении с ним для рукопашного боя. Взять на а. (также перен.). II прил. абордажный, -ая, -ое* [48].

***АБОРДАЖ** (франц. abordage, от bord — борт судна), способ ведения морского боя гребными и парусными кораблями (до 19 в.); сцепление атакующего корабля с неприятельским для захвата его в рукопашном бою* [11].

***АВГУСТ**, -а, м. Восьмой месяц календарного года. II прил. августовский, -ая, -ое* [48].

***АВГУСТ** (лат. Augustus), восьмой месяц календарного года (31 сут.). Назван по имени рим. имп. Августа* [11].

***БИССЕКТРИСА**, -ы, ж. В математике: луч (в 3 знач.), исходящий из вершины угла и делящий его пополам* [48].

***БИССЕКТРИСА** (от лат. bis — дважды и seco — рассекаю) угла, полупрямая (луч), исходящая из вершины угла и делящая его пополам* [11].

***ГАВАНЬ** (от голл. haven), естественно или искусственно защищенная от ветра, волн и течений прибрежная часть вод. пространства для стоянки, ремонта и зимовки судов. Г. наз. также часть акватории порта для произ-ва грузопасс. операций* [48].

***ГАВАНЬ**, гавани, ж. (гол. haven). Удобное, защищенное от ветра место у морского берега, приспособленное для стоянки и причала судов. Пароход вошел в гавань* [11].

***ГАБАРДИН** (франц. gabardine), легкая шерстяная, полушерстяная, шёлковая или хлопчатобумажная ткань; имеет мелкие наклонные рубчики. Из Г. шьют пальто и костюмы* [48].

***ГАБАРДИН**, габардина, мн. нет, м. (исп. gabardina) (спец.). Сорт ткани, идущий главным образом на непромокаемые пальто и костюмы* [11].

***КИРИЛЛИЦА**, -ы, ж. Одна из двух древних славянских азбук, лёгшая в основу русского и нек-рых других славянских алфавитов. К. и глаголица. II прил. кириллический, -ая, -ое и кирилловский, -ая, -ое., Кириллическое письмо* [48].

КИРИЛЛИЦА*, одна из двух (вместе с глаголицей) первых слав. азбук. Назв. по имени слав. просветителя Кирилла (см. Кирилл и Мефодий). Созд. на основе греч. уставного письма в кон. 9 – нач. 10 вв. с добавлением неск. букв. Была распространена у юж., вост. и, вероятно, у зап. славян. В 1708 в России реформирована (см. Гражданский шрифт). Легла в основу русского алфавита* [11].

ПОНЯТИЕ*, -я, ср. 1. Логически оформленная общая мысль о классе предметов, явлений; идея чего-н, П. времени. П. качества. Понятия науки. 2. Представление, сведения о чём-н. Иметь, получить п. о чём-н. 3. обычно мн. Способ, уровень понимания чего-н. У детей свои понятия. * Понятия не имею (разг.) – не знаю, не имею представления о ком-чём-н. Когда уходит поезд? – Понятия не имею. С понятием кто (прост.) – об умном человеке. С понятием делается что (прост.) – делается что-н. умно, разумно. Без понятия кто (прост.) – ничего не понимает. II прил. понятийный, -ая, -ое (к 1 знач.; спец.). Понятийные категории* [48].

ПОНЯТИЕ*, мысль, фиксирующая существенные свойства, связи и отношения предметов и явлений. Выделение общего – специфич. черта П., отличающая его от единичного созерцания и восприятия (см. также Абстракция). Структура П., его виды, операции с П., изучаются логикой. Различают: содержание П. – совокупность фиксированных в нём признаков предметов; объём П. – множество (класс) предметов, каждому из к-рых принадлежат эти признаки* [11].

Проанализировав приведенные выше лексикографические статьи, мы можем выделить как общие, так и дифференцирующие их черты. К различительным чертам словарей отнесем: в лингвистическом словаре

- представление лингвальных характеристик слова (род, окончания и т.п.) – *КИРИЛЛИЦА*, -ы, ж.;
- наличие речевых образцов, иллюстративного материала – *Взять на а. (также перен.).;*
- включение в статью слов – дериватов – II прил. *кириллический, -ая, -ое и кирилловский, -ая, -ое;*
- характеристика стилевой отнесенности или сферы употребления слова – *БИССЕКТРИСА, -ы, ж. В математике; Без понятия кто (прост.).*

При сопоставлении лингвистического словаря с энциклопедическим мы видим, что в последнем более последовательно и исчерпывающе даются сведения о происхождении слова *(Биссектриса (от лат. bis – дважды и seco – рассекаю); Гавань (от голл. haven).* В этом словаре широко представлен точный фактический материал, выраженный цифрами и числительными (в кон. IX — нач. XX вв.) и т. п. Здесь также более развита система перекрестных ссылок, что позволяет обратиться к толкованию взаимосвязанных понятий (см. *Кирилл и Мефодий*), (см. *Гражданский шрифт*).

Таким образом, сопоставление представления слов и понятий в лексикографических изданиях свидетельствует о том, что различие слова и понятия влияют на способы лексикографической презентации, и более детальное описание этих способов представляется перспективным направлением научных исследований.

Выводы

Лексическое значение слова — это общее (инвариантное) значение всех словоформ данной лексемы, абстрагированное от их грамматических значений (если лексема однозначна), или одно из инвариантных значений лексемы (если она многозначна). Мы определяем однозначное слово следующим образом: лексическая единица, соответствующая одной определенной единице содержания, тождественная одному объекту действительности или одному понятию.

Представленные в толковых словарях современного русского языка однозначные слова разнообразны по морфологической структуре, по отнесенности к той или иной части речи, входят в разнообразные тематические группы. Однако данная группа лексики еще не получила достаточно полного освещения в лингвистической литературе.

Однозначные лексические единицы получают определенное толкование в лингвистических и энциклопедических словарях.

Лингвистические словари по своим целям и способам лексикографического описания разделяются на несколько типов. Толковый словарь академического (нормативно-системного) типа является ключевым, ибо он отражает единое (реальное) языковое сознание определенного человеческого коллектива в определенный момент времени.

Важнейшим принципом составления толковых словарей является понятие целостности языка, постоянная связь синхронии с диахронией, её отражение в словарных статьях. Каждый академический словарь русского языка вносит нечто новое в лексикографическую практику, но особенно в теорию, т.к. решаемые при выработке подобных словарей проблемы обогащают языкознание.

Однозначные лексические единицы, означающие то или иное понятие, также получают энциклопедическое толкование в соответствующем типе словаря.

Слово, связанное с понятием на всем протяжении его развития, отражает процесс изменения понятия, который, как известно, отличается большой сложностью. Отражение однозначности в лексикографической практике имеет свои особенности в различных типах словарей.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Лексикографическая концепция Нового большого англо-русского словаря / Ю. Д. Апресян. // Новый большой англо-русский словарь / Ю. Д. Апресян, Э. М. Медникова, А. В. Петрова и др. – М.: Русский язык, 1993. – Т.1. – С. 6–17.

2. Арбатский Д. И. О сущности тавтологии в семантических определениях / Д. И. Арбатский. // Вопросы языкознания. – 1974. – № 2. – С. 56–63.

3. Арбатский Д. И. Об объектах семантических определений / Д. И. Арбатский. // Вопросы теории и методики изучения русского языка / [сб. статей / отв. ред. И. И. Назаров]. − Ижевск: Удмуртия, 1965. – В. 4. – С. 10−40.

4. Арбатский Д. И. Отсылочные определения в филологическом словаре / Д. И. Арбатский. // Современная русская лексикография. 1976. [сб. ст. / АН СССР, Ин-т рус. яз. / отв. ред. А.М. Бабкин]. – Л.: Наука, 1977. –С. 180−187.

5. Арбатский Д. И. Перечисление как способ определения значений слов / Д. И. Арбатский. // Вопросы русского языка и методики его преподавания / [уч. записки / отв. ред. А. С. Гантман]. – Пермь, 1966. – В. 34. – С. 3−9.

6. Арутюнова Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения / Н. Д. Арутюнова. // Аспекты семантических исследований / А. А. Уфимцева, Е. С. Кубрякова, Н. Д. Арутюнова – М.: Наука, 1980. − 356 с.
7. Асмус В. Ф. Логика / В. Ф. Асмус. – М.: Огиз, Госполитиздат, 1947. – С. 54.
8. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: Сов. энциклопедия, 1969. – 606 с.
9. Бабкин А. М. Лексикографические заметки / Александр Михайлович Бабкин. // Вопросы языкознания. – 1955. − № 2. – С. 91−96.
10. Белоусова А. С. Унификация словарных толкований: её реальные возможности (класс лиц) // Национальная специфика языка и её отражение в нормативном словаре / [сб. ст. / АН СССР, Научный совет по лексикологии и лексикографии / ред. Ю. Н. Караулов]. – М.: Наука, 1988. – С. 71–74.
11. Большой Российский энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2005. – 1888 с.: ил.
12. Большой толковый словарь русского языка / [гл. ред. С. А. Кузнецов]. – СПб.: Норинт, 2004. – 1536 с.
13. Будагов Р. А. Закон многозначности слова / Рубен Александрович Будагов. // Русская речь. – 1972. – № 3. – С. 132–140.
14. Валгина Н. С. Современный русский язык: Учебник / Н С. Валгина, Д. Э. Розенталь, М. И. Фомина. – [6-е изд., перераб. и. доп]. – М.: Логос, 2002. – 528 с. – Режим доступа: www.hi-edu.ru\x-books-free\xbook107\01\default.htm – Заголовок с экрана.
15. Виноградов В. В. Основные типы лексического значения слова / В.В. Виноградов. // Вопросы языкознания. – 1953. – № 5. – С. 3–29.
16. Гак В. Г. Лексическое значение слова / В. Г. Гак. // Лингвистический энциклопедический словарь / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 261–263.
17. Гак В. Г. Лексическое значение // Русский язык: Энциклопедия / [гл. ред. Ю. Н. Караулов]. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Науч. изд-во «Большая Российская энциклопедия». «Дрофа», 1998. – С. 213–214. – (Мегапроект «Пушкинская библиотека»).
18. Гак В. Г. О некоторых закономерностях развития лексикографии / В. Г. Гак // Актуальные проблемы учебной лексикографии: сб. статей / сост. В. А. Редькин – М.: Рус. яз., 1977. – С. 11–22.
19. Гак В. Г. Об относительности лексикологических категорий в лексикографии / В. Г. Гак. // Проблемы учебной лексикографии и обучения лексики / [под ред. П. Н. Денисова и В. В. Морковкина] – М.: Наука, 1978. –С. 13–24.
20. Гинзбург Е. Л. Конструкции полисемии в русском языке: Таксономия и метонимия / Е. Л. Гинзбург; отв. ред. В. П. Григорьев. – М.: Наука, 1985. – 223 с. – Библиогр.: С. 213–220.
21. Гоббс Т. О теле // Избранные произведения: в 2-х т / Т. Гоббс. – М.: Наука, 1964.
22. Голев Н. Д. Динамический аспект лексической мотивации / Н. Д. Голев. / под ред. О.И. Блиновой – Томск: Том. ун-т, 1989. – 249[3]. – Библиогр.: С. 219–247.
23. Дале П. К. О кратких и подробных определениях значений слов в словарях филологического и энциклопедического типов / П. К. Дале. // Проблема толкования слов в филологических словарях / [Материалы совещания. 31 октября – 3 ноября 1961 г. / ред. коллегия: Степан Григорьевич Бархударов и др]. – Рига: АН Латв. ССР, 1963 – С. 153.

24. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. / В. Даль. – М.: Рус. язык, 1994.
25. Денисова М.А. Словарь как связь слов с жизнью / М. А. Денисова. // Русский язык в школе. – 2000. – №1 – С. 81–87.
26. Дорошевский Витольд Элементы лексикологии и семиотики. / Авториз. пер. с польск. В. Ф. Конновой – М.: Прогресс, 1973. – С. 213–214.
27. Дубичинский В. В. Теоретическая и практическая лексикография / В. В. Дубичинский – Wien: Ges. Zur Förderung slawistisher Studien; Харьков: Харьковское лексикографическое о-во, 1998. – 156 с. – (Wiener slawistischer Almanach. Sonderband 45). – Библиогр.: С. 137–150. – Микрофильм Москва РГБ 2006. 35мм.
28. Евгеньева А. П. О некоторых лексикографических вопросах, связанных с изданием Большого словаря русского литературного языка / А. П. Евгеньева. // Лексикографический сборник. – Вып. 2. – М.: Гизин и нац. словарей, 1957. – С. 168–169.
29. Ермакова О. П. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона / Ольга Павловна Ермакова, Е. А. Земская, Р. И. Родина; под общ. рук. Р. И. Родиной. – М.: Азбуковник, 1999. – 278 с.
30. Земская Е. А. Производные слова в толковых словарях русского языка / Е. А. Земская. // Современная русская лексикография. 1976. [сб. ст. / АН СССР, Ин-т рус. яз. / отв. ред. А. М. Бабкин]. – Л.: Наука, 1977. – С. 110–122.
31. Золотова Г. А. О новых возможностях лексикографии / Г. А. Золотова. // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 85–95.
32. Карасик В. И. Значение слова: определение и толкование. / В.И. Карасик. // Коммуникативные аспекты значения / [Межвузовский сборник научных работ / Волгогр. гос. пед. ин-т им. А. С. Серафимовича / отв. ред. В. И. Шаховский]. – Волгоград: ВГПИ, 1990. – С. 58–67.
33. Касарес Х. Введение в современную лексикографию / Касарес Х.; пер с исп. Н. Д. Арутюновой. – М.: Иностранная литература, 1958. – 354 с.
34. Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение / С. Д. Кацнельсон. – М.-Л.: Наука, 1965. – 110 с.
35. Комарова З. И. Проблема толкования специальных слов в словарях русского языка советского периода: Учебное пособие / З. И. Комарова. – Свердловск: Уральский ун-т им. А. М. Горького, 1979. – 91 с.
36. Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова / Н. Г. Комлев. – М.: Моск. ун-т, 1969. – 192 с. – Библиогр.: С. 131–175.
37. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений: Семантика производного слова / Е. С. Кубрякова. – М.: Наука, 1981. – 200 с.
38. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка: уч. пособие [для филол. спец. ун-тов] / Э. В. Кузнецова. – М.: Высшая школа, 1989. – 215 [1] с.
39. Курантов А. П. Уильям Оккам / А. П. Курантов, Н. И. Стяжкин. – М.: Мысль, 1978. – 191 с.
40. Литвин Ф. А. Многозначность в языке и речи: учеб. пособие [для студентов пединститутов] / Ф. А. Литвин. – М.: Высшая школа, 1984. – 119 с.
41. Локк Д. Опыт о человеческом разуме / Джон Локк. // Избранные философские произведения в 2-х томах / Джон Локк. – М.: Соцэкгиз, 1960.
42. Маршак С. Я. Сказки, песни, загадки / С. Я. Маршак. – М.: Детская литература, 1962. – С. 331.
43. Матвеев Б. И. Многозначные слова и их стилистические функции: Практикум по стилистике / Б. И. Матвеев. / [Электронный ресурс] / Русский язык. – 2001. –

№ 35. – Режим доступа к журн.: http:/rus.1september.ru/newspaper/php? year =2001&num=35. − Заголовок с экрана.

44. Мостовенко Н. П. Дефиниции в советских универсальных энциклопедиях / Н. П. Мостовенко // Проблематика определения терминов в словарях разных типов / [сб. ст. / АН СССР, Научный совет по лексикологии и лексикографии / ред. С. Г. Бархударов]. – Л.: Наука, 1976. – С. 121–133.

45. Муравицкая М. П. Некоторые вопросы полисемии. Материалы для спецкурсов и спецсеминаров по лексикологии / М. П. Муравицкая. – Киев: Киевский ун-т, 1964. – 33 с.

46. Новый энциклопедический словарь / [издали Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С.-Петербург)]. – Петербург. – 960 с.

47. Ожегов С. И. О трёх типах словарей современного русского языка / Сергей Иванович Ожегов. // Вопросы языкознания. − 1952. − №2 − С. 85−103.

48. Ожегов С. И. Словарь русского языка. / Сергей Иванович Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой. – [19-е изд.]. – М.: Рус. язык, 1987. – 748 [2] с.

49. Пешковский А. М. Избранные труды / А. М. Пешковский. – М.: Учпедгиз, 1959. – 252 с.

50. Правдин М. Н. Словарное толкование, научность и здравый смысл / М. Н. Правдин. // Вопросы языкознания. − 1983. − № 6. − С. 3−15.

51. Прохорова В. Н. Полисемия и лексико-семантический способ словообразования в современном русском языке / В. Н. Прохорова. – М.: Наука, 1980. – 240 с.

52. Словарь Академіи Россійской. – ч.5. по азбучному порядку от П до С. – СПб, 1822. – 1142 с.

53. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М. – Л., 1950 – 1965.

54. Смирницкий А. И. Очерки по сопоставительной грамматике русского и английского языков. / [изд. подгот. Р. З. Гинзбург, С. С. Хидекель, А. А. Санкин, О. А. Смирницкая. / Под общ. ред. проф. О. С. Ахмановой]. – М.: Высшая школа, 1970. – 396 с.

55. Сороколетов Ф. П. Лексическое значение и словарная дефиниция / Ф. П Сороколетов. // Исследование по исторической семантике: межвуз. сб. / Калинингр. гос. ун-т. / [ред. А. И. Дубяго]. – Калининград: КГУ, 1980. – С. 3 – 13.

56. Ступин Л. П. Каким должен быть толковый словарь: предписывающим или регистрирующим / Л. П. Ступин. // Язык и общество. − Вып. 5. − Саратов: Саратов. ун-т, 1978. − С. 33−41.

— Т.1. – 1964 – С. 62.

57. Толикина Е. А. О некоторых правилах толкового словаря/ Е. А. Толикина. // Современная русская лексикография 1976. / [сб. ст. / АН СССР, Ин-т рус. яз. / отв. ред. А.М. Бабкин]. – Л.: Наука, 1977. – С. 54−70.

58. Толковый словарь русского языка: в 4-х т. / [под ред. Д. Н. Ушакова].– М.: Сов. Энц икл., 1934-1940.

59. Тычинская Н.Л. Квазидефиниции в толковом словаре русского языка: дис. …канд. филол. наук: 10.02.02. / Наталья Леонидовна Тычинская. – Дніпропетровськ., 2001. – 179 с.

60. Уфимцева А. А. К вопросу о так называемом дефиниционном методе описания лексического значения слов / Анна Анфилофьевна Уфимцева // Слово в грамматике и словаре / [ред. В. Н. Ярцева]. – М.: Наука, 1984. – С. 134–142.

61. Фельдман Н. И. Окказиональные слова и лексикография / Н. И. Фельдман. // Вопросы языкознания. – 1957. − № 4. – С. 71−75.

62. Филин Ф. П. Очерки по теории языкознания / Ф. П. Филин. – М.: Наука, 1982. – 336 с.
63. Чудинов А. П. Регулярная многозначность в глагольной лексике: [учеб. пособие к спецкурсу по спец. 21.01. «Рус. яз. и лит»] / А. П. Чудинов. / Свердлов. гос. пед. ин-т. – Свердловск: СГПИ, 1986. – 79[1] с. – Библиогр.: С. 78–80.
64. Шведова Н. Ю. Однотомный толковый словарь / Н. Ю. Шведова. // Русский язык. Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. Виноградовские чтения IX–X. − М.: Наука, 1981. − С. 166−179.
65. Шведова Н. Ю. Парадоксы словарной статьи / Н. Ю. Шведова // Национальная специфика языка и её отражение в нормативном словаре / [сб. ст. / АН СССР, Научный совет по лексикологии и лексикографии / ред. Ю. Н. Караулов]. – М.: Наука, 1988. – С. 6–11.
66. Шилихина К. М. Теоретическая и практическая лексикография: [учебное пособие по специальности 021800 (031301) – теоретическая и прикладная лингвистика] / К. М. Шилихина. – Воронеж: ВГУ, 2006. – 59 с.
67. Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии / Лев Владимирович Щерба. – Избр. работы. Т.1. – М. – Л.: ЛГУ – 1958. – С. 69–78.

ПИТАННЯ ТЕКСТУ Й ДИСКУРСУ

==========

ИДИОДИСКУРС Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И ЕГО ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ

Поляковская Ю. В., Шепель Ю. А.

Жанровые и стилистические особенности идиодискурса Ф. М. Достоевского

Интерес когнитивной лингвистики к проблеме осмысления и становления человеческого сознания в языке начал проявляться еще в 90-х годах. До этого традиционная лингвистика акцентировала внимание больше на текстологических аспектах. Но нерешенными оставались многие вопросы, среди которых правильная интерпретация произведений. Ф. М. Достоевский, как автор, создавал произведения, используя определенную тактику, стилистику и речевую организацию. Каждый роман Ф. М. Достоевского был подробно рассмотрен и изучен с точки зрения литературоведения. Особенно популярным в наше время является трактовка романов Ф. М. Достоевского с религиозной точки зрения. Но в тоже время лингвистических исследований языковых особенностей произведений и дискурса писателя немного.

Жанровую специфику произведений Достоевского определить непросто, так как каждый роман это синтез нескольких жанров. Братья Карамазовы, по мнению Н. М. Чиркова [30], наиболее завершенный социально-психологический роман. В своей исследовательской книге Н. М. Чирков подробно разбирает особенности всех произведений писателя в том порядке, в котором они были написаны, уделяя больше всего внимания «Братьям Карамазовым». Исследователь не только определяет стиль, но и

подробно указывает на все жанровые нюансы романа. Н. М. Чирков находит у «Братьев Карамазовых» и элементы философского романа, и средневековые мистерии, и древние апокрифы, и вкрапления из книги Иова. Исследователь считает, что «Братья Карамазовы» представляют собой «возрождение формы мистерии в новом виде» [30; С. 235] в старинном жанре с формой европейского реалистического социального и психологического романа XIX века.

Особое разнообразие представляет выражение социального распада людей, особенно деградация дворянства, которые выражаются в «беспорядке» и «хаосе» происходящем вокруг. Упоминает Н.М. Чирков и становление буржуазии после реформы, к которому относится Достоевский крайне негативно. Все это воплощается в персонажах, наделенными обычно негативными чертами. Еще один социальный аспект, показанный в романе, по мнению Н.М. Чиркова, – разлагающее влияние капитализма на крестьянскую среду. Н.М. Чирков делает вывод, что проблема социального распада соотносится Достоевским с широким планом судеб России и Европы и осмысливается как тема социально-исторического кризиса.

Еще одним значимым исследователем творчества Достоевского был М. М. Бахтин [3]. Именно его перу принадлежит полифоническая теория. Ученый занимался проблемами поэтики Ф. М. Достоевского и существующие на то время разработки не удовлетворяли его представления. Поэтому, М. М. Бахтин предложил новую трактовку жанровых и сюжетно-композиционных моментов. Прежде всего, он подчеркнул, что традиции европейского авантюрного романа, а особенно авантюрного героя, старого романа приключений – таинственные преступления, катастрофы, скитание аристократов, являются только фоном и не могут основными моментами в определении жанра; так как авантюрный сюжет сочетается идеей – он ставит человека в провоцирующие положения и раскрывает всю подноготную его сущности. М. М. Бахтин уверен, что жанр романов Ф. М. Достоевского очень близок к старинному «сократовскому диалогу» и меннипее, и приводит немало доводов в эту пользу. Также не обходит ученый вниманием и карнавальные элементы, исповеди. «Братья Карамазовы», по его мнению, являются не только сочетанием

всех вышеперечисленных жанров, но и включают в себя несколько меннипей в чистом виде (Легенда о Великом Инквизиторе).

В. В. Ветловская [6] в своих монографических исследованиях особенностей романа «Братья Карамазовы» разрабатывала разнообразные включения в текст произведения. Особый интерес представляют исследования в фольклорной плоскости, где В. В. Ветловская разбирает древние апокрифы и устанавливает их подлинное значение для идейного понимания романа. «Идеал Мадонны» и «Символика чисел» раскрывают имплицитные значения чисел в романе.

В современном литературоведении романы писателя относят или к традиции плутовского романа, или к традиции готического романа. Н. Г. Назиров [22] не считает это корректным определением жанра Ф. М. Достоевского. К его особенностям он относит усиление драматизации, усложнение форм исповедального диалога, острый сюжет, наличие тайны и умолчаний. Н. Г. Назиров придерживается определения романов Достоевского как идеологического романа, романа об идеях с учетом полифонической теории М. М. Бахтина.

При исследовании дискурса писателя не стоит забывать о различных литературных источниках, которые оказали влияния на формирование его личности и мировоззрения. Ф. М. Достоевский был не только глубоко верующим человеком, а и знатоком древних апокрифов, фольклорных стихов и мифических эпосов. Кроме того, в его произведениях изобильно используются аллюзии, литературные реминисценции, ассоциации, цитаты, символические проекции и параллели с литературными источниками. Проследив в своем диссертационном исследовании влияния различных источников, А. Н. Кошечко [17] распределяет их на такие категории:

1) античные традиции — использование жанров менипеи, философского диалога, трагедии, риторической автобиографии.

2) Мифопоэтические традиции — эпос, сказка, Евангелие.

3) Западноевропейская традиция — заимствования из романов

4) Традиции готического романа — особое сюжетостроение (преступление — возмездие), характерология (глубокий психологизм в описании мотивов поступков героев и их переживаний)

5) Традиции западноевропейского реализма

6) Традиции русской культуры и литературы

Абсолютно новый подход к пониманию дискурса Ф. М. Достоевского предложила В. В. Сиганова. Основываясь на уже высказанных теориях о наличии огромного пласта интертекста в дискурсе Ф. М. Достоевского, ученая использует лингвориторическую концепцию А. А. Ворожбитовой для анализа идиодискурса Ф. М. Достоевского. Таким образом, В. В. Сиганова [25] исследует идиодискурс Ф. М. Достоевского в контексте языковой и литературной личности. Новая лингвориторическая концепция литературной личности включает собственно языковую личность – главный компонент, и специфические компоненты — профессиональную лингвориторическую компетенцию определенного типа идиоречецикла, риторский статус (установка на социокультурно значимый идиодискурс) и литературно-художественный статус мастера слова. Исследовательница установила, что большинство ученых трактуют художественное и философское мировоззрение Ф. М. Достоевского как духоведение.

Исследовательница уверена, что все проблемы, с которыми сталкиваются герои в произведениях писателя, раскрываются в сопоставлении с представлениями человека о своей природе, истоках, духовности, целях и смысле бытия. Возвращаясь к дополнительным источникам знаний о мировоззрении писателя — его дневникам — В. В. Сиганова подчеркивает, что именно Библия оказала безграничное влияние на формирование моральных и духовно-философских убеждений Ф. М. Достоевского. На примере романа «Братья Карамазовы» В. В. Сиганова демонстрирует особенности построения дискурса писателя и характеризует речемыслительные процессы языковой личности писателя. Обычное уголовное происшествие, детективное расследование и любовное соперничество на этом фоне тесно переплетаются с духовно-мировоззренческими и социально-психологическими связями общества того времени и соотносятся с вечными законами бытия. В результате анализа, было выделено идеологическое ядро романа – библейские репрезентации, а их взаимодействие в структуре произведения представляют имплицитный «текст в тексте», то есть глубинный слой романа.

Таким образом, существуют различные трактовки жанрового определения романов Ф. М. Достоевского, но большинство

исследователей сходятся в том, что Ф. М. Достоевский является новатором, так как его особый тип дискурса включает библейские репрезентации, фольклорные стихи, духовные апокрифы, элементы меннипеи, традиции эвропейского и готического романа. Авторский художественный метод заключается в трансформации жизненных событий через «возможный мир» в языковую ткань литературного произведения.

Структура идиодискурса Ф. М. Достоевского и его художественное мировосприятие

Изучая особенности построения идиодискурса писателя, необходимо осветить один спорный момент: особенности выражения авторской позиции.

Споры вокруг дискурсивного выражения авторской позиции Ф. М. Достоевского начались с появлением полифонической теории М. М. Бахтина [3]. Он выдвинул предположение, что голос автора полностью отсутствует в его произведениях, и авторская позиция ничем не выражена, а каждый герой имеет свой «голос», который есть уникальным, неповторимым и самостоятельным. Свою теорию М. М. Бахтин назвал полифонической, и придавал большое значение диалогизму в романах Ф. М. Достоевского. Не все ученые соглашаются с предложенным пониманием структуры романов писателя, некоторые дополняют эту теорию, некоторые полностью отрицают. Б. О. Корман, например, уверен, что невозможно смешать автора как носителя концепции произведения с одной из форм авторского сознания — героем.

В современной лингвистике проблема дискурсивного выражения авторской позиции Достоевского была объектом изучения В. И. Габдуллиной [7]. Исследовательница отмечает важность понимания авторского дискурса, его личности и взгляды для корректного прочтения его произведений. Современная наука, по мнению Габдуллиной, снова возвращается к истокам поиска автора в произведениях Достоевского, так как новые подходы требуют новых разработок.

К таким исследованиям можно отнести работы Т. А. Касаткиной [13], которая рассматривает позицию автора с точки зрения дискурсивного анализа. Она считает, что авторская позиция Достоевского не выражается дискурсивно, но может быть понятна с помощью цитат, символов и сюжетной сцены. Таким образом, создается некая особая форма авторского дискурса, который продиктован спецификой художественного текста Достоевского. Под авторским дискурсом понимают высказывание автора в тексте в прямой или завуалированной форме.

Как подчеркивает В.И. Габдуллина [7], именно авторский дискурс ориентирует на исследование эксплицитных и имплицитных форм авторского присутствия в тексте Достоевского. Для работы с дискурсом очень важны экстралингвистические знания, а особенно если речь идет о Ф. М. Достоевском.

Проблеме авторской позиции посвящена также диссертация Т. Л. Чернышевой [28], которая уверена в неоднозначности интерпретации произведений Достоевского.

В. Габдуллина исследовала также притчевую стратегию автора в созданиях произведений. Функционирование различных словообразований и мотивов (кодов) в авторском дискурсе писателя неслучайно. Самым обширным кодом является евангельский, так как в силу жизненных обстоятельств Достоевский пришел к Библии и считал в вере спасение. К формам воплощения Евангелия В. Габдуллина относит сюжетную аллюзию, психологическую параллель, мифологему, мотифему и мотив. Особое внимание уделяется мотиву и, реализующемуся через систему мотивов, притчевой стратегии автора.

Содержательная сторона авторского дискурса Достоевского связана с религиозными и историко-философскими взглядами писателя. Идеи милосердия, правильного направления заблудшей души, искушения и покаяния лежат в основе любого его произведения. В. И. Габдуллина [7] пишет, что «романы Достоевского — произведения «слышащего слово», в них писатель разворачивает притчевый мотив в сюжетное повествование. При этом притча зашифровывается в художественном тексте и становится ключом к его осмыслению».

Часто автор использует евангельские эпиграфы-притчи (притча об исцелении бесноватого — эпиграф к «Бесам», притча о сеятеле — эпиграф к «Братьям Карамазовым»), что указывает на совпадении авторской мысли и евангелистского Слова, и является намеком читателю для верного восприятия авторской идеи. Все же, стоит заметить, что Достоевский, предпочитая диалог с читателем, а, не противопоставляя себе ему, организовывает коммуникативную стратегию текста по отношению к читателю, вовлекает его в сферу авторского слова. Авторская стратегия немного не совпадает со стратегией притчи: для притчи характерен поучающий и поучаемый, а Достоевский оставляет читателю право выбора. Читатель должен сам определить свою нравственную сторону, сделать выбор в вопросах добра и зла.

Авторская позиция Достоевского становится доступной только при упорной и тяжелой работе в разгадывании скрытых смыслов, имплицитных средств, с помощью которых и активизируется то, что хотел донести и передать писатель. Поэтому при работе с дискурсом Достоевского необходимо использовать глубокое чтение, так как его замысел обычно облачен в иносказательную, имплицитную форму.

По мнению А. Н. Кошечко [17] авторское начало Ф. М. Достоевского амбивалентно, то есть автор занимает одновременно несколько позиций по отношению к изображаемому. Исследовательница выделяет такие уровни авторского сознания: автор-свидетель, автор-аналитик, автор-творец и проводит зависимость статусной позиции автора от пространства (например, в пространстве города – автор свидетель событий).

Разработками структуры романа «Братья Карамазовы» занимались также зарубежные ученые. Особенно можно выделить Р. Л. Бэлнепа [5], который осуществил полный структуралистический анализ последнего романа Достоевского в синхроническом аспекте, а затем и в диахроническом.

Исследовать дихронический аспект продолжил С.С. Шаулов [31]. В своей диссертации он определяет жанр «Братьев Карамазовых» как «роман-универс», который «охватил бы в свои границы всю вселенную и стал бы для потомков подобно Божественной комедии»[31; С. 9]. Исследователь поставил перед собой задачу выяснить механизм функционирования «романа-универса».

Рассмотрев различные пласты формальной структуры романа, ученый пришел к выводу, что ее фундаментом является контаминация мифа о вечном возрождении и евангельского мифа, что выражается в формальном плане в синтезе циклической и финалистской концепции времени. Также С. С. Шаулов указывает и на возрождение карнавальной традиции, и на функционирование аллегорического хронотопа. Автор также охарактеризовал диахронический аспект этико-философской концепции романа, и двойственность христианского контекста, подчеркивая, что для Ф. М. Достоевского присущий романный синтез мифологических структур.

О. В. Кореневская [16] доказывает закономерности отражения православной картины мира в художественном мировосприятии Ф. М. Достоевского: «Православная картина мира представляет собой область перекрещивания авторской и национальной картин мира в зоне установок аксиологий. Структура такой картины представлена взаимодействием трех фундаментальных категорий: время, пространство, человек».

Понятие времени О. В. Корниевская делит на три аспекта. Первый связан с вечностью. Писатель использует такие слова, как «вечный», «вовеки», «всегда». Второй важный аспект категории времени раскрывает представление Ф. М. Достоевского о миссии русского народа и близости Божьего Царства. В языке это передается с помощью слов: «грядущий», «близкий», «немедленный». Третий аспект связан с мотивом начала, или зарождение нового измененного мира – «отныне», «сейчас», «теперь», «эта минута».

Категория пространства в православной картине мира соотносится с религиозными взглядами Достоевского и его идеалом Церкви, которая мыслится как сплошное и неделимое, божественное пространство. Символом понимания такого идеального пространства является «храм». Категория человека обозначается тремя основными концептами: концепт «вера», который воплощает идею о связи человека с Богом; концепт «любовь», который несет семантику любви к ближнему, как основной ценности Православной веры, и идею приоритета любящего сердца над голосом ума; концепт «народ», который подразумевает смысл жизненной связи человека с родной землей и людьми и выражает ценности Православной соборности.

Анализируя роман «Братья Карамазовы», исследовательница выделяет такие основные аспекты структуры: 1) время, 2) пространство, 3) человек. Таким образом, формируются основные значимые составляющие художественного мира произведений Ф. М. Достоевского:

- временное всегда связано с вечным;
- одной из важнейших категорий у Достоевского есть «мгновение»;
- художественное пространство Достоевского антонимическое;
- художественное пространство неоднородное и тесно связано с категорией героя;
- пространство и время в романах Достоевского владеет значительным символическим потенциалом;
- пространственно-временные отношения служат для высказывания авторской позиции;

Е. В. Ковина [14] определяет, что одним из важнейших элементов часовой организации дискурса Ф. М. Достоевского есть категория «мгновения» или «минуты». Именно эта категория обеспечивает одну из наиболее характерных особенностей творческого метода Достоевского: обычно действие разворачивается в двух сюжетных планах —внешнем и внутренне-духовном. Такое восприятие времени имеет непосредственную связь с православной культурой. Категория времени в православной культуре не имеет никакой ценности. Важна только вечность. При анализе часовой иерархии Е. В. Ковина ставит на первое место «время вечности», сюжетное время на второе место, и более низкую степень занимает тип времени, который воссоздает личное прошлое — время предыстории героев.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что категории времени всех уровней имеют ценностный потенциал, который играет значительную роль в структурных связей и формирует художественное целое.

Исследование текстов Ф. М. Достоевского позволяет говорить о таких пространственных знаках: универсальные знаки (*Вселенная, Солнце, Луна*), реально-топографические пространства (Москва, Петербург), пространство природы (*парк, дача, деревня*), пространство города (дается очень детализировано —*улицы, дома, площади*), пространство дома (*окна, лестница*). Пространственные образы

нередко выступают символами, при изучении которых необходимо учитывать онтологический уровень. Иными словами, дискурсу пространственных отношений в произведениях Достоевского присущи: 1) идеологизация — взаимоотношение героя и идеи, где идея — основной источник пространства героя, а пространство в свою очередь создает почву для развития и воплощения идеи; 2) сакрализация – наделение пространства священными чертами с помощью аллюзий и символов из Евангелия; 3) мифологизация — отсылки к категории мифа.

Художественное пространство дискурса Ф. М. Достоевского, по мнению Е. В. Ковиновой, включает в себя фабульное пространство, реальное пространство, «анонимное» реальное пространство, философское пространство и искривленное пространство. Фабульное пространство, где происходят основные события — город Скотопригоньевск и его околицы — связан с сюжетным временем. Реальное пространство, присутствующее номинально – Петербург, Москва, Франция — относятся к предыстории. Философское пространство появляется в эпизодах размышлений героев.

Другой подход анализа художественного пространства писателя предложил Ю. М. Лотман [19]. По его методике, в дискурсе существуют микролокусы (окно, ограждение, крыльцо) и макролокусы (монастырь, трактир, дом Федора Павловича). К примеру, монастырь и дом Федора Павловича являются некими пространственными ориентирами и образуют смысловую антитезу. Другие макролокусы тоже формируют антитезы, например: Россия —Европа, Церковь — Цивилизация, Церковь — Мир.

Такой анализ микро - и макролокусов свидетельствует о тесной связи авторских пространственных представлений и православных традиций.

Гарольд Д. Бейкер [32] исследовал часовые и пространственные измерения в творчестве Ф. М. Достоевского. Его формула заключается в том, что каждое произведение создает пространство для действия, которое может быть использовано опять и даже изменено следующими произведениями. Таким образом, Гарольд Д. Бейкер говорит о важности повторения в романах Ф. М. Достоевского. Повторения связывают разные элементы прошлого, нынешнего и будущего в динамическую целостность мысли. По мнению

исследователя, случайное стечение обстоятельств или сочетания, которые используются писателем, имплицитно метафорические, так как писатель намеренно строит свою текстуру повторений, связывает людей, ситуации, места, темы, фразы, объекты, случаи, в результате чего образуется богатый комплекс взаимоотношений. То есть, вид сюжета особенно в романе «Братья Карамазовы» метафорический в двух смыслах: во-первых, он состоит из повторений сюжета, с помощью чего представлена метафорическая эквивалентность, во-вторых, завершенный вид сюжета находится в метафорических отношениях с целым романом. Способ повторения, которое характеризует данное произведение, это постоянное фигурирование одних и тех же символических мест пребывания героев, например, таверна.

Основную модель пространственных отношений Гарольд Д. Бейкер [32] описывает как группирование некоторых центральных мест действия. Модель может быть разделена на несколько уровней. На наивысшем уровне, в центре находится Россия, Европа — на запад, Сибирь — на восток. Сибирь оценивается писателем положительно, как место, где можно покаяться в своих грехах. Европа, наоборот, оценивается негативно, так как Алёша рассматривает отъезд Ивана в Европу как его желание присоединиться к иезуитам и стать последователем Большого Инквизитора. Следующий уровень сопоставляется с городом, где происходят главные события (Скотопригоньевск), с большим количеством значимых для сюжета мест расположения. Это, например, село Мокрое. Особенное место занимает монастырь. Он находится на околице города и постоянное движение Алёши из монастыря в город имеет символическое значение, противопоставление «мира» и духовности. На последний уровень Гарольд Д. Бейкер ставит части города. Дом Карамазовых, который расположен и не в центре города, и не на околице, является центром пространственной целостности. Прежде всего, он имеет смысловую связь с флигелем для слуг, от которого отделен задним двором (именно оттуда носят еду для Федора Павловича, там росли дети Федора Павловича).

Исследователь отмечает, что если посмотреть шире на представление пространства в романе «Братья Карамазовы», то можно увидеть, что автор часто использует околицы для движения своих

героев. Когда Алеша в городе, то он ходит *переулками* и *задними дворами,* а когда идет к монастырю, то идет *дорогой.* Кажется, герой никуда не может попасть, чтобы не перелезть через забор. То есть, можно сделать вывод, что система путей в романе образует лабиринт скрытых и неофициальных связей. Пространство символично важно, потому что отношения между людьми не те, чем они кажутся на первый взгляд. Существует целый мир связей под поверхностью социального отражения.

Таким образом, пространственные отношения очень важны, так как наложение структуры художественного пространства на композицию произведения позволяет приблизиться к скрытым смыслам основных сюжетных коллизий, тем больше, что в романе они имеют характерные тенденции и свойства.

Если анализировать все произведения Достоевского, то можно заметить, что его герои владеют специфическими характеристиками. Каждый герой борется со своим внутренним *Я*, и через свои поступки приходит к определенному моральному выбору. Можно отметить наличие образов, которые переходят из романа в роман. Например, есть связь между романом «Идиот», главным героем князем Мышкиным, и героем «Братьев Карамазовых» Алёшей. Алёшу часто называют в романе «идиотом», «юродивым», что отсылает читателей к другому роману Достоевского.

Типологический обзор главных героев, по мнению Е. В. Ковиной [14], показывает, что среди них можно выделить три типа. Герои первого типа это герои, которые выполняют поступки, образуют фабулу и закладывают основу внешней структуры романа. К ним относятся Смердяков, Дмитрий. Другие герои, такие как Иван и Алеша, относятся к героям поводырям. Они играют важную роль в развитии внутреннего, духовного сюжета, так как каждый из них имеет свою идею, и можно сказать, что и свою веру. Они открывают читателю свой мир, и пытаются достичь того, чтобы читатель выбрал за кем дальше идти. Их действие —слово. Третий тип героев это идеологи – старец Зосима и Большой Инквизитор. Они представляют собой духовные полюса романа. Типы героев соотносятся с тремя составляющими человека в православной традиции (тело-душа-дух), что образуют вместе системное высказывание о человеке как об элементе художественной картины мира.

В структуре образов можно отметить, что герои, которые выполняют поступки, описанные преимущественно с внешней стороны, тогда как герои поводыри раскрываются со стороны их духовной жизни. Герои идеологи, духовные, что даже указано в их социальном статусе. Каждый тип героев представлен своей антонимической парой героев: Алеша — Иван, Зосима — Большой Инквизитор. Особенную роль здесь играет образ Отца, который существует в виде такой пары как Зосима и Федор Павлович.

Таким образом, в структуре идиодискурса Ф. М. Достоевского важными элементами являются изображение времени, пространства и человека. Способы их описания

Языковая картина мира Ф. М. Достоевского

Язык воспринимается как соединяющий элемент между отдельным человеком (в данном случае Ф. М. Достоевским) и ментальностью нации, причем эту связь можно не только найти, но и проследить. Важными понятиями, которые описывают отношение язык — культура — этнос, являются языковая картина мира, языковая личность, ментальность, национальный характер, концепт.

Концептуальная картина мира, то есть художественное мировосприятие, содержит информацию о мире, который существует в воображении писателя. А языковая картина мира выражает и экспликует знание, опыт и понимание писателя. О. С. Косенко считает, что все особенности познавательной деятельности человека отображаются в языке, зафиксированные в концептах, которые реализуются разными языковыми средствами. Именно поэтому язык исполняет роль средства общения, помечает отдельные элементы концептуальной картины мира, связывает между собой слова в произведениях и выражает национально-специфическую концептуальную картину мира.

Немаловажным в языковой картине мира Ф. М. Достоевского является имянаречие персонажей. Известно, что такие ключевые элементы как топонимы, омонимы (либо другие номинации) несут в себе скрытые смыслы, то есть имплицитное значение, так как автор,

создавая текст, может с помощью использования определенного имени вызвать определенную ассоциацию с чем-то уже известным у читателя. Этот стилистический прием не обошел стороной и Ф. М. Достоевский. После проведенных исследований И. А. Маринина [21]. пришла к выводу, что номинации являются имплицитным способом выражения авторской позиции.

Исследовательница определила прием «пульс номинации», суть которого заключается в том, что номинация некоторых персонажей реагирует на авторское отношение в момент фабульного действия и трансформируется (к примеру с Дмитрия Федоровича на Митьку). Также, И. А. Маринина считает, что активное использование лексем с предикатным значением в идентифицирующей позиции являются приметой художественного стиля Ф. М. Достоевского. К доминирующей функции именований И.А. Маринина относит символическую, которую выполняют как собственные, так и нарицательные имена. Использование же литературных онимов исследовательница связывает с глубинным подтекстом и идейно-философской основой. Центральным символом И. А. Маринина считает оним Карамазов. В целом, диссертационная работа показала, что именно номинация лица представляет собой важный жанровый и стилистический элемент, задействованный на всех уровнях речевой организации произведения.

М. В. Поник [22] обобщила в своем исследовании имянаречия использованные Ф.М. Достоевским во всех его произведениях. Она считает, что именования, использованные Ф. М. Достоевским, неслучайны, и могут быть выражены эксплицитно и имплицитно. К примеру, особенности психологически сложных героев передаются посредством антропонимов, кодирующих сущностные качества личности (Карамазов), а также контекстуально мотивирующих эти качества (Красоткин). Также исследовательницей были выявлены поэтонимы прямой психологической номинации (Смердяков), где выявляется доминирующая черта характера героя.

Многомерность характеров М. В. Поник предлагает трактовать в соответствии с содержанием библейских книг, находя ассоциации между именем и его толкованием, приведенным в церковных календарях, и проводя аналогии с судьбами персонажей Священной истории (Алеша Карамазов). Также М. В. Поник указывает на

функционирование антропонимов, которые являются средством типизации характера. В их основе лежат аллюзии, для понимания которых необходимы фоновые знания эпохи, биографии писателя, литературных прообразов героев. Не обходит вниманием исследовательница и топонимы, которые трактуются как дополнительная возможность обрисовки героя. Географические характеристики и обозначения автор относит к символами (Россия, Европа, Москва, Петербург, Скотопригоньевск), которые не только определяют ценностные ориентиры, выбор между родиной и чужбиной, но и открывают авторскую позицию.

Исследованиями имянаречий в творчестве Ф. М. Достоевского занималась и украинская ученая В. О. Вуколова [1]. Она исследовала свойства антропонимов с точки зрения подтекстовой информации, (на основе романа «Братья Карамазовы») и отметила значение собственных имен и антропонимов, которые функционируют как имплицитные детали, образовывая пласт концептуальной и подтекстовой информации.

Исследовательница доказала, что антропонимы и символы в романе выполняют функцию сигналов подтекстовой информации, и используются автором для описания героев, создают иллюзию непредназначенности текста, отражают точку зрения автора и выражают его оценку. Имена выполняют аллюзивную функцию, с помощью которой актуализируются известные события, связанные с конкретными людьми. Текст, по ее мнению, богатый на разные прецедентные высказывания, которые соотносятся с литературными, фольклорными, религиозными источниками. Такие единицы текста как заглавие, подзаголовки, эпиграф, посвящение, пролог, эпилог являются факультативно сильными позициями и помогают расшифровать «затекстовую» информацию.

Следует заметить, что метафоры и аллюзии часто используются Ф. М. Достоевским для обозначения и характеристики героев. Н. А. Азаренко [2] считает, что образ Алеши является аллюзией на Иисуса Христа, образ Софьи Ивановны метафорически связан с Богоматерью, Грушенька представляет аллюзию на Марию Египетскую, образ и способ жизни Дмитрия Карамазова похож на житие Ефрема Сирина. Для подтверждения своих убеждений,

исследователь использует цитаты, выдержки из речи, поступки героев, которые заимствованы из Библии.

О. А. Бондаревская [4], сделала попытку обобщить все исследования концептов в романе «Братья Карамазовы» и рассматривала концептосферу романа как органичную систему концептов взаимообогащающихся в художественной речи. Ядром концептосферы исследовательница считает художественный концепт Братья Карамазовы, базирующийся на языковом концепте *Братья*, причем, если в начале произведения родство братьев Карамазовых воспринималось как кровное родство, в середине романа намечается противостояние братья – враги, то в финале концепт *Братья* Карамазовы меняет свое семантическое наполнение, и *Братьями* становятся «русские мальчики», обнаружившие родство душ.

О. А. Бондаревская приходит к выводам, что приядерную зону концептосферы образуют концепты, выраженные антропонимами и топонимами. Периферийная зона заполнена сильными позициями текста – эпиграф, начало, финал – где репрезентуются такие концепты как смерть, мать, любовь, земля, зерно. Дальнюю периферийную зону формирует абстрактно-ценностная (честь, совесть) и предметно-вещная лексика в функции ключевых слов произведения (камень, птица, лицо).

Изучение концептов в романе «Братья Карамазовы» продолжила И. А. Долбина [9].

В результате проведенного анализа исследовательница представляет смысловое пространство романа в виде структуры, организованной по принципу поля, с ядерной и периферийной зоной. Проводя связь романа с библейской легендой о Каине и Авеле, И. А. Долбина определяет идеологический уровень произведения, который состоит в трех ключевых идеях: единения, виновности и необходимости страдния в процессе обретения истины. Данный смысловой актуализатор определяет формирование подтекстовых смыслов, движение сюжета и особенности организации романа.

В итоге, исследовательница приходит к заключению, что ядерная зона организуется субстантивными парадигмами, представляющие горизонтальный уровень идеологического смыслового комплекса, тогда как периферийная зона – синтагматическими глагольными рядами, которые образуют вертикальный контекст, причем,

субстантивные единицы перерастают в образные единицы, организующие ключевые мотивы и систему персонажей.

Многие исследователи уже отмечали наличие символов в романах Ф. М. Достоевского. Л. А. Куплевацкая [18] считает, что в романе «Братья Карамазовы» присутствует целая система символов и символики, которая образует внутренний духовно-философский план романа. Символическая структура, которая образуется путем развития динамики мотивов, изоморфна символическим значениям, что отражает духовно-психологическое состояние и движение героя. То есть, предложенная Л. А. Куплевацкой модель исследования системы символов включает в себя символические мотивы и символические значения хронотопа. Исследовательница доказывает, что хронотопические образы-символы *трактира, сада, камня, стены, переулка* обладают особыми функционально-семантическими значениями. Также, особое внимание в исследовательской работе Л. А. Куплевацкой уделяется концепции человека и его способности к духовному восстановлению через точки «кризиса», которые проходят практически все герои романа.

В последнее время наблюдается тенденция к освещению творчества Ф. М. Достоевского в контексте Библии. Особый интерес представляют собой труды Н. Перлиной, В. Ляху, А. Л. Гумеровой, которые разрабатывали аллюзии, цитаты в романе «Братья Карамазовы». Известно, что цитирование и аллюзии являются имплицитными средствами выражения информации, так как подразумевают отсылки к другому источнику. Н. Перлина [33] считает, что, так как Ф.М. Достоевский жил во времена, когда христианские идеалы ставили под сомнение, то он в своем произведении попытался ответить на многие вопросы и для этого включил в свое произведение евангельский текст. То есть, цитаты, извлеченные из религиозной литературы, вводят в роман определенные идеологические, моральные и духовные ценности, которые В. Ляху [20] называет смыслообразующими.

Н. Перлина [33] приходит к выводам, что цитата из Евангелия самая авторитарная цитата, и расположена на высшей иерархической ступени в романе. Цитаты из Ветхого Завета играют такую же роль, и часто сопровождаются комментариями, которые относят их к конкретным ситуациям в романе. Обобщая вышесказанное,

Н. Перлина заключает, что именно Библейские цитаты пронизывают и связывают воедино все элементы повествовательной системы в «Братьях Карамазовых».

Т. А. Касаткина одна из первых [13] доказала наличие пушкинской цитаты у Достоевского. Исследовательница уделила внимание также разбору цитат из Священного писания и литургических цитат. Многие отмечают новаторский подход Т. А. Касаткиной, особенно в предложенном понимании эпилогов пяти романов как аллюзий на различные иконы.

Исследовательская работа А. Л. Гумеровой [8] немного перекликается с вышеизложенными работами В.В. Сигановой [25]. Обе исследовательницы рассматривают интертекстуальные аспекты, но используют разные методики. Методология А. Л. Гумеровой основывается на трех составляющих: цитата привлекает в роман весь предшествующий текст, цитата из Священного Писания притягивает весь сакральный текст Священного писания, романа построен по принципу сплошного контекста, где все элементы взаимодействуют между собой. Причем, автор научной работы делает попытку охарактеризовать образы героев в контексте аллюзий и цитат.

В ходе исследования А. Л. Гумерова [8] определяет, что наибольшее число отсылок и аллюзий на христианские реалии относятся к Распятию Христа, сошествию его в ад и Воскресению. Она отмечает также наличие одинаковых, то есть сквозных цитат, или отсылок на одну и ту же тему. А. Л. Гумерова разделяет такие структуры: сквозные цитаты, примыкающие к ним отсылки на одну и ту же тему, составные цитаты, цитаты на фоне ситуативной аллюзии и фоновые парафразы. Следует заметить, что все упомянутые выше структуры создают дополнение к внешнему сюжету, что можно не заметить без внимательного чтения. А. Л. Гумерова также доказывает наличие текста Священного Писания в романе «Братья Карамазовы», который присутствует и в виде явной цитаты, и в виде скрытой цитаты или ситуативной аллюзии, причем последний способ изложения является более значимым, так как создает фон для всего сюжета романа.

Исследования собственно языкового выражения произведений Ф. М. Достоевского представляют большой интерес, так как творческий почерк писателя заключается в особой компоновке слов,

распорядке и композиции словесных цепей. На протяжении многих лет изучения творчества писателя, традиционной лингвистикой были проанализированы многие языковые нюансы. Значительным явлением в изучении языка Достоевского стала монография Е. А. Иванчиковой [11], которая описала синтаксические особенности Ф. М. Достоевского, используя произведения последних годов. Важным принципом такого анализа явилось различение коммуникативно-обязательных синтаксических форм и синтаксических форм эстетически значимых. В числе синтаксических образований Е. А. Иванчикова называет и экспрессивные повторы.

Повторы были предметом исследования и Л. И. Савченко, которая полагает, что повторы у Достоевского многофункциональные и легко вступают во взаимодействие с другими средствами художественной изобразительности [24]. Сравнивая использование повторов у Достоевского с повторами в прозе Гоголя, исследовательница утверждает, что повторы являются неотъемлемой приметой личной речевой манеры Достоевского. Повторы становятся эмоционально-экспрессивными средствами, организовывают ретроспекцию и проспекцию в тексте, создают информативность и выражают различные модальные значения. Л. И. Савченко приходит к выводам, что повторы зачастую используются с другими экспрессивными средствами: градацией, присоединением, восклицаниями, риторическими вопросами.

Особое внимание уделяется также и морфологии произведений писателя. Л. А. Таратинская [26] исследовала функции качественных прилагательных, принципы их отбора и использование при построении образов главных героев романа. Она определяет, что в тексте произведения Достоевского доминируют качественные прилагательные трех семантических групп: 1) прилагательные со значением возраста, 2) прилагательные со значением размера, 3) прилагательные со значением цвета. Используя семантический анализ, Л. А. Таратинская говорит об употреблении прилагательных данных семантических групп в прямом и переносном значении, о движении лексемы от конкретного — к символическому значению. Исследовательница соотносит также использование качественных прилагательных с определенным персонажем или группой персонажей, выделяя доминирующие антонимические пары: старый —

молодой, великий — маленький, благородный — подлый. Для контрастного изображения образов братьев Ф. М. Достоевский обширно употребляет грамматические формы степеней сравнения и прилагательные со значением цвета (Алеша — светлый — чистый, добрый, честный). Л.А. Таратинская подчеркивает, что суффиксы =еньк=/=онук= приобретают негативную смысловую нагрузку в характеристике образов. [

Осмысление чужой речи и теория речевых актов нашли свое отражение в исследованиях творчества Ф. М. Достоевского. Е. А. Комарова проанализировала тактики демагогического речевого воздействия в произведениях Ф. М. Достоевского, причем акцент был сделан на внутреннюю диалогичность и идиостиль Достоевского, соотношение авторского и персонажного слова [15].

Для идиостиля Ф. М. Достоевского характерна контаминация демагогических тактик (оскорбления и мнимого самоуничтожения, отстранения, близости адресата, инструктирования и болтовни), которая выражает парадоксальность речевой демагогии. Исследовательница выявила тенденции использования синтаксических, дейктических, служебных средств в развертывании тактик, причем изображение тактики мотивировано образом персонажей. Проанализировав произведения Ф. М. Достоевского, Е. А. Комарова приходит к выводу, что творчество писателя отмечено синкретизмом изображения и разоблачения речевой демагогии, а маркерами выступают лексемы с концептуальным значением. Автор исследования уточняет, что демагогическое противоречие между словом и делом раскрывается писателем при помощи пояснительных, присоединительных, сопоставительных и уступительных конструкций, а также путем актуализации служебных частей речи и вводных компонентов.

Отдельным компонентом выступают исследования глагольных конструкций. А. Н. Токина отмечает, что единицы ментального поля играют ключевую роль, а ментальные предикаты являются концептуально значимыми в художественных произведениях Ф. М. Достоевского [27]. Исследователь по-новому рассмотрела проблему использования глаголов Ф. М. Достоевским, используя антропоцентричный подход, и сделала акцент на ментальные глаголы, которые отображают мыслительные действия и состояния автора и

персонажей. А. Н. Токина утверждает, что отбор ментальных глаголов связан с реализацией в них сем премещения. Спонтанность мышления героя передается специальным набором языковых средств: глагольно-именные конструкции, безличные глаголы. Исследовательница устанавливает связь между особым типом героя произведения Достоевского и языковыми средствами, которые для этого используются.

Фразеология Ф. М. Достоевского была объектом изучения Н. Ю. Темниковой [28]. Исследовательница обратилась к лингвостилистическому анализу для анализа фразеологических единиц, ориентированных на характеристику психических состояний персонажей. Анализ соответствующих единиц показал преобладание фразеологизмов двух классов: класса междометно-модальных фразеологических единиц, изображающих душевные переживания героев, и класса номинативных фразеологических единиц, служащих средством описания психических состояний в повествовательных фрагментах текста.

Обобщая ве вышеизложенное, можно сказать, что для творческой манеры Достоевского характерное глубокое проникновение в суть описанного явления, его осмысление и подробное изображение. Его особенности — это синтаксис и многократные конструкции, преимущественно трехкратные. Характерная черта Достоевского – не только постоянно употреблять число три, но и ограничивать поступки героев, их высказывания, возгласы количеством три. Например, события происходят «третьего дня», «три года назад», «вот уже третий месяц из дома», «в три часа пополудни».

Синтаксическое построение языка в романе представлено большим количеством повторений, однородных членов предложения, неполными предложениями, инверсией. В лексико-морфологическом плане яркой чертой является употребление слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами.

Синтаксическая многозначность у Достоевского представляет собой синонимическую группу с замкнутой функцией, в основном психологического характера «в улыбке эго было что-то скверное, темное и зловещее». Автор использует такую форму для психологических характеристик и психологических портретов, а третий член предложения обычно соединяется предлогом «и», что

придает предложению безапелляционность вывода: «В этом весь ваш карамазовский вопрос заключается: сладострастники, стяжатели и юродивые».

Достоевский мастер психологических портретов и умеет трехчленным синонимическим единством добиться поражающего эффекта. В этих характеристиках он очень сжат, каждое слово или синтагма имеют свое весомое значение: «образ Катерины Ивановны вспоминался эму как красивой, гордой и властной девушки». Характер психологических оценок у Достоевского не только не подобен, но и контрастен: «Вот, смотрите таким здоровым, веселым, счастливым», «бороденка в него рыженькая, гаденькая и тоненькая».

Чтобы усилить экспрессию в предложении Достоевский использует повторы одного и того же слова, или синтагмы, эллипсисы и тавтологии. В этих случаях Достоевский использует еще и восклицательный знак: « но я в восторге, в восторге, в восторге!», «ее нужно плетью, на эшафоте, при народе».

Трехкратные повторения в романе часто усложняются дополнительными уточнениями и синонимами — все это передает душевную суматоху и растерянность: «*убил, убил старика и поверг*».

Для высказывания экспрессии Достоевский не использует глагольные формы, а наоборот употребляет относящиеся к существительному категории: «на дуэль, на пистолетах, на расстоянии трех шагов».

Еще одной особенностью является употребление вставных конструкций в романе. Они вносят в текст дополнительные объяснения, заметки, которые возникают у автора в процессе высказывания. С их помощью одновременно называются и характеризуются действия говорящего: «Вы помните мои движения Алексей Федорович, вы сами удержали меня в одном из них (Говоря это, она покраснела и глаза ее засверкали)». Сам Достоевский писал в своих дневниках: «Надо поминутно, чтобы выскакивали среди рассказа совершенно ненужные и неожиданные мелочи ».

Авторская языковая личность Ф. М. Достоевского была объектом исследования Е. М. Залогиной [10] в диссертационном исследовании Языковая личность: лингвистический и психологический аспекты (на материале романа «Бесы» и «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского). Исследовательница подчеркивает важность

исследования языковой личности для определения мировоззрения человека, его системы ценностей и картины мира. Для определения типа языковой личности исследовательница обращается к определенным психологическим понятиям и использует метод лигнвосоционического моделирования Л. М. Комисаровой. Лексическими маркерами социокода языковой личности являются концептуально значимые слова-идиоглоссы, выделяемые в тексте по признакам частотности, повышенной семантической нагруженности, способности концентрировать на себе смысловые потоки текста.

В качестве основы реконструкции образа мира индивидуальной языковой личности, Е. М. Залогина рассматривает текстовое ассоциативно-семантическое поле и его структурное подмножество – текстовые лексико-семантические группы. Непосредственно в самих текстовых ассоциативно-семантических полях, которые составляют лексическую структуру художественного образа, исследовательница выделяет три основных пласта лексики: немаркированную, колоритообразующую и доминирующую, делая акцент на последних двух пластах как на смыслосодержащих образа персонажа.

Анализируя текстовые ассоциативные поля «Этики» Ф. М. Достоевского, Е. М. Залогина подразделяет их на поля «Универсальная этика», «Индивидуальная этика», «Социальная этика». К первому полю «Универсальная этика» относятся философские и религиозные лексемы писателя, группирующиеся в определенные лексико-тематические группы (жизнь, душа, добро, зло, идеал, правда, зло). Данные лексические группы объединяются вокруг универсальных бинарных оппозиций: добро-зло, правда-ложь.

Второе ассоциативно-смысловле поле включает лексемы морали и объединяются вокруг лексическо-тематической группы «Моральные начала». Они представляют собой наибольший интерес, так как характеризуют нравственные понятия, которые реализуются в тексте через такие лексемы как любовь, чистота, честность, милосердие, сострадание, терпение. К самым значимым лексико-тематическим группам относятся «порок», «чистота». К примеру, чистота определяет нравственность конкретного человека (чистые душей и сердцем мальчики, юность чиста, светла, великодушна). Лексико-тематическая группа «порок» содержит такую лексику: разврат, раздор, жадность, безбожник, сладострастник, блуд, а лексема «порок» выступает как

родовое понятие, характеризующие общее отступление от этической нормы человека.

Третье текстовое ассоциативно-семантическое поле «Социальная этика» образуют наименования общих понятий социального института суда (суд, право, закон, истина, дело), наименования лиц судебного процесса (адвокат, прокурор) и наименования действий связанных с судебным процессом (обвинять, защищать).

Делая выводы из наблюдений над текстовыми ассоциативно-семантическими полями, Е. М. Залогина [10] относит Ф. М. Достоевского к психологическому типу этико-интуитивных интровертов, и лексически эксплицируется в индивидуальном лексиконе авторской языковой личности с помощью слов-идиоглосс, имеющих в составе интегральный компонент «этика». Текстовые лексико-семантические группы, составляющие текстовые ассоциативно-семантические поля, ориентированы на противоположные доминанты и являются архиетипическими моделями представления о мире.

Таким образом, языковая картина мира Ф. М. Достоевского представляет собой интерес в первую очередь тем, что при анализе лексико-грамматических особенностей дискурса писателя, становится доступным не только языковое наполнение, но и переосмысливается концепция произведения. Язык Ф. М. Достоевского на многих уровнях закрепил в себе огромное количество важных понятий самосознания русского народа, которые дают возможность сделать выводы об особенностях менталитета и национальную культуры. Это дает возможность проникнуть в истоки культуры и истории русского этноса, объяснить некоторые особенности национальной специфики в мировом культурно-социальном пространстве и осмыслить особенности характера и мировосприятия русского человека.

Выводы

1. Современная лингвистика, ориентируясь на когнитивные потребности человека, переходит от изучения текст к дискурсу. Становятся важными психологические, экстралингвистические,

когнитивные знания человека. Процесс чтения стал рассматриваться как диалог писателя и читателя. За дискурс принимают сложное, коммуникативное явление, включающее кроме текста еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста. Дискурс, вбирая в себя все многообразие языка, менталитет и национально-культурные особенности коммуникативной ситуации, экстралингвистические знания, становится необходимым контекстом изучения имплицитности. Основной особенностью имплицитности в дискурсе является ее когнитивный статус, то есть ориентирование на фоновые знания реципиента и скрытое воздействие на его эмоционально-психологическую сторону. Под рассматриваемым дискурсом Ф. М. Достоевского мы подразумеваем способ изложения произведения писателем и его отличительные языковые характеристики.

2. Ф. М. Достоевский относится к психологическому типу этико-интуитивных интровертов, что лексически эксплицируется в индивидуальном лексиконе авторской языковой личности с помощью слов-идиоглосс. Проблемы выраженности авторского дискурса ориентирует ученых на исследование эксплицитных и имплицитных форм авторского присутствия в тексте Достоевского. Для работы с дискурсом Ф. М. Достоевского необходимы экстралингвистические знания, а практически любое исследование требует обращения к дополнительным источникам знаний о писателе. Содержательная сторона авторского дискурса Достоевского связана с религиозными и историко-философскими взглядами писателя. Идеи милосердия, правильного направления заблудшей души, искушения и покаяния лежат в основе любого произведения.

3. Наибольшее влияние на Ф. М. Достоевского оказала Библия, поэтому библейские аллюзии и реминисценции прослеживаются во всех произведениях писателя. Кроме того, наблюдаются фольклорные, литературные, мифические вкрапления в его дискурсе. Наибольшее отражение получает православная картина мира с ее убеждениями и концепцией. Пространственно-временные отношения подчиняются принципу хронотопа и православной картине мира.

4. Для творческой манеры Достоевского характерное глубокое проникновение в суть описанного явления, его осмысление и подробное изображение. К эго особенностям можно отнести синтаксис и многократные конструкции, преимущественно трехкратные. Синтаксическое построение языка в романе представлено большим количеством повторений, однородных членов предложения, неполными предложениями, инверсией. В лексико-морфологическом плане яркой чертой является употребление слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами.

Литература

1. Вуколова В. О. Експресиви як сигнали підтекстової інформації (на матеріалі роману Ф. М. Достоєвського «Брати Карамазови»): автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук. спец. 10.02.02. Російська мова / В.О. Вуколова. – К, 2004. – 21с.
2. Азаренко Н. А. Метафорическая сакрализация персонажей как основной способ объективации христианских традиций в романе «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского. / Н. А. Азаренко // Литературоведение и фольклор. Интренет-ресурс www.m.cyberleninka.ru\article\n\metaforicheskaya-sakralizatsiya-personazhey-kak-osnovnoy-sposob-obektivatsii-hristianskih-traditsiy-v-romane-bratya-karamazovy-f-m
3. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. / М. М. Бахтин. – М. – 1963. – 167 с.
4. Бондаревская О.А. Концептосфера романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. спец. 10.01.01. / О. А. Бондаревская. – Тамбов, 2007. – 28 с.
5. Бэлнеп Р. Л. Структура «Братьев Карамазовых». / Р. Л. Бэлнеп. – СПб.: Академический проект, – 1997. – 143 с.
6. Ветловская В. Е. Поэтика романа «Братья Карамазовы». В.Е. Ветловская. – Л.: Наука, – 1977. – 200 с.
7. Габдуллина В. И. Авторский дискурс Ф. М. Достоевского. Проблемы изучения. / В.И. Габдуллина. – Алтайская гос. пед. ак. – 2008. – 137 с.
8. Гумерова А. Л. Композиционная роль текста в тексте в произведених Достоевского: библейские цитаты в романе «Братья Карамазовы» дис. …канд. филол. наук: 10.01.08. / А.Л. Гумерова. – Москва. – 2007. – 129 с.
9. Долбина И.А. Художественный концепт брат и его языковая репрезентация в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: дис. …канд. филол. наук: 10.02.01. / И.А. Долбина. –Томск, 2004. –194 с.
10. Залогина Е. М. Языковая личность: лингвистический и психологический аспекты (на материале романа «Бесы» и «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского): автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. спец. 10.02.01. Русский язык. / Е. М. Залогина. – Санкт-Петербург, 2004. – 24 с.
11. Иванчикова Е. А. Синтаксис художественной прозы Достоевского. / Е. А. Иванчикова. – М.: Наука, – 1979. – 287 с.

12. Касаткина Т. А. Авторская позиция в произведениях Достоевского. / Т. А. Касаткина // Вопросы литературы. – 2008. – № 1. – С. 196 – 227.

13. Касаткина Т. А. О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф. М. Достоевского как основа реализма в высшем смысле. / Т. А. Касаткина. – М.: ИМЛИ РАН, – 2004. – 84 с.

14. Ковина Е. В. Художественная картина мира в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: время, пространство, человек: автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. спец. 10.01.01. / Е. В. Ковина. – СПб. – 2005. – 24 с.

15. Комарова Е. А. Стратегии и тактика демагогического речевого воздействия в художественной прозе Ф. М. Достоевского. дис. …канд. филол. наук: 10.02.01. / Е. А. Комарова. – Санкт-Петербург, 2005. – 226 с.

16. Кореневская О.В. Репрезентация русского мира в немецких переводах романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. спец. 10.01.01. / О.В. Кореневская. – Томск. – 2011. – 16 с.

17. Кошечко А.Н. Поэтика художественного пространства романов Ф. М. Достоевского 1860 х годов: автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук. спец. 10.01.01 / А. Н. Кошечко. – Томск, – 2003. – 24 с.

18. Куплевацкая Л. А. Символы и символика в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. спец. 10.01.02. Русская литература. / Л. А. Куплевацкая. – Харьков, 2000. – 25 с.

19. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. / Ю.М. Лотман.– М.: Просвещение, – 1972. – 271 с.

20. Ляху В. Люциферов бунт Ивана Карамазова. / В. Ляху. – М. – 2011. – 284 с.

21. Маринина И. А. Типология и функционирование номинаций персонажей в полифоническом повествовании: на материале романа «Братья Карамазовы»: дис. …канд. филол. наук: 10.02.01. / И.А. Маринина. – Самара, 2003. – 227 с.

22. Назиров Н. Г. Творческие принципы Ф.М. Достоевского./ Н. Г. Назиров. – Саратов, - 1982. – 160 с.

23. Поник М. В. Поэтика имени в романистике Ф. М. Достоевского. дис. …канд. филол. наук: 10.01.02 / М. В. Поник. – Симферополь, 2014. – 218 с.

24. Савченко Л. И. Повтор как стилистическая категория в художественной прозе Ф. М. Достоевского. дис. …канд. филол. наук: 10.02.01. / Л. И. Савченко. – Ташкент, 1984. – 203 с.

25. Сиганова В. В. Интертекстуальный анализ литературно-художественного дискурса в лингвориторической парадигме: методологический потенциал для образовательного процесса. / В. В. Сиганова // Вестник СГУТиКД. – 2012. – № 2(20). – С.216-219.

26. Таратинская Л. А. Изобразительные функции качественных прилагательных в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» дис. …канд. филол. наук: 10.02.01. / Л. А. Таратинская. – Москва, 2010. – 190 с.

27. Токина А. Н. Функционирование ментальных глаголов в художественном тексте романов Ф. М. Достоевского. дис. …канд. филол. наук: 10.02.01. / А. Н. Токина. – Санкт-Петербург, 2002. – 221с.

28. Темникова Н. Ю. Фразеологические средства характеристики психических состояний героев в романах Ф.М. Достоевского. дис. …канд. филол. наук: 10.02.01. / Н. Ю. Темникова. – Самара, 2002. – 211с.

29. Чернышева Т. Л. Воплощение авторской позиции в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук. спец. 10.01.01 / Т. Л. Чернышева. – Новосибирск, – 1999. – 24 с.
30. Чирков Н. М. О стиле Достоевского. / Н. М. Чирков. – М.: Наука, 1967. – 309 с.
31. Шаулов С.С. Структура романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: диахронический аспект: автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук. спец. 10.01.01. / С.С. Шаулов. - 2004. – 25 с.
32. Harold D. Baker. Chronotope and Metaphorical Binding in *The Brothers Karamazov /* Harold D. Baker. – California. – 1998. – 13 p.
33. Perlina N. Varieties of poetic utterance. Ouatation in the "Brothers Karamazov" / N. Perlina. // University Press of America: Lanhara, New York, – 1985. – 38 p.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ПАНОРАМА ТЕКСТА УЧЕБНИКА

Шевчик Е. Ю., Панченко Е. И.

Прагматическая направленность учебного сжатого текста

Целью данного раздела является описание прагматической специфики текста учебника. Для достижения этой цели рассмотрим вкратце теоретические проблемы прагматики. Термин «прагматика» (от греч. prágma, р. п prágmatos — дело, действие) был предложен в конце XX века Ч. Моррисом для обозначения раздела семиотики, который занимается изучением отношений между знаками и пользователями этих знаков (интерпретаторами). По мнению Н. Д. Арутюновой, «лингвистическая прагматика не имеет четких контуров, в нее включается комплекс вопросов, связанных с говорящим субъектом, адресатом, их взаимодействием в коммуникации, ситуацией общения» [2, с. 487].

«Из философских концепций современной семиотики языкознание прежде всего заимствовало идею о трех типах отношений», которые свойственны любому знаку, в том числе и знакам естественных языков: семантическим, отражающим связь знака с обозначаемым предметом, синтаксическим, связывающим данный знак с другими знаками этой же системы, и прагматическим, определяющим связь между знаком и лицами, которые используют его в процессе общения. Первоначально эти отношения рассматривались как различные планы или аспекты исследования языка. Позже им стали приписывать онтологический характер и рассматривать их как виды значений знака [10, с. 101].

Л. С. Бархударов говорит о том, что «значение языкового знака, в частности слова, есть его отношение к чему-либо, лежащему вне самого знака. В этой связи следует отметить, что система отношений, в которую входит знак, является многосторонней – любой знак является составной частью целой сетки сложных и многообразных отношений» [4, с. 65].

Первый тип значения языковых знаков – это отношение между знаком и предметом, обозначаемым данным знаком:

Синхронные переводчики *– специалисты, которые переводят живую речь говорящего* [7 кл., с. 62].

Предметы, процессы, качества, явления реальной действительности, обозначаемые знаками, принято называть референтами знаков, а отношение между знаком и его референтом — референциальным значением знака. При этом референтом знака, как правило, является не отдельный, индивидуальный, единичный предмет, процесс и т.д., а целое множество, целый класс однородных предметов, процессов, явлений и пр. [31]. В тексте учебника это значение отражается, например, в использовании словарных дефиниций:

От англ. box – боксировать, Реликвия – вещь, хранимая как память о прошлом [5 кл., с. 65],

Холить – ухаживать за кем-нибудь, держать в чистоте, тепле... [6 кл., с. 217],

Профессия – основной род занятий, трудовой деятельности. Ремесло – профессиональное занятие, изготовление изделий ручным, кустарным способом [7 кл., с. 173].

В научной литературе употребляются и другие термины, обозначающие отношение между знаком и предметом – «денотативное», «понятийное» или «предметно-логическое» значение. В. Н. Комиссаров называет его «семантическим».

Референциальное значение знака, будучи важной его характеристикой, не исчерпывает собой всех тех отношений, в которые входит знак. Вторым типом таких отношений является отношение между знаком и человеком, пользующимся данным знаком (применительно к языку — отношение между языковым знаком и участниками речевого процесса – говорящим или пишущим и слушающим или читающим). Люди, использующие знаки, в том числе знаки языка, не безразличны к ним – они вкладывают в них свое собственное субъективное отношение к данным знакам, а через них – и к самим референтам, обозначаемым данными знаками. Субъективные (эмоциональные, экспрессивные, стилистические и пр.) отношения называются прагматическими отношениями; соответственно этот второй тип значений называется прагматическими значениями знаков.

Необходимо подчеркнуть, что речь идет не об отношениях между знаком и одним индивидуальным лицом (человеком – «отправителем» или «получателем» языкового сообщения), а об отношениях между знаками и всем коллективом людей, пользующихся этими знаками – применительно к языку, между знаками данного языка и всем коллективом, говорящим на данном языке.

Текст учебника не может избежать обращения к этому типу знаков. Проиллюстрируем данное явление такими примерами, как синонимы, метафоры и т. п.:

Доброта, чуткость, внимательность, трудолюбие – это... черты... Лживость, болтливость, хвастовство, зазнайство, несдержанность – это... черты... [5 кл., с. 216],

...язык имеет множество характеристик, но чаще всего его называют орудием и зеркалом [6 кл, с. 14].

Для обозначения этого типа значений в научной литературе употребляются и другие термины: «коннотативное значение», «эмотивное значение» «социальное значение», «стилистическая» или «эмоциональная окраска».

Наконец, в лингвистике отмечается, что «любой знак, в том числе и языковой, существует не в изоляции, а как составная часть определенной знаковой системы» [18, с. 64]. В силу этого любой знак находится в сложных и многообразных отношениях с другими знаками той же самой знаковой системы (в случае языковых знаков – того же самого языка). Так, русское слово *стол* находится в определенных отношениях со словами *мебель, обстановка, стул, кресло* и пр.; в отношениях иного типа со словами *деревянный, круглый, стоит, накрывать* и пр.; в отношениях третьего типа со словами *столовая, столоваться, застольный* и пр.; в отношениях четвертого типа со словами *кол, пол, вол, осел, стал, стыл, стон, стан* и пр. Отношения между знаком и другими знаками той же самой знаковой системы называются внутрилингвистическими [5, с. 65–68].

В следующих примерах-загадках наблюдается игра слов, основанная на рифме, народной этимологии, омонимии:

Бежит с горушки, прижав ушки. Длинноногая подружка на болоте ждет лягушку [5 кл, с. 260],

...объясните соседу по парте, чем отличаются слова изморозь и изморось [7 кл, с. 290].

Итак, любой языковой (равно как и неязыковой) знак находится в определенных отношениях с обозначаемыми им референтами, с людьми, пользующимися данным знаком, и с другими знаками, входящими в ту же самую языковую (и шире — семиотическую) систему. В силу этого семантическое содержание знака слагается из трех компонентов – референциального, прагматического и внутрилингвистического (шире — внутрисемиотического) значений. В науке о знаковых системах — семиотике — этим трем типам значений соответствуют три основных раздела: семантика, изучающая референциальные значения знаков, прагматика, изучающая их прагматические значения и синтактика, изучающая внутрилингвистические (внутрисемиотические) значения [5, с. 127].

В тексте учебника данные разделы отражены следующим образом:

- семантика связана со значением слова, и значительное внимание составителей учебника привлекают проблемы

изучения значения слова. Мы можем привести следующие примеры изучения значения слов: им посвящен отдельный раздел:

- *раздел Лексикология, занятия 23-30: понятие о слове, лексическое значение слова, однозначные и многозначные слова, синонимы, антонимы, омонимы, тематические группы слов* [5 кл, с. 112–155].

Прагматика текста представлена его оценочными элементами. Так, отбор тех или иных речевых тем связан с заинтересованностью в них автора:

Я, моя семья, мои друзья; Жилье; Я - Школьник; Свободное время; Моя малая родина; Человек; Животный мир; Времена года [5 кл., с. 16].

Ярким примером учета синтактики высказывания являются упражнения и задания на построение предложений и т. п.

Занятия 53-60 Синтаксис: Понятие о синтаксисе и пунктуации, словосочетание, предложение, виды предложений по цели высказывания… [5 кл., с. 265–296].

В отличие от синтактики, изучающей чисто структурные отношения между правильно построенными выражениями знаковой системы (безотносительно к их возможным интерпретациям, хотя, быть может, и, имея их в виду), и семантики, внимание которой сосредоточено как раз на этих интерпретациях, прагматика изучает свойства и отношения какой-либо знаковой системы невыразимыми средствами самой этой знаковой системы; к ним относятся, например, стилистические характеристики языка, обеспечивающие наиболее успешное («адекватное») восприятие сообщений, характеристики допустимой сжимаемости текста, сохраняющей его понятность, критерии оптимальности структуры такого сжатого текста («реферата» на исходный текст), индивидуальные «разрешающие» способности интерпретаторов. Таким образом, прагматика предполагает максимальный учет свойств и возможностей человеческого интеллекта и сама претендует на выявление условий, обеспечивающих успешную работу по моделированию этих свойств и возможностей.

Обратимся к примерам стилистических приемов, использованных в тексте учебника. Это, например, обращение к

разговорному стилю, хотя текст по своей природе относится к стилю научному:

Двойка (разг.) – российская школьная оценка «неудовлетворительно». Двоечница (разг.) – неуспевающая ученица, постоянно получающая двойки [5 кл., с. 204];

олицетворение:

полминутки для шутки: Если спросят на уроке, где домашнее заданье, отвечай, что одичало и в дремучий лес ушло (Г. Остер) [6 кл., с. 73];

упражнение 271: *составьте юмористический диалог "Закаленный, как сталь"...* [7 кл., с. 135].

Как правило, знаки имеют все эти три типа значений, однако существуют и такие знаки, в которых представлены не все данные типы. Так, в системе любого языка есть знаки, лишенные всякого референциального значения, то есть не обозначающие никаких предметов, явлений или ситуаций объективной действительности и имеющие сугубо внутрилингвистическое значение. К их числу относятся разного рода служебные и формально-грамматические элементы (например, флективные показатели языков типа русского и латинского, служащие лишь средством выражения синтаксических связей между словами в строе предложения; to в английском языке – показатель инфинитива и пр.) [6, с. 160].

Так, ряд примеров из исследуемых нами учебников нацелен на работу со служебными словами:

По-русски	*По-украински*
Из комнаты	*З кімнати*
С двух часов	*З двох годин*
С товарищем	*З товаришем*
От берега	*Від берега*
После обеда	*Після обіду*
О животных	*Про тварин*
К берегу	*До берега*
Около леса	*Біля лісу*
Между нами	*Між нами*

[5 кл., с. 246];

Обратите внимание на окончания существительных мужского, женского и среднего рода: мужской: (мой) отпуск_,

багаж_, ручей..., женский: (моя) путевка, поездка, семья..., средний (мое) море, письмо, путешествие [6 кл., с. 172],

формально-грамматические элементы:

Префикс	*При- во- вы- пере- подо- ото- со- взо- обо-*
Глагол	*Шел шла шли*
Предложения	*Я пришел в школу*

[7 кл., с. 130].

Л. С. Бархударов относит к числу прагматических значений стилистическую характеристику слова, его регистр (экспрессивную характеристику) и эмоциональную окраску слова, то есть те компоненты семантики слова, которые обычно относят к его коннотации. Далее, Л. С. Бархударов указывает, что «к прагматическому значению слова примыкает то, что принято называть его коннотацией», имея в виду дополнительные ассоциации, которые слово вызывает в сознании носителей данного языка, например, ассоциация у русского человека слова «черемуха» с весной. Коннотация также часто имеет эмоционально-образный характер, но, по мнению Л. С. Бархударова, она не является частью значения слова [4, с. 54].

Ярким примером коннотированных слов являются фразеологизмы, например: *говорить по совести, взяться за дело энергично, работать небрежно, мчаться стремглав....засучив рукава, не помня себя, положа руку на сердце, развесив уши, сломя голову, спустя некоторое время, спустя рукава* [7 кл., с. 203].

А. Д. Швейцер различает в плане содержания «языковых выражений» денотативное, сигнификативное, синтаксическое, коннотативное (функционально-стилистическая окраска) и прагматическое значения [22, с. 7]. При этом, хотя, в основном, речь идет о содержании высказывания, различия между отдельными типами значений, часто обнаруживаются и при сопоставлении отдельных слов. Так, коннотативное значение иллюстрируется противопоставлением высказываний, например *Олег — трудолюбивый ученик, но Виталий — трудолюбивее* [6 кл., с. 240], где в большинстве случаев оно выражается в однословных предикативах. Аналогично обстоит дело и с прагматическими значениями, в качестве которых приводятся

социально значимые различия в семантике местоимений «ты/вы», особенности восприятия названий и иных реалий, хорошо известных лишь в данном языковом коллективе (Камберленд — *графство,* Ньюсуик — *журнал)* и т. п. [22, с. 15].

В ряде работ прагматический аспект языковых знаков получает еще более широкое толкование. Так, А. Нойберт считает, что прагматика включает в себя всю стилистику, поскольку она рассматривает проблемы, связанные с выбором формативов говорящим. Вместе с тем, по его мнению, с одной стороны, прагматика оригинала основывается на его грамматике и семантике, а, с другой стороны, она может быть присуща всему речевому произведению в целом, даже независимо от его содержания, поскольку прагматическую цель может иметь не содержание, а сам факт речи [15, с. 75].

Таким образом, место прагматических значений в смысловой структуре слова остается недостаточно определенным. В. Н. Комиссаров подвергает сомнению правомерность и необходимость выделения этого особого типа значений. «Фактически речь идет лишь об ином названии той информации, которая неоднократно описывалась языковедами как эмоциональное, стилистическое, ассоциативно-образное и тому подобные значения («характеристики» или «оттенки значения» в зависимости от концепции отдельных авторов). Особое выделение прагматических значений нецелесообразно еще и потому, что оно препятствует осознанию того факта, что учет прагматического аспекта необходим при описании любого типа значения слова. Отношение пользующихся языком к отдельным знакам может выражаться не только через эмоциональный, стилистический или образно-метафорический компоненты значения знака, но и непосредственно входить в описание денотата» [12, с. 103].

План содержания языковых знаков всегда коммуникативен. В нем содержится информация, которая предназначена для осуществления процесса общения и которая может быть «извлечена» из знака коммуникантами, принадлежащими к данному языковому коллективу. Поэтому любое значение языкового знака так или иначе ориентировано на рецептора, существует лишь постольку, поскольку он способен его извлечь. Прагматические

элементы значения извлекаются рецептором как часть общего значения.

Обратим внимание на то, что для разного возраста школьников информация излагается на разных уровнях сложности. Проследим, как представлено описание повествовательного стиля в разных учебниках.

Основные типы речи – повествование, описание, рассуждение. В повествовании говорится о действиях и событиях... в описании изображаются предметы, люди... в рассуждении излагаются причины явлений и событий, их взаимная связь... [5 кл., с. 153],

...Разновидностью повествовательного типа речи является рассказ. Рассказ – это небольшое литературное произведение повествовательного типа, в котором обычно речь идет об одном, но важном событии... [6 кл., с. 244].

Второй текст состоит из предложений с более сложной структурой.

Все вышесказанное касалось лингвистической прагматики, составляющей часть значения языковых единиц, теперь рассмотрим прагматический аспект высказывания или связного текста, то есть отношениями между речевым произведением и участниками коммуникации. Эти отношения определяются уже не только прагматическим значением знаков, входящих в высказывание, но и фактической стороной информации, передаваемой в сообщении, социальным статусом и психологическими особенностями коммуникантов, степенью их непосредственной заинтересованности в сообщаемом, стремлением добиться при помощи коммуникативного акта каких-то практических результатов и т. п. Учет подобных соображений оказывает влияние на выбор языковых средств и на степень воздействия сообщения на рецептора.

Г. Егер выделяет четыре основных прагматических аспекта текста, связанных с выбором языковых средств в процессе коммуникации [8, с. 130]. Первый аспект заключается в самом решении создать текст в виде суждения, вопроса, побуждения или пожелания. Иначе говоря, само существование текста в определенной языковой форме уже является прагматическим фактором. Например, установка к упражнениям:

Сегодня мы начинаем разговор о наших дружных семьях, о тех, кто живет с нами, заботится о нас, любит и оберегает. О том, чем мы занимаемся и как проводим свободное время... А пока послушайте историю, которую поведал русский писатель Виктор Драгунский [5 кл., с. 16].

Второй прагматический аспект текста определяется выбором содержания текста с учетом обстановки общения и характера участников коммуникации. Как известно, в акте общения часть информации передается неязыковыми средствами, поэтому собственно языковая информация всегда селективна и предусматривает возможность и необходимость получения более полного сообщения путем сопоставления ее с другими коммуникативными факторами. Так, в следующем компоненте учебника использованы неязыковые средства – рисунок-символ:
от чистого ♡, скрепя ♡ , принимать близко к ♡, с легким ♡ , от ♡до ♡,♡ не лежит, с замиранием♡. [6 кл., с. 151].

Третий прагматический аспект связан со способом языкового изложения, то есть выбором языка, на котором излагается текст. Как правило, в тексте используется обычный для данного коллектива язык, но в нем могут обнаруживаться нестандартное употребление языковых форм или элементы, принадлежащие диалектам или иным языкам. Многоязычные тексты и тексты с нетрадиционным употреблением лингвистических единиц имеют, таким образом, особое прагматическое значение. Например:

Сравните!

По-русски	*По-украински*
хозяин	*хазяїн*
богатый	*багатий*
горячий	*гарячий*
кочан	*качан*
Но	
работа	*робота*
казак	*козак*

[6 кл., с. 10]

И, наконец, четвертый прагматический аспект текста создается отбором конкретных языковых средств, которые обладают собственными внутрилингвистическими прагматическими

значениями, входящими в их план содержания. Например: *скороговорки:*

Проворонила ворона вороненка. Кукушка кукушонку сшила капюшон. Как в капюшоне он смешон [5 кл., с. 236].

Первые два прагматических аспекта отражаются в актуальном сигнификативном значении текста, а третий и отчасти четвертый аспекты создают его внутрилингвистические прагматические значения.

Внутрилингвистические прагматические значения включают такие факторы, как принадлежность языковой единицы к определенному функциональному стилю, к определенному стилистическому уровню, а также эмоциональные, эстетические и оценочные элементы в ее содержании. Например:

Публицистический (лат. «публикус»– общественный, народный) стиль используется в журнальных и газетных статьях, в устных выступлениях на митингах и собраниях, по радио и на телевидении. Основная цель публицистического стиля – информируя, воздействовать на читателя и слушателя, то есть в чем-то убелить, к чему-то призвать. В публицистическом стиле используются языковые средства, усиливающие воздействие текста на читателей и слушателей: различные образные средства (сравнения, эпитеты, метафоры и др.), торжественная лексика, синонимы, антонимы, слова с переносным значением, обращения, побудительные и восклицательные предложения [6 кл., с. 93].

Г. Егер отмечает, что понятие прагматики текста может включать прагматические функции, возникающие в рамках второго отбора в результате оценки и интерпретации содержания текста в определенной ситуации, а также индивидуальное отношение коммуникантов к содержанию текста и его составляющих. Примером первых могут служить выводы, которые можно сделать, например, из высказывания «Эта рукопись пригодна для дидактических целей». Это высказывание в одной ситуации может быть истолковано как выражение одобрения, а в другой – как унизительная характеристика рукописи (пригодна *лишь* для дидактических целей). Второе проявляется, например, в различном восприятии значений слов, относящихся к сфере идеологии, таких, как «свобода», «демократия» и т. п.

Подобные прагматические функции носят вторичный, нелингвистический характер. Они не входят непосредственно в содержание текста, а лишь могут выводиться из него при наличии определенных условий [8, с. 135–136].

Текст обладает способностью оказывать воздействие на своего получателя, то есть обладает прагматическим потенциалом, который определяется В. Н. Комиссаровым как «способность текста производить …коммуникативный эффект, вызывать у Рецептора прагматические отношения к сообщаемому, иначе говоря, осуществлять прагматическое воздействие на получателя информации» [12, с. 110]. В нашем случае прагматическое воздействие должно сводиться к желанию школьника учиться и достижению желаемого результата.

Коммуникативная интенция, то есть решение создать текст, появляется под влиянием некоторой потребности, возникающей в результате воздействия окружающей среды, в процесс жизнедеятельности коммуниканта, как результат его вовлеченности в происходящие вокруг него и с ним процессы. Эти потребности могут быть удовлетворены посредством создания речевого произведения – текста. Вид потребности, а значит и вид коммуникативной интенции определяет особенности текста, его содержание и форму. Проще говоря, человек говорит и пишет в данных условиях так, как это необходимо для наиболее полной реализации коммуникативной цели, которую он поставил перед собой. В результате в разных ситуациях общения создаются разные тексты, отличающиеся друг от друга своими жанровыми характеристиками, использованным языковым материалом, существующие в неповторимом единстве формы и содержания [19, с. 144].

Например: *Определите, к какому типу речи относится текст: Почему пруд в деревне Власово называется Стеклянным? Что помешало автору сначала увидеть прозрачную воду? Почему вода в стеклянном пруду прозрачная? Что увидел автор на пруду на следующее утро? Какой показалась ему вода?* [5 кл., с. 163].

Прагматическая установка учебного текста исходит из самого текста — его назначения, его вида, жанра. Например, автор, приступающий к написанию учебника, заранее знает, каков будет

объем текста, какие вопросы и проблемы надо осветить, в основном какова будет структура будущего текста, каковы сложившиеся в практике жанровые особенности учебной литературы и методические приемы подачи материала [13].

При начале работы над текстом известной бывает его общая целеустановка — информирование, обучение, инструктирование, декларирование и т.д. Таким образом, каждый текст имеет свою прагматическую установку. Она и определяет форму текста, отбор материала, общую стилистику и др. Однако автор как конкретный субъект, подчиняясь общим правилам построения текста данной направленности, вносит свои, личностные коррективы в построение текста, т. е. осуществляет свою, авторскую прагматическую установку.

Таким образом, отношения между знаком и человеком, пользующимся данным знаком (применительно к языку – отношение между языковым знаком и участниками речевого процесса – говорящим или пишущим и слушающим или читающим) включают в себя субъективные эмоциональные, экспрессивные, стилистические и прочие отношения. Прагматические отношения ярко проявляются и в тех жанрах, которые можно отнести к сжатым текстам.

Основные функции СТ в учебнике и способы их реализации

В лингвистической литературе (в частности, в работах таких исследователей, как Д. Г. Богушевич, К. Бюлер, Дж. Лайонз, Ю. А. Левицкий, А. А. Леонтьев, А. Е. Михневич, Б. Ю. Норман, Р. В. Пазухин, Н. А. Слюсарева, М. А. К. Хэллидэй, Р. Якобсон, Дж. Яхнов, и др.) выделяется множество языковых функций – функций языковых знаков разного формата, (разной степени сложности) и функций языка как системы. Обычно исследователи упоминают три функции, выделенные в первой половине XX века австрийским психологом К. Бюлером: 1) экспрессивную, т. е. языковое выражение психических (рациональных и эмоциональных) состояний языковых субъектов; 2) импрессивную

(апеллятивную) – речевое воздействие на коммуникативного партнера; 3) репрезентативную (номинативную) отражение внеязыковой действительности. Сама эта типология восходит к трем «традиционным» функциям языка, которые были известны уже античным философам: когнитивной, оценочной и аффективной [7, с. 206].

Распространенной и породившей ряд модификаций является четырехкомпонентная модель К. Бюлера, который указывает на наличие тройственной функции языка: экспрессии, апелляции, репрезентации (в более ранней терминологии: изъявление, побуждение, репрезентация), которые представляют собственно различные назначения речевых высказываний: репрезентативная — сообщение, экспрессивная — выражение эмоций, апеллятивная — побуждение к действию. Эти функции уже не только иерархически соотнесены (доминирующая роль у репрезентативной функции), но и допускается наличие языковой реализации с полным преобладанием одной из них. Обычно такая двойственность во внимание не принимается, когда рассмотренная триада и ее вариации упоминаются и обсуждаются в связи с, например, семиотическими проблемами [7, с. 319].

В концепции А. Мартине функции языка представлены следующей совокупностью: коммуникативная (обеспечения взаимопонимания людей), функция быть основанием мысли, экспрессивная (выражать отношение к высказываемому). Доминирующее положение коммуникативной функции определяется частотностью реализации языка именно с целью коммуникации, которая и обусловливает основные его свойства.

Р. Якобсон для представления функций прибегнул к модели речевой коммуникации, состоящей из шести компонентов (факторов, элементов): адресанта, адресата, контекста, сообщения, контакта, кода. Шесть функций определяются как ориентации, установки на шесть элементов ситуации. Первые три: референтивная (коммуникативная – ориентация на контекст (референт), экспрессивная (эмотивная) – ориентация на адресанта (выражение отношения говорящего к тому, о чем он говорит), конативная (апеллятивная) – ориентация на адресата. Отметив соотносимость этих функций с функциями, выделенными

К. Бюлером, Р. Якобсон перечисляет добавочные, выводимые из приведенной триады: фатическую (направленность на контакт), метаязыковую (направленность на код, язык), поэтическую (направленность на сообщение). В предваряющем подробную характеристику поэтической функции описании указано на наличие также магической функции, которая представляет собой разновидность конативной (апеллятивной) функции. Соотношение функций понимается как иерархическое: «Различия между сообщениями заключаются не в монопольном проявлении какой-либо одной функции, а в их различной иерархии. Словесная структура сообщения зависит прежде всего от преобладающей функции» [23, с. 411]. Список функций, понимаемых согласно Р. Якобсону, является открытым: появление специфических реализаций языка в силу, например, вариативности элементов ситуации, дает возможность продолжить перечисление функций, но только добавочных, выводимых из основной триады [23].

Полифункциональные модели в концепциях А. Леонтьева и В. Аврорина характерны разделением функций языка и функций речи. Причем функции языка понимаются как «функциональные характеристики речевой деятельности, которые проявляются в речевой ситуации» и «не имеют соответствующих в языке закрепленных за ними элементов». В качестве таковых А. Леонтьевым выделяются следующие функции: коммуникативная (регуляции поведения), овладения общественно-историческим опытом, быть формой существования общественно-исторического опыта, быть орудием познания. Особенность этой модели – некий плавный переход одной функции в другую: коммуникативная, выступающая в одном из своих вариантов, например, «как саморегулятивная функция (при планировании собственного поведения)», практически совпадает с функцией интеллектуальной деятельности. Функциями речи в данной модели считаются магическая, номинативная, диакритическая (компрессия сообщения), экспрессивная (выражение эмоций), эстетическая; эти функции вторичны и могут иметь специфические, закрепленные за ними элементы [14, с. 198].

Функции языка в модели В. А. Аврорина представлены сходным, но иначе поименованным набором: коммуникативная

(«которая представляет собой передачу мыслей»), экспрессивная (функция выражения, материализации мысли, экспликативная). Подчеркивая тесную связь этих двух функций, В. А. Аврорин отмечает, что использование языка не всегда преследует единственную цель — передачу мыслей другим. Далее выделены функции формирования мышления, конструктивная (влияние слова на кристаллизацию понятия) и аккумулятивная («знания и опыт человечества откладываются прежде всего в знаменательной лексике... и в грамматике»). Функции языка понимаются не только как действующие постоянно, «при любом практическом использовании аппарата языка», но и как свойственные любому языку. Функции речи – величины переменные и соотносятся с понятием сфера общения [1, с. 56–58].

Использование в данных моделях понятий языка и речи, как видим, преследует цель разведения облигаторных и факультативных элементов в модели функций и как бы не вполне учитывает традиционное обозначение этими соотносимыми терминами двух ипостасей единой языковой деятельности. А. Е. Супрун в одном из рассмотрений модели Р. Якобсона все выделяемые им функции подчеркнуто определил как именно функции речи, что вполне справедливо, так как в схеме Р. Якобсона «сообщение» — это речевое высказывание [21, с. 118].

В модели Р. В. Пазухина иерархия языковых функций выглядит следующим образом: 1) конститутивная функция, «определяющая природу языка в целостности» (коммуникативная функция), 2) субфункции (функции отдельных составных элементов), 3) эпифункции (функции языка в конкретных ситуациях). Термин «эпифункции», по мнению автора, «удобен тем, что подчеркивает зависимость, производность этих функций от конститутивной функции языка, реализацией которых они являются». Данная монофункциональная модель предполагает распространение понятия коммуникации на все без исключения осуществления языка.

Расширительное толкование коммуникации, закономерное для монофункционализма, безусловно полезно для осмысления конститутивных свойств языка, но вместе с тем снимает или

допускает двойственное толкование такой реализации языка, как, например, словесная эстетика [16, с. 104].

Если в полифункциональных моделях наблюдается существенное различие в составе функций и их иерархии, а в монофункциональных — различия определяются трактовкой понятия коммуникации, то так называемые бифункциональные модели, как правило, сходны и в составе и в иерархии двух основных функций. Так, В. З. Панфилов, кроме главенствующей коммуникативной, выделяет экспрессивную функцию (проявляющуюся во внутренней речи) на том основании, что «мыслительные процессы бывают и без обратной связи», т. е. экспрессивная функция выделяется из собственно интерсубъективной коммуникации посредством вербализованных высказываний. Речевые функции В. З. Панфилов не считает целесообразным выделять, потому что если при выделении речевых функций исходить из специфики конкретного содержания каждого из речевых произведений... набор функций можно умножать до бесконечности [17, с. 43].

Типологический признак бифункционального представления языка — разведение коммуникативной функции и функции, связанной с деятельностью мышления, — может проявляться по-разному: как выделение двух назначений языка и как выделение единой коммуникативно-гностической гиперфункции и пр.

Модель Е. В. Сидорова представляет несколько иной взгляд на проблему функциональной сущности языка. Считая, что функции языка нельзя отождествлять с отдельными случаями его употребления, автор отмечает, что «единое и общее назначение языка — быть универсальным знаковым средством координации деятельности людей», и рассматривает последовательно три свойства, три способности языка: референцию, экспрессию, когнитивность. Референция трактуется как форма предметной соотнесенности в языке, экспрессия – как способность языка к знаковому замещению мыслей и чувств, когнитивность — как способность языка обеспечивать коммуникативное познание. Описание каждого свойства сопровождается определениями: «коммуникативно необходимое» и «мотивируемое назначением языка как универсального средства знаковой координации людей».

Данную концепцию можно квалифицировать как монофункциональную, если назначение понимать как иерархически высшую коммуникативную функцию. Особенностью этой модели является то, что она ориентирована на отражение одной ипостаси языковой деятельности — языка, в пределах которой выделяются существенные стороны, свойства [20, с. 49].

Монофункциональная модель Г. В. Колшанского, который рассматривает элементы речевой деятельности в свете интегрированной коммуникативной функции языка, существенно отличается от рассматриваемой выше. В ней понятие коммуникации сужается и связывается исключительно с наличием признака «относительно самостоятельного существования сообщения, не являющегося в каждый данный момент рефлекторно обусловленной реакцией». Например, не считается коммуникацией общение с помощью эстетических ценностей, а функция ментального плана не выделяется на основании неразведения мышления и речи [11, с. 101].

Рассмотренные модели по-разному отражают связь языка и сознания: от выделения нескольких функций когнитивного плана до включения подобных реализаций в коммуникативную функцию. Другим важным для дальнейших наших рассуждений моментом является характер обозначения иерархичности функций. Это свойство представлено посредством понятия доминирования определенной реализации, посредством разведения функций языка и функций речи, а также отделением от функций-реализаций сущностей другого порядка: свойств, назначений, мыслимых как «надфункциональные».

Созданный для реализации определенной коммуникативной интенции текст наделяется определенными функциями. Как правило, всегда можно выделить для данного текста основную, или доминантную функцию. Это та функция, которая была предусмотрена создателем текста в процессе его создания. Если это художественное произведение, то доминантной функцией является функция художественно-эстетического воздействия. Для научно-технического текста такой функцией будет функция передачи информации. Текст публицистической статьи или рекламный текст выполняют основную функцию воздействия, влияя на сознание,

убеждения и поведение получателя текста. Помимо доминантной некоторые тексты могут выполнять и другие функции, то есть текст — полифункционален. Из этого положения следует необходимость выделять функциональные доминанты текста. Под функциональными доминантами А. Д. Швейцер понимает «комплекс функциональных характеристик, играющих в тексте ведущую роль, отвечающих коммуникативной установке отправителя» [22, с. 35].

А. Киклевич в своей экспликативно-процедурной модели функций языка рассматривает функцию в языке как реляционную категорию. Определить функции языка значит установить множество его регулярных отношений к среде, а именно к таким элементам среды, как мир, т. е. материальная (физическая), социальная, психическая и т. д. действительность (реальность); человек, т. е. языковой субъект, носитель языка, индивидуальный или групповой; интеракция, т. е. взаимодействие субъектов с помощью речевых сообщений; дискурс, т. е. коммуникативная ситуация и ее параметры: сцена и обстановка речевой интеракции, время и продолжительность взаимодействия, атрибуты, вспомогательные коды и др.; конвенция, т. е. общая для речевых партнеров апперцептивная (другими словами когнитивная) база; языковая ситуация, т. е. группа языков и социальных вариантов языка, культивируемых в границах определенного административно-территориального сообщества [9, с. 281–282].

Функциональная релевантность языка реализуется в двух аспектах: 1) экспликативном и 2) процедурном. Экспликация состоит в том, что в языковых знаках и в формах речевой деятельности отражаются элементы внешнего мира, психической и социальной жизни людей. Процедурный (другими словами, инструментальный) аспект функционирования языка касается его употребления как средства реализации действий, организации разного рода сфер человеческой деятельности.

Всякое осуществление языкового опыта — это в первую очередь экспрессия. Экспрессия понимается в соответствии с одноименными свойствами в концепциях Е. В. Сидорова и В. А. Аврорина. Е. В. Сидоров подчеркивает функциональное равенство двух способностей слова: экспрессивной — выражать и

импрессивной — вызывать. Импрессивная функция — это коррелят экспрессивной в соотношении со вторым субъектом коммуникации или вообще с двуплановостью коммуникативного акта (прием – передача). (Эти функционально равные способности слова соотносятся со свойствами слова быть симптомом и сигналом в модели К. Бюлера) [20].

Познавательная (гностическая) функция может пониматься двояко: как такой вектор экспрессии, который не предполагает объективации (это внутренняя речь как одна из форм мышления), и как познание мира через язык (коммуникативное познание в понимании Е. В. Сидорова), причем последнее — в качестве импрессии результатов чужой речевой деятельности.

Эмотивную функцию (выражения чувств, эмоций) в качестве специфической может не быть выделена, так как информация толкуется расширительно, включая содержание не только предметного, но и эмоционального плана. Кроме того, в понятие мышления включается и эмоциональное мышление [178].

А. Киклевич в своей экспликативно-процедурной модели выделяет двенадцать функций языка: номинативная, магическая, индексальная, экспрессивная, социативная, прагматическая, стилистическая, этологическая, когнитивная, креативная, конститутивная, интерлингвистическая [9].

Сфера функционирования сжатых текстов не менее широка и разнообразна, чем у любого другого лингвистического произведения. Номенклатура сжатых текстов постоянно развивается и дополняется; к множеству существовавших ранее образцов с течением времени добавляются новые, выполняющие сходные с существующими, функции или заполняющие возникшие лакуны в ответ на новые потребности общественной практики.

Сжатые тексты воплощают существующую, по мнению ряда лингвистов**,** экстралингвистическую тенденцию к возможно более точному способу изложения с точки зрения содержания и более экономному способу изложения с точки зрения выразительных средств. Необходимость выражения в сжатом тексте в силу указанных выше причин различных мыслей при ограниченном количестве единиц языка предполагает разнообразное сочетание функций того или иного текста, ту или иную его стилистическую

отнесенность и другие характеристики. Функциональная подвижность и стилевое разнообразие СТ определяют их прагматическую ориентацию. Сфера функционирования СТ — это научная, деловая, публицистическая, литературно-художественная деятельность человека, при которой он обращается к письменной речи, требующей сжатости, краткости, повышенной информативности.

Применяя описанные выше системы функций к исследуемым нами сжатым текстам, мы адаптируем их к нашему материалу следующим образом. Мы оставим в стороне коммуникативную функцию, поскольку, во-первых, мы сосредоточим внимание на функциях речи, тогда как коммуникативную функцию ряд исследователей относит к функции языка (А. Леонтьев, А. Мартине), во-вторых, эта функция не является доминантной для текста учебника, который предназначен не для общения, а для обучения.

Мы будем говорить о присущих учебнику эпифункциях (Р. В. Пазухин) и сгруппируем их в соответствии с системой Е. В. Сидорова следующим образом:

- референция;
- экспрессия;
- когнитивность.

Для учебника в первую очередь следует говорить о выполнении когнитивной функции, так как он предназначен для организации процесса мышления и познания. В связи с этим в сфере когнитивности мы можем говорить о таких функциях СТ в учебнике.

1. Сжатые тексты используются в научной деятельности человека как средство ознакомления с самим фактом существования тех или иных более подробных источников информации. Эту функцию могут выполнять разнообразные СТ:

— сноска – *Носов Николай Николаевич (1908–1976) – известный русский детский писатель, автор произведений «Приключения Незнайки и его друзей», «Незнайка на Луне»…* [5 кл., с. 81].

— установка к упражнению в виде вопроса с цитацией: *…Знаете ли вы, откуда эти строки:*

Мы живем на Занзибаре,
В Калахари и Сахаре,
На горе Фернандо-По,
Где гуляет Гиппопо
По широкой Лимпопо [6 кл., с. 203].

Сопоставьте названия книг. Определите по заглавиям, какие книги предназначены для неспециалистов, в том числе для школьников. Какие книги могли бы привлечь ваше внимание? [7 кл., с. 219].

2. Важной функцией сжатых текстов можно, по-видимому, считать функцию руководства по использованию тех или иных экстралингвистических явлений, вещей, предметов или лингвистических произведений. Это, например, инструкция по использованию тех или иных установок, приборов, в учебниках — это установки к упражнениям:

Восстановите предложения [5 кл., с. 81],

Найдите в тексте союзы и определите, что они связывают – слова или части сложного предложения [5 кл., с. 251].

Продолжите высказывания, используя слова из рубрики «Советуем запомнить» [6 кл., с. 149],

...Вставьте уместные по смыслу наречия. Обозначьте суффиксы и определите степень сравнения [7 кл, с. 241].

3. Мыслительная, интеллектуальная деятельность человека невозможна без тех или иных пояснений новых понятий, как лингвистических, так и экстралингвистических. Эта задача решается во многих случаях также благодаря использованию тех или иных жанров СТ, в частности дефиниции в словаре или учебнике:

Саман – в южных областях сырцовый (высушенный на воздухе, но необожженный) кирпич из глины с примесью, например, резаной соломы или каких-либо других веществ [7 кл., с. 165],

...Рулетка – инструмент для измерения длины – свертывающаяся в ролик лента с делениями [6 кл., с. 130],

...Мажордом – дворецкий, домоправитель. Жокей – наездник на скачках. Шорник – мастер, изготавливающий ременные изделия [5 кл., с. 79].

1. Сжатый текст может играть важную роль в образовательной деятельности человека, участвуя в процессе формирования того или иного произведения, если он является основой для дальнейшего развертывания мыслей. Эту функцию выполняют, например, разнообразные планы (сочинений, изложений, ответов на экзамене и т.п.), тезисы, записи для памяти и другие жанры:

Побеседуйте с соседом по парте, используя указанные вопросы: с какой целью путешествуют? Как это делается?... [5 кл., с. 140];

Морфологический разбор имени числительного: 1) Общее значение. 2) Морфологические признаки. ... 3) Синтаксическая роль [6 кл., с. 284]*;*

...Проследите развитие событий в тексте: а) назовите действие, с которого начинается развитие событий… б) назовите момент наивысшего напряжения в развитии события; в) назовите действие, после которого читателю ясно: А. Чехов решил не растрачивать талант попусту [7 кл., с. 227].

Говоря о референции как функции сжатого текста в структуре учебника, обратим внимание на такие ее разновидности.

1. В процессе знакомства с тем или иным источником информации иногда возникает необходимость краткой записи его содержания или в силу нехватки времени или в соответствии с избирательной заинтересованностью того, кто пользуется той или иной частью этого источника. В этом случае создаются, в частности, такие жанры СТ, как конспект лекции, конспект первоисточника. Нам представляется целесообразным в данном случае говорить об индексальной функции сжатого текста. Приведем несколько примеров.

Теория В: разделительный ъ не пишется: – после префиксов, оканчивающихся на согласный, перед буквами а, о, у, э: сэкономить, сагитировать, двухактный [5 кл., с. 104],

...Вставьте вместо пропусков глаголы «сообщения»: обращайте внимание на человека, с которым… . Нельзя, к примеру, тому, кто любуется закатом солнца, ... о своих будничных делах. Не… незнакомым людям о своих неприятностях… [5 кл., с. 129],

Практикуемся: давайте пофантазируем. Вы тот самый Петя, который после отдыха на даче проснулся в своей городской квартире. Вы слышите «ужасно знакомое шипение» столовых часов. Опишите их по следующим признакам: а) внешний вид (размеры, цвет…) [6 кл, с. 273].

2. Определенное количество нормативно сжатых текстов функционирует в сфере делопроизводства, то есть их референтами являются те или иные деловые акции. Для их обслуживания существуют стандартизованные формы, клише, образцы, бланки и т. п., обучение которым занимает определенное место в структуре учебника русского языка, например:

Стандартные составляющие дружественного письма: 1.Начало письма. 1.1. Дата, место написания письма – город, село. 1.2. Приветствие и/или обращение. 2. Основное содержание письма. 2.1. Рассказ о своей жизни…новостях, интересующих адресанта. 2.2. Ответ на просьбу, вопрос адресанта. 2.3. Вопросы к адресанту. 2.4. Просьба написать о его жизни…..3. Окончание письма… [7 кл., с. 57];

Объявление должно включать: 1) заглавие; 2) содержание сообщения; 3) место и время проведения намеченного; 4) от чьего имени написано объявление… [6 кл., с. 279]*;*

Формула выражения благодарности: спасибо! Большое спасибо! Благодарю!....Вы очень любезны, очень мило с вашей стороны [5 кл., с. 185].

Прагматическая направленность текста учебника на обеспечение оптимальных возможностей обучения обусловливает экспрессивность ряда его компонентов. Среди функций, реализующих экспрессивность текста, назовем следующие.

1. В последнее время значительно увеличилось количество текстов, выполняющих рекламную функцию, или функцию привлечения внимания читателя. Эта функция частично отражена и в тексте учебника, в частности, в аннотации к нему или в соответствующей надписи на титульном листе.

1 место на Всеукраинском конкурсе учебников Министерства образования и науки Украины [5 кл., с. 2],

...Гарантируем, к концу года вы будете владеть русским языком гораздо лучше, чем раньше [6 кл., с. 3].

2. Значительная часть сжатых текстов создается с развлекательной или развлекательно-информативной целью. В качестве примеров таких текстов можно назвать гороскопы, тесты, гадания и т. п. :

Древний восточный календарь. Однажды кто-то предложил назвать года именами двенадцати животных. Порядок следования годов в нем строго закреплен….Этот порядок был принят у многих восточных народов, пользовавшихся «животным календарем», с некоторыми вариантами. Каждый год выделялся своим характером… [5 кл., с. 295];

Загадка: если видишь, на картине нарисована река, или ель и белый иней, или сад и облака, или снежная равнина, или поле и шалаш, обязательно картина называется….? [6 кл., с. 307]*;*

Полминутки для шутки: здравствуйте, уважаемые, те, кто делает тракторы! Пришлите мне, пожалуйста, трактор. Только не совсем настояний и не совсем игрушечный. И чтоб бензина ему надо было поменьше, а ездил он побыстрее. И чтоб он был веселый и от дождя закрытый. А деньги я вам высылаю – сто рублей. Если у вас останутся лишние, пришлите обратно. С уважением дядя Федор (мальчик). (по Э. Успенскому) [7 кл., с. 56].

3. Существуют сжатые тексты, которые могут функционировать как самостоятельное художественное произведение. Как упоминалось выше, к ним можно отнести афоризмы (фразы, крылатые слова, мудрые мысли), анекдоты, пословицы и т. п. Как и другие художественные произведения, они выполняют эстетическую функцию, например:

Известны и другие клятвы древних славян: «Клянусь Перуном и Велесом, богами, которые присутствуют здесь», «Клянусь оружием своим», «Пусть меч того, кто нарушил свое слово, падет на его же голову», «Пусть падет он на свой же нож» [7 кл., с. 344];

Истинное сукровище для людей – умение трудиться (Эзоп) [6 кл., с. 142];

Делу время – потехе час. Кончил дело – гуляй смело [5 кл., с. 152].

Проанализировав точки зрения разных ученых, можно сделать вывод, что наиболее распространенными являются такие функции

языка, как коммуникативная, экспрессивная, когнитивная. Современные ученые, например Г. В. Колшанский, выделяют монофункциональную модель, основанную на коммуникативной функции, в то время как другой ученый-лингвист А. Киклевич выделяет двенадцать функций. Е. И. Панченко, работая над исследованием сжатых текстов, выделяет десять функций: ознакомительную, текст, как руководство по использованию, пояснительную, конспективную, обучающую, информативную, рекламную, делопроизводственную, развлекательную, и текст как самостоятельное художественное произведение. Как и любой другой текст, сжатый текст в структуре учебника имеет богатый функциональный потенциал.

Литература

1. Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка / В. А. Аврорин. – Л. : Наука, 1975. – 276 с.
2. Арутюнова Н. Д. Прагматика / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – С. 487–488.
3. Баландина Н. Ф. Русский язык, 5-9 класс; учебник для общеобразовательных учебных заведений с украинским языком обучения / Баландина Н. Ф. , Дегтярева К. В., Лебеденко С. А . – К. : Мастер-класс, 2007.
4. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Леонид Степанович Бархударов. – М. : Междунар. отношения, 1975. – 240 с.
5. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности / Михаил Михайлович Бахтин. Эстетика словесного творчества. Издание 2-е. – М. : Искусство, 1986. – С. 9–191, 404–412.
6. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // М. М. Бахтин. Собр. соч. – М. : Русские словари, 1996. – Т. 5 : Работы 1940-1960 гг. – С. 159–206.
7. Бюлер К. Теория языка: Репрезентативная функция языка / К. Бюлер. – М. : Прогресс, 1993. – 504 с.
8. Егер Г. Коммуникативная и функциональная эквивалентность / Г. Егер // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М. : Международные отношения, 1978. – С. 127–156.
9. Киклевич А. К. Эстетическая функция текста / А. К. Киклевич // Притяжение языка. Т. 1. Семантика. Лингвистика текста. Коммуникативная лингвистика. – Olstyn, 2007. – С. 281–301.
10. Кодухов В. И. Общее языкознание / В. И. Кодухов. – М. : Высш. шк., 1974. – 303 с.

11. Колшанский Г. В. Контекстная семантика / Г. В. Колшанский. – М. : Наука, 1980. – 150 с.
12. Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. Изд. 2-ое, доп. / В. Н. Комиссаров. – М. : Издательство ЛКИ, 2007. – 176 с.
13. Лавров О. А. Дистанционное обучение: учебный текст [Электронный ресурс]: Электронный сетевой журнал Вопросы Интернет Образования / О. А. Лавров. –2004.– № 19 http://vio.uchim.info/Vio_19/cd_site/articles/art_124.htm
14. Леонтьев А. А. Слово в речевой деятельности / А. А. Леонтьев. – М. : Наука, 1965. – 245 с.
15. Нойберт А. Прагматические аспекты перевода / А. Нойберт // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. — М., 1978. – С. 74–81.
16. Пазухин Р. В. О моделях вообще и моделях в лингвистике / Р. В. Пазухин. – Вестн. Ленингр. ун-та. – 1975. – № 2. – С. 104–113.
17. Панов М. В. Усложнить, чтобы упростить / М. В. Панов // Лингвистика и школа: Материалы Всероссийской научно-практич. конф. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. – С. 5–11.
18. Панченко Е. И. Лингвистика сжатого текста (на материале современного русского языка): дис. … доктора филол. наук: 10.02.02 / Елена Ивановна Панченко. – Днепропетровск, 1998. – 370 с.
19. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. – М. : Из-во «Ваклер». – 2001. – 456 с.
20. Сидоров Е. В. Коммуникативность текста и средство ее достижения: дис. … канд. филол. наук: 10.02.02 / Е. В. Сидоров – М., 1978. – 214 с.
21. Супрун А. Е. Лексическая структура текста в ее соотношении с грамматической. Текст. / А. Е. Супрун // Исследования по лингвистике текста: сб. ст. – М. : БГУ, 2001. – С. 118–131.
22. Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика: О газетно-информационном и военно-публицистическом переводе / А. Д. Швейцер. – М. : Воениздат, 1973. – 280 с.
23. Якобсон Р. Работы по поэтике: Переводы/ Роман Якобсон. – М. : Прогресс, 1987. – 460 с.

ЩОДО ПИТАННЯ ІСТОРІІ РОЗВИТКУ РОЗВАЖАЛЬНОГО ДИСКУРСУ

Панченко С. А.

Постановка проблеми в загальному вигляді та її зв'язок із важливими науковими чи практичними завданнями. У статті в загальному вигляді ставиться проблема опису розважального дискурсу на телебаченні в діахронічному аспекті. Ця проблема знаходиться в руслі найважливіших досліджень, оскільки теледіскурс займає помітне місце в соціокультурного життя будь-якого суспільства, він пройшов довгий процес розвитку, і багато в чому цей процес пов'язаний з лінгвістичними особливостями теледіскурса.

Аналіз останніх досліджень і публікацій та виділення невирішених питань. Наукові праці, що розглядають заявлену у статті тему, різноманітні, але не розкривають цю тему повно і системно. Серед найпомітніших праць у цьому аспекті зазначимо такі. В. Лизанчук обирає предметом вивчення розважальність як окрему функцію ЗМІ [6]. Дослідження способів спілкування на основі новітніх форм розважальної комунікації є предметом робіт О. Федорова [12], В. Владимирова, Н. Габор [3]. Найближче до теми нашого дослідження є дисертаційна робота М. Бурмаки [1], де описано основні етапи створення розважальних програм. Міфопоетичні джерела новітніх електронних ЗМІ розглядають О. Самусенко [11] та О. Нечай [7]. Рівень інформаційної свідомості розважальних мас-медіа є предметом наукових розвідок В. Буряка [2]. Структурі комунікативних процесів релаксації присвячені роботи, авторами яких є В. Різун [10], Г. Почепцов, В. Олешко [8]. Наявні роботи, що вивчають соціокультурний аспект проблеми, зокрема, це праці В. Зернецької [5]. Філософсько-наукові узагальнення масово-комунікаційних процесів та феномена цікавого вивчають Б. Потятиник [9] та В. Здоровега [4]. Але поєднання історичного та лінгвістичного підходу до дослідження розважального дискурсу, наскільки нам відомо, ще не було предметом окремих наукових рецепцій.

Метою цієї статті є саме дослідження лінгвістичних та історичних особливостей розвитку розважального російськомовного теледискурсу.

Виклад основного матеріалу та обґрунтування отриманих результатів. Розважальний дискурс на телебаченні складається з низки окремих програм. Цей дискурс зародився майже одночасно з появою телебачення, але діахронічно зазнав певних змін. Розважальна програма визначається як цілісний відеоряд сюжетів розважального змісту, який транслюється на телебаченні. У спеціальних дослідженнях пізнавально-розважальні програми поділені на:

1) «програми-інфотеймент» («Дабл БаBL»);

2) контактні програми або (ток-шоу) («ВВП – весьма важные персоны»);

3) інтелектуально-розважальні програми («Брейн-ринг»).

Суто розважальні програми поділяються на:

1) гумористичні програми («Байки без кляпа»);

2) кулінарні шоу («Мутим Пати»);

3) реаліті-шоу («Брать живцем»);

4) розважальні шоу-видовища («Имею право»);

5) «програми-перевтілення» («Зазеркалье»);

6) ігрові розважальні програми (інтерактивні ігри) («Хот-Ток»);

7) світські хроніки (програми про моду та модне світське життя) («Культ нового»);

8) музичні програми («MuzzON»).

Структура гри у сфері телебачення була змінена впродовж останніх десятиліть внаслідок розвитку телебачення взагалі. По-перше, як зазначають дослідники, співвідношення гравців і глядачів стало не порівнюваним. За подіями у студії мають можливість спостерігати мільйони глядачів поза нею. Поняття часу також трансформується: передачу відзнято в один час, а транслюють її в інший – більш зручний для глядачів. Глядацька зона гри стає практично безмежною, втративши колишні межі у фізичному просторі завдяки електронним засобам масової інформації. Вищеперелічені фактори перетворюють так звану гру, що транслюється на телебаченні, на телешоу, видовище. Таким чином, телеігри поступово завоювали увесь медіапростір і стали улюбленим

видовищем мільйонів телеглядачів. По-друге, значних змін зазнала лінгвістична основа телевізійного розважального дискурсу, тому проблема його розвитку є проблемою лінгвістики, соціолінгвістики, прагмалінгвістики та лінгвістики тексту, тому саме лінгвістичні дослідження дають змогу досягти об'єктивної оцінки процесів, що відбуваються у телевізійному просторі .

У сфері ЗМІ загалом і в телебаченні зокрема наочно виявляються процеси, які характеризують саме життя мовного організму; тут перш за все помітні інновації мови: новотвори, запозичення, включення в мову, зумовлені перерозподілом значень у видах і жанрах мовлення або відродженням з минулих періодів розвитку мови. І це природно, адже однією з основних функцій засобів масової інформації є інформативність, новизна.

Наведемо приклад новотворів, які можна почути в розважальних телепрограмах. Так, ведучий програми «Ранок» обіцяє з’являтися в ефірі «ежебуднично».

Рушійні зміни в мові ЗМІ кінця XX - початку XXI ст., і в мові розважального дискурсу зокрема, пояснюються прагненням відійти від мови тоталітарної і посттоталітарної доби, виключити стилістично монотонний радянський стиль, позбутися мовних кліше минулого. Позначимо таку соціолінгвістичну зміну, як перехід серйозних політичних метафор до розряду своєрідних жартівливих посилань (*домогтися високих успіхів, боротьба за врожай, світле майбутнє, рідна влада*). Розгорнуте метафоричне поле, в якому явища політики, економіки та інших сфер перехрещуються з реаліями миру та війни, чинить тиск на свідомість і підсвідомість, призводить до мілітаризації їх.

Відчутно змінюється й потрактування поняття "культура мовлення". Нині рівень мовностилістичної грамотності став, безперечно, вищим, маємо чимало вишуканих, естетично довершених текстів, але в телебаченні вільна побудова тексту переважає.

У сучасній мові засобів масової інформації відбуваються також процеси лібералізації й демократизації, характерні для мов усіх посттоталітарних суспільств. На лексичному рівні це простежується в руйнуванні перегородок між так званими стилістичними категоріями слів. Зазнає змін і сама структура тексту, автори, не обтяжуючи себе жодними дотепер усталеними нормами і рамками, шукають потрібної

їм тональності своїх текстів. Одним із найбільш помітних і потужних оновлюючих явищ у мові сучасних ЗМІ є так звані *реактиваційні* процеси (від англ. reactivation — відновлення, відродження). Цим термінологічним словосполученням — *реактивація*, а точніше *реактивація пасивної лексики* — означають такий процес у мовленні, коли раніше забуте чи рідковживане в ньому слово, сполучення слів повертається до більшої чи меншої мовленнєвої активності. Це передусім відродження раніше призабутих слів, їхня повторна активізація (активація) (*мер, губернатор*).

Просторіччя, жаргонізми, арготизми, яким раніше визначали місце на периферії, "вирвалися" з неї і опановують різні, навіть "поважні" тексти. Щораз частіше чуємо на наших телеканалах слова і вирази, які колись уживали лише на вулиці, у спілкуванні серед певних, соціальне маркованих груп, або новотвори.

Телебачення активно реагує на мовні процеси в середовищі і своєю чергою активно їх формує. Якщо давніше жаргонізми, арго, сленг були "замкнені" у мововжитку певних кіл, їх використовувала обмежена кількість людей, то тепер вони активно функціонують на телебаченні, подолали соціальні й вікові рамки, стали прийнятними для загалу. Наслідком такої свідомої чи несвідомої пропаганди на телебаченні є те, що глядачі, надто молодь, вбирають ці слова і вирази й починають послуговуватись ними на щодень. Наприклад, «воскресный папа» (ведучий недільного телешоу «Ты-левизор» (Youtube).

Глобалізація загострює боротьбу за панування в інформаційному просторі. Англійська мова стає учасником боротьби за вплив на мовну свідомість і мовну діяльність у комунікативних середовищах України. Одна з форм англійської мовної присутності — це паралельне звучання англійського і перекладного українського (російського) текстів у численних кінофільмах і телесеріалах. Англіцизми дістали широкий ужиток чи не в усіх сферах життя і в різних професійних та вікових (молодіжному, дитячому) середовищах. Вплив англійської мови позначається на мовленнєвій діяльності, мовній свідомості й на системі телевізійної мови.

Інтерактивний простір розважального дискурсу є комплексним утворенням, що включає як текстуальні, так і екстратекстуальні (прагматичні) елементи, що відповідають за адекватну актуалізацію

дій учасників в умовах типового фрейму діалогічного взаємодії. Висока ефективність повідомлення в дискурсі ток-шоу обумовлюється універсальним механізмом реалізації іллокутівного потенціалу, що використовують технічні засоби трансляції кодованого повідомлення і його подальшого декодування разом з психотехніками і риторичними засобами.

З точки зору структури будь-дискурс являє собою обмін репліками, що включають, поряд зі спонтанною промовою, шаблонні фрази, дискурсивні формули, прецедентні тексти, комунікативні стереотипи і т.д. Безпосереднє спілкування з співрозмовником, з масовим адресантом або опосередковане за допомогою технічних засобів (комп'ютера, телефону) впливає на вибір комунікативних стратегій і комунікативних засобів, що сприяють досягненню максимального взаєморозуміння учасників спілкування.

Ми пропонуємо говорити про три періоди лінгво-історичного розвитку розважального дискурсу:

1) початковий етап, на якому використовувалася офіційне, нейтральне мовлення, з типовими для усіх жанрів стилістичними засобами;
2) етап становлення розважального дискурсу, з зародженням специфічної лексики;
3) етап самостійного розвитку розважального телевізійного дискурсу, коли йде вільний обмін лексико-стилістичними засобами з усіма прошарками сучасної мови, яка, у свою чергу, поповнюється новими лінгвістичними одиницями, які зароджуються само в розважальному дискурсі.

Висновки та перспективи подальших досліджень. Головним результатом дослідження передбачається встановлення тих лінгвістичних параметрів розважального теледискурсу, які сприятимуть створенню його в оптимальній формі. Правильно організований і всебічно проаналізований експеримент дає змогу максимально передбачити розвиток ситуації у, так би мовити, штатних умовах. Перспективу подальшого дослідження ми бачимо у створенні номенклатури лінгвістичних засобів, типових для кожного з зазначених вище періодів.

Література

1. Бурмака М. В. Технологія створення контактної телевізійної програми в контексті українського телебачення: Дис. ... канд. філол. наук: 10.01.08 / М. В. Бурмака. – К., 2003. – 203 с.
2. Буряк В. Д. Філософські та концептуальні основи інформаційно-художньої свідомості: Навч. посіб. / В. Д. Буряк – Дніпропетровськ: ДРВВ ДДУ, 2000. – 60 с.
3. Габор Н. Проблеми медіаосвіти у контексті інформаційного середовища держави / Н. Габор // Нові щляхи комунікації. – 2002. – №4-5. – С. 8-9.
4. Здоровега Й. В. Теорія і методика журналістської творчості: Навч. посіб. / Й. В. здоровега. – Львів: ПАІС, 2000. – 180 с.
5. Зернецька В. О. Нові засоби масової комунікації і соціокультурний аспект / В. О. Зернецька. – К. : Наук. думка, 1993. – 130 с.
6. Лизанчук В. В. Радіожурналістика: засади функціонування. Підручник / В. В. Лизанчук. – Львів: ПАІС, 2000. – 366 с.
7. Нечай О. Ракурсы: О телевизионной коммуникации и эстетике / О. Нечай. – М.: Искусство, 1990. – 119 с.
8. Олешко В. Журналистика как творчество / В. Олешко. – М. : РИП-холдинг, 2003. – 222 с.
9. Потятиник Б. Медіа: Ключі до розуміння. Серія: Медіакритика / Б. Потятиник. – Львів: ПАІС, 2004. – 312 с.
10. Різун В. Природа й структура комунікативного процесу / В. Різун // Наук. записки Ін-ту журналістики : Т.2. – К.: Київ. нац. ун-т ім. Тараса Шевченка. – 2000. – С. 17–37.
11. Самусенко О. Міфопоетичні джерела сугестії у російських телевізійних текстах: автореф. дис. ... канд. філол. наук. 10.02.02 / Київ. нац. ун-т ім. Тараса Шевченка / О. Самусенко. – К. – 2004. – 17 с.
12. Фёдоров А. Медиаобразование, теория и методика. – Ростов-на-Дону: Изд.-во ООО “ЦВВР”, 2001. – 708 с.

СТРУКТУРА ЗАГЛАВИЯ КАК СТРУКТУРА РЕЧЕВОЙ ЦЕПИ

Суворова С. А., Амичба Д. П.

С лингвистической точки зрения названия представляют собой своеобразный феномен, которые вызывает дискуссии среди лингвистов. Не останавливаясь на теоретической предыстории вопроса, отметим, что мы определяем лингвистический статус данных названий как сжатый периферийный текст, один из жанров научного дискурса, обладающий своеобразной структурой и семантикой. Проблематика заглавия активно исследуется в последние годы и лингвистами и литературоведами.

Работы лингвистов, посвященные заглавиям, как бы они ни были многообразны, так или иначе обращены к решению двух важнейших задач: установлению грамматического статуса заглавия и определению его основных функций. Среди специалистов в области исследования заголовочных комплексов такие выдающиеся лингвисты, как С. Кржижановский, создавший фундаментальный труд «Поэтика заглавия», И. Р. Гальперин, одним из первых рассмотревший текст и его категории наиболее подробно, В. В. Виноградов, отводящий заглавию роль самостоятельной речевой единицы. Вместе с тем монографические работы, посвященные анализу газетных заголовков, немногочисленны (диссертационные исследования А. Э. Долгиревой, Т. Н. Ишмекеевой, А. А. Лютой, Г. Г. Хазагерова и др.) и содержат анализ отдельных аспектов заголовков прессы.

Неоспорим тот факт, что в филологии накоплен большой эмпирический материал, нуждающийся в теоретическом обобщении. Несмотря на то, что существует много работ, посвященных заглавиям, вопрос о прагматике заглавия, связях заглавий и самих произведений, удачных и неудачных заглавий недостаточно изучен. Глубже исследованы заглавия произведений газетно-публицистического и художественного стилей, заглавия же

научных статей, тезисов докладов и т.д. изучены не так глубоко. Насколько нам известно, еще не отмечены все структурные и семантические типы заглавий. Поэтому, используя современные достижения филологических дисциплин, необходимо уточнение типологии заглавий с точки зрения как их семантики, так и грамматики современного русского языка, выявление их онтологических свойств, рассмотрение особенностей их прагматики, определение содержательных блоков заглавия, коммуникативные удачи и неудачи при построении заглавия. Этим также определяется актуальность и новизна исследования.

Актуальность данной работы, таким образом, обусловлена значимостью заглавия как особого лингвистического феномена и отсутствием полной структурной и семантической классификации заглавий научного текста. Описание заглавий в отмеченных аспектах важно для изучения не только структуры научного текста, но и лингвистики текста в целом.

Основная цель исследования состоит в комплексном описании структурных и семантических особенностей заглавий научных и научно-популярных работ.

Данная цель обусловила следующие **задачи работы:**

- ♦ определить лингвистический статус и основные функции заглавий;
- ♦ разработать структурную классификацию заглавий;
- ♦ описать синтаксическое разнообразие заглавий;
- ♦ дать семантическую классификацию заглавий;
- ♦ предложить некоторые рекомендации по оптимизации построения заглавий.

Объектом исследования являются заглавия научных статей, докладов, тезисов сообщений на конференциях и других научных работ.

Предметом исследования являются структурно-семантические параметры заглавий к научным произведениям.

Материалом исследования послужили более 2300 заглавий сообщений, научных статей, тезисов и докладов на конференциях, взятых из материалов конференций, каталогов тематических выставок, сборников научных работ и т. д. Перечень использованных материалов представлен в списке источников

фактического материала о второй половине списка литературы (далее — ФМ).

Методы и принципы исследования. Характер объекта, цель, задачи и общее направление предлагаемого исследования лингвистического анализа, основными из которых является описательный метод со всем комплексом его приемов. С помощью этого метода исследована структурно-семантическая организация заголовков. Использовались также приемы количественного анализа (при сравнении различных видов заголовков) и лингвистического эксперимента (при анализе коммуникативных удач и неудач построения заглавий).

1. Синтаксическая структура заглавия как лингвистическая проблема

Определяющее значение для текста, который призван быстро донести информацию и при этом оказать определенное влияние на читателей, имеет четкая организация его синтаксической структуры. Лингвистической составляющей заглавий является их текстовая часть как некая речевая цепь определенной синтаксической структуры, и эта цепь является непосредственным предметом нашего исследования в данном разделе. Любой заголовок является предложением особого вида, предикативность которого реализуется только по отношению к тексту.

Несмотря на ограниченный объем заглавий, они отличаются значительным разнообразием синтаксической структуры. Это разнообразие, однако, не выходит за рамки традиционных синтаксических конструкций, в связи, с чем все многообразие речевых цепей можно свести к трем синтаксическим единицам: словосочетанию, предложению и сложному синтаксическому целому (ССЦ). В первых двух случаях мы будем иметь дело с заглавиями минимальной конфигурации, во втором — с развернутыми заглавиями.

И заглавия минимальной конфигурации, и развернутые тексты могут в свою очередь быть представлены конструкциями

разной степени сложности. Нами было проанализировано 1239 заглавий, взятых из источников [ФМ, 1-146]. Некоторые количественные подсчеты, связанные с синтаксической структурой заглавий, представлены в таблице А.1:

Таблица А.1

Количественный анализ синтаксической структуры заглавий

Группы заглавий	Подгруппы	Количество заглавий		%
Заглавия – словоформы	Однословные	76 78		12,4%
	Предложно-падежные формы			
Сочинительные сочетания слов		627		50,8%
Заглавия – подчинительные словосочетания	Субстантивные	26		2%)
	Адъективные	13		1%
	Глагольные	15		1,2%
	Наречные	10		0,8%
Заглавия-предложения	Простые	247	Дву-составные	20%
	Сложные	147	Односоств-ные	11,8%

Функция названия объединяет все заглавия, но структура их довольно разнообразна. Заглавия могут быть выражены предложениями:

1) односоставными: *«Ищем решение проблемы комплексного подхода к изучению развития технических средств», «Развиваем кибернетику и диалектику», «Берегитесь заблуждения в науке»* [ФМ, 4].

2) двусоставными: *«Как воспринимаются запахи», «Мир страдает от бессонницы»* [ФМ, 21]*;*

3) сложными: *«Реализм существует в науке, а его историческая природа проявляется в научном познании* [ФМ, 16].

Далее мы считаем целесообразным рассмотреть данные синтаксические варианты, двигаясь от более простых к более сложным.

Заглавия, выраженные словом

Носителями элементарного смысла в русском синтаксисе служат слова — синтаксемы, или синтаксические формы слов. Слово-лексема еще не является синтаксической единицей: слово — единица лексики, а в разных его формах могут реализоваться или актуализироваться разные аспекты его значения, разные семы, предопределяющие различия и в синтаксическом употреблении. Преобразование лексемы в синтаксему предполагает два этапа:

1) отвлечение категориально-семантического значения от индивидуально-лексического, или, точнее, «повышение» индивидуального
значения на категориальную степень;

2) фиксацию одной из морфологических форм, данных слову как представителю той или иной части речи.

Синтаксемы разных типов широко представлены в заглавиях.

Первую группу заглавий-синтаксем составляют заглавия-словоформы, которые состоят из одного знаменательного слова. Например: *«Эфир», «Свет», «Космос», «Устойчивость», «Тепло», «Астрофизика», «Космофизика»* [ФМ, 17].

К этой группе относятся однословные заглавия, являющиеся преимущественно именами существительными, в форме именительного падежа, поскольку именно в них наиболее ярко проявляется номинативная функция данного лингвистического построения.

По отнесенности существительных к наименованиям класса однородных предметов либо к названиям отдельных предметов из класса однородных заглавий − заглавия-существительные делятся на заглавия, выраженные нарицательными существительными, и заглавия, представленные именами собственными.

Нарицательные имена существительные обозначают предметы, но не выделяют их из класса однотипных. Например: *«Техника», «Энергия», «Диалектика», «Рациональность»* [ФМ, 25] .

Собственные имена существительные обозначают неоднородные предметы, индивидуализируя их. В системе заглавий они представлены антропонимами: *«Галилей», «Ньютон», «Эйнштейн»* [ФМ, 35].

С точки зрения количественной характеристики обозначаемых предметов различаются заглавия, выраженные существительными в форме а) единственного числа и б) существительными в форме множественного числа.

а) заглавия — существительные в форме единственного числа: *«Эфир», «Механика», «Бесконечность», «Вакуум», «Магнетизм», «Антропоэстетика»* [ФМ, 47]*;*

б) заглавия — существительные в форме множественного числа: *«Молекулы», «Волны», «Антибиотики»* [ФМ, 47].

Несколько более сложным вариантом являются заглавия, образуемые предложно-падежными конструкциями (сочетанием форм существительных с различными предлогами), которые составляют вторую структурную группу заглавий-словоформ; примером может служить заглавие: *«Среди гениев»* [ФМ, 71]. В позиции заглавия подобные словоформы выступают как свободные синтаксемы.

Предложно-падежные формы могут выражать различные значения: указание на пространство *«В космосе»* [ФМ, 44], направление *«Из парадокса»* [ФМ, 97]*, «К макросоциологии»* [ФМ, 31]. Ограниченные определенными семантическими группами слов и некоторыми предлогами, они образуют подклассы, объединенные одним из значений. Функциональная и синтаксическая самостоятельность некоторых из них обусловлена слабым управлением, а также адвербиальными значениями падежных форм. Таковы, например, заглавия *«В космосе», «Внутри кристалла», «В магните», «В космофизике», «В невесомости», «Внутри смерча»* [ФМ, 25]. Подобные заглавия следует отнести к адвербиальному типу. Выделяется и второй тип заглавий, когда существительные с предлогом выражают объектное значение: *«Об инновационных проектах», «О телекоммуникациях», «О парадоксе»* [ФМ, 27]. Такие структуры заглавий строятся на базе предложений с глаголами — сказуемыми со значением мысли, речи, чувства, внутреннего состояния и др. Эта группа

малочисленнее первой, поскольку их самостоятельность определена семантической ограниченностью группы возможных глаголов.

Рассмотрим более подробно адвербиальный тип заглавий, который объединяет следующие их разновидности:

1) заглавия-синтаксемы с пространственным значением, включающие конструкции:

а) предлог в + существительное в предложном падеже: *«В микромире», «В макромире», «В вакууме», «В биосфере», «В ноосфере», «В космологии»* [ФМ, 25]*;*

б) предлог на + существительное в предложном падеже: *«На Луне», «На Марсе»* [ФМ, 97] и др.

в) предлог под + существительное в творительном, падеже: *«Под солнцем»* [ФМ, 97] и др.;

г) предлог из + существительное в родительном падеже: *«Из космоса», «Из вечности»* [ФМ, 97].

Данный тип заглавия в научных статьях используется редко, их количество в исследованном нами материале составляет, по нашим подсчетам, 12,4 %.

2. Заглавия — синтаксемы со значением направления.

Данный тип заглавий можно проиллюстрировать следующими примерами: предлог *навстречу* + существительное в дательном падеже: *«Навстречу бесконечности», «Навстречу гению», «Навстречу открытиям»* [ФМ, 97].

К заглавиям-словоформам примыкают неоднословные заглавия, состоящие из имен собственных, которые обозначают одно лицо, например, имя + фамилия: *«Чарльз Гудийр», «Томас Эдисон», «Альберт Эйнштейн»* и др. [ФМ, 86].

Как видно из приведенных выше примеров, заглавия, представленные типом синтаксем со значением пространства, чаще используются в научной литературе, чем заглавия со значением направления, хотя однословные заглавия и заглавия, выраженные предложно-падежными формами, обладают определенной семантической емкостью.

Заглавия, выраженные словосочетанием

Данный тип заглавий, как свидетельствуют наши исследования, занимает значительное место в научной литературе. Рассмотрим заглавия, выраженные сочинительными сочетаниями слов. К ним относятся построения, представляющие собою сочинительный ряд, состоящий из следующих компонентов.

1. Существительное + существительное с союзом *и* (N+и+N) *«Порядок и хаос», «Волчок и компас», «Питон и крыса», «Техника и культура», «Происхождение и динамика», «Естествознание и история», «Достижения и перспективы», «Частицы и вещества», «Молекулы и русалки», «Человек и общество», «Человек и биосфера», «Пространство и время»* и др [ФМ, 64].

2. Количественные и именные сочетания с союзом *и:* (Num + N + и + Num + N) *«Одна теория и два уровня», «Два пути и одно открытие», «Одно свойство и два влияния»* и др. [ФМ, 66].

3. Деепричастие + деепричастие с союзом *и* (Adv +Adv) *«Исследуя и применяя», «Диагностируя и преобразуя»* [ФМ, 62].

Приведенные примеры свидетельствуют о значительном многообразии подгрупп этого типа заглавий для научных статей, который, по нашим подсчетам, составляет около 51 % всех проанализированных нами текстов.

Заглавия − подчинительные словосочетания, так же занимающие важное место в массиве исследуемого нами материала, как известно, составляют большую группу заглавий. Проанализированные нами заглавия могут быть выражены словосочетаниями простыми и сложными.

1. Простые словосочетания: имена существительные сочетаются с прилагательными (Adj + N), «*Заманчивая теорема*», *«Неожиданное объединение», «Искусственное освещение»,* «*Альтернативная космология*», «*Галактическая эволюция*» [ФМ, 97].

2. Сложные словосочетания: существительное + предлог *среди, для ...* + прилагательное + существительное (N + Prep + Adj + N), *«Путешествие среди черных дыр»*, существительное +

существительное + предлог для + существительное (N+N+Prep+N) *«Алгоритм выживания для науки», «Регресс в эволюции многоклеточных животных», «Опыты с поверхностными монослоями»,* предлог + прилагательное + существительное + прилагательное + существительное *«О побочном событии в лабораторном эксперименте»* [ФМ, 60].

3. Существительные, образованные от переходных глаголов, сочетающиеся с родительным падежом:

а) существительное + существительное N + N2, возможно с предлогом *«Поляризация света в природе», «Сон и бодрствование у растений». «Пересадка мозга», «Интерпретация фотоэффекта»,* (Adj + N1+ N2) *«Атомно-силовая микроскопия в растворе», «Резонансные явления в механике», «Экспериментальные исследования движения»* [ФМ, 57]*;*

б*)* существительное + существительное – *имя собственное* N + N2 *«Крылья Лименталя», «Эксперимент Авраменко»,* (N1+ Adj + N2) «*Сила биологической энергии», «Эволюция многоклеточных животных*», *«Локализация движущегося источника», «Жизнь морских нематод*»; прилагательное + существительное (Adj + N+ N) *«Магниторезонансное разупрочнение кристаллов»* [ФМ, 58].

в) с предложно-падежной формой «N1 + N2» в падежной форме», если существительное обозначает проявление отношения: N + К N2 *(«Этюды о вселенной»,* N1+N2+N3+Adj+N4 *«Гипотеза Пономарева о возможности создания антигравитационного крыла», «Отклонение лучей света в космосе»* [ФМ, 97].

Определительные словосочетания, обозначающие признак и его носитель (определительно-субъектные): *«Философия физики», «Взаимосвязь науки и производства», «Изменение социальной ориентации науки»* [ФМ, 66] легко трансформируются в предложения: *«Физика философствует», «Наука связывает с производством», «Наука изменяет социальную ориентацию»* [ФМ, 63].

г) прилагательное + существительное Adj +N. в падежной форме, например: *«Лазерные системы отвода тепла», «Русская печь двадцатого века», «Пряные растения в саду», «Биологические системы и среда*» [ФМ, 64].

Глаголы со значением действия сочетаются с родительным падежом: глагол + существительное V + N2 пример: *«Победить или бояться кризиса в науке?», «Поймать и приручить шаровую молнию»* [ФМ, 63], глаголы речемыслительной деятельности сочетаются с винительным падежом существительного: V + N и др. *«Измерить средство познания»*, *«Соединить феномен и динамику в теории?»* [ФМ, 79].

В заголовках научных статей словосочетание может употребляться в неполном составе: пропускается зависимый компонент или главный компонент, что позволяет достичь большей степени сжатости текста. В первом случае главное слово может не иметь необходимых распространителей. Например: *«Путешествовать среди черных дыр». «О движении перпендикулярного луча в эксперименте Майкельсона – Морме», «К столетнему юбилею СТО»* [ФМ, 82].

В зависимости от части речи стержневого слова различаются следующие группы заглавий-словосочетаний:

1) субстантивные: *«Гравитационная волна», «Земное притяжение», «Звездный свет», «Физиологический «гетерозис»* [ФМ,97].

Именно субстантивные заглавие особенно часто реализуют авторскую модальность. С их помощью автор научной статьи пытается представить свое видение данной проблемы читателю, пропуская его через призму своего собственного анализа;

2) адъективные: *«Новое в области пишущих машин», «Полезное и опасное в остаточном напряжении»* [ФМ, 97]*;*

3) глагольные: главное слово выражено глагольной формой (причастием, кратким причастием, инфинитивом), *«Убрать влияние дефектов», «Исследовать управляемое движение в экспериментах»* [ФМ, 97]*;*

4) наречные: *«Уму непостижимо»* [ФМ, 97]*;*

5) компаративные: в этом случае заглавие выражено сравнительной степенью качественного наречия или прилагательного: *«Сильнее атома», «Быстрее звука»* [ФМ, 98].

Внутри отмеченных структурных типов заглавий-словосочетаний выделяются модели, различающиеся по способу выражения как главного, так и зависимых слов.

Рассмотрим такие модели на примере наиболее многочисленного типа заголовков-словосочетаний — субстантивного. Он представлен следующими словосочетаниями:

1) адъективно-субстантивные (согласуемое прилагательное + сущ.): *«Поляризованный свет в природе», «Новые фундаментальные физические константы», «Твердый шаг жидкого газа», «Научные гипотезы», «Мозговой барьер», «Непонятный день», «Шаровая молния», «Квантовая модель тяготения», «Радиационная защита населения Украины», «Парадоксальный эффект советской науки»* [ФМ, 35].

2) субстантивно-субстантивные (сущ. + сущ. без предлога). Они разделяются на несколько групп:

а) субстантивно-субстантивные словосочетания, где зависимые субстантивные имена выражают субъектное значение: *«Преобразования Галилея», «Математика бесконечности», «Летопись познания», «Открытие Фурье»* [ФМ, 19] и др.;

б) субстантивно-субстантивные, где субстантивные имена выражают объектное значение. Наиболее продуктивна модель сущ. + предлог О + форма сущ. в предложном падеже, однако возможны и другие модели: *«О движении перпендикулярного луча», «О специфике силовых взаимодействий», «Об электропроводности металлов», «Рационализация предоставлений о психических и социальных процессов»* [ФМ, 12].

в) субстантивно-субстантивные, где зависимые субстантивные имена выражают определительное значение. Наиболее продуктивны модели существительное + существительное в родительном падеже; существительное + существительное + существительное в косвенном падеже; существительное + в + существительное в предложном падеже: *«Опыт естественного научного подхода в российском контексте», «подход к формированию университетских научно-инновационных комплексов», «Моделирование процесса накопления научной информации», «Восхождение к интеллекту»* [ФМ, 16].

г) субстантивно-субстантивные словосочетания с определительным значением по модели:

Нарицательное существительное + имя собственное: *«Опыты Эйхенвальда и Вильсона», «Эффект Казимира»* [ФМ, 16]*;*

д) субстантивно-субстантивные, где зависимые субстантивные имена синкретичны и выражают и определительное значение, и значение времени (или совмещают их): *«Итоги эксперимента по ЕГЭ 2004», «Создание дизайн центра в составе ноц rec — 011», «Мини ТЭЦ», «Мини ТЭЦ белый ручей», «Лженаука XX века», «Всемирный авиационный конгресс 1999 года», «Всемирный космический конгресс 2002 года»* [ФМ, 97];

е) субстантивно-субстантивные, где зависимые субстантивные имена также синкретичны и выражают определительное значение и значение места: *«Единицы измерения в радиационной физике», «Роль научно-технологической компоненты в системе доказательств», «Применение pdm систем в информационном обеспечении вуза», «Разработка программных средств в автоматизированной системе», «Космические протоны в экваториальной области земной магнитосферы», «Проблема синтеза в географической науке»* [ФМ, 130] и др. Заглавия-словосочетания носят номинативный характер, проявляющийся ярче в том случае, если главное слово-существительное стоит в форме именительного падежа. Таковы многие вышеприведенные примеры.

3. Существует большое количество заглавий-словосочетаний, которые не имеют в своем составе существительных в именительном падеже, их условно можно соотнести с отдельным членом предложения. Именно заглавия такого типа предложено называть *осколочными***Ошибка! Источник ссылки не найден.** Обычно такие заголовки имеют значение обстоятельства или дополнения. Не претендуя на полную классификацию заглавий данного подтипа, укажем некоторые формы «осколочных» словосочетаний.

1. Существительное в предложном падеже с предлогом «о» или «об» и зависимым словом (адъективно-субстантивный тип со значением предета высказывания): *«Об ориентационном взаимодействии степовых систем», «О гравитации и необнаруживаемой гравитационной волне», «О творческом непослушании»* [ФМ, 105], со значением качества: *«О некоторых преимуществах абсорбционных холодильных машин», «О происхождении тектитов», «О понятии неконтролируемого взаимодействия» «О логике научного исследования», «О всеобщем и*

универсальном характере времени», «О месте философских вопросов в естествознании», «Об энергетическом паспорте региона» [ФМ, 120] и др.

б) Существительное + существительное в родительном падеже с предлогом «в» и зависимым словом (адъективно-субстантивный тип со значением места): *«Отклонение лучей света в космосе»* [ФМ, 97]*;*

в) Существительное в предложном падеже с предлогом «в» или «на» и зависимым словом (адъективно-субстантивный тип со значением места): *«В поисках пятой силы», «В интегрировании пакетов для научных исследований и бизнеса», «В обработке и выводе информации научной аппаратуры «эхо-во», «На короткой волне»* [ФМ, 97]*;*

г) Существительное + существительное в родительном падеже с зависимым словом без предлога (адъективно-субстантивный тип с значением способа действия): *«Прогнозирование динамики действующих ТЭС в рыночных условиях», «Проблемы современного этапа отечественной теплофикации», «Эффективность когенерационных систем»* и др. [ФМ, 127]*;*

*д) с*ущественительное в дательном падеже, с предлогом «к» и зависимым словом (адъективно-субстантивный тип со значением места): *«К вопросу об эволюции вселенной», «К логике социальных наук», «К спорам о научности психоанализа»,* со значением объекта: *«К тайне березовых слез и пчелиного клея», «Назад к ядерной энергетике»* и др. [ФМ, 136]*;*

е) существительное в предложном падеже с предлогом «в» или «на» и зависимым словом (субстантивно-субстантивный тип со значением места) *«Пламя в невесомости», «Энергоаудит на производстве»* [ФМ, 137]*;*

ё) существительное в родительном падеже с предлогом «вокруг», «против» и зависимым словом (субстантивно-субстантивный тип со значением места и способа передвижения): *«Вокруг земли в сверхзвуковом самолете», «Водород против нефти»* [ФМ, 130].

ж) существительное в родительном падеже с предлогом «из» с зависимым словом (субстантивно-субстантивный тип со

значением источника): *«Из опыта проведения энергоэкономических обследований сетевых предприятий АО «Энерго»* и др. [ФМ, 127];

з)существительное без предлога + существительное и зависимым словом (субстантивно-субстантивный тип со значением качества): *«Свет, фотоны, скорость света, эфир и другие «банальности», «Ракеты, корабли, космические полеты», «Мысль, деформация, вакуум»* [ФМ, 10] и др.

и) существительное в творительном падеже с предлогом «перед» и зависимым словом (субстантивно-субстантивный тип со значением времени): *«Перед началом третьего тысячелетия», «Перед проблемой современного этапа теплофикации»* [ФМ, 126].

4. Особую группу заглавий составляют нечленимые количественно-именные сочетания (существительное + имя числительное): *«Энергозатмение августа 2003»,* (прилагательное +существительное + имя числительное) *«Авиационный конгресс 1999 года»* [ФМ, 102].

Итак, представленный материал показывает, что заглавия-подчинительные словосочетания очень разнообразны по структуре и выражаемым значениям. При этом особенно распространенными являются субстантивные конструкции.

Заглавия, выраженные предложением

Заголовки этой структуры составляют около 39 % от всех заголовков, которые мы исследовали. Проиллюстрируем данный вид заголовка следующим примером, построенным по схеме Adv+V+N+N+N:

«Как работает датчик угла наклона?» [ФМ, 99].

Можно привести ряд предложений — заголовков, имеющих одинаковое грамматическое значение, но разную семантику, которая будет определяться семантикой предиката:

N+Adj+N – *«Слезы - сплошная загадка»* [ФМ, 56];

N+V+N – *«Гриб лечит людей»;*

N+ V+ N + в + N – *«Человек ищет ответ в математике»;*

N+V+Adv+N – «Мир заселяется вновь цифрами»;

Adj+N+N+V – «Общий принцип относительности не существует»;

N+N+N+V – *«Путешествие в мир науки начинается»;*

N+V+N – «Формулы заявляют протест» [ФМ, 71].

Еще один пример такого заголовка с более сложной структурной схемой:

Prn + Prn + V + Prep + N6+Adv+ Conj + N2+Adj + Prn +V – «*Что мы знаем об источниках солнечной энергии и чего не знаем»* [ФМ, 71].

Грамматическая семантика этой структурной схемы определяется таким образом: действие или процессуальное состояние, отнесенное к определенному субъекту, т. е. такому субъекту, который в данной ситуации важен, и важно также действие.

Структурные схемы исследованных нами заголовков разнообразны, и к их основным регулярным реализациям относятся следующие:

1) полная и неполная реализация,

2) реализация с замещением синтаксической позиции,

3) реализация со связками и связочными образованиями,

4) реализация с полузнаменательными глаголами [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**].

Рассмотрим далее указанные варианты в применении к нашему фактическому материалу.

1. Полная и неполная реализация могут быть проиллюстрированы следующими примерами.

Исследование процесса зачерпывания материала грейфером с горизонтальным полиспастом; О квазигиперболоидных зубчатых передачах Новикова [ФМ, 71 Наукові вісті Далівського університету — № 2 — 2011]. В первом примере представлены все компоненты структурной схемы Adj + N + V. Реализация смысла происходит через главные и второстепенные члены предложения. Во втором случае есть незамещенная синтаксическая позиция, т. е. один из компонентов (определяющее слово) отсутствует.

Неполная структурная схема используется для сжатия текста. Как отмечается в лингвистической литературе, есть два типа

неполноты: а) с опорой на конситуацию и б) без опоры на конситуацию.

Неполнота с опорой на конситуацию проявляется в контексте (или в определенной речевой ситуации). Например: *«Заманчивая теорема существует». «Учимся делать прививку от «компьютерного вируса»* [ФМ, 81]. Первое предложение – полная реализация структурной схемы. Во втором не замещена позиция подлежащего, но вариант той же структурной схемы: на позицию подлежащего указывает форма сказуемого (первое лицо множественного числа).

Неполная реализация без опоры на конситуацию — это, прежде всего, так называемые эллиптированные предложения. Неполнота их определяется лексико-семантическим фактором: в этих предложениях может быть незамещенная позиция сказуемого — глаголов определенной семантики: речемыслительной деятельности, движения. Например: *«Математика из века в век», «Моделирование процесса из информации в научный эксперимент», «Ненаучные споры вокруг Чернобыля», «Интеграция научных данных в распределенной информационной среде»* [ФМ, 79]. Не замещена позиция глаголов движения, на что указывает обстоятельство со значением направления движения — распространитель глаголов такой семантики. Благодаря присутствию этих распространителей предложения воспринимаются как полные, совершенно понятные без контекста. Другой пример: *«Ученые — ядерщики — о времени и о себе».* Дополнения «о времени» и «о себе» являются распространителями пропущенного глагола речемыслительной деятельности («рассказывают», «размышляют») [ФМ, 83].

Реализации с замещением позиции одного из главных компонентов – подлежащего или сказуемого. Эта реализация заключается в том, что вместо закономерной словоформы, характерной для сказуемого или подлежащего, употребляется словосочетание или целая предикативная единица[2]. При этом возможны следующие варианты:

[2] Предикативная единица — это синтаксическая конструкция, имеющая значение предикативности, оформленное структурной схемой. Эта конструкция имеет несколько

Замещение позиции грамматического предиката (сказуемого). В структурной схеме N1 — Adj позиция предиката может замещаться двоеточием. Например: *«Американская и мировые науки: их развитие и проблемы», «ДКР: на пороге революции»* [ФМ, 97].

Или в структурной схеме N1 — N1 позиция предиката замещается номинативной единицей*: «Красота — язык сверхсознания». «Грипп 1918 года – влияние Венеры», «НТР — научно-техническое рабство», «Инженерные новшества — благо или вред», «Явление всемирного тяготения — основа процессов мироздания, «Динамика структурности — опыт классификации»* [ФМ, 97];

б) Замещение позиции подлежащего. Возможно замещение цитатой автора статьи: *«Инженерные новшества — благо или вред»,* Позиция подлежащего нередко замещается словосочетаниями*: «Астероидная опасность — угроза земле номер один», «От технологий обучения — к технологиям творчества», «Скорни — система трехуровневого анализа»* [ФМ, 98].

3. Реализации со связками и связочными образованиями. В структурных схемах N1 — N1, Inf — N1 употребляются частицы−связки и связочные образования «это», «вот это», «это есть» («это и есть»), «не кто иной как» и др. Каждая связка вносит какое-то дополнительное значение: *«Техношок, или сложность: как вам это нравится?» (указательность), «Принцип красоты как методологический регулятив научного познания», «Использование учебно-научных центров как базовой модели», «Становление научного творчества студента как педагогическая проблема», «Установка штанговых насосов как оптимальный способ кодирования динамограмм», «Общение как объект научного исследования»* (идентификация) [ФМ, 98].

4. Реализации с полузнаменательными глаголами. Наряду с основной глагольной связкой «быть» в структурных схемах N1 — N1, N1 — Adj и подобных, употребляются полузнаменательные

возможностей функционирования, среди которых есть основные, важнейшие и другие, которые можно назвать периферийными.

глаголы, каждый из которых вносит ту или иную семантику: непостоянного существования («бывать»), изменения («стать», «становиться») обнаружения («оказаться») и др. *Например: «Болезнь «от нервов?» бывает и наоборот», «Вариации на тему электрохимической активации (живая вода может быть мертвой)»* [ФМ, 97].

Предикативная единица может иметь расширенную структурную схему, в которую включается не только предикативный и номинативный минимум, т. е. в ней отражается грамматическая и семантическая структура предложения. Расширение структурной схемы определяется одним из двух факторов:

1) семантическим типом предиката и его валентностями. Приведем примеры. *«Как применять жизненную силу эфира».* Предикат *«применять»* имеет одну валентность — субъектный актант, который воплощается в подлежащем: *«Магнитофон осваивает цифру»* [ФМ, 78]. Расширения схемы N1—Vf в этом случае не происходит. Предикат «осваивать» имеет две валентности: субъектный и объектный актанты. Объектный актант включается в расширенную структурную схему, которая выглядит таким образом: N1—VfN4. Предикат имеет субъектную валентность, которая воплощается не в подлежащем, а во второстепенном члене со значением субъекта. Расширенная структурная схема: *«Интеллект плодит парадоксы», «Возможность, от которой мы вряд ли имеем право отказаться»*[ФМ, 78]*;*

2) минимальная структурная схема Vf3pl: «работать» — «работают». Предложения, построенные по такой схеме, как правило, не могут существовать в нераспространенном виде. Место субъекта обычно занимает обстоятельство с пространственным значением или дополнение. Так создается значение неопределенного субъекта. *«Дистанционно обучать студентов в области импульсной электрофизики»* [ФМ, 97].

Если в названии используется простое предложение, его компоненты определяются как члены предложения — главные и второстепенные. Например: *«Познание неосознаваемого — познавать, чтобы использовать»* [ФМ, 95]. Член предложения –

это словоформа в предложении, словоформа с определенным синтаксическим значением. Так, в заглавии *«Электроны работают поодиночке»* [ФМ, 97] словоформы «электроны» и «работают» — предикативная основа предложения, главные члены, компоненты, без которых предложение не существует. Другие словоформы: «поодиночке» — определяются как второстепенные члены предложения. По сути же они представляют собой не что иное, как распространители слов, зависимые компоненты словосочетаний. Наряду с такими компонентами существуют другие распространители, синтаксически значимые для предложения, занимающие в нем особую синтаксическую позицию. Современная теория предложения строится именно на понятии синтаксической позиции – особого места в предложении, существующего только в предложении, но не в словосочетании. Например: *«Буря в часовом стеклышке»; «Путешествие среди черных дыр»; «Отопительное оборудование накануне революции»; «Как проследить галактическую эволюцию»* [ФМ, 98]. В этих заглавиях две синтаксические позиции: грамматический предикат, главный член «буря, путешествие, оборудование, проследить» и второстепенный член со значением субъекта «где».

Другой пример: *«Интернет — среда функционирования искусственного разума»* [ФМ, 97]. В этом предложении три позиции: сказуемое —– нулевая связка «есть», подлежащее «интернет» и дополнение «среда функционирования». Другие словоформы являются присловными распространителями, самостоятельной позиции не имеют. Компоненты, члены предложения, имеющие особые синтаксические позиции, – это главные члены, распространители предиката (актанты) и распространители неприсловные: детерминанты, словоформы с двунаправленными связями, обособленные обороты.

Подлежащее может быть неоднословным, т. е. выражаться различными словосочетаниями. Это синтаксически нечленимые словосочетания с восполняющими отношениями. Перечислим наиболее типичные случаи.

1. Количественно-именные словосочетания. Это словосочетания количественных числительных, существительных с

количественной семантикой и некоторых других количественных слов. Например: *«Много тайн хранит строение атома»* [ФМ, 97].

2. Словосочетания со значением совокупности нескольких субъектов. Сказуемое при этом выражается формой множественного числа. Например: *«Информация и программы моделируются в сложных системах», «Камерофон и его профессии: попытка изучения»* [ФМ, 97].

Модель составного глагольного сказуемого — Vf_{inf}. Функции сказуемого распределяются таким образом: инфинитив обозначает действие – предикативный признак, а спрягаемая форма глагола – модификацию этого действия и грамматические предикативные значения времени и объективной модальности. Сопоставим простое и составное глагольное сказуемое: *«Глобальные проблемы в науке существуют всегда», «Проблема универсальности объединяет пространство и время»* – действие представлено как таковое, функции сказуемого совмещены в одном компоненте. *«Математический опыт хочет помочь»* – функции распределены: «помочь» – предикативный признак, «хочет» – модификатор предикативного признака и показатель времени и модальности [ФМ, 79].

Значительно внимание в лингвистической литературе уделяется понятию модификатора, которые бывают двух типов – модальные и фазисные [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**]. Модальные модификаторы выражают различные отношения к действию: желание, возможность, намерение, попытку и др.*: «Познание может открыть горизонты»* [ФМ, 81]. Обозначают этап действия – начало, продолжение, конец: *«Поиск поможет избежать потерь»* [ФМ, 17]. Оба компонента связаны с подлежащим, но Vf непосредственно, что проявляется в согласовании в формах, числа, рода или лица, а inf — через модификатор. Vf_{inf} представляет собой словосочетание модального глагола с инфинитивом с восполняющими отношениями.

Глагольная связка осуществляет в составе сказуемого три функции: 1) грамматическая функция – выражение объективной модальности и синтаксического времени: *«Предварительные итоги расследования энергозатмения августа 2003»* [ФМ, 81]; 2) семантическая функция – выражение отношения предикативного

признака к носителю этого признака. Это отношение может быть представлено следующим образом: признак как фактически существующий − связка «быть», в том числе в нулевой форме *«НТР – научно-техническое рабство», «Опасен ли парниковый эффект?», «Капля — колыбель Афродиты», «Явление всемирного тяготения — основа процессов мироздания»* [ФМ, 79]; 3) синтагматическая функция — выражение связи между присвязочным членом и подлежащим: *«Взаимодействие зарядов — основа мироздания».* Связь именного компонента — существительного в предложном и родительном падеже *«Изучая время и вечность», «О происхождении тектитов», «О месте философских вопросов естествознания», «Водород против нефти», «Поверхности твердых частей», «Вечна ли вселенная»* [ФМ, 97] — с подлежащим осуществляется через связку. Предложный и родительный падеж определяется связкой, а число и род – подлежащим (двунаправленная связь).

От настоящих связок (*быть, казаться, стать, становиться, сделаться, слыть, оказаться* и др.) следует отличать некоторые глаголы, которые напоминают связки, но таковыми не являются: *отличаться, пользоваться, приобрести, заключаться в*. Например: *«Электрохимические накопители энергии стали пользоваться громадной популярностью»* [ФМ, 97]. Сказуемое в этом предложении «пользовался популярностью», но распределения функций, как в именном составном сказуемом, здесь нет: сочетание глагола с существительным в целом обозначает предикативный признак, это своего рода описательный глагольно-именной оборот. В отличие от связки глагол «пользовался» составляет с падежной формой существительного словосочетание, двунаправленной связи, связи падежной формы с подлежащим здесь нет (связь — популярностью). Присвязочный компонент отличается большим разнообразием морфологического выражения. Прежде всего, это специализированные формы, т. е. формы, предназначенные для выражения предикативного признака: таковы формы именительного и вариативного с ним падежа любого имени, а также причастия: *«Формула была открыта через полвека», «Электрохимические накопители энергии будут работать для человека»* [ФМ, 97].

Кроме указанных форм, в роли присвязочного члена употребляются формы неспециализированные: наречия и предложно-падежные формы существительного — Adv (N2…) *«Чем лучше атмосферные условия, тем лучше здоровье человека»* [ФМ, 64].

Отличие такого сказуемого от составного заключается в том, что глагольный компонент − это не связка, а полнозначный глагол, который обозначает предикативный признак. Таким образом, в этом сказуемом выражено два предикативных признака, на этом основании академик А. А. Шахматов назвал такое сказуемое двойным, или двусказуемым.

Среди структурных схем, отмеченных в нашем материале, есть относящиеся к двусоставным и к односоставным предложениям. Все однокомпонентные структурные схемы соответствуют односоставным предложениям. Двукомпонентные структурные схемы соответствуют двусоставным (подлежащно-сказуемостные) и односоставным (не подлежащно-сказуемостные). Например, N1 — Vf, N1 — N1,Inf — N1 — двукомпонентные подлежащно-сказуемостные структурные схемы, соответствующие двусоставным предложениям. Например: *«Инженерные новшества несут благо и вред», «Пространство и время существует без материи»* [ФМ, 22], N2 Vf3s, Нет N2 — двукомпонентные не подлежащно — сказуемостные структурные схемы, соответствующие односоставным предложениям. Например: *«Феноменологические теории», «Творческая эволюция живой или «неживой» материи», «Чего только нет в пыли»* [ФМ, 64]. Все однокомпонентные структурные схемы соответствуют односоставным предложениям, например, Vf3pl *«Как использовать пустоту?»* и др. [ФМ, 64].

В заголовках научных статей широко используются различные типы односоставных предложений, которые являются более сжатыми по сравнению с предложениями двусоставными за счет сокращения одного из элементов. Для их анализа обратимся к наиболее распространенной классификаци, в которой различается шесть типов односоставных предложений: неопределенно-личные, определенно-личные, обобщенно-личные, безличные, инфинитивные, номинативные. Кроме перечисленных, выделяют

также предложения вокативные *«Внимание! Зеленый фильтр»* [ФМ, 64].

Характеристику отдельных типов односоставных предложений − заглавий, мы начнем с так называемых «личных» односоставных предложений, в которых главный член выражен личной формой глагола. Единственным бесспорным типом среди них, выделяющимся во всех классификациях, являются неопределенно-личные предложения.

Главный член неопределенно-личных предложений выражается спрягаемой формой глагола множественного числа, в настоящем и будущем времени — формой третьего лица множественного числа. Основная структурная схема — Vf3pl. Другая, менее характерная форма – имя прилагательное во множественном числе в сочетании со связкой, структурная схема — cop Adj pl. Примеры: *«Победителей не судят», «Землю зондируют аэростатами», «Эксплуатацию конвертерного цеха осуществляют вместе с комплексом высокоэффективной экологической защитой окружающей среды»* [ФМ, 64]. Синтаксическая семантика неопределенно-личных предложений — действие, состояние неопределенного субъекта. Неопределенность субъекта означает следующее: субъект в действительности существует, но говорящий представляет действие, не соотнося его с субъектом, происходит «отчуждение» действия от субъекта. При этом в реальной действительности субъект может быть вполне определенным. Неопределенно-личное значение создается формой множественного числа, которая употребляется в особом грамматическом значении: не в прямом (действие нескольких субъектов), а в переносном (действие неопределенного субъекта). Ср.: *«Классические основания, которые мы применяем в квантовой механике»* [ФМ, 65]. Предложение – двусоставное, имеющее полную реализацию, подлежащее «мы», форма множественного числа глагола («применяем») употребляется в прямом значении.

Парадигма неопределенно-личных предложений — полная: форма множественного числа есть в любом наклонении и времени. Значение неопределенного субъекта, как правило, поддерживается другими компонентами предложения – второстепенными членами, которые как бы восполняют отсутствие компонента со значением

субъекта (подлежащего). В такой роли выделяется два основных типа второстепенных членов

1. Второстепенный член с обстоятельственным локальным (пространственным) значением, косвенно указывающий на субъект. Например: *«Когда подводить экологические итоги реформирования Украины?»* [ФМ, 64], *«Как сформировать теоретические знания в технической науке?»* [ФМ, 11]. В первом предложении обстоятельственный компонент «когда» обозначает время ситуации. Во втором предложении обстоятельственный компонент «в науке» не только обозначает место ситуации, но и дает указание на субъект ситуации. Пример: *«Главной причиной прогресса, является наука»* [ФМ, 105] — предложение двусоставное, в котором подлежащие выражаются существительным в именительном падеже (грамматическая форма подлежащего) например: *«О развитии материального объекта в физике микромира»* [ФМ, 105] — неопределенно-личное предложение с единственным главным членом N, содержащее компонент «о движении» с пространственно-субъектным значением.

2. Второстепенный член со значением объекта, стоящий в начале предложения — в позиции отсутствующего подлежащего. Например: предложение: *«Пространство и время не рассматривают поодиночке», «Нефть нашли здесь еще в девятнадцатом веке»* [ФМ, 105]. В первом предложении компонент «поодиночке» является обстоятельством.

2. Обобщенно-личные предложения.

К обобщенно-личным предложениям относятся структуры с главным членом, выраженным формой глагола 2-го лица единственного числа, передающей синтаксическое значение обобщенного субъекта; форма 2-го лица употребляется не в основном своем значении – действие адресата, а в переносном – действие обобщенного лица. Структурная схема обобщенно-личных предложений может быть представлена так: Vf 2s. Например: *«Ушедший век не догонишь»* [ФМ, 71].

3. Безличные предложения. Предложения, относимые к безличным, отличаются разнообразием структурных разновидностей и соответствующих им синтаксических значений. В «Русской грамматике» к безличным предложениям может быть

отнесено 14 структурных схем [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**]. Приведем примеры: *«Как относиться к спорам о научности психоанализа», «О математике будет много споров», «Об электрохимических накопителях энергии нужно думать уже сейчас»* [ФМ, 71]. Все эти очень разные по структуре и значению предложения могут быть отнесены к безличным.

Семантика таких предложений иногда определяется как бессубъектность. Но во многих безличных предложениях субъект выражен или предполагается *«Человеку свойственно ошибаться».* В безличных предложениях (в отличие от двусоставных) предикативный признак не зависит от субъекта, хотя и соотносится с ним. Формально это выражается в недопустимости в безличных предложениях формы именительного падежа: главный член безличных предложений принципиально не сочетается с именительным падежом. Несочетаемость главного члена безличного предложения с формой именительного падежа и есть главный и общий формальный признак безличных предложений.

Существуют две основные формы выражения главного члена безличных предложений – Vf 3s и Praed (категория состояния). Это специализированные безличные формы, называющие действие, состояние в отвлечении от субъекта: *«Создать и исследовать квантовую модель тяготения»*[ФМ, 71*], «Как правильно воспитать гения?»* [ФМ, 2].

Итак, можно сделать вывод, что структура заглавий отличается значительным многообразием. Это связано с тем, что функции заглавия, находясь в тесном взаимодействии, в различных произведениях могут проявляться в разной степени: одна из функций может оказаться ведущей, основной и ослаблять или подавлять другие. Определенные заглавия разной структуры строятся по определенным моделям, которые основаны на общих синтаксических закономерностях.

Д. Н. Овсянико-Куликовский отмечал, что заголовки – это несомненные акты речи-мысли, имеющие свой смысл и свою цель; но предложений они «не составляют». Н. Ю. Шведова высказывает мысль, развивающую точку зрения академика А. А. Шахматова: «Заголовки... не являются номинативными предложениями, это слова и словосочетания, выполняющие функцию собственно

названия, без значения бытия, существования называемого предмета».

Некоторые ученые придерживаются противоположной точки зрения. Так, А. М. Пешковский, утверждая, что «название книги всегда есть нечто большее чем название», относил заглавия к назывному типу номинативных предложений, подчеркивая, что они «совершенно параллельны глагольным предложениям...». Номинативным предложениям посвящена также работа Ф. К. Буженик [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**], где автор выделяет характерные черты заглавий, на основании которых подобные именные конструкции относятся к предложениям: «Во-первых, именные конструкции *«Красота науки», «Научные развлечения»* и др. по своей назывательной функции совершенно эквивалентны глагольным конструкциям *«Как воспринимаются запахи», «Вибрация поднимает воду»* и др. Во-вторых, назывные предложения очень близки по своей функции к указательным номинативным предложениям, так как они по существу выполняют роль указателя. В-третьих, выполняя функцию указателя и будучи параллельны глагольным предложениям, назывные предложения выступают с модальностью реального факта, как и двусоставные конструкции с назывательной функцией (ср. *«Лазерная система отвода тепла» и «Брэдли — против Лоренса»* [ФМ, 71].

Итак, в науке существуют две противоположные точки зрения на синтаксический статус заглавий: одни лингвисты считают их предложениями, другие – не признают их таковыми.

Мы считаем, что заглавие — особая текстовая единица, которая может быть выражена разными синтаксическими структурами: от одной словоформы до сложного предложения. Заглавия не равны предложениям, так как обычно не обладают значениями синтаксического времени и модальности, т. е. предикативностью, и не имеют парадигмы.

Как заглавия употребляются и осложненные предложения. Осложнение предложения возникает при наличии в его составе обособленных членов предложения, а также не являющихся членами предложения единиц с относительной смысловой и интонационной самостоятельностью. В эту группу заглавий входят:

а) заглавия с обособленными членами, чаще обстоятельствами.
«Там, в середине Тунгусского метеорита», «Здесь, в капле воды», «Там на Луне» [ФМ, 71]*;*

б) заглавия с обращением: *«Химия, ты как музыка»* [ФМ, 87].

Проанализированные заглавия разнообразны и с точки зрения цели коммуникации.

Преобладают заголовки повествовательные: *«В этом споре побежденных не было», «Волновое уравнение не имеет единственного решения», «Древесина служит источником экологически чистого топлива»* и др. [ФМ, 71].

Около 10% исследованного нами материала составляют заголовки восклицательные: *«Существует «камень преткновения» в физике!», «Эфир есть!»* [ФМ, 87] и императивные: *«Исследуй, воображай и познавай», «Рассмотрим четыре концепции вероятности»* [ФМ, 71].

Вопросительные: *«Как генерализовать физическую картину мира?», «Почему люди стали боятся реакторов?», «Как существует наука и иные формы рациональности», «Существует ли пространство и время без материи?»* и др. [ФМ, 62], по нашим, подсчетам, также составляют около 10% проанализированного нами материала.

Заглавия, представленные побудительными и вопросительными предложениями, могут непосредственно устанавливать контакт с читателем и актуализируют его восприятие.

Таким образом, мы рассмотрели основные группы заглавий: заглавия-словоформы, заглавия сочинительные сочетания слов, заглавия подчинительные словосочетания и заглавия-предложения. Существуют также менее многочисленные группы заглавий, которые необходимо отметить особо.

Заглавия максимально усложненной структуры

Данный тип заглавий представлен значительным разнообразием синтаксических структур и составляет примерно 12% всех исследованных нами лингвистических единиц. Они представляют собой сложное синтаксическое целое, или сверхфразовое единство. Их элементами можно считать не отдельные словоформы, а предложения полной или неполной структуры. Проиллюстрируем данный тип заголовков следующими вариантами.

1. Двойные заглавия с пояснительной связью, причем второй компонент часто является либо предложением, либо словосочетанием, синонимичным первой части:

Кукурбитурил или играем в молекулы, Химия как музыка, или химические ноты или мелодии нового века [ФМ, 87].

2. Конструкция с пояснением, заключенным в скобки, например:

Анализ состояния и перспективы развития средств автоматизации скважин эксплуатирующихся механизированными способами (штанговые. Глубинные, насосы и цепи) [ФМ, 82].

3. Заглавия, выраженные пояснительной связью, которая выделяется двоеточием либо точкой, таким образом, заглавие превращается в два самостоятельных словосочетания, связанные между собой информационным смыслом:

«Моделирование динамограммы станка качалки. Утечки в клапанах» [ФМ, 82],

«Рекорды в науке и технике. Числа» [ФМ, 54],

«Рекорды в науке и технике. Элементы» [ФМ, 54],

«Рекорды в науке и технике. Частицы или вещества» [ФМ, 54],

«Из истории системных исследований в СССР: попытка ситуационного анализа» [ФМ, 54],

«Мозаичный объект: поиски оснований единства» [ФМ, 32],

«Этногеномика: история с географией» [ФМ, 10],

«Быть или иметь: эллинизм и современность» [ФМ, 10],

«Физика элементарных частиц: некоторые итоги и тенденции дальнейшего развития» [ФМ, 39],

«Философия и естествознание восьмидесятых годов: новые идеологии и синтез» [ФМ, 51],

«Пути европейской цивилизации: от космоса к картине мира» [ФМ, 71],

«Создание дизайн-центра научно-технического творчества [ФМ, 90]

«Электроника для современных физических экспериментов в составе ноц», (Ноц: научно-образовательный центр) [ФМ, 97],

«Применение pdm систем для информационной поддержки деятельности учебно-научного подразделения вуза» и др.[ФМ, 51]*;*

4. Заголовок, представляющий собой сочетание двух отдельных предложений, например:

«Прямой свет. Эфирная природа звездной аберрации и явления Никитина» [ФМ, 104]

Усложненность синтаксической структуры предполагает и увеличенный объем исследуемого текста, то есть большее количество входящих в заголовок лингвистических единиц. Мы подсчитали общее количество слов в исследованных нами текстах и вычислили среднее лексическое наполнение одного заголовка.

По нашим подсчетам, средняя длина научного заголовка составляет 7-10 слов. Однако имеются значительно более объемные построения. В следующих примерах объем заголовка увеличивается за счет цепочки существительных:

«Коррекция статических характеристик полупроводниковых измерительных преобразования информационно измерительных систем» (9 слов);

«Датчик параметров движения штанговых глубиннонасосных установок на основе интегрального акселерометра»(10 слов);

«Датчик угла наклона на основе интегрального акселерометра: реализация и исследование характеристик» (11 слов);

«Оценка погрешности датчика усиления ДДС 04 при смещении направления и точки приложения нагрузки» (13 слов) [ФМ, 100].

Наиболее объемные заглавия:

«Исследование гравитации с учетом индуцированных компонент и «магические ядра» в двоичной модели распределения плотности вещества (15 слов),

«Перспективные направления развития Челябинской онкологической службы на базе использования научных и технических возможностей конверсионных структур военно−промышленного комплекса Урала» (18 слов) [ФМ, 100].

Наличие заглавий с такой структурой свидетельствует о том, что их лингвистический статус неоднозначен, и его нельзя свести к словарной форме или предложению.

Способы сжатия текста

Как указывалось выше, заглавие представляет собой сжатый текст, это сжатие достигается с помощью различных видов компрессии. Информационная компрессия представляет собой сжатие плана означающего при сохранении плана означаемого. Для определения предела сжатия существует понятие текстовой нормы. В разных текстах она будет разной, однако есть и общий показатель у этой нормы: речевая единица не должна утрачивать своего сообщительного смысла.

Существует ряд мотивов, которые обусловливают компрессию информации, в частности следующие:

1) требования языковой прагматики;

2) требования эстетические и требования жанра;

3) требования стилистические.

В первом случае, например, показательно применение терминов, дающих максимальное свертывание информации.

«Air bus превратит Россию «во вспомогательный цех» (Air bus — название британской компании, занимающейся разработкой различных научных технологий, применяемых в аэродинамике) [ФМ, 100],

«ТМ: душа и чистое сознание» (ТМ —− техника и материя) [ФМ, 102],

«Программный комплекс «Sapr 100 w» (Sapr 100 w − швейцарская компания, которая назвала программный комплекс) [ФМ, 100],

«Voip: перемены в телекоммуникации» (Voip — это заглавные буквы английских слов: голос, информация) [ФМ, 104],

«Анализ функциональных возможностей эксплуатируемых ШГН» В данном примере ШГН обозначает: штанговые глубиннонасосные установки [ФМ, 104].

«Использование датчиков типа МТУ с цифровым выходом RS 485 производства НПП» (МТУ — моделирование технической установки, *НПП* — насосный преобразователь пара) [ФМ, 104],

«Применение стационарных ИИС динамометрирование в системах контроля производительности скважин» [ФМ, 104]. В данном примере ИИС обозначает информационно-измерительные системы.

«Происхождение и эволюция ВИЧ» (ВИЧ — вектор интегрированной частоты) [ФМ, 100],

«ЭВМ и понимание математических доказательств» [ФМ, 104]. В данном примере ЭВМ — электронно-вычислительная машина.

Во втором случае компрессия информации диктуется жанровыми установками текста, например, в научном заглавии. *«Резонансные явления в системах типа «реакция — диффузия»* [ФМ, 103] ими обусловлен выбор терминов и используемые субстантивные конструкции.

Третий случай связан с применением особых стилистических приемов, например, умышленное умолчание, недоговоренность.

О некотором свойстве экспонент случайных матриц.

В этом примере умалчивается то, о каком же именно свойстве идет речь [ФМ, 104].

Среди способов информационной компрессии, которые исследуются в лингвистической литературе, отметим следующие:

1) *семиотические* (знаковые, языковые). Приведем следующий пример: *«Применение парогазовой технологии на МСЗ Японии и Европы»* [ФМ, 55]. Здесь использован сокращенный термин МСЗ – министационарные заводы

2) *лексические* (типичным примером лексической компрессии считается употребление термина без его определения, так как термин номинирует понятие в предельно свернутом виде) – *«Тригенерация, когенерация и мини – ТЭЦ для малой энергетике на портале», «Антропные аргументы», в современной космологии» «к столетнему юбилею СТО, «Ввод в эксплуатацию слябовой двух ручьевой МНЛЗ», «Система сбора, обработки и вывода информации научной аппаратуры ЭХО ВО», «КПД: мифы и реальность», «ТЭЦ – надежный источник производства энергии» «Мини ТЭЦ с топками кипящего слоя на высокозольном угле»*. Термин ТЭЦ- тепловая электроцентраль [ФМ, 103]*;*

3) *синтаксические* (синтаксическая компрессия предусматривает сжатие знаковой структуры путем эллиптирования, грамматической неполноты, бессоюзия, синтаксической асимметрии (пропуска логических звеньев высказывания), например: *«Сегнетоэластические кристаллы: основные свойства, влияние дефектов», «Суперпаромагнитизм сегодня: магниты – карлики на пути в мир квантов», «Теория механизмов от Гаспара Монжа до наших дней: наука и учебная дисциплина», «Рекорды в науке и технике. Предельные значения величин», «Пути европейской цивилизации: от космоса к картине мира», «Негатроника. Исторический обзор», «Стенограмма. Круглый стол «Угольная отрасль и тепловая электроэнергетика в России», «Перечитывая Четверикова (Полвека эволюционной генетики)», «Физика элементарных частиц: некоторые итоги и тенденции дальнейшего развития», «ПАК трехмерной визуализации научных исследований»* (ПАК – программно-аппаратные комплексы) [ФМ, 104]*;*

4) *Формирование речевых стереотипов* (речевой стереотип рождается из-за частого употребления в определенной ситуации, например: в научном тексте может быть не реализована валентность управления: «Об экспериментальной проверке принципа причинности» (причинности чего?) или: *«Проблемы социологического измерения»,* (измерения чего?), *«Свет, фотоны, скорость света и эфир, и другие «банальности»* (в данном названии термин «банальности» используется в значении чего-то повседневного обычного незаметного», *«О квантовых ансамблях»;*

подобные сокращения допускаются иногда при использовании больших по объему терминов, когда опускаются условно какие-то части или термин-словосочетание заменяется одиночным термином, например: НТП – (научно-технический прогресс), *«Физические пределы ПВО»* (ПВО − пространственно-временное описание), *«ЭВМ и понимание математических доказательств»* (ЭВМ – электронно-вычислительная машина); *«История энергосистемы «Киев – Энерго»* [ФМ, 103];

В любом случае наблюдается сокращение текстового пространства за счет преобладания объема означаемого над объемом означающего. Но условия речевой прагматики часто ограничивают компрессионные возможности. Например, в научно-популярном тексте использование терминов как семиотического средства компрессии часто оказывается невозможным, так как это отрицательно сказывается на восприятии текста. Непонятное должно быть объяснено и достаточно пространно. Не объясняются лишь термины, известные читателю, часто употребляемые в печати, в быту (ЭВМ, НТП, ТЭЦ).

В данном разделе диссертации мы считаем целесообразным исследовать информативную насыщенность научного заголовка, пользуясь методикой, предложенной в работе. Для определения информативной насыщенности текста Е. И. Панченко вводит коэффициент информативной насыщенности И, который включает в себя следующие параметры: коэффициент графического сжатия текста, процентное соотношение разных полнозначных слов в нем, удельный информативный вес слова, коэффициент элиминируемости текста и коэффициент его новизны.

Рассмотрим коэффициент графического сжатия текста, обозначенный символом Г. Этот коэффициент равен процентному отношению количества сокращенных графем А к полной длине данного текста (в графемах) В, то есть

$$Г = А / В \times 100,$$

где Г − коэффициент графического сжатия текста;

А − количество сокращенных графем;

В − длина текста в графемах.

Определим в качестве примера коэффициент графического сокращения в следующем тексте.

Суточный ход ОРЧ для радиолиний дальнего распространения КВ [ФМ, 103].

Количество графем В в данном тексте составляет 52. Представим далее искомый текст без графических сокращений:

Суточный ход оптимальной рабочей частоты для радиолиний дальнего распространения коротких волн [ФМ, 102]

Общее количество графем в нем составило 84, то есть количество сокращенных графем А является следующим: 84 − 52=32. Тогда по формуле 2.5.1. коэффициент графического сокращения равен

$$32 : 52 \times 100 \approx 61.$$

В данном случае за счет краткости самого заголовка и объемности сокращенных слов коэффициент графического сокращения оказался очень высоким, тогда как в ряде заголовков он равен нулю. По нашим подсчетам, в среднем в заголовке коэффициент графического сокращения составляет от 8 до 12 %. По данным работы, в большинстве сжатых текстов данный коэффициент заметно выше и может превышать 25%.

Чрезвычайно важным для содержательной стороны текста является его лексическое наполнение. Нам представляется целесообразным рассмотреть информативную насыщенность научного заголовка как сжатого текста с точки зрения его лексического состава. Обратимся к соотношению разных слов в том или ином тексте, то есть введем коэффициент лексического разнообразия.

Как отмечается в лингвистической литературе, «смысл предлагаемого исследования заключается в том, что абсолютные количественные характеристики лексических явлений в языке заменяются относительными и анализируется не результат непосредственного подсчета, скажем, количества лексем в тексте того или иного периода развития языка, а степень лексического разнообразия этих текстов, т.е. средний процент разных слов в тексте заданного объема». Степень информативной насыщенности текста прямо пропорциональна количеству разных слов в нем, так как известно, что ценность информации, содержащейся в повторенном слове, то есть информации уже декодированной, снижается. Обозначим процентное содержание разных слов в

тексте буквой С и определим его в следующем примере по формуле:

С = Р / Л х 100%

где С − процентное содержание разных слов;

Р — количество разных слов в тексте;

Л − общее количество лексических единиц.

Динамика верхней мезосферы нижней термосферы и ее влияние на структуру ионосферы и нижней мезосферы [ФМ, 104]

По нашим подсчетам, в данном случае повторяется 1 слово из 14 слов (подчеркнуто в тексте). Тогда по формуле коэффициент лексического разнообразия составляет

$$1 : 14 \text{ x } 100 \approx 7.$$

Чем более сжатым является текст, тем более разнообразны слова в нем, во избежание повтора уже имеющейся информации. Однако, по нашим наблюдениям, приведенный выше коэффициент лексического разнообразия является не типичным для научных заглавий. Подавляющее большинство заголовков вообще не включают повторяющиеся слова, например:

Исследование атмосферной турбулентности методом резонансного рассеяния радиоволн на искусственных периодических неоднородностях ионосферной плазмы [ФМ, 104]

Далее нам представляется правомерным поставить вопрос об удельном информативном весе лексической единицы, который будет тем больше, чем меньше количество лексем, с помощью которых передается то или иное содержание речевого произведения. Мы будем говорить о коэффициенте У (удельный информативный вес слова) и определим его следующим образом: приняв общую информативную нагрузку текста за 1, разделим ее на количество слов в тексте и выразим этот коэффициент в процентах.

У = 1 / Л х 100%, где

У − удельный информативный вес слова;

1 − общая информативная нагрузка текста;

Л − количество слов в тексте.

Проанализируем следующий текст для определения его коэффициента удельного информативного веса слова.

Структура и активность наноразмерных полиядерных мембранно-каталитических систем в процессах получения водородсодержащего газа [ФМ, 145].

Данный текст состоит из 12 слов, следовательно, его коэффициент У равен

$$1 : 12 \times 100 = 8,3.$$

Поскольку сжатые тексты обладают разнообразным объемом, указанный коэффициент также имеет различные значения.

Нам представляется также интересным определить коэффициент лексической избыточности заголовка, используя методику и понятия семантического анализа текста, предложенные в докторской диссертации Э. Ф. Скороходько, который проводит этот анализ на уровне предложения и на уровне слова. Под семантической структурой текста в указанной работе понимается «строение, то есть состав и внутренняя организация его плана содержания». По мнению указанного исследователя, семантические отношения между словами в тексте являются отображением реальных связей между предметами в ситуациях внешнего мира. Характер этих ситуативных связей и сама возможность их существования обусловливаются, прежде всего, имманентными свойствами (признаками предметов). В речи информацию о ситуативных отношениях несут два взаимодействующих между собой элемента синтагмы: семантическая связь членов синтагмы и специальные грамматические и лексические средства, используемые в синтагме. Э. Ф. Скороходько считает избыточными слова с низким функциональным весом, которые имеют только одну синтагматическую связь, и в своем исследовании демонстрирует методику выявления таких слов.

Мы попытались применить описанную методику вычленения слов с низким функциональным весом к нашим примерам заголовков. При этом обнаружилось, что значительное количество слов в заглавии имеют только одну или две синтагматические связи, но тем не менее не могут быть удалены без нарушения смысла сообщения.

В следующем примере подчеркнуты слова, имеющие одну синтагматическую связь, курсивом выделены лексемы, имеющие

две синтагматические связи. Слова, имеющие большее количество связей, не выделены.

Технология субъективизации в новостном массмедийном политическом дискурсе [ФМ, 56].

Несмотря на малый функциональный вес значительного количества лексических единиц (если учитывать количество их синтагматических связей), их роль в понимании текста очень велика, и можно предположить, что в сжатом тексте значительно снижается количество слов, которые можно удалить. На следующем этапе анализа сжатых текстов с точки зрения их информативной насыщенности мы попытались экспериментальным путем опустить все словарные единицы с минимальным функциональным весом, если это не мешает пониманию оставшегося сообщения. Например, в приведенном выше тексте таких слов, вероятно, нет. Количество потенциально элиминируемых слов было подсчитано в следующем тексте, и найдено его процентное отношение к общему лексическому составу исследованных текстов. Обозначим это отношение буквой Э и определим его по формуле

$$Э = М / Л \times 100,$$

где Э − коэффициент элиминируемости текста;

М − количество потенциально элиминируемых лексем;

Л − количество слов в тексте.

В примере

«Антропологическая реставрация» и «антропологический пессимизм»: дискурсивные стратегии новейшей литературы [ФМ, 47]

теоретически можно опустить повторяющееся слово «антропологический», тогда

$$Э = 1 : 9 \times 100 = 11\ \%.$$

Чем более сжатым является текст, тем меньше в нем потенциально элиминируемых слов, то есть тем меньше коэффициент Э. Для большинства исследованных нами текстов этот коэффициент равен нулю.

Важным для определения информативной насыщенности текста является коэффициент новизны, или информативности, введенный Т. М. Дридзе. По мнению указанного ученого, способ

определения информативности текста строится на подсчетах соотношения общего количества групп знаменательных слов вместе с примыкающими к ним словами и синтаксем, соответствующих минимальным информативно отмеченным элементам смысловой структуры текста, или «фактов». Обозначим коэффициент новизны буквой Н и выразим его следующей формулой:

$$Н = Ф / П \times 100$$

где Н − коэффициент новизны, или информативности текста;

Ф − количество «фактов»;

П − количество предикаций в тексте.

Пользуясь методикой Т. М. Дридзе, можно построить логико-фактологическую цепочку в следующем заголовке:

Статистические характеристики → федингующих радиоотражений → от метеорных следов [ФМ, 74]

В данной цепочке фактов 3; количество предикаций − 5,тогда

$$Н= 3: 3 \times 100\% = 100\ \%.$$

Нам представляется возможным объединить приведенные выше формулы в одно выражение и ввести общий параметр информативной насыщенности текста, измеряющийся в единицах, который мы обозначим буквой И. Этот параметр представляет собой сумму коэффициента графического сжатия текста Г, процентного содержания разных слов в тексте С, удельного информативного веса У, коэффициента новизны Н, при этом из данной величины следует вычесть коэффициент элиминируемости текста Э, тогда

$$И = Г + С + И + У − Э$$

Определим данный параметр для заголовка и сопоставим его величину с параметром И, который был определен для сжатого текста в работе. Коэффициент И в сжатых текстах имеет диапазон от 175 − 180 единиц до 200 − 250 (максимальная величина − 300), тогда как для обычного текста этот параметр ниже 170 единиц.

Устойчивость течения Куэтта между вращающимися цилиндрами с разными зазорами [ФМ,71]

В данном тексте отсутствуют графические сокращения, практически нет слов, которые можно считать информативно избыточными, нет повторяющихся слов. Общее количество слов −

9. Коэффициенты в данном тексте имеют следующее цифровое выражение:

Г = 0 : 68 x 100 = 0 %;
С = 9 : 9 x 100 = 100 %;
У = 1 : 9 x 100 = 11%;
Э = 0 : 9 x 100 = 0 %;
Н = 3 : 3 x 100 = 100 % ;
И = 0 + 100 + 11 + 100 − 0 =211.

В работе выдвинута гипотеза о том, что параметр И для сжатого текста имеет диапазон от 175 − 180 единиц до 200 − 250 (максимальная величина − 300), тогда как для обычного текста этот параметр ниже 170 единиц. Проведенное нами количественное исследование говорит о том, что по ряду параметров заголовок отвечает характеристикам сжатого текста и имеет высокий параметр информативной насыщенности.

По-видимому, данные характеристики связаны в первую очередь с таким ведущим переменным признаком сжатых текстов, как их ограниченный объем. На наш взгляд, признак ограниченности объема можно считать переменным, в силу той причины, что в ряде жанровых разновидностей (например, в тезисах научного сообщения, конспекте, официальной телеграмме, в финансовом отчете) он отсутствует. Говоря о двух группах сжатых текстов: с ограниченным объемом и со свободным объемом, отметим, что заголовки относятся к первой группе.

Как известно, компрессия может проявляться в тексте на следующих шести уровнях:

1) фонологическом, или графемном (пропуск фонем или графем, сюда можно также включить и такие проявления языковой экономии, как редукция гласных, формирование новых гласных и дифтонгов);

2) морфологическом (образование различных видов сокращенных слов. пропуск детерминативов, бедность используемых глагольных времен и т.п.);

3) синтаксическом (использование менее развернутых конструкций в простых и сложных предложениях);

4) лексическом (пропуск слов в тексте, выбор более кратких синонимов);

5) синтактико-лексическом (пропуск служебных и вспомогательных слов);

6) семантическом (пропуск менее существенной части информации, если это не препятствует пониманию сообщения).

По нашим наблюдениям, компрессия стандартного заголовка наиболее заметно проявляется на семантическом и синтаксическом уровнях, хотя наблюдаются отдельные манифестации компрессии и на других уровнях.

Графические сокращения, по-видимому, можно считать очень эффективным средством сжатия текста, особенно в том случае, когда существует какой-либо полный вариант, с которым при необходимости можно сопоставить полученный сокращенный результат. Однако графические сокращения, как свидетельствуют наши исследования, практически на находят место в заголовках, то есть имеют низкую частотность использования. Как нам представляется, общей чертой для заголовков является использование наиболее распространенных общепринятых сокращений, появление которых не нарушает норм литературного языка, например:

Три пути метасинтеза в культуре XX-XXI вв.: А. Ф. Лосев, прот. А. Геронимус, Ю. С. Степанов [ФМ, 65].

В ряде заголовков могут встречаться нетипичные сокращения, включающие в том числе заимствованные слова, например:

Алгоритм Гауссовых целых для дискретного логарифмирования в GF(p) [ФМ, 98].

Еще одной особенностью заголовка как сжатого текста можно считать специфическое использование в нем знаков препинания. Как свидетельствуют лингвистические исследования, знаки препинания могут играть определенную роль в процессе построения сжатого текста, в частности следует отметить роль скобок, двоеточия, дефиса, многоточия, знака « /» и некоторых других. Так, скобки могут выполнять несколько типичных функций в сжатых текстах. Практически любой член предложения или его часть могут быть взяты в скобки с целью сокращения графической

формы построения без обозначения слов, которые уточняют, расширяют понятие, данное раньше, как, например,

Зондирование высокоширотной ионосферы методом наклонного обратного рассеяния ("*БИЗОН*") [ФМ, 98].

Увеличение количества аббревиатур в некоторых исследованных нами заголовках могло быть достигнуто без ущерба для содержательной стороны речевого произведения, однако, как нам представляется, их использование могло бы оказать отрицательное воздействие на стилистическую специфику текста, что, по-видимому, и препятствует более частому обращению к этому эффективному средству сжатия речевого произведения.

На синтаксическом уровне компрессия заголовка происходит, в первую очередь, за счет применения эллипсиса. Эллипсис (опущение элемента высказывания (текста). Пропущенный элемент может быть легко восстановлен в данном речевом или ситуативном контексте), по-разному проявляясь в различных жанрово-стилевых подсистемах языка, имеет широкое распространение и специфические особенности в сжатых текстах.

Общий эллипсис, присущий всем языковым подсистемам, по-видимому, не имеет специфических качественных отличий, но используется в заголовках более широко, чем в некоторых других речевых произведениях. Одной из форм его проявления можно считать, например, пропуск тех или иных частей предложения. По нашим наблюдениям, этот вид эллипсиса возможен в тех случаях, когда значение пропущенного члена может быть легко восстановлено с помощью ряда формальных показателей, например, при употреблении существительного в форме именительного падежа единственного или множественного числа в сочетании с цифрами:

Эллиптированные члены предложения в сжатых текстах могут восстанавливаться также без опоры на лингвистический контекст, но с учетом экстралингвистической ситуации. В качестве примеров текстов, восстановление эллиптированных частей которых возможно только при опоре на ситуацию, приведем следующее речевое произведение:

Изменчивость флуктуационных характеристик радиоволн при распространении ее через зону с высокой температурой [ФМ, 97].

В целом компрессия приводит к лаконизации текста, степень которой зависит от коммуникативной ситуации. Лаконизация в таком случае не есть сокращение текста за счет снятия части информации, но сокращение с сохранением полного объема информации. Следовательно, компрессия − это один из способов повышения информативности вербальных средств выражения (речевых единиц). И способ этот сводится к следующему: добиться построения такого текста заголовка, в котором был бы максимально выражен необходимый смысл при минимальной затрате использованных речевых средств.

ВЫВОДЫ

Для определения научного заголовка как особого лингвистического феномена основополагающим является идентификация специфических черт его синтаксической структуры. Проанализировав фактический материал, мы пришли к выводу, что заглавия представлены различными синтаксическими вариантами.

Эти разные типы заголовков в количественном отношении представлены непропорционально и распределены неравномерно. Существуют заглавия таких структурных типов, которые очень широко распространены в научном стиле. Другие же, напротив, встречаются достаточно редко либо вообще являются единичными.

1239 заглавий научных статей, материалов научно-технических конференций распределены нами по соответствующим группам и подгруппам с учетом отмеченных классифицирующих принципов. Материалы показывают, что из собранных нами заглавий самую обширную группу составляют заглавия - подчинительные словосочетания (их 648). Однако внутри этой группы отмечается количественная неравнозначность разных типов словосочетаний.

Наиболее частотными по употреблению оказались заглавия, выраженные сложным субстантивным словосочетанием (их 453), опорным компонентом которых служит имя существительное в именительном падеже. Заглавий же, выраженных простым субстантивным словосочетанием, значительно меньше (их 147). Заглавия-словосочетания, относящиеся к адъективному, к наречному и к глагольному типам, представлены единичными примерами.

На втором месте по частотности употребления находится группа заглавий − простых предложений (их 478). Интересно, что двусоставные заглавия − предложения встречаются несколько чаще, чем односоставные. Их соотношение 376:102. Активное употребление заглавий «предложенческого» типа − новая тенденция в развитии в научной литературе.

Реже употребляются в качестве заглавий сочинительные сочетания слов (их 295).

Группа заглавий, представляющих собой одно слово в форме именительного падежа, в нашем материале находится на четвертом месте по частотности (их 204).

Заглавия, выраженные различными предложно-падежными формами, в нашем материале встречаются еще реже (их 115).

Довольно многочисленную группу составляют заглавия, выраженные сложным предложением (в нашем материале их 132).

Изучение структурных типов заглавий может дать интересные факты для исследования соотношения заглавия и текста, а также для выявления общих закономерностей его функционирования. Показательно, что среди заглавий, выраженных предложно-падежными формами, доминируют словоформы с временным и локативным значением, которые определяют основные координаты действия.

Общей чертой для всех вариантов синтаксической структуры заголовка является их сжатость, которая достигается за счет различных способов компрессии.

В разделе подсчитан коэффициент, позволяющий судить о степени сжатия того или иного заголовка. По ряду параметров заголовок отвечает характеристикам сжатого текста и имеет высокий параметр информативной насыщенности.

Эллиптированные члены предложения в сжатых текстах могут восстанавливаться также без опоры на лингвистический контекст, но с учетом экстралингвистической ситуации.

Литература

1. Абрамова Н. Т. Методологические проблемы взаимосвязи целостности организации и управления: автореф. дисс. на соискание учен. степени д-ра филос. н.: 09.00.08 / Н. Т. Абрамова. – М., 1975. – 47 с.
2. Абрамова Н. Т. Монистическая тенденция развития знаний / Н. Т. Абрамова // Вопр. философии. – 1982. – № 9. – С. 78–86.
3. Александрова Н. А. Межгрупповое взаимодействие студентов в профессионально-проектной деятельности / Н. А. Александрова, Г. К. Паринова // Актуальные проблемы информатики и информационных технологий: матер. II Междунар. науч.-практ. конф. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. – С. 57–62.
4. Алексеев И. С. О понятии неконтролируемого воздействия / И. С. Алексеев // Вопр. философии. – 1984. – № 6. – С. 81–88.
5. Амбарцумян В. А. Диалектика познания эволюционных процессов во Вселенной / В. А. Амбарцумян, В. В. Казютинский // Вопр. философии. – 1981. – № 4. – С. 52–70.
6. Амбарцумян В. А. Методологические проблемы астрофизики [Электронный ресурс] / В. А. Амбарцумян, В. В. Казютинский // Магура. – 2005. – 9 дек. – 49,03 Кб. – Режим доступа: http://kirsoft.com.ru/mir/KSN ews_53.htm. – Заголовок с экрана.
7. Амосов Н. М. Моделирование информации и программ в сложных системах / Н. М. Амосов // Вопр. философии. – 1963. – № 12. – С. 26–34.
8. Аронов Р. А. К вопросу о логике микромира / Р. А. Аронов // Вопр. философии. – 1970. – № 2. – С. 123–125.
9. Аронов Р. А. Существуют ли нефизические формы пространства и времени? / Р. А. Аронов, В. В. Терентьев // Вопр. философии. – 1988. – № 1. – С. 71–84.
10. Артыков Т. А. О всеобщем и универсальном характере времени / Т. А. Артыков, Ю. Б. Молчанов // Вопр. философии. – 1988. – № 7. – С. 134–140.
11. Ахундов М. Д. Преемственность исследовательских программ в развитии физики / М. Д. Ахундов, С. В. Илларионов // Вопр. философии. – 1986. – № 6. – С. 56–65.
12. Белоцерковский О. М. Космос и образование / О. М. Белоцерковский // Вопр. философии. – 1974. – № 4. – С. 66–76.
13. Веккер Л. М. Психическое изображение как сигнал / Л. М. Веккер / Вопр. философии. – 1964. – № 3. – С. 14–149.
14. Вижье Ж. П. Некоторые методологические вопросы теории «Элементарных частиц» / Ж. П. Вижье // Вопр. философии. – 1961. – № 3. – С. 119–122.
15. Водовозов В. М. Эффективность вывода пучка электронов большого сечения из сильноточных ускорителей / В. М. Водовозов, К. И. Финкельштейн // VI Всесоюз. совещ. по применению ускорителей заряженных частиц в народном хозяйстве

(Ленинград, 1988, 11–13 окт.): тез. докл. – М.: ЦНИИатоминформ, 1988. – С. 319–320.
16. Водогрейные котлы с кипящим и интенсивно продуваемым слоем топлива для сжигания низкосортных углей и биомассы – результаты десятилетнего опыта разработки и эксплуатации: проблемы и перспективы // Исьемин Р. Л., Кузьмин С. Н., Коняхин В. В. и др. // Новости теплоснабжения. – 2008. – № 5. – С. 20–21.
17. Войтенко Г. Н. Время и часы как проблема теоретической биологии / Г. Н. Войтенко // Вопр. философии. – 1985. – № 1. – С. 73–82.
18. Волков Г. Н. Взаимосвязь науки и производства / Г. Н. Волков // Вопр. философии. – 1967. – № 2. – С. 27–37.
19. Волкова Э. В. Биологические системы и среда / Э. В. Волкова // Вопр. философии. – 1974. – № 7. – С. 82–89.
20. Волковысский Р. Ю. Об измерении в квантовой физике / Р. Ю. Волковысский // Вопр. философии. – 1964. – № 7. – С. 82–89.
21. Волькенштейн М. В. Современная физика и биология / М. В. Волькенштейн // Вопр. философии. – 1989. – № 8. – С. 20–33.
22. Гальпер А. М. Научная программа института космофизики МИФИ, осуществляемая на исз «ресурс-дк1-№1» [Электронный ресурс] / А. М. Гальпер // Научная сессия МИФИ-2006. Т. 7: Астрофизика. Космофизика. Математические методы. Ускорительная техника. – 2006. – 8,2 Кб. – С. 55–56. – Режим доступа: http://library.mephi.ru/data/scientific-sessions/2006/t7/0-4-2.doc. – Заголовок с экрана.
23. Головин Ю. И. Магниторезонансное разупрочнение кристаллов / Ю. И. Головин, Р. Б. Моргунов // Природа. – 2002. – № 8. – С. 49–57.
24. Дегтярева А. Е. Применение методов text mining для изучения и анализа международных научно-технологических проектов [Электронный ресурс] / А. Е. Дегтярева, Б. Г. Киселев, Д. М. Николаев // Научная сессия МИФИ-2007. Т. 14: Международное научно-техническое сотрудничество. Информационное право. – 2007. – 7,89 Кб. – Режим доступа: http://library. mephi.ru/data/scientific-sessions/2007/t14/0-1-20.doc. – С. 57–59. – Заголовок с экрана.
25. Иверс С. Интересное о паровом и конденсатном оборудовании / Свен Иверс // Новости теплоснабжения. – 2001. – № 3. – С. 89.
26. Импульсные CO2 лазеры для исследований в области физики плазмы и управляемого термоядерного синтеза / Авилов Ю. А. и др. // Вопр. атомной науки и техники. Сер.: Термоядерный синтез. – 1982. – Вып. 2. – С. 3–12.
27. Карцев В. П. Всегда молодая физика / В. П. Карцев. – М.: Сов. Россия, 1983. – 368 с.
28. Кучерова А. В. Композиция как компонент профессионального становления студентов на занятиях по основам дизайна / А. В. Кучерова // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. – 2010. – № 6 (92). – С. 207–209.
29. Ломоносов – 2012: матер. Междунар. молодежного науч. форума [Электронный ресурс] / отв. ред.: А. И. Андреев, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов, М. В. Чистякова. – 2012. – 4,12 Кб. – Режим доступа http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2012/index_2.htm. – Заглавие с экрана.
30. Малогабаритный ускоритель электронов на основе несамостоятельного разряда / Аброян М. А., Денисов С. С., Федяков В. П., Финкельштейн К. И. // V Всесоюз. симпоз. по ненакаливаемым катодам (Томск, 1985): тез. докл. – Томск: б/и, 1985. – С. 23–24.

31. Малогабаритный электронный ускоритель для технологических целей / Василевский М. А., Василевская Ю. А., Финкельштейн К. И., Янкин Е. Г. // Промышленная теплоэнергетика. – 1988. – № 1. – С. 7–10.
32. Моделирование процесса накопления научной информации в экспериментах на исз [Электронный ресурс] / А. Н. Гирин, С. В. Колдашов, П. Ю. Наумов, А. В. Бакалдин // Научная сессия МИФИ-2006. Т. 7: Астрофизика. Космофизика. Математические методы. Ускорительная техника. – 2006. – 7,58 Кб. – С. 63–64. – Режим доступа: http://library.mephi.ru/data/scientific-sessions/2006/t7/0-4-6.doc. – Заголовок с экрана.
33. Овчинников Ю. В. Искусственное композиционное жидкое топливо из угля и эффективность его / Овчинников Ю. В., Луценко С. В. // Перспективные энергосберегающие технологии и способы сжигания твердого топлива в котлах малой и средней мощности: науч.-практ. конф. (Кемерово, 2005, 15–18 нояб.). – Кемерово: ГУ «Кузбасский центр энергосбережения», 2005. – С. 18.
34. Петухов М. В. Программно-аппаратные комплексы трехмерной визуализации научных исследований [Электронный ресурс] / М. В. Петухов, П. В. Садовников // Научная сессия МИФИ-1998. Т. 9: Конф. студ. и молодых ученых. Компьютерные науки. Информационные технологии. – 1998. – 7,56 Кб. – С. 66–68. – Режим доступа: http://library. mephi.ru/data/scientific-sessions/1998/9/624.html. – Заголовок с экрана.
35. Северинец Г. Н. Внедрение модернизированной горизонтально-щелевой (подовой) горелки для чугунных секционных отопительных котлов / Г. Н. Северинец, В. Ю. Безруких, В. С. Слепченок // Новости теплоснабжения. – 2003. – № 1. – С. 13–14.
36. Соколов М. А. Автоматизированная система управления водогрейными котлами КВГМ-100 тепловой станции / М. А. Соколов, Л. Е. Цветков // Современные технологии автоматизации. – 2002. – № 1. – С. 16–19.
37. Способ выявления дефектных трехэлектродных разрядников в генераторах импульсных напряжений: а. с. СССР № 1433205: заявл. 15 окт. 1986 / Василевский М. А., Василевская Ю. А., Финкельштейн К. И., Чернобровин В. И. // Бюлл. информации. – 1989. – № 14. – С. 12.
38. Финкельштейн К. И. Инженерно-физические вопросы разработки и создания электронных пушек большого сечения с многоструйными взрывоэмиссионными катодами: отчет о НИР (ДСП) / К. И. Финкельштейн; НИИЭФА. – инв. № 1465. – М., 1988–1990. – 55 с.
39. Финкельштейн К. И. Метод генерации последовательности сверхкоротких импульсов излучения: а. с. СССР № 824852: заявл. 30 янв. 1980 / К. И. Финкельштейн, А. И. Фомичев // Бюлл. информации. – 1983. – № 24. – С. 19.
40. Щелоков Я. М. Мазут как топливо. Рекомендации по рациональному использованию / Я. М. Щелоков // Новости теплоснабжения. – 2001. – № 6. – С. 15–18.
41. Щелоков Я. М. Мазут как топливо. Рекомендации по рациональному использованию / Я. М. Щелоков // Новости теплоснабжения. – 2001. – № 6. – С. 15 –18.
42. Русский язык: энцикл. / гл. ред. Ф. П. Филин. – М. : Сов. энциклопедия, 1979. – 432 с.
43. Синтаксис современного русского языка: учебник для филологических специальностей университетов СНГ / Г. Н. Акимова, С. В. Вяткина, В. П. Казаков, и др.; под ред. С. В. Вяткиной. – СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ , 2008. - 347 с.

44. Харченко Н. П. Заглавия, их функция и структура (на материале научного стиля современного русского языка) : автореф. дис. … канд. филол. наук : спец. 10.02.01 / Н. П. Харченко. – Пермь. — Ленинград , 1968 – 21 с.

ФУНКЦІЙНО-ПРАГМАТИЧНІ ТА СТИЛІСТИЧНІ ПИТАННЯ МОВИ ТА МОВЛЕННЯ

==========

КОНЦЕПТ АНГЛИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (ОТСИСТЕМНЫЙ ПОДХОД)

Плахтий А. А., Панченко Е. И.

1. Методы и приемы анализа лингвального воплощения концепта АНГЛИЯ

Когнитивный подход, как отмечается в лингвистической литературе, позволяет представить функционирование языка непосредственно в его связи с окружающей действительностью путем выявления некоторых закономерностей указанного процесса. С помощью когнитивного подхода становится возможным описание сложных процессов передачи и обработки информации, которые связаны с использованием языка и которые участвуют в организации знания и представлений о мире. Эти процессы занимают центральное место в процессе массовой коммуникации. Когнитивная теория

употребления языка выступает в качестве одного из главных компонентов общей теории коммуникативно-языкового взаимодействия.

Значение слова, представляющего собой суть, ядро концепта, наиболее полно и разносторонне может быть понято с помощью словаря. Языки — это поистине лучшее зеркало человеческого духа, и путем тщательного анализа значения слов мы лучше всего могли бы понять деятельность разума.

В современной лингвокогнитивистике существуют различные методики исследования вербализации того или иного концепта в языковой картине мира. В настоящий момент наиболее известны методики исследования концептов, описанные В. И. Карасиком, В. А. Масловой, З. Д. Поповой, И. А. Стерниным и другими лингвистами.

В. И. Карасик называет следующие элементы в анализе отдельного концепта: «1) дефинирование – выделяются смысловые признаки, например, категориальный статус, тематическая конкретизация, характеристика, внешняя отрицательная оценка, внутренняя отрицательная оценка, модальность долженствования; 2) контекстуальный анализ – выделяются ассоциативно связанные смысловые признаки; 3) этимологический анализ; 4) паремиологический анализ; 5) интервьюирование, анкетирование, комментирование» [1, с. 92].

Общепринятыми приемами лингвокогнитивного описания концептов можно считать:

− определение ключевого слова, представляющего данный концепт в языке, базовых языковых репрезентаций концепта («имени» заданного концепта);

− построение и анализ семантемы ключевого слова, вербализующего концепт в языке (анализ словарных толкований в словарях разных типов);

− анализ лексической сочетаемости ключевого слова, чтобы установить важнейшие черты соответствующего концепта;

− изучение многозначности слова в процессе ее развития: анализ очередности появления новых значений слова позволяет установить определяющие это развитие черты изучаемого концепта;

− построение лексико-фразеологического поля ключевого слова: анализ синонимов и антонимов ключевого слова, определение его гиперонима и согипонимов;

− построение и изучение деривационного поля ключевой лексемы;

− построение лексико-грамматического поля ключевого слова;

− применение экспериментальных методик;

− анализ паремий и афоризмов, в которые входит как изучаемое ключевое слово, так и оценки называемого им концепта;

− анализ художественных текстов для выявления таких признаков, которые приобрели в составе концепта символический смысл; а также для выявления индивидуально-авторских концептов в художественных произведениях;

− анализ устного, разговорного словоупотребления;

− описание концепта как набора признаков, необходимых и достаточных для включения его в некий логический класс.

Концептуальный анализ целесообразно использовать в сочетании с фреймовым анализом. Язык как основное средство фиксации, хранения, переработки и передачи информации выступает в качестве своеобразной системы различных блоков, или структур знания. Эти когнитивные структуры Р. Лэнекер назвал «cognitive domains» (когнитивные сферы) [2, с. 3], Дж. Лакофф — ментальными пространствами [3, с. 16], а Ч. Филлмор назвал фреймами [4].

Н. Н. Болдырев считает, что фрейм − это «структурированная единица знания, в которой выделяются определенные компоненты и отношения между ними» [5, с. 61] на том основании, что фреймы обладают внутренней структурой, элементы которой представлены сложной конфигурацией слотов, или терминальных узлов.

Ж. В. Никонова отмечает, что фрейм как единица когнитивного уровня представляет собой опосредованную структуру, соединяющую область когнитивного тезауруса с языковым, смыкаясь смысловыми узлами схемы с соответствующими компонентами семантической структуры языковой единицы (семами), актуализирующей соотносимый с нею фрейм в сознании носителей языка [6].

Фреймовый анализ — это метод исследования взаимодействия семантического и мыслительного пространств языка, который

позволяет моделировать принципы структурирования и отражения определенной части человеческого опыта, знаний в значениях языковых единиц. Для анализа значений той или иной лексической единицы в когнитивном аспекте необходимо установить область знания, лежащую в основе значения данного слова, и структурировать ее, т. е. смоделировать фрейм, определяющий данное значение. Фреймовый анализ, наряду с концептуальным анализом, дает возможность выявить конкретные концептуальные характеристики того или иного концепта и показать специфику концептуализации предметов и явлений в семантике языковых единиц.

При анализе концепта, на наш взгляд, целесообразно использовать два подхода: отсистемный и отттекстовый.

Отсистемный подход предполагает лексикографическое представление концепта, сюда входит выявление слов — основных репрезентантов значений концепта; систематизация лексического материала в лексико-семантические группы и их парадигматическое описание. В рамках оттекстового подхода анализируются средства выражения концепта в пределах художественного текста; рассматриваются синтагматические отношения слов внутри контекста; рассматриваются образные средства — индивидуально авторские составляющие концептов.

Экспериментальный метод в языкознании появился во второй половине XIX-го века и вначале ассоциировался в первую очередь с инструментальной фонетикой. Метод стилистического эксперимента как один из первых его вариантов был предложен А. М. Пешковским и заключался в искусственном придумывании стилистических вариантов к тексту. Принципиальные особенности речевой деятельности, выявляемые в эксперименте, характерны для нее и в других, не экспериментальных ситуациях. Поэтому провести четкую грань между типичными и нетипичными, естественными и искусственными ситуациями исследования речевой (языковой) деятельности практически невозможно.

Как отметил Ю. Д. Апресян, «можно десятилетиями собирать факты и ни разу не заметить семантического секрета слова, который оно мгновенно отдает в условиях острого эксперимента» [7, с. 54].

Рассмотрим дефинирование концепта АНГЛИЯ в различных словарях, учитывая этимологию ключевого слова, осуществим фразеологический анализ в данном разделе и проведем контекстуальный анализ и интервьюирование респондентов в следующем разделе диссертации. Таким образом, в данной статье мы исследуем концепт АНГЛИЯ с отсистемных позиций (на основе словарей).

Комплексное использование разных методов и приемов исследования в работе позволяет предложить оптимальную методику решения поставленных задач.

Отражение концепта АНГЛИЯ в русской лексикографической практике

Как отмечается в лингвистической литературе, соотношение терминов «концепт» и «значение» рассматривают с двух основных точек зрения. Представители первого подхода — Д. С. Лихачев [8], В. П. Москвин [9; 10] — считают, что концепт соотносится со словом в одном из его значений, лексическое значение неизмеримо шире концепта. Д. С. Лихачев отмечал, что концепт более узок, чем словарное значение слова, так как «охватить значение во всей его сложности человек просто не успевает, иногда не может, а иногда по-своему интерпретирует его» [8, с. 4].

Другие лингвисты — С. А. Аскольдов-Алексеев [11], В. И. Карасик [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**], В. А. Маслова [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**] — придерживаются взгляда на концепт как на значительно более широкий феномен; лексическое значение представляет лишь часть концепта, обеспечивая при этом наилучший доступ к его содержанию. Указанная точка зрения на соотношение концепта и значения положена в основу нашего исследования.

Как указывает В. А. Маслова, концепт — ментальный конструкт, имеющий сложную ядерно-полевую слоистую структуру. В более широком смысле структуру концепта можно представить в виде круга, в центре которого лежит основное понятие, ядро концепта, а на периферии находится все то, что привнесено

культурой, традициями, народным и личным опытом… Ядро – это словарные значения той или иной лексемы… Периферия же – субъективный опыт, различные прагматические составляющие лексемы, коннотации и ассоциации [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 42−45].

Для достижения цели нашего исследования определим языковые репрезентанты концепта АНГЛИЯ, выявим их прямые (первичные) значения, опишем способы и средства вербализации концепта АНГЛИЯ в русскоязычной лексикографии, представим структуру концепта АНГЛИЯ на материале словарных дефиниций.

Наше исследование словарного отражения концепта АНГЛИЯ включает комплексный анализ лексикографического представления таких лексических единиц, как «Англия», «англичанин», «англичанка», «англичане», «английский» и некоторых других их производных.

Наиболее важной композиционной частью словарной статьи, основным компонентом в структуре её текста является дефиниция. Словарная дефиниция выступает основным способом репрезентации семантической структуры языковых единиц, результатом абстрагирования от многочисленных контекстных употреблений конкретного значения слова. Существует множество вариантов построения словарной статьи, сочетания ее компонентов (Ю. Д. Апресян, Р. А. Будагов, В. В. Виноградов, В. В. Дубичинский, А. И. Киселевский, Ф. П. Сороколетов, Н. Ю. Шведова и др.).

Несмотря на ряд еще не решенных проблем, современная толковая лексикография разработала свои приемы и способы интерпретации лексического значения слова в словарной статье путем его толкования, включающего систему грамматических, стилистических помет; дефиницию (определение) лексического значения и иллюстративный материал как средство семантизации слова.

Традиционно различаются следующие компоненты представления семантической структуры слова в толковом словаре: 1) значение (прямое или переносное); 2) оттенок значения (прямой или переносный); 3) более или менее устойчивое сочетание, в котором одно из слов имеет связанное значение; 4) терминологическое словосочетание, в котором слово (или его

значение) терминологизируется; 5) фразеологизм, в котором слово не имеет собственного значения, порабощается фразой, становится компонентом фразеологизма (А. И. Молотков); 6) «оттенок оттенка» (большей частью особое синтаксическое употребление, образное употребление, не ставшее переносным оттенком; 7) образное употребление в синтаксической конструкции сравнения.

Материалом нашего исследования послужили более 100 словарных статей из филологических и энциклопедических изданий. Их анализ позволил нам провести следующие наблюдения.

Лексема АНГЛИЯ не встречается в толковых словарях русского языка. Группы лексикографических изданий, где толкуется ключевое слово изучаемого нами концепта, можно разделить на подгруппы:

- энциклопедии и энциклопедические словари (Энциклопедические словари, Большая советская энциклопедия, Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона);
- частные тематические энциклопедии (Всемирная история, Географические названия мира: Топонимический словарь, Историческая энциклопедия, Энциклопедия кино, Энциклопедия «Кругосвет» и другие издания);
- частнолингвистические словари (словари синонимов, этимологический словарь, Тезаурус русской деловой лексики).

Проанализируем основные семантические компоненты имеющихся словарных статей.

В первую очередь, АНГЛИЯ связывается в общественном сознании с конкретной страной, и это понимание отражено в значениях соответствующих лексем в энциклопедических словарях русского языка.

Заметным явлением в русской лексикографической практике стал Большой энциклопедический словарь (БЭС). Считаем целесообразным уделить некоторое внимание его истории, так как она имеет определенное влияние на концепцию представления в нем интересующей нас статьи «Англия». Энциклопедический словарь был впервые издан в 1953−1955 гг. и включал справки об исторических событиях, СССР, зарубежных странах, об отраслях науки и техники, о политических деятелях и деятелях науки, литературы, искусства, объяснение научных терминов из области философии, экономики, естествознания, медицины и других отраслей

знания. Его продолжением явилось издание «Советский энциклопедический словарь», выпускавшееся издательством «Советская энциклопедия» в 1979, 1982, 1984, 1986, 1990 годах. Затем последовал Большой энциклопедический словарь − универсальный однотомный энциклопедический словарь, выпускавшийся в 1991 (1-е издание); 1997 (2-е издание, переработанное и дополненное); 2002 (3-е издание, переработанное и дополненное), который позиционируется как универсальное справочное издание, охватывающее все области современного знания.

В Энциклопедическом словаре 1953 года лексема «Англия» определяется следующим образом:

АНГЛИЯ, составная часть Великобритании. Площ. 131,8 т. км^2. Нас. 41,5 млн. чел. (1951). Гл. город – Лондон. Название «А.» часто употребляется для обозначения всей Великобритании [13].

В данной словарной статье всего 24 слова. С точки зрения содержания налицо такие компоненты, или фреймы, как название — географические данные (площадь, население) — соотношение с названием страны (три элемента).

Таким образом, данная статья является очень короткой, дает прецизионную информацию, избегая каких-либо качественных оценок. В этой статье также наблюдаем широкий спектр способов построения сжатого текста, каковым является словарная статья: краткие предложения, эллипсис подлежащего или сказуемого, графические сокращения, скобки, условные обозначения.

Более позднее издание Энциклопедического словаря (1991) значительно расширяет сведения о ключевом слове, добавляя информацию об этимологии имени и административном делении страны:

АНГЛИЯ (England − позднелат. Anglia), административно-политическая часть Великобритании, ее историческое ядро. 131 тыс. км² (54% площадь государства). 46,2 млн. человек (1991). Главный город − Лондон. Административно разделена на 39 графств и 6 метрополитенских графств и Б. Лондон. Название от древнегерманского племени англов. Иногда название «Англия» употребляется для обозначения Великобритании в целом [14].

Указанная словарная статья состоит из 49 слов. В тексте статьи можно выделить следующие семантические компоненты, или фреймы: название – место в структуре страны – географические данные (площадь, население) — города — этимология (всего 5 элементов).

В статье наблюдается такая новация, как введение латинского шрифта (название страны в современном и историческом вариантах написания). Прецизионная информация уточняется указанием на процентное соотношение территории Англии и Великобритании. Уделено больше внимания истории (упоминание о племени англов) и административному делению страны.

Интересно, что социально-политические изменения (стремление к равноправию всех частей страны привело к более широкому использованию понятия «Великобритания») выражены в анализируемых статьях с помощью наречий: в первом словаре использовано слово «часто» (то есть через короткие промежутки времени), во втором − «иногда» (т. е. время от времени) слово «Англия» заменяет «Великобритания».

Словарная статья с заголовочным словом АНГЛИЯ в следующем издании Энциклопедического словаря 2009 г. значительно объемнее и включает в себя 481 слово. В словарном тексте наличествует такое новое явление, как ссылки на другие статьи, их общее количество составило 18, в основном это ссылки на название городов; в статье также встречаются ссылки на терминологические единицы (*конурбация*). Компоненты образуют следующую фреймовую структуру: место в структуре страны — географические данные (площадь, население) — города — этимология — промышленность (подробно) — сельское хозяйство — транспорт — административное деление (8 компонентов).

Суммируя диахронические изменения толкования ядра концепта АНГЛИЯ в Энциклопедическом словаре (1953, 1991, 2009 гг.), отметим, что эти изменения в содержательном плане касаются модификаций в стране, как количественных (изменение численности населения и другие цифры), так и качественных (соотношение понятий Англия и Великобритания). Информация, представленная в словаре, постоянно расширяется и дополняется, увеличивается в объеме. Новые технические возможности словаря (более тонкая

бумага и мелкий шрифт в бумажном варианте, возможность использования гиперссылок и неограниченность объема в электронной форме) дают возможность совершенствования вербализации ядра интересующего нас концепта.

Другим известным энциклопедическим изданием является Большая советская энциклопедия. Рассмотрим далее статью АНГЛИЯ в БСЭ. Объем этой статьи составляет 369 слов. Представлена ссылка на лексическую единицу ВЕЛИКОБРИТАНИЯ. Семантические компоненты включают следующий набор: место в структуре страны — этимология — географические данные (площадь, население) — административное деление — промышленность и города (информация о городах представлена подробно) — сельское хозяйство — транспорт (общее количество — 7 компонентов). Ссылка построена таким образом: *О природе, истории, экономике, культуре А. см. в ст. Великобритания* [49].

Исторически одним из первых энциклопедических изданий является словарь Брокгауза и Ефрона [20]. Определенный интерес представляет собой толкование лексемы АНГЛИЯ в данном словаре.

***Англия**, в тесном смысле слова − южная часть острова Великобритании, между Ла-Маншем, Сев. морем, Шотландией, Ирландск. морем и Атлантическ. океан.; занимает вместе с Уэльсом (Валлисом) 151015 кв. км. с 33,7 милл. нас. Берега скалистые со множеством бухт и хороших гаваней, поверхности А. представляют низменную и плодородную страну (на В. И ЮВ.). Горы Кембрийские, Пенинская цепь, Корнваллийские и Девонские на З. и СЗ. Около 50 судоходных рек (Темза, Уз, Северн, Мерси, Гембер, Тайн, Тис, Ди и др.) и обширная система каналов, много живописных озер. Климат морской, умеренно-мягкий; средняя годовая температура на С. 7,4°, на Ю. 12° Ц. Пахотных полей 35%, лугов и пастбищ 39,7%, леса 4,5%. Каменный уголь, железо, медь, олово, каолин. Крупнейшая хлопчатобумажная и металлургическая промышленность. Делится на 52 графства, главный город Лондон; 32 города, свыше 100 тыс. жителей. А. в обширном смысле, см. Великобритания.*

В данной статье представлено больше информации, касающейся физической географии страны, чем это подается в современных словарях. Здесь наблюдается значительное количество номинативных предложений, несколько большее разнообразие сокращений. Общий

объем статьи 135 слов. Используется нетипичная для энциклопедического издания эмоционально окрашенная лексика: *хорошие гавани, живописные озера*.

Описанное выше противопоставление понятий Англия — Великобритания здесь также своеобразно отражено с помощью антонимичных прилагательных *в тесном смысле — в обширном смысле*, что в современном русском языке можно выразить как в узком смысле — в широком смысле.

Следующим видом словарей, в которых представлено ключевое слово концепта АНГЛИЯ, являются частноэнциклопедические издания. Они меняют ракурс описания в зависимости от своей направленности. Так, Словарь «Географические иназвания мира» фокусирует внимание на истории и развитии слова АНГЛИЯ как топонима:

АНГЛИЯ — адм.-полит, часть гос-ва Великобритания. Название от герм. этнонима англы, англии — это герм. племя вторглось в Британию около V в. и в VI в. основало первое королевство с названием Англия. Впоследствии Англия (England) стала истор. ядром гос-ва Великобритания и в неофициальной сфере название Англия нередко используют для обозначения всего гос-ва. См. также Великобритания [16].

В данной статье снова находит отражение рассмотренное нами выше восприятие Англии как замены понятия Великобритании — здесь указывается на неофициальный характер употребления слова *Англия* в таком значении, и появляется еще одно наречие – *нередко*, что свидетельствует об исторически меняющемся соотношении понятий Англия — Великобритания.

Энциклопедия туризма [22] практически повторяет текст Энциклопедического словаря 2009 года. Несколько сокращенный вариант этой статьи представлен в Исторической энциклопедии.

Энциклопедия кино посвящает статью не стране, а одноименному фильму:

АНГЛИЯ *— (England), Германия, 2000, 97 мин. Драма. Эта история рассказывает об искателе приключений, бывшем «чернобыльце» Валерии Сикорском. Когда доктора говорят Валерию, что дни его сочтены, он убегает из больницы. Он хочет попасть в Англию…* [55].

Следующим типом словарей, где представлено слово *Англия*, являются словари частнолингвистические, которые освещают отдельные лингвистические аспекты лексемы АНГЛИЯ. Так, опираясь на различные словари синонимов [2015; 418], можно представить следующий синонимический ряд с доминантой АНГЛИЯ:

Альбион, Британия, британский лев, Великобритания, Соединенное Королевство, Объединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, владычица морей, Джон Буль, туманный Альбион, родина футбола.

Общее количество синонимов в этом ряду равняется десяти, из них четыре являются географическими названиями, по отношению к которым в слове АНГЛИЯ наблюдается семантический перенос (*Британия, Великобритания, Соединенное Королевство, Объединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии).* Синонимы *Альбион и туманный Альбион* можно отнести к условно поэтическим названиям, историческими обстоятельствами обусловлены перифразы *британский лев, владычица морей* и *родина футбола.*

Альбио́н (Albion, слово кельтского происхождения) − древнейшее название Британских островов, известное ещё древним грекам, в частности упоминаемое у Птолемея и перешедшее затем в древнеримскую литературу. В настоящее время термин употребляется в Англии в возвышенном стиле, в других странах − обычно в несколько ироническом смысле. В русской дореволюционной литературе часто употреблялось выражение «коварный Альбион», чем характеризовалась двуличная политика английской дипломатии. Что же до определения «туманный» (англ. foggy, полностью The Foggy Albion), то оно обязано своим существованием прославленному густому морскому туману, постоянно окутывающему низменные части островов Великобритании.

Британский лев − один из символов на гербе Великобритании – на обычном варианте герба два льва и семь леопардов: шесть армированных лазурью золотых леопардов на щите, по три в 1-м и 4-м полях четверочастно разделённого щита (они соответствуют Англии). Червлёный, армированный лазурью лев во втором поле

олицетворяет Шотландию. Золотой коронованный лев в качестве щитодержателя поддерживает щит справа [433].

Англия ассоциируется также с карикатурным персонажем *Джоном Буллем*. Джон Булль – символ типичного англичанина, созданный карикатуристом и писателем Джоном Арбетнотом в 1712 году. Высокий рост и дородность Джона Булля символизируют имперские замашки Англии, долгие годы остававшейся колониальной державой [16].

Подробный анализ стилевой отнесенности данных синонимов представлен в Тезаурусе деловой лексики русского языка [44]: **Syn:** Альбион (*кн.*), Великобритания (*кн.*), Объединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии и Словаре синонимов русского языка: туманный Альбион; владычица морей, британский лев *(устар.*); Джон Буль *(устар. шутл.)* [15].

Одним из видов частнолингвистических словарей являются словари этимологические, которые анализируют диахроническое развитие топонима *Англия*:

АНГЛИЯ в XVIII в.: Аглия; из польск. Anglia от лат. Anglia; отсюда áнгли́йский; о его старой форме аглинской (XVII в.) см. выше. Форма англичáнин, по-видимому, представляет собой новообразование от прилаг. áнглицкий, в основе которого лежит польск. anglik, по аналогии гáлицкий: галичáнин. Об ударении прилаг. см. польск. Angliskaziemia. Ср. также ягляне [48;16; 17].

Таким образом, в последнем словаре отмечается существование ряда исторических вариантов ядра интересующего нас концепта: АНГЛИЯ, АГЛИЯ; и субконцептов *áнгли́йский, аглинской, áнглицкий*, что расширяет поле исследования лексикографической вербализации концепта. Слово *ягляне* представлено в словаре следующим образом:

(мн.) – название племени англов на территории Англии, только др.-русск. агляне (Пов. врем. лет, см. Шахматов, Пов. врем.). Из англос. Engle, -an, мн. ч., м. «англы», лат. Anglii, др.-сканд. Englar, см. Экблом. Точно так же ср.-греч. «англичане» [18].

Данные словаря свидетельствуют о том, что концепт АНГЛИЯ имеет долгую историю представления в русском языке, где он появился, по крайней мере, в XVII веке.

Лексические единицы, связанные с ключевой лексемой синтагматически, номинируют различные концептуальные признаки

исследуемого концепта «АНГЛИЯ»: «является государством»; «представляет нацию»; «описывается с точки зрения географических, политических, экономических, социологических и лингвокультурных характеристик»; «является местом происхождения/родиной»; «имеет отличительные природные свойства».

Хотя словарные источники имеют различные способы выделения и представления значений, Основное значение ключевого слова образует центральный ядерный слой, что позволяет выявить три важнейших концептуальных признака концепта «АНГЛИЯ»: *«обозначает территорию», «является государством», «представляет нацию»*. Периферийные признаки данного концепта задаются производными значениями, носят открытый и изменчивый в диахроническом аспекте характер.

Лексикографическое представление периферии концепта АНГЛИЯ

Лексикографическое представление слов, называющих субконцепты концепта АНГЛИЯ, будет проанализировано в различных видах словарей по той же схеме, которая была предложена для анализа ядра концепта, то есть будут анализироваться статьи в энциклопедических, толковых и частнолингвистических словарях.

Начнем наш анализ с рассмотрения более общего субконцепта АНГЛИЧАНЕ, который имеет следующее энциклопедическое толкование:

АНГЛИЧАНЕ (самоназвание инглиш) – народ, основное население Великобритании. Общая численность 48500 тыс. чел. Основные страны расселения: Великобритания – 44700 тыс. чел. Другие страны расселения: Канада – 1000 тыс. чел., Австралия – 940 тыс. чел., США – 650 тыс. чел., Южно-Африканская Республика – 230 тыс. чел., Индия – 200 тыс. чел., Новая Зеландия – 188 тыс. чел., Мексика – 80 тыс. чел., Германия – 60 тыс. чел. Язык – английский. Религиозная принадлежность верующих: протестанты-англикане, методисты, часть – католики [15].

В словарной статье представлены такие 4 компонента, как соотнесение с гиперонимом *народ*, прецизионная информация о количестве англичан и их расселении, которая отделяет понятие англичан от Великобритании (характеризуется численность англичан, проживающих в других странах (за пределами Великобритании), язык и религиозная принадлежность.

Среди энциклопедических словарей отметим также Википедию (*https://ru.wikipedia.org/)*, поскольку в других лексикографических произведениях данный субконцепт не представлен. В указанном лексикографическом источнике дается подробная информация:

Англича́не (англ. Englishmen, English people) – народ, составляющий основное население Англии. Сформировался в Средние века на острове Великобритания из германских племён англов, саксов, фризов и ютов, а также ассимилированного ими кельтского населения острова. В настоящее время англичан, рассматривающих себя таковыми, насчитывается 50 миллионов человек. Английское этническое происхождение, учитывая граждан США, Канады, Австралии и ЮАР, имеют сегодня в мире около 110 миллионов человек.

Как указывалось выше, понятие «Англия» отсутствует в толковых словарях, но в них представлены субконцепты «англичане», «англичанин», «англичанка». Мы проанализировали 8 толковых словарей русского языка, начиная со Словаря церковно-славянскаго и русскаго языка (1847 г.) и заканчивая Большим толковым словарем русского языка под редакцией С. А. Кузнецова (2004). Слово *англичане* не вошло в толковые словари 19-го века, в остальных 6 словарях имеются такие словарные дефиниции:

А н г л и ч а н е, чан, мн. (ед. а н г л и ч ан и н, а н г л и ч а н к а.). 1. Народ германской этноязыковой группы, составляющий основное население Великобритании; представители этого народа.

АНГЛИЧАНЕ -чан, мн. (ед. ***англичанин****, -а, м.;* ***англичанка,*** *-и, мн. англичанки, -нок, -нкам, ж.). Нация, основное население Великобритании, а также лица, относящиеся к этой нации.*

АНГЛИЧАНЕ, ан, ед., -анин, а, м. Народ, населяющий Англию.

АНГЛИЧАНЕ -ча́н; мн. Народ, основное население Великобритании; представители этого народа. Англича́нин, -а; м.[410].

Англича́не мн. ***1.*** *Народ германской этноязыковой группы, составляющий основное население Великобритании.****2.*** *Представители этого народа .*

АНГЛИЧАНЕ, -ан, ед. -анин, -а, м. Народ, составляющий основное население Англии (шире − вообще Великобритании). II ж. англичанка, -и. II прил. английский, -ая, -ое.

В пяти словарных статьях гипоним АНГЛИЧАНЕ соотнесен с гиперонимом *народ*, в МАС — с гиперонимом *нация*; следующий признак указывает на то, что англичане составляют основное население страны (признак присутствует во всех дефинициях, кроме дефиниций Словаря Д. Н. Ушакова); в 4 дефинициях понятие уточняется словами «представители этого народа» или «лица, относящиеся к этой нации».

Дополнительный семантический признак появляется в толковом словаре Т. Ф. Ефремовой — указание на место языка данного народа в генеалогической классификации языков (*германская этноязыковая группа*).

Слово *англичане* не нашло освещения в частнолингвистических словарях.

Рассмотрим далее субконцепт АНГЛИЧАНИН, который получает следующую лексикографическую обработку. Это слово не подается в энциклопедических словарях. В толковых словарях даются квазидефиниции для единственного числа: *англичанин* и *англичанка*. Так, например, в словаре Т. Ф. Ефремовой данное слово представлено с помощью квазидефиниции следующим образом:

Англичанин *− м. см. англичане.*

Толкование указанной лексемы встречаем в ряде частнолингвистических словарей, например, в словаре иностранных слов, хотя, на наш взгляд, отнесение его к иностранной лексике является сомнительным.

АНГЛИЧАНИН *−(собств. им.). Человек этой народности.*

Данное слово также включено в словари синонимов, где оно является доминантой к словам *британец, бритт, альбионец, житель (туманного, сын) Альбиона, бритиш, годон, джентльмен, англосакс, сын Альбиона (высок., теперь шутл. и ирон.)* [36; 41].

Таким образом, в указанных изданиях представлено 10 синонимов, из них один имеет амбивалентную семантическую отнесенность, связанную с определенными историческими изменениями. В прошлом относящееся к высокому стилю сочетание *сын Альбиона* в настоящее время носит шутливый, иронический характер.

Значительное внимание в словарях уделяется склонению данного слова (см., например,

англичанин *− сущ., м., употр. сравн. Часто. Морфология: (нет) кого? англичанина, кому? англичанину, (вижу) кого? англичанина, кем? англичанином, о ком? об англичанине; мн. кто? англичане, (нет) кого? англичан, кому? англичанам, (вижу) кого? англичан, кем?…* [46].

С точки зрения орфографии определенную проблему представляют собой сочетания, которые включены в Орфографический словарь русского языка:

англичанин-камердинер *− англичанин-камердинер, англичанина-камердинера (через черточку)…*

англичанин-католик *− англичанин-католик, англичанина-католика* [34].

Следующим субконцептом мы считаем единицу АНГЛИЧАНКА, которая, как показывают наши исследования, несколько шире представлена в толковых словарях, чем вариант мужского рода, хотя отсутствует в энциклопедических изданиях.

Эта лексема толкуется в толковых Словарях Д. Н. Ушакова, БТС, в издании «Современный толковый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой» и в Словаре синонимов, отсутствует в словарях 19-го века, в БАС и МАС , Словаре С. И. Ожегова.

Сравним имеющиеся дефиниции:

АНГЛИЧАНКА *− АНГЛИЧАНКА, англичанки, жен. 1. женск. к англичанин. 2. Англия (фам.). Англичанка подгадила*.

Англичанка *— I ж. 1. разг. Преподавательница английского языка. 2. устар. Представительница англичан, приглашавшаяся в качестве гувернантки в дворянские семьи. II ж. Представительница народа германской этноязыковой группы, составляющей основное население Великобритании*.

АНГЛИЧАНКА *-и; мн. род. -нок, дат. -нкам; ж. 1. к Англичанин. 2. Разг. Преподавательница английского языка в средней школе, училище, вузе и т. п. 3. В дворянских и буржуазных семьях России до 1917 г.: гувернантка (преимущественно английского происхождения), обучающая детей этому языку, культуре, обычаям, правилам поведения в обществе*.

В первом варианте мы видим квазидефиницию, опирающуюся на форму мужского рода слова *англичанин*, и метонимический перенос обозначения представителя народа на название всей страны.

Во втором варианте слово является полисемантом, первое значение которого − профессиональная роль англичанок в образовании в России, тогда как национальная принадлежность представлена вторым значением. В данной статье также уделяется внимание генеалогической классификации языка интересующего нас народа.

Расширенное толкование получает слово *англичанка* в словаре С. А. Кузнецова. В данной словарной статье дефиницию можно охарактеризовать следующим образом: 1) квазидефиниция, соотносящая слово женского рода с соответствующим ему словом мужского рода; 2) слово входит в лексико-семантическое поле «образование», где имеет два значения, отличающиеся диахронически: «преподавательница» в современном социуме и «гувернантка» в дореволюционном обществе». Метонимическая замена концепта СТРАНА в данной дефиниции отсутствует.

Словарь синонимов предлагает такие варианты: *британка; учительница, гувернантка, преподавательница* .

Представлена интересующая нас лексема также в грамматических словарях: **англичанка** – *англичанка, англичанки, англичанки, англичанок, англичанке, англичанкам, англичанку, англичанок, англичанкой, англичанкою, англичанками, англичанке, англичанках*.

Таким образом, ядро концепта АНГЛИЯ находит отражение в энциклопедических изданиях, или научной картине мира, его субконцепты – в толковых лексикографических трудах.

Концепт АНГЛИЯ вербализуется в лексикографии также с помощью ряда лексем, связанных с ключевым словом концепта как однокоренные или этимологически близкие, которые можно считать

дальней периферией концепта. В «Словообразовательном словаре русского языка» дается такое словообразовательное гнездо, включающее 25 слов: *Англи(я), англичанин, англичанка, английский, англез, англицизм, по-английски, англизировать, англо-китайский, англомания, англоман, англоманка, англоманство, англоманский, англо-русский, англо-советский, англофил, англофильство, англофильский, англофоб, англофобство, англофобский, англо-французский, русско-английский, советско-английский*.

Мы не будем включать в материал нашего исследования сложные прилагательные типа *англо-русский*, так как одной из характерных особенностей образования сложных имен прилагательных, сводимых из двух прилагательных, является «исключительная свобода и легкость, с которой эти слова без видимых формальных ограничений могут возникать «по ходу речи», то есть прилагательные данного типа могут носить окказиональный характер. Без них количество элементов словообразовательного гнезда составит 19 слов.

Рассмотрим далее, диахронию появления этих слов в русской лексикографической практике.

Одним из первых словарей, в котором появилась интересующая нас лексика, является Словарь церковно-славянского и русского языка [42], где представлено 6 единиц с корнем *англ*-, из них 4 связаны с понятием «англизировать», 2 – с пристрастием ко всему английскому (англомании). Ключевые слова анализируемого нами концепта и субконцептов в словаре не представлены.

АНГЛИЗИРОВА́ННЫЙ, ая, ое, − и ъ, а, о, *прич. стр. гл.* англизировать. *Англизированный жеребецъ.*

АНГЛИЗИРОВА́НІЕ, и, я, *ср.* Дѣйствіе англизирующаго.

АНГЛИЗИРОВА́ТЬ, рую, руешь, *гл. д.* Обрѣзывать хвостъ у лошади по примѣру Англійскихъ заводскихъ лошадей.

АНГЛИЗИРОВА́ТЬСЯ, руюсь, руешься, *гл. стр.* Быть англизируему.

АНГЛОМА́НІЯ, и, е, *ж.* Пристрастіе ко всему Англійскому.

АНГЛОМА́НЪ, а, е, *м.* Пристрастный ко всему Англійскому.

Новый словотолкователь Н. М. Яновского дает толкование таких слов, как *англез, англизировать, английский рожок, англицизм, англоман* [57].

В словаре В. И. Даля приведена только одна словарная статья с заголовочным словом «*Англизировать*», включающая в себя и ряд других понятий. Этот словарь построен по гнездовому принципу, то есть в одном гнезде, которое относится к одному исторически исходному корневому слову, представлены все однокоренные слова, образованные с помощью разных способов словообразования и словообразовательных элементов.

АНГЛИЗИРОВАТЬ лошадь, окорнать хвост по-английски, подрезав сухие жилы сысподу репицы, чтобы она поднялась; куцохвостить; англизироваться, быть англизируему. ***Англизирование*** *ср. англизировка ж. действие по значению глаг., куцохвощенье.* ***Англизировщик*** *м. мастер этого дела.* ***Англичанить*** *или* ***англичаниться****, подражать в быту или в приемах англичанам.* ***Англомания*** *ж. пристрастие к Англии и к англичанам, к языку и быту их.* ***Англоман*** *м.* ***англоманка*** *ж. страстный приверженец всего английского.* ***Англицизм*** *м. английский склад, оборот речи, напр. Это хорошо для ничего; каждый человек ничего не знает. Английская соль, горькая соль, эпсомская, зедлицкая; сернокислый горькозем (магнезия), слабительное. − земля, бурая краска, умбра, окрашенная железом тонкая глина; − болезнь, Rachitis, золотуха, поразившая кости с изменением состава и вида их: искривление костей; рожок, духовое музыкальное орудие, схожее с гобоем.*

Таким образом, в данной словарной статье можно выделить несколько содержательных компонентов (6 без учета квазидефиниций), которые в рамках современной терминологии мы могли бы назвать слотами, под которыми понимаются терминальные узлы, добавляющие специфические детали, новую информацию о стереотипной ситуации:

1) обращение с лошадью;
2) подражание быту англичан;
3) лингвистическая единица;
4) устойчивые сочетания, в которые входят ядерные единицы концепта;
5) болезнь;
6) музыкальный инструмент.

В толковых словарях 20-го и 21-го веков перечисленные элементы представлены в различных словарных статьях, что облегчает нахождение нужной информации.

Количество словарных статей, относящихся к концепту АНГЛИЯ, представленных в БАС и в словаре Т. Ф. Ефремовой, составляет 27. Заголовочными словами в обоих словарях являются следующие: *англез, англизированный, английский, англиканизм, англиканский, англиканство, англицизм, англичане, англичанин, англичанка, англоман, англомания, англоманка, англоманский, англоманство, англосакс, англосаксонец, англосаксонский, англосаксонцы, англосаксы, англофил, англофильский, англофильство, англофоб, англофобский, англофобство, англоязычный.* Эту лексику можно разделить на несколько групп (или слотов) с общим значением – танец; уподобление англичанам; религия в Англии; жители Англии – современные и древние; любовь и нелюбовь к Англии.

В МАС представлено значительно меньшее количество словарных статей с корнем –АНГЛ, их количество составляет 12: *англизировать, английский, англиканский, англицизм, англичане, англоман, англомания, англоманство, англофил, англофильство, англофоб, англофобство*. Сюда не включена группа слов, обозначающая общее название для древних племен или современное общее обозначение англичан и американцев (англосакс, англосаксонец).

БТС представляет следующую номенклатуру слов с корнем *АНГЛ-* (20)*: англизировать, английский, англиканизм, англиканство, англичане, англичанка, англичанин, англоман, англомания, англоманский, англоманство, англофил = англомáн, англофильский, англофильство, англофоб, англофобский, англофобство, англосаксы, англоязычный.*

В Словаре Д. Н. Ушакова представлено 19 однокоренных слов: *англизировать, англизироваться, английский, англиканский, англицизм, англичане, англичанка, англо, англоман, англомания, англоманка, англоманский, англоманство, англофил, англофильский, англофильство, англофоб, англофобский, англофобство.*

Количество слов, обозначающих периферию концепта АНГЛИЯ в Словаре С. И. Ожегова, равняется 8: *английский, англиканский, англиканство, англицизм, англичане, англо-, англоман, англофоб.*

Проанализируем далее общие и дифференцирующие особенности представления указанных групп слов в различных словарях. Лексикографическое представление обозначения жителей Англии было рассмотрено выше, при описании субконцептов АНГЛИЧАНЕ, АНГЛИЧАНИН, АНГЛИЧАНКА.

Слово *англизировать,* заголовочное в Словаре В. И. Даля, представлено во всех словарях, кроме Словаря В. И. Ожегова (в БАС и в Словаре Т. Ф. Ефремовой в форме *англизированный*, в Словаре Д. Н. Ушакова — в форме *англизироваться*) и получает такое определение:

Такой, как в Англии, у англичан. Англизированная лошадь. Лошадь с коротко подстриженным хвостом (как было принято в Англии).

Слова, связанные с религией Англии, толкуются следующим образом:

Англиканство, а, ср. Одна из основных разновидностей протестантской церкви, возникшая в Англии в XVI в. (в современной Великобритании − государственная религия).

Образованные от этого слова однокоренные *англиканизм, англиканский* толкуются с помощью отсылочных определений (квазидефиниций): *то же, что англиканство*. В БТС *англиканство* получает следующее определение: *-а; ср. Одна из разновидностей протестантской церкви, возникшая в Великобритании в 16 в., по культу и организации близкая к католицизму (в догматике сочетаются положения протестантизма о спасении личной верой и католицизма о спасающей силе церкви). − Англика́нский, -ая, -ое. А-ая церковь. А. священник*.

Это толкование включает такие компоненты, как гиперонимическая отнесенность (разновидность религии) – хронологическое уточнение (16-й век) – отличия и сходства по отношению к католицизму.

Синонимы *англофил(-ьство-, -ский), англоман(-ия, -ский, -ство)* и антонимы *англофоб(-ство, -ский)* представлены во всех словарях. Следует отметить, что явление англомании и обозначающее его

слово имеет длинную культурную и лексикографическую историю. Исследователь этого явления С. В. Литвинов отмечает: «Словарь русского языка XVIII века относит первое появление слова «англоман» к 1776 году. В то время англомания представлялась как неумеренная любовь ко всему английскому. Первым словарем, который зафиксировал понятие «англоман», был словарь Н. Яновского (1803 год). … С течением времени в русском языке менялось значение понятий «англомания», «англоман» от резко отрицательного в XVIII веке до нейтрального в наши дни. Причем интересно отметить, что в английском и французском языках, откуда это понятие пришло в русский язык, понятия «англомания» и «англофильство», а соответственно и понятия «англоман» и «англофил» различаются по значению. Первое рассматривается как «сильное или преувеличенное восхищение Англией и ее учреждениями», «мания по отношению к тому, что является английским», «образ жизни, который предполагает преувеличенное и систематическое подражание всему, что связано с Англией», второе же − как «любовь к английскому». Таким образом, из анализа эволюции понятия «англомания» на протяжении почти двух столетий, с начала XIX века до наших дней, можно утверждать, что значение его претерпело достаточные изменения; из отрицательно-насмешливого оно трансформировалось в нейтральное, определяющее данное понятие как «пристрастие», что не несет на себе оттенка болезненности, того, что обычно понимается под «манией».

Во всех исследованных нами словарях имеются статьи, толкующие прилагательное *английский*. Основными значениями этого слова в БАС являются *1.Относящийся к Англии, англичанам, принадлежащий им. 2. Свойственный англичанам, такой, как у англичан;* в МАС − *-ая, -ое. прил. к* англичане, *к* Англия. *Английский язык;* в Словаре Т. Ф. Ефремовой − *1. Относящийся к Англии, англичанам, связанный с ними. 2. Свойственный англичанам, характерный для них и для Англии. 3. Принадлежащий Англии, англичанам. 4. Созданный, выведенный и т. п. в Англии или англичанами. II прил. Связанный с названием слабительного; английская соль*.

В Словаре С. И. Ожегова дефиниция слова *английский* имеет следующий вид:

АНГЛИЙСКИЙ, -ая, -ое. 1. см. англичане. 2. Относящийся к англичанам, к их языку, национальному характеру, образу жизни, культуре, а также к Англии, ее территории, внутреннему устройству, истории; такой, как у англичан, как в Англии. А. язык (германской группы индоевропейской семьи языков). Английские графства. А. парламент (парламент Великобритании). Английское сукно. А. костюм (прямой и строгий). Уйти по-английски (нареч.; незаметно, не прощаясь). Английский рожок − музыкальный духовой деревянный инструмент. Английская соль − слабительное средство.*

Представленное в БТС слово *Английский* имеет следующее толкование: *ая, -ое.1. к Англичане. А. язык. А-ая культура. А-ие туристы.2. Такой, как у англичан, в Англии. А-ая подтянутость. А-ая булавка (булавка с застёжкой). А. костюм (строгий костюм прямого покроя с небольшим отложным воротником). А. парк (парк, который напоминает естественный лес). По-англи́йски, нареч. Говорить по-английски. Одеваться по-английски. Уходить по-английски (не прощаясь).*

Особняком стоит слово «англез», представляющее собой заимствование из французского языка с корнем АНГЛ-: *Бальный танец, восходящий к английским народным танцам и распространённый в Европе XVII – XIX вв. 2. Музыка к такому танцу. 3. Музыкальное произведение в ритме такого танца.*

Таким образом, слова, представляющие собой ближнюю периферию концепта АНГЛИЯ, распределены в словарях следующим образом:

Таблица А.1

Лексикографическое представление ближней периферии концепта АНГЛИЯ

Словарь	Англичанин	Англичанка	Англичане
БАС	+	+	+
МАС	–	–	+
БТС РЯ	+	+	+
Словарь В. И. Даля	–	–	–
Словарь Т. Ф. Ефремовой	–	–	+
Словарь С. И. Ожегова	+	+	–

Словарь Д. Н. Ушакова	–	+	+

Включение или невключение ключевого слова субконцепта в тот или иной словарь зависит от объема словаря и от социолингвистических обстоятельств. Слова *англичане* или *англичанин* в ряде словарей заменяют друг друга с помощью квазидефиниций. Слово *английский* включено во все толковые словари.

Представим в таблице А.2. информацию о наличии в различных словарях слов, входящих в дальнюю периферию концепта АНГЛИЯ.

Таблица А.2.

Лексикографическое представление дальней периферии концепта АНГЛИЯ

Словарь	Англизировать (-ся, -нный)	Англикан-ство (-низм, -ский)	Англоман (-ия, -ский	Англо-фил (-ьский, -ство)	Англо-фоб (ски, -ство)	Англицизм	Англосакс (и производные)
БАС	+	+	+	+	+	+	+
МАС	+	+	+	+	+	+	—
БТС РЯ	+	+	+	+	+	+	+
Словарь В. И. Даля	+	–	–	–	–	–	–
Словарь Т. Ф. Ефремовой	+	+	+	+	+	+	+
Словарь С. И. Ожегова	+	+	+	+	+	+	–
Словарь Д. Н. Ушакова	+	+	+	+	+	+	–

Таким образом, если структурировать языковое воплощение концепта, то мы видим поле с именем концепта в ядерной части, где различные значения имени концепта АНГЛИЯ отражают его содержательное ядро, и периферию, которая заполняется «приращенными» значениями лексемы. Ядро концепта представлено

одной лексемой, включающей ряд семантических компонентов; в ближнюю периферию мы включаем субконцепты АНГЛИЧАНИН, АНГЛИЧАНКА, АНГЛИЧАНЕ; дальняя периферия является открытой структурой, которая может изменяться и пополняться.

Концепт АНГЛИЯ в его русском фразеологическом воплощении

Существующие методики изучения лингвистического воплощения концептов любого языка, как правило, обращают особое внимание на роль фразеологии. Фразеологический запас любого языка обладает уникальной способностью отражать картину мира носителей того или иного языка. Как указывает Н. Ф. Алефиренко, «фраземика – это величайшая сокровищница и непреходящая ценность любого языка. В ней, как и положено сокровищнице, хранится многовековой опыт трудовой и духовной деятельности народа, его история, нравственные ценности, религиозные воззрения и верования. Фраземика отражает мир чувств и образов, а также духовные и нравственные ценности народа. Кроме того, фраземика – неистощимый источник познания самого языка как развивающейся и изменяющейся системы».

Воплощение концепта СТРАНА в целом и концепта АНГЛИЯ, в частности, в русской языковой картине мира тесно связано с отношениями между людьми и между народами и в связи с этим выходит далеко за рамки чисто лингвистической проблемы. Как отмечает Е. Иванова, «основное направление исследования пословичной картины мира состоит в реконструкции пословичных концептов, прототипов и когнитивных структур, соотнесенных с группами пословиц. Пословичная картина мира рассматривается как когнитивная структура, результат познания мира социумом и упорядочивания полученного знания. С когнитивной структурой тесно взаимодействуют социальные, культурные, географические факторы и гендерные характеристики».

Специфическая черта фразеологических концептов, в отличие от лексических, вербализованных словами с прямыми денотативными

значениями, проявляется в том, что рациональный смысл ФЕ закодирован. Репрезентация фразеологического концепта вызвана желанием экспрессивно, образно отразить определенную мысль, дать эмоциональную оценку тому или иному феномену.

Включение в состав фраземики фразеологических выражений служит рубежом, разделяющим «узкое» и «широкое» понимание фразеологии. В. Н. Телия, делая обзор разных толкований объёма и границ фразеологии, пишет: «Некоторые авторы включают в объём фразеологии только два класса – идиомы и фразеологические сочетания, другие – ещё и пословицы и поговорки. К этому добавляют иногда речевые штампы и различного рода клише, а также крылатые выражения. Все эти типы единиц объединяются по двум признакам: несколькословность и воспроизводимость. Иными словами, широкий объём фразеологии можно определить как всё то, что воспроизводится в готовом виде, не являясь словом».

Собранный нами фактический материал соответствует названному широкому объему фразеологии, и его можно классифицировать следующим образом:

1) фразеологические единицы, относящиеся к субконцепту ИНОСТРАНЕЦ в широком смысле слова;

2) устойчивые выражения, не носящие образного характера, включающие в качестве ключевых слова, однокоренные с ядром и ближней периферией концепта АНГЛИЯ;

3) идиомы со словами, однокоренными к ключевым словам концепта АНГЛИЯ и его субконцептов, представленные в толковых и фразеологических словарях русского языка;

4) фразеологические сочетания, включающие неполностью адаптированные заимствования из английского языка;

5) афоризмы, относящиеся к ядерной и периферийной лексике интересующего нас концепта, представленные в словарях афоризмов.

Рассмотрим подробнее каждую из выделенных групп.

1. Анализ корпуса устойчивых выражений, содержащих упоминание об иностранцах в целом, свидетельствует о том, что в русской фраземике больше всего пословиц, включающих упоминание о татарах(36 паремий), немцах (34 пословицы), цыганах (22), украинцах (15), французах (11), греках (5 паремий).

Как оказалось, лексемы *Англия, англичанин* и *англичанка* практически отсутствуют в народной фразеологии. Поэтому мы посчитали целесообразным включить в анализ также переводные афоризмы, которые представлены в русских лексикографических изданиях, что, на наш взгляд, позволяет считать их вошедшими в русскую языковую картину мира.

Как видно из приведенных выше количественных подсчетов, особенно много фразеологизмов и паремий связано с образом немца, так как образ «немца» воспринимался русским политическим и обыденным сознанием не как экзоэтноним, а, скорее, в значении «немой» (иной) и «не мой» (чужой) и тем самым служил для создания внешних ориентиров русской национальной идентичности. По М. Фасмеру, древнерусское «ньмьць» − «человек, говорящий неясно, непонятно»: «иностранец», ньмьчинъ, «немец, любой иностранец». Представление о таких чертах немцев (или вообще иностранцев), как хитрость (*Немец хитер: обезьяну выдумал***;** *Хитра лиса, хитрее лисы − немец*), способность приспосабливаться к ситуации (*Немец, что верба: куда ни ткни, тут и принялся*), склонность руководить (*Родом из немчин, а указывать горазд*), предусмотрительность и практицизм немцев, а также их чрезмерные знания (*У немца на все струмент есть; Немецкая (т. е. точная, школярная) ученость*) а также расчетливость, переходящая в скупость, аккуратность, перерастающая в педантизм (*Настоящий немец*) всегда традиционно противопоставлялось исконным качествам русских.

Устойчивые выражения, не носящие образного характера, включающие в качестве ключевых слово АНГЛИЙСКИЙ, представлены во Фразеологическом словаре русского литературного языка и имеют следующую номенклатуру: *английский язык, замок, клуб, костюм, парк, рожок, английская болезнь, булавка, соль*, например:

Английский замок, врезаемый в дверь замок с пружинным устройством. – [Федор Васильевич] торопливо повернул защелку старинного английского замка и распахнул дверь. Маковский. – Щелкнул английский замок, дверь захлопнулась и он [Иван Антонович] остался один. Крутилин. Тихонов.

Как видно из приведенного перечня, данная группа устойчивых сочетаний не носит образного характера и ее значение является

исключительно денотативным, обозначая существующие в реальности конкретные предметы и объекты.

Типичной для лексикографического представления перечисленных устойчивых сочетаний во Фразеологическом словаре является трехкомпонентная структура словарной статьи, включающая в себя такие элементы:

1) заголовочное словосочетание;

2) краткое толкование:

3) иллюстрацию из художественного произведения, например: *Английский рожок − деревянный духовой музыкальный инструмент, возникший в XVIII в. из охотничьего гобоя, имевшего форму рожка. – Если мы спутаем звучание гобоя или даже кларнета с голосом их сородича – английского рожка, – не будем огорчаться. С. А. Морозов.*

В двух словарных дефинициях присутствует также стилевая помета, относящая сочетание к устаревшей лексике (*клуб*, *болезнь*).

Мы считаем целесообразным проанализировать типы толкований интересующих нас фразеологических единиц во фразеологических словарях, так как эти типы раскрывают способы вербализации концепта в русском языке на уровне переносных значений, в отличие от прямых значений, рассмотренных в предыдущем параграфе. Толкования, входящие в состав отобранных нами словарных статей, относятся к следующим типам (согласно классификации Д. И. Арбатского).

1. Толкование, относящееся к отсылочному типу дефиниций, дающее ссылку на синоним:

Английская болезнь (устар.) – рахит. -Ребенок, страдавший английской болезнью, согнувшей ему дугой ноги. ... подошел к отцу. Григорович .

2. Толкование, представляющее собой описательную дефиницию:

Английский <u>парк</u> – <u>парк</u>, в котором посадка деревьев и кустарников, планировка дорожек напоминают естественный лес. – Дорожки сада заросли, и телята, и лошади ходили по английскому парку. Л. Н. Толстой.

Для такого толкования типичным является повторение ключевого элемента заголовочного сочетания; в таком случае заголовочное слово является гиперонимом, толкование – гипонимом:

Английская булавка – булавка для застегивания одежды в форме согнутой пополам иглы. – [Он] взял из-под пресса свой партийный билет, запрятал его в потайной карман, долго возился, застегивая карман английской булавкой. Кетлин.

Английский костюм – костюм строгого покроя. -Худенькая, спортивного вида женщина в строгом английском костюме, она [Кот] не вызывала никакого удивления. Гранин.

В словаре, автором которого является Н. Н. Вашкевич, сочетание АНГЛИЙСКАЯ БУЛАВКА имеет другое толкование:

«булавка углом» От русского угол.

3. Толкование, в котором в описательную дефиницию включены дополнительные локативные обозначения, заключенные в скобки или выделенные с помощью тире:

Английский клуб и (устар.) английский клоб − в доревол. России − клуб, объединявший представителей высшего дворянства (обычно для отдыха. развлечений и т.д.). − [Чацкий:] Ну что наш батюшка / Все Английского клоба / Старинный верный член до гроба. Грибоедов. – По субботам адмирал неизменно обедал в английском клубе и оставался там часу до двенадцатого, играя в вист и преферанс. Станюкович.

4. Смешанное толкование, включающее в себя дефиницию и синонимичное сочетание:

Английская соль – лекарственный препарат, применяемый как слабительное средство: горькая соль.

5. Толкование описательного типа; в следующей статье прилагательное из заголовочного сочетания заменяется однокоренным существительным:

Английский язык – язык англичан, американцев (официальный язык Великобритании, США и других стран). – Современный английский язык возник в результате смешения двух языков – англосаксонского и норманнского (диалект французского). А. Леонтьев [429].

Как отмечалось в предыдущем разделе нашей работы, подобные словосочетания вошли в словарную статью с заголовочным словом АНГЛИЗИРОВАТЬ в Словаре В. И. Даля.

Таким образом, перечисленные выше устойчивые сочетания со словом *английский* (фразеологическим сочетания по классификации В. В. Виноградова) являются элементами лингвистической картины мира и не имеют образного характера.

3. Пословицы можно рассматривать как вариант моделей социального контекста, позволяющий человеку ориентироваться в разнообразных жизненных ситуациях: пословицы подводят итог частным ситуациям и определяют сценарий поведения.

В сборнике пословиц и поговорок, собранных В. И. Далем, интересующий нас концепт упоминается только один раз:

Настоящий англичанин (т. е. корчит барина, тороват, чудак и делает все по-своему).

Таким образом, В. И. Даль объединяет такие стереотипные для русского человека качества жителя АНГЛИИ, как снобизм, щедрость, независимость поступков, которая делает его странным «чудаком» в глазах русских.

Другое распространенное выражение, включающее одно из ключевых слов исследуемого концепта, – «*Англичанка гадит*» – выражение, обозначающее факт неявных действий (дипломатических, экономических, шпионских, пропагандистских) Великобритании против России (Советского Союза). Это выражение появилось и получило распространение в XIX веке (под «Англичанкой» понималась не просто Англия как страна, но и королева Виктория лично, которая стала королевой в 1837 году и правила до 1901 года). Можно считать, что это выражение представляет собой вариант гоголевского «Француз гадит»; оно вошло в Словарь русского языка Д. И. Ушакова.

В литературе прослеживаются различные варианты использования данного сочетания в стихотворениях Демьяна Бедного и Владимира Маяковского. Демьян Бедный пишет: «*А народ сидит да тужит: «Англичанка гадит»* («Правда», № 34, апрель 1917).

В. В. Маяковский использует несколько иной вариант фразеологизма:

Сложны

и путаны
пути политики.
Стоя
на каждом пути,
любою каверзой
в любом видике
англичанка мутит (имеются в виду интриги английской политики) («Рабочая Москва», М., 1927, № 234, 13 октября).

В Большой толково-фразеологический словарь М. И. Михельсона включена статья со словом *англичанка* в переносном смысле:

Англичанка − (народн.) Англия. Ср. Куда хочешь на турку, хошь на англичанку (иди)... больше я тебя часа держать не стану. М. Горький. Коноваловъ ….

Здесь также слово АНГЛИЧАНКА является перифрастическим обозначением страны.

4-й тип фразеологических единиц (ФЕ), включенных в проанализированные нами словари, представляет собой опосредованное отражение понятий, связанных с концептом АНГЛИЯ, в русской языковой картине мира. Среди ФЕ этого типа мы можем говорить о таких группах:

а) ФЕ, отражающие опосредованное восприятие ключевого слова концепта АНГЛИЯ;

б) ФЕ, имеющие в своем составе семантическую отнесенность к периферии концепта (АНГЛИЧАНИН, АНГЛИЧАНЕ);

в) ФЕ, связанные с вхождением концепта АНГЛИЯ в языковую картину мира в виде цитат и заимствований из английского языка.

В Словаре синонимов, как указывалось выше, в ряду с доминантой АНГЛИЯ присутствуют синонимы *Владычица морей* и *Альбион* с различными определениями. В Большом словаре крылатых слов русского языка эти синонимичные единицы получают подробное этимологическое и семантическое толкование.

ВЛАДЫЧИЦА МОРЕЙ. Публ. торж. Выражение восходит к англ. патриотической песне, написанной Дж. Томсоном (1700-1748). Перифрастическое назв. Британии. Одинокий протест не мог, конечно, ничего изменить. Билль был принят. Но никогда раньше отчуждение между Байроном и теми, кто стоял у кормила власти,

не было столь разительным. В то время, когда будущая владычица морей вступила в союз с самыми реакционными монархами Европы ради сохранения существующих устоев, поэт возвысил голос против деспотизма и политического гнета внутри страны и за рубежом. Разлад с официальной Британией становится неизбежным... (Нед., 1985, № 33).

Стилевая помета, которой снабжено выражение ВЛАДЫЧИЦА МОРЕЙ, относит данную ФЕ к публицистическому стилю в его торжественном регистре. Происхождение ФЕ также освещается в толковании и относит появление данного сочетания к 18-му веку. Использование указанной единицы иллюстрируется цитатой из произведения газетно-публицистического стиля.

Рассмотрим далее ФЕ КОВАРНЫЙ АЛЬБИОН.

КОВАРНЫЙ АЛЬБИОН. Книжн. неодобр. Выражение образовано на основе оборота Туманный Альбион (см.) *− древнего описательного назв. Британии. Самым ранним употреблением сочетания считают стихотворение маркиза де Ксимена, посвященное введению 5 октября 1793 г. во Франции нового республиканского календаря, где автор призывает атаковать на море «коварный Альбион» (*Poesie revolutionnaires et contrerevolutionnaires. Paris, 1821, v. 1, p. 160). *На основе крылатого выражения «Коварный Альбион» появились варианты «английское коварство», «коварный англичанин», «коварный остров». Оборот «коварный Альбион» вновь становится популярным во Франции после 12 мая 1803 г., когда Англия нарушила Амьенский мир, заключенный 25 марта 1802 г. под нажимом Бонапарта. В 1840 г., в связи со вступлением Англии в коалицию с Египтом и Турцией с целью разрешить военный конфликт без участия Франции и обострением англо-французских отношений, оборот снова стал актуальным. Г. Гейне писал в то время, что «коварный Альбион» − лозунг всех французов, за исключением легитимистов, ожидающих поддержки из-за рубежа* (Лютеция, 14-27 июля 1840).

Выражение «коварный Альбион», как видно из приведенной статьи, относится к книжному стилю и имеет отрицательную коннотацию («неодобрительное»). Данный оборот является аллюзией к выражению «туманный Альбион», которое получает свое дальнейшее семантическое развитие. В словарной статье также

представлены этимология данного выражения, возникшего в 18-м веке, и исторические сведения о его семантических изменениях.

В современном Большом словаре русских поговорок приведено еще несколько жаргонных выражений, относящихся к концепту АНГЛИЯ:

Английская королева. Жарг. студ. Шутл.-ирон. Студентка, которая переодевается несколько раз в день.

В данном выражении отражено представление о королеве Великобритании Елизавете Второй, которая на официальных мероприятиях, как положено по этикету, появляется в разной одежде и в разных шляпках. По мнению авторов словаря, выражение относится к студенческому сленгу.

Англо-русский словарь Жарг. шк. Шутл. Учитель английского языка.

Англоговорящий таракан Жарг. шк. Шутл. или Презр. Учитель английского языка.

Указанные фразеологические единицы, отнесенные авторами словаря к школьному жаргону, также носят шутливый характер, причем вторая единица более отрицательно коннотирована, выражает презрительное отношение к обозначаемому субъекту.

Английский снег. Жарг. авто. Вид светлой окраски автомобиля.

Данная фразеологическая единица относится к профессиональному жаргону автомобильного дела и входит в объемное лексико-семантическое поле «Цвет».

Далее проанализируем имеющиеся устойчивые сочетания, семантически связанные с концептом АНГЛИЯ, то есть ФЕ, воплощающие представление в русской языковой картине мира субконцепта АНГЛИЧАНЕ (АНГЛИЧАНИН).

В Большом словаре крылатых слов русского языка приводится цитата из песни «Дубинушка», которая толкуется как характеристика англичанина.

АНГЛИЧАНИН-МУДРЕЦ, ЧТОБ РАБОТЕ ПОМОЧЬ... Строка из старинной рус. народной песни «Дубинушка». Употр. как шутл.-положительная характеристика англичан и вообще иностранцев [380].

В данной статье содержится информация о том, что для русской картины мира было типично восприятие иностранца вообще,

иностранец – англичанин и иностранец – немец могли восприниматься как синонимы.

Опосредованно характеристика англичан представлена в некоторых статьях в словаре В. И. Даля, заголовочное слово которых не является однокоренным со словом *Англия*:

ЮМОР м. англ. веселая, острая, шутливая складка ума, умеющая подмечать и резко, но безобидно выставлять странности нравов или обычаев; удаль, разгул иронии. ... Юмористическое направленье или складка английской письменности. Англичане – юмористы, у них есть даже и юмористки.

НА ВОДКУ, на вино, на чай, на чаёк, подарок мелкими деньгами за услугу, сверх ряды. Когда Бог создал немца, француза, англичанина и пр. и спросил их, довольны ли они, то они отозвались довольными; русский также, но попросил на водку.

РАЗМИРЯТЬСЯ, размириться, прервать мир, нарушить согласие, поссориться, разбраниться, стать недругами, начать враждовать. Не успели помириться, опять размирились! Француз с англичанином подбили турка, он и размирился, и стал воевать с ними заодно.

Судя по этим статьям, англичане воспринимаются как люди с хорошим чувством юмора, довольные своей жизнью, однако воинственные.

Англичанин, по мнению В. И. Даля, обладает достаточным влиянием для того, чтобы добиваться похожести других людей на англичан:

ОБАНГЛИЧАНИТЬСЯ, стать по виду, по внешности и обычаям похожим на англичанина. Жена обангличанила его, она ведь англичанка [395].

Высокомерие, присущее образу англичанина в русской картине мира, отражено с помощью толкования и иллюстративного материала во Фразеологическом словаре:

Сквозь зубы (с глаг., обозначающим речь) − 1) очень мало открывая рот. Век с англичанами, вся английская складка: и так же он сквозь зубы говорит. Грибоедов. 2) перен. свысока, как бы нехотя, неотчетливо, из презрения к слушающему. Он с тобой не говорит, а цедит сквозь зубы.

3. Следующая группа устойчивых выражений, включенная в разнообразные словари русского языка, представлена цитатами и фразеологическими единицами, заимствованными из английского языка. Так в словаре В. П. Беркова помещена одна из наиболее известных пословиц:

МОЙ ДОМ – МОЯ КРЕПОСТЬ. Посл. Цитируется также по-англ.: My house is my castle (букв. Мой дом − мой замок). Приписывается англ. юристу Э. Коку, который употребил эту Посл. в «Третьем институте законов Англии» (гл.73 – 1628): *«Каждый может защищать свой дом против насилия, ибо дом человека − это его замок» (for a man's house is his castle). Посл., видимо, бытовала и ранее, о чем свидетельствуют ее параллели в других языках − напр., лат. Domus sua cuique est tutissumum refugium – «Свой дом – каждому безопаснейшее убежище». Дом любого человека неприкосновенен. Справедливы ли сегодня столь известные некогда английские поговорки: «Чем выше заборы, тем лучше соседи» или «Мой дом – моя крепость»?*.

В словари включены также известные цитаты из произведений английских авторов:

− Вильяма Шекспира:

ВСЁ ГНИЛО В ДАТСКОМ КОРОЛЕВСТВЕ. Состояние нестабильности, катастрофичности, обусловленное порочностью людей.

Истоки: трагедия У. Шекспира «Гамлет» (д. 1, явл. 4). *Эти слова (в английском оригинале: «Something is rotten in the state of Denmark») произносит Марцелло, с тревогой наблюдающий появление тени короля и встречу ее с Гамлетом. В других известных переводах формулировки несколько иные: «Знать, в Дании свершилось нечто злое»* (М. Вронченко, 1828), *«Я бедствия отечества предвижу»* (Н. Полевой, 1837), *«Нечисто что-то в Датском королевстве»* (А. Кронберг);

To be or not to be, that is the question – (англ.), Быть или не быть, вот в чем вопрос. См. Быть или не быть;

Умереть – уснуть. Из монолога Гамлета в одноименной шекспировской трагедии, начинающегося словами «Быть или не быть» (см. это выражение);

Слова! Слова! Слова! «Гамлет» Шекспира, действие 2-е, явление 2-е. [22].

− Олдоса Хаксли:

ПРЕКРАСНЫЙ НОВЫЙ МИР (ироническое). Мечта человека об идеальном мире. Истоки: заглавие романа-антиутопии английского писателя Олдоса Хаксли (1954). В другом переводе – «О дивный новый мир». Источник заглавия – выражение из пьесы У. Шекспира «Буря» (1612);

− Джона Вильсона:

ПИР ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ. Радость и веселье во время всеобщего бедствия. Истоки: Поэма английского поэта Джона Вильсона «Чумный город»;

− Джона Бэньяна и Вильяма Теккерея:

ЯРМАРКА ТЩЕСЛАВИЯ. Общество, в котором основными стимулами деятельности являются тщеславие и карьеризм. Истоки: книга английского писателя Д. Бэньяна «Путешествие пилигрима»;

− С. Паркинсона:

ЗАКОН ПАРКИНСОНА. Так говорят о господстве бюрократии в государственном аппарате. Истоки: книга «Закон Паркинсона» английского писателя С. Паркинсона;

− О. Лейярда:

Надлежащий человек на надлежащем месте. Цитируется чаще всего на языке первоисточника: The right man in the right place. Из речи английского дипломата и археолога Остена Лейярда (1817-1894) в палате общин в январе 1855 г. о назначении людей на «свои места»;

− выражение, принадлежащее неизвестному автору:

УТЕЧКА МОЗГОВ. Об эмиграции ученых. Истоки: выражение впервые возникло в Англии в 60-е гг. XX в..

С помощью этих выражений создается образ прогнившего государства, где господствуют карьеризм и бюрократия, в котором остается только мечтать об идеальном мире.

В русский язык из английского вошли также ономастические единицы, служащие своеобразным ярлыком для обозначения того или иного типа человека:

АГЕНТ 007 (ироническое). Разведчик, шпион.

Истоки: романы Яна Флеминга, герой которого Джеймс Бонд – успешный английский разведчик. Широко известен по многочисленным экранизациям романов.

ЛОВЕЛАС (ЛОВЛАС). Соблазнитель, искуситель, красивый мужчина, пользующийся популярностью у женщин. Истоки: роман английского писателя С. Ричардсона «Кларисса Гарлоу».

МЕЛЬМОТ-СКИТАЛЕЦ. Путешественник, странник. Истоки: название готического романа английского писателя Ч. Р. Мэтьюрина.

РОБИНЗОН. Храбрый, отважный человек. Истоки: роман английского писателя Д. Дефо «Жизнь и необыкновенные приключения Робинзона Крузо».

СИНИЙ ЧУЛОК. Человек, всецело поглощенный научными интересами. Истоки: в 1780-е гг. в Англии у леди Монтегю собирались люди, в основном женщины, для бесед на литературные и научные темы. Душою бесед был ученый Б. Стеллингфлит, который, пренебрегая модой, при темном платье носил синие чулки.

ЧАЙЛЬД-ГАРОЛЬД. Человек, попусту тратящий время, ведущий праздный образ жизни. Истоки: поэма английского поэта-романтика XIX в. Дж. Г. Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда».

Спектр коннотативного значения этих онимов достаточно разнообразен; они отражают отношение человека к окружающему его миру: он или поглощен своей деятельностью (ученый, разведчик (шпион), странник); или, напротив, представляет собой праздное, страдающее существо; отношение к людям – любитель флирта; с точки зрения оценки, можно считать, что ко всем им, кроме Робинзона, выражается явно или имплицитно критическое отношение.

4. Особую группу устойчивых сочетаний представляют собой непереведенные слова, заимствованные из английского языка. Одно из них, ставшее производным словом русского языка, особым образом толкуемое, встречается уже в Словаре В. И. Даля:

АСЕЙ, асейка м. арх. иноземец, особ. англичанин (от англ. I say, я говорю) [395].

Заимствования – фразеологизмы из английского языка, представленные в источнике, могут иметь следующие компоненты значения:

а) пунктуальность англичан, их серьезное отношение к профессиональной деятельности:

Time is money − (англ.), время − деньги, см. это выражение;

Trade mark − (англ.), торговая марка, торговый знак;

Two-power standard − (англ.), − господствовавшая в правящих сферах Англии до 1914 г. аксиома, что британский флот должен быть по меньшей мере на 10 процентов сильнее соединенного флота двух сильнейших после Англии морских держав. Послевоенный рост морских вооружений Америки опрокинул, как известно, эту аксиому британского империализма;

б) реалии английского быта и общественной жизни:

Five o'clock, five o'clock tea − (англ.), пять часов, пятичасовый чай;

High life − (англ.), дословно: «высокая жизнь». «Высший свет», «великосветское» общество, аристократия;

в) реалии политической жизни страны:

Upper Ten thousand – (англ.), см. The upper Ten − верхушка общества;

Foreign office − (англ.), министерство иностранных дел;

God save the King (или the Queen) − (англ.), боже, спаси короля (или: королеву). Начало английского национального гимна;

Hands off! − (англ.), Руки прочь! Грозный окрик Гладстона осенью 1878 г. по адресу Австро-Венгрии, захватившей Боснию и Герцеговину;

Home rule − (англ.), дословно: домашнее правление. Гомруль, автономия (обычно имеется в виду Ирландия);

г) разговорные выражения:

For ever − (англ.), навсегда, навеки;

Goddam − (англ.), чорт побери («прокляни бог»);

Humbug − (англ.), обман, надувательство.

Much ado about nothing − (англ.), Много шуму из ничего. Название комедии Шекспира;

Shocking! — (англ.), скандал! возмутительно!

В Словарь выражений И. Бунина включена одна из цитат на английском языке:

TO KEEP ONE'S TEMPER, англ. – держать себя в руках, сохранять хладнокровие. – Игнатик! – пробовала вмешаться Наталья Борисовна, делая страдальческое лицо и смеясь внутренним смехом. – Keep your temper, Sir!

В современном русском разговорном языке значительно увеличилось количество таких заимствований, и они носят ярко выраженный сленговый характер. Ироническое толкование таких выражений представлено в Словаре народной фразеологии В. К. Белко:

Ай, дую пиво эври дэй за дубовым тэйблом. Возможно, это кредо любителя пображничать, который с бокалом (простите, литровой банкой) пива регулярно сидит (опять промашка – топчется) в английском пабе (ну что поделаешь, снова надо поправляться – российской забегаловке) и упражняется в изучении иностранного.

Всё хоккей! Всё хорошо, отлично, на должной высоте. Игра слов: хоккей созвучно английскому о'кей!

Кейсом по фейсу. С английского на русский манер: портфелем – да по морде лица. Угроза физического воздействия.

В приведенных примерах находит отражение «программная лексика», которую изучают в школе, то есть наиболее типичные и заученные слова (стол, лицо, вопросительная форма do you, омонимичная в межъязыковом плане русскому разговорному слову «дуть» (в значении пить)).

5 тип. Рассмотрим далее лингвистическое воплощение исследуемого концепта в афоризмах, представленных в словарях.

Заслуживает внимания определение терминов, относящихся к исследуемому нами явлению. Под термином «паремия» большинство современных исследователей понимает афоризмы народного происхождения, прежде всего пословицы и поговорки, устойчивые в языке и воспроизводимые в речи анонимные изречения, пригодные для употребления в дидактических целях. Фольклорные афоризмы наряду с афоризмами нефольклорного происхождения образуют целый пласт языковых выражений, который входит во фразеологический фонд русского языка (в широком его понимании).

Авторские изречения называют афоризмами. По мнению Е. В. Патрушевой, «речевые афоризмы имеют в качестве обязательных дифференцирующих квалитативных признаков наличие автора, выразительность, прямой смысл, отточенность мысли, которая заключается в актуальности, злободневности затрагиваемой проблемы. Такие обязательные признаки языкового афоризма, как имплицитность (глубина мысли) и обобщенность, переходят в речевых афоризмах в разряд дополнительных, прирастающих за счет такого признака, как парадоксальность. Переход речевого афоризма в статус языкового детерминируется как экстралингвистическими (значимостью универсальности провозглашаемой ценности), так и лингвистическими факторами, а именно появлением переносного смысла и соответствием его языковой формы литературным канонам в меняющемся во времени лингвокультурном пространстве национального сообщества».

К исследуемому нами материалу также удобно приложить термин «эптоним» (Л. П. Дядечко). Как общее для всех типов крылатых слов (выражений) термин эптоним происходит от др.-греч. *epea pteroenta* «крылатые слова» и *onyma* «имя, название». Предлагается следующая терминосистема, в которой находит свое отражение иерархическая зависимость более частных понятий и соответствующих им терминов. Родовому наименованию эптоним подчинены видовые: собственно крылатые слова и собственно крылатые выражения. Синонимичным обозначением родового понятия выступает классический, наиболее распространенный в отечественной и широко применяемый в зарубежной филологии термин крылатые слова.

Не акцентируя внимания на хронологических и национальных рамках исследованных нами эптонимов, сгруппируем их в первую очередь в зависимости от положительной, отрицательной коннотации или отсутствия таковой.

По нашим наблюдениям, положительная коннотация в имеющихся афоризмах единична и скрыта под иронией: *Англичане – нация любителей, а не профессионалов; их генералы, равно как и их писатели, – любители. Именно поэтому мы всегда выигрывали войны и создали величайшую на свете литературу* (Дж. Б. Шоу).

Положительно оценивается присущее англичанам чувство долга:

Англия ожидает, что каждый исполнит свой долг. Сигнал-приказ, вывешенный адмиралом Нельсоном на своем флагманском корабле в день Трафальгарского сражения между английским флотом, с одной стороны, и испано-французским с другой. В этом сражении, закончившемся полным разгромом неприятельского флота, Нельсон был убит (21 октября 1805 г.).

По нашим подсчетам, около 20% проанализированных нами афоризмов могут быть отнесены к нейтрально-оценочным, например:

− *Не только Англия, но и каждый англичанин − остров* (Новалис).

− *На континенте Европы думают, что жизнь − это игра, а в Англии думают, что крикет — это игра* (Джордж Майкс (Микеш)).

− *Англичане путешествуют не для того, чтобы увидеть чужие края, а чтобы увидеть солнце* (Сэмюэл Батлер).

Большинство афоризмов об Англии и англичанах являются отрицательно коннотированными (около 75%). Следует отметить разную степень этой негативной оценки – от легкой иронии (*Молчание − английский способ беседовать* (Генрих Гейне)) до резкой гневной критики, что обусловлено историческими факторами:

− *Англичане! Вы великий народ, скажу больше – вы великая чернь. Удары ваших кулаков красивее ударов ваших шпаг. У вас есть аппетит. Вы – нация, пожирающая других* (В. Гюго).

Во фразеологическом воплощении концепта АНГЛИЯ можно выделить такие основания для отрицательной коннотации:

− крайний эгоизм англичан:

− *Англичане пишут слова «Я» и «Бог» с большой буквы, но «Я» − с несколько большей, чем «Бог»* (Пьер Данинос).

− *Буква I (я) − единственная, которую англичане пишут прописной; я нахожу, что это лучшее выражение их характера* (А. Г. Рубинштейн);

− отрицательная оценка политической системы страны:

Необходимость − отговорка тиранов; она предмет веры рабов. Английский государственный деятель Вильям Питт (1759−1806). В ноябрьской речи 1783 г. о политике правительства в Индии. По-видимому, Питт позаимствовал эту мысль у поэта Мильтона,

который в 4-й части «Потерянного рая» говорит: «Необходимостью, отговоркой тиранов, оправдывает он свои дьявольские дела».

− *Англию может погубить только парламент. Фраза Вильяма Сесиля Берли, английского государственного деятеля XVI века.*

− *Англия – мать парламентов. Фраза принадлежит политическому деятелю Англии Джону Брайту, пустившему ее в оборот в речи, произнесенной в Бирмингаме 18 января 1865 г.*;

− отрицательное отношение к представителям других наций:

− *В английском суде подсудимый считается невиновным, пока он не докажет, что он ирландец* (Тед Уайтхед);

− консерватизм англичан:

− *Англичане как ни одна другая нация в мире обладают способностью наливать новое вино в старые мехи* (Клемент Эттли).

− *Англичанин − человек, который делает что-либо, потому что так делали раньше* (Марк Твен);

− своеобразная искаженная мораль:

− *Англичанин задумывается о морали, только когда ему становится не по себе* (Дж. Б. Шоу) .

− *Англичанин уважает ваши мнения, но совершенно не интересуется вашими чувствами* (Уилфрид Лориер).

− *Я люблю англичан. Они выработали самый строгий в мире кодекс безнравственности* (Малколм Брэдбери).

− *У англичан всегда своя линия поведения – но не прямая* (Уинстон Черчилль).

− *Какая жалость, что в Англии нет иных развлечений, кроме греха и религии* (Смит Сидней).

В ряде афоризмов обращается особое внимание на хобби и интересы англичан:

− *Для англичанина признаться в своем полном невежестве по части лошадей − значит совершить социальное самоубийство: вас будут презирать все, и в первую очередь лошади* (Уолтер Селлар и Роберт Йитман).

− *В Англии я предпочел бы быть мужчиной, или лошадью, или собакой, или женщиной, − именно в этом порядке. В Америке порядок был бы обратный* (Брюс Гулд).

Бытовая нетребовательность англичан, вероятно, восходящая к кодексу пуританства 17-го века, также находит отражение в исследованных нами афоризмах:

− *Англичане обладают волшебным даром превращать вино в воду* (Оскар Уайльд).

Англичане – бесчувственные чудаки с болезненным цветом лица и ужасными зубами, которые когда-то завоевали полмира, но до сих пор не могут справиться с паровым отоплением. Они пьют подогретое пиво, моются в ледяной воде и варят любую пищу, в том числе и хлеб (П. О'Рурк).

Иронической критике подвергается отсутствие вкуса и утонченности у англичанок:

− *В Англии преобладают два типа женщин: одни не могут рассказать анекдот, другие не могут его понять* (Джермейн Грир).

− *Павлин в своем блеске не выставляет напоказ столько цветов, сколько можно насчитать в праздничном наряде англичанки* (Дж. Аддисон).

Мы придерживается точки зрения о том, что одним из признаков лингвокультурологического концепта можно считать его амбивалентность, то есть явление, когда один и тот же объект вызывает к себе у человека одновременно два противоположных чувства, например, удовольствия и неудовольствия, любви и ненависти, симпатии и антипатии. Таковую амбивалентность мы наблюдаем в ряде афоризмов об Англии и англичанах:

− *Англичане коллективно, как народ, плуты, индивидуально честны. Наоборот, французы, честные как народ, индивидуально – плуты* (Гонкур).

− *Из всех наций на свете англичане − самые глупые в беседе и самые умные в деле* (Т. Карлейль).

− *Британцы – единственный народ на свете, который любит, когда им говорят, что дела обстоят хуже некуда* (Уинстон Черчилль).

− *Исправить или прикончить. Ньюкасльская радикальная программа английской либеральной партии и лозунг Ллойд-Джорджа в отношении палаты лордов («Mend or end!»).*

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на уровне фразеологии концепт АНГЛИЯ и его субконцепты представлены

скудно; привлечение к анализу авторских переводных афоризмов, вошедших через лексикографические издания в русскую языковую картину мира, позволило отметить преобладание отрицательной коннотации в данных лингвистических единицах.

Особенности представления концепта АНГЛИЯ в электронных словарях

Помимо перечисленных выше неотъемлемых компонентов словарных статей в различных толковых и терминологических словарях, эти статьи включают или могут включать в себя и различные факультативные компоненты.

Электронный словарь имеет значительные возможности для использования в словарной статье различных видов иллюстраций (картинок, схем, анимации, звукового сопровождения), таким образом, статья может представлять собой креолизованный текст. Под данным термином понимается текст, фактура которого состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой и речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам нежели естественный язык). Эти две части креолизованного текста, сложного семиотически, разнонаправлены по своим функциям.

Понятие креолизованного текста предполагает новый подход к анализу изображения, предложенный Р. Бартом. В его концепции изображение предстает как полноценная коммуникативная система, способная передавать информацию и построенная, наряду с языковой, при помощи дискретных знаков, где в качестве означающего выступает изображенный объект, а в качестве означаемого − эмоционально-оценочные представления об этом объекте [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 300–301].

Результаты анализа практического материала, проведенного с учетом количества и типов невербальных компонентов текста, объектов изображения, показывают, что в лексикографическом представлении концепта проявляется направленность на изображение материальных объектов или ситуаций, связанных с описываемым концептом или его субконцептами. Имеющиеся

креолизованные компоненты можно соотнести с выделенными нами субконцептами.

Субконцепт СТРАНА представлен компонентом «карта» :

Субконцепты АНГЛИЧАНЕ, АНГЛИЧАНИН и АНГЛИЧАНКА представлены портретами знаменитых англичан и гиперссылками, позволяющими перейти к соответствующим словарным статьям:

Англичане

В этом креолизованном компоненте представлена информация о следующих персоналиях: 1ый ряд: Альфред Великий, Оливер Кромвель, Уильям Шекспир, Майкл Пэйлин, Джорджиана Кавендиш, Уолтер Рэли, Стинг, 2ой ряд: Елизавета I, Бобби Мур, Маргарет Тэтчер, Дэвид Бекхэм, Гарольд II Годвинсон, Кейт Уинслет, Чарльз

Диккенс, 3ий ряд: Адриан IV, Дэниел Крэйг, Исаак Ньютон, Джордж Харрисон, Джейн Остин, Деймон Албарн, Джордж Стефенсон.

При необходимости получения информации о каждой персоналии можно перейти к дальнейшим ресурсам. Так, например, имеется следующая информация о Джорджиане Кавендиш:

Джорджиана Кавендиш, Герцогиня Девонширская (англ. Georgiana Cavendish, Duchess of Devonshire; 7 июня 1757 − 30 марта 1806), урождённая Джорджиана Спенсер, первая жена Уильяма Кавендиша, 5-го герцога Девонширского, и мать Уильяма Кавендиша, 6-го герцога Девонширского. Джорджиана была знаменитой светской красавицей, собравшей большой круг литературного и политического бомонда. Она была также активным политическим деятелем в период, когда до предоставления женщинам избирательных прав оставалось ещё более ста лет.

Таким образом, структура словарной статьи может быть достаточно разнообразной, и одно из отличий электронного словаря от бумажного состоит в том, что компьютерная техника предоставляет составителям словаря дополнительные возможности, отсутствующие при составлении традиционного книжного словаря.

Словарная статья в толковом словаре – это своеобразный портрет слова. Термин «словарный портрет» был введен Ю. Д. Апресяном. Под этим названием понимается «исчерпывающая и неизбыточная характеристика свойств конкретной лексемы в рамках интегрального описания языка» [7, с. 15]. Лексикографический портрет отличается от привычного словарного описания, поскольку в него включаются некоторые принципиально новые типы информации о лексеме. Главное отличие словарного портрета от традиционного описания – его формализованность и наличие гиперссылок.

Обязательный компонент всех гипертекстов – ссылка – эксплицирует смысловые и структурные связи между информационным содержанием узлов гипертекста и характеризуется двунаправленностью, функционально связывая два текстовых или графических (или текстовое с графическим) изображения. В пределах гипертекстовой ссылки различают: источник ссылки – часть текста, текстовое или графическое

изображение на экране, через активизацию которых вызывается новый текст или изображение на экран; и объект ссылки – новый текст или изображение, появляющиеся в результате активизации ссылки.

Проиллюстрируем особенности насыщения текста словарной статьи ссылками следующим примером, где выделенные слова являются гиперссылками на другие лексикографические издания:

АНГЛЫ — древнегерманское племя. Римский историк Тацит упоминает англов в 98 н.э. среди прочих германских племен, населявших северо-западное побережье Германии. Беда Достопочтенный в 731 утверждал, что англы пришли в Британию из находящейся между землями ютов и саксов страны Ангулюс. Англо-саксонский хронист Этелверт отождествлял последнюю с западной частью земли Шлезвиг, доныне носящей название Ангельн. Подтверждения тому обнаруживаются в английских и датских преданиях, которые поминают предков королевских родов Мерсии и Уэссекса в связи с землей Шлезвиг. ... На протяжении нескольких веков королевства восточных англов, Мерсия и Нортумбрия, играли значительную роль в истории Англии. (Грин Дж. Р. История английского народа, т. 1. — М., 1891; Шервуд Е. А. От англосаксов к англичанам: к проблеме формирования английского народа. — М., 1988)

В других словарях:

/Реальный словарь классических древностей/

АНГЛЫ •Angli, германское племя, занимавшее середину Северо-Западной Германии и часть Кимбрского полуострова, откуда впоследствии (ок. 430 г. до Р. ...

/Русский орфографический словарь/

англы 'англы, -ов (племя)

/Большой Энциклопедический словарь/

АНГЛЫ – германское племя. Жили на юге п-ова Ютландия. В 5-6 вв. часть англов участвовала в англосаксонском завоевании Британии; по их имени ...

/Энциклопедия мифологии/

Англы (Angli). Германское племя, которое в V в. от Р. Х. вместе с саксами перешло в Британию.(Источник: «Краткий словарь мифологии и ...

Латинская транскрипция: [anglyi].

Общей особенностью структуры толковых электронных словарей, особенно словарей последних лет, является смешение различных языков и шрифтов, что можно проиллюстрировать, например, следующей статьей из словаря, где есть выделение цветом, курсивом, наличествуют гиперссылки:

АНГЛИЯ адм.-полит, часть гос-ва Великобритания. Название от герм, этнонима англы, англии — это герм, племя вторглось в Британию около V *в.* и в VI *в.* основало первое королевство с названием Англия. Впоследствии Англия *(England)* стала *истор.* ядром гос-ва Великобритания и в неофициальной сфере название Англия нередко используют для обозначения всего гос-ва. *См.* также Великобритания.

Таким образом, возможности электронного словаря позволяют дать комплексную характеристику концепта, объединив информацию из разных словарей и визуально облегчить его восприятие и понимание.

Итак, подведем итоги вышеизложенному.

Отсистемный подход к исследованию концепта предполагает анализ его лексикографического представления, что включает выявление слов – основных репрезентантов значений концепта; систематизацию лексического материала в лексико-семантические группы и их парадигматическое описание.

Лексема АНГЛИЯ встречается не в толковых, а в энциклопедических словарях русского языка. Суммируя диахронические изменения толкования ядра концепта АНГЛИЯ в Энциклопедическом словаре (1953, 1991, 2009 гг.), отметим, что эти изменения в содержательном плане касаются изменений в стране, как количественных (изменение численности населения и другие цифры), так и качественных (соотношение понятий Англия и Великобритания). Информация, представленная в словаре, постоянно расширяется и дополняется, увеличивается в объеме. Основными фреймами в дефиниции ядра концепта являются следующие: место в структуре страны — географические данные (площадь – население), города — этимология — промышленность — сельское хозяйство — транспорт — географическое деление. Данные словаря свидетельствуют о том, что концепт АНГЛИЯ имеет долгую

историю существования в русской языковой картине мира (по данным словаря, по крайней мере, с XVII века).

Субконцепты АНГЛИЧАНЕ, АНГЛИЧАНИН и АНГЛИЧАНКА широко представлены в толковых словарях, при этом последняя единица толкуется шире, чем вариант мужского рода.

Включение или невключение ключевого слова субконцепта в тот или иной словарь зависит от объема словаря и его основной целенаправленности. Слова *англичане* или *англичанин* в ряде словарей заменяют друг друга с помощью квазидефиниций. Слово *английский* включено во все толковые словари.

Фразеографическое отражение концепта АНГЛИЯ и его субконцептов можно свести к следующим группам фразеологических единиц: единицы, относящиеся к субконцепту ИНОСТРАНЕЦ в широком смысле слова; устойчивые выражения, не носящие образного характера, включающие в качестве ключевых слова, однокоренные концепту АНГЛИЯ; фразеологические сочетания, представленные в толковых и фразеологических словарях русского языка; фразеологические сочетания, включающие подчеркнуто выраженные заимствования из английского языка; афоризмы, относящиеся к ядерной и периферийной лексике интересующего нас концепта, представленные в словарях афоризмов. Анализ этого материала свидетельствует о том, что во фразеологии данный концепт представлен скудно; шире других используется субконцепт женского рода АНГЛИЧАНКА; ряд устойчивых сочетаний обозначает денотаты без образного компонента; в русскую картину мира на уровне словарей вошли заимствования и эптонимы, создающие образ английского государства и ряда типажей его жителей.

Креолизованные компоненты при толковании концепта АНГЛИЯ и его субконцептов представлены в электронном словаре двумя разновидностями: карта и портрет с соответствующими гиперссылками.

литература

1. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / Владимир Ильич Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.

2. Langacker R.W. The Cognitive Basis of Grammar. – N.Y.: Mouton de Gruyter, 1991. – 395 p.

3. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. − 1988. − Вып. 23. − С. 12−35.

4. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. − Вып. 23. Когнитивные аспекты языка.− М. : Прогресс, 1988. − С. 52−92.

5. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Курс лекций / Н. Н. Болдырев. − Тамбов : Изд-во ТГУ, 2001. − 123 с.

6. Никонова Ж. В. Фреймовый анализ как метод лингвистического описания вербальных структур / Ж. В. Никонова // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. – 2007. – Вып. 6 (50). – С. 229–234.

7. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного анализа / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37−67.

8. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста. Антология / Ин-т народов России; Моск. гос. лингвист. ун-т; Об-во любителей росс. словесности; Под ред. В. П. Нерознака. — М.: Academia, 1997. − С. 280−287.

9. Москвин В. П. Русская метафора: параметры классификации / В. П. Москвин // Филол. науки. − 2000. − № 2. – С. 66−74.

10. Москвин В. П. Русская метафора. Семантическая, структурная, функциональная классификация / В. П. Москвин. – Волгоград : Перемена, 1997. – 92 с.

11. Аскольдов-Алексеев С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / [сб. научн. работ / научн. ред. В. Н. Нерознак]. – М. : Academia, 1997. – С. 267–279.

12. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика : учебное пособие / В. А. Маслова. – 2-е изд. – Мн. : ТетрасСистемс, 2005. – 256 с.

13. Электронный фразеологический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.otrezal.ru/phraseological_dictionary.

14. Большой энциклопедический словарь : научное издание. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Большая Рос. энцикл.; СПб. : Норинт, 2009. – 1454 с.

15. Современная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.interpal.info/index.php/list/9-sovremennaya-entsiklopediya/1.xhtml

16. Современная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.interpal.info/index.php/list/9-sovremennaya-entsiklopediya/1.xhtml

17. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : Олма Медиа Групп, 2007. – 784 с.

18. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка: 180000 слов и словосочетаний / Д. Н. Ушаков. – М. : Альта-Принт [и др.], 2008. – 1239 с.

19. Берков В. П. Большой словарь крылатых слов русского языка. Около 4000 единиц / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова. − М. : АСТ, 2000. − 623 с.

20. Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона/ В современной орфографии. – Петербург: Издательское общество «Ф. А. Брокгауз – И. А. Ефрон", 1907-1909.

21. Всемирная история [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://world_history.academic.ru.

22. Зорин И. В. Энциклопедия туризма. Справочник / И. В. Зорин, В. А. Квартальнов. – М. : Финансы и статистика, 2003. – 368 с.

23. Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / Вадим Серов. – М. : Локид-Пресс, 2005. – 880 с.

Словари

1. Алефиренко Н. Ф. Фразеологический словарь. Культурно-познавательное пространство русской идиоматики / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Элпис, 2008. – 472 с.

2. Белко В. К. Жгучий глагол: Словарь народной фразеологии / В. К. Белко. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.litmir.me/br/?b=189327.

3. Берков В. П. Большой словарь крылатых слов русского языка. Около 4000 единиц / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова. − М. : АСТ, 2000. − 623 с.

4. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://bse.sci-lib.com/article057313.html

5. Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. – М., СПб. : Наука, 2004 – Т. 1. – 661 с.

6. Большой Российский энциклопедический словарь. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2005. – 1888 с.

7. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : Олма Медиа Групп, 2007. – 784 с.

8. Большой толковый словарь русского языка / [гл. ред. С. А. Кузнецов]. – СПб. : Норинт, 2004. – 1536 с.

9. Большой фразеологический словарь русского языка / [авт.-сост.: И. С. Брилёва и др.]; отв. ред. В. Н. Телия. – 4-е изд. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2009. – 782 с.

10. Большой энциклопедический словарь : научное издание. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Большая Рос. энцикл.; СПб. : Норинт, 2009. – 1454 с.

11. Большой энциклопедический словарь: В 2-х т. / Гл. ред. А. М. Прохоров. Т. 1: А – Н. – М. : Сов. энцикл., 1991 – 752 с.

12. Васильев А. И. Фразеологический словарь языка И. А. Бунина. – Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2011. – 400 с.

13. Вашкевич Н. Н. Избранные идиомы. Этимологический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://nnvashkevich.narod.ru/kng/IZBRIDIOM.htm

14. Войнова Л. А. Фразеологический словарь русского языка / Войнова Л. А., Жуков В. П., Молотков А. И., Фёдоров А. И. – 4-е изд., стереотип. – М. : Русский язык, 1987. – 543 с.

15. Всемирная история [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://world_history.academic.ru.

16. Географические названия мира: Топонимический словарь / Поспелов Е. М. – М. : Русские словари: Астрель: АСТ, 2002. – 512 с.

17. Даль В. И. Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, загадок, поверий и проч. / В. И. Даль. – М., 1862. – 1096 с.

18. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. / В. И. Даль; совмещ. ред. изд. В. И. Даля и И. А. Бодуэна де Куртенэ; [науч. ред. Л. В. Беловинский]. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2009. – 573 с.

19. Душенко К. В. Большая книга афоризмов. Изд. 5-е, исправленное / К. В. Душенко. − М. : Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. − 1056 с.

20. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: В 3 т. – Т. 1. – М. : АСТ, Астрель, Харвест, 2006.

21. Жуков А. В. Современный фразеологический словарь русского языка: около 1600 фразеол. единиц / А. В. Жуков, М. Е. Жукова. – М. : АСТ, 2009. – 444 с.

22. Займовский С. Г. Крылатое слово. Цитаты и афоризмы / С. Г. Займовский. – М. : Государственное издательство, 1930. – 156 с.

23. Зорин И. В. Энциклопедия туризма. Справочник / И. В. Зорин, В. А. Квартальнов. – М. : Финансы и статистика, 2003. – 368 с.

24. Историческая энциклопедия. – М. : Советская энциклопедия, 1973–1982.

25. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения / Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. – М. : Художественная литература, 1987. – 528 с.

26. Крылатые фразы наших дней [Текст] / [под ред. А. П. Ходасовой]. – М. : РИПОЛ КЛАССИК, 1999. – 574 с.

27. Лингвистический энциклопедический словарь [гл. ред. В. Н. Ярцева]. – М. : Сов.энциклопедия, 1990. – 685 с.

28. Литературный энциклопедический словарь [под ред. В. М. Кожевникова и П. А. Николаева]. – М. : Советская энциклопедия, 1987. – 752 с.

29. Максимов С. В. Крылатые слова и выражения русского народа / С. В. Максимов. − М. : ЭК- СМО-Пресс, 2001. – 83 с.

30. Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона/ В современной орфографии. – Петербург: Издательское общество «Ф. А. Брокгауз – И. А. Ефрон", 1907-1909.

31. Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. / М. И. Михельсон. − СПб. : тип. Ак. наук, 1896−1912. − 2208 с.

32. Национальный корпус русского языка. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.ruscorpora.ru.

33. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; под ред. Л. И. Скворцова. – 26-е изд., испр. и доп. – М. : Оникс, 2009. – 1359 с.

34. Орфографический словарь русского языка: 80 000 слов : [А-Я] / под ред. С. Г. Бархударова. – М. : Оникс, 2008. – 783 с.

35. Петрова М. В. Словарь крылатых выражений / М. В. Петрова. – М. : Рипол Классик, 2011. – 639 с.

36. Русский ассоциативный словарь: В 6 т. – М. : Помовский и партнеры, 1994–1998.

37. Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / Вадим Серов. – М. : Локид-Пресс, 2005. – 880 с.

38. Словарь синонимов русского языка. Практический справочник / З. Е. Александрова. – М. : Русский язык, 2011. – 568 с.

39. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / Чудинов А. Н., 1910 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_fwords/.

40. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1981. – Т. 1. А−Й. − 698 с.

41. Словарь синонимов русского языка: В 2-х т. / АН СССР, Институт русского языка. Под ред. А. П. Евгеньевой. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1970.

42. Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный Вторымъ Отделениемъ Императорской Академіи наукъ. – СПб. : Тип. Императ. Акад. наук, 1847. – Т. 1 : А-Ж. – 1847. – 416 с.

43. Современная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.interpal.info/index.php/list/9-sovremennaya-entsiklopediya/1.xhtml

44. Тезаурус русской деловой лексики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.lingvo-online.ru/ru/LingvoDictionaries/Details?dictionary...Ru).

45. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2-х т. / А. Н. Тихонов. – 2-е изд., стер. – М. : Русский язык, 1990. – Т. 1. А−П. – 856 с.

46. Толковый словарь русского языка под редакцией Д. В. Дмитриева. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://dic.academic.ru/contents.nsf/dmitriev/.

47. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка: 180000 слов и словосочетаний / Д. Н. Ушаков. – М. : Альта-Принт [и др.], 2008. – 1239 с.

48. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка = Russisches etymologisches Wörterbuch / перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. – 2-е изд., стереотипное. – М. : Прогресс, 1986. – Т. 1–4.

49. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13 000 фразеологических единиц / А. И. Фёдоров. – 3-е изд., испр. – М. : АСТ [и др.], 2008. – 879 с.

50. Фелицына В. П. Русский фразеологический словарь. Более 800 выражений / В. П. Фелицына, В. М. Мокиенко. – М. : Издательство: Эксмо-Пресс, 1999. – 400 с.

51. Философский энциклопедический словарь. /Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. – М. : Советская энциклопедия, 1983.

52. Фразеологический словарь современного русского литературного языка / ред. А. Н. Тихонов. – М. : Флинта, Наука, 2004. – 832 с.

53. Электронный фразеологический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.otrezal.ru/phraseological_dictionary.

54. Энциклопедический словарь: В 3 т./ Гл. ред. Б. А. Введенский. – М. : Большая сов. энцикл., 1953–1955.

55. Энциклопедия кино [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.encyclopedia.ru/cat/online/detail/428/.

56. Энциклопедия «Кругосвет» [Электронный ресурс] : Режим доступа : www.krugosvet.ru/enc/istoriya/ANGLI.html.

57. Яновский Н. М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту / Н. М. Яновский. − Часть первая. − СПб. : Императорская академия наук, 1803. – 868 с.

СТРУКТУРА И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЧ МАРКИРОВКА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Суима И. П.

В системе адъективов современного русского языка существует очень большое количество сложных прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности (ПНТ), т.е. прилагательных типа *китайско-японский, австро-германский, норвежско-американо-итальянский, франко-германо-британо-итальянский* и т.п., распространенность и высокая частота употребления которых связана с их особой социальной значимостью, с процессами, указывающими на двусторонние и многосторонние отношения между государствами, территориями и национальными образованиями. Это касается практически всех сфер жизни и деятельности людей, и в частности таких, как общественно-политическая, производственно-экономическая, культурно-образовательная. ПНТ широко используются как в письменной (СМИ, официальные документы, учебные издания и т.д.), так и в устной (живое общение, телевидение, радио и т.д.) речи. При этом каких-либо регламентаций на лексическое наполнение такого рода прилагательных мы не встретили, и компоненты каждого из них в принципе можно соотнести с самыми разными как национальными (*сербо-прусский, украино-белорусский, англо-немецкий* и т. д.) так и территориальными (*британо-австралийский, афро-азиатский* и т.д.) параметрами, что создает определенные трудности не только при описании этого пласта русской лексики, но и при ее отборе для фиксации в различного рода лексикографических и справочных изданиях.

Актуальность предлагаемого исследования заключается в особой лингвистической и социальной значимости прилагательных со

значением национально-территориальной принадлежности, а отсюда и в необходимости системного описания данного класса адъективов, которого до сих пор, насколько нам известно, нет. Отсутствуют и разработки относительно принципов отбора ПНТ для их включения или невключения в общие и специальные справочно-лексикографические издания, что определяет и чрезвычайную актуальность изучения особенностей лексикографической маркировки сложных прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности как открытого множества соответствующих адъективов.

Сложные прилагательные со значением национально-территориальной принадлежности функционируют практически во всех сферах общественной жизни и деятельности. Структурные особенности соответствующих адъективов прямо коррелируют с их социальной ориентацией, а их компонентами могут быть самые разные прилагательные в самом различном их сочетании (*австро-венгерский, польско-украинский; англо-китайско-французский, немецко-англо-голландский, англо-японско-корейский* и т. д.) и структурном оформлении (*итало-испанский, итальяно-финский, итальянско-иракский, италийско-римский; франко-румынский, французско-испанский, австро-французский;* и т.д.

Тем не менее можно отметить целый ряд лингвистически значимых и характерных именно для ПНТ особенностей их структурного наполнения, к самым существенным из которых мы, прежде всего, отнесли следующие четыре:

- вариативную редукцию первого и всех остальных компонентов, предшествующих заключительной части ПНТ: *итало-французский* и *итальянско-французский, ирано-грузинский* и *иранско-грузинский.* Прилагательные иных лексико-семантических групп редко включают в себя более двух компонентов;

- возможность субституции ПНТ, т.е. такого его построения, в котором те или иные компоненты титульно маркированных нации и\или территории заменяются какими-то другими, с той же функциональной нагрузкой *британо-норвежский* и *англо-норвежский, британо-германский* и *англо-немецкий*;

- возможность обратимости компонентов (*немецко-швейцарский* и *швейцарско-немецкий*; *литовско-польский* и *польско-литовский.*

Сложные прилагательные других лексико-семантических групп далеко не всегда меняют порядок своих компонентов: *общеупотребительный (*не может быть прилагательного *употребительно-общий), скороспелый (*не *спело-скорый), научно-технический (*не употребляется вариант *техническо-научный*) и т. п.;

- Содержательная идентичность компонентов: в составе ПНТ наиболее регулярно комбинируются компоненты с одинаковым значением (нация+нация (*палестинско-балкарский, бинийско-готтентотский, дамарско-джаггский*), государство+государство (*британо-австралийский, швейцарско-канадский*), язык+язык (*абхазско-грузинский, греческо-португальский*), регион+регион (*азиато-африканский, андо-экваториальный, донецко-приднепровский*), значительно реже возможны сочетания типа ГР (*украино-донецкий, итало-римский, австро-азиатский*), РГ (*азиатско-австрийский, средиземноморско-нидерландский, афро-кубинский*), хотя когда мы говорим *швейцарско-американский, китайско-корейский* и т.п., то эти адъективы в равной, пожалуй, степени можно отнести и к нации и к государству.

Кроме указанных структурных особенностей ПНТ для исследуемых нами адъективов характерно также наличие в их составе разного количества компонентов, и наряду с наиболее регулярными двухкомпонентными прилагательными типа *франко-китайский, испано-английский* и т.п. нередко встречаются и более сложные образования, состоящие из трех и более компонентов *австро-итало-французский, ирано-турецко-азербайджанский, английско-испанско-французско-китайский*. Все компоненты таких образований функционально равноправны и в целом ряде адъективов обладают первой из указанных существенных особенностей ПНТ.

Сложные прилагательные со значением национально-территориальной принадлежности, состоящие из четырех и более компонентов, обычно встречаются с такими определяющими существительными как «*словарь*», «*разговорник*» и т. д. Например, *русско-английско-немецко-французско-латинский словарь, русско-украинско-польско-английский разговорник*.

Структурные параметры ПНТ тесно связаны с их семантикой. Компоненты сложных прилагательных со значением национально-

территориальной принадлежности могут обозначать язык (Я), нацию (Н), государство (Г), регион (Р).

На основании ПНТ, представленных в справочно-лексикографических изданиях и учебно-методической литературе, можно сделать вывод, что наиболее регулярно встречаются прилагательные, которые представляют собой следующие соединения компонентов: ГГ, ЯЯ. Образования типа ГР, ГР представлены в такого рода источниках довольно редко. Прилагательные с таким набором компонентов в основном носят искусственный характер, т.е. теоретически они могут быть образованы сложением соответствующих простых адъективов, но в действительности для его создания нет реальных предпосылок.

Прилагательные со значением национально-территориальной принадлежности в зависимости от определяемого ими субстантива могут выполнять функции простого прилагательного, являться одним целым в семантическом плане, например, *чечено-ингушский банк, чечено-ингушский университет* (не два банка, чеченский и ингушский, а именно *чечено-ингушский*, по названию государства), а могут быть соединением двух адъективов: *Чечено-Ингушская АССР, чечено-ингушский язык* (чеченский и ингушский).

Одной из характерных особенностей ПНТ является, по нашим наблюдениям, возможность их структурной модификации, связанной как с сохранением их общей семантики, так и с изменением смысла соответствующего адъектива, а значит, и номинированного этим адъективом какого-либо объекта действительности.

Указанная модификация непосредственно связана с указанными выше особенностями наполнения структуры ПНТ: редукцией, субституцией и обратимостью компонентов. Особый интерес в этом плане представляет, по нашему мнению, редукция, т.е. замена компонента, образованного от прилагательного (*итальянский – итальяно-, французский – французско-* и т. п.) более кратким, образованным от существительного (*Италия – итало-; Франция – франко-* и т.п.). Например, адъективы, типа: *франко-прусский, итало-английский, венгеро-болгарский, греко-римский, англо-буро-зулусский, австро-венгро-чешский, англо-франко-польский* и т.д.

Редукция ПНТ

Под редукцией основы слова обычно понимается сокращение основы при образовании нового слова, использование в составе производного слова неполной, сокращенной основы. В работах по словообразованию редукция рассматривается как лингвистическое явление, при котором несколько основ связаны отношениями производности и в одной из них (производной) отсутствует конечный отрезок производящей основы, т.е. в производную основу входит укороченный вариант производящей (Е. А. Земская [19, с. 7-8]); Е. А. Земская [20, с. 8] и т.д. В предложенной работе под редуцированным компонентом ПНТ понимается составляющая часть сложного адъектива, образованная от существительного – более краткая, чем та, которая образуется от соответствующего прилагательного (например, при употреблении компонента *англо-* (от Англия) вместо *английско-* (от английский).

В большинстве случаев существует два варианта начальных составляющих частей двухкомпонентных ПНТ (*арабо-берберийский* и *арабско-бедуинский, вавилонско-византийский* и *вавилоно-ассирийский* и т.п.). Но для некоторых структурных элементов исследуемых прилагательных возможно образование трех-четырех форм: *абердинско-ангусский – абердино-ангусский – абердин-ангусский; аланско-абазский – аланийско-анталийский – алано-болгарский; итальянско-римский – италийско-римский – итальяно-эфиопский – итало-абиссинский* и т. п. В многокомпонентных ПНТ различные структурные варианты составляющих частей (*испанско-, испано-*; *африканско-, африкано-, афро-* и т.п.) могут употребляться не только в качестве начальных компонентов: *афро-евро-азиатский – афро-европейско-азиатский* и т. д. В различных источниках находим ПНТ с несколькими структурными вариантами одного и того же структурного элемента, но в проанализированных нами лексикографических изданиях представлены не все возможные формы компонентов исследуемых адъективов.

ПНТ с разными вариантами одного и того же компонента могут иметь похожее значение или отличаться по своей семантике. Например, сложные прилагательные с составляющими *итало-* и

итальяно- в основном обозначают что-то связанное с государством Италия, относящееся к Италии: *итало-немецкие отношения* и *итальяно-немецкие отношения, итальяно-испанский учебный центр и итало-испанский учебный центр* и т.п. Вариант *итальянско-* наиболее нормативно применяется когда речь идет о языке, народе: итальянско-русский словарь и т.п., а вариант компонента *италийско-* чаще всего имеет ту же семантику, что и итало- и итальяно-, но в проанализированных нами источниках он встречается значительно реже и является устаревшим. В толково-словообразовательном словаре Т.Ф. Ефремовой для простого прилагательного «италийский» указано несколько дефиниций, среди них: 1) *Относящийся к древней Италии, италийцам, связанный с ними. 5) устар. То же, что: итальянский* [II.24].

В основном, наличие вариантов одного и того же прилагательного с нередуцированной и редуцированной основами связывают с установленной традицией комбинацией компонентов в составе сложного прилагательного и практикой их употребления [17; 21]. Например, *франко-германская война, итало-эфиопская война* и т.д. Кроме того, существует мнение, что прилагательные с полной основой являются архаичными, устаревшими формами соответствующих адъективов с усеченными компонентами [22].

Существует также мнение, что разные структурные формы прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности являются синонимичными и могут употребляться в одних и тех же случаях [15; 16].

ПНТ с компонентами *молдавско-* и *молдо-* также могут употребляться как синонимичные варианты, в проанализированных источниках они используются с одними и теми же определяемыми словами и указывают на язык, культуре, территорию, и т. д.: *молдавско-турецкий отношения* и *молдо-турецкие отношения, молдо-румынский словарь* и *молдавско-румынский словарь* и т. п. Форма компонента *молдовско-* нами не была зафиксирована.

Сложные прилагательные с компонентами *венгеро-* и *венгро-* также в основном имеют одинаковую семантику, т. е. обозначают «относящийся к Венгрии, ее территории, внутреннему устройству, истории», а ПНТ со структурным элементом *венгерско-* наиболее нормативно употребляется для обозначения «относящийся к венграм,

к их языку, национальному характеру, образу жизни, культуре»: *венгро-сербская граница, венгро-югославский конфликт, венгеро-югославский договор*, но *венгерско-английский словарь, венгерско-русская практическая транскрипция* и т. п.

Не все сложные прилагательные со значением национально-территориальной принадлежности могут иметь несколько структурных вариантов. Например, ПНТ *баденско-пфальцский, бактрийско-тохарский, белорусско-литовский, бельгийско-французский, бразильско-аргентинский* и т.д. существуют только в таком виде, форма их компонентов не меняется.

В большинстве случаев, редуцированным может быть не только первый компонент ПНТ. Между двумя основными структурными типами сложных прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности – с редуцированными (*австро-франко-русский, славяно-балто-финский*) и с нередуцированными компонентами (*тюркско-монгольско-тунгусский, персидско-эламско-вавилонский*) – существует большое количество так называемых промежуточных вариантов, которые соединяют в своем составе разные структурные типы составляющих частей ПНТ: *англо-норвежско-шведский, англо-турецко-французский, англо-американо-голландско-французский, англо-франко-американско-голландский, немецко-русско-англо-французско-испанский* и т. д.

Такого рода ПНТ имеют специфическую функциональную нагрузку. Некоторые из соответствующих адъективов являются синонимичными вариантами для ПНТ, которые образованы только из редуцированных или нередуцированных основ. Например, прилагательные *аваро-андийско-дидойский, аваро-андо-дидойский* и *аварско-андийско-дидойский* в контексте употребляются с одинаковыми стержневыми словами (*языки, народы, подгруппы языков, семьи языков, наречие, этноязыковая общность* и т. д.) и имеют одинаковые особенности функционирования. Однако существуют также ПНТ с редуцированными основами, которые в определенных контекстах не могут быть заменены аналогичными ПНТ с нередуцированными компонентами. Например, прилагательное *англо-французско-испанский* употребляется в основном с определяемыми словами *словарь, разговорник* и т. п. (*англо-французско-испанский разговорник, словарь* и т.д.), а

прилагательное *англо-франко-испанский* – со словами *договор, соглашение, отношения* и т. п. (*англо-франко-испанский договор, англо-франко-испанская коалиция, декларация, оппозиция, англо-франко-испанские переговоры* и т. д.).

Возможна также частичная синонимичность ПНТ с нередуцированными и редуцированными основами. Например, прилагательные *русско-австро-германский* и *русско-австрийско-германский* в проанализированных нами справочно-лексикографических и учебно-методических изданиях регулярно употребляются со словами *отношения, соглашения, союз, альянс, договор*, но в сочетании с существительными *центр, проект* и т.д. мы в основном встречаем адъектив *русско-австрийско-германский*, а со словами *фронт, противоречия* и т. д. – *русско-австро-германский*.

Отмеченные в настоящей работе структурные особенности сложных прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности связаны и со сферой функционирования соответствующих адъективов. Разные структурно-семантические типы исследуемых нами прилагательных используются практически во всех сферах жизни и деятельности общества, но более регулярно ПНТ с редуцированными основами встречаются в общественно-политической, производственно-экономической сферах (*русско-прусско-французская война, англо-американо-австрало-голландский флот, германо-австро-болгаро-турецкий союз*), с нередуцированными – в культурно-образовательной, научной (*российско-британский институт управления, японско-российский семинар, английско-российский проект*) и т. д.

Сфера функционирования анализируемых лексических единиц определяется, прежде всего, стержневыми словами, которые представлены в сочетании с ПНТ с нередуцированной или редуцированной формой компонента. Рассмотрим это явление на примере сложных прилагательных с начальными компонентами *франко-* и *французско-*. Если проанализировать разные источники, в которых зафиксированы исследуемые нами адъективы, то мы увидим, что прилагательные с компонентом *франко-* в большинстве случаев встречаются с существительными: *словарь, справочник, разговорник, война, сообщество, клуб, компания, соглашение, институт, стиль,*

союз, договор, конвенция, фонд, колледж, изобретение, проект, заимствование, учения, маневры, альянс, прибор, вариант, школа, деловой совет, консорциум, комиссия. Например: «*Франко-немецкий словарь названий стран и территорий включает в себя название страны или территории на французском языке, а затем на немецком языке*» [II. 1], «*Франко-прусская война — военный конфликт между империей Наполеона III и германскими государствами во главе с добивавшейся европейской гегемонии Пруссией» [II. 1], « Франко-румынский договор о дружбе - подписан 10. VI в Париже со стороны Франции премьером и министром иностранных дел Аристидом Брианом, со стороны Румынии - посланником в Париже Константином Диаманди»* [II. 1], «*Франко-русская военная конвенция, разработанная в связи с увеличением германской армии, заложила военную основу русско-французского союза*» [II. 1] и т.д.

Прилагательные с начальным компонентом *французско-* зафиксированы в различных источниках зачастую с такими стержневыми словами: *дом, университет, форум, партнерство, факультет, конфликт, совет, общество, колорит, меню, спор. Например, «Французско-ивуарский конфликт – обмен авиационными ударами между ВВС Кот-д'Ивуара и ВВС Франции 6 ноября 2004 года, развития конфликт не получил, долговременных последствий не имел»*, «*14 июня в Баку проходит Первый французско-азербайджанский форум университетов, на котором обсуждаются приоритетные направления в системах высшего образования Азербайджана и Франции, расширение сотрудничества между образовательными учреждениями двух стран*» [II. 1], «*Данный проект является первой за все время французско-американского партнерства попыткой установить прямые дружественные отношения по вопросам верховенства права и соотношения частных и публичных интересов при разрешении споров экономического характера.*» (Украинская правда, 31.08.06) и т. д.

Некоторые анализируемые прилагательные одинаково часто употребляются с такими определяемыми словами: *отношения, дружба, граница, центр, учебный центр* и т.д. Например, «*Большую роль в французско-туркменских отношениях играет активно развивающееся межрегиональное сотрудничество*» и «*Французско-туркменские отношения — двусторонние отношения между*

Францией и Туркменистаном. Дипломатические отношения между странами были установлены в 1992 году» [II. 1].

Таким образом, редукция первого и последующих компонентов ПНТ является одним из наиболее важных структурных параметров указанных лексических единиц, так как данная особенность составляющих элементов сложных прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности связана с семантикой ПНТ и спецификой их функционирования в речи.

Субституция ПНТ

В системе адъективов существует значительное подмножество сложных прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности, те или иные структурные элементы которых заменяются какими-то другими без изменения их функциональной нагрузки (субституция компонентов), например, *германо-советский (*вместо *немецко-советский), американо-британский (*вместо *американо-английский), англо-германский (*вместо *англо-немецкий)* и т. д.

Наличие вариантов ПНТ с компонентами «*германско-*» и «*немецко-*», «*британско-*» и «*английско-*» и т. д. можно объяснить рядом причин, начиная с этимологии и значения простых слов, входящих в состав такого рода сложных прилагательных и заканчивая установившейся традицией их употребления и влиянием экстралингвистических факторов.

Например, на сегодняшний день, по отношению к немцам и Германии употребляются сложные прилагательные с компонентами *немецко-* и *германско- (германо-)*: *франко-германская встреча* и *франко-немецкая встреча*, *немецко-польская история* и *германо-польская история* и т. д.

Простое прилагательное «*германский»* в значении «*немецкий*» дается многими словарями как устаревшее, как литературное (а немецкий – разговорный вариант), как заимствованное с других языков, как реже используемое в языке чем немецкий (более традиционный вариант) [II. 28, 69]. Однако в настоящее время сфера

употребления сложных прилагательных с компонентом «*германско-*» расширяется, так как ПНТ с составляющим *немецко-* обычно связывают с национальностью, языком (например, *немецко-русский словарь, немецко-японская технология*); а ПНТ с компонентом *германско* – с парламентом, договорами, фестивалями и т. д., т. е. всем, что имеет отношение к государству Германия (*германо-советско-польские отношения, германо-американский союз*).

ПНТ с компонентами *британско-* и *английско- (англо-)*, например, *ирано-британские отношения* и *ирано-английские отношения*; *британо-советский договор* и *англо-советский договор* и т.д. в большинстве случаев могут использоваться как синонимичные варианты. Хотя для простых прилагательных *британский* и *английский* в толковом словаре даются разные определения. *Британский*: *относящийся к британцам, к их языкам (английскому, шотландскому, уэльскому), национальному характеру, образу жизни, культуре, а также к Великобритании, её территории, внутреннему устройству, истории; такой, как у британцев, как в Великобритании*; *Английский*: *относящийся к англичанам, к их языку, национальному характеру, образу жизни, культуре, а также к Англии, ее территории, внутреннему устройству, истории; такой, как у англичан, как в Англии* [II. 14].

Так, до начала 1920-ых в самой Великобритании простые прилагательные *английский* и *британский* также использовались как абсолютные синонимы – в той же степени, в какой они используются в настоящее время в большинстве стран мира. (Например, знаменитая "История Англии" описывает историю Великобритании, а не собственно Англии.) Постепенно – в связи с ростом шотландского (в первую очередь) национализма – установилась традиция различать национальное происхождение. Поэтому, на сегодняшний день считается, что в общих случаях следует говорить *британский*, а в случае, когда нужно конкретизировать принадлежность к той или иной части Великобритании – *английский, валлийский* и т. д.

В связи с этим ПНТ с компонентами *английско-* и *британско-* в различных текстах политической направленности употребляются в разных контекстах, коррелируя со значениями соответствующих простых прилагательных, приведенных выше: *«Вскоре после вступления Г. Брауна в должность премьер-министра*

Великобритании произошло резкое ухудшение российско-британских дипломатических отношений — британские власти выслали четырех российских дипломатов и ввели визовые ограничения для российских чиновников, Россия ответила аналогичными мерами» (российско-британские отношения – отношения между Россией и Великобританией*);* «*Но на самом деле англо-шотландские отношения совсем не похожи на англо-ирландские*» (англо-шотландские отношения – отношения между Англией и Шотландией) и т. д., хотя в исторических документах они использовались как синонимы и в этой сфере: «*Крупным успехом советской внешней политики этого периода было восстановление дипломатических британо-советских отношений. Но англо-советские отношения были подобны натянутой струне*»; *«Англо-германские переговоры проходили в Лондоне с 4 мая по 18 июня 1935 года. Они имели целью заключение широкого британо-германского соглашения по политическим и экономическим вопросам*» и т. д.

Субституция как лингвистическое явление регулярно сопутствует также многокомпонентным ПНТ: *британо-германо-франко-малазийский* (*На вчерашнем заседании правительства Министерство утвердило британо-германо-франко-малазийский вариант*), *германо-британо-американо-финский* (*Демонстрация «англо-американской силы». .... полуостров передаются под германо-британо-американо-финский контроль*), *германо-англо-французский* (*На вторичный запрос чехословацкого правительства (уже после принятия им германо-англо-французского ультиматума), будет ли Советское правительство считать себя связанным чехословацким пактом в случае новых требований Германии, был дан утвердительный ответ*), *германо-советско-польский* (*германо-советско-польские отношения изначально были отягощены проблемами*), *британо-франко-советский* (*Англо-франко-советские переговоры продолжались в течение четырёх месяцев*) и т.п. Такого рода сложные прилагательные, как и двухкомпонентные ПНТ, наиболее характерны для общественно-политической и производственно-экономической сфер общественной деятельности.

Обратимость компонентов ПНТ

Одним из специфических структурных параметров сложных прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности является обратимость компонентов, т. е. возможность транспозиции их составляющих: *португальско-русский* и *русско-португальский; французско-советский* и *советско-французский, китайско-японский* и *японско-китайский* и т. п. Транспозиция характерна и для прилагательных, состоящих из трех и более компонентов (*итало-финско-немецкий – финско-немецко-итальянский – итало-немецко-финский, англо-голландско-американско-французский – англо-франко-американско-голландский – американско-англо-франко-голландский*).

Сложные прилагательные типа *американо-японский, немецко-французский* представляют собой сочетание двух равноправных понятий в смысловом и грамматическом отношении (американский и японский; немецкий и французский), что предполагает возможность перестановки компонентов в составе сложного прилагательного (обратимость компонентов прилагательных): *немецко-французский* и *французско-немецкий; китайско-японский* и *японско-китайский*.

Адъективы с обратимыми компонентами имеют также свои семантические особенности. В некоторых случаях при транспозиции структурных элементов значение прилагательных остается по своему существу неизменным, например, *бразильско-немецкие отношения* и *немецко-бразильские отношения, польско-белорусская дружба* и *белорусско-польская дружба,* Но с изменением порядка компонентов ПНТ семантика соответствующего адъектива может меняться, и они будут указывать уже на иной объект: *немецко-русский словарь* и *русско-немецкий словарь*; *итальянско-турецкий разговорник* и *турецко-итальянский разговорник* и т. д., что определяется характером стержневого слова, которое употребляется вместе с ПНТ. Как правило, это один и тот же объект даже в том случае, если речь идет о *русско-немецком* и *немецко-русском словаре* и т. п. если собственно объектом считать словарь.

Обратимость компонентов сложных прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности, как и уже рассмотренные выше редукция и субституция, зависит, прежде всего,

от экстралингвистических факторов. Среди них можно выделить такие, как сфера употребления, определяемое слово, установленная традицией комбинация компонентов в составе сложного прилагательного.

Если, скажем, определяемое слово связано с языком, культурой, лингвистическими понятиями и т. п., то чаще всего компоненты прилагательного, которое употребляется с этим словом, будут обратимыми, например, *англо-русский* и *русско-английский словарь, китайско-японский* и *японско-китайский разговорник* и т.д. Сложнее в случае с прилагательными, которые употребляются с определяемыми словами, связанными с общественно-политической, производственно-экономической сферами деятельности общества. Довольно часто прилагательные с одним и тем же определяемым словом могут быть как обратимыми, так и необратимыми. Рассмотрим несколько таких примеров: *«Австро-итальянская война», «Австро-турецкая война», «Англо-американская война», «Австро-прусская война»*. Если обратиться к справочно-лексикографическим изданиям, то можно заметить, что первые два примера из приведенных выше – необратимые (в проанализированной литературе не встречается вариант *«Итальяно-австрийская война»* или *«Турецко-австрийская война»*). А для двух следующих прилагательных с определяемым словом в БЭС, например, представлены оба варианта *«Американо-английская война»* и *«Англо-американская война»*, *«Прусско-австрийская война»* и *«Австро-прусская война»*. Проанализировав примеры сложных прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности, которые употребляются с определяемыми словами из общественно-политической сферы, можно предположить, что в лексикографических изданиях, справочниках и т.д. фиксируются те варианты, которые чаще встречаются в различных источниках широкого назначения, т.е. те, которые сложились традиционно и вошли в язык в таком виде. Так, в русской историографии употребляется словосочетание *франко-прусская война,* следовательно, прилагательное *франко-прусский* было зафиксировано в БСЭ (1978) в таком виде, компоненты данного прилагательного не комбинируются в другом порядке. Рассмотрим другой пример: война между Америкой и Англией 1812–14 гг. в одних источниках

называется *американо-английской*, в других – *англо-американской*. В этом случае, по-видимому, нет установившейся традиции комбинации компонентов сложного прилагательного, Советский энциклопедический словарь фиксирует оба варианта. Но, например, *англо-афганская война, англо-египетская война, австро-французская война* не могут быть названы *афганско-английской, египетско-английской* и *франко-австрийской* соответственно, сложные прилагательные *англо-афганский, англо-египетский* и *австро-французский* вместе с определяемым словом *война* вошли в БСЭ и БЭС в таком виде.

ПНТ, которые употребляются в официальных названиях административно-территориальных образований, в основном необратимые: *Австро-Венгерская монархия, Кабардино-балкарская республика* и т.д.

ПНТ, которые фиксируются в справочных изданиях как обозначающие договоры и соглашения, в основном являются обратимыми. Это, скорее всего, связано с попыткой следовать определенной коммуникативной цели, которая обычно ставится при создании такого рода документов. Например, при обсуждении какого-либо политического соглашения между несколькими странами обычно не выделяется одно государство, нужно указать на значимость и равноправие всех сторон договора. Поэтому, в качестве первого компонента ПНТ, указывающих на характер сторон, в одном и том же тексте выступают названия всех стран-участников по очереди: *франко-германское соглашение* и *германо-французское соглашение*; *американо-советские переговоры* и *советско-американские переговоры* и т. д.

Среди обратимых сложных прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности, которые представлены в справочно-лексикографических и энциклопедических изданиях вместе со стержневыми словами, большинство фиксируются с определяемыми словами *соглашение*: *русско-китайское соглашение и китайско-русское соглашение, советско-австралийское соглашение и австралийско-советское соглашение,* и т. п.; договор: *корейско-американский договор и американо-корейский договор; англо-французский договор и франко-английский*

договор и т.п.; война: *советско-финляндская война и финляндско-советская война, японо-китайская война и китайско-японская.*

Таким образом, сложные прилагательные со значением национально-территориальной принадлежности представляют собой множество слов, структурные особенности которых связаны с различными факторами, в частности со сферой употребления, сложившимися традициями использования того или иного структурного типа ПНТ и т. п.

Сложные прилагательные со значением национально-территориальной принадлежности употребляются практически во всех сферах человеческой деятельности: общественно-политической, культурно-образовательной, производственно-экономической, научной, военной, в названиях государственных, территориальных или административных образований, в официально-деловых текстах, в быту и т.д., однако основные сферы их функционирования – это общественно-политическая, производственно-экономическая и культурно-образовательная.

Наибольшее количество ПНТ используется в общественно-политической и производственно-экономической сферах общественной жизни и деятельности, в частности при обозначении международных договоров и соглашений.

Во многих сферах функционирует много сложных прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности, состоящих из трех и более компонентов: *англо-итало-французский разговорник, немецко-русско-англо-французско-испанский словарь, молдавско-русско-украинские отношения, русско-прусско-французская война, белорусско-германо-швейцарское предприятие* и т.д.

Среди ПНТ можно выделить своего рода универсалии, т. е. прилагательные, которые функционируют практически во всех рассмотренных сферах человеческой деятельности (*англо-русский, американо-французский, англо-итальянский* и т. д.) и адъективы, которые употребляются избирательно в одной или нескольких сферах (*атланто-балтийский, ассиро-халдейско-персидский, баскско-кавказский* и т. д.). Универсалиями могут быть также и определяемые слова, которые употребляются в сочетании с ПНТ. Например, субстантивы *договор, отношения, центр, сообщество, граница* и т. п.

функционируют в составе словосочетаний со сложными прилагательными со значением национально-территориальной принадлежности во всех рассмотренных сферах жизни и деятельности общества.

В некоторых случаях могут также образовываться словосочетания с ПНТ, которые не получают широкого распространения и не входят в словарный состав языка, но выполняют ту или иную коммуникативную функцию в пределах определенного контекста. По своей структуре такого рода образования могут совпадать с уже существующими сочетаниями сложных адъективов со значением национально-территориальной принадлежности с определяемыми словами (*итальянско-испанский колорит, украинско-венгерская бескомпромиссность*), иметь в своем составе компонент – существительное (*Косово-чеченская политика*), ПНТ. состоящие из аббревиатуры и прилагательного (*КНР-украинская дружба, РФ-американское направление, СССР-американский взгляд*).

ПНТ при этом непосредственно коррелирует с характером стержневого слова соответствующих конструкций (*русско-иранский: банк (производственно-экономическая сфера), отношения, соглашения, война (общественно-политическая сфера), русско-иранская литература, искусство (культурно-образовательная сфера)* и т.д.

Наряду с общими структурно-функциональными особенностями, ПНТ, функционирующие в разных сферах жизни и деятельности общества, имеют и свою специфику. Так, наиболее распространенным вариантом ПНТ, которые употребляются в текстах политических соглашений и договоров является сложное прилагательное с редуцированным первым компонентом: *франко-американский договор, американо-японские договоры,* и т. д.

В связи со значительной функциональной нагрузкой анализируемых прилагательных, естественно ожидать, что если и не большинство, то многие из них должны быть представлены в толковых словарях или словарях сводной лексики, но на самом деле прилагательные такого типа не всегда фиксируются в лексикографических изданиях.

Лексикографическая маркировка прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности

Из восьмидесяти различного рода энциклопедических и справочно-лексикографических изданий исследуемые нами прилагательные зафиксированы только в следующих: Большая советская энциклопедия (БСЭ) [II. 1], Большой энциклопедический словарь (БЭС) [II. 62], Орфографические словари (РОС) [II. 30, 39, 63], Слитно или раздельно (С/Р) [II. 44, 45], Частотный словарь (ЧС) [78], Словарь трудностей русского языка (СТРЯ) [II. 56], Новое в русской лексике (НРЛ) [II. 21], Школьный топонимический словарь (ШТС) [II. 80], Словообразовательный словарь Тихонова (СТ) [II. 61], Сводный словарь (СС) [II. 43], Обратный словарь (ОС) [II. 26], Словарь ударений для работников радио и телевидения (СУ) [II. 57]. Причем в последних двух словарях ПНТ представлены только несколькими словами: *ассиро-вавилонский, печоро-илычский, тунгиро-олекминский*(СУ), *ассиро-вавилонский, коми-зырянский, угро-финский, финно-угорский* (ОС), *Кабардино-Балкарская АССР, Карачаево-Черкесская автономная область, Коми-Пермяцкий автономный округ, Остяко-Вогульский национальный округ, Чечено-Ингушская АССР, Ямало-Ненецкий автономный округ* (ШТС).

Словарь русского языка С. И. Ожегова [II. 28], Толковый словарь русского языка В. И. Даля [II. 71], БАС и многие другие содержат только прилагательные типа *английский, немецкий, русский* и т.д., сложные прилагательные со значением национально-территориальной принадлежности в этих изданиях не представлены. В словаре С.И. Ожегова указываются также компоненты АНГЛО… и АНГЛО-… *Первая часть сложных слов со значением английский, напр. англоязычный, англо-русский, англо-германский, англо-говорящий* (о странах с населением, говорящим на английском языке); ФРАНКО… и ФРАНКО-… *Первая часть сложных слов со значением французский, по-французски, напр. франкоговорящий, франкоязычный, франко-русский* и ИТАЛО... и ИТАЛО-... *Первая часть сложных слов со знай.* итальянский, напр. *италоязычный, итало-греческий*. Но даже если в словарь выносится компонент *англо-* и *франко-* (без *английско-, французско-*), нет компонентов *немецко-, японо-* и т. д.

Компонент ФРАНКО…ФРАНКО- представлен и в толковом словаре С. А. Кузнецова: ФРА́НКО — *Первая часть сложных слов. Вносит зн.: французский. Франко-итальянский, франко-прусский, франко-испанский.* компонент *французско-* не фиксируется.

Толково-словообразовательные словари также не включают в себя ПНТ. Например, в Новом толково-словообразовательном словаре русского языка Т.Ф. Ефремовой [II. 24] насчитывается более 140 тысяч словарных статей (имен прилагательных – свыше 25 тыс. слов). Эти слова различны и по семантике, и по употребительности, и по морфологическому составу, и по словообразовательной структуре. Так как сложные прилагательные со значением национально-территориальной принадлежности разнообразны по своей структуре и часто одно и то же сложное образование имеет несколько вариантов (например, *итальянско-немецкий словарь, итальяно-турецкая война, итало-эфиопский конфликт*), разные структурные формы рассматриваемых лексических единиц, скорее всего, должны быть зафиксированы в такого рода словаре-справочнике. но в этом лексикографическом издании не представлено ни одного сложного прилагательного типа *русско-английский, немецко-русский* и т.д.

В Гнездовом словообразовательном словаре также не находим исследуемых нами лексических единиц, в данном издании объектом описания являются сложные существительные с глагольным компонентом [II. 5]. В Грамматическом словаре русского языка и Кратком словаре трудностей русского языка отражены почти все те же прилагательные, что и в БАС-11 [II. 2] (типа *русский, английский* и т. д.).

Что касается орфоэпического словаря, то согласно предисловию, его основными задачами «служат отражение норм современного русского языка реализующихся в устной речи, а также предупреждение типичных речевых ошибок». Словарь содержит около 25000 слов и словосочетаний, активно употребляющихся в настоящее время, в которых можно сделать ошибку в ударении или произношении, но это лексикографическое издание не фиксирует на одного сложного прилагательного со значением национально-территориальной принадлежности. Следовало бы сделать вывод, что если эти лексические единицы не указаны в этом словаре, значит, нет потребности в том, чтобы акцентировать внимание на их

произношении и ударении. Если посмотреть другие словари, например справочник «Слитно или раздельно», «Русская речь в эфире: Комплексный справочник» и др., или справочники, которые содержат свод правил русского языка, то мы можем увидеть большое количество сложных прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности, для которых указан правильный вариант произношения и ударение (*англо-немецко-русский, англо-саксонский, австро-франко-итальянский* и т. д.). Следовательно, есть потребность в представлении такого рода информации в словарях и справочниках.

Очень часто также не понятен выбор: почему, например, в Орфографическом словаре есть прилагательное *вьетнамско-русский*, а прилагательные *белорусско-русский, казахстанско-русский, немецко-русский* и т.п. в нем не зафиксированы, какими причинами можно объяснить особенности лексикографической маркировки сложных прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности (то, что соответствующие адъективы фиксируются не во всех словарях и не все прилагательные этого типа, которые существуют в устной речи, представлены в лексикографических изданиях).

Мы проанализировали основные словари русского языка на предмет наличия в них сложных прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности и считаем необходимым отметить некоторые особенности их лексикографической маркировки.

Прилагательное *англо-русский* зафиксировано в РОС, словарях-справочниках РРЭ и С/Р, в БСЭ, БЭС, т. е. в пяти из восьмидесяти словарей. Причем, в этих словарях зафиксированы и прилагательные *англо-русский* и *русско-английский*. Точно такие же особенности лексикографической маркировки имеют также прилагательные *белорусско-русский (русско-белорусский), грузино-русский (русско-грузинский)*. Прилагательное *албано-русский* отмечено в РРЭ и С/Р, т. е. данное сложное образование зафиксировано только в двух из 80 словарей.

Прилагательное *болгарско-русский* представлено в РОС и словаре-справочнике С/Р. БСЭ и БЭС содержат прилагательное *болгаро-русский.* В РОС представлены оба варианта: *болгарско-*

русский и *болгаро-русский.* Что касается обратимости компонентов данного прилагательного, то названные словари содержат все варианты – и *болгаро(болгарско)-русский* и *русско-болгарский*. А вот в ЧС есть только прилагательное *русско-болгарский*. Прилагательные *венгерско-русский* и *русско-венгерский* представлены в четырех словарях из двадцати девяти, а именно: в РОС, словаре-справочнике С/Р, БСЭ и БЭС. В словаре-справочнике РРЭ данные прилагательные не зафиксированы. Те же лексикографические издания включают и прилагательные *русско-немецкий* и *немецко-русский.*

В РОС, РРЭ и С/Р представлены также прилагательные *греко-русский* и *русско-греческий.* В БСЭ и БЭС присутствует только прилагательное *греко-русский*, а варианта *русско-греческий* нет. Прилагательные *датско-русский* и *русско-датский* отмечены в РОС, словаре-справочнике С/Р, БСЭ и БЭС, т. е. в четырех лексикографических изданиях из восьмидесяти.

Прилагательные *ирландско-русский* и *русско-ирландский* зафиксированы только в двух словарях – в РОС и С/Р, в энциклопедических словарях они не представлены. Прилагательные *испанско-русский, русско-испанский* представлены в одном лексикографическом издании из восьмидесяти – в РОС. Этот же словарь содержит еще один вариант данных прилагательных *испано-русский*. В энциклопедических словарях можно найти только прилагательные *испано-русский, русско-испанский.*

Прилагательные *итальянско-русский* и *русско-итальянский* зафиксированы в четырех словарях: в РОС, справочнике С/Р, БСЭ и БЭС. Прилагательные *казахстанско-русский* и *русско-казахстанский* представлены в РОС и справочнике «Слитно или раздельно». В БСЭ и БЭС этих прилагательных нет.

Что касается прилагательных *латышско-русский, русско-латышский,* то они представлены только в РОС. Только там же можно найти прилагательное *англо-бурский*, вариант *бурско-английский* не зафиксирован ни в одном словаре.

Прилагательные *литовско-русский* и *русско-литовский* представлены в трех словарях из восьмидесяти. Это – РОС, БСЭ и БЭС. В словарях-справочниках эти варианты не представлены. Прилагательные *эстонско-русский* и *русско-эстонский* содержатся в

четырех словарях из двадцати девяти, а именно в РОС, справочнике «Слитно или раздельно», БСЭ и БЭС.

Прилагательные *норвежско-русский* и *русско-норвежский* представлены в одном лексикографическом издании – РОС. То же самое можно сказать и о прилагательных *португальско-русский, русско-португальский.* Они также представлены только в РОС и не представлены в энциклопедических изданиях.

Прилагательные *польско-русский* и *русско-польский, сербо-русский* и *русско-сербский, украинско-русский и русско-украинский, шведско-русский* и *русско-шведский* зафиксированы в БСЭ, БЭС и РОС. В тех же изданиях можно найти прилагательные *румынско-русский* и *русско-румынский*. В словарях-справочниках эти прилагательные отсутствуют.

В РОС представлены прилагательные *французско-русский, русско-французский* и *франко-русский*. Энциклопедические словари содержат только прилагательные *франко-русский* и *русско-французский*. В ЧС указано только прилагательное *франко-русский*.

Прилагательные *турецко-русский* и *русско-турецкий* зафиксированы в РОС. В энциклопедических изданиях так же, как и в ЧС, представлен только вариант *русско-турецкий.* Эти прилагательные не содержатся также в словарях-справочниках.

Прилагательные *чешско-русский* и *русско-чешский* представлены в РОС и не зафиксированы в словарях-справочниках и энциклопедических словарях. Прилагательные *шведско-русский* и *русско-шведский* содержатся в РОС, БСЭ и БЭС. Прилагательные *русско-американский, американско-русский, американо-российский, русско-американский* отмечены в РОС. В энциклопедических изданиях зафиксирован только вариант *русско-американский*. Частотный словарь не содержит ни одного из этих прилагательных.

Прилагательные *русско-китайский, китайско-русский* представлены как в лингвистических, так и в энциклопедических изданиях. Они зафиксированы в РОС, БСЭ и БЭС. Прилагательное *русско-финский* зафиксировано в энциклопедических словарях, но не представлено в РОС и словарях-справочниках.

Прилагательные *русско-японский* и *японско-русский* есть в РОС, БСЭ, БЭС. Прилагательное *японско-российский* не зафиксировано ни в одном лексикографическом издании.

В БСЭ и БЭС прилагательные со значением национально-территориальной принадлежности зафиксированы вместе с определяемыми словами, например, *Американо-мексиканская война, Австро-германский договор, Англо-буро-зулусская война.*

Очень часто прилагательное, которое можно найти в орфографическом словаре, не представлено в энциклопедических и наоборот (например, прилагательные *албано-русский, русско-албанский, англо-бурский* и т. д. встречаются только с определяющими существительными, такими как «словарь», «разговорник», «справочник» и т. д.). Но даже в тех словарях, где ПНТ фиксируются, нет всего, что на слуху (например, таких прилагательных, как *украинско-немецкий, украинско-польский* и т. д.). А иногда даже наоборот – в словаре встречается довольно много сложных прилагательных, которые мы редко употребляем в речи и не так часто слышим с экранов телевизоров. Например, в Частотном словаре русского языка зафиксированы такие прилагательные, как *западногерманско-греческий, кубань-калаусский, печоро-илычский* и т. д. и совсем не представлены такие, казалось бы, частотные прилагательные, как *русско-немецкий, англо-русский, франко-немецкий* и т. д. В этом словаре зафиксировано только 2 прилагательных с компонентом *русско-*: *русско-болгарский* и *русско-турецкий*. Для сравнения, в РОС таких прилагательных 23. Например, *русско-японский, русско-китайский, русско-польский, русско-украинский, русско-английский* и т. д. Или, приведем другой пример, сложные прилагательные с компонентом *англо-*, которые, как нам кажется, довольно часто употребляются в современном русском языке. В Частотном словаре русского языка встречается только 3 прилагательных такого рода: *англо-американский, англо-саксонский, англо-французский*, в БСЭ – 31 (например, *англо-турецкий, англо-советский, англо-иранский, англо-ирландский, англо-египетский* и т. д.), в БЭС – 23 (например, *англо-германский, англо-американский, англо-голландский* и т. д.), в РОС – 9 (например, *англо-советский, англо-канадский, англо-российский* и т. д.).

Так, некоторые ПНТ (*англо-американский, русско-турецкий*) зафиксированы в девяти словарях из восьмидесяти, а некоторые (*сальвадорско-гондурасский, русско-югославский*) – только в одном из них. Например, прилагательное *англо-русский* зафиксировано в РОС,

словарях-справочниках СТ и С/Р, в БСЭ, БЭС, т.е. в пяти из восьмидесяти словарей. Причем в этих словарях зафиксированы и прилагательные *англо-русский* и *русско-английский*. ПНТ *белорусско-русский (русско-белорусский), грузино-русский (русско-грузинский)* представлены в четырех словарях – БСЭ, БЭС, РОС, С/Р. Прилагательное *албано-русский* отмечено в С/Р, т.е. зафиксировано только в одном словаре и т. д. Прилагательное *болгарско-русский* представлено в РОС и словаре-справочнике С/Р. БСЭ и БЭС содержат прилагательное *болгаро-русский.* В РОС представлены оба варианта: *болгарско-русский* и *болгаро-русский.* Что касается обратимости компонентов данного прилагательного, то названные словари содержат оба варианты – и *болгаро(болгарско)-русский* и *русско-болгарский*. А вот в ЧС есть только прилагательное *русско-болгарский*.

Больше всего исследуемых нами адъективов представлено в орфографических словарях, некоторых грамматических словарях-справочниках и энциклопедических словарях. Хотя часто прилагательное, которое можно найти в орфографическом словаре, не представлено в энциклопедических и наоборот (например, прилагательные *абхазо-черкесский, австро-венгерский, австро-немецкий, американо-канадский, американо-советский* находим в РОС [II.39], в БСЭ и БЭС эти ПНТ не зафиксированы; прилагательные *американо-испанский, американо-мексиканский, армяно-турецкий, белорусско-литовский, итало-эфиопский* наоборот – отмечены в энциклопедических изданиях [II. 1,62], но не зафиксированы в РОС [II. 39]).

В БСЭ и БЭС прилагательные со значением национально-территориальной принадлежности зафиксированы вместе со стержневыми словами, например, *Американо-мексиканская война, Австро-германский договор, Англо-буро-зулусская война, австро-германский договор, американо-испанская война, англо-германская декларация, волжско-финские языки, Греко-Бактрийское царство.* Больше всего исследуемых нами прилагательных в БСЭ находим со стержневыми словами: соглашения: *англо-французские соглашения, германо-австрийские соглашения, вьетнамо-французские соглашения, испано-французские соглашения, польско-германские соглашения*; договор: *румыно-болгарский договор, румыно-венгерский*

договор, русско-австрийский договор, русско-германский договор, русско-корейский договор; война: *австро-итальянская война, австро-прусская война, англо-ашантийская война, армяно-турецкая война, греко-персидская война* и т. д. Реже – со словами: языки (*абхазско-адыгские, алгонкино-вакашские*), средиземное море (*австрало-азиатское*), котловина, поднятие (*австрало-антарктическая*), уния (*англо-ирландская*), союз (*англо-японский*) и т.д.

Как известно, энциклопедии — это научные справочные пособия, содержащие сведения из различных областей знаний, которые объясняют явления, дают справки о знаменитых людях, сведения о городах и странах, о выдающихся событиях, о войнах и революциях. Представленные в них ПНТ описывают и определяют характер выдающихся событий, указанных в данном издании: *Австро-турецкие войны, Американо-испанская война, Англо-буро-зулусская война, Англо-франко-русское соглашение, Польско-германское соглашение, Русско-турецкий договор, Русско-китайская декларация, Русско-японская конвенция* и т. д.

Прилагательные, которые зафиксированы в БСЭ и БЭС различны по количеству и характеру компонентов: чаще всего встречаются двухкомпонентные: *англо-французское соглашение, греко-персидские войны, немецко-французский ежегодник* и т.д. реже – трехкомпонентные: *аваро-андо-цезские языки, австро-итало-французская война, англо-буро-зулусская война, англо-советско-иранский договор, англо-франко-израильская агрессия* и т. д.

В данных изданиях больше всего зафиксировано сложных прилагательных с первыми компонентами англо-(*англо-афганские войны, англо-германское соглашение, англо-египетская война, англо-ирландская уния, англо-японский союз*), русско- (*русско-австрийское соглашение, русско-афганский конфликт, русско-иранский банк, русско-турецкий договор, русско-французский союз*), советско- (*советско-албанские соглашения, советско-ангольский договор, советско-вьетнамские соглашения, советско-йеменские договоры, советско-конголезский договор*).

В БЭС и БСЭ представлены по большей мере сложные прилагательные, первый компонент которых – редуцированная основа: *франко-вьетнамские войны* (нет прилагательного

французско-вьетнамский), *японо-китайская война* (нет прилагательного японско-китайский).

БЭС и БСЭ преимущественно содержат прилагательные, которые употребляются со словами *языки, семьи языков* и т. п. (*абхазско-адыгские языки, аваро-андо-цезские языки, алгонкино-вакашские языки, волжско-финские языки, прибалтийско-финские языки*), общественно-политической (*англо-франко-русское соглашение, англо-трансиорданские договоры, русско-японская конвенция, русско-датский союз, советско-польская война, советско-югославские соглашения, японо-китайская война*), культурно-образовательной (*франко-фламандская школа, чечено-ингушский университет*) сферах человеческой деятельности, а также сложные адъективы, которые обозначают государственные, территориальные или административные образования, историческую эпоху (*Греко-Бактрийское царство, монголо-татарское иго*).

В современном энциклопедическом словаре (1998) зафиксировано намного меньше сложных прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности чем в БСЭ и БЭС, словарь в основном содержит только название народностей (*австралийцы, австрийцы, абхазы, англоавстрийцы, англоканадцы*) и названия стран (*Австралия, Австрия*). В словаре не представлены прилагательные с компонентами *австро- , англо- , германо-, британо-, американо-, немецко-, французско-* и т. д.

Как известно, сложные прилагательные в русском языке рассматривались в основном в орфографическом аспекте, поэтому, если брать во внимание лингвистические словари, то больше всего сложных адъективов зафиксировано именно в тех изданиях, цель которых указать правильный вариант написания слова. Сложные прилагательные со значением национально-территориальной принадлежности не являются исключением – они также наиболее широко представлены в орфографических словарях и словарях-справочниках.

Орфографические словари русского языка, являясь нормативными справочниками, содержат активную общеупотребительную лексику в той мере, в какой она отражается в художественной литературе, в газетно-публицистической и разговорной речи. Значительное место в словаре занимает

специальная терминология различных областей научного знания и практической деятельности.

Для некоторых прилагательных в словаре фиксируются варианты и с редуцированной основой в качестве первого компонента и с нередуцированной: например, *вьетнамо-русский* и *вьетнамско-русский*, *японо-китайский* и *японско-китайский*. Но чаще представлен только вариант с редуцированной основой: *англо-русский* (нет английско-русский), *ирано-турецкий* (нет иранско-турецкий), *итало-австрийский* (нет итальяно- (итальянско-) − австрийский) и т. д.

Интересен также тот факт, что в орфографическом словаре не зафиксированы прилагательные с компонентами *британо-*, *британско-* , *германо-*, *германско-* , хотя сложные прилагательные такого типа часто встречаются в устной и письменной речи и некоторые из них зафиксированы в словаре-справочнике «Слитно или раздельно?» (*германо-польский, германо-советский, германо-итальянский* и т.д.). Прилагательные с компонентами *советско-*, *славяно-* в данном лексикографическом издании представлены: *советско-американский, советско-болгарский, советско-японский, славяно-греко-латинский, славяно-русский* и т. д.

Многие орфографические словари не фиксируют сложные прилагательные со значением национально-территориальной принадлежности, которые представлены в частотных словарях. Так, например, прилагательное *англо-американский* не указано в орфографических словарях под редакцией С.Г. Бархударова (этот словарь содержит только прилагательные *англо-русский, англо-советский, англо-советско-иранский*) и Л.А. Введенской (есть только прилагательные *англо-саксонский, англо-российский*), но оно представлено в орфографическом словаре под ред. Э. В. Белик.

Прилагательное *китайско-американский, коми-пермяцкий, советско-французский, франко-советский* – в словаре под ред. С. Г. Бархударова, *советско-американский* – в словарях под ред. С. Г. Бархударова и Э. В. Белик, *франко-русский* – в словарях под ред. Л. А. Введенской, С. Г. Бархударова.

Как уже упоминалось, согласно Частотному словарю, наиболее частотными являются прилагательные *англо-французский* и *франко-советский*. Эти сложные прилагательные не зафиксированы ни в

одном из анализируемых орфографических словарей. Прилагательные *западногерманско-греческий, англо-французский, испанско-португальский, кабардино-балкарский, кубань-калаусский, олекмо-витимский, печоро-илычский, славяно-сербский, советско-английский, советско-арабский, советско-афганский, советско-гвинейский, франко-австрийский, франко-бельгийский, франко-германский, чечено-ингушский, шведско-американский, швейцарско-итальянский,* которые отмечены в частотном словаре, также не указываются в рассмотренных орфографических лексикографических изданиях.

Также в орфографических словарях не зафиксированы многие ПНТ, которые мы находим в БСЭ и БЭС. Например, *абхазско-адыгский, аваро-андо-цезский, американо-французский, англо-афганский, англо-германский, англо-голландский, англо-египетский, греко-персидский* и т.д.

На практике довольно часто возникают трудности с написанием того или иного многокомпонентного сложного прилагательного, но, хотя целью орфографического словаря и является указать слова, которые следует рассмотреть с точки зрения правописания, в Орфографических словарях зафиксировано очень незначительное количество многокомпонентных сложных прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности. Это трехкомпонентные прилагательные *австро-итало-французский, англо-советско-иранский* (словарь под ред. С. Г. Бархударова), *славяно-греко-латинский* (словарь под ред. Л. А. Введенской). В Орфографическом словаре под ред. Э. В. Белик совсем не зафиксированы трехкомпонентные сложные прилагательные данного типа. Не фиксируют орфографические словари и все те многокомпонентные прилагательные, которые содержатся в различных словарях-справочниках, таких как «Слитно или раздельно», «Трудности русского языка» и т. д.

Хотя орфографические словари считаются нормативными справочниками и охватывают всю современную лексику, в них не представлены сложные прилагательные, которые сейчас на слуху и довольно часто употребляются в устной и письменной речи (газеты, выпуски новостей, и т. д.). Орфографические словари в основном фиксируют двухкомпонентные сложные прилагательные с

редуцированным первым компонентом: *англо-итальянский, испано-русский, ирано-турецкий* и т.д.

Наряду с орфографическими словарями, справочник «Слитно или раздельно», также фиксирует сложные прилагательные со значением национально-территориальной принадлежности с указанием на особенности их написания. Этот справочник посвящен, по мнению многих лингвистов, одному из самых трудных вопросов современной русской орфографии – слитному, раздельному или дефисному написанию слов. Так, скорее всего, по причине сложной структуры и дефисного написания анализируемые прилагательные были зафиксированы в данном справочнике. Например, *австрийско-венгерско-славянский, аваро-андо-цезский, австро-итало-французский, датско-германский, датско-шведско-норвежский* и т. д.

Основным источником для нового материала, включенного в данное лексикографическое издание, была Большая Советская Энциклопедия, поэтому можно предположить, что большинство анализируемых прилагательных, которые встречаются в БСЭ, представлены также и в этом словаре-справочнике, только здесь они фиксируются без определяемого слова. Например, *Абхазско-адыгские языки* (БСЭ) – *абхазско-адыгский* (С/Р) ; *австро-германский договор* (БСЭ) – *австро-германский* (С/Р) и т.д.

Кроме БСЭ, составители С/Р указывают еще другие источники, такие как, «Орфографический словарь», «Новые слова и значения», «Новое в русской лексике», периодическая печать, научно-популярная и художественная литература. В этом словаре-справочнике представлены разные по структуре прилагательные. Во втором издании (1976), как отмечают в предисловии сами составители, особое внимание было обращено на сложные прилагательные, состоящие более чем из двух компонентов. Это касается и сложных прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности: *австро-итало-французский, англо-буро-зулусский, датско-шведско-норвежский, польско-литовско-белорусский, русско-австро-германский*.

Седьмое издание (1988) справочника дополнено четырехкомпонентными (*англо-американо-голландско-австралийский, англо-голландско-американско-французский, англо-франко-американско-голландский*) и пятикомпонентными (*немецко-*

русско-англо-французско-испанский) прилагательными данного типа. Кроме того, издание 1988 г. включает в себя больше двух- и трехкомпонентных сложных прилагательных, например, такие адъективы как *абазинско-русский, абердин-ангусский, абрамцево-кудрицкий, австрийско-венгерско-славянский, австро-германо-болгарский* и т.д. в предыдущем издании данного справочника не зафиксированы.

Некоторые анализируемые прилагательные, которые представлены в словаре «Слитно или раздельно», не указаны в других словарях русского языка, например, *австрало-азиатский, австрало-новозеландский* (другие словари дают только примеры прилагательных с основами *австро-, австралийско-*), *австронезийско-австроазиатский, адыго-кабардинский, адыгско-черкесский* и т. д.

В данном словаре в некоторых случаях представлены варианты сложных прилагательных и с нередуцированной и с редуцированной формами первого компонента: *франко-английский* и *французско-английский, японо-китайский* и *японско-китайский, абхазо-адыгский* и *абхазско-адыгский* и т. д. Но, как и в других словарях, количество прилагательных с редуцированной основой превышает количество прилагательных с нередуцированной основой. Так, в седьмом издании словаря «Слитно-раздельно» представлены такие прилагательные с компонентом *франко-: франко-американский, франко-английский, франко-баварский, франко-бельгийский, франко-вьетнамский, франко-германский, франко-голландский, франко-испанский, франко-итальянский, франко-камерунский, франко-канадский, франко-китайский* и т. д (всего 33 примера), а с компонентом *французско*-зафиксировано только четыре прилагательных: *французско-английский, французско-немецкий, французско-русский, французско-японский*.

Больше всего представлено прилагательных с первыми компонентами австро-:*австро-венгерский, австро-венгро-чешский, австро-германо-болгарский, австро-русско-германский, австро-турецкий* и т. д.(всего 17 прилагательных), американо-:*американо-английский, американо-боннский, американо-британский, американо-вьетнамский, американо-европейский* и т. д. (всего 22 прилагательных), англо-:*англо-американский, англо-германский,*

англо-датский, англо-египетский, англо-норвежско-шведский и т.д.(всего 58 прилагательных) ,русско-:*русско-австрийский, русско-персидский, русско-польский, русско-германско-французский, русско-карачаево-балкарский* и т. д. (всего 51 прилагательное), советско-:*советско-албанский, советско-болгарский, советско-корейский, советско-ливийский, советско-южнойеменский* и т. д. (всего 90 прилагательных), франко-:*франко-американский, франко-баварский, франко-западногерманский, франко-итало-австрийский, франко-мексикано-никарагуанский* и т. д. (всего 33 прилагательных).

В данном лексикографическом издании также указаны сложные прилагательные, обозначающие принадлежность к древним народам, например, *древнеперсидско-эламско-вавилонский, шумеро-аккадо-хеттский, шумеро-вавилонский, шумерско-аккадский* и т.д.

Словарь трудностей русского языка под редакцией Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой [II. 56] также содержит некоторые сложные прилагательные со значением национально-территориальной принадлежности, но в этом лексикографическом издании представлено небольшое их количество, т.е. только те, которые, по мнению составителей, представляют трудные случаи написания, произношения, словоупотребления и т.д. В предисловии отмечено, что не последнюю роль в отборе материала для словаря играли наблюдения самих составителей над речью людей, экспериментальная проверка «трудных» случаев, проводившаяся в среде студентов-филологов, учителей-словесников, дикторов радио и телевидения и т. д. В списке использованных источников также указаны орфографический, орфоэпический словари русского языка, словарь-справочник «Слитно или раздельно», словарь названий жителей, толковый словарь русского языка и т. д.

В данном лексикографическом издании объясняется разница в значениях прилагательных с первым компонентом англо- и компонентом *английско-* : *англо-* указывает на двусторонность отношений *(англо-японские торговые связи, англо-бурская война, англо-русский словарь)*; английско- указывает на совместность отношений *(английско-шотландское побережье)*. Также в словаре указывается разница между прилагательными с первыми компонентами *франко-* и *французско-* : *франко-* относящийся к Франции *(франко-прусская война, франко-турецкие отношения)*;

французско- относящийся к французам) [II. 56] и дается пример: *французско-русский словарь,* в котором компонент *французско-* скорее указывает на язык, а не название нации.

Составители не включили в состав словаря, например, прилагательные с компонентами *финско-* и *финляндско-, германо-* и *германско-* и т. д. Если рассматривать прилагательные с компонентом *англо-* , то в данном словаре представлено только прилагательное «*англо-американский*» и нет таких прилагательных как, например, *англо-немецкий, англо-французский,* и т. д. Кроме указанных выше, данное лексикографическое издание фиксирует также такие прилагательные как *греко-российский (греко-русский нет), монголо-татарский, тюрко-татарский, кабардино-балкарский, кабардино-черкесский*.

Некоторые ПНТ входят также и в состав издания «Новое в русской лексике», которое состоит из ряда книжек-тетрадей, содержащих отсутствующие в лексикографических изданиях новые слова, новые значения слов и выражения, зарегистрированные по текстам массовых периодических изданий в определенный период времени. Особенностью этого лексикографического издания является также «более широкий допуск включаемого материала по сравнению с толковыми словарями» (А. А. Брагина [16, с. 112]). Это касается некоторых лингвистических разрядов слов — производных от собственных имен, аббревиатур, числительных, сложных слов с дефисным написанием и некоторых других.

В данном справочнике зафиксированы некоторые из прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности, которые не представлены в Большой Советской Энциклопедии, Орфографическом словаре, «Слитно или раздельно?»: *гондурасско-никарагуанский, индийско-вьетнамский, ливийско-французский, никарагуано-коста-риканский, севернойеменско-советский* и т. д. Возможно, это связано с тем, что составители, как отмечено в предисловии, приняли решение не включать в состав справочника слова, имеющиеся в вышеуказанных словарях.

Кроме орфографического аспекта, в данном справочнике составители указывают и некоторые особенности функционирования анализируемых прилагательных, приводят примеры употребления прилагательных такого типа в речи, рассматривают их значение.

Например, американо-израильский- – осуществляющийся США и Израилем (*американо-израильская интервенция*); гондурасско-никарагуанский – относится к Гондурасу и Никарагуа (*гондурасско-никарагуанская граница*) и т. д.

В данном лексикографическом издании представлена также группа слов с неполным описанием. Среди них есть рассматриваемые нами прилагательные, которые фиксируются только с определяемым словом, но для которых не указывается толкование. Например, *австрийско-западногерманская граница, ангольско-мозамбикская компания, аргентино-советские отношения, американо-гренадские отношения, британо-советские переговоры.*

В отличие от рассмотренных выше лексикографических изданий, частотные, словообразовательные и сводные словари русского языка содержат сравнительно небольшое количество ПНТ.

Частотные словари, как известно, составляются в первую очередь для определения границ активного словарного состава. Основное назначение словаря — дать достаточно полные сведения о современной лексике с учетом жанровой ее дифференциации. Исходя из наличия основных функциональных сфер речи, для данного словаря были определены четыре группы текстов-источников: художественная проза, драматургия, научные и публицистические тексты, газетные и журнальные тексты. Частотные словари содержат слова, относящиеся к разным частям речи и различные по своей структуре.

Многие прилагательные из тех, которые представлены в словаре представлены только в одной из четырех жанровых подгрупп текстов (I — газетно-журнальные тексты, II — драматургия, III — научные и публицистические тексты, IV — художественная проза), например, *англо-американский* (I), *испанско-португальский* (I), *коми-пермяцкий* (I), *курган-тюбинский* (I), *печеро-илычский* (I), *русско-болгарский* (I), *русско-турецкий* (I), *славяно-сербский* (I), *советско-американский* (I), *китайско-американский* (II), *кабардино-балкарский* (III), *франко-австрийский* (III), *советско-французский* (III) и т. д.

Некоторые прилагательные со значением национально-территориальной принадлежности, которые зафиксированы в словаре, представлены в двух жанровых подгруппах текстов: *англо-саксонский* (I, II), *англо-французский* (II, III).

Чаще всего, согласно частотному словарю, сложные прилагательные со значением национально-территориальной принадлежности представлены в газетно-журнальных текстах: *англо-американский, западногерманско-греческий, испанско-португальский, коми-пермяцкий, кубань-калаусский, олекмо-витимский, печеро-илычский, русско-болгарский, русско-турецкий* и т. д., реже – в научных и публицистических текстах: *англо-французский, кабардино-балкарский, советско-английский, советско-французский, франко-австрийский*, и драматургии: *англо-саксонский, англо-французский, китайско-американский*.

Хотелось бы обратить внимание на спонтанность выборки сложных прилагательных, которые находятся в составе частотного словаря. Так, согласно данным Частотного словаря под ред. Л. Н. Засориной, самыми частотными являются прилагательные *англо-американский* (зафиксировано в газетно-журнальных текстах 24 раза) и *франко-советский* (зафиксировано в газетно-журнальных текстах 14 раз). Прилагательное *кабардино-балкарский* (III), встретилось 3 раза; *англо-саксонский* (I, II), *западногерманско-греческий* (I), *китайско-американский* (II), *советско-афганский* (I), *франко-бельгийский* (I), *франко-германский* (I), *франко-русский* (I) – 2 раза; прилагательные *англо-американский* (I), *испанско-португальский* (I), *коми-пермяцкий* (I), *кубань-калаусский* (I), *курган-тюбинский* (I), *олекмо-витимский* (I), *печеро-илычский* (I), *русско-болгарский* (I), *русско-турецкий* (I), *славяно-сербский* (I), *советско-американский* (I), *советско-английский* (III), *советско-арабский* (I), *советско-гвинейский* (I), *советско-французский* (III), *франко-австрийский* (III), *чечено-ингушский* (I), *шведско-американский* (I), *швейцарско-итальянский* (I) – зафиксированы в разных источниках только один раз, но, тем не менее, они вошли в состав словаря.

Сложные прилагательные со значением национально-территориальной принадлежности находим также в Словообразовательном словаре А. Н. Тихонова: *сербскохорватско-русский, русско-японский, греко-латинский, австро-итало-французский, армяно-турецкий* и т. д.

Как известно, задача словарей названного типа — выявить словообразовательную структуру наличных в языке слов, показать членение слов на морфемы. Естественно ожидать, что

рассматриваемые прилагательные будут представлены в такого рода словарях в связи с их структурой, но в действительности некоторые прилагательные со значением национально-территориальной принадлежности фиксируются только в словообразовательных словарях, которые имеют довольно большой объем и содержат около 140 000 слов.

Например, двумя изданиями (1961,1964) вышел «Школьный словообразовательный словарь» З. А. Потихи под редакцией С. Г. Бархударова. Словарь содержит около 25'000 слов, включает в себя три приложения: 1) довольно подробный алфавитный список приставок и суффиксов имен существительных, имен прилагательных и глаголов; 2) перечень наиболее употребительных греко-латинских словообразовательных элементов в русской терминологии; 3) краткие исторические справки о фонетических процессах, изменивших звуковую структуру слова в процессе развития языка, но анализируемые прилагательные в данном лексикографическом издании не представлены.

В 1985 г. вышло двухтомное издание словообразовательного словаря А. Н. Тихонова, содержащее около 145'000 слов (2-е изд. 1990 г.). Данное издание включает ряд сложных прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности с компонентами: австро- (*австро-азиатский, австро-венгерский, австро-итало-французский*), *англо-* (*англо-китайский, англо-советский, англо-французский*), *русско-* (*русско-австрийский, русско-американский, русско-арабский*), *славяно-* (*славяно-греко-латинский, славяно-русский*), *советско-* (*советско-английский, советско-польский, советско-японский*), *японо-* (*японо-китайский, японо-советский*) и др. Указана также возможность обратимости компонентов ПНТ. Например, после прилагательных с первым компонентом *англо-* (*англо-китайский, англо-русский, англо-советский, англо-французский*), приводятся прилагательные *русско-английский* и *советско-английский,* указывая на возможность обратимости компонентов прилагательных *англо-русский* и *англо-советский.*

Сложные слова, в частности сложные прилагательные со значением национально-территориальной принадлежности, характеризуются в данном словаре согласно морфолого-

акцентологическому, словообразовательному, морфемному, фонетико-графическому аспектах.

Особенности словоизменения сопровождаются комментарием, приводятся допустимые варианты словоформ.

Сложные прилагательные, которые представлены в Словообразовательном словаре, двухкомпонентны или трехкомпонентны: *австро-прусский, австро-итало-французский, славяно-русский, славяно-греко-латинский.*

Некоторые из сложных прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности, которые зафиксированы в БСЭ, БЭС, Орфографическом словаре представлены также в Сводном словаре русского языка. В отличие от названных изданий, в данном словаре исследуемые лексические единицы указаны без стержневого слова: *абердин-ангусский* [II. 43] (*абердин-ангусская порода* [II. 1, II. 62]); *австрало-азиатский* [II. 43] (*австрало-азиатское средиземное море* [II. 1, II. 62]); *австро-турецкий* [II. 43] (*австро-турецкие войны* [II. 1, II. 62]) и т.д.

Как и в рассмотренных выше словарях и справочниках, в Сводных словарях находим в основном двухкомпонентные: *югославско-венгерский, эскимосско-алеутский, чукотско-камчатский, харьковско-киевский, франко-фламандский*, реже – трехкомпонентные ПНТ: *франко-итало-австрийский, англо-советско-иранский, аваро-андо-цезский*.

В данном лексикографическом издании представлены почти все структурные типы ПНТ: *франко-американский, финно-угорский, русско-прусско-французский* (с редуцированной формой обозначения компонентов), *японско-русский, юкагирско-чуванский, кубинско-советский* (с нередуцированными компонентами); *германо-австрийский, германо-советский, германо-польский* (субституция) и т.д.

Таким образом, больше всего прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности представлено в Русском орфографическом словаре, Большой советской энциклопедии и Советском энциклопедическом словаре, словаре-справочнике «Слитно или раздельно?» но даже в этих словарях нет всего, что на слуху (например, таких прилагательных, как *украинско-немецкий, украинско-польский* и т. д.). А иногда наоборот – в словаре

встречается довольно много сложных прилагательных, которые мы редко употребляем в речи и не так часто слышим с экранов телевизоров. Например, в Частотном словаре русского языка зафиксированы такие прилагательные, как *западногерманско-греческий, кубань-калаусский, печоро-илычский* и т. д. и совсем не представлены такие, казалось бы, частотные прилагательные, как *русско-немецкий, англо-русский, франко-немецкий* и т. д. В этом словаре зафиксировано только 2 прилагательных с компонентом *русско-*: *русско-болгарский* и *русско-турецкий*. Для сравнения, в РОС таких прилагательных 23. Например, *русско-японский, русско-китайский, русско-польский, русско-украинский, русско-английский* и т. д.

Факторы, определяющие особенности лексикографической маркировки ПНТ

Лексикографы по-разному подходят к проблеме включения в словарь и описания лексических единиц. Ученые называют разные факторы, влияющие на лексикографическое описание слов. Например, принцип относительности и ориентированности на адресата, принцип стандартности, принцип экономности, принцип простоты, принцип полноты [14, с. 147].

Некоторые лексикографы придерживаются традиционного подхода к работе по составлению словарного издания, который состоит из следующих этапов: определение типа лексикографического справочника и его адресата, подбор источников, разработка принципов формирования словника и способов лексикографирования входных единиц. Критерии отбора лексики – частота и актуальность явления, которое слово обозначает, а также наличие письменных подтверждений, в том числе электронных (М. Л. Апажев [3], В. В. Дубичинский [18], В. А. Козырев [23]).

В. В. Дубичинский выделяет 5 основных принципов лексикографирования: преемственность лексикографических произведений (словари при описании нового словарного материала опираются на существующие лексикографические традиции),

субъективный фактор (индивидуально-стилистический), обусловленность жестким прагматизмом (словарь ориентирован на определенного читателя), нормативность в отборе и подачи лексики (словарь связан с выработкой литературной нормы языка), теоретическая и практическая многоплановость лексикографических произведений (при научном анализе словарного состава языка всегда остаются неотраженные аспекты) [18, с. 261]. Принципы отбора материала для словаря могут быть хронологическими, нормативными, дифференцирующими по смыслу, функционально-стилистическими, переводческими (с точки зрения контрастивной ценности лексики).

Некоторые лексикографы выделяют 3 взаимосвязанные группы принципов отбора лексики [169]:

1) статистические принципы (частотность и распространенность слова). Частотность – суммарное количество употреблений одного итого же слова в источнике или совокупности источников. Распространенность – количество источников, в которых данное слово употреблялось хотя бы один раз. Употребительность – суммарный показатель, синтез двух принципов – регулярность появления слов в различных источниках и удельный вес.

2) методические принципы – ориентация словаря на цели обучения.

3) лингвистический принципы: принцип сочетаемости лексических единиц – ценность лексики определяется сочетательными способностями.

Согласно предисловиям к некоторым словарям, отбор лексики производится по таким критериям: сфера употребления, историческая перспектива, происхождение, характеристика типов слов, источник [II. 55, 67, 85].

Что касается особенностей лексикографической маркировки ПНТ, нужно отметить, что они зависят от многих лингвистических и экстралингвистических факторов. Важнейшими из них, с нашей точки зрения, являются характер ПНТ, характер стержневого слова, характер издания, наличие реальных предпосылок существования ПНТ.

Рассмотрим некоторые из них.

Характер ПНТ

Одним из наиболее существенных факторов, по нашему мнению, является характер самого ПНТ. Трудности в лексикографической маркировке сложных прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности в частности, связаны и их неустойчивостью и подвижностью в коммуникативном пространстве. Многие из анализируемых прилагательных, ещё не успев перейти из различных текстов в словари, так и сохраняют статус окказиональных элементов. Другие лексемы, хотя и фиксируются в лексикографических источниках, тем не менее быстро устаревают, уступая место новым сложным прилагательным, которые употребляются в различных источниках в связи с новыми, актуальными событиями в общественно-политической, экономической и т. д. сферах человеческой деятельности. Лексикографы часто не успевают регистрировать новые сложные прилагательные данного типа и вносить соответствующие изменения при их лексикографической маркировке.

Так как объем словаря обычно ограниченный и фиксированный, лексика, которая вносится в то или иное лексикографическое издание имеет определенные хронологические рамки. Например, если речь идет о Современном орфографическом словаре, изданном в 2003 году, то, соответственно, он будет содержать лексические единицы, которые являются актуальными на момент сбора материала для создания словаря. Не стали исключением и сложные прилагательные со значением национально-территориальной принадлежности: в лингвистических словарях в основном фиксируются некоторые из тех прилагательных, которые употребляются в связи с особо важными историческими событиями или общественно-политическими, экономическими и культурными событиями, произошедшими незадолго до составления словаря. Например, известен ряд заключенных американо-японских договоров, следовательно, прилагательное *американо-японский* вошло в энциклопедические и некоторые лингвистические словари, изданные после подписания данных договоров.

Или, например, в СМИ постоянно обсуждалась тема взаимоотношений России и Украины, как следствие, в

орфографических словарях стали фиксировать прилагательное *украино-российский* и т. д. Но, в некоторых случаях не все соответствующие адъективы, которые указывают на события новейшей истории, фиксируются в словарях. Например, нередко обсуждается тема сотрудничества между Украиной и Америкой, но прилагательного *украино-американский* или *американо-украинский* нет ни в одном словаре. Или многие СМИ уже длительное время расследуют роль англо-ирландского банка в падении британского рынка недвижимости, но прилагательное *англо-ирландский* не занесено ни в один орфографический словарь. Возможно, это связано с тем, что лексикографы не успевают фиксировать все прилагательные данного типа, так как их объем чрезвычайно велик, или со стандартностью модели этих лексических единиц (в словаре приводится несколько примеров таких прилагательных, а все остальное – образуется по аналогии).

Не только актуальность лексики, но и частота употребления лексической единицы является одним из важных факторов, которые учитываются при создании словаря. Как известно, словари основываются на определенном исходном материале, следовательно, в данном лексикографическом издании будут зафиксированы только те слова, которые чаще всего в этом материале используются. Например, большинство общих словарей русского языка в основном основываются на известных толковых словарях и, следовательно, основная масса слов, которая содержится в этих словарях, отобрана из толковых. Возможно, это можно связать с тем фактом, что сложные прилагательные со значением национально-территориальной принадлежности не фиксируются как в толковых, так и в общих словарях.

Например, если говорить о сложных прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности, которые употребляются со словами язык, словарь, разговорник и т. д. в лексикографических изданиях, скорее всего, фиксируются сложные адъективы, компоненты которые обозначают названия языков, на которых говорит большое количество населения. Например, *англо-французский, болгарско-турецкий, испанско-русский, итальянско-французский, китайско-японский, немецко-итальянский* и т. д.

Специфика лексикографической маркировки ПНТ связана также с особенностями их структуры, в частности с тем, что большинство сложных прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности образуются согласно стандартным моделям: с редуцированной формой обозначения компонента: *русско-болгарский, русско-турецкий, австро-венгерский, абхазо-черкесский*; или полной: *абхазско-адыгский, австралийско-советский, российско-американский* и т. д. Обычно в словарях фиксируются только несколько сложных прилагательных данного типа, и, скорее всего, считается, что все остальное – по аналогии. Например, в орфографическом словаре представлено только одно трехкомпонентное прилагательное с первым компонентом англо – *англо-немецко-русский*, хотя в действительности в разных сферах общественной жизни используется большое количество таких прилагательных: *англо-итало-французский, англо-норвежско-шведский, англо-советско-иранский* и т.д. В словообразовательном словаре А. Н. Тихонова, например, указано только одно прилагательное с первым компонентом японо- : *японо-китайский*, хотя в различных источниках встречаются еще и прилагательные *японо-корейский, японо-малайский, японо-таиландский* и т. д.

Прилагательное такого типа, как было указано выше, может включать в себя разное количество неодинаковых по своему характеру компонентов. Среди прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности, которые зафиксированы в проанализированных нами справочно-лексикографических изданиях представлены ПНТ с типами сочетания компонентов:

1. Редуцированный первый компонент + второй компонент простое прилагательное, компонентам не характерна субституция (*абхазо-адыгский, австро-турецкий, австро-немецкий, англо-персидский, англо-саксонский, англо-русский* и т. д.)

2. Редуцированный первый компонент + второй компонент простое прилагательное, для одного или обоих компонентов характерна субституция (*австро-советский, британо-американский, венгеро-советский, европейско-сибирский, советско-болгарский, советско-бразильский* и т. д.)

3. Нередуцированный первый компонент + второй компонент простое прилагательное, для обоих компонентов не характерна субституция (*австралийско-английский, абхазско-русский, вавилонско-византийский, итальянско-французский, российско-американский* и т. д .)

4. Многокомпонентные прилагательные, в составе которых несколько редуцированных компонентов + последний компонент простое прилагательное, для одного или нескольких компонентов характерна субституция (*германо-австро-турецкий*)

5. Многокомпонентные прилагательные, в составе которых несколько нередуцированных компонентов + последний компонент простое прилагательное, для одного или нескольких компонентов характерна субституция (*британско-австралийско-новозеландский, британско-норвежско-шведский* и т. д.)

6. Многокомпонентные прилагательные, в составе которых один или несколько редуцированных компонентов + один или несколько нередуцированных + последний компонент простое прилагательное, для одного или нескольких компонентов характерна субституция (*норвежско-американо-итальянский*, *англо-голландско-американско-французский,англо-голландско-ганноверский* и т. д.)

7. Многокомпонентные прилагательные, в составе которых несколько редуцированных компонентов + последний компонент простое прилагательное, для компонентов не характерна субституция (*русско-прусско-австрийский, австро-франко-итальянский, англо-итало-французский*, *немецко-русско-англо-французско-испанский* и т.д.)

И в энциклопедических и в лингвистических словарях наиболее широко представлены сложные прилагательные 1-й и 7-й групп: *австро-прусский, англо-японский, англо-франко-китайский, аваро-андо-цезский, австро-итало-французский* (БСЭ); *славяно-русский, тюрко-татарский, испано-португальский, русско-немецкий, испано-русский* (РОС); *австро-итальянский, армяно-греческий, русско-арабский, славяно-греко-латинский, австро-франко-итальянский* (Слов Сл.) и т. п.

Характер стержневого слова

Как известно, сложные прилагательные со значением национально-территориальной принадлежности могут употребляться в различных контекстах с разными определяемыми словами. Например, «*Абха́зо-ады́гские языки́ — одна из групп кавказских языков, входящая в северокавказскую надсемью*.» [II. 1]; «*Военно-морские силы Австро-Венгрии являлись одним из видов вооружённых сил Австро-Венгерской империи*.» [II. 1]; «*Сербско-австро-венгерский конфликт, ставший увертюрой мирового пожара, не был случайным обострением отношений двух стран в результате сараевского покушения*.» и т. д.

Стержневое слово указывает на сферу функционирования, в которой используется прилагательное: *Парижско-нидерландский банк, американо-российский фонд, итало-российское предпринимательство* (экономическая сфера человеческой деятельности), *итало-германская интервенция, американо-израильские военные учения, английско-китайский лагерь* (военная), *англо-американские заимствования, английско-норвежские слова, русско-украинский словарь* (лингвистическая) и т. д. В различного рода словарях и справочниках в основном представлены так называемые универсалии – ПНТ, функционирующие в большинстве сфер жизни и деятельности общества (*англо-русский, франко-немецкий, англо-американский* и т.п.), а также прилагательные, которые в большей мере встречаются в политических текстах и текстах официально-деловых документов.

Также как и для самих ПНТ, для стержневых слов, с которыми соответствующие адъективы указываются в словарях, не существует определенных критериев отбора для их фиксации в лексикографических изданиях. Скорее всего, в словарях представлены ПНТ с теми словами, с которыми они встретились в исходном материале.

Из 996 прилагательных, которые приводятся в рассмотренных нами лексикографических источниках, со стержневыми словами представлено 259. Среди сложных прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности, которые представлены в справочно-лексикографических и энциклопедических

изданиях вместе со стержневыми словами, большинство фиксируются с определяемыми словами *соглашение* (112): *англо-франко-русское соглашение, русско-китайско-монгольское соглашение, русско-румынское соглашение, советско-австралийское соглашение, советско-греческое соглашение* и т.п.; договор (53): *американо-китайский договор, американо-панамский договор, англо-ирландский договор, вьетнамо-французский договор, корейско-американский договор* и т. п.; война (40): *русско-польская война, советско-финляндская война, франко-китайская война, франко-прусская война, японо-китайская война.* Остальные ПНТ приводятся в сочетании с субстантивами *языки, словарь, союз, комитет, летописи, культура, конфликты, республика, ежегодник, конвенция* и т. п.: *австро-азиатские языки, англо-советский профсоюзный комитет, египетско-турецкие конфликты, русско-датский союз, немецко-французский ежегодник*.

В справочно-лексикографических и энциклопедических изданиях одни и те же ПНТ могут приводиться с несколькими определяемыми словами. Например, *англо-германский* (декларация, военное соглашение), *англо-ирландский* (уния, договор), *австрало-атлантический* (котловина, поднятие), *кабардино-балкарский* (автономная республика, правда, университет), *русско-иранский* (война, банк, договор) [II. 62]. В проанализированных источниках с наибольшим количеством определяемых ими субстантивов представлены такие ПНТ: *русско-турецкий* (война, договор, соглашение); *русско-французский* (военно-морская конвенция, войны, союз); *русско-японский* (война, конвенция, договоры, соглашения) [II. 1, 62]. Также одно и то же прилагательное со значением национально-территориальной принадлежности может фиксироваться с разными стержневыми словами: например, *англо-японский* (союз) [II. 62], (торговые связи) [II. 56]; *англо-русский* (комитет единства, соглашение) [II. 62], (словарь) [II. 56]; и т. д.

Характер словаря

Довольно часто принципы отбора лексики зависят от функций словаря. Так, например справочник для самых разнообразных целей, кроме узкоспециальной терминологии, предполагает принцип нормативности лексики; справочник для любых целей обучения руководствуется строгой синхронностью; учебный словарь для работы над активной и пассивной лексикой ориентируется не только на индивидуальный словарный запас, но и на определенный круг тем, а активная работа над лексикой по определенной тематике предполагает целенаправленность отбора слов.

Необходимо отметить, что прилагательные со значением национально-территориальной принадлежности чаще фиксируются в энциклопедических словарях, чем в лингвистических. Так как энциклопедический словарь содержит сведения из всех областей общественно-политической жизни, экономики, науки, техники, литературы, искусства и т. д., в нем представлено большое количество анализируемых прилагательных, которые функционируют в указанных сферах человеческой деятельности в связи с событиями, которые описаны в данном словаре (*Хорватско-венгерское соглашение, Советско-югославские соглашение, Чечено-ингушский университет, Советско-финляндская война, Советско-сирийский договор*).

Лингвистические словари, в отличие от энциклопедических, фиксируют только те сложные прилагательные со значением национально-территориальной принадлежности, которые встретились в исходном материале, на базе которого составлялся словарь, или были отобраны по каким-то другим критериям (*армяно-азербайджанский, афгано-российский, болгаро-турецкий, греко-византийский, ирако-кувейтский* и т.д.).

Необходимо также отметить, что специальные справочники отличаются большей полнотой, чем словари, в представлении сложных прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности. Так, во многих словарях сложные прилагательные типа *итальянско-русский, европейско-американский, китайско-корейский* вообще не представлены. Во многих специальных словарях-справочниках, при рассмотрении того или иного аспекта лексической единицы (орфографического, орфоэпического, семасиологического и т. д.), больше внимание

обращается на особенности написания и функционирования в речи сложных слов, в том числе и сложных прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности.

Исходный материал, который используется при составлении словаря, является важным фактором, который влияет на состав словника. Из типологии словарей видно, что главными составляющими являются принципы отбора материала, его организации и интерпретации. Каждая из этих составляющих включает в себя множество компонентов. На отбор материала накладываются различные ограничения: хронологические, нормативные, функционально-стилистические и т. д. В проанализированных словарях, как правило, на круг источников справочника авторы ссылаются во введении.

Надо принимать во внимание, что при составлении словарей авторы отталкиваются от определенных источников, в которых не всегда фиксируются все слова, которые употребляются в устной и письменной речи. Поэтому следует полагать, что не все сложные прилагательные со значением национально-территориальной принадлежности, которые мы встречаем в газетах, выступлениях на телевидении, живой речи представлены в словарях.

Важно отметить также тот факт, что при составлении словаря авторы в качестве основного исходного материала используют тексты из художественной литературы. А, как известно, сложные прилагательные со значением национально-территориальной принадлежности не часто употребляются в художественном стиле.

Словарный состав словаря во многом зависит от целей и задач соответствующего издания, от хронологических рамок лексики и т. д. Например, в предисловии к БСЭ указано, что, «…в данном издании должны найти отражение всемирно-исторические успехи в области экономики, науки, культуры, изменения политической карты мира, образование новых независимых государств, процесс сближения национальных культур…». Как видим, данное лексикографическое издание касается почти всех сфер человеческой деятельности, где могут употребляться анализируемые прилагательные, поэтому, естественно ожидать, что многие из сложных адъективов, которые описывают характер важных общественно-политических, экономических, культурных событий, произошедших во время (или

раньше) составления БСЭ, будут зафиксированы в данном энциклопедическом издании.

Большое количество рассматриваемых прилагательных зафиксировано также в Большом энциклопедическом словаре, так как цель и задачи этого издания во многом совпадают с задачами БСЭ: «цель – создать книгу, которая бы служила источником повседневных справок по вопросам, возникающим при чтении газет, журналов, книг, учебной литературы, слушании радиопередач, просмотре телепередач и т.д.». Согласно задачам данного издания, оно должно фиксировать большинство слов, которые встречались в таких источниках как газеты, журналы, радио, телевидение и т.д. на момент издания БЭС.

БСЭ и Орфографический словарь иногда указываются в списке источников при составлении словарей-справочников. Например, словарь «Слитно или раздельно» содержит большое количество сложных прилагательных, которые есть и в Орфографическом словаре и БСЭ.

Некоторые лексикографические издания, как например, справочник «Новое в русской лексике: словарные материалы», наоборот ставят перед собой цель зафиксировать те слова, которые не представлены в Орфографических словарях и БСЭ.

Разница в объеме словника зависит от задач словаря: является ли он нормативным или словарем-справочником, а также от хронологических рамок лексики, отраженной в словаре.

В словаре Даля – около 200 000, в словаре Ушакова - 85 289, в словаре под ред. А.П. Евгеньевой (МАС) – 82 159, 2-е изд. – 90 000, в словаре под ред. С. И. Ожегова – 50 100, 9-е изд. – 57 000, в 17-томном словаре (БАС) – 120 480 слов, но ни в одном их этих словарей нет анализируемых прилагательных.

Словари нормативного типа исходят из принципиального положения о том, что словарь – законодатель норм словоупотребления и должен отграничить правильное от неправильного, опираясь на следующие критерии: 1) устойчивость языкового факта; 2) распространенность; 3) соответствие системным возможностям; 4) эстетическое восприятие формы; 5) авторитет источника; 6) социальный престиж. (Ю. Н. Караулов [72, с. 10]). Поэтому многие нормативные словари, начиная со словаря Ушакова,

производили отбор лексики, допускаемой в словарь. Следовало ожидать, что не все сложные прилагательные со значением национально-территориальной принадлежности, которые употреблялись в устной и письменной речи, подходили под эти критерии и, соответственно, не были зафиксированы во многих нормативных словарях. Например, если взять во внимание первый критерий – устойчивость языкового факта – то можно заметить, что рассматриваемые нами прилагательные характеризуются обратимостью, и их компоненты могут по-разному сочетаться между собой (например, может быть *немецко-русский, русско-немецкий, русско-французский, немецко-французский* и т. д.). Соответственно, эти лексические единицы сложно назвать устойчивыми, возможно, поэтому они не указываются в нормативных справочниках. Хотя, если рассматривать критерии «распространенность» или «авторитетность источника», то в этом случае, анализируемые прилагательные полностью им отвечают.

Возможно, сложные прилагательные со значением национально-территориальной принадлежности не включены в нормативные словари в целях сокращения объема словаря: например, в словаре С. И. Ожегова, даже простые прилагательные типа *английский, французский, тибетский*, поданы внутри статей *англичане, тибетцы, французы* и т. д.

В соответствии с задачами некоторых нормативных словарей, в них, как правило, не помещаются сложносокращенные и сложносоставные слова, если они не имеют нового оттенка в значении по сравнению со значением словосочетания, из которого они возникли (*испанско-португальский: испанский* и *португальский; славяно-сербский: славянский* и *сербский* и т. д.), или если они не выходят за пределы сравнительно узкого, профессионального употребления.

Словари-справочники обычно включают сложные адъективы, которые представляют интерес в связи с частотой их использования в печати и орфографическими трудностями, связанными с их слитным или дефисным написанием, с употреблением прописной или строчной буквы и т. д.: *абхазско-черкесский, енисейско-орхонский, обско-угорский, парагвайско-боливийский, угро-финский* (С/Р),

английско-шотландский, англо-американский, кабардино-балкарский, кабардино-черкесский, франко-прусский (СТ) и т.п.

Также некоторые ПНТ, которые отсутствуют в корпусе словаря, фиксируются в приложении, которое часто содержит развернутое изложение орфографических правил, и список слов-примеров на эти правила, не зафиксированных в самом словаре: «…такое написание существительных поддерживается последовательным дефисным написанием соответствующих им прилагательных: *англо-австралийский, финно-угорский, франко-канадский»* ([II. 44, с. 6]); «список слов с неполным описанием: *севернойеменско-советский, ливийско-французский* и т.д.» (Новое в русской лексике) и т.п.

При составлении словаря авторы полагаются на различные источники, в том числе СМИ, устную речь, а не только на словари-предшественники и художественную литературу, слова, которые регулярно используются в этом материале, чаще фиксируются и в составленных словарях.

В составе сложного прилагательного со значением национально-территориальной принадлежности могут сочетаться компоненты разного характера. Это зависит от многих факторов, прежде всего экстралингвистических. Например, сложные адъективы называют политические, экономические, культурные отношения между странами или указывают на событие, которое касается нескольких стран. Следовательно, в самой структуре прилагательного будут отображаться названия этих стран. Например, *Франко-русский союз, Хорватско-венгерское соглашение, Англо-франко-русское соглашение* и т. д. Большинство из этих прилагательных, в большинстве случаев, будут зафиксированы в разных изданиях. Но в словарях, справочниках русского языка и других источниках, скорее всего, не указываются сложные прилагательные, компоненты которых обозначают названия стран, языков, наций и т. д., которые никогда не взаимодействовали между собой. Например, мы нигде не встретим прилагательное *американо-новогвинейский* или *турецко-полинезийский*, т. к. страны, названия которых указаны в качестве компонентов данных адъективов не имеют экономических, политических, культурных или других отношений и не связаны между собой никакими историческими событиями, хотя теоретически

такое прилагательное может быть образовано по существующим моделям.

Или, если говорить о прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности, которые употребляются со словами *словарь, разговорник*, то их компоненты будут указывать на характер существующих в действительности двуязычных словарей. Например, существуют немецко-русский словарь, англо-французский разговорник, турецко-русский разговорник и т. д., следовательно, это привело к появлению прилагательных *немецко-русский, англо-французский, турецко-русский* и т. д.

Почти всегда каждый компонент анализируемых сложных прилагательных, указывающий на территориальную или национальную ориентацию определяемого слова, может сочетаться со многими другими компонентами, которые также указывают на национальную или территориальную принадлежность, создавая при этом новое сложное прилагательное, по структуре такое же, как и другие прилагательные в русском языке, имеющие в своем составе данный компонент. Например, компоненты прилагательного *австро-венгерский* могут соединяться с другими компонентами, образуя новые сложные прилагательные со значением национально-территориальной принадлежности: *австро-венгро-чешский, австро-венецианский, австро-итальянский, австро-итало-французский, австро-прусский, австро-немецкий, венгеро-болгарский, венгеро-венецианский, венгеро-итальянский, венгеро-польский, венгеро-советский* и т. д. Так как объем словаря обычно фиксированный, довольно сложно указать все существующие варианты.

Наличие реальных предпосылок существования ПНТ

Как известно, ПНТ обозначает характер как минимум двухсторонних межгосударственных и межнациональных отношений, указывая на важные общественно-политические, экономические, культурные события. Следует отметить, что, скорее всего, в связи с этим в словарях фиксируются ПНТ, для образования которых

существуют реальные предпосылки, например, подписание соответствующего договора или соглашения (*англо-ирландский договор, англо-русское соглашение, советско-индийский договор*), установления сотрудничества между странами (*советско-малийские отношения, англо-франко-израильская агрессия*), объединение государств в союзы (*франко-советский комитет, англо-японский союз*), войны (*австро-итальянская война, буро-зулусская война*), наличие соответствующих топонимов (*Ханты-Мансийский автономный округ, Кабардино-Балкарская автономная республика*) и т. д. Так, в лексикографических изданиях фиксируются ПНТ, которые связаны с каким-то произошедшим событием, и не представлены прилагательные, которые не указывают на определенный договор, соглашение, войну и т. д., т. е. ПНТ, компоненты которых обозначают государства и\или нации, которые никогда не взаимодействовали.

На образование в русском языке сложных прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности довольно часто оказывают влияние различные экономические и политические факторы: *Американо-филиппинская война, Американо-французский договор, Англо-американская война, Англо-франко-китайская война, Русско-датский союз, Русско-китайская декларация, Советско-американские соглашения, Советско-ангольский договор, франко-русский союз, Франко-прусская война* и т.д. В основном страны, названия которых входят в состав данных сложных прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности играли (или играют) важную роль в истории, в общественно-политической и экономической жизни многих стран, имели (или имеют) развитые международные отношения. Например, БСЭ фиксирует также сложные прилагательные данного типа, обозначающие характер международных отношений Великобритании с другими странами: *Англо-американская война, Англо-германская декларация, Англо-германское морское соглашение, Англо-египетский договор, англо-иракские договоры и соглашения, Англо-франко-израильская агрессия, Англо-японский союз*.

Такая же ситуация и с прилагательными с компонентами *австро-, американо-, русско-, советско-, франко-*, в энциклопедических и лингвистических словарях фиксировались

сложные адъективы, описывающие международные отношения этих стран. Например, *австро-германо-болгарский, австро-голландский, австро-итальянский, американо-испанский, американо-китайский, американо-советский, американо-филиппинский, русско-карачаево-балкарский, русско-прусско-французский, советско-англо-иранский, советско-афганский, советско-бирманский, советско-бразильский, советско-венгерский, франко-итало-австрийский,* и т.д.

Особенности лексикографической маркировки рассматриваемых прилагательных могут зависеть от целого ряда как лингвистических, так и экстралингвистических явлений, связанных с характером стержневого слова, частотой употребления, сферой функционирования, и т. д. Надо полагать, что особенности лексикографической маркировки данных прилагательных также связаны и с характером словарей, в которых представлены эти прилагательные. Существенны при этом различные экономические и политические факторы, номинация титульного языка и название страны, в которой он функционирует. Особую роль при отборе этих лексических единиц в словарь играет частота, которая позволяет определить степень их употребительности и актуальности.

Таким образом, сложные прилагательные со значением национально-территориальной принадлежности представляют собой своеобразную, лингвистически значимую лексико-семантическую группу слов, к тому же чрезвычайно интересную как в структурном, так и функциональном плане и не лишенную при ее маркировке некоторых парадоксов, связанных, условно говоря, с пропиской соответствующих адъективов в словарном составе русского языка, и в частности в лексикографических изданиях.

Перспективу дальнейших исследований по предложенной проблематике мы усматриваем в двух основных направлениях, одно из которых будет связано с поиском непротиворечивой теоретической базы для обобщения частных толкований такой лингвистической категории, как словосложение, а затем и построением в этом плане единой метаязыковой системы, ориентированной на получение объективных, а соответственно и воспроизводимых результатов научно-практических изысканий.

Второе направление – это разработка средств и способов лексикографической маркировки как сложных прилагательных, и в

частности описанных ПНТ, так и сложных слов вообще, лексических единиц, объединенных в любые иные парадигматические классы, но образованных, как и ПНТ путем свободного (или относительно свободного) соединения составляющих их компонентов, причем такого соединения, которое допускало бы варьирование самой структурной модели сложного слова.

Литература

1. Азарова Л. Є. Складання як один із способів словотвору: монографія / Л. Є. Азарова, Н.І. П'яст. – Вінниця: УНІВЕРСУМ, 2005. – 123 с.
2. Алтаева А. Ш. Сложные слова в современном русском языке: морфемная система и словообразовательная структура: автореф. дис. на соискание ученой степени д-ра филол. наук: спец: 10.02.01 «русский язык» /А. Ш. Алтаева. — Алматы, 2004. – 49 с.
3. Апажев М.Л. Лексикография. Теория и практика. Прошлое. Настоящее. Будущее / М.Л. Апажев. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т., 2005.– 384 с.
4. Белякова Г.В. Словообразовательная категория суффиксальных локативных существительных в современном русском языке: монография / Г. В. Белякова. – Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2007. – 170 с.
5. Бобунова М. А. Русская лексикография XXI века: учеб. пособие / М. А. Бобунова. – М.: Флинта; Наука, 2009. – 196 с.
6. Брандыс О. Факторы, определяющие словообразовательную активность имен прилагательных / О. Брандыс // Науковий вісник Ужгородського національного університету. Серія: Філологія. —2005. – № 12. – С. 26-33
7. Брысина В. М. Сложные прилагательные в современном русском языке: автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «русский язык» / В. М. Брысина. – Саратов, 1954. — 16 с.
8. Введенская Л. А. Русская лексикография: учеб. пособие / Л.А. Введенская. – М. – Ростов-на-Дону; МарТ, 2007. – 347 с.
9. Вендина Т. И. Словообразование как источник реконструкции языкового сознания / Т. И. Вендина // Вопросы языкознания. – 2002. – № 4. – С. 34-38
10. Волынец Т. Н. Современный русский язык. Способы словообразования / Т.Н. Волынец. – Минск, 2003. – 32 с.
11. Гудилова С. В. Продуктивные типы образования сложных слов в современном русском языке (на материале неологизмов второй половины XX века): дис. на соискание ученой степени канд. фил. Наук: спец. 10.02.01 «русский язык» / С. В. Гудилова. – М., 2005. – 306 с.
12. Гурчиани М. Т. Композиты в русском языке новейшего периода: автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук: спец.10.02.01 «русский язык» / М. Т. Гурчиани. – Казань, 2009. – 23 с.
13. Демська О. М. Вступ до лексикографії: навч. посіб. / О. М. Демська. – К.: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2010. – 132 с.

14. Денисова Э. С. Активные словообразовательные процессы в языке современных СМИ / Э.С. Денисова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского № 4, 2010. – С.507-510

15. Джафаров М.М. Очерки по истории русского словосложения / М. М. Джафаров. — Баку, 2009. – 243 с.

16. Дмитриева О. И. Динамика семантико-словообразовательных подсистем русского языка / И. О. Дмитриева, А. Д. Левицкая // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2010. – № 4, 2010. – С.511-514

17. Донова З. П. Сложные прилагательные в современном русском литературном языке: автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01. «русский язык» / З. П. Донова. – М., 1950. – 18 с.

18. Дубичинский В. В. Лексикография русского языка: учебное пособие / В.В. Дубичинский – М.: Флинта: Наука, 2008. – 432 с.

19. Земская Е.А. Словообразование как деятельность / Е.А. Земская. – М.: «Наука», 1992. – 167 с.

20. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. учеб. пособие / Е. А. Земская. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта; Наука, 2011. – 328 с.

21. Иванова Т. К. Словосложение как способ номинации в русском и немецком языках: автореф. дис. на соискание степени канд. филол. наук: спец. 10.02.20 «сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / Т. К. Иванова. – Казань, 2012. – 27 с.

22. Каунова Е.В. Функционирование сложных прилагательных и их регламентация в современном литературном русском языке / Е.В. Каунова // Грани познания. – 2011. – № 4 (14), – С. 4-7

23. Козырев В.А. Русская лексикография: пособие для вузов / В. А. Козырев. – М.: Дрофа, 2004. – 288 с.

24. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова: монография / Е. С. Кубрякова. – М., 2009. – 208 с.

25. Кубрякова Е.С. Что такое словообразование? / Е.С. Кубрякова. — М.: Наука, 1965. — 77 с.

26. Меньшиков И. И. Избранные труды по лингвистике / И. И. Меньшиков. – Днепропетровск: Новая идеология, 2012. – 400 с.

27. Современная русская лексикография: сб. статей / отв. ред. С. А. Мызников, О. Н. Крылова; Ин-т лингв. исслед. РАН. – СПб.: Наука, 2010. – 286 с.

28. Шепель Ю. А. Словообразовательный ряд и слова со связанным корнем: монография / Ю. А. Шепель. – 2010. – 104 с.

29. Шепель Ю. А. Словообразовательный ряд как комплексная единица системы дериватологии. Ч. 1 / Ю. А. Шепель. –Днепропетровск, 2012.– 163 с.

30. Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии / Щерба Л.В. // Языковая система и речевая деятельность – М.: КомКнига, 2007. – С. 265-304

Словари

1. Большая советская энциклопедия. Т. 1-30 / под ред. А. М. Прохорова. – М.: Сов. энцикл., 1969 – 1978. – 18960 с.

2. Большой академический словарь русского языка (Словарь современного русского языка). Т. 1-17 / под ред. В. И. Чернышова. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1950-1965. – 15000 с.

3. Большой грамматический словарь русского языка: В 2-х т. / под ред. А. Н. Тихонова. – М.: Флинта, 2006. – 1312 с.

4. Большой толковый словарь правильной русской речи / сост. Л. И. Скворцов.– М: ОНИКС, 2009. – 1104 с.

5. Гнездовой словообразовательный словарь русского языка / под ред. А. В. Мамрак. – М. : Днепропетровск, 2005. – 570 с.

6. Грамматическая правильность русской речи (опыт частотно-стилистического словаря вариантов) / под ред. Л. К. Граудиной, В. А. Ицковича, Л. П. Катлинской.– М: Наука, 1976. – 456 с.

7. Грамматический словарь русского языка / под ред. А. А. Зализняка. – М.: Рус. яз., 1980. – 880 с.

8. Давайте говорить правильно! Трудности русского произношения и ударения / сост. Л. А. Вербицкая.– М: Академия, 2008. – 205 с.

9. Живая речь. Словарь разговорных выражений / сост. В. П. Белянин, И. А. Бутенко.– М: ПАИМС, 1994. – 192 с.

10. Инверсионный словарь русского языка / сост. А. А. Зализняк.– М: Рус. яз., 1977. – 944 с.

11. Историко-топонимический словарь России / под ред. Е. М. Поспелова.– М. : Просвещение, 2000. – 224 с.

12. Историко-этимологический словарь / сост. П. Я. Черных.– М: Рус. яз., 1999. – 560 с.

13. Комплексный словарь русского языка / под ред. А. Н. Тихонова. – М.: Рус. яз., 2007. – 1228 с.

14. Комплексный частотный словарь русской научной и технической лексики / под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина, Ю. А. Сафьяна. – М. : Рус. яз., 1978. – 408 с.

15. Краткий словарь трудностей русского языка / под ред. К.С. Горбачевича. – М. : АСТ., 2000. – 700 с.

16. Краткий справочник по современному русскому языку / под ред. П. А. Леканта. – М., Высшая школа, 1991. – 383 с.

17. Краткий этимологический словарь / под ред. С. Г. Бархударов. – М., 1961. – 401 с.

18. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой.– М: Сов., энцикл., 1990. – 683 с.

19. Малый академический словарь / под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Рус. яз., 1999. – 702 с.

20. Малый толковый словарь русского языка / под ред. В. В. Бурцева. – М., Рус. яз., 1990. – 704 с.

21. Новое в русской лексике. Словарные материалы-80 / под ред. В. П. Петушкова, Т.Н. Поповцевой, Н.В. Соловьева и др.– М. : Рус.яз, 1984. – 487 с.

22. Новые слова и значения. Словарь-справочник / под ред. Н. З. Котеловой, Ю. С. Сорокиной. – 2-е изд. – М. : Рус. яз., 1991. – 452 с.

23. Новый орфоэпический словарь русского языка / сост. Т. Ф. Иванова.– М: Рус яз., 2005. – 723с.

24. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка / Под ред. Т. Ф. Ефремовой. – М. : Дрофа, 2000. – 1233 с.

25. Обратный деривационный словарь русских новообразований / сост. Л. А. Кудрявцева. ― Киев, 1993. — 256 с.
26. Обратный словарь русского языка / под ред. М. С. Шевелевой. – М. : Сов. энцикл., 1974. – 944 с.
27. Объяснительный словарь непроверяемых орфограмм русского языка / сост.. М. А. Шелякин.– М: Наука, 2009. – 320 с.
28. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М., 1987. – 920 с.
29. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. С. П. Обнорского. – М., 1953. – 920 с.
30. Орфографический словарь русского языка / под ред. С.Г. Бархударова. – М.: Рус.яз., 1989. – 397 с.
31. Орфоэпический словарь русского языка / сост. С. Н. Борунова.– М : Рус. яз., 1988. – 704 с.
32. Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / под ред. Р. И. Аванесова. – М. : Рус.яз, 1995. – 704 с.
33. Орфоэпический словарь русского языка: Произношение. Ударение / сост. И. Л. Резниченко.– М: Астрель, 2003. – 1182 с.
34. Правильность русской речи: словарь-справочник / сост. Л. П. Крысюк, Л. П. Скворцов. – М., Наука, 1965. – 235 с.
35. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка / А. Г. Преображенский. – М., 1958. – 1284 с.
36. Прописная или строчная? / сост. Д. Э. Розенталь. – М.: Рус.яз, 1987. – 352 с.
37. Русская ономастики и ономастика России / под ред. О. Н. Трубачева.– М: Школа-Пресс, 1994. – 291 с.
38. Русская речь в эфире : комплексный справочник / под ред. Т. Ф. Ивановой, Т. А. Черкасовой. – М.: Рольф., 2000. – 346 с.
39. Русский орфографический словарь / под ред. О. Е. Ивановой, В. В. Лопатина (отв. ред.), И. В. Нечаевой, и др. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2004. – 2946 с.
40. Русский язык: энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова.– М: Дрофа, 1997. – 721 с.
41. Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ф. П. Филин. – М. : Сов. энцикл., 1979. – 432 с.
42. Русское литературное произношение и ударение: словарь-справочник / под ред. М. А. Штудинера. – М. : Рольф., 2000. – 245 с.
43. Сводный словарь современной русской лексики: в 2-х т. / под ред. Р. П. Рогожниковой. – М.: Русский язык, 199I. – 1230 с.
44. Слитно или раздельно? Словарь-справочник / под ред. Д. Э. Розенталя. – М. : Рус. яз., 1976. – 480 с.
45. Слитно или раздельно? Словарь-справочник / сост. Б. З. Букчина, Л. П. Калакуцкая. – М. : Рус. яз., 1988. – 874 с.
46. Слитно, раздельно, через дефис: энциклопедия русского языка / под ред. Т. Н. Гурьевой.– М: Мир книги, 2004. – 416 с.
47. Слова с двойными согласными: словарь-справочник / под ред. Н. П. Колесникова. – М. : Рус. яз., 1990, – 409 с.
48. Словарь лингвистических терминов / под ред. Д. Э. Розенталя, М. А. Теленковой. – М. : Рус. яз., 1976. – 543 с.

49. Словарь лингвистических терминов / сост. О. С. Ахманова.– М : Рус.яз., 2004. – 576 с.
50. Словарь ошибок русского языка / сост. Г. А. Крылов.– М: Виктория-плюс, 2009. – 80 с.
51. Словарь по русской речевой культуре / под ред.. В. Д. Черняк.– М: Сага, 2006. – 204 с.
52. Словарь прилагательных от географических названий / сост. Е. А. Левашов.– М: Рус. яз., 1986. – 550 с.
53. Словарь русской ономастической терминологии / под ред. Н. В. Подольская.– М. : Наука, 1988. – 187 с.
54. Словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. П. Н. Денисова, В.В. Морковкина.– М: Рус. яз., 1983. – 688 с.
55. Словарь трудностей русского произношения / сост. М. Л. Каленчук, Р. Ф. Касаткина.– М: Академия, 2001. – 302 с.
56. Словарь трудностей русского языка / под ред. Д. Э. Розенталя, М. А. Теленковой.– М. : Рус. яз., 1987. – 414 с.
57. Словарь ударений для работников радио и телевидения / под ред. Д. Е. Розенталя.– М.: Сов. энц., 1971. – 688 с.
58. Словарь ударений русского языка / под ред. В. В. Лопатина.– М: Азбуковник, 2000. – 6534 с.
59. Словарь ударений русского языка: 50 000 трудных случаев / под ред. М. В. Зарва.– Ростов-на-Дону. : Феникс, 2010. – 594 с.
60. Словарь-справочник по русскому языку: правописание, произношение, ударение, словообразование, морфемика, грамматика, частота употребления слов / под ред. А. Н. Тихонова.– М. : Цытадель, 1996. – 704 с.
61. Словообразовательный словарь русского языка: в 2-х т. / под ред. А. Н. Тихонова. – М.: Рус.яз., 1985. – 1742 с.
62. Большой энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. – 2-е изд. – М. : Сов. энциклопедия, 1988. – 1600 с.
63. Современный орфографический словарь русского языка / под ред. Л. А. Введенской, Н. П. Колесникова. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – 480 с.
64. Современный толковый словарь / сост. С. А. Кузнецов. – М. : Рус. яз., 2000. –1536 с.
65. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / сост. Л. М. Алексеева и др. – М. : Флинта; Наука, 2003. – 694 с.
66. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожиной. – М. : Рус.яз., 2003. – 1306 с.
67. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / сост. М. Н. Кожина.– М: Наука, 2006. – 696 с.
68. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка: опыты семантико-синтаксического описания русской лексики / сост. И. А. Мельчук, А. К. Жолковский.– Вена: Школа "ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ", 1984. – 992 с.
69. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1949. – 739 с.
70. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика: ок. 8500 слов и устойчивых выражений / под ред. Г. Н. Скляревской. – М.: Эскмо, 2006. – 1133 с.

71. Толковый словарь русского языка: современная версия / сост. В. И. Даль. – М. : Эксмо, 2006. – 736 с.
72. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / под ред. Г. Н. Скляревской. – М., 2005. – 623 с.
73. Трудности русского языка: словарь-справочник / под ред. Л. И. Рахмановой. – М.: Изд-во. Моск. ун-та, 1974. – 480 с.
74. Трудности словоупотребления на ТВ и РВ / сост. Б.Д. Гаймакова, М. П. Сенкевич. – М. : Рус.яз., 2000. – 148 с.
75. Трудности устной речи: словарь-справочник / сост. Е. А. Окунцова.– М : Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 192 с.
76. Управление в русском языке / сост. Д. Э. Розенталь.– М: Книга, 1986. – 304 с.
77. Учебный словарь трудностей произношения и ударения в современном русском языке / сост. С. А. Гостева.– Воронеж : ВГУ, 2004. – 45 с.
78. Частотный словарь русского языка / под ред. Л. Н. Засориной. – М. : Рус. яз., 1977. – 936 с.
79. Школьный словообразовательный словарь / под ред. С. Г. Бархударова. – М.: Просвещение, 1964. – 390 с.
80. Школьный топонимический словарь / под ред. Е. М. Поспелова.– М.: Просвещение, 1988. – 224 с.

КОГНІТИВНО-ПРАГМАТИЧНІ ПИТАННЯ. КОНЦЕПТОЛОГІЯ

==========

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ «ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОГО» КОНЦЕПТА-КОНСТРУКТА «ДОМ» В АБХАЗСКОЙ, УКРАИНСКОЙ И РУССКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

Амичба Д. П.

Культуротворческая форма «Дом» — пространство, среда обитания человека. Культурное пространство как «Дом» выполняет «сакральную функцию защиты» от бед и невзгод; дом – это то место, где человек чувствует себя уютно и комфортно, в трудное для себя

время находит поддержку и опору. Концепт — конструкт «Дом» представляет собой сложное, многоуровневое, многокомпонентное ментальное образование.

«Дом» − это и артефакт как строение, деревянное или кирпичное. «Дом» абхазов − это культурное пространство, или *Ау7ы идунеи* (досл. «Человек его — мир, Вселенная»). *Адунеи,* или Вселенная, растворённая в Боге, для абхазов, является местом, где раскрываются скрытые творческие возможности или, наоборот, где, затухает *Искра Божья*. Искра Божья не зажигается, потому что (ещё с рождения) созревают злые силы, способные принести окружающим и всему человечеству непоправимый урон. «Дом» − это и лингво-ментальное пространство, вобравшее в себя базовые «общечеловеческие понятия»: «Сердце = Душа», «Вера», «Надежда», «Любовь» и т. д.

В «Доме», где живут в гармонии с окружающим миром и с самим собой (на «Своей» территории), находится защита от «Чужого», враждебного мира. «Дом», в представлении абхазов, — это и место, где либо живут, либо существуют, сводя концы с концами, испытывая ненависть ко всему живому, притесняя, унижая, уничтожая себе подобных («Чужой» мир). Категоризация и концептуализация объектов мира, репрезентированные «общечеловеческой» константой «Дом», рассматриваются с позиции безграничного пространства (мир в целом), в котором субъект творит культуру [8; 11].

«Дом» в этом ракурсе – это и конкретное жильё: дом, квартира, изба, хижина, − в котором субъект чувствует себя хозяином. «Дом» для русских, украинцев − обширное пространство, где обозримый мир выступает как Божий храм. «Дом» − это и город, страна, Родина, большая / малая, в котором мыслящий субъект наиболее ярко выражает мысли, чувства. В этом пространстве действия субъекта могут носить либо рациональный, либо иррациональный характер. В этом аспекте «Дом» можно рассматривать как мир, в котором человек и / или любит / ненавидит до беспамятства, и / или верит и надеется на Бога, судьбу, верных друзей, и / или радуется / огорчается, совершает подвиги или низкие поступки, и / или открывает / закрывает душу = сердце, и / или демонстрирует благородство или, наоборот, подлость.

«Дом» — средоточие базовых концептов, это также пространство «Своё» / «Чужое». В «Своём / Чужом» пространстве ярче всего проявляется «Аламыс», что в переводе с абхазского обозначает не только «честь», но и «совесть, благородство». Носитель «Аламыса» живёт по законам Бога и богоугодных людей. Слово «дом» в Библии очень часто употребляется в переносном значении. «Дом» – это и семья, и род, и народ, и династия (Цар. 9:8); Евр. 11:7 [25. с. 380 −384, с.281−282]. «Дом» — это мир человека со всеми его горестями и радостями.

Абхазское слово *адунеи* «мир» фонетически созвучно имени *Адонаи* (Господь) в древнееврейском языке. Для абхазов человек и мир определяются одним словом *адунеи*, так как концепты: «Мир», «Человек», «Человечество», «Бог» — нераздельны. В ментальности абхазов *Аҿсы* «душа» и указанные концепты являются определяющими. *Адунеи*, в котором живёт апсуа «абхаз», называется *Аҿсны,* что досл. «место души, земля души или страна души». Самоназвание − *аҿсуа* досл. «душа + люди – люди души». Человек у абхазов – это *Аус7ыпсы* досл. «человек-душа» или *Анцîахша*. Для абхазов «Дом» − мир, созданный Богом, в котором человек должен жить по законам Божьим.

«Дом» − это не только «родные просторы и памятники культуры, но и чувства родственной близости населяющих его людей. Образы культурного пространства как «семейного гнезда» укоренились в народном самосознании» [8, с. 38]. Чувства ностальгии и некой «бездомности» испытывает человек, находясь на чужбине.

Георг Зиммель в своё время высказал мысль, которая не теряет своей актуальности и сегодня. Жизнь вообще построена по принципу взаимосвязанных миров, миры эти многочисленны, наполнены особым содержанием, как выясняется, эти же миры могут развиваться изолированно или находиться на пересечении, отличаться друг от друга или, наоборот, быть схожими. И все эти миры – наша жизнь, жизнь человека. В этой совокупности особое положение занимает «Дом». «Дом» как средоточие жизненной драмы человека, в которой переплетаются личные, духовные, деловые, религиозные, хозяйственные, бытовые, художественные отношения. «Дом – это часть жизни и вместе с тем особый способ соединять, отражать, формировать всю жизнь» [7, т. 2. с. 257].

Принято выделять следующие модели «Дома»: «Дом-очаг», «Дом-крепость», «Дом-тюрьма», «Дом-вокзал», «Дом-келья», «Дом-чаша», «Дом-как-любовь» [8, с. 38 - 39]. Данную классификацию можно расширить: «Дом-как-государство» (страна, Родина), «Дом-как-город» (малая родина), «Дом-как-храм Божий». Базовый концепт «Дом» «общечеловеческой» матрицы «Слово» является вместилищем концептов. Концепты: «Любовь», «Вера», «Надежда», «Подвиг», «Сердце» — структурируют внутреннюю форму концепта-конструкта «Дом». Горячо любящий сердцем, способен на *Подвиги* ради *Своего* культурного пространства, «Дома». Подтверждением данного суждения является опрос, проведённый среди славян и не-славян. К последним относятся группа китайских студентов, обучающихся в Днепропетровском национальном университете. Опрашиваемая группа состояла из семисот человек в возрасте от семнадцати до семидесяти лет как женского, так и мужского пола.

Были предложены три вопроса: 1 . В Вашем представлении «Дом» — это …; 2 . Мужчина – это …; 3 . Женщина — это … . Проанализированные тесты показали следующий результат: для мужчин-славян (русские, украинцы, белорусы) приоритетными являются: *уют, тепло, крепость, семья, очаг, квартира.* Большая часть женщин-славянок на первое место поставили *«семью»,* а затем – *«крепость», «тёплый семейный очаг», «мужчина», «мир», «родители и дети», «моя крепость», «где мои близкие», «счастье».* В ментальном образном мире мужчин китайской национальности «Дом» – это *«родители», «уют», «мама», «семья», «общежитие», «небо», «капитал», «имущество», «мужчина», «порт».* Для женщин-китаянок главными являются *«семья»,* а далее – *«безопасность», «тепло», «место, где мы живём», «имущество», «излучение», «удобное место для семьи».*

Ответы прагматичных китайцев были неожиданными. Ответы, мужчин-славян также не удивили: мужчины любой национальности предпочитают уют, тепло. Ответы женщин-славянок понятны, женщины любой национальности главным видят — *«семью»* (см. в приложении табл. А.1.1). Заметим также, что для 1 % респондентов «Домом» является место, где они выросли, жили до приезда в Днепропетровск. Многие женщины надеются на сильные мужские

плечи и верят, что мужчина создаст условия для *«тёплого семейного уюта» (очага).* Для женщин китайской национальности «Дом» — *«семья»,* тогда как для мужчин-китайцев — «*родители» (мама и папа),* а уже потом — «*семья».* «Семья», «Дом», «Семейный очаг» и семейные отношения во все времена и у всех народов были и остаются ценностями.

Георг Зиммель считал, что «две сферы» в жизни женщины раскрывают её в полную силу, — *дом* и *мужчина*. Усилиями женщин создается «Дом» как защита и поддержка, как среда обитания и духовного развития поколений, «как основа интимных и близких отношений, любви, дружбы, гостеприимства, домашнего очага и отдыха, развлечения и досуга… Дом — произведение культуры, в котором запечатлены способности, интересы, чувства и интеллект женщины. Для мужчин Дом означает лишь часть жизни, для женщины – особо сформированную целостность… Он представляет для женщины самодовлеющую и самостоятельную целостность и ценность… Дом стал великим культурным деянием женщины, потому что соединил все линии культурного космоса» [7; 8, с. 324].

Думается, что ответы респондентов на поставленные вопросы были правильными: «Дом» не мыслится без мужчины и женщины. Одни люди первенство в «Доме» отдают женщине, другие – мужчине. Женщина заслужила право быть первой: «культурный подвиг женщины» в том, что она формирует «душу мужчины» [7, т. 2, с. 257].

Отметим, что такие слова, как *«деньги», «имущество»* не прозвучали в ответах славян, зато китайцы среди прочих ценностей назвали *«деньги», «капитал»*, которые не на первых местах, но и не на последних (см. в приложении табл. А.1.2). Конструкты: «*Семья», «домашний очаг», «уют», «крепость», «город», «Родина»* вербализуют внутреннюю форму концепта «Дом». Указанные конструкты находятся в одном ментальном поле базовых концептов «Любовь», «Душа = Сердце», «Кровь».

Концепт *«крепость»* структурируется глубинным смыслом: крепость материальная и духовная. Ср.: русск. Крепость духа = абх. Аг`ыр//уара «Крепость «Души = Сердца». В «семье», как и в «стране», «городе», «Родине», человеку для стабильности и гармонии нужна *крепость духа*. Внутренняя форма вербализуется

значениями и смыслами: *взаимопонимание, взаимопомощь, лад, мир, вера, надежда, любовь* и правильно подобранное одной из опрашиваемых китаянок слово *«излучение»*.

Внутренняя форма слова «крепость» может восходить к основам, которые мотивированы смыслом «крепкий, сильный». По этимологическим данным тюркских языков формы **кыр, кыра, кіra** мотивированы значениями: «горный хребет, возвышенность», «высокий берег» [16, т. 6, с. 226 - 227]. Аналогичные формы в осетинском язые **к′ырр / к′ирр** употребляются в значениях: «холм», «горка», «горб», «возвышенность». Привлекают формы **к′ir / к′iræ** в значении «известь». Формы эти считаются «общекавказскими», восходят к семитскому, арамейскому ***gir** «известь» [1, т. 1, с. 651]. Ср.: абх. кир «известь».Заметим, что анализируемое слово «крепость» в абхазском языке носит почти, что сакральный смысл. Абхазы говорят: *Ау7 инхара ахаб1 акîуп* – «На доме человека лежит камень» (досл. «Дом его (кл. ч.) - жилище камень он (кл. в.) - лежит»). «Камень» здесь символизирует крепость семейных и родственных отношений. Или идиома с тем же семантическим наполнением: *А7ны ауасхыр иалоу ахаб1* – «Камень, вложенный в основание дома», раскрывает смысл и значение концептов: «Душа = Сердце», «Вера», «Надежда», «Любовь».

Слово *«ауасхыр»* употребляется и в прямом и переносном значении: 1. нижняя балка деревянного дома; 2. перен. опора, основа. Итак, ауасхыр – это «крепление, основа дома» [2, т. 2., с. 239]. *«Ауасхыр»* – основа, которая, по мысли абхазов, должна быть твёрдой как «Камень». Нет согласия, лада там, где в основании человеческих отношений отсутствуют ценности, *цементирующие* «Семью», «Дом». В «Доме», где отсутствует «Любовь, нет «Очага», дающего *тепло, «Веры» скрепляющей, «Надежды», искрящейся, энергии, излучающей «Радость»*. Ср.: абх. *Ау7ссы ды5ам* – «В доме нет души человека». = русск. *Ни души в доме. Дом* без души представляет угрозу, − *дом мертвецов*. Мёртвый «Дом» − без людей, *без очага,* радости, веселья, без человеческой энергии и *«Огня»,* приходит в упадок, рушится.

Словари определяют лексему «излучать», «излучение» как «испускать лучи, выделять лучистую энергию» [15, с. 240]. В слове *агîылçхаара* «искриться, излучать из сердца, изнутри, из глубины», структурируется древним корнем **Гî*, который имплицитно

вербализуется смыслом «основа, глубина чего-то». Чтобы *«Дом»* был крепким и мог выдержать натиск любой бури, житейской, природной, должнен *излучать энергию добра и духа*. Стремление людей видеть «Дом» крепостью – вполне оправданный и прочувствованный жизненный факт.

Представляет интерес в аспекте сказанного и слово *«икономия»,* которое Тейяром де Шарденом трактуется как «спасение (обожение) наших дел. Глубинный смысл икономии заключается в следующем: Всякая душа в недрах мира принадлежит Богу во Христе. Но с другой стороны, любая, даже материальная, реальность вокруг каждого из нас принадлежит нашей душе» [19, с. 26 - 27]. Слово «икономия» философом переводится как «домостроительство» и поясняется, что это есть не что иное, как «замысел божий и его осуществление» [19, с. 26].

«*Ауасхыр»* так же, как и «*Ауа2ьак»* «очаг», собирает в одном доме под одной крышей «С*емью».* Тепло семейного уюта ассоциируется с *«Ауа2ьак».* Возле семейного «Очага», культурного пространства «Семьи», решаются домашние проблемы. «Ауа2ьак» синонимично слову «*ахîыш÷аара»* – «Семейный очаг, очаг, зажжённый основоположником рода» (досл. «Вершина - двора - (дома) - здесь» или «давать, делить часть еды»). «*Ахîыш÷аара»* – конструкт-концепт, содержащий в себе глубинный смысл, соответствует понятию *Аçсадгьи*л «Родина».

Внутренняя форма конструктов-концептов: *«Дом», «Свой» и / или «Чужой»* мотивирована описанными выше смыслами и значениями. Слова: «очаг», «огонь», «камень» – вербализуются культуротворческой формы *«Дом».* Цитируя вслед за Ю. Степановым Гераклита, заметим, что «этот мир … был всегда и есть и будет вечно живой огонь … » [18, с. 300]. Имеется в виду «*Огонь», «небесный*», или *живой, «адский»,* или *мёртвый*. Адский и небесный – «не две разные силы, а противоположные проявления одной и той же энергии» [18, с. 152]. Удивительным образом в человеке умещаются две энергии – адская, которая может погубить, если увлечься; небесная – очистить, обессмертить, вознести, дать импульс здоровым силам.

Живым огнём для абхазов являются: *Амра* «Солнце», *Амца* «огонь, пламя», *Ахîш÷аара* «Домашний огонь, огонь очага». Все эти

концепты структурируются глубинными смыслами и значениями конструктов-концептов *«Ауа5ьак», «Ауасхыр»*. Данные константы являются контекстуальными синонимами конструкта-концепта *«А7ны»* «Дом». Из изложенного следует, что *«Дом»,* построенный, или точнее, скреплённый *«Верой», «Надеждой», «Любовью»,* «Семья», основанная на взаимопонимании и взаимопомощи, приносит *Радость* себе и окружающим.

Нетрудно понять того, кто испытывает глубокое чувство любви к родному дому. Особенно остро это ощущает тот, кто находится далеко от дома. Тоска по дому, по родным местам, страх за будущее родного очага сопровождают человека. Людям близки и понятны эти мысли. «Я сел у холодного *очага моих предков* … . Потекла *над кровлею* бледная струйка дыма … . С того дня и до этого *горит тот огонь*, который *недобрые люди* обрекли *на угасание*. И я молю *создателя*, чтобы он *не дал* никогда *погаснуть ему*, пусть *греет его пламя* и детей моих, и внуков, и правнуков …» [31, с. 360]. «Дом» для абхаза – это *Имыцîоу амца* — «Огонь, который никогда не потухнет» (досл. «Он– не– потухать огонь»). «*Дом» абхаза* — не дом конкретного человека, а «О*чаг» народа*. Это то, что называют словом *«Açсадгьыл»* «Родина».

«Açсадгьыл» – «Родина» (досл. «Душа - земля»). «Домом - Родиной» является *родная земля, наследие дедов и отцов, родное слово*, пронесённое через века и годы. Если нет Родины, то нет и всего того, что перечислено выше, поэтому говорят: «*Зыçсадгыл зырéыз – загь ирéит* – «Потерял Родину – потерял всё». Махаджирство – кровавая рана в «Душе = Сердце» абхазов, поэтому каждый вернувшийся из плена махаждирства, мог сказать: «Всё вынес, чтобы вернуться, и я вернулся, не осквернил предательством *родную землю,* не дал пропасть *наследству моих предков*, не *дал погаснуть огню* в их очаге … . Я *снова пустил корни, врос в родную землю*, дети пошли – росли, прибывали, как день весною … сохранился, *уцелел наш народ*, не *обезлюдила наша земля*. Мы *цепко держались за родину, помнили о ней* и при первой же возможности *вернулись в свои дома… »* [31, с. 357].

Вопреки всему *Аéы ахьишь÷рахь игьижьуеит* – «Вода возвращается к своему истоку» (досл. «Вода исток (здесь, золотая основа) назад–след она–возвращаться»). «Вода» символ «Духа»

народа, который нельзя сломить. Противоестественно, когда заставляют покинуть *насиженные места*, вычеркнуть из памяти *прошлое*, которое глубокими корнями врастает *в «Свою» землю*. «Стоит *дом, в котором родился и я, и мой отец, и отец моего отца;* есть двор, по которому я бегал; сохранились деревья, по которым я лазал*; не иссяк родник*, поивший меня и моих предков; всё так же высится вдали холм, с вершины которого *впервые распахнулся передо мной мир*» [31, с. 246].

Адунеи «Мир», позволивший носить гордое имя Человек, для абхаза, – «Дом». Впервые, переступив порог *чужого дома*, абхазы хозяев приветствуют словами – *Абзера шîымазааит* – «Пусть у Вас всё будет хорошо», *Абзера шîбаат* – «Пусть Ваши глаза видят только хорошее»*; Абзера шîы7ны и7налаат* – «Пусть в Ваш дом прийдёт всё хорошее»*; Анцîа шîиныбîаат* – «Пусть Бог Вас благословит (здесь, будет просить Богоматерь благословить)». Абхазы в конструкт: «Да будет богат ваш дом» [31, с. 525], вкладывают смысл: «Дом», наполенный материальными и духовными ценностями.

Быть богатым для абхаза – значит иметь *широту души*, *доброе сердце*, *любить людей, быть гостеприимным, открывать для гостя Асîны агîашî* – Калитку дома» (досл. «Дом сердце - дверь калитка»). *Асîны агîашî* – первое препятствие на пути *к чужому дому*. Находиться на чужой территории с *закрытой душой* нельзя. Хозяин, принимающий гостя, встречает с *открытой душой*. Обязательство гостя перед хозяевами: *Усîны инеиуа игîы аартны днеиуазароуп* «Тот, кто приходит в твой дом, должен приходить с открытой душой».

Территория вокруг «Дома» называется *агîра÷а,* или *агîара* – «Двор» (досл. «Сердце — здесь — лежит, или сердце – здесь»). За пределами «Дома» (*своего* дома) находится *чужая территория*, которая принадлежит *Агîылацîа, агîыла* — «Соседям». Сосед, который находится рядом, возле сердца, досл. «вонзённый в сердце». «Сердце = Душа» может гореть либо от «Добра», либо от «Зла». Сосед может быть и хорошим, и плохим, добрым и злым, алчным и щедрым. Хороший сосед, как и плохой, может *пронзить до глубины души*, потому слово *агîыла* досл. переводится «сердце - пронзить, вонзить, уколоть».

Для абхазов идиома *Акîра* «Обет» имеет сакральное значение, поскольку акîра – это признание чужой территории, проявление взаимных обязательств не нарушать границы «Аламыса».

Описывая *кула* и определяя его как «ритуал дарения», И. Хейзинга имел в виду человеческую добродетель, присущую всем людям независимо от национальностей. По мнению указанного автора, данный ритуал совершается в атмосфере «взаимных обязательств, доверия, дружелюбия и гостеприимства, проявления благородства, щедрости и почести» [21, с. 109]. Сходное с термином «кула», описываемое И. Хейзингой, наблюдается и у абхазов. Сам термин *кула* и абхазское *акîра* структурированы лексико-семантическое значение «обет, клятва». Для абхазов выражение *Акîра шь÷а4ара* «Положить обет, поклясться» объективируется глубинными смыслами концептов – «Аламыс», «Подвиг», «Кровь». *Акîра* – клятва быть достойным памяти предков. Фразеологизм – *банацîеи, бабацîеи иа6дыр4аз а4ас* – «Обычаям, которым нас учили наши матери и отцы», в устах абхазов звучит почти как клятва, обет. Клятва не нарушать закон «Аламыса», закон гостеприимства. И поэтому для абхазского «Дома» выражение *Зегьы иреиӧу асыс изы* «Всё самое лучшее для гостя» – не просто праздные слова, а смысл существования.

Выражение – *Узшо уисасуп* – «Ты являешься гостем того, кто тебя создал», глубокое по смыслу и содержанию, вербализуется смыслом: человек, пришедший в «Дом», не есть гостем конкретного человека, он – человек Бога; принять его нужно с достоинством, словно к тебе в дом пришёл погостить Всевышний. В данной идиоме выражено отношение к гостеприимству: понятие «гость» дорого и священно. Хозяин ради гостя готов на многое. Отсюда и почитание, и желание угодить гостю. Не допускаются по отношению к «Чужому», переступившему порог «Своего» дома, грубые слова и выражения, даже если гость заслужил их поведением и неуважением к хозяину «Дома». Жизнь гостя не может быть подвергнута опасности, его защищает закон *«Аламыса»*.

Общеизвестно, что с приходом в дом «Чужого» на какое-то время, меняются принятые коллективом привычки, ценности и отношения внутри семьи. Встречают гостя *Гîыкала = çсыкала = çсыуала* «Одной душой = Одним сердцем = По-абхазски», не показав

ему негативные моменты, *натянутые отношения*, если таковые имеют место *в «Семье», «Доме»*.

А7ны÷îи агîам адîахьы идылшîымган – «Не выносите сор из избы» (досл. «Домашний мусор двор (улица, здесь чужое пространство) он (кл. в.) — ты (кл. ч.) — не — носить». Эта «общечеловеческая» мысль генерируется конструктом-концептом *«Свои» и / или «Чужие»,* где чётко обозначены границы своего и чужого пространства. Вызывает интерес и следующая идиома – *Иçсы уõаи4оит* – «Готов дать на съедение свою душу (здесь, *проявить хлебосольство, гостеприимство, принять от души*) [9, с. 74]. Нарушить священный обет хлебосольства для абхаза – равносильно смерти, поэтому он никогда не переступит этот закон и другим не даст в обиду, пусть даже *зарвавшегося и наступившего на хлеб-соль* ногой гостя, в пределах своей территории, «Дома», где живут его домочадцы.

Не закреплённый никакими договорённостями закон «Аламыса» не нарушается: каждый член коллектива знает, что в гостях ты должен вести себя так, как если бы тебя принимал сам Всевышний. А тот, кто *Ачеижьыка иаöрагылаз,* досл. «Наступил ногой на хлеб–соль» и повёл себя недостойно, не может носить гордое имя мужчины, человека. Недостойное мужчине поведение осуждается всем коллективом, за это можно пролить «Кровь».

«Хлеба-соли съел, всё ногами попрал и убежал» [30, с. 234]. Враг, *попирающий* принятые обществом, нацией, народом устои, подобен тому, кто *вероломно нарушает обет дружбы, гостеприимства*, взаимоуважения. Человек должен помнить *о чести* и достоинстве, не нарушать, вторгаясь в чужое пространство, законы, принятые обществом, оставаться непоколебимым в своих решениях, проявлять *крепость души = сердца*. Описанный конструкт вербализует народную мудрость, которую абхазы должны пронести через свою жизнь и передать грядущим поколениям. Ср.: русск. выражение *Гость в дом – радость в дом* = укр. пословицы, поговорки *Гості обідом прив'язані, Люди добрі, хата тепла, кабаки доволі* [27, с. 78]. Известна истина: как ты к людям, так и они к тебе. И, в этом смысле, верно и то, что гостеприимство – это добродетель, делающая людей «достойными почестей … » [21, с. 109].

В абхазском «Доме» для «Чужого» не только широко открывают калитку «Своего» дома, но ради него зажигают «*Огонь»*, причём *открытый огонь* в помещении, которое называется *Аçацха*. «Гостинный дом», или açацха, содержит в себе значение, которое досл. переводится как «сын - огонь - основа или сын - его - огонь - сладкий». В понимании абхазов, *сладким огонь* может быть в «Доме», где царит *лад, взаимоуважение, взаимопонимание, отеческая и сыновья любовь*. В «Доме», где хозяева встречают и «Своих», и «Чужих» *с радушием, открытым сердцем = душой*. Известно, что *Ахîш÷аара, Амца* «Огонь очага» – *священный огонь*.

«Огонь» в ментальном образном мире абхаза символизирует «*Жизнь» и «Смерть»*. Эта оппозиция выражена в идиоме – *Ицîаз амца* – «Заснувший огонь» (досл. «Он (кл. в.) - спать огонь»). Заснувший огонь, в представлении абхазов, ещё можно зажечь; такому огню может что-то угрожать, но беду можно предотвратить. *Ицîаз амца* – символ «Жизни».

В оппозиции к нему выступает *Икьа÷аз амца = Икьа÷аз ахîш÷аара* – «Потухший в очаге огонь». *Потухший огонь* символизирует конец *счастливой, радостной жизни*. В «Доме», где не горит в очаге огонь, *горе, несчастье, смерть*. Дом без огня обезлюдел, в нём не звучит радостный смех детей, не слышны голоса хозяев. В доме, где нет наследника, горит *заснувший огонь*. Концепт «*Açацха»* структурируется глубинным смыслом. Наследник, сын – продолжатель рода, его жизнь (хорошая / плохая) – залог благополучия «Семьи». Счастье, радость сына – это и счастье, и радость «Семьи». *Açацха* – гостиный дом, поддержанный огнём, который зажжён сыном.

Этимологию концепта *«Огонь»* принято возводить к индоевропейским корням. Анализируя происхождение корней данного слова, исследователи пришли к мысли, что восходят они к двум словам, которые выражают значение двух огней. В этих корнях, по мнению учёных, прослеживается оппозиция активного // неактивного, божественного // человеческого, священного // обыденного, мирского огня. Указанные оппозиции проявляются в корнях: «инд.-евр. **ṇk´ni-;* др.-инд. *agnih*, латин. *ignis, -is* m., ст. -слав. огнь, литов. ugnis, iĕs и т. д. … и.-е. *p[h]ḶHur-:хетское paḫḫur … греч. πυρ, гот. *fōn, армян. hur*» [18, с. 309].

Этимологи сходятся на мысли, что слово «*очаг»* заимствовано из тюркских языков. В тюркских языках это слово является «суффиксальным производным уменьшительно-ласкательного характера от om «огонь». Буквально очаг значит «огонёк» [23, с. 320]. Данное слово в абхазском языке, как думается, является композитом и состоит из сращенных корней *ауаа* + *а2ьа* досл. «люди + вместе (здесь, радостно, весело), другими словами, семья, которую объединяет, собирает очаг».

Если обобщить сказанное, то «О*чаг»* — это культурное пространство человека. «Очаг» — сакральное место в доме, где «Семья» собирается вместе, где царят «*Любовь», уважение* друг к другу. Люди объединяются за одним очагом, как за одним столом, решая насущные проблемы, *надеясь* на взаимные чувства и *веря* друг другу. В иерархии концептов: *«Огонь», «Очаг», «Дом»* доминирующее положение может занять «Огонь», так как он связывает эти два понятия, внутренняя форма которых структурируется базовыми «общечеловеческими» концептами. Иллюстрацией сказанному являются фразеологические модели типа – *Амца дакîу4ар дбылуам* досл. «Если его положить на огонь, он не сгорит». Характеристика энергичного, знающего человека. *Амца и4ар4еит = Амца а4ар4еит* досл. «Подложили под него огонь = Подложили огонь», здесь вдохновили, взбудоражили, пробудили затаённые силы в ком-то. Ср.: русск. *С огоньком*. Человек, у которого всё горит в руках, делает с большой охотой, воодушевлением, подъёмом, с рвением.

Имца ицîеит досл. «Его огонь потух», здесь: пришла в дом беда, погас очаг. Такую же смысловую нагрузку несёт в себе и *Амцаçха бзахам÷îо б5ар4еит* «Сделали так, что мы не можем посидеть у основания очага», здесь: разрушили очаг, разорили, *пустили по миру*, лишили душевного спокойствия*, любви, веры, надежды.* Эта та ситуация, когда украинец и русский сказали бы: *Предали огню и мечу* всё, что *было дорого и близко сердцу = Огнём и мечом* прошлись *по святым местам*, *пролили кровь безвинных жертв* с беспощадной жестокостью.

Указанные фразеологизмы в русском языке находятся на одном ментальном уровне с выражением – *Идти в огонь и воду*. На подобный шаг способен тот, кто, *жертвуя собой*, не раздумывая,

идёт на *самоотверженный поступок*. Человек, способный на самоотречение, *Проходит сквозь огонь, воду и медные трубы,* испытывая тяготы и лишения. Сравним с абхазской идиомой *Амца ахы икит* – «Взять огонь (здесь, за голову) за основание». Структурирует данный фразеологизм смыслы: «разжечь огонь в сердце = душе, воодушевить, возглавить что-то».

Сильно разозлившийся, выражающий негодование, рассердившийся: *Амцаçшь иаиркит* – Спалил огнём». (досл. «Огонь — краснота он (кл. в) — он (кл. ч.) – зажёг»). Известно, что *Играть с огнём* нельзя, такая игра опасна для жизни. Идиомы структурируемые смыслом: «Огонь» несут в себе глубинный смысл: огонь обладает испепеляющей, уничтожающей мощью. Нельзя пренебрегать, не ставить в расчёт то, что близко Сердцу = Душе, то, что дорого, и за что можно, не задумываясь, *пролить кровь, положив человеческую жизнь на алтарь.* Игра с огнём может привести к большому несчасть, и это понимают и абхазы, и украинцы, и русские. В анализированных фразеологизмах заключён смысл, который является «сгустком» общечеловеческой морали: *с огнём нельзя шутить*.

Внутренняя форма рассматриваемого концепта вербализуется универсальными базовыми смыслами, которые структурируются концептами: «*Сердце = Душа», «Любовь», «Вера», «Надежда», «Радость», «Дом», «Кровь», «Подвиг», «Свои» и / или «Чужие». Таскать каштаны из огня* – сложная задача, но не для того, кто делает это *с великим сердцем, открытым и чистым,* главное, чтобы поступок был правильно понят и оценен. Порыв «Души = Сердца» не может остаться не замеченным, ведь, известно: Нельзя *играть с огнём*, как и *Нельзя подливать масло в огонь*. Удачливому, кому *благоволит судьба: Амца ицгылоит* – «Огонь ему подвластен». «Огонь» подчиняется тому, кто делится, даёт на пользование ближнему самое сокровенное: *Амцажîла еимырдоит* – «Одалживают друг у друга семя (здесь, из чего рождён огонь) [9, с. 62; 22, с. 294].

В аспекте изложенного представляет интерес корень πυρ в греческом языке. Ср.: с абх. корнем в слове «*açыр»*, внутренняя форма которого вербализуется значением: «что-то зажечь мгновенно, быстро». Корни *çыр, бл, был,* в абхазском языке структурируются значением «гореть». Идиомы: *Açыр бîа амца иакит* «Загорелся огонь (здесь, молниеносно) и *Açыр бîа игîы и÷алеит* «Молниеносно в

сердце (здесь, внутрь) вошло» = Ср.: образ огня, который вспыхивает в сердце (сердце как огонь, как факел) репрезентирует состояние человеческой Души = Сердца в ответственный момент. То же самое и с корнем *бл* в слове абылра «гореть» *Игîы блыт* досл. «Сердце горит» = Ср.: «Любовь». Следует отметить, что английские слова – purity «чистота», «чистокровность», «беспримесность», purple with rage «побагроветь от ярости», purpose «намерение, цель, целеустремлённость» [13, с. 452] – содержат анализируемый корень *çр, который может обозначать «делать с большим рвением, с огоньком».

Этот же корень с тем же значением употребляется и в латинском языке – purgo «чистить», purus «чистый, чист, чистокровный» [14, с. 928]. Ср.: нем. Feuer «огонь, пламя, пожар, пыл, пылкость» = и англ. fire «огонь», и их эквиваленты: нем. pur «чистый, настоящий», англ. purity так же, как и абх. **çыр,** с тем же значением – структурируются внутренней формой, которая восходит к одному источнику. Можно предположить, что этим источником является глубинный метафорический образ «Огня». Слова с основой на **fy**r в осетинском языке восходят к иранскому *paru «очень, много, слишком» [1, т. 1, с. 443 - 449].

В аспекте изложенного вызывают интерес и формы **fænyk / funuk** «зола» **fælvyx** «пропечённый», «полуиспечённый», мотивированные смыслом «огонь», «всё, что остаётся после огня» [1, т. 1, с. 452]. Форма *parduka в значении «пёстрый, яркий» вербализует внутреннюю форму осетинского færdug «самоцвет»[1, т. 1, с. 499]. Тюркские формы **БЫШ / BIS** сравниваются с турецкими ***bùş / *biş**, в которых внутренняя форма структурируется значением «варить» [16, т. 2, с. 162]. Представленные формы в прямом и переносном значениях обективируют смысл: «действующий огонь», «использованный огонь», «яркий искрящийся цвет». *Açбîызба дçырçыруа даа7налеит* – «Вошла (здесь, впорхнула, влетела, зажгла своим присутствием)». Приход женщины привнес некий огонь, некую страсть. *Амца açырбîа сгîы иа4алеит* – «Огонь прошёл через моё сердце» (досл. «Огонь влететь, ворваться я - сердце оно - сюда - глубина - пройти»). Данный метафорический образ иллюстрирует глубину

человеческих чувств, сердце, которое зажглось и /или из-за любви, и / или ненависти.

Корень ***çыр*** в абхазском языке вербализует смысл сложноструктурированного концепта «Огонь», который объективируется прямыми и переносными значениями; все эти значения указывают на двойственность человеческих чувств. **Добрый «Огонь»** в абхазском ментальном образном мире, приносящий блага, сосредоточил связанный корень ***М*** в словах Амра «Солнце» (положительная коннотация), Амца «Огонь, пламя» (положительная и отрицательная коннотация). **Злой «Огонь»** употребляется с корнем ***çр, Бл*** (положительная и отрицательная коннотация) в словах *абылра*, который этимологически восходит к концептам-конструктам *«Огонь», «Кровь»* (с отрицательной коннотацией), «*Подвиг»* (отрицательная, положительная коннотация). В отличие от слов положительной коннотации *амра «*солнце», *амца* «огонь», слова с корнями *БЛ, çР* выражают в основном отрицательную коннотацию. Огонь разжигается в «Доме» // в «Доме», где нет огня, плохо, «Дом» обречён.

«Помещения» в «Доме» в абхазском языке определяются словами: *ауа*да, *ауа÷*ах «комната, помещения внутри дома (зал, гостиная и т. д.)», *акîакь* «закуток». Слова-композиты: *ауада, ауа÷ах, как и ауасхыр,* – содержат корень *ауа,* досл. «люди (здесь, семья)». Разложив на морфемы слово *ауада* «помещение, комната (для семьи и гостей)», получим досл. «семья + в (тут), где формант - ***Д /*** - ÷ функцианирует как аффикс места. Фонетическое изменнение *Д /* ÷ в конце слова объясняется ассемилятивными процессами. Помещение в доме для главы определяется словом ауа÷ах, в котором формант ***Х*** указывает на усечённый корень *ахы* «голова». Ср.: с *ауасхыр.* Комнату в «Доме» для старейшины называли ауа÷ах, подчёркивая тем самым уважительное отношение к главе «Семьи».

Слово «*акîакь»* досл. «глубина угла, в глубине угла, закуток, кут». Известно, что закуток, кут – угол в помещении, затаённое от посторонних глаз место. Данная словоформа, репрезентируется древним корнем *Гî / *Кî, внутренняя форма которого мотивирована лексико-семантическим компонентом «глубина чего-то».

Так, например, слово *кут* Б. Гринченко определяет так: «Кут, та, м. 1. Уголь. 2. Пространство земли въ углѣ, образованномъ двумя

сливающимися рѣками. 3. Свиной хлѣвъ». Приводятся и следующие дефиниции, например, «Кутній, я, є 1. Угловой. 2. Коренной (о зубах). … Куток, тка. 1. Угол внутренний. 2. Часть, сторона села». Глагол *кутати* содержит всё тот же рассматриваемый корень. Данное слово определяется так: «Кутати, таю, ет. 1. Кутать. 2. Заботиться о комъ, досматривать, воспитывать (дѣтей). 3. Успокаивать, усмирять [5, т. 2, с. 332 - 333]. Содержат корень *кут* и слова, которые обозначают: «1. Закоулокъ, угол. 2. Закута, ти, ж. Конура, хлѣвъ. 3. Закутень, тня, м. Уголокъ, глухое мѣсто» [5, т. 2, с. 56].

Корень *кут* в русском, украинском и абхазском языках структурируется лексико-семантическим компонентом «глубина». Считаем, что указанные слова, содержат древний корень *Гî / *Кî и этимологически родственны. Другими словами, *кут* – место, где можно спрятать самое сокровенное, где можно затаиться и остаться незамеченным, можно сохранить себя *от чужих глаз. Кут* – место оберег. Образно и метафорически анализируемый корень, думается, можно сравнить с «Сердцем = Душой», который (ая), так же структурируется корнем *гî, а гî досл. «сердце». Сердце, человеческое, не знает «покоя», потому что ему доверяют, с ним связывают *мысли, чувства, чаяння, Надежду, Веру, Любовь*.

Ю. Степанов, анализируя концепт «Дом» и ссылаясь на данные И. И. Срезневского, пришёл к следующей мысли: прилагательные «уютный», «укромный» являются ключом к этимологии данного концепта. В слове «*уютный»,* как и в слове «*утлый»,* исследователь выделяет корень *ут*, который употребляется в значении «щель». Корень ут, по мысли учёного, в слове утълый в др. - русск. языке обозначал «с щелями, щелястый». «Таким образом, – заключает автор данной точки зрения, – уютный значит букв. «в щели приткнувшийся» (подобно тому, как укромный значит «у стены, в уголке приткнувшийся), а его древнейшая форма была, вероятно, *у-ут - н - ый // *у - тъ - л – ый. … » [18, с. 827]. По такой же семантической модели рассматривается и слово *покут* «угол». Покут «угол», по данным В. Даля, употребляется в Тверской и Псковской губерниях в значении «укромное место, приют», а в Смоленской губернии – в значении «кладбище» [18, с. 827].

Было отмечено выше, что, эти два анализируемых корня сохранились и функционируют в абх. языке. Слова: *ауада, ауа÷ах,*

акîакь – употребляются, первые в значении «помещение в доме», а второе – «угол в доме». Пристройка к дому в абх. языке так же содержит корень ***кîа*** с усечённым ÷ в слове *акîаскьа*, или *акîакь инаскьоу* досл. «угол, который отдалён от дома (здесь, пристроен)». Как видим, в данном слове так же употребляется связанный корень ***кî***.

Допускаем, что внутренняя форма слова «дом» структурируется в абх. языке корнями *ауа*, *кî*, в русск., укр. языках – *ут*. «Дом» так же, как для абхаза, так и украинца, и русского является местом, где «Семье» *уютно, хорошо, всё до глубины «Сердца» родное. В «Доме» можно отдохнуть телом и «Душой»*. Слово *А7ны* «Дом» сосредоточило в себе усечённый корень – *ауа* + *р7* + *ны* – «Место человека» (досл. «Люди + их - дом + там или люди - место»), где формант - ***Н*** выражен значением «место». Звук *7* (соответствует лабиализованному русскому **у***)*, отсюда, считаем, и корень *ут*, ключ к этимологии которого, по мысли Ю. Степанова, до сих пор «не установлен». *А7ны* «Дом», где «Мир» и согласие, уют и тепло, «Любовь», «Добро».

Анализируемые слова – Ср.: в укр. кут = русск. угол = абх. акуакь, русск. *уют* = абх. *ауада*, *ауа÷ах*, *а7ны* = укр. затишок, – структурируются смыслом: «Дом». В этих словах «присутствует семантический и психологический компонент – ощущения своего дома. … » [18, с. 827]. Анализируемые смыслы и значения вербализуются в пословицах и поговорках. Ср.: русск. *В недружной семье добра не бывает* или *В семье, где нет согласия, добра не бывает; Не будет добра, коли в семье вражда.* Отсюда хорошая / плохая, дружная / недружная семья. *В хорошей семье*, конечно, *хорошие дети растут.* Дружную семью или дружный *Дом согревает не печь, а любовь и согласие.* Хорошая *Семья – опора счастья* [29, с. 29 - 34]. Абсолютная истина, не подвергающаяся сомнению, – *Где совет – там и свет, где согласие, там и Бог, а где Согласие в семье – богатство; Любовь да совет – там горя нет.* В такой семье *Братская любовь крепче каменной стены.* Ведь известно, что *Человек без братьев и сестёр – одинокое дерево* или *Человек без семьи, что дерево без плодов* [29, с. 29 - 34].

«Очаг», согревающий «Семью», «Крыша», защищающая от бед и несчастий, – метафорические образы, которые структурируются

концептом-конструктом *«Отцы» / «Дети». Семья сильна, когда над ней крыша одна*, так как эту крышу воздвигли прадед, дед, отец, мать. Трудно не согласиться с тем, что *Сердце матери греет лучше солнца*. Справедливо и то, что *Без отца дитя – полсирота, без матери дитя полный сирота.* Ср.: абх. *Ан дызмам – Анцîа димам* – «Тот, кто лишен матери, лишён и Бога».

Истина заключается в том, что *Земля без воды мертва*, а *человек без семьи – пустоцвет*. «Семья» должна находиться под одной крышей. Если родители сумели воспитать в детях *любовь друг к другу*, а жизнь посвятили детям (*Жизнь родителей в детях*), то и дети должны понимать, что *Дерево держится корнями, а человек семьёй*. Правильный путь выбирает тот, кто не нарушает заповеди отцов и детей: *Родителей чти – не собьёшься с истинного пути*. Необходимо помнить – *Когда нет семьи, так и дома нет* [29, с. 29 - 34].

Анализируя этимологию концепта «Дом», можно прийти к мысли, что славянское *«дом»* и абхазское ***«адамра»*** «могила» восходят к общим корням. Слово *«адамра»* досл. «дом усопшего», по мысли абхазов, – место, где человек находит своё последнее прибежище, покидая земной мир. Ср.: абх. *Аныши̂ дамадоуп* – «Предан земле». Смысл данного конструкта заключается в следующем: «Находится в земле или в доме». Абх. слово *адамра* является композитом, состоящим из корня ***дам*** (где *-А* – аффикс общности, или определенного падежа) + *РА* – усечённая форма указательного местоимения *ара* «это». *Адамра* – «Усыпальница, Могила» (досл. «Дом это, или Дом здесь»).

Дискуссионным является утверждение, согласно которому слово «дом» восходит к общеславянской основе. «Др.- инд. damas «дом», греч. domos «строение», латин. domus «дом» и т. д.» [23, с. 129]. В аспекте рассматриваемой проблемы привлекают формы тюркских языков **дамар, тамар, тымар, тамыр, тамир, дамыр** из начальных *та : мыр,* та: мир в значениях: «жила», «кровеносный сосуд», «корень», «основа», «родственник», «близкий друг», которые мотивируются смыслом «дом», «помещени» [16, т. 3, с. 143]. А. К. Шагиров пишет, что адыг. **дамэ / тамэ** можно сопоставить с чечен. **т1ам**, инг. **ткъам** «крыло», которые «этимологически неотделимы» от формы там(э) «квартал», «часть аула» [22, с. 143]. Аналогичные формы в осетинском языке – **don /**

donæ структурируются значениями: «вместилище», «помещение», восходят они к иранской основе dāna с тем же значением» [1, т. 1, с. 367]. Отсюда можем сделать вывод, что внутренняя форма анализируемого концепта-конструкта вербализуется значениями и смыслом, которые являются общими для тюркских, абхазо-адыгских, славянских, иранских языков. Этимология конструкта-концепта «Дом» вербализуется в анализируемых языках внутренней формой корня ***дам***.

«Дом» – базовый конструкт-концепт, многоуровневый и многокомпонентный. «Дом» как культурное пространство человека можно рассматривать шире и уже. «Дом» (при жизни) и «Дом» (после смерти). Адамра – «Дом», где покоится душа. Адунеи – «Дом», Вселенная, наполненная смыслом и значением, вместилище «общечеловеческих» базовых ценностей, которые структурируют ментальный код или ментальную матрицу нации.

Культурный компонент значения слова сфокусирован в его экстралингвистическом содержании, которое отражает обслуживаемую языком национальную культуру [6]. «Семантические доли», фиксирующие лексический фон, согласно зарубежным лингвистическим представлениям, являются ореолом всевозможных непонятийных представлений носителей культуры и входят в значение слова. Такие фоновые знания, как «общечеловеческое», являются не только фактом языка, но и существуют они в форме «логических импликаций и пресуппозиций» [4, с. 153]. Пресуппозициональные фоновые знания «лежат за словом», которое раскрывает глубинный уровень сознания, являющийся фрагментом внешнего материального мира, «идеального по своей внутренней сути [4, с. 153]. Заметим, что Г. В. Лейбниц критерием истинности считал «ясность, отчётливость, и непротиворечивость рассуждения, т. е. соответствие мысли не внешнему миру, а переживаниям души, идеям, которые человеческий дух создаёт силой своего мышления» [10, с. 278].

Основой духовной культуры был и есть человек, который является «частью естественного потока жизни [4, с. 112]. В этом контексте представляет интерес проблема межкультурной коммуникации, находящаяся в плоскости культурологии и диалога культур. Важно при этом понять не только значение национально-

специфического слова, но и принять *образы чужой культуры,* а также интерпретировать эти образы и понятия через призму *своей культуры*.

«Общечеловеческий» концепт *«Хлеб-Соль»,* близкий и понятный носителям различных культур, роднит, организует человечество, делает общими мысли и души. Примечателен тот факт, что хлебом-солью встречают дорогого гостя не только абхазы, украинцы, русские, но и представители других народов. «Я есьм то, что я ем» – положение, подтверждающее центральное место еды в жизни народа как личности коллективной [26, с. 4]. Трудно не согласиться с суждением, согласно которому «национальная кухня отражает характер народа не в меньшей степени, чем философия, литература и искусство» [26, с. 4].

Важно при этом знать, что предметом радушного гостеприимства может быть не только «Хлеб» и «Соль», но и, как на Кавказе, мясо ритуального животного. Несмотря на вышеупомянутые элементы радушного приёма гостя, абхазы также сохранили выражение *Ачеижьыка,* которое досл. переводится как русск. «хлеб-соль», укр. (хліб-сіль). Рассматриваемый факт засвидетельствован традициями как славянской фольклорной, так и современной песенной. Смысл известной песни, в исполнении С. Ротару, раскрывает красоту народа, проживающего в Карпатах, готового всегда хлебом-солью «Вас зустрінуть».

Данный концепт вербализуется смыслом: *широта славянской души*, готовность *с радостью встретить «Чужестранца» на «Своей» земле*. Ср.: *Аҿсуа и-чеи-и-жьыка* – «Хлебосольство абхаза» (досл. «Абхаз – его – хлеб – его – соль»). Данная идиома структурируется смыслом: *гостеприимство, радушие, теплота, доброжелательность народа,* встречающего *«Чужого»* в «*Своём» «Доме»*.

Особенности характера того или иного народа, неразрывно связанного со своей культурой, ментальностью, вербализуются словоформами: украинец, русский, белорус, абхаз и т. д., которые вобрали в себя смыслы и значения концепта *«Нация»,* «Народ», «Этнос». Ср.: абх. *А9суа ичеижьыка* – конструкт, который объективируется смыслом: хлебосольство *абхаза* как

представителя этноса. = русск. *Душа украинца, белоруса, русский дух, русская душа, украинская душа* с той же семантикой.

В «Словаре української мови» Б. Гринченко зафиксированы формы хлібосіль, соли … бути, бувати у хлібосолі. Водить компанию [5, т. 4, с. 402] и хліб-сіль. Хлѣбосольство, радушіе … [5, т. 4, с. 401]. В современном русском языке слова: хлебосольный, хлебосольство, хлебосол, – употребляются в значении «хлебосольный человек». Хлебосол (разг.) – хлебосольный человек …» [15, с. 863]. Хлебосольный человек отличается особым приёмом «Гостя». Радушие, оказываемое «Чужому», русские определяют словом «гостеприимство».

Хлеб-соль, хлеба-соли (устар., разгов.) – это и «дружеское угощение, а также вообще дружба, гостеприимство» [15, с. 863]. В абх., русск., укр. языках доминирующим лексико-семантическим компонентом рассматриваемых словоформ выступает сема *«радушие»* – сердечное, ласковое и доброе отношение. Такой смысл вербализуется фразеологическими единицами: Ср.: абх. *Ачеижьыка* = русск. хлеб-соль = укр. хліб-сіль. Внутренняя форма конструкта объективируется смыслом, который раскрывается пословицами и поговорками: *В гості ходить, треба й до себе водить; Хто в гості не їздить, до себе не зве, той недобрим сливе; Тут мені раді, а там мене ждуть* [24, с. 178]*; Хлеб да соль! Приятного, хорошего аппетита!* Пожелание тому, кого застали за едой. Вышесказанное можно обобщить: водить (вживать) хлеб - соль (хлеб и соль), «находиться в приятельских, дружеских отношениях» [20, с. 74].

«Хлеб» – продукт, необходимый для существования человека. Ср.: *хлеб – всему голова*. = *Хлеб насущный.* Можно, считают русские, *Перебиваться с хлеба на квас.* Быть обманутым в своих ожиданиях*: Не солоно хлебавши. За семь вёрст киселя хлебать; Лапт*ем *щи хлебать; На хлебах; Сидеть на хлебе и воде; Хлебнуть через край* [20, с. 507]. Представленные фразеологические единицы вербализуют смыслы: «важный, насущный», «разочароваться», «что-то делать впустую», «жить и прозябать», «испытывать нужду, горе». *Хлебнуть через край* в значении «терпеть нужду» и *хлебеснути, хлебати* «хлебнуть = выпить, хлебать = лакать» [20, с. 400 - 401]. Ср.: абх. *ачамфа7* – «нищий, живущий без пропитания», употребляется с тем же значением – «хлебнуть = *выпить горе»*, «жить в нужде, без

хлеба». Заметим, что в одном из своих значений слово «*хлеб»* в абха., укр., русск. языках вербализуется значением «заработокъ, как средство к существованию» [22, с. 401]. Ср.: абх. *Ачахî* – «Заработок, позволяющий купить хлеб» (досл. «хлеб — цена») [2, т. 2, с. 518].

«Хлеб» – основной продукт, которым делятся, встречают *желанного гостя* с хлебом. Ср.: русск. *Нет хлеба на столе, человек обречён. Хлеб на стол – престол, хлеба ни куска и стол – доска* или *Не красна изба углами, а красна пирогами* [29, с. 66, с. 126].

Корень *Ача* «хлеб» в абх. языке встречается и в таких словах, как *ачара* «пир, веселье с едой и выпивкой», *ачарé* «печенье», *ачарéы* «хлебный квас», *ачар÷а* «столовая», *ачарбîы* – «бублик, баранка» (досл. «хлеб – виться»), *ачарчыга* «дрожжи», *ачарыц* «пшеничное зерно», *ачаса* «ломоть хлеба». Абхазская идиома *Ичафара а4ыхîа пцîеит* – «Пришёл конец его сытой жизни и т. д.» подтверждает ценностное значение данного конструкта-концепта. Конструкт-концепт «Хлеб-соль», признанный как «общечеловеческий», находится в одном ментальном поле с концептом *«Свои» и / или «Чужие».*

В анализируемом контексте представляет интерес слова «*чужеземец», «чужестранец»*. Например, абхазские слова *а÷îымуаа, а÷îыму7ы* − «чужеземец, иностранец» (досл. «другие (не наши) люди», другой (не наш) человек»), а также слово *а÷îым÷îыла* – «заграница» (досл. «чужая (другая) страна»). Внутренняя форма корня *атэым* «чужой», «другой», вербализуется смыслом − «чужой», «не свой», «не наш». В украинском языке слово *чужий* «чужой» используется в следующих значениях: чужанина − «чужакъ, не родственникъ», чужаниця. Употребляется по большей части съ эпитетом чужа. Чужой человѣкъ. Чужинець. Чужестранець. Чужиня. Чужакъ, иностранець, чужестранець» [5, т. 4, с. 476 - 477].

Словоформа «чужой» в русском языке выражает несколько значений: 1. Не свой, не собственный, принадлежащий другим; 2. Не родной, не из своей семьи, посторонний; 3.Далёкий по духу, по взглядам. Эти три значения объединяются семой «чужой», например, чужбина – чужая страна, и чужанин – чужой человек, чужак (пришлый, посторонний). Ср.: абх. *а÷îымуаа* «чужие люди», *а÷îыму7ы* «чужой человек». Сема «чужой» противопоставляется семе «свой». Ср.: «Свой, родной, близкий» и корреляты «чужой, иной ≠

родной». Близкий по духу, по культуре, по привычкам может быть как «Своим», так и «Чужим».

В пословицах и поговорках тон по отношению к гостю, чужеземцу, прибывшему из-за границы, мягкий, добрый. Ср.: русск. *Кто гостя бесчестит, тот сам чести не знает*. Пословица структурируется смыслом: «уважительное и почтительное отнощение к переступившему порог «Чужого» «Дома» [29, с. 70]. Ср.: абх. *Узшаз уисасуп* – «Будь гостем того, кто тебя создал». Абхазы доброму, хорошему человеку желают всегда быть гостем у Бога [9, с. 318]. Этот же смысл структурируется метафорой, расскрывающей отношение к гостю, – *Асас иааира, асабицîагьы аигîырӧьоит* «Приходу гостя младенцы рады» = *Асас анасып ицуп* «Гостя сопровождает счастье» = *Апсуа асас изы иашî 5ьа5ьаéа иаар÷уп* «Всегда для гостя у абхаза раскрыты настежь двери» [28, с. 20 - 28].

Оппозиция свой ≠ чужой в русском языке структурируется фразеологизмами, которые выражают отношение к человеку, живущему рядом, близкому по крови, но далёкому по убеждениям. Ср.: русск. *Жить чужим умом; Чужими руками жар загребать; Петь с чужого голоса; С чужого плеча* [20, с. 529]. Идиоматические выражения, структурирующие смыслы и значения: «*придерживаться чужих взглядов, не иметь своего мнения, высказывать, повторять чужое, быть несамостоятельным в своих суждениях пользоваться результатами труда других в своих корыстных целях,* и т. д.» − подтверждают, что корреляты «свой ≠ чужой» не имеют резко очерченных границ.

Данная оппозиция эксплицитно выражает значение слова «чужой», которое характеризует человека не только с положительной, но и отрицательной стороны. Чужого, иностранца, можно встретить радушно, а своего, но тоже «чужого» – в силу слабости его человеческого характера – осудить за те или иные отрицательные качества. Ср.: абх. *Иззымдыруа 6а÷ыр икîум4ан* – «Не выказывай уважения тому, кто не понимает твоих добрых намерений» = *Абзиа ззымдыруа, абзиа изы5а4ом* – «Не понимающий добра добра не сделает» [28, с. 32 - 33].

Психологи утверждают, что человеку свойственно «общественное чувство», суть которого заключается в том, что он способен интересоваться другими людьми, принимать активное

участие в судьбе членов общества, поэтому деятельность его направлена на различные объекты: субсоциальные (природа, наука, искусство), социальные (всё живое), супрасоциальные (Вселенная, мир в целом). Привлекательной остаётся суждение, согласно которому среди множества мыслей и чувств, присущих человечеству, чувство общности, которым часто руководствуются в жизни, является одним из главных [3, с. 196 - 197].

Нельзя не согласиться и с К. Г. Юнгом, выдвинувшим теорию «коллективного бессознательного», суть которой заключается в том, что, помимо «личного бессознательного», существует и «коллективное бессознательное», которое содержит в себе опыт всего человечества и передаётся от поколения к поколению. От самого рождения в психике человека существуют некие структуры, или «архетипы», которые влияют на дальнейшее развитие и формирование личности, на взаимодействие его с окружающей средой. «Архетипы», или «отпечаток» – форма без конкретного содержания, организующая и направляющая психические процессы» [3, с. 197].

Обобщённый опыт человечества также является архетипом, который проявляется в виде символов: образов известных ещё с детства героев мифов, впитавшихся с молоком матери, национальных фольклорных образов, обрядов, традиций, ритуалов и т. д. Людская память, как магнитное поле Земли, притягивает и впитывает не только недавнее прошлое, но и фиксирует эти архетипы. Отметим, что полисемичное слово «поле» в одном из своих значений определяется как «пространство, в пределах которого проявляется действие каких-нибудь сил» [15, с. 552]. Человек – неотъемлемая часть природы, его ментальное поле действует так же, как и магнитное. Ментальное поле структурирует концепты-конструкты национальной матрицы «Слово», которая является знаком общего пользования. К этим знакам относятся слова языка, идиоматические выражения – культурно значимые прецеденты, или фоновые знания, которые позволяют передать опыт будущим поколениям. Рассматриваемые и анализируемые национальные матрицы абхазов, украинцев, русских содержат ментальные поля, структурирующие концепты - конструкты, или конструкты — концепты: «Дом», А7ны, Адунеи, которые есть не что иное, как

«ментальное национально-специфическое образование, планом содержания которого является вся совокупность знаний о данном объекте, а планом выражения – совокупность языковых средств (лексических, фразеологических, паремиологических и др.) [12, с. 27].

Согласно изложенному в настоящей статье можно заключить следующее: Во-первых, ментальные поля и славян, и абхазов содержат структурированные компоненты, которые признаются «общечеловеческими», во-вторых, этимологические параллели позволили выявить в национальной матрице общие и частные характеристики, мотивированные внутренней формой ментальных полей абхазов, русских и украинцев, в-третьих, анализируемые конструкты-концепты восходят к архетипам, которые также квалифицируются как «общечеловеческие». Национальная матрица анализируемых языков вобрала в себя универсальные «общечеловеческие» компоненты хлеб-соль, чужой (иностранец) ≠ чужой (свой, но далёкий по духу), которые тесно взаимосвязаны, но вместе с тем образуют взаимоисключающие и взаимодополняющие ментальные поля. В национальной матрице абхазов, русских, украинцев сосредоточены ценности, объединяющие эти культуры.

Литература

1. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка [в 4 т.] / [указатель состав. Е. Н. Сченснович, А. В. Лушникова, Л. Р. Додыхудоева]. – Москва – Ленинград : Наука, 1958-1995. – 2227 с.
2. Абхазско-русский словарь: в 2 т. [Сост. В. А. Касландзия] − М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 1424 с.
3. Ахмедов Т. И. Введение в общую психотерапию / Т. И. Ахмедов. – М. : Харьков : АСТ; Торсинг, 2005. – 416 с.
4. Белянин И. П. Психолингвистика: [учебник] / И. П. Белянин. − М. : Флинта, 2004. − 227 с.
5. Гринченко Б. Д. Словарь української мови: в 4 т. / Б. Д. Гринченко [зібрала редакція журнала «Кіевская старина»; упорядкував з додатком власного матеріалу Б. Гринченко]. − Київ: Вид-во Академії наук УРСР, 1958. – 2136 с.
6. Звегинцев В. А. Язык и лингвистическая теория: [монография] / В. А. Звегинцев − М. : Эдиториал УРСС, 2005. − 248 с.
7. Зиммель Г. Созерцание жизни. Т. 2. / Г. Зиммель; [перев. с нем; под ред. Л. Т. Мильской и др.]. – М. : Юрист, 1996. – 607 с. – (Лики культуры).

8. Иконникова С. И. История культурологических теорий: [учебное пособие] / С. И. Иконникова. – 2-е изд., переработанное и дополненное. − Спб. : Питер, 2005. − 474 с.

9. Касландзия В. А. Фразеологический словарь абхазского языка (на абхазском языке) / В. А. Касландзия. – Сухум : Алашара, 1999. − 491 с.

10. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник / Н. И. Кондаков. − М. : Наука, 1975. − 721 с.

11. Ланская О. В. Актуализация концепта «Дом» в лексикографических источниках / О. В. Ланская, Е. Н. Руднев // Русский язык и литература Проблемы изучения и преподавания: сб. научных трудов / Под ред. Л. А. Кудрявцевой. – К. : Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, 2009. − С. 53 – 57

12. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: [учебное пособие] / В. А. Маслова. − Мн. : ТетраСистемс, 2004. − 256 с.

13. Мюллер В. К. Большой англо-русский словарь. 250 000 слов и словосочетаний: новая редакция / В. К. Мюллер. – М. : ООО Дом Славянской книги, 2008. − 706 с.

14. Новый латинско-русский и русско-латинский словарь: 100 000 слов и словосочетаний [состав. Л. А. Асланова]. – М. : ООО «Дом славянской книги», 2010. – 928 с.

15. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; 4-е изд., доп. − М. : Азбуковник, 1999. − 944 с. – (Российская академия наук. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова).

16. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков [в 7 т.]. – М. : Восточная литература РАН, 1974-2003 [Электронный ресурс] / Э. В. Севортян. – Режим доступа: http:// altaica. ru/ LIBRARY/edtl.htm.

17. Современный философский словарь / [под общ. редакц. В. Е. Кемерова]. – Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск : Панпринт, 1998. – 1064 с.

18. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – 3-е изд., испр. и доп. − М. : Академический проект, 2004. − 992 с.

19. Тейяр де Шарден П. Божественная среда: сб. / П. Тейяр де Шарден; [пер. с франц]. – М. : ООО «Издательство АСТ» ЗАО НПП «Ермак», 2003. – 314, [6] с. : ил. – (Философия, Психология).

20. Фразеологический словарь русского язика / [под ред. А. И. Молоткова]. − 2-е изд., стереотип. − М. : Советская энциклопедия, 1968. − 544 с.

21. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий / Й. Хейзинга; [пер. с нидерл. В. В. Ошиса]. − М. : Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 352 с.

22. Шагиров А. К. Этимологический словарь адыгских языков [ответ. редактор К. В. Ломтатидзе]. – М. : Наука, 1977. – 290 с.

23. Шанский Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка [Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская] / Под ред. С. Г. Бархударова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Просвещение, 1971. – 542 с.

Источники фактического материа

24. Багмет А. Збірка українських приказок та прислів'їв / А. Багмет, М. Дащенко, К. Андрющенко. – 2-ге вид., стереотип., з репринтного відтворення від 1929 р. − К. : Техніка, 2004. − 224 с.

25. Библия: Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. − М. : Российское библейское общество, 2002. − 303 с.

26. Окунь А. Кулинарный мидраш 2000 − 2001 / А Окунь. М. : Еврейский мир; Харьков : Фолио, 2000. − 301 с.

27. Пословица не мимо молвится: русские пословицы и поговорки с украинскими соответствиями / [сост. Н. Беленькова] (на русском и украинском языках). − К. : Дніпро, 1969. − 247 с.

28. Пословицы абхазов, проживающих в Турции / [собир.- сост. О. Шамба,

29. Пословицы и поговорки / [сост. В. Д. Сысоев]. − М. : АСТ: Астрель: Хранитель, 2008. − 191 с.

30. Раффи (Акоп Мелик-Акопян). Самвел: [ист. роман] / Раффи; [пер. и прим. Нелли Хачатурян]. – Ереван : Советикан Грох, 1988. –480 с.

31. Шинкуба Б. В. Избранное / Б. В. Шинкуба; [перев. с абхазского Б. Шинкуба; вступ. ст. К. Симонова]. – М. : Худ. лит., 1976. – 397 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ А. 1

Таблица А.1.1.

«ДОМ» В ОБРАЗНОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ ОПРАШИВАЕМЫХ РЕСПОНДЕНТОВ (СЛАВЯН И НЕ-СЛАВЯН)

Возраст респон-дентов	**Мужчины (славяне)**	**Женщины (славянки)**	**Мужчины (китайцы)**	**Женщины (китаянки)**
17−25	1. Уют - 15%	1. Семья - 13%	1.Родители - 45%	1. Семья - 55%

	2. Крепость - 7% 3. Семья - 3%	2.Крепость - 6% 3. Мужчина - 3%	2. Семья 45% 3. Небо, капитал, имущество, мужчина -10%	2.Безопасность - 35% 3. Удобство, уют, малая родина - 10%
30−45	1. Уют - 14 % 2. Крепость - 5,5% 3.Семья - 4%	1. Семья - 15% 2. Крепость - 3,5% 3. Мужчина - 3%		
45−70	1. Уют - 16 % 2. Крепость - 7% 3. Семья - 3%	1. Семья - 25% 2. Крепость - 6% 3. Мужчина - 5%		

ПРИЛОЖЕНИЕ А. 2

Таблица А.2.1.

«МУЖЧИНА» / «ЖЕНЩИНА» В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ОПРАШИВАЕМЫХ СЛАВЯН И НЕ - СЛАВЯН

Возраст респон-дентов	**Мужчины (славяне)**	**Женщины (славянки)**	**Мужчины (китайцы)**	**Женщины (китаянки)**
17−25	1.Кормилец - 12%	1. Хранитель-ница очага -	1. Мама - 25% 2. Вода -	1. Мама - 29% 2. Вода - 14%

	2. Защитник - 8,5%	9,5% 2. Хозяйка - 4,5% 3. Красота - 18%	19,5% 3. Красота - 5%	3. Красота - 7,5%
30–45	1.Кормилец - 18% 2.Защитник - 6,5% 3. Хозяин - 6,5%	1. Хранитель-ница очага - 14,5% 2. Хозяйка - 16% 3. Красота - 6,5%		
45–70	1.Кормилец - 2,5% 2.Защитник - 11,5% 3. Хозяин - 10,5%	1.Хранитель-ница очага - 23% 2.Хозяйка - 6% 3. Красота - 2%		

КОНЦЕПТУАЛЬНА ОПОЗИЦІЯ «*СВІЙ / ЧУЖИЙ*» В АНГЛІЙСЬКІЙ МОВНІЙ КАРТИНІ СВІТУ

Полагейкіна В. А., Шепель Ю. О.

Номінативне поле концептів «свій» і «чужий» в англійській мовній картині світу

Сьогодні в лінгвістиці існує багато варіацій на тему розуміння сутності концептів. Виходячи з того, що сам термін «концепт» у лінгвістиці пов'язаний із багатьма науками, то його варто розглядати у різних векторах, у межах яких акцентують численні дефініції разом із цілими комплексами специфічних конкретизаторів [1, с. 27].

Якщо визначити в концепті його основні параметри, цього буде недостатньо, щоб отримати повне уявлення про нього, оскільки повне уявлення про концепт ми можемо отримати, лише зробивши аналіз появи концепту та прослідкувавши за динамікою його розвитку. Для досконалого дослідження концепту існує методика концептуального аналізу. Ми пропонуємо користуватися комплексною методикою аналізу, спрямованою на висвітлення різних аспектів концепту.

Концепт завжди виражається через номінативні одиниці, які слугують його безпосередньому вираженню та його когнітивних складових у мові. Кожна номінативна одиниця організовує в межах певної ментальної ділянки її основний зміст та цінністне наповнення. Дані номінативної одиниці є типовими вербалізаторами, завдяки яким можна визначити цінністне наповнення концепту. Структура концепту є тривимірною і включає образну складову, цінністний компонент та поняттєвий елемент. Наявність цих трьох складових у структурі концепту визначає характер його зв’язків із мовою, яка його об’єктивує, з культурою як національною системою цінностей та зі свідомістю й практичною діяльністю людини.

Пізнавальне наповнення концепту допомагає виявити структуру його номінативного поля. Упорядкування мовних одиниць за польовим принципом (ядро, приядерна зона, периферія) уможливлює опис змістової і цінністної специфіки ментальної одиниці в мовній картині світу, бо приналежність до тієї чи іншої зони визначає смислове наповнення концептуальної ознаки у свідомості носія будь-якої мови.

Враховуючи, що концепт є ментальною одиницею, він може бути описаний через аналіз засобів його мовної об’єктивації.

З. Д. Попова і Й. А. Стернін визначають сукупність мовних засобів, які вербалізують концепт як номінативне поле концепту [2, с. 66]. Номінативне поле є комплексним і включає лексико-семантичне, лексико-фразеологічне поля та синонімічний ряд. Також номінативне поле є не структурним угрупуванням у системі мови, а виступає упорядкованою сукупністю номінативних одиниць. Воно включає як прямі номінації концепту, що утворюють ядро поля, так і номінації окремих когнітивних ознак концепту, які розкривають його зміст і відношення до нього. Це створює периферію номінативного поля [2, с. 66-67].

Основою концептів «*свій» і «чужий*» є метафоричний (когнітивний) образ, сформований у свідомості носіїв англійської мови в результаті осмислення певних явищ і зв'язків між ними та узагальнення їх у певні стереотипні ситуації. Однакова онтологічна сутність цих концептів уможливлює їхнє поєднання в бінарну опозицію. Інформаційне (поняттєве) наповнення аналізованих ментальних одиниць також має спільні риси. Усталені в англійській мовній картині світу уявлення про «своїх» та «чужих» денотати можуть бути концептуалізовані на підставі трьох типів посесивних відношень: власне приналежності — неналежності, кровної пов'язаності — непов'язаності, духовної єдності — відмінності. Проте, якщо інформаційна структура концепту «свій» обмежена названими семами, то зміст когнітивної одиниці «чужий» має більш ємкий і більш строкатий поняттєвий склад, який охоплює уявлення про «територіальну невідповідність», «невизначеність» й деякі інші особливості концептуалізованих об'єктів. При цьому концепт «чужий» відрізняється від свого «опонента» не лише інформаційним складом, а й динамікою його модифікацій. Поняття «своєї» території, а також «свого» як «зрозумілого», «відомого», «усталеного» та «кращого» і «правильного» також релевантні для англійської мовної картини світу.

Відмінність інформаційних (поняттєвих) складових доповнюється розбіжністю в ціннісній організації концептів. Так, якщо уявлення про «свої» об'єкти в англійській мовній картині світу усталені як кращі й правильні або нейтральні, то ставлення англійців до «чужого» може бути як негативним чи нейтральним, так і позитивним.

Ядерну зону концепту «***свій***» складають сегменти «*притаманність*», «*кровна пов'язаність*» і «*духовна (ідейна) єдність*». Сегмент «притаманність» реалізує предметний (власне посесивний) характер відношень «свій» – «чужий», за якого всі реалії дійсності, що оточують носія англійської мови, виступають як конкретні денотати – об'єкти безпосередньої приналежності суб'єкту. Ця концептуальна ділянка містить усталену, чітко структуровану когнітивну інформацію, імпліковану в семантичному наповненні його ключової лексеми, зокрема й термінами, що позначають різні види одного того самого, тобто когіпонімічних одиниць, наприклад: *особистий, індивідуальний, приватний, персональний, осібний, належний — private, individual, native*. Основною в сегменті «приналежність» є виділена О. Селівановою формула реалізації посесивної семантики «присвійний займенник, що позначає відношення до певного посесора + іменник як об'єкт приналежності». Посесором у такій формулі виявляється особа, яка сприймає й інтерпретує оточуючу дійсність, а корелятом, як правило, — не істота, а реалія, яку суб'єкт (посесор) репрезентує як «Свою» за допомогою названого ключового слова, наприклад:

- власна приватність та відношення до рідного дому: *East or West home is best; there is no place like home; an Englishman`s house is his castle; dry bread at home is better than roast meat abroad; be master in one`s own house;*

- не лізти в чужі справи: *know one`s own business; mind one`s own affairs;*

- вірна оцінка своїх можливостей, шансів, інтересів: *know on which side one`s bread is buttered; every heart knows its own bitterness; every man has his hobby-horse;*

- взаємодомога: *give your own fish-guts to your own sea-maws;*

- мати право самостійно і вільно обирати свій життєвий шлях: *the architect of one`s own fortunes; every man for himself and God for us all.*

Набір, організація та функціонування відповідних мовних одиниць засвідчують динамічний характер когнітеми «власний» та комунікативну релевантність на всіх етапах функціонування англійської мовної картини світу. Найчастотнішою і найактуальнішою когнітивною ознакою виділеного сегмента є

«*індивідуалізм*». Попри відсутність певних релевантних показників ціннісної значущості «свого» як «приватного», очевидною є актуальність цієї когнітивної одиниці в англійській мовній свідомості.

Сегмент «кровний зв'язок» реалізує в англійській мовній картині світу не власнопосесивні відношення, що базовані на усвідомленні біологічного зв’язку із суб’єктом. Експлікувати когнітивну інформацію цього сегмента в англійській мовній картині світу може лише одне слово «рідний», що вербалізується в англійській мові як «*native, home, own*», але найбільше концептуальний потенціал «*own*» засвідчив високу стійкість протягом усіх етапів розвитку англійської мовної картини світу. Когіпонімів це ключове слово не має, тому основний когнітивний зміст у цій ділянці експлікують типові вербалізатори (*mother, father, son, daughter, brother, sister* та ін.).

Розуміння «*свого*» як кровнопов’язаного є неоднозначним і охоплює кілька прецедентних відношень, що зумовлює виділення трьох основних типів їхньої реалізації:

1) власне кровний зв'язок згідно з добором і функціонуванням відповідних мовних одиниць представлений як закритий тип суб’єктно-об’єктних відношень: «*One's kith and kin*» — рідні і близькі, родичі; «*one's own flesh and blood*» — власна плоть і кров, рідні діти; родичі по крові, кров від крові; «*Cousin seven (several) times removed*», «*Second cousin twice removed*», «*Forty-second cousin*» — Сьома (десята) вода на киселі; «*For seven generation, Until the seventh generation*» — До сьомого коліна;

2) шлюбний зв'язок, який виявляється типом відкритих відносин та експлікує типові вербалізатори *wife, husband*, неспоріднений зв'язок (*stepmother, stepfather*). В англійській мові є фразеологічні одиниці, що барвисто й образно характеризують чоловіка і дружину, а також нових членів сім'ї: *lord and master* – «чоловік», *the old (one's good) lady* – «дружина», *fresh (new) blood* – «нові члени сім'ї», «*one's (the) better half*» — найдорожча половинка; дружина. Також можна виділити підгрупу фразеологічних одиниць, що характеризують особливості спільного проживання подружжя: «*The quarrel of lovers is the renewal of love*» — Милі сваряться, тільки тішаться; «*Be under one's wife's thumb, Be a henpecked husband, Be pinned (tied) to one's wife's apron strings, Be under petticoat government*» — Бути під

каблуком (дружини); «*Keep one's husband under one's thumb, Wear the breeches*» — Тримати під каблуком чоловіка. Також, в ході аналізу ми звернули увагу на матеріальну складову: «*Be born with a silver spoon in one's mouth.* — Народитися в багатій родині; «*it's all ill bird that fouls its own nest*». — Худа та пташка, якій своє гніздо не миле;

3) духовна спорідненість присутня між друзями, товаришами. «*Свій*» як товариш і друг в англійській мові представлено словом «друг». У словниках дається наступне визначення, наприклад у словнику «Word Reference Random House Unabridged Dictionary of American English»:

«Friend»:

- *One attached to another by affection, by personal regard, a favorer, a favourite, a Quaker.* (Той, хто прив'язаний до іншого, доброзичливець, фаворит, улюбленець).

- *A person who gives assistance, support, patron*. (Який надає сприяння, підтримку; захищаючий, лідер), *close friend* (близький друг).

«Mate»:

- *A companion, a husband, second officer in a ship.* (Компаньйон, кореш, чоловік).

- *Equal To, to match, to marry.* (Рівнятися, поєднуватися шлюбом).

[VI Oxford Advanced learner's Dictionary of Current English as Hornby]:

One who is on good terms with another, a person who is not horrible. (Той, хто в близьких відносинах з іншим, налаштований невороже).

A member of the same nation, party. (Представник тієї ж нації, народності).

[VII webster's World Thesaurus(1974). Словник синонімів]:

friend, familiar, schoolmate, playmate, best friend, roommate, companion, intimate, confident, comrade, fellow, pal, bards of feather, chum, crony, buddy (однокласник, напарник, співмешканець, приятель, старина, друже, братан, друган).

Концепт «*friend*» в англійській мові займає не дуже глибоку смислову позицію. Цей концепт у силу національно-специфічних особливостей в англійській мовній картині світу має дуже важливе

значення, так як у англійців значення дружби більш плитке: *Friend — налаштований не вороже, надає підтримку, хороший знайомий, компаньйон, фаворит, улюбленець, лідер або людина, яка тебе захищає.* Тобто, англійське уявлення про *одного* позиціонується тим, що друг — це людина, з якою (а не для якої) хочеться робити що-небудь хороше. Іншими словами, це людина не для відносин, що передбачає вірність, готовність допомогти, а для задоволення, приємного спільного дозвілля.

У сучасному словнику ідіоматичних виразів знаходимо: to make friends with (заводити друзів, «робити») — to enter into friendly relations with, become a friend to. Тож, англійці не вибирають друзів довго і ретельно, їх «заводять» якомога швидше, їх «роблять». Це тягне за собою нову культурну ціннісну ознаку — необхідність бути популярним, подобатися багатьом.

Вжливо відзначити те, що у англійсько-американській мові частотність ужитку слова «*друг*» — 298 на мільйон. Це пояснюється тим, що в англійській мові всі синоніми, якими позначають дружні стосунки між людьми, не мають відчутних відмінностей. Англійська мова може об'єднувати в одному слові «*friend*» як поняття «*друг*», так і просто «*знайомий*».

Зокрема, англійський «*friend*» скоріше означає «приятель», «знайомий», ну а австралійсько-англійське «*mate*» — це не друг, і не англійське «*friend*», бо має інші смислові ореоли (наприклад «кореш»). Крім того, є ще одна особливість вживання «mate»: в розмовній мові жителі австралійського континенту адресують «mate» тільки представникам чоловічої статі. «*Mate*» — це надійний друг, сильне плече, компаньйон, чоловік, при цьому обов'язково чоловічої статі. Що стосується жінок, то австралійка може бути названа як завгодно (*wife — дружина, favorer — доброзичливець, pal*), тільки не «*mate*». У цьому читається особливість патріархального укладу життя австралійського континенту, який склався з часів першого освоєння земель, коли взаємна підтримка була необхідна для виживання.

4) «Свій» — такий, що не просто бере з посесором участь у певних діях, пов'язаний з ним сукупною справою, а й поділяє його погляди, ідеї, має таку саму мету, однодумець, прибічник, соратник, союзник, спільник, побратим: «*companion in adversity*» (товариш по

нещастю), «*companion in arms*» (товариш по зброї, побратим по зброї), «*one's second self*» («друге я», права рука, близький друг).

Різнотипність одиниць, які експлікують специфічні когнітивні ознаки в аналізованому сегменті, організована за ступенем градації «близькості» того чи іншого корелята до суб'єкта-посесора.

До приядерної зони концепту належать когнітивні одиниці «свій простір», «своя віра» та «своя мова», що відображають конкретні уявлення про «свої» денотати, сформовані внаслідок дії специфічних когнітивних механізмів, є актуальними й комунікативно релевантними, проте не мають власних, індивідуальних засобів об'єктивації, зокрема ключових лексем, а тому як репрезентативні використовують сполучення з ключовими лексемами ядерних сегментів, зокрема з лексемами «власний» і «рідний», а також основним номінантом «свій». Уявлення про «свій простір» формують поняття про мікро-/макропростір. Їм властива надзвичайно висока ціннісна організація, комунікативна релевантність та актуальність.

Макропростір в англійській мовній картині світу репрезентовано як *Homeland*. Вербалізують *Homeland* такі слова та словосполучення, як-от: *home ground, mother country, native land, the old country*, дієслівні речення : *to be / feel / look at home, to get home, to go native, to make oneself home* та інше.

Аналіз семантики лексем, які входять до лексико-семантичного поля *Homeland* з використанням методу компонентного аналізу, дозволив виявити у них наявність таких загальних ознак, які представляються нам релевантними для проведення подальшого дослідження:

- місце народження індивіда;
- місце народження батьків (пращурів) індивіда;
- місце походження народу;
- місце, де індивід проживає протягом тривалого часу та яке вважає своїм домом;
- емоційна прив'язаність, яка сформувалася в індивіда до певного («свого») місця;
- протиставлення певного («свого») місця будь-якому іншому («чужому») місцю.

Аналіз показав, що більша кількість лексичних одиниць або побудована на основі контрасту, протиставлення одного місця будь-

якому іншому (*East or West home is best, There is no place like home*), або актуалізує місце, де суб'єкт або навіть об'єкт здобувають унікальні здібності або якості, яких вони не мають в іншому місці (*Every dog is a lion at home, Dry bread at home is better than roast meat abroad*), до якого у суб'єкта сформувалось стійке позитивне емоційне ставлення (*Every bird likes its own nest*).

У семантиці даних паремиологічних одиниць знаходять своє відображення типові аксіоми поведінки, настанови культури, які задають норми поведінки людини, носія даної культури. Батьківщина — це те місце, куди людина прагне повернутися після довгої відсутності (*The longest way round is the shortest way home*) і, повернувшись, вона усвідомлює повною мірою всю цінність, всю значущість для неї рідних місць (*The wider we roam, the welcomer home*). Залишивши рідні місця, людина позбавляється захисту, підлягає різним небезпекам (*Far from home, near thy harm*) і може, зрештою, остаточно втратити зв'язок зі своєю Батьківщиною, з колективом «своїх», перестати бути «своїм» для них (*Who loves to may roam lose his home*). У той самий час людина цілком здатна прив'язатися до іншого, спочатку «чужого» місця, здатна відчувати до нього стійке позитивне емоційне ставлення, знаходячи, так би мовити, нову Батьківщину (*Where is well with me there is my country*).

Мікропростір в англійській мовній картині світу репрезентовано іменниками «*home» і «house*».

Відомо, що для відображення поняття «дім» в англійській мові є дві лексеми — «*home» і «house*», які утворюють, відповідно, два комплекси значень. Лексема «*home»* входить до складу англійських прислів'їв і приказок, представлених такими смисловими групами: родинне вогнище, домашній затишок, що забезпечують безпеку і комфорт: *East or West, home is best, There is no place like home.*

Інше осмислення отримує опозиція «*свій – чужий*» у приказках і прислів'ях, які містять слово «*home*». Значущими виявляються опозиції «близький — далекий», «безпечний — небезпечний», які розкриваються через образ дороги: *Far from home, near the harm; There is no place like home; East, west, home's best; Go abroad and you'll hear news of home.* Якщо людина залишає дім (house), то відбувається руйнування єдності дому і сім'ї: *He that would be well needs not go from his own house.* Більше того, будинок — «*home*» можна

розглянути як частину емоційного переживання людини (*Home is where the heart is*) або інтелектуального (*Go where he will, a wise man is always at home*).

Отже, слова «*home» і «house*» мають значення будинку, житла, але лексема «house» вживається за основним значенням як будівля, приміщення, в той самий час, як у лексемі «*home*», це значення в більшості розглянутих випадків не виявляється взагалі або грає другорядну роль.

Концептуальні фрагменти «*своя віра*» та «*своя мова*» представлені як основні фактори самоідентифікації, при цьому в етнічній свідомості домінантним є мотив праведності та правильності «своєї віри» й «своєї мови».

Лексема ***віра — «faith»*** має досить складну семантичну структуру. Так, CIDE [CIDE — Cambridge International Dictionary of English. Cambridge, 1999] називає 2 семантичні блоки в структурі цієї лексеми: 1) поєднання зі значенням *trust* (great trust or confidence in something or someone): to have no faith in something; to have great faith in something to loose all faith in something to accept / to take something on faith; to keep faith with something or someone; 2) поєднання зі значенням *religion* (a particular religion, or a strong belief in God or a particular religion): the Muslim / Christian faith; in the true faith; to renounce one's faith; faith healing. OCD12 наводить ще більш розгалужену семантичну структуру лексеми faith, розділяючи семи religion і strong religious belief: 1) trust in somebody or something; 2) strong religious belief; 3) religion; 4) intention to do right.

Четверта сема, на наш погляд, може бути порівняна з семою ***благочестя***, виділеної в структурі одиниці ***вірний*** в ПЦСС.

Аналіз словникових статей лексеми *faith* в ODB [Oxford Dictionary of the Bible. Browning W. R. F. Oxford, 2004] дозволяє виділити наступні лексико-семантичні варіанти в її семантичному полі:

1) trust in the reliability of God;

2) the believer in virtue of his faith holds to be true those realities which for the moment are invisible;

3) faith does not remain static;

4) faith is empty without love;

5) faith on either the part of sufferers or of members of their family enables Jesus to heal them;

6) faith is linked with the concept of justification and confidence.

HCBD [HCBD – Holman Concise Bible Dictionary. Broadman & Holman Publishers. Nashville; Tennessee, 2001] пропонує таку семантичну структуру лексеми **faith**:

1) trusting commitment of one person to another, particularly of a person to God;

2) the acceptance of christ's lordship;

3) removal from sin and from all other religious allegiances;

4) a personal relationship with God that determines the priorities of one's life;

5) faith is trust or confidence in God;

6) faith is related to salvation, sanctification, purification, justification or imputed righteousness;

7) faith is an attitude toward God;

8) faith is a fruit and gift of the Holy Spirit;

9) faith is Christianity in action. It changes the standards and priorities of life;

10) faith is a sort of foretaste of the hoped for things;

11) faith is what we believe.

Отак, структура лексеми ***faith*** у біблійних словниках набагато більша за ту, яка пропонується в загальномовних лексикографічних джерелах.

Концептуальний фрагмент «*своя мова*» в англомовних текстах з дефініційною ознакою концепту «*мова*», частіше представлений ознакою *етнічності*. Переважна більшість випадків вживання лексем номінується концептом «*мова*» в англійській мові, в базовому значенні концепту актуалізується саме ця дефініційована ознака. Основні судження про мову, виражені в англійському пареміологічному фонді, можуть бути зведені до 2-ох загальних логем:

1) мовленнєва діяльність відіграє важливу роль у житті людини;

2) мова має меншу цінність порівняно з практичною діяльністю.

До периферійної зони входять такі лексичні одиниці, за якими не закріплене безпосереднє концептуальне значення «свій», проте вони здатні експлікувати його контекстуально-описово, зокрема в

синонімізації з основними ключовими номінантами та у відповідних синтагматичних зв'язках: звичайний, звичний і нормальний. Ці номінанти лише за певних контекстуальних умов здатні експлікувати властиві різним концептуальним ділянкам когнітивні ознаки («безпека», «упевненість») та позитивну аксіологічну спрямованість.

Далі опишемо номінативне поле концепту «*чужий*».

Важливо відтворити англійську мовну картину світу та описати семантику даної лексичної одиниці через номінативне поле концепту «*чужий*». Так, іменники *alien, foreigner, stranger, newcomer і outsider* служать для вираження концепту «*чужий*» в англійській мові.

- *strange* — дивний, чужий, незнайомий, чудний, невідомий;

- *unfamiliar* — незнайомого, незвичного, чужого, малознайомий, невідомий, чужий;

- *vicarious* — чужий, замісний, непрямий, зроблений за іншого, вікарний;

- *stranger* — незнайомець, чужий, чужинець, стороння людина;

- *foreigner* — чужоземець, чужинець, чужий, іноземець, іноземний корабель.

В англійських словниках слова *alien, stranger і foreigner* визначаються так:

Alien — a foreigner who has not become a citizen of the country where he/she is living [LDILC] — Іноземець, який не став громадянином країни, в якій він/вона живе;

Alien — a foreigner; one owing allegiance, or belonging, to another country; a foreign-born resident of a country in which he does not posses the privileges of a citizen. Hence, a stranger [WB] — Іноземець; людина, що належить до іншої країни; резидент країни, громадянином якої він не є, народився в іншій країні, чужинець;

Stranger — one who comes from a foreign land, a foreigner [WB] — Людина, яка приїхала з іншої країни; іноземець;

Foreigner - belonging to a person or owning allegiance to a foreign country; one not in the native country, an alien; a stranger [WB] — Людина, яка належить до іншої країни, той, хто не є уродженцем цієї країни, чужоземець, чужинець.

Тож слово *alien* трактується через слова *foreigner і stranger*, слово *stranger* визначається через іменник *foreigner*, а у визначенні слова *foreigner*, у свою чергу, присутні іменники *alien* і *stranger*.

Крім того, в деяких словниках зустрічаються дефініції, де досліджувані слова визначаються через спільнокореневі одиниці, наприклад: *Foreigner — a person, belonging to a foreign race or country* [LDILC] — Іноземець — особа, яка належить до іноземної раси або країни;

Stranger — one who is strange, foreign, or unknown [WB] — *Чужинець* — людина, що є чужою, невідомою, де іменник *foreigner* трактується через прикметник *foreign*, а іменник *stranger* через прикметник *strange.*

Крім цього, досліджувані слова можуть майже повністю збігаться з визначенням. Наприклад: *Alien — a foreigner; one owing allegiance, or belonging, to another country; a foreign-born resident of a country in which he does not posses the privileges of a citizen. Hence, a stranger* [WB] — *Іноземець*: людина, що належить до іншої країни; резидент країни, громадянином якої він не є, народився в іншій країні.

Foreigner — belonging to a person or owning allegiance to a foreign country; one not in the native country, an alien; a stranger [WB] — Людина, яка належить до іншої країни, той, хто не є уродженцем даної країни, чужоземець, чужинець.

Іменник *alien* вносить інформацію про те, що деякий об'єкт, представлений як той, що належить фізичному простору суб'єкта (але не увійшов до його ментального простору); простір, приналежність якого описується у значенні даного слова, не представлено як безпосередньо сприйнята; суб'єкт оцінює описуваний об'єкт негативно на підставі ментальної обробки даних, отриманих про об'єкт; факт належності / неналежності визначається певним спостерігачем, не збігається з оцінюваним об'єктом.

Лексема *foreigner* описує об'єкт як відповідного морально-етичним критеріям простору суб'єкта, але не належить цьому простору за фізичними параметрами; оцінка, яку отримує об'єкт, не носить негативний характер; для ідентифікації об'єкта виявляється достатньо перцептивно отриманих даних про об'єкт; простір, до якого належить об'єкт, не є локальним; оцінка, яку отримує об'єкт, може виходити від нього самого.

Слово *newcomer* вносить інформацію про те, що деякий об'єкт задовольняє фізичним критеріям простору, до якого належить суб'єкт,

але при цьому не повідомляється інформація про те, чи відповідає даний об'єкт морально-етичним вимогам, що пред'являються до членів даного простору. Простір, приналежність до якого описується у значенні цього слова, може бути представлено як «локально», і як «нелокально». Суб'єкт не оцінює описуваний об'єкт негативно, оцінка будується на основі ментальної обробки даних, отриманих про об'єкт, і автором цієї оцінки може бути сам об'єкт.

Іменник *outsider* репрезентує об'єкт, який належить фізичному простору суб'єкта, але не входить до його умовно-ментального простору, при цьому простір, до якого належить суб'єкт, безпосередньо сприймається і несе негативну оцінку. Суб'єкт оцінює об'єкт негативно, на підставі ментальної обробки даних, отриманих про об'єкт, і дана оцінка не може випливати з оцінюваного об'єкта.

Лексема *stranger* використовується для позначення об'єкта, який не задовольняє ані моральним, ані територіальним критеріям, яким повинен відповідати індивід, для того щоб бути прийнятим в просторі, до якого належить суб'єкт. Отже, даний об'єкт не входить ані до фізичного, ані до ментального простору суб'єкта. Простір, неналежність до якого описується у значенні цього слова, може бути представлений і як такий, що безпосередньо сприймається, тобто «локальний», і як такий, що безпосередньо не сприймається, тобто «нелокальний». Факт, який може збігатися або не збігатися з оцінюваним об'єктом, у неналежності об'єкта до цього простору визначається спостерігачем. Суб'єкт оцінює об'єкт на підставі перцептивно отриманих даних про нього, і ця оцінка не є негативною.

Також, «*чужий*» представлений наступними вербалізаторами, як:

- *outsider* — аутсайдер, стороння людина, сторонній спостерігач, стороння особа

- *wrong* — неправильність, зло, помилковість, неправда, несправедливість

Наприклад: чужа доріжка (у басейні) — *wrong lane;* чужа літера, чужий шрифт (відмітка в коректурі) — *wrong fount*; літера з іншої гарнітури; "чужий" шрифт; "чужа" літера — *wrong font*. Що ще раз підтверджує, що все «чуже» є для англійця «неправильним, помилковим».

Ядерну зону концепту «*чужий*» складають базові сегменти «територіальна невідповідність», «невизначеність» і «ідейна відмінність».

Концептуальну основу сегмента «територіальна невідповідність» становлять уявлення про «не свою» територію, «чужий макропростір», до якого не належить суб'єкт-посесор зі «*своїм*» оточенням. Ментальна структура, представлена ключовим словом «*foreign*», містить когнітивну інформацію про узагальненість, віддаленість і кордон, реалізована в мовній свідомості на ґрунті трьох типів відношень, що специфічно організовують уявлення про «чужих» корелятів як «іноземних» за допомогою таких типових вербалізаторів, як «*the foreign land, abroad alien soil і подібне*»: чужа земля — *alien soil;* чужа цивілізація — *alien civilization*; чужа ідея — *alien idea*. На сучасному етапі функціонування англійської мовної картини світу уявлення про «іноземних» денотатів не втрачають яскраво виражену негативну конотацію.

Концептуальною основою ядерного сегмента «невизначеність» є повна відсутність інформації про об'єкти, що й дає посесорові підстави для зараховування їх до «*чужих*». У його межах фактично однакову репрезентативну роль виконують сполучення someone *else, a stranger, any stranger* та вербалізатори *unknown, unfamiliar*. Відсутність необхідної для суб'єкта інформації про об'єкт є бар'єром для комунікативного порозуміння, тому *unknown та unfamiliar* в англійській мовній картині світу здебільшого конотовані негативно: *With his mouth flew not a single superfluous word in front of people unfamiliar, alien and dangerous*. Це зумовлено також специфікою експлікованих ними когнітивних ознак «*hostility*» та «*danger*». Проте ще одна особливість когнітеми «uncertainty» полягає в тому, що вона найбільшою мірою реалізує такий спосіб концептуалізації, за якого «*чужий»* може виступати і в суто позитивній оцінці, як «interesting» для суб'єкта й «*important*» для його пізнавальної діяльності. Відповідно, денотати позначені вербалізаторами цієї ділянки, але не здатні виявляти високу динаміку переходу від «чужих» до «своїх». Для концептуалізації «чужого» на сучасному етапі цей сегмент є найактуальнішим.

Ядерний сегмент «ідейна відмінність» в основі має ірраціональний принцип виділення «чужих» денотатів. Формальна

відсутність слова, яке можна було б назвати ключовим, зумовлює виділення вербалізатора *«hostility»* як такого, що експлікує типову для англійської мовної картини світу когнітивну ознаку «*danger»*. «*Ідейна відмінність*» в англійській мовній картині світу співвідносна з «чужими» політичної лексики, до якої належать такі слова й словосполучення: *communist / communism, authoritarian / authoritarianism, imperialist / imperial / imperialism, autocrat / autocracy, illiberal, expansionist / expansionism, neoconservative (neocon), fascism, dictatorship/dictator, nationalism/ nationalist, totalitarian, racism, Nazi / Nazism, (religious) fundamentalism/fundamentalist, hardline (politics/politician), command politics* та ін.

До даної політичної сфери «ч*ужих*» також відносяться словосполучення, в яких виражається заперечення демократичних принципів, такі як: *to avoid democracies, aversion to democracy, disregard for the democratic process and human rights*. Існує низка слів, які співвідносяться з «чужими» не завжди, а в деяких контекстах: *government, Establishment, Cabinet, politicians.*

Оскільки когнітема «ідейна відмінність» в англійській мовній картині світу функціонує як протичлен «духовної спільності», то її властивістю є здатність типових вербалізаторів вступати в протиставні відношення з усіма без винятку номінантами концепту «свій»: «*objects that adhere to us with similar political views and ideologies are our friends*». Усі мовні одиниці, які функціонують у цій концептуальній ділянці, конотовані негативно (*barbarian, persecutor, abuser, the villain, the torturer, attacker, invader, enslaver, the destroyer*тощо).

Приядерна зона концепту репрезентована когнітемами «чужа власність», «кровна непов’язаність», «чужа мова» та «інша віра». Сегмент «чужа власність» експлікує такий тип власне посесивних відношень, за яких предметні денотати виступають як неналежні суб’єкту-посесору. У цій когнітивній ділянці не існує одиничної лексеми на позначення «не Я»-посесора, а як репрезентативні функціонують описові вислови, побудовані на основі сполучення відповідних вербалізаторів з основною ключовою лексемою (*someone else's property*): вони мають негативну оцінку, а тому наступні характеристики присвоєння чужого не приносить користі: *ill-gotten,*

ill-spent; ill-gotten gains never prosper; недбале і споживацьке ставлення до чужого : *cut a large thong of another man`s leather; it is easy to swim if another holds up your head; suck somebody`s blood.*

Когнітивна одиниця «кровна непов'язаність» побудована на уявленнях про тих, хто не належить до роду, родини чи сім'ї. В англійскій картині світу сем'я обмежується рамками рідства, для них характерна орієнтація як на особисту свободу, так и на свободу їх дому від усіляких посягань з боку сторонніх: *blood is thicker than water; the architect of one`s own fortunes; follow one`s bent; every cock crows on its own dunghill; every dog is a lion at home; dry bred at home is better than roast meat abroad; an Englishman`s house is his castle; be master in one`s own house*. Концептуальні складові «чужа мова» й «інша віра» представлені в англійській мовній свідомості уявленнями про етнічну ідентифікацію. Це зумовлює зарахування представників і носіїв «інших» віри й мови до чужинців, тобто осіб з іншої території з іншою культурою. Ці одиниці мають негативне ціннісне наповнення, що відображене в їхньому загальному пейоративному позначенні.

Відповідно до периферійної зони номінативного поля концепту «свій», у протиставленій їй ділянці функціонують одиниці, що об'єктивують у мові уявлення про денотати, які здатні до порушення певних «звичаїв» чи «норм» і на цій підставі зараховані суб'єктом до «чужих»: незвичайний, незвичний, ненормальний та незнайомий.

Діалектика «*свого – чужого*» прояснює уявлення про те, що не можна звести один до одного свою і чужу концептосферу. Тут можливо лише наближення з урахуванням аналогій, подоб, еквівалентності, лакун і смислових зіянь. Опозиція «*своє – чуже*» приймає форму «*глибинне – поверхове*». Своє – глибоке; чуже – дивне, поверхневе, незвідане, цікаве.

За своєю природою людина все своє рідне сприймає як щось позитивне і позитивне, а чуже на підсвідомому рівні викликає негативні емоції. Це протиставлення в різних видах пронизує всю культуру і є одним з головних концептів будь-якого колективного, масового, народного, національного світовідчуття.

Моделювання лексичного значення слів-репрезентантів опозиції «*свій — чужий*» в англійській мовній картині світу

Теорія номінації, характерна для сучасної лінгвістики, пов’язана з чинником системності мови і семантичної структури мовного знаку. Лексичне значення останнього є відображенням певного фрагменту дійсності, закріпленого у слові.

Лексичне значення розглядають як сукупність денотативного і конотативного компонентів [3; 4]. Денотативний компонент є частиною значення знаку, що відображає в узагальненій формі предмети і явища об’єктивної реальності.

Конотативний компонент або частина значення характеризує ситуацію спілкування, учасників акту спілкування і їх відношення до денотату. Якщо денотативний параметр однозначно трактується дослідниками як область семантики, зорієнтованої на відображення певного фрагменту об’єктивної дійсності, то ставлення до конотативного компоненту у мовознавстві є суперечливим. Щодо конотативного компоненту існують дві позиції. За першою, інформація, яку несуть конотативні семи, є додатковою, факультативною, такою, що накладається на предметно–логічний інформаційний компонент значення, останній залишається переважно основним [3; 5; 6;7].

Науковці все більш цікавляться типами та моделями мовних картин світу різних народів. Сучасних дослідників дедалі більше цікавить мовний тип соціуму, національномовні моделі світу. Постовалова В. К. розглядає картину світу як базу і основу для визначення поняття теорії людини [8]. В основу поняття теорії людини покладені головні ідеї В. фон Гумбольдта та О. О. Потебні, а також їхніх послідовників. Вони розглядали послідовність та закони становлення мови через зв'язок із національним складом життя та вважали, що на кожну людину має свій вплив усе, що створене нацією, та впливає через мову.

Сьогодні наука вважає великою перешкодою на своєму шляху для розвитку семантики відсутність досконалого трактування слів. Зміст будь-якого терміну модифікується в лінгвістиці постійно, слова трактуються одне через інше, які мають синонімічне наповнення. Це створює неправильне розуміння лексичного змісту концепту. Досі термін «смисл» не має єдиного тлумачення. Л. А. Булаховський

писав, що «природа слова мало не в кожній новій фразі дає про себе знати новими відтінками стосовно до інших сполучень, у яких слово це вже сприймалось» [9, с. 40].

Для досягнення ефекту створення смислу використовуються різні способи моделювання лексичного значення: заміна денотата, переносне значення, введення до тексту сталих зворотів, трансформація фразеологізмів тощо. Розглянемо деякі з них, а саме підміна денотата.

Для виявлення ознак, диференціюючих той чи інший денотат, головним чином використовуються словники англійської мови. Однак, як показує дослідження, трактування, які надані в словниках, часто є неточними або неповними для розкриття сутності концепту [10]. Для виявлення диференціюючих ознак концепту «*чужий*», розглянемо, як визначаються слова *alien, stranger і foreigner*, шляхом заміни денотата в реченні і зміни відповідно до його смислового змісту в певному контексті:

Alien – foreign; from a foreign country — іноземний; із зарубіжної країни; a foreigner, esp. one who is not a naturalized citizen of the country where he or she is living — іноземець, осіба, яка не є натуралізованим громадянином країни, де він чи вона живе [Оксфордский английский словарь. — 2012].

Alien — coming from a different country, race, or group: an alien culture — вихідні з іншої країни, раси або групи: чужої культури. Strange and not familiar - Дивне і незнайоме. *Synonym - foreign* [Cambridge Advanced learner's Dictionary & Thesaurus].

Stranger — one who is strange, foreign, or unknown - той, хто дивний, іноземний, або невідомий; *one who comes from a foreign land; a foreigner* — хто приїхав з іншої країни; іноземець [Английский словарь Webster. — 2012].

Foreigner — belonging to a person or owning allegiance to a foreign country; one not in the native country, an alien; a stranger — людина, що належить до іноземної країни, той, хто не є уродженцем цієї країни, чужоземець, чужинець [Англійський словник Webster. — 2012].

У цих тлумаченнях в англійських словниках видно, що слово *alien* розкривається через *foreigner* і *stranger*, слово *stranger* також визначається через *foreigner*, а в значенні слова *foreigner*, також містяться слова *alien* і *stranger*.

Також, трапляються випадки, коли у словниках є визначення, в яких досліджуване слово визначається через слова з однаковим коренем: *Foreigner — belonging to A person or owning allegiance to a foreign country* [Англійський словник Webster. — 2012] — Іноземець — особа, яка належить чужій країні.

Stranger — one who is strange, foreign, or unknown [Англійський словник Webster. — 2012] — Чужинець — людина, що є чужою, невідомою, де слово *foreigner* розкривається через прикметник *foreign*. Також визначення *stranger* тлумачать через прикметник *strange.* Наприклад, такі визначення: *Alien — a foreigner; one owing allegiance, or belonging, to another country; a foreign-born resident of a country in which he does not posses the privileges of a citizen. Hence, a stranger* [Англійський словник Webster. — 2012] — Іноземець; людина, що належить до іншої країни; резидент країни, громадянином якої він не є, народився в іншій країні, чужинець.

Foreigner — belonging to a person or owning allegiance to a foreign country; one not in the native country, an alien; a stranger [Англійський словник Webster. — 2012], *person from another country, stranger* [Explanatory English dictionary bed edition — 2012] — Людина, яка належить до іноземної країни; той, хто не є уродженцем цієї країни, чужоземець, чужинець.

Отже, дані визначення можна трактувати один через одного, а значить можлива їх взаємозамінність у реченнях з різним контекстом і смисловим змістом. Однак, коли ми проводимо операцію по заміні будь-якого із зазначених визначень слова «чужий» в різних реченнях, то отримуємо або неправильні, або незручні для вжитку вирази. Наприклад, якщо замінити слово *stranger* у реченні «*My mother always warned me not to talk to strangers — Моя мама попереджала мене ніколи не розмовляти з незнайомцями*», на слово *alien*, то отримуємо в результаті наступне речення : «*My mother always warned me not to talk to aliens — Моя мама попереджала мене ніколи не розмовляти з незнайомцями*» розглядається як абсолютно неправильне.

Також, якщо замінити *stranger* на слово *foreigner*, то отримане речення «*My mother always warned me not to talk to foreigner — Моя мама попереджала мене ніколи не розмовляти з незнайомцями*» вважається в цілому прийнятним, але незручним і незвичним для вживання.

Наведемо ще приклади заміни денотата на синоніми, які граматично можливі, але лексично вважаються неприйнятними. Заміна іменника *stranger* на слово *foreigner або alien* в реченні «*i'd never met anyone at the party before — they were complete strangers. — Я нікого не зустрічав на вечірці до того — вони були абсолютно незнайомими людьми*». В результаті ми отримали висловлювання «*i'd never met anyone at the party before — they were complete foreigners; i'd never met anyone at the party before — they were complete aliens»*, які розцінюються як неправильні.

У разі заміни слова *stranger* на слово *foreigner* або *alien* у реченні «*Do you know the way to the bus station, or are you a stranger here too? — Ти знаєш дорогу до автостанції, чи ти теж іноземець?*», отримали такі вислови: «*Do you know the way to the bus station, or are you a foreigner here too?; Do you know the way to the bus station, or are you an alien here too?*», які розглядаються або як неправильні, або незручні для вживання.

Також для виявлення диференціюючих ознак концепту «*свій*» в англійській мові розглянемо можливість взаємозамінності слова «*own*», яке вербалізує даний концепт, через його синонімічний ряд, зазначений у словниках: *proper, personal, peculiar; verb: possess, have, admit, acknowledge, recognize, hold, confess, avow; belongings, property.*

Own — belonging to oneself or itself; not another's. Individual, peculiar, particular; a private property — належить собі або сам по собі; не чужий. Індивідуальний, своєрідний, особливий; Приватна власність [Англійський основний розмовний словник. — 2012].

Own — a belonging to oneself or itself; not another's; individual, peculiar, particular; used to emphasize identity rather than possession; a private property; kindred — належність собі або сам по собі; не чужий; індивідуальний, своєрідний, особливий; використовується, щоб підкреслити ідентичність, а не володіння; приватна власність; споріднений [Оксфордський англійський словник. — 2012].

Private — belonging to an individual; one's own; personal (private property) — належить фізичній особі; власне особистий (приватна власність) [Оксфордський англійський словник. — 2012].

Private — belonging to, or concerning, an individual person, company, or interest; peculiar to one's self; unconnected with others; конфіденційність; one's own; not public; not general; separate; as a

man's private opinion; private property; a private purse; private expenses or interests; a private secretary — належить або індивідуальній особі, компанії або інтересам; належить самому собі; непублічний; особистий; приватний; негромадський; незагальний; роздільний; як чоловіча особиста думка; приватна власність; особистий гаманець; в якості особистого секретаря [Англійський словник Webster. — 2012].

Personal — one's own; individual; private — власний; індивідуальний; приватний [Оксфордський англійський словник. — 2012].

Як видно з наведених тлумачень, поняття «*own*» реалізується також через синоніми *individual, private, personal,* отож можлива їх взаємозамінюваність у пропозиціях із різним контекстом і смисловим змістом.

Проведемо експеримент і замінимо в різних контекстах слово «*own*» на *individual, private, personal*.

Наприклад, *i'd like to have my very own apartment. — Я хотів би мати свою власну квартиру,* замінимо *на individual* та *personal*. Отримаємо наступні вирази: *i'd like to have my individual apartment; i'd like to have my personal apartment,* які характеризуються як прийнятні для вживання, але втрачають свій первісний зміст, підкреслюють факт володіння.

I'd never have believed it if I hadn't seen it with my own eyes. — Я б ніколи не повірив, якби не бачив це на власні очі, замінимо *individual, private, personal* та отримаємо наступні вирази: *i'd never have believed it if I hadn't seen it with my individual eyes; i'd never have believed it if I hadn't seen it with my private eyes; i'd never have believed it if I hadn't seen it with my personal eyes.* Дані вирази вважаються абсолютно невірними і неприйнятними до вживання.

I caught him looking through my private papers. — Я зловив його за переглядом моїх особистих документів. Замінимо на слова *own, individual і personal.* Отримаємо наступні вирази: *I caught him looking through my own papers; I caught him looking through my private individual papers; I caught him looking through my personal papers,* які характеризуються як прийнятні для вживання, але втрачають свій первісний зміст, підкреслює факт особистої, приватної власності.

She's a very private person. – Вона дуже закрита людина. Замінимо синонімами *own, individual* і *personal* та отримаємо вирази

такого змісту: *she's a very own person; she's a very individual person; she's a very personal person*, які втрачають всякий сенс і вважаються абсолютно неприйнятними для вживання.

Children with individual needs. – Дитина з особливими потребами. Замінимо на синоніми *own private* і *personal* та отримаємо наступні вирази: *Children with own needs; Children with private needs; Children with personal needs.*

Marion has a very individual writing style – У Маріон дуже своєрідний стиль письма. Замінимо на синоніми *own, private і personal* та отримаємо наступні вирази: *Marion has a very own writing style; Marion has a very private writing style; Marion has a very personal writing style.* Дані пропозиції вважаються прийнятними, але не відображають первісного змісту тексту.

Тож, неможливість взаємозаміни даних лексичних одиниць дозволяє нам зробити висновок про існуючі величезні відмінності в їх значеннях, які не представлені у словниках. Іншими словами, наявні у словниках лексикографічні дані не дозволяють розмежувати значення обраних для дослідження слів, і, отже, визначити умови їх вживання та особливості їх функціонування.

На даному етапі моделювання лексичного значення концептів явно видно, що між словниковими дефініціями та смислами, які закріплені за даними мовними значеннями у свідомості носіїв мови, існує різниця. Дане моделювання переслідувало мету – по-перше, виявити розходження, що існують між словниковими поняттями і тими, які вкладають у концепт носії мови, по-друге, виявити додаткові смисли і значення, які відсутні в словниках.

Дескрипції являють собою два основні види: опис (основний) і пред'явлення синонімічного ряду лексеми (поодинокі випадки), пор.:

Strange: Об'єктом атрибуції може виступати будь-який предмет, що сприймається суб'єктом як незнайомий. Об'єкт може оцінюватись як «*strange*» вже на початковому етапі сприйняття, коли суб'єкт ще не може віднести його до класу знайомих (familiar) об'єктів. Об'єкт може в іншому випадку являти собою абсолютно нову реальність, з якою суб'єкт стикається вперше. Носії мови використовують для опису даного об'єкта визначення, що містять компонент «не відповідає нормі»; *abnormal; out of place; unusual.*

Foreign: Об'єкт ідентифікується за його співвідношенням із певним місцем, найчастіше country, і розуміється як «*прийшов від інших (another) людей*», які, в свою чергу, характеризуються як «*different*» Локатив, з яким співвіднесений об'єкт, має характеристики: *another; different; strange; unfamiliar.* Локатив, з яким об'єкт не пов'язується, це «місце народження, походження», *not from homeland.* У поодиноких описах міститься оцінка цього місця (країни) як незнайомого або дивного; основою для такої оцінки служить факт несхожості / відмінності від неявної або яка експлікується у висловлюваннях «своєї» або «цієї» країни (території, місця).

Alien: Об'єкт отримує дане визначення також за фактом відмінності від прецеденту або норми, однак ступінь цієї відмінності досить високий. Дефініції такого плану слід визнати основними: вони збільшого збігаються з даними словників і є найбільш частотними. Серед інших значень, виділяються: незнайомий (*unfamiliar*), зазвичай «*from another planet*», не впізнаваний (суб'єктом) (*unrecognizable*), абсолютно недоступний розумінню/впізнавання (*completely unrecognizable*); надприродний (*supernatural*).

Вибір опису здійснюється, очевидно, на основі уявлень про «типові» ситуації, в яких об'єкт виявляє природні для нього зв'язки і взаємини із суб'єктом та іншими об'єктами. Як правило, такі типові ситуації відображають особистий досвід носіїв мови. «*Strange*» може характеризувати як окремий предмет, так і ситуацію в цілому. Суб'єкт, як правило, оцінює візуальні або акустичні властивості об'єктів або свої відчуття. Суб'єкт співвідносить викликані об'єктом враження зі своїм колишнім досвідом, наприклад: *This music is strange, i've never heard anything like it.* Об'єкт «*strange*» часто займає проміжне положення між знайомим і незнайомим: Впізнаванню об'єкта може перешкоджати яка-небудь деталь його зовнішності або поведінки, тому подібні приклади можуть включати рефлексивну оцінку — «не впізнав» і т. ін. Набуваючи досвіду взаємодії з об'єктом, суб'єкт може визначати його як «*familiar»* або *«known*».

«Foreign», як у дескрипціях, так і в ситуативному ужитку, найчастіше співвідноситься з країною (*country*). Підбираючи опис, респонденти надають перевагу конкретизації країни, з якою пов'язується сприйманий об'єкт: *He is a foreign man from Spain!: You can tell the English people in Moscow by their foreign style of clothes*.

Найбільша розбіжність між дескриптивним та описовим матеріалом виявляє вживання «*alien*». Якщо в першому міститься лише одна вказівка на «іноземець», то ілюстративна частина містить три таких значення, наприклад, у описі (*I am an alien when I am not in Britain*) або в прямої апеляції до факту (*There are a lot of illegal aliens in Miami*). Деякі випадки відтворюють ситуацію, схожу зі «*strange*»: *This alien music is to me (never heard); This Mongolian bore crunching music is alien.* Перебування в «*чужому*» (новому) місці може викликати афективну реакцію: *Ifelt very alienated in this new city; I can V stand this alien country!* Особливо часто «*alien*» відносить об'єкт до дистанційного локусу, наприклад, на планеті, і суб'єкт зустрічається з ним несподівано: *The aliens have landed! See their spaceship.*

Загальний аналіз одиниць англійської мови в їхньому смисловому синтагматичному контексті виявив, що, як правило, прояв смислових оппозиційних відношень здійснюється на ширшому відрізку тексту.

«*Strange*», отак, маркує порушення непрямих норм (очікуваної, прогнозованої, нормальної поведінки з боку суб'єкта дії) і часто пов'язується з реакцією суб'єкта сприйняття. Те ж саме можна сказати про «*stranger»*, який може сприйматися як причина якого-небудь сильного емоційного стану (вихід за межі норми) суб'єкта. Це може бути нормою для «*stranger»*.

Контекст слова «*foreign*» більш нейтральний в тому, що в ньому рідше присутні слова з емоційно-оцінним компонентом. Зазвичай, у такому контексті немає явно вираженого протиставлення «*свій – чужий*», а є лише відсилання до об'єкту за місцем походження останнього. Негативна оцінка об'єкта виявляється в рідкісних випадках, але тематично такі тексти обмежені.

«*Alien*» в текстах газет зустрічається в поодиноких випадках і містить компонент значення «важкий для сприйняття, розуміння».

Англійські тексти здебільшого емоційно нейтральні. Однак афективний компонент опозиції «*свій – чужий*» у них виявляється більш явно, ніж в асоціативному експерименті. Очевидно, це може пояснюватись особливостями індивідуального авторського стилю, жанру, що передбачає вплив на адресата і, відповідно, прагненням до образності.

Отримані результати показали, що певна частина носіїв мови, пропонуючи ту чи іншу опозицію, сумнівається в правильності свого вибору. Це відбивається в дескрипціях, де респондент може прямо вказати на труднощі або вирішує проблему шляхом підбору декількох синонімів. Інша частина випробовуваних обмежується вказівкою однієї антонімічної одиниці, розуміючи «*alien*» в якомусь вузькому значенні, найчастіше як «істоти з іншої планети». Тож, вибір антоніма визначається тим, який об'єкт (образ, поняття) розуміється як носій ознаки «*alien*».

Ще одним з продуктивних способів моделювання лексичного значення концептуальної опозиції «*свій – чужий*» є метафори, які дозволяють своїм переносним значенням акцентувати відношення опозиційності «свого» і «чужого». У формуванні концептуальної опозиції «*свій – чужий*» беруть участь такі сегменти англійської картини світу, як простір, взаємовідносини (друзі, родичі, люди), бізнес-відносини, соціальні зв'язки (хвороба, спорт, театр, злочинність). Проектуючи опозицію «*свій – чужий*», метафоричний вираз задіює ті поняття з вказаної області, в яких присутня опозиційність. Крім протиставлення, зазначені галузі життєдіяльності англійської картини світу можуть носити оціночний характер «свого» і «чужого». Опозиція «*свій – чужий*» особливо поширена в політичній сфері життя англійців.

Мовні засоби, що беруть участь в актуалізації концептуальної опозиції «*свій – чужий*», можуть здійснювати репрезентативну та оцінну функції, а також функції інтеграції, орієнтації й агональності. При цьому той самий засіб може бути направлено в тому чи іншому контексті на виконання як однієї, так і відразу декількох функцій.

Мовні засоби, що реалізують репрезентуючі функції, є тими одиницями, які маркують об'єкт як «свій» або «чужий» або висвітлюють відносини між об'єктами як відносини між «своїми» і «чужими». До таких мовних засобів належать метафори. Метафоризація призводить не тільки до «отримання нового знання про світ, але і до омовлення цього знання». Вона має властивість «нав'язувати» розмовляти даною мовою зі специфічним поглядом на світ. Такий вид «нав'язування» способу світобачення та мислення про світ у певному вербально-асоціативному діапазоні не заступає істинного розуміння того, що відбувається. При цьому мова в

концептуальній моделі світу приєднується до його власного понятійному відображення. Метафора привносить у нове значення мовної одиниці «сліди» того образу, який асоціюється з позначуваним, буквальним значенням слова або словосполучення.

Оцінна функція, спрямована на формування позитивної або негативної оцінки «свого» або «чужого», може відбуватися за рахунок будь-яких виявлених репрезентантів концептуальної опозиції «*свій – чужий*». Так, різко негативна оцінка «чужого» може виникати завдяки метафорі, наприклад, кримінальній, як у наступних висловлюваннях про Росію:

- *The access of Moscow's corrupt and criminal elite to the banking and real estate heavens of London should be restricted. Unless the bully is contained, he would be returning to the haunt neighbourhood again and again. (DT, 19.01.08).*

- *Norwegian politicians falling for Russian honey traps, spy agency warns (The Telegraph, 11.11.15).*

Мовні засоби, що здійснюють функцію орієнтації, дозволяють адресату зрозуміти, хто на політичному полі «свій», а хто «чужий». До них належать мовні засоби, які номінують, називають групу «своїх» і групу «чужих»: оцінна лексика, політична лексика, займенники, перифрази. «Війна» як термін сьогодні, як ніколи раніше, незручна, і засоби масової інформації звертаються до горезвісної евфемізації, щоб змінити ставлення своєї аудиторії до фактів і подій. Заміні підлягає не тільки саме слово «war», але і супутні визначення. Для зниження значення замість денотата «war» використовується «*conflict», «fighting», «fight», «movement»* для додання гостроти – «*threat*». Відповідно, під виразом «*armed conflict*» ми розуміємо «*war*». Значення «війни» зберігається також у нейтрально звучному «*low-level conflict*». Війну описують по-різному, що впливає на людське сприйняття, пор.: «*civil war»* і *«holy war», «border war»* і *«racial war»*. Звертаючи увагу на вміле маскування мети війни, не слід забувати про те, що будь-яка «збройна сутичка» відбувається ціною людського життя. Так, наприклад, адміністрація президента Буша вельми неоднозначно називала теракт 11 вересня «truly unique and extraordinary circumstances», маючи на увазі ніщо інше як «terrorist attacks», повідомляла газета «The Christian Science Monitor» [Christian Science Monitor. – Vol.3, Issues 18-25. – 2003].

Іншим способом реалізації концептуальної опозиції «*свій – чужий*» є ідентифікація звертання до маси, об'єднання групи як «свого». До таких випадків відносимо неформальне спілкування: розмовна лексика і такі розмовні синтаксичні конструкції, як питальні та еліптичні пропозиції, а також займенники і політична лексика. Так, у наступному прикладі цілий кластер мовних засобів реалізує функцію інтеграції: *And now that he [Alistair Darling]'s raised the vehicle excise duty - road tax to you and me - to prohibitive levels, how does he expect me to get to my second home? It's an outrage, I tell you.* Як інтимізація спілкування, так і інтеграція автора й читача у єдину групу відбуваються завдяки використанню займенникового поєднання *you and me* (причому воно акцентується відокремленою конструкцією); питального речення; розмовної конструкції *I tell you,* що імітує безпосереднє звертання до читача.

Агональна функція спрямована на дискредитацію «чужого» за рахунок наділення «чужого» негативною оцінкою, а також на вираження відношення опозиційності, протиставлення «свого» і «чужого». Агональна функція може здійснюватися за рахунок будь-яких мовних засобів, які мають аксіологічний потенціал зі знаком мінус. Змога деяких мовних засобів поєднувати експліцитний та імпліцитний способи реалізації концептуальної опозиції «*свій – чужий*» пов'язана з тим, що, з одного боку, авторська інтенція за можливість репрезентувати і наділяти оцінкою концептуальну опозицію «*свій – чужий*» очевидна, з друго боку, деякі авторські інтенції, які корелюють з поняттям маніпулятивних стратегій, залишаються прихованими від адресата. Так, практично завжди виявляється прихованою обумовленість вибору тих чи інших засобів прагненням автора посилити інтенсивність оцінки щодо «свого» і «чужого» або налагодити контакт із читачем і заручитися солідарністю серед «своїх». Наприклад, до мовних засобів, що реалізують опозицію «*свій – чужий»* як експліцитно, так і імпліцитно, відносяться метафори. З одного боку, їхній експліцитний характер полягає в тому, що авторська інтенція реалізувати через використання тієї або іншої метафори дихотомію «*свій – чужий*» для адресата як правило очевидна. Скажімо, легко декодується образне представлення опозиції «свій – чужий» за допомогою орієнтаційної метафори у висловлюванні про країни Заходу: *West [чужий] dismisses*

Russian proposals for Syria. (The Telegraph, 11.11.15) З друго боку, вплив метафори на інтенсивність оцінки менш очевидний для адресата. Паралель з об'єктом, який не збігається в інтересах та вподобаннях зі «своїми» *«Europhiles [чужі] think history is on their side – they could be in for a shock»* (The Telegraph, 11.11.15) відносять об'єкт до різних позицій за оцінною шкалою — усі дві позиції є негативними, проте інтенсивність оцінки у них різна. У цьому полягає непрямий, імпліцитний вплив метафори.

У ході нашого дослідження було також встановлено, що співвідношення мовних засобів із концептуальною опозицією «*свій – чужий*», використаних в мікро- або макроконтекстах (контексти рівня пропозиції або надмовленнєвої єдності), найчастіше відбувається з опорою на мегаконтекст (контекст рівня тексту) та/або тезаурус адресата. Так, висновок про те, що та чи та політична партія або політичний агент маркується автором як «свій» або «чужий», а отже вибір мовних засобів у певному контексті обумовлений цією маркованістю, може випливати з політичної прихильності видання, яке надрукувало статтю (наприклад, у публікаціях на сторінках газети консервативного напряму «Times» *члени Консервативної партії — це «свої», члени будь-якої іншої партії — «чужі»*).

Моделювання лексичного значення шляхом введення в текст фразеологізмів

Під час аналізу значення фразеологізмів важливим є вичленовування сем, семантичних елементів, менших, ніж той або інший аспект фразеологічного значення. Чеський лінгвіст В. Скаличка ввів термін «сема» для позначення мікроелемента плану змісту. Семи можна визначити як мікроелементи значення, що позначають реальні або уявні ознаки денотатів. В. Г. Гак виділяє три типи сем: архисеми (загальні семи родового значення), диференційовані семи видового значення та потенційні семи, які відображають побічні характеристики позначуваного об'єкта [11, с.371].

1. За характером виявлення у значенні виділяються експліцитні та імпліцитні семи.

Експліцитні семи — інформація, безпосередньо представлена у значенні. Вони можуть бути точними та образними. Під імпліцитними семами розуміють ті елементи значення, які присутні в плані змісту, але відсутні в плані вираження. Імпліцитні семи передають обсяг імпліцитної інформації у структурі значення. Імпліцитність у сфері фразеології пов'язана з лаконізацією значення, з асиметрією плану змісту і плану виразу. Семи «*свого» і «чужого*» виділяються в прислів'ї «*Every man is the architect of his own fotrune*». Дана фразеологічна одиниця означає «*everybody is able to achieve his / her aims that bring happiness and satisfaction, but to achieve this, it's quite important to make every effort*». Це значення є сигніфікатом фразеологічної одиниці, денотативний аспект — усі висловлювання, вчинки, які необхідно виконати людині, а також старання і зусилля, яких докладає людина, щоб досягти успіхів у житті, конотативний аспект — експресивність, створювана образністю. Архісема — «факт того, що у людини є мета й завдання у життя». Диференційна сема — «цілеспрямованість, самовпевненість» і т. ін., тобто те, чим володіє людина, щоб досягти свого щастя. Такі семи можуть виокремлюватись не лише у прислів'ях, але також і у фразеологічних одиницях інших структурних типів, наприклад, у фразеологізмах: *«lift oneself by one's own bootlaces» — «виходити в люди завдяки власним зусиллям», «pick smb's brains» — «використовувати чужі думки», «eat smb's bread» — «їсти чужий хліб», «a cock in valiant on his own dunghill» — «на своїй купі гною і півень сміливець», «keep one's counsel» — «не висловлювати своїх поглядів».* Інформація в експліцитних семах безпосередньо представлена у значенні. Вони можуть бути конкретними або образними, наприклад, буквальна сема «їсти чужий хліб, жити за чужий рахунок» виокремлюється в прислів'ї «*eat smb's bread*». Прикладом наявності подібної семи може служити фразеологічна одиниця *«East or west home is best» — в гостях добре, а вдома краще.* У цьому прислів'ї йде порівняння свого й чужого – вдома і нерідного місця. Імпліцитні семи представлені в таких фразеологічних одиницях, як: *Beam in one's eye – «Не бачити колоду в своєму оці», No garden without its weeds — «Немає троянди без шипів».*

2. Класифікація сем за змістом передбачає також виділення чітких і нечітких сем.

«Чіткі семи – це семи, зміст яких позбавлений суб'єктивізму. Нечітка сема має розмитий, нечітко окреслений зміст. Подібні нечіткі семи становлять собою поняття, що мають об'єктивний, загальний для всіх зміст, але суб'єктивний обсяг» [13, с.67]. Наприклад, чіткою архісемою у фразеологізмі «*cut from the same cloth*» є негативна оцінка чоловіка і жінки. Денотат, позначений цією ФО, визначається як «two persons of the same character». Нечіткість сиґніфіката «*people of the same character», «persons who worth of each other»* створює розмитість обсягу поняття, що складається з нечітких сем негативної оцінки: «*два чобота пара», «одного поля ягоди», «варті один одного».*

3. За змістом виділяються також позитивні і негативні семи.

Позитивні семи відображають ознаки, наявні у денотатах, а негативні – значуща відсутність у денотаті певної ознаки. Наведені нижче приклади ілюструють ці типи сем. Наприклад, у фразеологізмі «*batting average*» позитивною семою є *«success», «achievement*». Також необхідно зазначити, що негативна сема виражена експліцитно у всіх фразеологічних одиницях, до складу яких входять негативні частинки, наприклад: «*two blacks do not make a white» — «чужим гріхом свого не спокутуєш».* Характерною особливістю семантики таких зворотів є не тільки експліцитне вираження негативної семи, але і наявність позитивної семи, імпліцитно вираженої. Це пояснюється тим, що будь-яке заперечення містить твердження, яке може бути підтверджене дефініціями негативних зворотів, наприклад, *«there is no joy without alloy» — «немає троянди без шипів», though everything has its own defects and imperfection, it is only by endurance, effort, that perfection and beauty is to be attained.*

4. У семантичній структурі фразеологізма можуть бути виділені і граматичні семи – макроелементи і мікроелементи граматичного значення.

До макроелементів відносяться категоріальні семи найбільш узагальненого граматичного значення, наприклад, семи, що позначають дію, предметність, стан. До мікроелементів належать, наприклад, семи, що позначають число, рід та відмінок, дійсний і пасивний стани. Наприклад, семи позначають дію: «*carry the baby» —*

«няня чужої дитини, віддуватися за к-л», «come between the bark and the tree» «втручатися в чужі сімейні справи», «do one's bit» — «вносити свою лепту», стан: «be off one's own beat» - «бути не в год-л компетенції», «be in smb's boots» — «бути на місці будь-кого», «like a cat on hot bricks» — «не по собі (несамовито)».

Крім того, існують семи однини, які характерні для субстантивних фразеологічних одиниць, що позначають одиничні денотати: «*a chip of the old block» — «син свого батька».* Семи множини зустрічаються у фразеологічних одиницях, що позначають два денотати або більше: «*No garden without its weeds». — Все має свої недоліки, немає нічого досконалого.*

Концепт «*свій – чужий*» є амбівалентним, так як характеризує різні грані та градації міжкультурних взаємин, одночасно поєднуючи при цьому уявлення про «культурне» і «інокультурне», які, самі по собі, досить умовні й варіативні — в залежності від культурно-історичного і побутового контексту, від характеру і стилю міжкультурної комунікації і т. ін. Так, зокрема, концепт «*свій – чужий*» передбачає, по-перше, осмислення культурно-«*свого*» на тлі «*чужого*» і одночасно культурно-«*чужого*» на тлі «*свого*». По-друге, в процесі міжкультурної комунікації «чужого» надається характер доступного, «особистого», при цьому, тією чи іншою мірою, досягається відносне наближення, розуміння й засвоєння «чужого», тобто переведення культурних артефактів з простору «чужого» у простір «свого».

Отак, проведене дослідження показало, що концептуальна опозиція «*свій – чужий*» реалізується за рахунок таких мовних засобів, як метафора. При цьому концептуальна опозиція «*свій – чужий*» інтегрує вербальні засоби різних рівнів для створення оціненості, яка зорієнтована на ефективний вплив на суспільну свідомість з метою привласнення (захоплення) влади і яка виводиться зі співвідношення об'єкта з зоною «свого» або з зоною «чужого».

Порівняльний аналіз асоціативних структур слів-репрезентантів опозиції «*свій-чужий*» в англійській мовній картині світу

У сучасних лінгвістичних дослідженнях мовні образи світу досліджуються або в порівняльному аспекті декількох мовних культур, або всередині однієї мовної картини світу. Увага зосереджується на особливостях мовної свідомості представників того чи іншого ментального простору. Людина – мовна особистість – оперує такими категоріями та цінностями, в системі координат яких вона перебуває.

Встановлення особливостей структур ментального лексикону є одним із способів виявлення принципів організації і закономірностей структурування мовної свідомості тієї чи іншої нації, що являє собою одне з ключових питань сучасного мовознавства. Психолінгвістичне дослідження асоціативної структури значення слова крізь призму різних способів кодування інформації про навколишню дійсність дозволяє створити цілісну картину сутності семантичної структури.

Концепти існують і в індивідуальній свідомості особистості, і в колективній свідомості групи людей. Вони є ментальними одиницями й інформаційною структурою, що відображає людський досвід. Індивідуальні концепти більш різноманітні, ніж колективні, тому що колективна свідомість і досвід є ні що інше, як умовна похідна від свідомості й досвіду окремих індивідів — членів колективу.

Структура концепту представлена ядром (основний рівень) та периферією (інтерпретаційний рівень).

В англійській мовній свідомості конкретний іноземець асоціюється з країною і асоціативна реакція відтворює в тій чи іншій мірі етнічний стереотип або автостереотип. У деяких випадках можливо припустити характер джерела асоціації, як правило ЗМІ або художня література.

Уявлення про *«чуже»* може бути у певний історичний час співвіднесене з представником конкретної країни. При цьому протиставлення «*свій – чужий*» детерміновано критеріями «знайоме / незнайоме», «природне / неприродне» та ін.

Носії мови завжди схильні називати об'єкти атрибуції, конкретизувати поняття. При цьому понятійний обсяг асоціативного поля «*свій*» перевершує понятійний обсяг асоціативного поля «*чужий*» у кількісному та якісному відношенні. Виявляється також, що значна кількість носіїв англійської мови звертаються до

додаткової атрибуції, а об'єкт, представлений як «чужий», зумовив більшу різноманітність визначень.

Згідно з цими даними, «*foreign, strange*» більше мислиться по відношенню до простору — обмеженого і необмеженого, «*alien*» — до матеріального об'єкту. Значну частину слів-реакцій становлять назви людини. Можливо, більш відповідним виявляється саме статус людини, ставлення до суб'єкта. Останнє справедливо більше для об'єкта «*own»* — в асоціативному полі відповідного слова-стимулу міститься значна кількість термінів спорідненості. У цілому підгрупи теми «*people»* представлені як *relative* або конкретизаторами: *friend, comrade, sidekick, enemy, the guest.* В асоціативному полі «*own*» виявляється більш якісне розмаїття поодиноких номінацій людини, що представляє конкретизацію за його соціально-статусними *(head),* психологічними *(selfish),* віковими *(the old man)* та іншими ознаками. В асоціативному полі стимулу «*foreigner, stranger*» конкретизації пов'язуються в основному зі станом «мобільності» об'єкта, його нестабільністю: *the foreigner, stranger, visitor, migrant та ін.*

Перевагу оцінного типу реакцій зафіксовано в асоціативному полі «*alien*». Якісний характер слів даної підгрупи виявляє оцінку всієї опозиції — однієї з її визначальних ознак. В одиничному випадку «*alien*» виявляється асоціативно пов'язаним з «небезпекою».

Асоціативне поле англійської мови виявляє незначну перевагу реакцій-субстантивів в асоціативному полі «*my*» — вони представлені найчастіше абстрактними іменами і словами тематичної підгрупи «*woman*». В асоціативне поле слова «*my»* іменників в два рази менше: абстрактний іменник «*wife» і «husband*» — це єдині лексичні одиниці тематичної підгрупи «родич».

Прикметник «*own*» в асоціативному полі англійського стимулу має зміст «власний» асоціативного поля «*my*».

Також присутні частотні реакції у асоціативному полі слова «*your*» (EAT): перша парадигматична реакція асоціативного поля має референт 1-ої особи: «*mine*». Три найбільш частотні реакції в асоціативному полі англійського слова-стимулу, крім «*mine»,* представлені одиницями «*my*» і «*own»*.

Є декілька постійних об'єктів, присутніх у декількох просторах. Це англійські визначення *life, house, mother*. Поняття, пов'язане з

«*life»* належить простору *«I», «we»* і *«їх»; «house»* — простору «*we»* і *«їх», «mother»* — простору «*I»* і *«їх».*

У особистий *I*-простір англійців за даними ЕАТ входять *own, life, name, husband*, де ближче за все до «*I*» виявляється «*own*», утворюючи явний «кордон» з істотною різницею в частотності у порівнянні з іншими словами, що входять до даної референтної сфери (простір). На периферії особистого простору знаходиться «*mother*». Простір «*we*» включає *house, life, friend;* простір *«their» — own, life, house, mother, hand, eyes* і *woman.* Тож, дані простору можуть бути представлені як локуси, утворені певним набором об'єктів, що становлять приналежність до 1, 2 або 3 особи з певною межею, утвореною *own*. Особливо чітко межа відділяє сфери «*I»* та *«їх».*

Англійці найбільш часто виявляють реакції парадигматичного типу. Менш частотними є реакції, за винятком «*own*», що називають об'єкти, які належать передбачуваному суб'єкту. Парадигматичні реакції є також на слово-стимул «*their*». Очевидно, «*its*» усвідомлюється респондентами як деякий предмет / об'єкт приналежності (володіння) суб'єкту і його ідентифікація здійснюється саме за ознакою приналежності найчастіше у третій (*his*) або першій (*mine*) особі.

Виходячи з того, що константа «*own»* займає значну частину просторової (особливо особистої) сфери в англійській мовній свідомості, можна сказати, що межа між «*своїм»* і *«чужим*» для англійців проходить у просторі, що визначається світом матеріальних об'єктів.

В основі англійського «*чужий*» лежать уявлення про певний об'єкт. Перші (найбільш частотні) слова-реакції на «*strange», «foreign», «alien»* можуть розглядатися як синонімічні: «*strange» — odd, queer, peculiar, foreign, funny, new, unusual, weird* відображають більш конкретні ознаки, згідно з якими об'єкт оцінюється як *«strange»: «odd stresses a departure from the usual, the normal, or the regular, sometimes it suggests an element of the fantastic; queer even more strongly implies eccentricity*» [Англійський словник Webster, — 1973]. Образ «*alien*» фіксується як *enemy, friend, immigrant,* космонавтом або, більш узагальнено, *being.* Локативи в асоціативному полі даного слова представлені більш «екзотичними» іменами, ніж в асоціативному полі стимульного слова «*foreign»,*

Africa, Space. Таким чином, якщо «*foreign*» пов'язується з конкретними країнами або народами цих країн (*foreigner — French, Frenchman,* а також з характерними ознаками (*coloured, dark*), то «*alien*» асоціюється з об'єктами, які є більш дистанційними, порівняно з об'єктами-локусами в асоціативному полі «*foreign*».

Зв'язок «*alien-enemy*» відтворює кадр «*війна*» — war. З першим асоціативно пов'язуються *enemy, friend*, з другим — peace, death і game. Виділена концептуальна сфера виявляє один з варіантів опозиції «*свій — чужий*», представлені поруч парадигматичних (оппозитивих) реакцій: *друг — ворог, мир — війна, життя — смерть.*

Зв'язок «*alien — foreigner*» (за даними ЕАТ) виявляє схожість з асоціативним полем слова «*immigrant*», з тією різницею, що асоціативне поле останнього містить реакції-асоціати-конкретизатори*: black, coloured, negro, pakistani*, а слова, які є основними атрибутами «*чужого*» — *foreigner, stranger, alien* — опиняються на периферії асоціативного поля. Звернувшись до явно выражених асоціативних зв'язків «*alien — immigrant-WOG*» і «*alien — foreigner-WOG*», припустимо, що остання асоціативна ланка — «*black — coon — golly — foreigner — negro*», виявлена в даному випадку, визначається як «*WOG*»). Отримані дані мають асоціативний взаємозв'язок презентацій *«чужого» (alien, strange(r), foreign(er))* з декількома понятійними (концептуальними) сферами, в яких вони можуть виявляти додаткові ознаки.

Отож, асоціативні зв'язки слів надзвичайно різноманітні і дозволяють виявити те, що не усвідомлюється самими носіями мови. Словники, дефініції слів, і асоціативні тезауруси представляють три різні способи фіксації знань, що існують у свідомості особистості.

У створенні смислової структури тексту можуть брати участь асоціативні зв'язки його елементів (слів). Вербальні асоціативні структури розглядаються як один із способів мовного втілення цілісності тексту, під якою розуміється «співвіднесеність тексту з об'єктом опису, простим або складним, у свідомості носіїв мови». Сильні асоціації, зрештою, зумовлюють найбільш ймовірне поєднання лексем в контексті.

У текстах, що містять наявні або імпліцитні протиставлення «*свій – чужий»*, міститься вказівка на норму оцінок свого і чужого, ознак і характерних дій по відношенню до об'єкта, що має (одержує)

той чи той статус. Крім того, в таких текстах міститься емоційна оцінка «контрасту» або «перетворення» об'єкта, що дається цим фактичним суб'єктом.

Аналіз ассоціацій концептів оппозиції *«свій – чужий»* представляє інтерес як в силу глибинної семантики даних слів, так і з точки зору асоціацій, що виникають у носіїв мови. Відомо, що національно-культурна специфіка слова виявляється і в семантичній структурі лексичної одиниці, і в екстралінгвістичних індексах. Національно-культурну своєрідність, як відомо, пронизують усі компоненти значення слова (денотативний, конотативний, емпіричний).

«*Своє – чуже*» завжди розумілося людиною як норма і відхилення від норми. Норма — все «своє»; антинорма — все, що перебуває за межами «свого», все «чуже». І протиставлення *«свій – чужий»* передається в багатьох мовах не одним словом, а декількома словами, як в англійському «*foreign», «alien», «strange»*. Цікавим видається, хоча і рідко використовується, 4-е значення англійського слова *«alien» — «недобрий»,* яке глибоко сягає в давню світову символіку, де інше світобачення осмислювалось як антинорма, зло.

Аналіз матеріалів тлумачних та етимологічних словників і деяких джерел літератури дозволив виявити відмінності та спільність лексичних виразів і понять в англійській мові, споріднених і неспоріднених, за обсягом, структурою та конотативними асоціаціями, встановити відносну тотожність деяких понять, а іноді і переносних значень на рівні символів та історичних національно-культурних реалій, а також підтвердити зміну вибору мовних одиниць для поняття фрагмента світу в зв'язку зі зміною системи цінностей носія англійської мови.

Як показало дослідження, трактування, які надані в словниках, часто є неточними або неповними для розкриття сутності концепту. Майже в усіх випадках заміни одного денотата з досліджуваного ряду іншими отримані речення розглядаються або як неправильні, або як незручні для вживання. Отак, неможливість взаємозаміни даних лексичних одиниць дозволяє зробити висновок про існуючі величезні відмінності в їхніх значеннях, які не представлені у словниках, а є у свідомості носія мови. Іншими словами, наявні у словниках лексикографічні дані не дозволяють розмежувати значення обраних

для дослідження слів, і, отже, визначити умови їх вживання та особливості їх функціонування.

Вербальні зв'язки, що існують в мові, потенційно нескінченними, відкриті, за структурою вони являють собою мережі ієрархічно впорядкованих, динамічно змінюються, частково пересічних індивідуальних асоціативних полів.

Не зважаючи на очевидні відмінності, опозиція *«свій – чужий»* має загальну когнітивну базу для будь-якої мови і культури. Цю константну частину можна вважати такою, що належить не тільки мовній свідомості, але і — ширше — свідомості взагалі. Її характер визначається не стільки культурою, скільки особливостями психічних процесів. Ця частина характеризується незмінністю таких ознак як:

1) афективна протилежність (емоцій), пов'язаних з її проявом в тій чи іншій іпостасі в тому чи іншому соціокультурному середовищі;

2) загальна когнітивна сфера;

3) формується культурою подібна програма діяльності, обумовлена функціонуванням даної опозиції.

«Видимі» відмінності, обумовлені культурними чинниками, можуть бути наступними: 1) приватні ознаки, обумовлені унікальними культурними функціями; 2) форми прояву основного (інваріантного) змісту.

Також, мова дозволяє виявити деякі відмінні ознаки змісту опозиції на обмежених (мовних) рівнях: абстрактності/конкретності; наявності/відсутності емоційного компонента/фактора; варіативність (більший/менший об'єм) поняття, що лежить в основі опозиції.

Опозиція має різноманітні прояви в мові і культурі. До числа основних ознак належать: а) афективна забарвленість, б) проникливість, в) взаємодоповнюваність компонентів, г) відтворюваність, д) ригідність.

Вважаємо, що побудова лінгвістичних моделей з урахуванням «живого знання» задає вектор впевненого руху в бік потенційно незбагненного розуміння того, хто говорить і слухає.

Перспективи подальшого дослідження. Беручи до уваги той факт, що системи організації семантичних структур можуть бути як унікальними для однієї культури, так і повторяться в різних культурах, необхідно підкреслити важливість наступних міжмовних зіставлень в рамках даного дослідницького спрямування. Такого виду

порівняння сприятимуть виявленню універсальних і національно обумовлених тенденцій дії асоціативних механізмів.

Висновки

Реальність *«свого» і «чужого»* в їх протиставленні історично обумовлена колективною формою життя людини. В основі її лежать міжгрупові відносини, особливості яких спочатку знаходяться в залежності від ряду природних та соціально-психологічних чинників, які об'єднують людей за видом їхньої спільної діяльності.

Уявлення про *«своїх» і «чужих»,* які формуються культурою, мають когнітивну і афективну складові. Перша полягає в тому, що психічні процеси та функції (категоризація), пов'язані з закріпленням ознак «*свого» і «чужого»,* обумовлюють створення когнітивної моделі *«свій – чужий»,* яку можна розглядати як фрагмент образу світу у свідомості певної етнокультурної спільності.

Опозиція формується на основі ознак, що дозволяють особистості відносити кожен новий феномен до *«свого»* або *до «чужого»* за наявності у нього цих ознак. Очевидно, при розходженні цих ознак для представників різних етносів опозиція містить константу — певне концептуальне ядро, або ядро категоризації, що складається з релевантних для кожної культури ознак *«свого» і «чужого».*

Не зважаючи на майже повну одностайність авторів у настанові еквівалентних одиниць, ми вважаємо, що буде більш коректним називати такі одиниці неповними, або умовно / частково еквівалентними. При цьому ми, зокрема, виходимо з даних асоціативних словників англійської мови, які демонструють суттєві відмінності в асоціативних значеннях подібних одиниць.

Опозиція *«свій» /«чужий»,* відповідні їй умовні (часткові) еквіваленти англійської мови можуть бути інтерпретовані як репрезентанти існуючих у свідомості образів.

Аналіз текстів дозволив виявити деякі особливості організації подання смислових одиниць щодо варіантів опозиції «*свій – чужий*».

Афективна складова опозиції зв'язується з двома основними проявами:

1) при формуванні самого поняття / образу,

2) функціонування вже сформованого поняття / стереотипу / способу може супроводжуватися певною афективною реакцією.

Роль афективного компонента вбачається у відтворенні відповідних емоційних реакцій, що супроводжують кожний прояв розглянутої опозиції.

У формуванні і функціонуванні уявлень про «*своє» і «чуже*» відіграють роль процеси генералізації та перенесення, які виражаються в тому, що узагальнена свідомість переносить ознаку одного об'єкта на ряд об'єктів того самого класу, в результаті чого відбувається редукція індивідуальних ознак об'єкта і формується узагальнене, спрощене уявлення про нього. Перенесення характерне лише для об'єктів класу «чужий» і піддається переважно негативній оцінці (якості). Феномен «узагальнення» (психічна функція) об'єднує в буденній свідомості об'єкти одного класу («*свої», «чужі*») за низкою ознак. Останні відображають перцептивні, афективні та ін. особливості відповідної реалії, що класифікуються згідно з «нормою» або «перцептивними еталонами.

Передбачається, що існують деякі ознаки (або підстави категоризації), згідно з якими об'єкти отримують атрибуцію «свій» або «чужий». Це

1) просторові ознаки (далекий-близький),

2) темпоральні (постійний, тимчасовий),

3) параметричні ознаки (більший-менший, внутрішній-зовнішній).

Як правило, статус об'єкту як «свого» або «чужого» багато в чому визначається його положенням (стосовно) до межі норми.

Фактор глибини межі (як, очевидно, і варіативності норми) пов'язаний з такими процесами як «*привласнення / відчуження*» об'єкта. Визначальним чинником виступає мобільність або мінливість об'єкта, його спроможність набувати або втрачати певні категоріальні ознаки.

Афективний компонент опозиції передбачає її розуміння у зв'язку з низкою супутних ознак, які спроможні вказувати прямо

(приємний / неприємний) або опосередковано (теплий / холодний) на відповідне відчуття або емоції.

Поряд із загальними для носіїв англійської мови поняттями існують розбіжності, обумовлені фактором дистанції об'єктів від суб'єкта. Це пояснюється тим, що в англійській культурі концептуальна опозиція «свій-чужий» мислиться, перш за все, у контексті її родинних і речових зв'язків.

Простір «свій / чужий» може включати кілька субпросторів: особисте («я»), соціально-особисте («ми»), ближнє соціальне (простір діалогу) (ти, ви) і далеке соціальне («він / вони») (референтні) простору.

Опозиція «*свій – чужий*» здатна виступати у своїх конкретних варіантах, які можна певною мірою реконструювати за текстом, створеним природною мовою. У своїх варіантах опозиція може виступати експліцитно або імпліцитно, а також може бути представлений лише один її компонент. У будь-якому з цих випадків можна говорити про присутність (наявних чи прихованих) обох компонентів опозиції.

Література

1. Краснобаєва-Чорна Ж. В. Інтегральний підхід до інтерпретації концепту (філософський та лінгвокультурологічний вектори) / Ж. В. Краснобаєва-Чорна // Лінгвістичні студії: збірник наукових праць / [укл. А. П. Загнітко]. – Донецьк, 2006. – Вип. 14. – С. 27-31.
2. Попова З. Д., Стернин Й. А. Когнитивная лингвистика/ З. Д. Попова, Й. А. Стернин.— М., 2007.
3. Брандес М. П. Стилистика немецкого языка / М. П. Брандес. – М.: Высш. школа, 1985. – 320 с.;
4. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М. : Наука, 1985. – 230 с.
5. Брандес М. П. Стилистика немецкого языка / М. П. Брандес. – М.: Высш. школа, 1985. – 320 с.
6. Приходько Г. П. Способи вираження оцінки в сучасній англійськй мові / Г. П. Приходько. – Запоріжжя : ЗДУ, 2001. – 362 с.
7. Телия. В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1986. – 144 с.
8. Серебренников Б. А., Кубрякова Е. С., Постовалова В. К. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. В. М. Солнцев // М. : Наука, 1988. — 242 с.

9. Булаховський Л.А. Виникнення і розвиток літературних мов / Л. А. Булаховський // Вибр. твори. В 5-ти т. — К. : Наук. Думка., 1975. — Т. 1. — С. 321- 470.
10. Нагайцева Е. В. Ассоциативный эксперимент в психолингвистическом моделировании значения слова [Текст] / Е. В. Нагайцева // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы III междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2014 г.). — М. : Буки-Веди, 2014. — С. 88-92.
11. Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики / В. Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики 1971: [Сб.] — М., 1972. — С. 367—395.
12. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин. – Воронеж, 1985. — 171 с.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА *ЧЕЛОВЕК* В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Федина Е. В., Шепель Ю. А.

Современное состояние развития языкознания особенно в последний период отмечается повышенным интересом к проблемам фразеологии. Формирования фразеологического фонда, внутренняя форма и мотивированность фразеологических единиц (ФО), их системные отношения, теоретические основы фразеотворення - вот далеко не полный перечень проблем, которые находят отражение в работах отечественных исследователей.

Важной задачей лингвистики является исследование национально-языкового своеобразия фразеологизма, потому что в каждом языке она имеет неповторимый план выражения и таким образом фиксирует национальный колорит языка. В фразеологии ли не ярче отражается опыт народа, своеобразие его мировоззрения, поскольку в ней наиболее четко проявляются специфические средства отображения концептуальной картины мира.

Гуманизация общества, утверждение приоритета человека, очевидно, обусловила тенденцию к анализу языковой картины мира через антропологическую призму. В связи с этим большой интерес для исследования составляют фразеологические единицы с представленим людей, в частности — человека вообще.

Попытка комплексного анализа фразеологизмов с названиями человека способствует углублению положений фразеологической теории, обуславливает актуальность исследования, которое связано с изучением фразеологической семантики, тенденцией развертывания построения языковой картины мира, описания отдельных ее лакун. ФЕ с названиями человека являются единицами большой фразеологической системы, однако они до сих пор остаются мало исследованными.

В последние годы наблюдается активизация языкознания деятельности в этом направлении. В частности, такие исследования важны как с языковедческой стороны, так и с общекультурной, поскольку языковая картина мира, в том числе ФЕ как ее компонент, содержит в целом черты народа — создателя фразеологии.

Лингвоконцептуальный походы к анализу метериала

К настоящему времени широко распространенный в лингвистике термин «концепт» не получил единого определения, хотя он прочно утвердился в современной лингвистике.

Понятие концепта пришло из философии и логики, но в последние 15 лет оно переживает период актуализации и переосмысления. Разные определения концепта позволяют выделить его следующие инвариантные признаки:

- это минимальная единица человеческого опыта в его идеальном представлении, что вербалізується с помощью слова и имеющая полевую структуру;
- это основные единицы обработки, хранения и передачи знаний;
- концепт имеет подвижные границы и конкретные функции;
- концепт социален, его ассоциативное поле обусловливает его прагматику;

- это основная ячейка культуры.

Следовательно, концепты представляют мир в сознании человека, образуя концептуальную систему, а знаки человеческого языка кодируют в слове содержание этой системы.

По мнению Р. Фрумкиной, существует четыре типа концептуального анализа. Первый тип имеет два направления (проект «Логический анализ языка» (Н. Арутюнова, А. Яковлева, Т. Радзиевская, Г. Розина, Н. Рябцева) и етноцентрична теория А. Вежбицкой); второй тип ориентирован на описание предикатных связей, некоторых предложений в различных диагностических контекстах (Т. Булыгина, А. Шмелев); третий тип интерпретирует концепты путем формализованного языка семантической записи (И. Мельчук, С. Никитина, А. Жолковський); четвертый тип сосредотачивается на анализе идеологических концептов (В. Сергеев, А. Баранов, В. Цимбурський) [18, с. 79]. Е. Селиванова справедливо обращает внимание на то, что Р. Фрумкина использовала различные основания для выделения типов концептуального анализа [21, с. 123, 124]. Предложенная типология концептуального анализа в 1-3 типах учитывает методику исследования, а в четвертом типе — тематику анализируемого материала. Е. Селиванова считает, что «общим для всех концептуальных исследований является поиск некоторой структуры, промежуточного языка» [21, с. 124].

Интересная теория концепта предложена Ю. Апресяном, которая основывается на следующих положениях:

1) каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации мира; выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов; своего рода коллективную философию, которая навязывается языком всем носителям;

2) свойственный языку способ концептуализации мира отчасти универсален, отчасти национально-специфичен;

3) взгляд на мир (способ концептуализации) «наивен» в том смысле, что он отличается от научной картины мира, но это не примитивные представления.

Труды Г. Ленекера представляют «визуальный подход» в описании концепта в понятиях профиля и базы; одна из важнейших идей Г. Ленекера заключается в том, что человек во время восприятия

концептов оперирует не отдельными семанческими признаками или их множествами, а цельными образами [2, с. 35, 36, 94]. Так, Г. Ленекер предполагает, что когниция имеет определенную базу, которая содержит биологический субстрат с ментальными структурами или способностями; новые концепты создаются через предыдущий опыт; когнитивное развитие является цикличным: имеющиеся ментальные структуры обеспечивают основу для когерентного опыта разного рода (психического, социального или исключительно воображаемого); опыт порождает новые ментальные структуры, представляющие высший уровень системы; «культурные концепты», культурная информация, по Г. Ленекеру, содержащиеся на высших уровнях этой сложно устроенной системы, формируются на более поздних стадиях с помощью непрерывного опыта [2, с. 28-31].

Н. Рябцева идет путем вычленения элементарных представлений, которые служат когнитивной базой категоризации сложных представлений [17, с. 74].

С. Никитина отмечает связи слов-концептов народной культуры с другими концептами той же культуры и предлагает методику анализа концептов, которая основывается на изучении «регулярных семантических отношений, релевантных для определенного корпуса текстов и существенных для описания семантики определенного слова» [13, с. 118]. Аналогичную методику, основанную на сочетаемости имени концепта, используют Л. Чернейко и В. Долинский; их «метод концептуального анализа абстрактного имени базируется на буквальном прочтении узуально сопрягающихся глаголов физического действия, несущих информацию о классе явлений (сравн.: «перемещаться — ковылять — порхать», «подниматься — карабкаться — вспорхнуть»)» [22, с. 22].

С. Воркачов предлагает интересный подход к анализу концептов в контрастивном аспекте «путем сопоставления семантики паремиологичной лексики — поговорок и пословиц – с семантическим прототипом, полученным в результате исследования соответствующего философского (нравственного) и психологического концепта» [7, с. 57].

А. Вежбицкая приходит к выводу о том, что ключевыми словами являются обычные, а не маргинальные слова; они могут

часто употребляться в семантических именах (домене эмоций, домене наказания); эти слова являются центрами целых фразеологических кластеров; они часто встречаются в пословицах, изречениях, популярных песнях, названиях книг [5, с. 16]. Т. е. все решает интуиция лингвиста, но, к сожалению, интроспекция как метод исследования не всегда приводит к ожидаемому результату. К проблеме «ключевых слов» обращается А. Шмелев, по мнению которого, «особый интерес вызывают те конфигурации смыслов, которые повторяются как фоновые в целом ряде языковых единиц» [23, с. 53].

Я. Анусевич разграничивает «культурную лингвистику» (которая изучает связи между языком и культурой и задачей которой является исследование четырехчленного отношения: язык — культура — человек (общество) — действительность), «антропологическую лингвистику и етнолингвистику» (которая исследует связи и зависимости между языком и человеком (обществом), вместе с тем — между культурой и действительностью; ее задача — исследование отношение: язык — человек (общество) — действительность — культура) и «лингвистическую антропологию» (которая изучает связи между культурой, языком и определенным обществом [4, с. 10, 11]. Общим для этих подходов является наличие неоспоримой связи языка и культуры; расхождение обусловлено различным видением роли языка в формировании концепта. Объекты мира становятся "культурными объектами" лишь тогда, когда представления о них структурируются этноязыковым мышлением в виде определенных «квантов» знания.

В. Мокиенко высказывает критические замечания относительно попыток построения моделей картины «русского мира», которым присуща чрезмерная обобщенность и поэтому достаточно субъективная интерпретация языковых фактов, которые выдают за национальные стереотипы» [12, с. 25].

Н. Слухай выделяет три основные «теории концепта»: системно-языковой подход «заключается в осмыслении концепта в единстве его системноязыковых измерений по осям синтагматики, парадигматики и ассоциативных связей, что в совокупности позволяет воспроизвести типичные предложения...» (Г. Джинжолия); денотатный, который «предполагает усиленное внимание к описанию

коррелята предложения – ситуации и составления перечня таких коррелятов предложений, которые позволяют корректное использование концепта» (А. Кошелев); сигнификативний, в пределах которого происходит «осмысление данного феномена через анализ его сигнификативного поля – через упрощенную сетку универсалий бинарных, тернарных, четверичних и подобных систем...» (А. Шмелев, Д. Лихачев, А. Вежбицька, С. Воркачов и др.) [19, с. 46-48]. По нашему мнению, в этом случае целесообразнее говорить о подходах к анализу концептов. В предлагаемом Р. Кисем подходе происходит, с наш взгляд, неоправданное сочетание терминосистемы традиционной семантики с терминосистемой когнитивной лингвистики: автор одновременно использует термины семемы («как основные интралингвальные единицы содержания»), лингвокультурные концепты и лингвокоммуникативные конструкты [19, с. 64]. Такое понимание лингвокультурного концепта (по мнению Г. Кись, семема и концепт пересекаются, и каждый из них содержит и собственную информацию, то есть в языке есть «информация», которую не содержит когниция) противоречит идеям когнитивного подхода.

Итак, приемы концептуального анализа преимущественно используют комплексно, в том или ином сочетании, что составляет специфику определенной методики.

Концепт с точки зрения прототипной семантики

Механизмы концептуализации и вербализации пытается объяснить теория прототипов Е. Рош, фреймовая семантика Ч. Филлмора, теории метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, М. Тернера, Ж. Фоконьє и т. д. У истоков когнитивной лингвистики находится теория прототипов Е. Рош [5, с. 62]. Считается, что существует три различных концепции прототипного подхода: собственно семантика прототипов (прежде всего, это

психологический и антропологический подходы в духе Е. Рош); семантика стереотипов (Г. Патнам); концепция подобия Л. Виттгенштейна» [6, с. 140]. Однако, по мнению Дж. Кляйбера, существует две версии теории прототипов — стандартная и расширенная [10, с. 11].

Дж. Кляйбер выделяет следующие основные тезисы стандартной версии:

1) категория имеет внутреннюю прототипну структуру;

2) степень репрезентативности определенного экземпляра соответствует степени его принадлежности к категории;

3) границы категорий или понятий размыты;

4) элементы определенной категории не имеют свойств, общих для всех элементов; их объединяет семейное сходство;

5) принадлежность к определенной категории наступает на основании степени сходства прототипов; 6) привлечение к категории происходит не аналитическим, а целостным способом [10, с. 51]. Однако расширенная версия из шести основных тезисов стандартной оставляет лишь две, модифицируя первую:

1) существуют лишь прототипные эффекты;

2) отношения, сочетающие различные элементы той самой категории, несмотря на то, какой является категория, являются отношениями семейного сходства [10, с. 156].

Одной из важных проблем, решаемых прототипной семантикой, является разделение признаков (атрибутов) на необходимые и достаточные, как у А. Вежбицкой, на существенные и прототипные [5, с. 60], в традиционной семантике — денотативные и конотативные семы.

Необходимо учитывать широкий диапазон зооморфных характеристик: это может быть не только внешнее сходство и физические данные (*большая, неуклюжая, шустрая, неповоротливая* и т. п.), но и психологические (*бездушная, хитрая, коварная, бестолковая, упрямая*) и даже моральные (*неблагодарное, постыдное*). Если согласиться с тем, что необходимо фиксировать такой признак в толковании прямого значения, то в слове иметь пришлось бы указать: «человек разумный (гомосапиенс), заботливая, ласковая и т. п», в слове *бабушка*: *«женщина пенсионного возраста, старая, слабая, морщинистая»* и т. п.» [5, с. 63, 64].

Однако теория идентификации А. Марковского базируется на выделении характерных, типичных признаков при минимальном когнитивном усилии, т. е. релевантних признаков – идентификаторов [11, с. 87-90]. А. Марковский отмечает, что «способность распознавания слов и их значений составляет в целом первый этап языковой (семантической) рефлексии, этап, предшествующий дефиниции слов» [11, с. 88]. Как известно, в рамках теории семейного сходства допускают, чтобы элементы той самой категории не имели общих признаков. Именно поэтому в когнитивном описании к значению привлечены «признаки типичные и ассоциативные».

Традиционные определения в толковых словарях, с одной стороны, недостаточные — не содержат «культурной» информации, а с другой, — подают информацию, не релевантную для носителя языка, то есть информацию, которая увеличивает «когнитивные усилия».

Интересен также взгляд на проблему прототипов Ж. Пинто де Лима, который отмечает, что прагматический подход к природе прототипов призван подчеркнуть не то, что они являются конкретными объектами, а то, что они – неотъемлемая часть определенного типа человеческой деятельности, а именно толкования значений [14, с. 117]. Автор отмечает: «Во-первых, словари представляют определенные знания о мире, во-вторых, они поставляют прототипы» [14, с. 122]. Кроме того, прототип не принадлежит вербальному уровню. Психологи-когнитивисты считают, что «прототип — это абстракция перечня стимулов. Прототип дает нам возможность распознавать образ, даже если он не идентичен прототипу, а только похож на него» [14, с. 84].

Психолингвистический подход к проблеме концепта

Современная лингвистика характеризуется следующими особенностями познавательного процесса: универсализацией теоретических моделей; доминированием дедуктивных строений и принципов формальной логики; аксиоматизацией лингвистических построений; недостаточным использованием в аргументации

экспериментальных данных и почти полным отсутствием новых методик собственно лингвистического эксперимента; акцентированием в анализе языкового содержания соотношений между лингвистической и экстралингвистической системами; изменением понятия функционализма (функция все больше понимается не как детерминированное соответствие, а как изменение качеств или соотношение качеств объекта в процессе использования); утверждению о принципиальной нестабильности системы языка как о важном его свойстве, что несет за собой систематическое изучение единиц и качеств языка, ранее зачисленных к аномальным; актуализацией вопроса о дискурсивности научного знания как вопрос о границах моделирования объекта; интересом к исследования гетерогенных текстов: способам взаимодействия вербальных и невербальных компонентов этих текстов в соответствии со смысловой доминантой и т. п.; вниманием к способам вербальной фиксации знания [15, с. 75].

В. Пищальникова разграничивает объектные области лингвистики, психолингвистики и когнитивной лингвистики: объектом исследования лингвистики она считает лингвистические структуры, которые интерпретируются моделью — значением; объектом психолингвистики служит структура и функция речевой деятельности, а интерпретирующей моделью — образ сознания и концепт; когнитивная лингвистика оперирует речевым мышлением (речевой способностью), этому должна соответствовать и специфическая интерпретирующая модель, которая традиционно определяется как концепт. Однако В. Пищальникова предлагает термин концепт, который отражает закономерно связанные стабильные компоненты знания и стабильные формы их репрезентации [15, с. 76].

Е. Горошко в своей статье «Языковое сознание: гендерная парадигма» обращается к проблеме реального функционирования образов интеретнического сознания в зависимости от биологических и социальных составляющих личности индивида. Объектом исследования служат образы сознания представителей гомогенной культуры «овнешненные» вербальными ассоциациями в их связи с психофизиологическими и социальными составляющими личности. В результате проведеннях практических экспериментов, Е. Горошко

обнаружил, что влияние гендерного фактора на ассоциативное поведение испытуемых проявляется в изменении показателей стереотипной реакции, в количестве отказов от реагирования, в «частичном наполнении» ассоциативных полей, в коннотативной окраске реакций, в «лексическом наборе» ассоциативного поля. Зафиксированы также особенности в выборе мужчиной, женщиной и ребёнком определенных стратегий реагирования [8, с. 89].

А. Залевская анализирует содержание понятия «языковое сознание». Она отмечает, что в современной науке возникла ситуация бессознательного редукционизма, в связи с чем предлагается выделять четыре уровня осознания языковомыслительной деятельности человека: актуального осознания, сознательного контроля, бессознательного контроля и неосознаваемого [9, с. 9]. С вниманием на разграничение Л. Щербой понятий процесс и продукт, выстраивается схема «соотношения аспектов языковых явлений», в которой отражено, что один и тот же языковой материал служит базой для переработки в разных направлениях, что дает отличные продукты. Процессы переработки и упорядочения речевого опыта индивида, что протекают по законам психической деятельности и под контролем социума (и шире — культуры), как результат имеют систему концептов и стратегий использования ими функциональными ориентирами и опорами.

А. Залевская предлагает схему «Соотношение аспектов языковых явлений с вниманием на роль носителя языка». Противопоставляя некоторые специфические особенности речевой организации индивида, которая характеризуется определенной динамикой процессов и продуктов и функционирует при взаимодействии различных уровней осознания и логико-рационального анализа, автор строит «Систему оппозиции речевой организации индивида». Предусмотренное сопоставление оппозиций позволяет в определенной мере експлицировать различия между тем, что составляет фундамент речевой сознании, и тем, что фактически характеризует описательную модель языка, которая трактуется как самодостаточная система.

А. Уфимцева демонстрирует обзор етнопсихолингвистических исследований в России. Онтологией исследования речевого сознании А. Уфимцева называет межкультурное общение носителей разных

культур в сопровождении обязательными коммуникативными конфликтами. Ученая считает, что конфликты недоразумения в межкультурном общении чаще всего является результатом незнания системных качеств культурных предметов [20, с. 6].

Концепт в свете межкультурной коммуникации

Развитие и обогащение языка никогда не стоит на месте, а постоянно движется вперед, меняя иногда утвердившиеся значения, или заимствуя их из других языков, или приобретая новые оттенки значений, поэтому считаем нужным остановиться на аспекте межкультурной коммуникации.

Межкультурная коммуникация — это особая ступень коммуникации, отличающаяся не только наличием дополнительного срединного члена в коммуникативной цепи, но и собственными качествами. Всеобщность культурной коммуникации проявляется в наличии культурных (культурологических) элементов в материальной форме, в генетической форме, но, что особенно важно, в присутствии идеального аспекта. Идея, которая проявляется при рождении, воплощает себя в материальном бытии. Схематическое обозначение культурной коммуникации можно на первом этапе представить через коммуникативную цепь (создатель — артефакт — потребитель). Однако в артефакте (в определенном случае) присутствует также внутренний смысл, трудно поддающийся прямой характеристике. Это порождает неравенство элементов в цепочке и требует отказаться от жесткого детерминализма, признание принципа вероятности, не только в прямых, но и обратных связей. «Услышанность» и «ответ» включает в себя психологический компонент. Логическая схема не выдерживает нагрузки. Появление внесистемных элементов, которые ведут к «взрыву» в культурной коммуникации, уничтожая одну систему, открывает возможность для других построений, к числу которых принадлежит межкультурная коммуникация, отличающаяся кроме большого количества элементов большой неупорядоченностью. Межкультурная коммуникация — это не только обогащение одной культуры элементами другой культуры.

Она может сопровождаться культурной экспансией, поглощением одной культуры другой и не всегда более высокой культурой. Межкультурная коммуникация — мощный и опасный инструмент, который требует специальных знаний и умений. В языке межкультурная коммуникация может опираться на «современные слова современной европейской культуры» [20, с. 85] в культурологии — на концепты. Концепты культуры представляют единственный аспект ее существования, поэтому они, подобно системе «культура», функционируют как реальные варианты, выражая сущность абстрактного варианта. Этот инвариант представляет собой идею артефакта или содержание концепта. Артефактом может быть не только материальный объект, но также идея — продукт мыслительной деятельности человека.

Анализ фразеосемантических полей

Структура концепта представлена ядром (базовый слой) и периферией (интерпретационный слой). Совокупность базового слоя и дополнительных когнитивных признаков и слоев составляют объём концепта и определяют его структуру.

Информационно-понятийный компонент включает наиболее существенные признаки предмета или явления — это «языковая фиксация концепта, его обозначение, описание, признаковая структура, дефиниция, сопоставительные характеристики данного концепта по отношению к тому или иному ряду концептов, которые никогда не существуют изолированно, их важнейшее качество – голографическая многомерная встроенность в систему нашего опыта» [16, с. 166].

Интерпретационное поле концепта составляет его периферию и содержит «оценки и трактовки содержания ядра концепта национальным, групповым и индивидуальным сознанием» [16, с. 97].

Интерпретационное поле включает следующие зоны: оценочная зона (объединяет когнитивные признаки, выражающие общую оценку); энциклопедическая зона (объединяет когнитивные признаки, характеризующие необязательные признаки концепта, требующие

знакомства с ними на базе опыта, обучения, взаимодействия с денотатом концепта); утилитарная зона (объединяет когнитивные признаки, выражающие утилитарное, прагматическое отношение людей к денотату концепта, знания, связанные с возможностью и особенностями его использования для каких-либо практических целей); регулятивная зона (объединяет когнитивные признаки, предписывающие, что надо, а что не надо делать в сфере, «покрываемой» концептом); социально-культурная зона (объединяет когнитивные признаки, отражающие связь концепта с бытом и культурой народа: традициями, обычаями, конкретными деятелями литературы и искусства, определёнными художественными произведениями, прецедентными текстами); паремиологическая зона (совокупность когнитивных признаков концепта, объективируемых пословицами, поговорками и афоризмами, то есть совокупность утверждений и представлений о явлении, отражаемом концептом в национальных паремиях).

Образ человека формируется за счет компонентов фразеологических единиц. Наиболее частотными и универсальными являются тематические группы слов. При характеристике человека активно используются:

- термины родства;
- соматизмы;
- названия предметов бытовой утвари *(одежда, обувь, предметы домашнего обихода)*;
- названия музыкальных инструментов *(бесструнная балалайка)*;
- параметрические прилагательные *(глупый осудит, умный — рассудит)*.

Образ человека во фразеологическом фонде русского языка отражает особенности осмысления этого универсального ключевого концепта в истории общечеловеческой культуры: это «человек в общем» как родовое понятие (в противопоставление другим живым существам на земле), «человек как носитель определенных признаков, параметров» (характеристика личностных качеств), «человек-мужчина / женщина / ребёнок» (оппозиция по гендерному признаку). Указанные смыслы можно назвать универсальными, поскольку они базируются на логико-понятийных связях концепта

ЧЕЛОВЕК в концептосфере любого языка. Идиоэтнические же признаки, получившие формальное выражение во фразеологии, формируют национально специфический фразеологический образ [4, с. 63].

В зависимости от того, какие свойства человека подвергаются оценке, могут быть выделены три фразеосемантических поля:

1) «человек в общем» как биологическая особь, как родовое понятие (в противопоставление другим живым существам на земле);

2) «человек как носитель определенных признаков, параметров» (характеристика индивидуальных качеств личности);

3) «человек-мужчина\женщина\ребёнок» (оппозиция по гендерному признаку, оценка личности на основе ее положения в обществе, определенном коллективе, среде) [4, с. 67].

Фразеосемантическое поле
«Человек как биологическая особь».

Во фразеосемантическое поле «человек в общем» рассматриваются фразеологизмы, раскрывающие образ человека.

Красивый человек описывается в русском языке в образах молодости и активной жизнедеятельности: *в самой поре, пышет здоровьем*. Созерцаемая красивая внешность человека передается устойчивыми словосочетаниями как произведение искусства: *писаный красавец, божественная красота, хорошенький как картинка, чистый шедевр, демоническая красота*. Получившее отражение в сравнительных оборотах представление о неземной красоте связано с образами мифологии и религии: *красив как бог, как херувим, как ангел, как черт*. Эстетической оценке, содержащейся в семантике данных единиц, сопутствует оценка этическая: *ангельская красот*а подразумевает одухотворенность, доброту, нежность; *демоническая* — разрушительной силы чувственную телесность; *всем взял; всё при нём; красив, как наливное яблочко; как картинка; глаз не оторвёшь; глаз радует; во всей красе* (строен и красив, умен и добр и т. п); *лицо у него — кровь с молоком*.

Некрасивая внешность в русском языке представлена следующими примерами: *страшен как смертный грех; мордой, рылом не вышел; ни кожи, ни рожи; урод уродом; на черта похож;*

вырядится, как пугало; лошадь взглянет — на дыбы встанет; таким лицом только лошадей пугать; с такой рожей сидеть бы под рогожей; сидел бы ты дома да точил веретёна; с такой рожей удавиться можно; на его лице черти горох молотили; с его лица надо бы чешую поскрести; рожа — цвет кирпича (цвет бордо, о краснолицем); рожа — хоть портянки суши; прям, как дуга (о горбатом); плохое дерево в сук растёт; горбатого могила вылечит; прям, будто аршин проглотил (это выражение из речи портных: имеется в виду палка аршинного размера, которой измеряли материю).

Некрасивое лицо человека уподобляется морде животного, попадая в фокус зооморфного описания: *рожей / рылом не вышел, морда кирпича просит, крысиная морда, паучьи глазки.*

Большинство фразеологических единиц, которые не имеют гендерной дифференциации, содержат в своей семантике свойство «радовать глаз», «ласкать» и «привлекать взгляд» [3, с. 81].

Анализ фразеологических единиц, характеризующих возраст человека, показывает, что образ старого человека в русском языке передается через бороду, молодого — через молоко. Восприятие возраста человека в свете национальной психологии получило отражение, например, во фразеологизме *песок сыплется*, в котором закрепились ассоциации с ветхим, прохудившимся мешком (из мешка высыпается его содержимое — из старого человека так же «уходит» жизнь; *еще усы не появились* в значении «молодой» (усы – признак взрослого мужчины).

Фразеосемантическое поле
«Человек как носитель определённых признаков».

Во фразеосемантическом поле «человек как носитель каких-либо признаков» объединяются фразеологические единицы со значением качественной оценки человека.

Характеристика качеств человека может воплощаться в бинарных оппозициях: умный — глупый, хитрый — простодушный, добрый — злой, богатый — бедный, энергичный — ленивый. А также в парадигмах фразеологизмов, называющих только какое-либо отрицательное или положительное свойство (обидчивый;

услужливый, подхалим; скупой; вспыльчивый; гордый; благородный) [7, с. 120].

Человек — личность, наделенная различными качествами, чертами характера. Во фразеологии человек характеризуется как положительно, так и отрицательно. В составе русских фразеологизмов зачастую отсутствует сам компонент *человек*, его заменяет субстантивированное прилагательное, через которое и дается характеристика человека [13, с. 28]. Положительные качества — это доброта, мудрость, храбрость, отвага, щедрость, твердость данного слова, энергичность, а отрицательные качества – это лень, бедность, забитость, излишняя покорность. Как видим, в оценке качеств и черт человека выделяются свойства, типичные для духовно-нравственных норм общества. Достойно быть добрым, мудрым, щедрым, плохо быть ленивым, скупым, глупым. Например: *умный в гору не пойдёт; бойкий скачет, а смирный плачет; сытый голодному не товарищ.*

Наряду с эквивалентными единицами как в плане содержания, так и в плане выражения, имеют место фразеологизмы, описывающие понятия «работать — бездельничать» с опорой на национальные реалии, которые отражают уклад жизни народа: *захочешь добра — убьёшь бобра; захочет кобыла овса, вывезет и в гору; хочешь есть калачи, не сиди на печи; сидя на печке, не заработаешь и на свечки; у лентяя Федорки всегда отговорки.*

Анализ фразеологических единиц, характеризующих личностные качества характера человека, показал, что нередко используются зооморфизмы. Например, в русском языке почти любое из названий представителей животного мира (домашних животных, диких зверей, птиц, насекомых и др.) может быть использовано как оценочная характеристика человека (*медведь, лиса, осёл, обезьяна, паук, тюлень, петух* и т. д.), и потому далеко не все фразеологизмы, включающие в качестве компонента такое название, легко и свободно редуцируются в слово, хотя препятствий со стороны мотивированности нет: *белая ворона* — «человек, резко выделяющийся чем-либо среди окружающих его людей, отличающийся чем-либо, не похожий на них» и *ворона* — «о нерасторопном, неловком и рассеянном человеке»; *мокрая курица* – 1. «о человеке, имеющем жалкий вид», 2. «о безвольном,

бесхарактерном человеке» и *курица* – «о человеке недалёкого ума, неширокого кругозора, ограниченных интересов»; *заблудшая овца (овечка)* — «человек, сбившийся с правильного жизненного пути» и *овца* — «о робком человеке»; *буриданов осёл* — «крайне нерешительный человек, колеблющийся в выборе между двумя равноценными решениями и т.п.» и *осёл* — «о глупом, тупом, упрямом человеке».

Зооморфизмы, используемые для эмоционально-оценочной характеристики людей, давно уже привлекают внимание исследователей, поскольку животные с незапамятных времён играют важную роль в хозяйственно-экономической жизни и традициях носителей языка, и повадки животных легко переносятся на человека.

Фразеосемантическое поле
«Человек: мужчина / женщина / ребёнок».

Мир человека — он сам, его семья, его быт, социум, интеллектуальная и физическая деятельность, поэтому образ человека передается через фразеологизмы, закрепившие в своей семантике характеристику универсальных биологических, социальных, культурных свойств человека. Они различаются по частотности, но используются как компоненты ФЕ во всех языках.

Фразеологические единицы фразеосемантического поля «человек-мужчина / женщина / ребёнок (социально обусловленные характеристики)» ярко отражают социальные качества человека, к которым относится его происхождение и семейное положение, социальный ранг, взаимоотношения с членами своего коллектива. Например: *муж голова, а жена – шея; отец сына умнее — радость, а брат брата — зависть; в девках сижено — горе мыкано, замуж выдано — вдвое прибыло; курица не птица, баба не человек; в семи бабах половина козьей души; маленький ангел, голубой ангел (о детях).*

Выводы

Итак, если представить окружающую действительность в виде целостной иерархически организованной структуры, то прием структурно-семантического (полевого) исследования лингвистического континуума в общем виде подчиняться таким факторам: классификация должна опираться на полную, логически обусловленную схему, которая будет подчеркивать существование целостной «ткани» языковой картины мира, в которой каждая единица будет занимать соответствующее место выражения; основной единицей идеографической классификации избирается семантический класс, признаки которого нейтрализуются в определенных контекстах; отношение между классами отображаются схемой классификации понятий; классификация фразеологии/лексики оперирует словами-понятиями, а не многозначными словами (высказываниями); в процессе отнесенности слова до определенного семантического класса следует обращать внимание на явление гиперболизации значений слов, наличие «диффузности» в его пределах; в выделенных тематических группах слов.

Теория поля в лингвистике является примером системного подхода к изучению экстралингвистической природы языковой действительности. Полевой метод исследования позволяет точно и полно представить фактический материал как одной, так и разных языков в совокупности его связей и отношений, дает возможность увидеть объективную картину семантического пространства языка и смысловых ассоциаций.

К концу XX века лингвисты пришли к выводу, что носитель языка — это носитель определенных концептуальных систем. Концепты несут ментальные сущности. В каждом концепте сведены воедино принципиально важные для человека знания о мире и вместе с тем отброшены несущественные представления. Система концептов образует картину мира (мировидение, мировосприятие), в которой отражается понимание человеком реальности, ее особый концептуальный рисунок, на основе которого человек понимает мир. Экспликация процесса концептуализации и содержания концепта доступна только лингвисту, который сам является носителем этого языка.

Таким образом, на рубеже тысячелетий на первый план в лингвистике выходит проблема ментального, ибо концепты — ментальные сущности.

Теория концепта, которая рассматривается в европейской философии на протяжении веков (особенно с XIV века), лишь частично касается латинского корня – conceptus «понятие». В этом значении термин используется в точных науках. Сегодня оно получило новый импульс в языкознании, этнологии, этнографии, а также во всех дисциплинах гуманитарного цикла. Выделение области национальных концептов, образующих концептосферу, или национальный культурный мир, позволяет с определенной долей уверенности разграничивать «свое» от «чужого». Изучение языка с помощью концептов – один из плодотворных путей современной методики, который опирается на возможности межкультурной коммуникации.

Сказанное выше говорит о том, что найдено единственную вероятную дорогу в мир человеческой культуры.

Для современной науки интерес представляет уже не просто человек, а личность, т.е. конкретный человек, носитель сознания, языка, обладающий сложным внутренним миром и определенным отношением к судьбе, миру вещей и себе подобным. Он занимает особое положение во Вселенной и на Земле, он постоянно вступает в диалог с миром, самим собой и себе подобными. Созданный по образу и подобию Божьему, он обладает свободой воли. Человек — существо социальное по своей природе, «человеческое в человеке порождается его жизнью в условиях общества, в условиях созданной человечеством культуры» [19, с. 114].

Анализ языкового материала показывает, что образ женщины в русских ФЕ раскрыт намного шире, чем мужчины, однако чаще имеет отрицательную оценку. Иногда называние женщины и мужчины заменяется переносом их качеств на предметы их деятельности или характерологические признаки внешности: семеро топоров под лавкой лежат, а две прялки врозь. Топор как принадлежность мужского труда и прялка как атрибут женской работы олицетворяют мужчин и их уживчивость, и женщин с их вздорностью.

Итак, в русской культуре женщина — это хаос, которому придает порядок мужчина. Пифагор считал, что существует положительный принцип, который создал порядок, свет и мужчину, и отрицательный, который создал хаос, сумерки и женщину. Следовательно, можем предположить, что ребёнок является серединой (балансом) между ними, пока сам не становится одной из сторон (мужчиной или женщиной), достигая определённого возраста.

В Евангелии Иисус ни словом не унизил женщину, а апостол Павел в своих посланиях и проповедях низвел женщину в подчиненное положение, и эти взгляды стали основой в христианстве. Ребёнка же во всех религиозных книгах обожествляют. Утренняя молитва Ветхозаветного человека гласит: «Благословен Господь, не сотворивший меня женщиной». На этом постулате были выстроены история и философия, язык и религия и т. д., которые могут служить материалом дальнейшего исследования.

Литература

1. Анусевич Я. Лингвистика культуры. Современная проблематика. – Вроцлав, 1995. – С. 10, 11, 63, 67

2. Апресян Ю. Д. Языковая картина мира и системная лексикография. – М., Языки славянских культур. – 2006. – С. 28, 31, 35, 36, 94

3. Аскольдов С. О. Концепт и слово // Рукописная словесность. От теории текстак структуре текста. – М.: Academia, 1997. – С. 81

4. Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. — М.: Индрик, 2007. – С. 63

5. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М., Языки славянской культуры, 2001. — С. 16, 60, 63-64

6. Виттгенштейн Л. Й. Заметки по философии психологии. — М., 2001. – С. 140

7. Воркачев С. Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты. – М., 2001. – С. 57, 120

8. Горошко Е. И. Гендерная проблематика в языкознании. – М., 1993. – С. 8, 89

9. Залевская А. А. Введение в психолингвистику. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. – С. 9

10. Кляйбер Дж. Теория прототипов. – М., 1990. – С. 11, 51, 156

11. Марковский А. В. Теория идентификации. – М., 1990. – С. 87-90

12. Мокиенко В. М. Славянская фразеологія. – М.: Высшая школа, 1989. – С. 25

13. Никитина С. Е. Человек и социум в народных конфессиональных текстах (лексикографический аспект). — М., 2009. – С. 28, 118

14. Пинто де Лима Ж. Новый подход к прототипам: прагматический вигляд на текст. – М., 1995. – С. 84, 117,122

15. Пищальникова В. А. История и теория психолингвистики: Курс лекций. — Ч. 2. : Этнопсихолингвистика. – М., 2007. – С. 75, 76
16. Рош Е. Теория прототипов в лингвистике. – М.: Наука, 1988. – С. 22, 97, 166
17. Рябцева Н. К. Прикладные проблемы переводоведения. Лингвистический аспект. – М., 2013. – С. 74
18. Селиванова Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации Монографическое учебное пособие. – К., 2002. – С. 79
19. Слухай Н.В. Символ в кругу смежных и близкородственных понятий. – К., 2006. – С. 46-48, 64, 114
20. Уфимцева А.А. Опыт изучения лексики как системы. – М., 1962. – С. 6, 85
21. Фрумкина Р. М. Психолингвистика. – М.: Академия, 2006. – С. 123
22. Чернейко Л. О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. – М., 1997. С. 22
23. Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М., 2005. – С. 53

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОНЯТИЙ «СВЕТ» И «ТЬМА»

Клименко Т. А.

Вопрос исследования концепта и слова в современной лингвистике

Традиционная лингвистика исследует процессы, происходящие в языке и его подсистемах, с позиции «внутреннего пространства»,

когнитивная лингвистика фокусирует внимание на соотношении языка и мышления, на процессах познания, на когнитивной способности отдельной личности и других проблемах, связанных с мышлением и познанием. Когнитология как направление, изучающее процессы, методы и приемы получения, обработки, хранения и использования знаний, и как наука о знаниях связывает между собой множество различных наук: психологию, психолингвистику, антропологию, моделирование искусственного интеллекта, философию, лингвистику и нейронауки. Предметом когнитивной науки является устройство и функционирование человеческих знаний, ее центральным понятием является *когниция*, которая представляет собой, восприятие мира, и категоризацию, и мышление, и речь, и воображение, и многие другие психические процессы или их совокупность. Существует множество определений указанного понятия. Так, ряд исследователей определяют когницию как «предзнание», разновидность мыслительных операций, обслуживающих восприятие (в частности, обработку) и продуцирование как знаний, так и языковых выражений для этих знаний. Названный исследователь различает когницию — интуитивный процесс и познание — сферу рассудка.

Наблюдение за окружающим миром осуществляется посредством различных когнитивных каналов, представляющих собой все органы чувств. В этом отношении показательно языковое развитие детей, которые, осваивая родной язык, одновременно формируют довербальную картину мира. В. З. Демьянков приводит пример того, как дети с отсутствующим зрением учатся соотносить реальность и язык. В этом процессе для любого ребенка важно осознавать значимость состояний и событий вокруг себя и научиться действовать соответственно ситуации, но эти процессы у незрячих детей группируются вокруг них самих, поэтому в их речи преобладают лексемы, называющие их собственные действия, извне они называют состояния, которые способны ощутить без зрения. Почему у людей возникают различные точки зрения по поводу, казалось бы, одних и тех же предметов, почему, глядя на, казалось бы, один и тот же предмет, люди видят совершенно различные вещи, почему, слушая, казалось бы, те же звуки, слова и предложения, они слышат и понимают совершенно иное, почему

даже ученые, стремящиеся, казалось бы, к единообразию деятельности, исследуя, казалось бы, тот же объект, на первый взгляд, теми же средствами и методами, получают столь различные результаты?

Индивидуальные пути познания и осмысления окружающей действительности, ее индивидуальная интерпретация говорят о субъективности когнитивных процессов, что немаловажно для современных исследований, которые приобретают направленность на изучение особенностей речевого проявления отдельной языковой личности. Человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений и вовлечен в этот анализ, определяя его перспективы и конечные цели. Он рассматривается со стороны его способности к речевой деятельности, языковой коммуникации — вербализованной совокупности соответствующих языковых знаний. *Языковая личность* как одно из проявлений личности включает в себя совокупность физических и духовных свойств человека», а также совокупность вербального поведения человека, использующего язык как средство общения.

Когнитивный компонент является важной составной частью структуры языковой личности, в которой выделяют три основных компонента: вербально-семантический — обосновывается обращением именно к дискурсу, а не к словарю всего национального языка для наблюдения над особенностями индивидуального лексикона, когнитивный, к которому относятся мышление, познание, речь, и коммуникативно-деятельный или прагматический (в более узком смысле) компонент, вовлекающий в исследовательское поле широкие ценности (т. е. духовные, социально-культурные) и целевые. Личность также сочетает в себе и познающее и познаваемое. Объект и субъект переплетаются и взаимопреобразуются в акте познания. Волей-неволей человек опять приходит к самому себе и во всем, что он видит, рассматривает самого себя. С самого начала своего существования человек представляет зрелище для самого себя. Фактически он уже десятки веков смотрит лишь на себя. Однако он едва лишь начинает обретать научный взгляд на свое значение в физике мира.

С языковой личностью в ее когнитивном аспекте неразрывно связано понятие концепта. По мнению Е. В. Сергеевой, «мы под

концептом понимаем информационную целостность, присутствующую в языковом сознании, воспринимаемую языковой личностью как инвариантное значение ассоциативно-семантического поля и прошедшую означивание, то есть имеющую имя, представленное лексической единицей данного языка» [25, с. 153].

Когнитология — междисциплинарная наука, поэтому исследования и открытия в разных науках оказывают влияние друг на друга. Например, когнитивная лингвистика сформировалась под воздействием работ психологов (С. Палмер, Э. Рош, Д. Слобин,), философов (Д. Деннет, Дж. Сёрль), в области нейронаук на нее повлияли работы А. Дамасио и П. Черчланда. Когнитивная лингвистика изучает механизмы знания о языке и механизмы представления знаний в языке. «Знание как таковое (знание как рефлексивный смысл) обретается в ходе обработки многочисленных актов чистого опыта. В ходе эволюции люди выработали способность к более рафинированному, осознаваемому познанию – к познанию искусственному, метарефлексивному (научно-теоретическому, художественно-эстетическому, философскому)» [11, с. 104]. В рамках когнитивной лингвистики язык рассматривается как общий когнитивный механизм.

В формировании когнитивного взгляда на лингвистику значительную роль сыграли работы западных исследователей-лингвистов Р. Лангакера, Дж. Лакоффа, Ч. Филлмора, А. Вежбицкой; исследователей-концептологов американской и британской школ, таких как Леонард Талми, Р. Джекендофф, Дж. Марголис, К. Лоренц и многих других. Процессы мышления как проявление когниции отображаются в тексте, под текстом мы понимаем «результат говорения или письма, продукт речевой деятельности, основная коммуникативная единица, которой человек пользуется в процессе речевой деятельности. Текст, как правило, обладает единством темы и замысла, относительной законченностью, связностью, цельностью, внутренней структурой — синтаксической (на уровне сложного синтаксического целого и предложения), композиционной и логической, определенной целенаправленной и прагматической установкой. Восприятие текста обеспечивается не только языковыми единицами и их соединениями, но и необходимым общим фоном знаний, его коммуникативными характеристиками.

Поэтому текстовые данные позволяют судить о языке не только с точки зрения его употребления, но и являются данными о соотношении языка и образа мышления его носителей [17, с. 19]. Любой текст всегда носит отпечаток когнитивной деятельности автора, в нем отражаются биологические, социальные и личностные качества индивидуума, процессы и результаты его мышления, в нем как «в компоненте человеческого сознания» [5, с. 56] находят свое отражение концепты, «самые важные из них кодируются именно в языке» [15, с. 91]. Концепты возникают в сознании человека не только на основе словарных значений слов, но и на основе личного и народного культурно-исторического опыта, и чем богаче этот опыт, тем шире границы концепта, тем шире возможности для возникновения эмоциональной ауры слова, в которой находят свое отражение все стороны концепта. Мы имеем в виду такие культурно значимые концепты, как «любовь», «вера», «грех», «закон», «радость», «семья», «зло» и другие.

Понятие «концепт» является одним из центральных понятий когнитивной лингвистики, оно берет свое начало в рассуждениях средневековых философов об универсалиях – «общих понятиях»: «Философская проблема онтологического и гносеологического статуса универсалий предполагает выяснение того, что такое реальное бытие, каким образом существует идеальное, как возможно рациональное понятийное познание, как соотносятся мышление и действительность, общее и единичное» [26, с. 672]. В Средние века в вопросе изучения «общих понятий» наметилось три направления развития философской мысли: номинализм, реализм и концептуализм. В современных рассуждения о природе концепта также в определенной мере отражаются взгляды средневековых мыслителей: «Концепт — это одновременно и индивидуальное представление, и общность» [6, с. 6]. Концепт в философии – это содержание понятия, смысловое значение языкового знака, которое отличается от его денотата и отождествляется с понятием и сигнификатом.

Одним из первых, кто ввел понятие «концепт» в систему гуманитарного знания, был С. А. Аскольдов-Алексеев; он определяет концепт как «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того

же рода» [2, с. 269]. Э. Сепир рассматривает термин «концепт» с точки зрения дескриптивизма: «Особенно важно подчеркнуть то обстоятельство, что он не должен пониматься в психологическом смысле, то есть как относящийся к процессу воображения, мышления, понимания и т. п., он скорее должен пониматься как термин, который относится к чему-то объективному, находящемуся в природе и выражаемому в языке десигнатором, не имеющим формы предложения» [9, с. 55].

В современный период развития научной мысли понятие «концепт» рассматривается в рамках нескольких подходов: «Существующие в лингвистике подходы к пониманию концепта сводятся к лингвокогнитивному и лингвокультурному осмыслению этих явлений» [8, с. 96]. Исследователь С. Г. Воркачев также говорит об общесемиотическом подходе к изучению концепта как знака: «Из признания концепта планом содержания языкового знака следует, что он включает в себя, помимо предметной отнесенности, всю коммуникативно значимую информацию. Прежде всего, это указание на место, занимаемое этим знаком в лексической системе языке: его парадигматические, синтагматические и словообразовательные связи» [4]. Исследователи Ю. С. Степанов, В. И. Карасик, С. Г. Воркачев, В. Г. Зусман, являясь представителями лингвокультурологического подхода к изучению концепта, считают, что «основной единицей лингвокультурологии является культурный концепт – многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» [8, с. 91]. Суть указанного подхода заключается в том, «что концепт признается базовой единицей культуры, ее концентратом» [8, с. 97].

Концепт, согласно В. А. Масловой, — основная ячейка культуры в ментальном мире человека [18]. Культурными концептами становятся только те коллективные представления о явлениях действительности, которые актуальны и ценны для данной культуры, имеют большое количество языковых единиц для своей фиксации и хранятся в духовной памяти народа. Академик Ю. С. Степанов рассматривает культуру как совокупность концептов: «Культура — совокупность концептов и отношений между ними, выражающихся в различных «рядах» (прежде всего в «эволюционных семиотических рядах», а также в «парадигмах», «стилях»,

«изоглоссах», «рангах», «константах» и т.д.); надо только помнить, что нет ни «чисто духовных», ни «чисто материальных» рядов» [22, с. 40]. Указанный ученый рассматривает сам концепт («Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [22, с. 43]) и его строение в тесной связи с культурной средой: «Концепт имеет «слоистое» строение и разные слои являются результатом, «осадком» культурной жизни разных эпох» [22, с. 49].

В. Г. Зусман понимает концепт как «одновременно и индивидуальное представление и общность…, что сближает его с художественным образом, заключающим в себе обобщающие и конкретно-чувственные моменты; смысловое колебание между понятийным и чувственным, образным полюсами делает концепт гибкой, универсальной структурой, способной реализовываться в дискурсах разного типа» [6, с. 6].

Представителями когнитивного подхода к исследованию концепта являются Е. С. Кубрякова, Т. Г. Межибо, Р. Якобсон и многие другие ученые. С точки зрения когнитивной лингвистики, «концепт понимается как заместитель понятия, …как индивидуальный смысл в отличие от коллективного, словарно закрепленного значения; совокупность концептов образует концептосферу данного народа и соответственно данного языка» [7, с. 97]. По мнению Р. Якобсона, концепт как «ментально-психонетический комплекс» включает в себя «вербальные и невербальные знания об объекте, его оценку, коррелирующую с образами, чувствованиями, ощущениями, интуицией, трансценденцией и коллективным бессознательным» [28, с. 248]. Е. С. Кубрякова определяет концепт как «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [13, с. 90].

Различные подходы к пониманию концепта могут взаимодополнять друг друга, придавая исследованию многомерность: «Концепт как ментальное образование в сознании индивида есть выход на концептосферу социума, т.е. в конечном счете, на культуру,

а концепт как единица культуры есть фиксация коллективного опыта, который становится достоянием индивида. Иначе говоря, эти подходы различаются векторами по отношению к индивиду: лингвокогнитивный концепт — это направление от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурный концепт – это направление от культуры к индивидуальному сознанию» [8, с. 97].

Концепты возможно выразить и другими средствами искусства, такими, как танец, музыка, живопись, однако основной формой их репрезентации является все же язык. Он средство выражения и передачи мысли, так как связан с мышлением. Однако прямого соответствия между единицами языка и мышления нет, поэтому одна и та же мысль может быть оформлена различными языковыми средствами.

Разнообразие понимания концепта приводит к существованию различных классификаций существующих концептов. В зависимости от вербальной выраженности концепта С. А. Аскольдов-Алексеев различает художественные и познавательные концепты. Первым присуща образность, иррациональность, индивидуальность, так как художественная литература, в отличие от научной, воздействует на чувства читателя. «Художник вызывает в уме воспринимающего по преимуществу образы (т. е. те же представления), а не понятия, и они-то и производят эмоциональный эффект» [2, с. 267]. К познавательным концептам «не примешиваются чувства, желания, вообще иррациональное» [2, с. 274], но «концепты познавательного характера только на первый взгляд совершенно чужды поэзии. На самом деле они словно подземными корнями питают своими смысловыми значениями иррациональную и неопределенную стихию поэтических слов и приемов» [2, с. 268]. С.А. Аскольдов-Алексеев полагает, что «все художественные восприятия имеют характер концептов, хотя и лишенных логической устойчивости» [2, с. 268].

Т. А. Космеда отмечает, что концепты познания являются своеобразными универсалиями, тогда как художественные концепты выражают особенное видение и понимание мира отдельной языковой личностью [12, с. 153]. Мы понимаем познавательные концепты, как общее, то, в чем содержится

культурологическая информация и что лишено субъективности. Отличительным признаком познавательных концептов как ментальных сущностей является наличие ценностной составляющей, такого мнения придерживаются Ю. С. Степанов, Ю. Н. Караулов, Н. Д. Арутюнова, А. Вежбицкая. Данный вид концептов обычно выражается абстрактными словами, например, «грех», «беззаконие», «свои» и «чужие». Н. И. Сукаленко пишет о концепте: «Нередко собеседникам достаточно полунамека, воплощенного в языковую плоть концепта, чтоб догадаться, о чем идет речь. Но, с другой стороны, когда возникает необходимость в дешифровке подобных концептов, выясняется, что необычайно сложно анализировать не только глубоко индивидуальные представления, но и коллективные, собирательные» [24, с. 17].

В соответствии с классификацией В. И. Карасика, выделяются индивидуальные (персональные, авторские) концепты, которые формируются на основании личного опыта автора, и общие (коллективные) концепты, которые формируются на основании опыта какой-либо группы людей.

При исследовании любого концепта встает вопрос его языкового воплощения, что является важным для последующего описания концепта, которое представляет собой «специальные исследовательские процедуры толкования значения его имени и ближайших обозначений» [8, с. 92]. Та часть концепта, которая представлена в языке, структурируется и описывается различными исследователями по-разному. «Фреймовой моделью, воспроизводящей в лексической системе отношения концепта и его реализаций, являются гипонимические, родо-видовые структуры» [4].

Исследователь Т. Г. Межибо определяет структуру концепта и сам концепт «как оперативную структурированную единицу сознания, образование, обладающее четкой внутренней структурой, подчиненной ряду исходных принципов: выделяются ядро и периферия, относящиеся к плану содержания концепта, и его план выражения, репрезентированный в своих вариативных формах, зачастую зависящих от плана содержания концепта, от коммуникативных возможностей и потребностей человека. Иногда план выражения концепта, его «внешний вид» относят к

периферийной области» [16, с. 203]. Исследователь В. И. Карасик выделяет следующие элементы в анализе отдельного концепта: «1) дефинирование — выделяются смысловые признаки, например, категориальный статус, тематическая конкретизация, характеристика, внешняя отрицательная оценка, внутренняя отрицательная оценка, модальность долженствования; 2) контекстуальный анализ — выделяются ассоциативно связанные смысловые признаки; 3) этимологический анализ; 4) паремиологический анализ нормы поведения: следует ценить время, не следует откладывать дела на потом); 5) интервьюирование, анкетирование, комментирование» [8, с. 92]. С. Г. Воркачев обобщает различные подходы к описанию концепта: «В любом случае, концепт, как правило, соотносится более чем с одной лексической единицей, и логическим завершением подобного подхода является его соотнесение с планом выражения всей совокупности разнородных синонимических (собственно лексических, фразеологических в афористических) единств, описывающих его в языке, т. е. в конечном итоге концепт соотносим с планом выражения лексико-семантической парадигмы» [4].

«Чаще всего представительство концепта в языке приписывается слову, а само слово получает статус имени концепта – языкового знака, передающего содержание концепта наиболее полно и адекватно. Однако слово как элемент лексико-семантической системы языка всегда реализуется в составе той или иной лексической парадигмы, что позволяет его интерпретировать как 1) инвариант лексической парадигмы, образованной ЛСФ этого слова; 2) имя смыслового (синонимического) ряда, образованного синонимами, соотносимыми с одним из ЛСВ этого слова» [4]. Имя концепта несет на себе номинативную и содержательную нагрузки, является «медиумом, при помощи которого концепты выражаются – абстрактное, обобщенное и конкретно-чувственное, индивидуальное слово» [6, с. 12].

Философ и филолог А. Ф. Лосев отмечает различие между именем и словом: «Имя, сказали мы, предполагает ту или иную личность. О слове мы можем говорить в отношении любого предмета; об имени же — только в отношении или личности, или вообще личностного предмета» [14, с. 407]. Е. В. Волкова приписывает имени важную роль в сохранении культурной памяти:

«Индивидуальная жизнь сохраняется в родовой исторической памяти через имя, именование. При помощи имени происходит вхождение индивида в родовое культурное целое, без утраты им своей индивидуальности» [3, с. 153]. «В семантический состав концепта входит также и вся прагматическая информация языкового знака, связанная с его экспрессивной и иллокутивной функциями, что вполне согласуется с «переживаемостъю» и «интенсивностью» духовных ценностей. Еще одним, факультативным, но, тем не менее, высоковероятным компонентом семантики языкового концепта является «этимологическая», она же «культурная», она же «когнитивная память слова» — смысловые характеристики языкового знака, связанные с его исконным предназначением, национальным менталитетом и системой духовных ценностей носителей языка» [4].

Для уяснения общего и различного между концептом и словом сравним некоторые дефиниции данных единиц в словарях и научных исследованиях. В научной литературе существует множество определений слова, что связано с неопределенностью самого понятия «слово» как универсального. А. А. Реформатский рассматривает слово как двухстороннюю единицу: «В слове можно различать собственно слово, единицу лексико-семантическую, и лексему — единицу грамматическую. Эти два понятия пересекаются, но полностью не конгруируют. Слово может и линейно, и по составу совпадать с лексемой (*собака*), но может состоять и из нескольких лексем (лексикализованная идиоматика: *чёрт побери*). Но самое главное — это то, что у слова и у лексемы разные планы, а тем самым и разные характеристики» [19, с. 52].

По определению О. С. Ахмановой, слово – это «предельная составляющая предложения, способная непосредственно соотноситься с предметом мысли как обобщенным отражением данного «участка» («кусочка») действительности и направляться (указывать) на эту последнюю; вследствие этого слово приобретает определенные лексические, или вещественные свойства», слово также «потенциальный минимум предложения, рассматриваемый только в синтаксическом плане» [21, с. 422]. В «Базовом словаре лингвистических терминов» слово определяется как «основная номинативная и когнитивная (познавательная) единица языка, которая служит для именования и сообщения знаний о предметах,

признаках, процессах и отношениях реальной действительности, имеет определенную морфологическую оформленность и способна занимать определенную синтаксическую позицию (знаменательные слова) либо включаться в синтаксическую позицию другого слова или быть вне предложения (служебные слова)» [24, с. 120].

В когнитивной лингвистике слово связано с «хранением, использованием, извлечением и доступом к информации, хранящейся в памяти говорящего» [24, с. 120]. Структура слова формируется соотношением трех составляющих: слова, предмета и понятия, в этом треугольнике слово соединено с сигнификатом или понятийной стороной и денотатом — обобщенным образом целого класса предметов, которые этим словом называются. Хотя чаще всего представительство концепта в языке приписывается слову, а само слово получает статус имени концепта, концепт соотносим не с одним словом, а с планом выражения лексико-семантической парадигмы.

Сопоставление концепта и слова осложняется существованием такого свойства слова, как многозначность. Значительная часть слов русского языка является многозначной, развитие значений полисеманта происходит при помощи процессов метафоризации, то есть переноса названия одного предмета, признака или процесса на другой на основании ассоциативной общности свойств. Не являются исключением и слова, лежащие в основе исследуемых нами концептов. В связи с этим мы считаем целесообразным рассмотреть развитие значений слов *свет* и *тьма* на примере их словарных дефиниций из «Словаря русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой; для сравнения мы взяли дефиниции данных слов из «Большого толкового словаря русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова, представленных в таблице А.1.

Таблица А.1.

Лексикографическое представление слов-имен концептов «свет» и «тьма»

Словарь русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой	***Большой толковый словарь русского языка под редакцией С. А. Кузнецова***
Свет	
1. Электромагнитное излучение, воспринимаемое глазом и делающее видимым окружающий мир.	*1. Лучистая энергия (электромагнитные колебания в определенном диапазоне длин волн), воспринимаемая глазом и делающая видимым окружающий мир.*
2.Освещение, характерное для какой-л. части суток.	*2. Место, откуда исходит освещение, освещенное место, пространство, где светло.*
3.Источник освещения и приспособление для освещения в домах и на улицах.	*3. Источник освещения и приспособление для освещения в домах и на улицах*
4. Место, откуда исходит освещение, освещенное место, пространство, где светло.	*4. Разг. Рассвет, восход солнца.*
5. Искл. Светлое место, пятно на картине, передающее наибольшую освещенность какого-л. участка изображаемого пространства.	*5. Иск. Светлое место, пятно на картине, передающее наибольшую освещенность какого-либо участка изображаемого.*
6. перен. Блеск глаз под влиянием какого-л. чувства, радостное, ясное выражение лица.	*6. Блеск глаз под влиянием какого-либо чувства.*
7. перен.: чего. То, что делает ясным, понятным мир, то, что делает радостней, счастливой жизнь // употребляется как символ истины, разума, просвещения или радости, счастья.	*7. Символ истины, разума, просвещения или радость, счастье.*
8. Ласковое, приветливое обращение к кому-л. [35, IV, с.45].	*8. Нар.-поэт. Ласковое, приветливое обращение к кому-либо* [31, с. 1157].
Тьма	
1. Темнота, мрак *темнота – 1. Отсутствие света, освещение; мрак, тьма* [35, IV, с. 351]; *мрак – полное отсутствие света, освещения; тьма, темнота* [35, II, с. 307].	*1. Темнота, мрак // О чем-л. неизвестном, недоступном сознанию // О неизвестности, безвестности кого-л, чего-л. // о состоянии слепоты.*
2. Неведение, невежественность, культурная отсталость [35, IV, с. 433]	*2. Книжн. Невежество, культурная отсталость* [31, с. 1356].

Таким образом, словарная дефиниция полисемантичного слова *свет* насчитывает 8 значений в обоих словарях, однако его семантическая структура отражает различный характер развития

структуры формирования лексико-семантических вариантов. Ниже представлены рисунки развития лексико-семантических вариантов *света* от прямого значения.

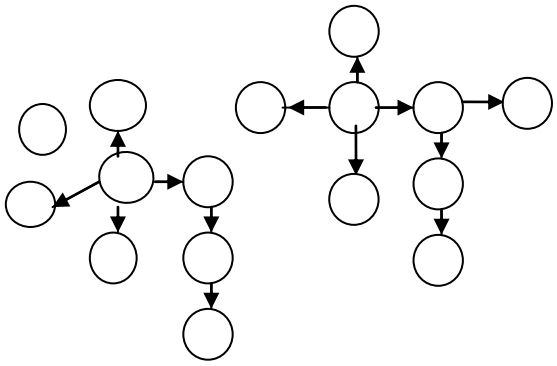

Рисунок 1 (а) *Рисунок 1 (б)*

Рисунок 2 (а) *Рисунок 2 (б)*

На рисунках мы видим, что в обоих словарях полисемия совмещает два варианта развития значений: когда последующие значения мотивируются прямым значением слова (рис. 1а: 1-2, 1-3, 1-6, 1-7, 1-8 и рис. 1б: 1-2, 1-6, 1-7, 1-8, 2-5) и когда каждое последующее значение зависит от предыдущего (рис. 1а: 1-3-4-5, и рис. 1б: 1-2-3-4), при этом чаще всего наблюдается перенос, посредством которого целое выявляется через свою часть (родо-видовые отношения) или наоборот.

В структуре слова *тьма* всего 2 лексико-семантических варианта (рис. 2); второе значение мотивируется первым на основании сопоставления значений: *тьма//незнание//культурная отсталость*.

Мы считаем целесообразным отметить ту роль, которую играют метафора и метонимия в формировании значений слова. Метафора — «постоянный рассадник аналогичного в языке, — позволяет сравнивать несопоставимое – конкретное и абстрактное, одушевленное и неодушевленное, время и пространство» [1, с. 341]. Процессы, происходящие внутри значения слова при его

метафоризации, определяют как «перенос наименования того или иного предмета или явления на другой предмет или явление на основании их сходства по форме, внешнему виду, положению» [17, с. 94]. Примером к сказанному может служить следующая метафора, основанная на сходстве формы *(шар света; колонна света);* на сходстве звучания (*тонко звезды позванивают в эфире* [30, с. 54]); на сходстве восприятия (*свет померк в глазах; злой блеск глаз*).

В «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой в слове *свет* мы видим, как гиперсема «лучистая энергия» из лексико-семантического варианта 1 (ЛСВ 1) переходит в ЛСВ 6, формируя новое значение слова *свет* на основании переноса по сходству впечатлений: *электромагнитное излучение* (свет луны)→ *блеск глаз под влиянием какого-л. чувства* (свет глаз): *Поджечь огнем своих счастливых глаз!*» [30, с. 129]. «Главная роль в процессе метафоризации принадлежит основным семантическим категориям имени существительного – одушевленности и неодушевленности» и сводится к схеме:

«I. Соотношения в пределах одной категории: 1) на месте неодушевленного существительного одной семантической группы *(зерна пшеницы, стальное перо, гаснут огни)* выступает также неодушевленное существительное, но другой семантической группы (*зерна огня, стальное небо, гаснут роднички*); 2) на месте одушевленного существительного одной семантической группы (*деловитый человек, озорничали дети*) выступает также одушевленное существительное, но другой семантической группы (*деловитые грачи, озорничали воробьи*).

II. Соотношения, выходящие за пределы одной и той же категории: 1) на месте одушевленного существительного (*робкие девочки, воет собака*) — неодушевленные (*робкие звездочки, воет ветер*); 2) на месте неодушевленного существительного (*золотой перстень, расцвели розы*) —одушевленное (*золотой человек, Леночка расцвела*)» [27, с. 38].

В зависимости от процессов, происходящих при метафоризации значения того или иного слова, различают номинативную, образную и когнитивную метафору. Значение номинативной метафоры стерто из-за утраты связи между прямым и переносным значениями,

например, глаголы движения, которые указывают на перемещение светила по небосводу: «*Светало, а солнце не шло*» [29, с. 140]. «Номинативная метафора часто порождает омонимию» [28, с. 296]. Образная метафора возникает при осмыслении объектов реального мира с помощью органов чувств на основе ассоциации: «*Во мгле акварели*» [36, с. 37]. «Образная метафора вводит в язык синонимы» [28, с. 296]. Когнитивная метафора возникает как мыслительное отражение общности каких-либо свойств. В зависимости от истории возникновения различают языковые и художественные метафоры. Языковая метафора отличается воспроизводимостью, зафиксированной словарями, у нее, в отличие от художественной метафоры нет автора.

Н. Д. Арутюнова полагает, что метафора выполняет характеризующую функцию, осуществляющуюся посредством значения слова, тогда как метонимия выполняет идентифицирующую функцию, которая осуществляется через референцию имени [1, с. 32].

Метафора и сравнение находятся по отношению друг к другу в системной связи, различие между ними заключается в формальных и семантических показателях механизмов их создания. Например, исключение из сравнения компаративной связки считается одним из основных приемов создания метафоры: *Эта девочка похожа на куклу — Эта девочка как кукла — Эта девочка — настоящая кукла*. Если сравнение указывает на подобие одного объекта другому по какому-либо признаку, который в зависимости от речевой ситуации может быть различным, то «метафора отражает устойчивое подобие, раскрывающее сущность предмета» [1, с. 27]. Конструкция сравнения логически двучленна, в ней выделяется субъект и объект сравнения, каждый член конструкции используется в прямом значении. Субъектом сравнения выступает определяемое слово, какое-либо качество, свойство, действие которого сравнивается с каким-либо качеством свойством или действием объекта сравнения [27, с. 81]. Средствами грамматического оформления сравнения, помимо компаративной связки, выраженной союзами *как, точно, словно, будто, как будто*, служит сравнительная степень прилагательных или наречий «*Правда светлее солнца*» [34]; форма творительного падежа — так называемый «творительный сравнения»: «*Вышла луна*

и безмолвным свидетелем стоит сбоку, сопровождая бег «Капитолины»» [32, с. 185]; а также сравнительные придаточные предложения, вводимые различными союзами: «*Сверкнул язык, тонкий, раздвоенный, пылающий, как газовая горелка*» [33, с. 140].

В энциклопедической литературе сопоставления не относят к разряду сравнений: «от сравнений, имеющих достаточно определенную грамматическую структуру, следует отличать разного рода сопоставления, которые сравнениями не являются, например: будущее сопоставляется с сияньем и облачком, так как герой видит в будущем надежду: «*И то, будущее, мне представляется вроде голубиного сиянья, облачка вечернего*» [32, с. 58]; однако некоторые исследователи, например Н. Д. Арутюнова, относит сопоставления с предикативными связками *подобен, сходен, похож, напоминает* к сравнениям.

На смежности ассоциаций основан метонимический перенос в значении слова, метонимия «возникает путем разрушения субстантивного словосочетания — путем вытеснения главного или зависимого члена конструкции», например: *сесть ближе к свету* (свет лампы → свет).

Синекдоха как разновидность метонимии основана на «перенесении значения с одного явления на другое по признаку количественного отношения между ними (часть вместо целого, единственное число вместо множественного числа)» [23, с. 461]: *горящие фонарики и свечи на елке — сияющая елка.* Этот тип метонимии может использоваться в целях выделения разных сторон или функций объекта, однако основная функция синекдохи состоит в идентификации объекта через указание на характерную для него деталь, отличительный признак, поэтому в ее состав часто входят определения.

Связи лексико-семантических вариантов слова между собой «того же порядка, что связи понятий. Понятия не существуют порознь, а, напротив, связаны множественными связями, организующими их в структуре сознания» [10, с. 83].

Таким образом, если структурировать языковое воплощение концепта, формально мы можем увидеть поле с именем концепта в ядерной части, где различные значения имени концепта отражают его содержательное ядро; и периферию, которая заполняется

ассоциативными, коннотативными, «приращенными» значениями лексемы, ее различными прагматическими составляющими, а также в области периферии возникают цепочки концептов, «которые порождают образные коммуникативные системы, характеризующиеся открытостью, потенциальностью, динамичностью» [6, с. 14]. Характеристику периферии в структуре значений концепта можно дополнить «чувственным тоном» Э. Сепира: «У большинства слов, как вообще у всех элементов сознания, есть свой побочный чувственный тон; он как бы психологический нарост на самом теле слова» [20, с. 32]. На наш взгляд, Э. Сепир называет «чувственным тоном» проявление индивидуальной составляющей языковой личности автора: «Художнику то и дело приходится бороться с прилепившимся к слову чувственным тоном, приходится возвращать слову его чистое концептуальное значение, добиваясь чувственного эффекта творческим путем, путем индивидуального сочетания понятий и образов» [20, с. 33].

Итак, в современной науке о языке понятие «концепт» широко рассматривается в когнитивном и лингвокультурологическом аспектах. Формальный объем концепта охватывает различные языковые единицы, как средства номинации, так и всевозможные образные средства.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс : Вступ. статья // Теория метафоры : [сб. научн. работ / общ. ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журинской]. – М. : Прогресс, 1990 – С. 5–32.
2. Аскольдов-Алексеев С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / [сб. научн. работ / научн. ред. В. Н. Нерознак]. – М. : Academia, 1997. – С. 267 – 279.
3. Булатова А. П. Концептуализация знания в искусствоведческом дискурсе / А. П. Булатова // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – М., 1999. – № 4. – С. 34 – 49.
4. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / [пер с нем.] / Карл Бюлер. – М. : Просвещение, 1993. – 528 с.
5. Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. — М. : Наука, 1988. – 200 с.

6. Даниленко В. П. Лингвистическая (идеографическая) картина мира // Основы духовной культуры в картинах мира [Электронный ресурс] / Валерий Петрович Даниленко – Режим доступа: http://www.islu.ru/danilenko/kartiny/kartin.htm.

7. Даниленко В. П. Языковая картина мира в гипотезе Сепира-Уорфа [Электронный ресурс] / Валерий Петрович Даниленко – Режим доступа: http://www.islu.ru/danilenko/articles/sepirkart.htm.

8. Даниленко В. П. Научная картина мира [Электронный ресурс] / Валерий Петрович Даниленко – Режим доступа: http://www.islu.ru/danilenko/articles/nauchnkart.htm.

9. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация : [авторский сборник] / Тён Адрианус ван Дейк; [пер. с нидерл. М. Дмитровская, С. Сухомлинова, С. Ромашко и др.]. – М. : БГК Им. И. А. Бодуэна Де Куртенэ, 2000. – 310 с. – (Корпус гуманитарных дисциплин).

10. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания, 1994. – № 4. – С. 17–33.

11. Занглигер В. Ф. Русские пословицы и их отбор для активного усвоения студентами-русистами болгарских вузов : автореф. дис. доктора пед. наук : спец. 10.02.02 «Російська мова» / В. Ф. Занглигер – София, 2005. – 20 с.

12. Карский Е. Ф. Труды по белорусскому и другим славянским языкам / Отв. ред. В. И. Борковский. / Евфимий Фёдорович Карский. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – 712 с.

13. Кезина С. В. Семантическое поле как система / С. В. Кезина // Филологические науки. – 2004. – № 4. – С. 79–86.

14. Когнитивные модели дискурса [Электронный ресурс] : статья / Н. Н. Белозерова // Language and Literature. – 2003. – № 19. – С. 8. – Режим доступа к журн.: http: //www.utmn.ru/frgf/journal.htm, 2003.

15. Левонтина И. Б. *Речь* v.s. *язык* в современном русском языке // Язык о языке : [сб. статей / под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой] – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 271–289.

16. Летаева Л. А. / Людмила Александровна Летаева / Русская ментальность и национальный характер в отечественной и зарубежной русистике // Вестник Тюменского государственного университета. – 2006. – № 2. – С. 233–239.

17. Литературный энциклопедический словарь под ред. В. М. Кожевникова и П. А. Николаева. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – 752 с.

18. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику : Учебное пособие / В.А.Маслова. М.: Флинта, 2004 – 296 с.

19. Махлина С. Т. Семиотика культуры и искусства : Словарь-справочник / Светлана Тевельевна Махлина – СПб : Композитор, 2003. – 264 с. (Словарь-справочник : в 2-х кн. : кн. 2)

20. Научная электронная библиотека / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http//www.library.by

21. Новосельцева В. А. Концепт как объект анализа в процессе изучения авторской картины мира / В. А. Новосельцева // Текст в системе высшего профессионального образования: Материалы 1-й международной научно-практической конференции 15 – 17 сентября 2003. – Таганрог, 2003. – С. 9–17.

22. Попко Л. П. Неологизация в языке как трансляция культурно-лингвистической национальной ментальности. Монография / Л. П. Попко – К. : ГАРККиИ, 2007. – 360 с.

23. Попова З. Д. Концептуальная природа абстрактных понятий / З. Д. Попова // Вестник ВГУ. – Серия: Гуманитарные науки. – 2003. – № 1. – С. 132–141.
24. Прецедентное высказывание и прецедентное имя как символы прецедентных феноменов / [Захаренко И. В., Красных В. В., Гудков Д. Б., Багаева Д. В.] ; под ред. В. В. Красных, А. И. Изотова // Язык, сознание, коммуникация. – М. : Филология, 1997. – Вып. 1. – С. 82–103.
25. Сергеева Е. В. Лексическая экспликация концепта «религия» в русском языке / Е. В. Сергеева // Политическая лингвистика. – Выпуск (2) 22. – Екатеринбург, 2007. – С. 151–165.
26. Серл Джон Открывая сознание заново / [Перевод с английского А. Ф. Грязнова] / Серл Джон – М. : Идея-Пресс, 2002. – 256 с.
27. Сеченов И. М. Избранные произведения: в 2 т. / Иван Михайлович Сеченов – М.: Издательство академии наук СССР. – Т. 1: Физиология и психология. – 1952. – 772 с.
28. Тахо-Годи А. А. Греческая культура в мифах, символах и терминах / А. А. Тахо-Годи, А. Ф. Лосев – Санкт-Петербург : Алетейе, 1999. – 718 с.
29. Текст [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.aggregateria.com/T/tekst.html
30. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия . – М. : Наука, 1986. – 298 с.
31. Толстой Н. И. Имя в контексте народной культуры / Н. И Толстой., С. М. Толстая // Язык о языке / [глав. ред. Н. Д. Арутюнова] – М. : , 2000. – С. 597–622.
32. Уфимцева А. А. Типы словесных знаков / А. А. Уфимцева – М. : Наука, 1971. – 206 с.
33. Философский словарь / К. : АСК, 2006. – 1056 с.
34. Фомин А. П. Культура как континуум смыслов / А. П. Фомин // Вестник ТГУ. – Вып. 5 (61). – 2008. – С. 595–400.
35. Черемисина М. А. Сравнительные конструкции русского языка / М. А. Черемисина. – Новосибирск : Наука, 1976. – 270 с.
36. Черкасова Е. Т. Опыт лингвистической интерпретации тропов (Метафора) / Е. Т. Черкасова // Вопросы языкознания. – М., 1968. – № 2. – С. 28–38.

СЕМАНТИЧНІ ОСОБЛИВОСТІ АНТИТЕЗИ ТА ЇЇ ВІДТВОРЕННЯ У СКЛАДІ АФОРИЗМІВ В АСПЕКТІ АНГЛО-УКРАЇНСЬКОГО ПЕРЕКЛАДУ

Уманець О., Шепель Ю. О.

У центрі уваги сучасної лінгвістики виявляються проблеми, що пов'язані з відображенням національної культури та історії у мовах. Роль мови у накопиченні культурних здобутків є безумовною та вагомою. При цьому вона як одна з основних ознак нації виявляє культуру народу, який говорить цією мовою, тобто створює національну культуру.

Мова віддзеркалює як матеріальні сторони життя народу – географічне положення, клімат, побут, так і духовні сторони носіїв мови — мораль, систему цінностей, менталітет, національний характер. Як носії національно-культурної інформації, афоризми є відображенням своєрідної взаємодії мовної і культурної семантики, адже афоризми — верхня межа фразеологічності («мовності») і нижня межа тексту (смислу). Афористичні тексти, що є втіленням елементарних смислів у своїй сукупності формують величезне змістовне багатство людської культури. Як дискурсивні, текстотворчі одиниці, афоризми є одиницями концептуальної картини світу і виражають світоглядні концепти індивіда чи етносу.

Мова є складною комунікативною системою, у якій, як і загалом у світі, все має свою неповторну сутність. І лише людина має право володіти нею. Мовлення людини є всеосяжним засобом усвідомлення й вираження всіх ознак людськості в людині, засобом формування та вираження думок, свідомості і незмірно розвиненої духовно-почуттєвої сфери.

Людська мова — це система систем. З одного боку, – це система специфічних національних особливостей, характеристик, ознак. З другого боку, вона складається з інших рівнів, або систем — фонологічної, морфологічної, синтаксичної, стилістичної.

Стилістика становить лінгвістичне вчення про найумотивованіше та найдоцільніше послугування мовою. Це учення про стилі, жанри і форми мови, про такі форми мовлення, як логічність,точність, образність, багатство.

Звертаючись до мовних одиниць, використовуваних у фонетиці, лексикології та граматиці, стилістика в першу чергу висвітлює їх виражальні функції.

Одним з найбагатших засобів стилістики — використання виражальних засобів та стилістичних прийомів.

Зображувальними засобами в стилістиці є всі види образного вживання слів, словосполучень та фонем, поєднуючи всі види переносних найменувань під загальною назвою «тропи».

Підбір і використання тропів і фігур — одне із важливих питань теорії стилю. Образність, емоціональність, привабливість та інші достоїнства мови створюють саме тропи і фігури. Тропи і словесні фігури — це не лише зовнішні прикраси мови, а й один з прекрасних засобів глибокого розкриття змісту твору.

Поняттям «фігури» охоплюються три типи виражальних засобів мови:

- фігури заміни, заміщення;
- фігури сумісності;
- фігури протилежності.

Актуальність дослідження полягає також у необхідності розв'язати питання про статус афоризмів та особливості емоційно-експресивної лексики, що входить до її складу.

Як відомо, проблема мовного статусу крилатих висловів належить до дискусійних. Незважаючи на можливість публікацій видатних лінгвістів (Т. О. Буйницька [5], О. П. Жаровська [13] та ін.), на сьогодні ще недостатньо вивчені проблеми семантики, структури та функціонування крилатих слів.

Стилістичні прийоми фігурпротилежності характеризуються зміщенням в рамках певного контексту двох або більше слів, словосполучень та висловлювань, значення яких протилежні за смислом. Значення цих мовних одиниць є або об'єктивно контрастним, або сприймаються такими учасниками комунікативного акту.

До стилістичних фігур протилежності відноситься ***антитеза*** і ***оксюморон***.

Антитеза — стилістична фігура, побудована на підкресленому протиставленні протилежних думок, понять, образів, значень, що виражені різноманітними мовними одиницями.

Протиставлення понять дає можливість авторові створити надзвичайно виразний, об'ємний образ. Антитеза сприяє змалюванню картин, у яких зіставляються прямі і переносні значення слів, використовується різке і непослідовне зіткнення різнорідних понять.

Антитеза широко використовується в усіх типах мовлення: в художньому, публіцистичному, науковому та повсякденно-побутовому.

Стилістичні функції антитези різноманітні. Вони включають як контрастне протиставлення референтів, так і ритмічну організацію висловлювання.

Отож **метою** статті є аналіз антитези в складі афоризмів та способи її перекладу.

Об'єктом анадізу обрано афоризми англійської мови.

Предметом дослідження стали способи перекладу антитези у складі афоризмів.

Вибір **методів** та **прийомів дослідження** пов'язаний зі специфікою об'єкта дослідження та конкретними завданнями, що обумовлюються темою дослідження.

З цією метою використовується:

- метод вивчення попереднього теоретичного і практичного досвіду;
- лексико-стилістичний та перекладацький аналіз;
- метод порівняння та співставлення тексту-оригіналу та тексту-перекладу.

Особливості та методи перекладу національно-маркованої лексики

Порівнюючи лексичні системи двох і більше мов науковці звертають особливу увагу на безеквівалентну лексику, тобто лексичні одиниці, що не мають точних семантичних відповідників у інших мовах. Переклад безеквівалентної лексики — це частина великої і важливої проблеми передавання національної та історичної самобутності нації, яка сягає самого зародження теорії перекладу як самостійної дисципліни. До безеквівалентної лексики належать слова-реалії (національно-маркована лексика), слова-символи, власні назви тощо.

Однією з найменш вивчених лексичних одиниць у межах безеквівалентної лексики є реалії. Як відомо, у системі значень мови кожного народу відображаються результати досвіду людини, а саме пізнання людиною об'єктивно існуючої дійсності. Саме через відмінні умови життя, клімат, історію, культурні цінності, традиції та звичаї, у кожній мові виникають такі одиниці, що позначають явища та процеси, властиві лише побуту та способу життя конкретного народу. Вони можуть мати свої відповідники, аналоги у близьких чи далеких народів, а можуть взагалі не мати таких. Ось чому аналізуючи труднощі перекладу науковці звертають особливу увагу на переклад слів-реалій [15].

В перекладознавстві часто вказують на тісний зв'язок між перекладом та культурою; В. Снелл-Хорнбі називає переклад міжкультурною подією, К. Фермеер — культурною трансформацією, і тому перекладач має володіти не тільки знанням двох мов, а й двох культур; у цьогоденному перекладознавстві культуру розглядають як «загальні традиції, яким у суспільстві варто слідувати», і як «соціальний фон тексту» [17].

С. І. Влахов та С. П. Флорін пропонують наступні способи передачі реалій [6, с. 181]:

1) Транскрипція або транслітерація – передбачає введення у текст перекладу відповідної реалії за допомогою графічних засобів мови перекладу з максимальним фонетичним наближенням, яке допускають ці засоби, до її оригінальної фонетичної форми. Наприклад, *magenta – маджента; the Blitzkrieg – Бліцкриг; Haydock – Хейдок.*

2) Калькування або напівкалькування – поелементне відтворення структурно-семантичної моделі мови-джерела графемами мови-переймача. Наприклад, *the Nazi régime – нацизм; a policewoman – жінка-поліцейський*.

3) Введення функціонального аналога – досить поширений вид перекладу реалій, пов'язаний із передачею видового поняття мови-джерела родовим поняттям мови-переймача. Наприклад, *the lounge – вітальня; lunch – другий сніданок, a page boy in a hotel – розсильний в готелі.*

4) Описовий переклад – описовий зворот, за допомогою якого явище, предмет, особа, реалія називаються не прямо, а

описово, через характерні їх риси. Наприклад, *I'm a free-lance. – Мені поки що ніхто не віддає наказів; a bungalow – літній будиночок; a tuppenny-halfpenny clerk – дрібний службовець*.

5) Фразеологічний еквівалент. Відтворення соціальної культурної самобутності мовного колективу, викликаної умовами його життя та особливостями історичного розвитку, посідають одне з перших місць на «шкалі неперекладності чи важкоперекладності». Наприклад, *an early riser – рання пташка; bit of a gay dog – хлопець не промах.*

6) Гіперонімічний переклад, тобто переклад безеквівалентної лексики, що враховує видові і родові відносини слів. Наприклад, *the Continent – Європа; toast – хліб; BBC – Радіо.*

Важливим етапом при перекладі етнокультурних реалій (дескрипторів) є трансформація реалій з одного культурного поля в інше, адже системи смислів двох культур майже ніколи не бувають абсолютно симетричними. Необхідно виокремити алгоритм перекладу етнокультурних дескрипторів для часткового віддзеркалення смислу реалій при перекладі національно-маркованої лексики.

Особливістю реалій є те, що у носіїв певної культури і певної мови з ними пов’язуються такі фонові знання та асоціації, які на певному етапі міжнаціональних та міжмовних контактів можуть бути відсутніми у носіїв інших культур і мов. Під час перекладу реалій виникає, з одного боку, потреба підкреслити їх особливий колорит, іноді унікальність, а з другого – певним чином передати їх значення і типові для носіїв мови джерела асоціації, уникаючи, наскільки це можливо, багатослів’я.

Взаємовплив світової та регіональних культур є невід’ємним чинником розвитку сучасного світу. Процес культурогенезу набуває сьогодні все більшої динаміки з подальшою глобалізацією світу та науково-технічним розвитком людства.

При реальному неузгодженні між культурами можна залишити позначення предмета, яке було надане в оригіналі, в перекладі надається пояснення; при формальному неузгодженні використовується заміна на поняття з цільової культури, коли там існує організація зі схожою функцією. Перекладачу – як експерту –

належить в цій транскультурній комунікації подвійна роль, оскільки він, з одного боку, як перший реципієнт, має інтерпретувати вихідне послання в його оригінальному дискурсі, а з другого боку, як вторинний відправник послання за умов вторинної ситуації дискурсу, має його повторно вербалізувати в цільовій мові. При семантичному неузгодженні йдеться про різні, з точки зору культурної специфіки, конотації, які при дослівному перекладі викликають обурливі асоціації й тому вимагають переформулювання.

Антитеза як стилістичний прийом в складі афоризмів

Серед різноманіття стилістичних засобів та прийомів, які сприяють емоційності та виразності мови, особливе місце займає антитеза, як різновид контрасту, де протиставляються поняття та образи для посилення враження від висловленого чи написаного.

Антитеза – це фігура мови, яка відома ще з давніх часів, завдяки активному використанню давньогрецькими і давньоримськими філософами для впливу на слухача. Вона була описана як виразний засіб риторики та ефективний ораторський прийом ще в античних поетиках. На думку О. М. Рижко, в основі антитези лежить філософське розуміння світу як єдності протилежностей, діалектичний розвиток якої йде за законом заперечення заперечень, що дозволяє розширити межі людського мислення, світосприйняття, розкриває новий простір пізнання [9, с. 149].

На думку М. П. Брандес, антитеза – це стилістична фігура, яка побудована на підкресленому протиставленні протилежних понять, явищ, думок, образів та почуттів, в основі якої лежить антонімічна пара, наприклад: *Be it* ***long or short, rough or smooth,*** *we mean to reach our journey's end* (У. Черчилль «The Few»); або співставлення двох понять, що виражені контекстуальними антонімами [4, с. 68]. – *What indeed would be* ***a matter of general complaint*** *would be if we were* ***to prolong the agony of all Europe by allowing*** *food to come in to nourish the Nazis and aid their war effort,* ***or to allow*** *food to go in to the subjugated peoples, which certainly would be* ***pillaged off them*** *by their Nazi conquerors* (У. Черчилль «The Few») [16].

М. Ільченко вважає, що антитезу або протиставлення тлумачать як риторичний прийом, що полягає у драматичному запереченні певної тези чи у вмотивованому контрастуванні смислових значень бінарних образів. Антитеза базується на програмуванні психіки людини на певне світосприйняття і є формою висловлювання протиріччя переважно у бінарних структурах, що характеризуються високим ступенем сугестивності, оскільки бінарні відношення легше сприймаються та обробляються людською свідомістю [16].

В основі антитези лежить контраст, а тому для її вираження в мові часто застосовуються антоніми. П. С. Дудик зауважує, що антоніми належать до важливих і оригінальних художньо-зображувальних засобів мови. «Їх стилістичні функції широкі, розгалужені. Антонімами формується антитеза – мовний зворот, вислів, у якому різко протиставляються думки, явища, риси характеру, поведінки особи тощо з метою посилення враження від мовленого – сказаного чи написаного. Тому антоніми широко використовуються в художньому, науковому, публіцистичному та інших стилях мови; зовсім обмежено вдаються до них в офіційно-діловому мовленні, а також і в народній творчості [12]. Наприклад, *love – hatred, day – night, truth – lies, accurate – inaccurate; active, energetic – inactive, passive; attentive – inattentive; awful, terrible – great, excellent, wonderful; awkward, clumsy – skillful; beautiful, attractive, good-looking, pretty – ugly, best – worst; big, large – little, small, bold, confident – timid, shy, brave, bold – afraid, frightened; bright, colorful – dull, colorless, busy; occupied – free; calm, quiet – noisy, excited; careful, cautious – careless; cheerful – gloomy, clean, neat – dirty; clever – foolish, stupid; cold, cool – hot, warm; comfortable, cozy – uncomfortable; confident, sure – not sure; constructive – destructive, convenient – inconvenient; correct – incorrect, wrong; crazy – reasonable, sensible, cruel, merciless – kind; humane, dangerous – safe; dead – alive; decent – indecent, obscene; deep – shallow; definite, clear – vague, indefinite, delicious; tasty – tasteless, inedible; different – the same, similar* [10].

Антитеза за структурою може бути нерозгорнутою та розгорнутою. За Л. О. Новіковим, перша – це просте протиставлення пари або декількох пар антонімів; у другій – антонімічні слова отримують додаткові визначення, їх зміст, характеристика;

розкриваються, розгортаються семантично за допомогою інших слів (у тому числі антонімів) [7].

Прийом антитези вимагає своєрідної синтаксичної композиції вислову, головними ознаками якої є паралелізм і симетрія. Саме ці ознаки уможливлюють належність антитези до мовно-естетичних категорій.

Отже, антоніми становлять досить численну групу лексем – семантично контрастних, протилежних, водночас широко вживаних і стилістично виразних, здебільшого наснажених очевидною емоційністю. Саме на антонімах будується стилістична фігура антитеза.

Переклад антитези в складі афоризмів

Переклад має справу з системою мовних засобів, особливим чином відібраних та організованих в оригіналі. І ці мовні засоби першотвору потребують відбору та організації засобів тієї мови, якою здійснюється переклад. Практичне завдання перекладу – пошуки способів відтворення оригіналу серед сукупності засобів іншої мови.

Перекладаючи будь-який іншомовний текст, важливу увагу доцільно приділяти дослідженню особливостей мови, стилю, художніх засобів та творчих методів, якими користується автор оригіналу, що, своєю чергою, відіграють важливу роль у розумінні та правильній інтерпретації стилю мовця/автора.

Переклад антитези має двоїсту природу: з одного боку він є продуктом міжлітературної комунікації, але в той же час він багато в чому обумовлює і визначає її. Переклад виконує дві основні функції: інформативну (посередницьку) і творчу. Традиційно вважалося, що основною функцією перекладу є посередницька функція, оскільки теорія перекладу не виходила за межі національно-літературного процесу, або розуміла національно-літературний процес надто прагматично, а значить однобоко.

Для перекладача важливо бачити і розуміти ідіостиль як систему певних компонентів, або метатропів, які в сукупності утворюють певну ієрархічну і при цьому замкнуту систему залежностей, що

породжує авторську модель світу. Під метатропами слід розуміти те семантичне співвідношення адекватності, яке виникає між поверхово різноманітними текстовими явищами різних рівнів в межах певної мовної системи.

До основних засобів перекладу антитези належить **аналог**, наприклад:

- *I know that you believe you understand what you think I said, but I'm not sure you realize that what you heard is not what I meant – Я знаю, що ви вважаєте, що зрозуміли те, що ви думаєте, що я сказав, але я не упевнений, що ви усвідомлюєте: те, що ви почули – не те, що я мав на увазі* [11]. В цьому прикладі афоризм побудований на контрасті того, що мав на увазі мовець, та того, як це зрозумів комунікант або адресат.

✓ *I just broke up with someone and the last thing she said to me was «You'll never find anyone like me again!» I'm thinking, «I should hope not! If I don't want you, why would I want someone like you» – Я тільки що розірвав відносини з однією людиною, і останнє, що вона сказала мені: «Ти ніколи не знайдеш схожу на мене!» Я подумав: «Сподіваюся що ні! Якщо я не хочу тебе, навіщо мені хотіти когось схожого на тебе?»* [11]. Антитеза в наведеному прикладі побудована на протиставленні сприйняття однієї людини – жінки, з якою розірвали стосунки, та іншої людини – чоловіка, який сподівається, що більше ніколи не зустріне подібну їй. Generally the verb *break* стосовно шлюбу має значення: «if a marriage, group of people, or relationship breaks up, the people in it separate and do not live or work together any more: Has Sam really broken up with Lucy?» [13].

✓ *Dogs have Owners, Cats have Staff. – Собаки мають власників, коти – обслуговуючий персонал. – Собаки мають власників, а коти – обслуговуючий персонал* [11]. В цьому афоризмі антитеза побудована на контрасті ієрархії або підпорядкованості один одному.

✓ *It is better to be beautiful than to be good, but it is better to be good than to be ugly. – Краще бути красивим, ніж добрим, але краще бути добрим, ніж потворним* [11]. В основі афоризму лежить контраст фізичної вроди та моральних якостей. З одного боку, автор віддає перевагу зовнішній красі, а з іншого, він зауважує, що краще бути добрим, ніж потворним.

✓ *Borrow money from a pessimist – they don't expect it back. – Візьміть гроші в борг у песиміста вони не очікують, що їх повернуть* [11]. Афоризм містить антитезу, побудованому на семантиці слова *pessimist* – «someone who always expects that bad things will happen» [15]. Відповідно, песиміст не сподівається та краще, а тому не сподівається, що йому повернуть запозичені кошти.

Антитеза в складі афоризмів може перекладатись **описовим методом**, наприклад:

✓ *Absence makes the heart grow fonder. – Розставання примушує серце любити сильніше* [16];

✓ *The absent are never without fault. Nor the present without excuse. – У відсутніх завжди знайдеться яка-небудь вина. Як у присутніх – яке-небудь виправдання* [16];

✓ *A man cannot give what he hasn't got. – Немає суду на «ні»* [44];

✓ *Success comes in cans, failure in can'ts. – Іменник «успіх» утворено від дієслова «можу» іменник «невдача» утворено від дієслова «не можу»* [15]

I can resist anything except temptation. – Спокуса – єдине, перед чим я не можу встояти [12];

✓ *It does not matter how slowly you go so long as you do not stop – Не так важливо, з якою швидкістю рухатися в потрібному напрямку, набагато важливіше не робити зупинок [12];*

✓ *Failure does not mean I have disgraced. It does mean I have dared to try – Невдача – не ганьба, а прояв сміливості й уміння йти на ризик* [14].

Поширеним способом перекладу антитези в афоризмів є **еквівалент:**

✓ *One of the hardest things in life is watching the person you love, love someone else. – Одна з найважчих речей в житті - спостерігати як той, кого ти любиш, любить когось іншого* [43].

✓ *Nobody can go back and start a new beginning, but anyone can start today and make a new ending. – Ніхто не може повернутися назад і почати все з початку, але будь-хто може почати сьогодні і створити нове закінчення* [14].

✓ *Believe in yourself, be strong, never give up no matter what the circumstances are.* ***You are a champion and will overcome the dreaded***

obstacles. Champions take failure as a learning opportunity, so take in all you can, and run with it. *Be your best and don't ever give up. – Вір в себе, будь сильним, ніколи не здавайся ні за яких обставин.* ***Ти переможець, ти пройдеш найважчі випробування. Для переможців невдача, можливість стати сильніше, тому вчися програвати і не забувай про помилки.*** *Будь кращим і ніколи не сумуй* [43].

✓ *One of the greatest discoveries a man makes, one of his great surprises, is* ***to find he can do what he was afraid he could not do****. – Одне з найдивніших відкриттів, які робить людина –* ***це усвідомлення того, що він може зробити те, що він боявся не змогти*** [15];

✓ *You know you love someone when you cannot put into words how they make you feel. – Ви розумієте, що закохані тільки тоді, коли не можете виразити свої відчуття словами* [42];

✓ *I love to see, when you smile. It's makes me happy, don't ask me why... – Мені подобається твоя посмішка. Я щаслива, дивлячись на неї, але нікому не скажу в чому причина...* [12];

✓ *I dont think... I feel... Feel that I love... – Я не замислююся... Я відчуваю... Відчуваю любов...* [14];

✓ *Some people give and forgive and some people get and forget... – Одні люди вміють віддавати і прощати, а другі – давати і забувати* [14].

Також антитеза в складі афоризмів передається в перекладі за допомогою **лексичних і граматичних трансформацій**, наприклад:

✓ *You know, somebody actually complimented me on my driving today. They left a little note on the windscreen, it said «Parking Fine» – Хтось, насправді, похвалив мене сьогодні за водіння. Зауваження, залишене на моєму вітровому склі, свідчило: «чудово припаркувався»* [41]. Антитеза в наведеному афоризмі побудована на основі іронії. Мається на увазі, що людина припаркувалася в недозволеному місці, чим заробила собі штраф. В перекладі спостерігається граматична перестановка, наприклад: *my driving today – мене сьогодні за водіння; Parking Fine – чудово припаркувався.* Окрім того, в цьому афоризмі наявна гра слів «fine – 1. (adjective / прикм.) – very good or of a very high standard; 2. (noun / ім.) – money that you have to pay as a punishment» [14].

✓ *There's no half-singing in the shower, you're either a rock star or an opera diva. – Немає людей, що співають в пів-сили у ванні, ти або рок-зірка або оперна дива* [13]. При перекладі антитези в цьому афоризмі використовується трансформації конкретизації та додавання: *There's no half-singing in the shower – Немає людей, що співають в пів-сили у ванні.* В наведеному фрагменті конкретизуються значення *half-singing* та *shower;* слово *людей* є додаванням.

✓ *Absence diminishes little passions and increases great ones, as wind extinguishes candles and fans a fire. – Розлука ослабляє неглибокі почуття і посилює великі, подібно тому, як вітер гасить свічки і розпалює багаття* [14]. В цьому афоризмі антитезу перекладено за допомогою конкретизації, генералізації та додавання. По-перше, вираз little passions – це конкретизація та генералізація. Слово *little* визначається як «small in size» [14], тобто такий, що має невеликий розмір. В перекладі вживається слово *неглибокий*, що семантично пов'язано з поняттям «невеликий». Слово *passion* навпаки генералізується. *Passion* означає «a very strong feeling of sexual love; a very strong belief or feeling about something; a very strong liking for something». *Пристрасть* – це більш вузьке значення слова почуття. Пристрасть характеризується сильною емоцією. Відповідно в перекладі термін узагальнюється як почуття.

Отже, збереження антитези при перекладі афоризмів напряму залежить від дотримання перекладачем ідіостилю першотвору. З цією метою застосовуються такі, виділені нами, способи перекладу, як перекладацький аналог, еквівалент, описовий переклад та лексико-граматичні трансформації.

Висновки

Мова є вирішальним фактором у розкритті творчої індивідуальності письменника. Ідіостиль письменника зумовлений такими факторами, як національна своєрідність, історичність, індивідуальність тощо. Художній текст несе на собі відбиток авторських уявлень, концепцій, досвіду, ціннісних орієнтирів та

особистісних ознак, які є генетично, культурно та соціально детермінованими.

Практичне дослідження антитези у складі афоризмів дозволило виділити такі способи перекладу, як-от: перекладацький аналог, еквівалент, описовий переклад та лексико-граматичні трансформації.

Народна творчість постійно вдається до засобу антитези для увиразнення думки. Антитеза часто вживається в прислів'ях, приказках, дотепах, каламбурах.

Афоризми виступають найбільш придатним матеріалом для вивчення, тому що вони акумулюють не тільки знання про саме людське сприйняття світу і всі типи відношень суб'єкта до нього, але й передбачають участь цих мовних сутностей разом із їхнім використанням і передачею стереотипів національної культури.

Література

1 Арнольд И. В. Лексикология современного английского язика / И. В. Арнольд. – М.: Изд-во лит.на иностр. языках, 1959. – 352 с.

2 Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.

3 Брандес М. П. Стилистика текста. Теоретический курс / М. П. Брандес – М.: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2004. – 416 с.

4 Буйницька Т. О. Мовностилістична структура афоризмів Е. Канетті / Т. О. Буйницька / Іноземна філологія. Республіканський міжвідомчий збірник. – Львів: Світ, 1996. – С. 50-55.

5 Жаровська О. П. Стилістичні засоби (ресурси) української мови [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://mova.vn.ua/index.php?option=com_content&view=article&id=14:2011-01-04-17-33-29&catid=5:2011-01-04-16-02

6 Зорівчак Р. П. Реалія і переклад / Р. П. Зорівчак. – Львів : Вид-во при Львів. держ. ун-ті, 1989. – 215 с.

7 Мороховский А. Н. Стилистика английского языка / [Воробйова О. П., Лихошерст Н. И., Тимошенко З. В.]. – К., 1991. – 342с.

8 Новиков Л. А. Антонимия в русском языке: Семантический анализ противоположности в лексике / Л. А. Новиков. – М., 1973. – 290 с.

9 Полюга Л. М. Словник антонімів української мови / за ред. Л. С. Паламарчука / Л. М. Полюга – К. : Довіра, 2004. – 275 с

10 Прокопович Ф. П. Про риторичне мистецтво / Ф. П. Прокопович. Філософські твори. К.: Наук. думка, 1979, – 507 с.

11 Рижко О. М. Практична стилістика: навчальний посібник / О. М. Рижко. – К.: НАУ, 2010. – 320 с.

12 Сироткін В.М. Прислів'я та приказки як джерело вивчення етико-правових звичаїв і уявлень українського народу / В. М. Сироткін. // Народна творчість та етнографія. – 1987. – С.39-42.

13 Якимчук А. П. Лінгвокультурна комунікація як випробовування для перекладача / А. П. Якимчук // Вісник Житомирського державного університету імені Івана Франка. – 2007. – Вип. 34. – С. 217-221.

14 Aphorism [Електронний ресурс] / Literary devices. – Режим доступу: http://literarydevices.net/aphorism/

15 Causes of Environmental Law Failures [Електроннийресурс]. – Режимдоступу: http://www.ecovitality.org/badlaw.htm

16 Secret Justice: Judicial Speech [Електроннийресурс]. – Режимдоступу: http://www.rcfp.org/rcfp/orders/docs/SJJUDICIAL.pdf

17 The Churchill Society London [Електроннийресурс]: – Режимдоступу: http://www.churchill-society-london.org.uk/SpchIndx.html

18 The Complete Text Transcripts of Over 100 Barack Obama Speeches [Електронний ресурс]. – Режим доступу: obamaspeeches.com

19 The Five-Forty-Eight [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://elibra.ru/read/356685-the-stories-of-john-cheever.html

20 Absence [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://eng.goodspot.ru/themes/index.php

ТЕОРІЯ ПЕРЕКЛАДУ ТА ПЕРЕКЛАДОЗНАВСТВО

ПЕРЕКЛАД АНГЛОМОВНИХ ПОЕТИЧНИХ ТЕКСТІВ У АСПЕКТІ ПОТЕНЦІЙНОСТІ ДЛЯ СУЧАСНОЇ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ (СЛОВОТВІРНИЙ І ГРАМАТИЧНИЙ АСПЕКТИ)

Власенко О. С., Шепель Ю.О.

1. Українські кореляти прикметників із суфіксом =*able*

Переглянемо розглянуті потенційні явища в області словотворення та граматики, які виникають у мові перекладної поезії через відсутність прямих еквівалентів англійських прикметників з суфіксом =*able*.

Проблеми перекладу слів певного словотвірного класу, утворених за однією словотвірною моделлю, які не ставали об'єктом докладного дослідження в роботах з перекладознавства, хоча можливість розгляду морфеми як одиниці перекладу, а поморфемного перекладу як способу передачі іноземних слів у деяких з них відзначалася [14, с. 89]. Проте традиційно поморфемий переклад виступає тільки як спосіб передачі іншомовних новоутворень. Однак історично він мав більш широке застосування і використовувався і при передачі іншомовних слів, які не мають прямого українського лексичного еквіваленту. Словотворчі кальки при цьому нерідко ставали загальновживаними і поповнювали лексичний склад мови. Часто такі явища набували системного характеру, позначаючи словотвірні лакуни української мови і заповнюючи їх.

В англійській мові суфікс =*able* викриває активну і пасивну семантику: «той, що підходить для дії» і «той, що підходить для того, щоб над ним вчинили дію» [9, с. 175]. У всіх англійських прикметників з цим суфіксом більшою чи меншою мірою виражена модальна семантика можливості або неможливості [2, с. 155]. Ступінь її виразності залежить від ступеня вжитку слова мовою: використовувані слова ідіоматизовані (*suitable dress* — відповідне плаття), у новоутворень ця семантика виходить на перший план (*flirtable, dansable girl* — дівчина, з якою можна фліртувати чи танцювати), що пояснюється такою властивістю потенційних слів, як передбачуваність значення: ці форми семантично прозорі, тобто їхні значення виводяться на основі словотвірного правила, за яким вони утворені [12**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 57].

В англійській мові словотвірна модель з суфіксом =*able* надзвичайно продуктивна і служить для утворення прикметників як від іменників, так і від дієслів [9, с. 175]. Скажімо, І. Плаг зазначає,

що від усіх дієслів можна утворити прикметники шляхом приєднання *=able* [12**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 67].

В українській мові прикметники з суфіксами *=able/=ible* мають пасивне значення і перекладаються за семантичною моделлю «що можливо / може + неозначена форма дієслова»: *movable* — що може пересуватися, пересувний (*movable installation* — пересувна установка); *explainable* — що можна пояснити і зрозуміти, зрозумілий (*explainable mistakes* — зрозумілі помилки).

Такі прикметники звичайно перекладаються двома основними способами:

- Прикметниками: *separable* — роз'ємний, *attainable* — досяжний;
- Підрядним означувальним реченням: *measurable* — що можна виміряти, що вимірюється; *obtainable* — що можна отримати, що отримується.

У реченні прикметники на *=able/=ible* вживаються частіше за все у функціях означення та предикаитва (іменної частини присудка). У функції означення вони перекладаються переважно двома вказаними вище способами [16, с. 140].

Іншомовний суфікс *=бельн=/=абельн=/=ібельн=* приєднується переважно до іншомовних основ (*комфортабельний, контактабельный, презентабельний, рентабельний, транспортабельний*).

Спочатку склад прикметників з цим суфіксом поповнювався запозиченнями з французької та німецької мов, англ. *=able* тільки в застарілому *фешенебельний* (*fashionable*), на сучасному етапі розвитку української мови запозичення приходять головним чином з англійської.

В українську мову слова з цими суфіксами часто переходять з російської. При цьому особливе зростання новоутворень з цими суфіксами відзначається в останні роки: якщо раніше такі слова мали певні іронічні коментарі, промовляння оказіональне, тобто це здебільшого були жартівливі утворення, то зараз такі новоутворення починають більш активно і вільно використовуватись у різних стилях мови. Незважаючи на те, що опанування слів із суфіксом *=бельн=/=абельн=/=ібельн=* неоднакове, сама продуктивність моделі залишається показовою.

Зважаючи на особливості української мови, процес поповнення класу прикметників з семантикою можливості / неможливості може бути представлений за допомогою наступної моделі:

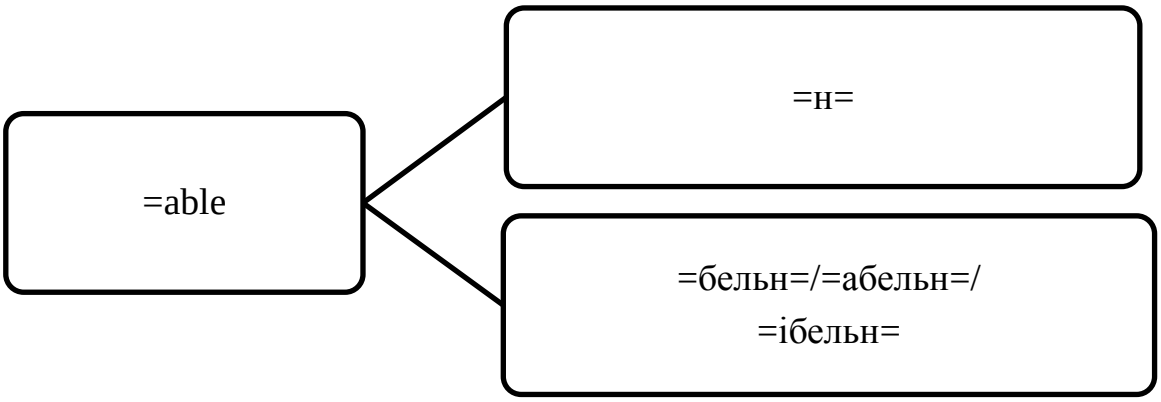

Схема А.1.1. **Модель поповнення класу прикметників при перекладі слів із суфіксом =*able*.**

У поезії можливість ужитку потенційних утворень існує під час перекладу за допомогою двох варіантів моделі (за допомогою суфіксів *=н=,* або *=бельн=/=абельн=/=ібельн=*). Це може відбуватись у два способи:

1) потенційні лексеми англійської мови створюють потенційні лексеми в перекладі (спосіб «потенційне — потенційне»);
2) використовувані лексеми англійської мови створюють потенційні лексеми в перекладі (спосіб «використовуване — потенційне»).

Звернімося до прикладу, що ілюструє спосіб «потенційне — потенційне».

Huge sun rolls on sea
Unclimbable *cliffs are bright*
tide creeps slow and cold
by rock over sand

По морю котить величезне сонце
***Невилазні** скали горять*
Повільно і холодно повзе прилив
Крізь каміння по піску (B. Coffey, пер. Т. Малковича)

Потенційне англійське слово *unclimbable* утворене від дієслова *to climb* — підніматися, влазити, задопомогою префікса *un*= (*не*=) і суфікса *=able*. Отож, перекладач відповідно до принципу поморфемного перекладу створив потенційне для української мови слово «невилазні», що повністю передає значення *unclimbable*. Однак тут необхідно звернути увагу на різну ступінь аномальності цих утворень. В англійській мові в цілому новоутворення з суфіксом *=able* є більш природними, легше вписуються в систему мови через відсутність словотвірних обмежень. У новоутворення *невилазний* ступінь аномальності вище, ніж у англійського *unclimbable*, створеного за високопродуктивною моделлю. Тут можна говорити про низький ступінь аномальності. У той самий час українське слово *невилазний*, що займає проміжне положення між потенційним і оказіональним словом, створено за продуктивною моделлю з деякими порушеннями, так як утворене воно від неперехідного дієслова. В ужитку похідні віддієслівні (від неперехідних дієслів) прикметники з семантикою можливості / неможливості припустимі, але такі приклади не надто частотні. Отже, у новоутворення «невилазний» ступінь аномальності вище, ніж у англійського *unclimbable*. У цілому явища такого роду характерні для мови перекладної поезії, де словоформи, утворені за системою «потенційне — потенційне», часто граматично є «аномальними» до форми оригіналу. Проте це аномальність особливого плану: такі слова не порушують критерії зрозумілостій прозорості внутрішньої форми.

Розглянемо також приклад, що відображає систему «використовуване — потенційне».

Finally to see that W written
Across the horizon. Rising
Above the houses as evening wore
*On. **Indelible**. Winking out there.*

Нарешті побачити те W, що написане
Поперек горизонту. Що підіймається
Над домами, поки вечір повільно
Тягнеться. ***Незмивне****. Що мерехтить звідти*
(P. Gizzi, пер. Т. Малковича)

У рамках конкретного перекладного поетичного тексту утворення форми середнього роду «незмивне», з одного боку, є вимушеним кроком перекладача (в англійській мові рід — умовна категорія, яка не реалізується в прикметниках, дієприкметниках, дієсловах), з іншого боку, — саме середній рід тут реалізує ту ступінь абстрактності, яка задана в оригіналі, завдяки відсутності родових відмінностей в англійській мові. Ця форма (*незмивне*) відображає два активних процеси: утворення прикметників із семантикою можливості / неможливості та субстантивацію, часто пов'язану зі створенням абстрактних понять.

Отож, одна потенційна словоформа являє собою поєднання двох продуктивних моделей, двох активних мовних процесів, що є особливістю реалізації потенційності в перекладному поетичному тексті, через те, що перекладач прагне досягти максимальної точності в передачі мовних особливостей оригіналу, при цьому не виходячи за норми своєї мови.

2. Українські кореляти віддієслівних іменників з суфіксами =ing і =er

Розглянемо потенційні явища у сфері словотвору, які створюються у мові перекладної поезії через відсутність прямих еквівалентів англійських іменників із суфіксами *=ing* і *=er*.

Суфікси *=ing* і *=er*, що використовуються в англійській мові для утворення віддієслівних іменників, складають пару «назва дії — назва діяча цієї дії», внаслідок чого розгляд їх у парі є доцільним.

Суфікс *=ing* утворює в англійській мові віддієслівні іменники з процесуальним значенням: *=ing* означає загальну дію, факт, діяльність, які називаються дієсловом [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с.

241]. Іноді у *=ing* може розвинутись асоціативне конкретне значення: результат дії або щось, що асоціюється з дією [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 25]. Однак така десемантизація морфеми можлива лише при тривалому функціонуванні слова в мові. Зазначимо також, що утворення іменників із суфіксом *=ing* можливе майже від будь-якого дієслова [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**, с. 114]. У лінгвістичній літературі слова зі структурним елементом *=ing* кваліфікують як «слова з інговим елементом».

Для перекладу слів із цими суфіксами (як для новоутворень, так і для лексики, що вже перебуває в ужитку) використовується словотворче калькування. У той самий час в інших підсистемах мови функціонує суфікс *=інг/=инг*, запозичений з англійської, що відбувається завдяки інтенсивному входженню в українську мову слів з цим структурним елементом: *маркетинг, клінінг, холдинг, кастинг, боулінг, лізинг* і т. ін. Процес цей розпочався давно, але особливої інтенсивності набув у останнє десятиліття.

З іншого боку, цей суфікс ще не сформований як повноцінний, зважаючи на те, що в українській мові відсутня словотвірна основа, на базі якої можуть утворюватися похідні слова. Це є необхідною умовою для становлення структурного елемента як самостійної морфеми.

Незважаючи на активне впровадження інгових форм в українську мову, вони не можуть виступати як еквівалент англійського *=ing* у перекладі, так як у перекладі поезії використовуються тільки українські форманти, тобто не відбувається запозичення. За допомогою *=ing* в англійській мові утворюються віддієслівні іменники майже від усіх дієслів, крім модальних. Важливою властивістю таких іменників як в англійській, так і в українській мові є властиве їм значення руху, тобто означення дії в її розвитку. Відповідно, українською мовою англійські іменники з суфіксом *=ing* можна перекласти віддієслівними іменниками, скажімо: *мовчання, живлення, навчання.*

В українських віддієслівних іменниках на *=нн(я)/=тт(я)* процесуальна семантика виражена менше, ніж в англійських на *=ing*. Це пояснюється тим, що в англійській мові інгові форми — це і віддієслівний іменник, і дієприкметник, і герундій.

В українській мові іменники на *=нн(я)/=тт(я)* можуть позначати процеси (*мовчання, читання*), проте часто вони набувають предметного значення (*життя, сказання*). При цьому частотними є такі вживання, як у «*процесі говоріння (засвоєння, проектування* та ін.)», що також вказує на недостатню промовність самого іменника: необхідне додаткове наголошення на процесуальній семантиці. Ця особливість українських віддієслівних іменників служить стимулом для активного поповнення цього класу новими утвореннями, в яких процесуальна семантика виходить на перший план: значення будь-якого потенційного слова складається з суми значень складових його формантів. Цей процес активно проходить у мові перекладної поезії при безпосередньому контакті з англійським оригіналом.

Отак, активне функціонування нових слів з інговим елементом у мові ЗМІ, рекламному тексті, усного мовлення та новоутворень на =нн(я)/=тт(я) в мові перекладної поезії маркують одну і ту ж словотворчу лакуну (утворення іменників із процесуальним значенням), а нові слова потенційно заповнюють її. Цей активний загальномовний процес може бути представлений у вигляді такої сх. еми:

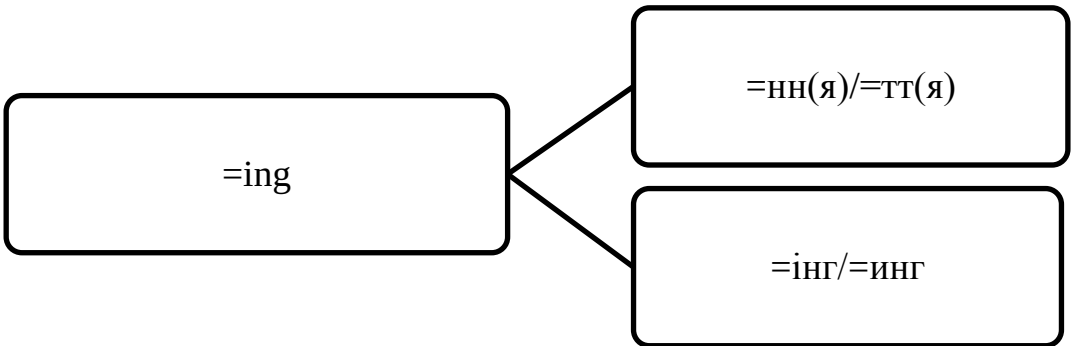

Схема А.2.2 **Модель поповнення класу іменників при перекладі слів із суфіксом =*ing***

Продуктивність моделі перекладу *«=ing — =нн(я)/=тт(я)»* підкріпляється тим, що англійські інгові іменники часто передаються усталеними словами в лексиці на *=нн(я)/=тт(я)*. Наприклад:

You meant more than life to me. I lived through
you ***not knowing****, not knowing I was living.*

Ви задля мене хотіли прожити життя. Я пережив
ваше ***невідання****, що я живу. (Джон Ешбері, пер. А. Любки)*

Але при відсутності потрібного еквіваленту перекладач може скористатись потенційними утвореннями для збереження процесуальності значення (система «потенційне — потенційне»). Наприклад:

Blurry light biting bread **not darting up**
Later (a pinching motion) a third

Туманне світло їдкий хліб **незлітання**
Пізніше (болісний рух) третій
(T. Field, пер. Т. Малковича)

У цьому уривку ми зустрічаємо потенційне утворення на *=нн(я)*: *to dart up* перекладається як *полинути вгору, злетіти*, однак процесуальний іменник *darting* не використаний.

Цікаве утворення потенційної негативної форми *незлітання*. Виникнення потенційних негативних іменників з формантом *не=* — активний процес у мові сучасної поезії як оригінальної, так і перекладної. У потенційній словоформі незлітання реалізовані два активних процеси: утворення процесуальних іменників на *=нн(я)* і розширення класу негативних іменників. Отже, одна словоформа являє собою поєднання двох продуктивних моделей, двох активних мовних процесів.

Система «використовуване — потенційне». У цьому прикладі за допомогою поморфемного перекладу створено повну відповідність використовуваного англійського слова:

The compost heap is both — life, death — a slow
simmer,
a leisurely collapsing of
the thing
into its possibilities —

Компост
— життя, смерть —
Провалювання річі
у безформність.
(A. Hudgins, пер. П. Матюші)

Звернемо увагу на одне з найбільш вдалих перекладацьких рішень:

Have you forgotten the ***whistling*** *of stones,*
the heave and shift of the windrows?

Ти забув ***свистіння*** *каміння,*
Хвилювання і рух полоси жниви?
(M. Palmer, пер. Т. Малковича)

Іменник *whistling*, утворений від дієслова *to whistle* (*свистіти, насвистувати*), має словникову відповідність — *свист*, але це не передає значення тривалості дії, властиве англійському слову. У перекладі ж дуже вдало знайдено повну відповідність *whistling*: потенційне слово *свистіння*, утворене за допомогою суфікса *=нн(я)* від дієслова *свистіти*, дозволяє досягти ономатопеїстичного ефекту.

За допомогою суфікса *=er*, що характеризується високою продуктивністю, в англійській мові утворюються іменники із значенням діяча практично від будь-якого дієслова. Українськими еквівалентами форманта *=er* можуть служити всі суфікси, що утворюють віддієслівні іменники, позначають діяча (людину):

=ник/=льник, =ач/=яч, =іст/ =ист, =ор/=тор, =ець, =тель, =ар/=яр, =чик/=щик. або предмет: *initials of all the previous owners* — ініціали всіх колишніх власників (J. Ashbery, пер. Т. Малковича); *grass as a pointer* — трава як покажчик (C. Coolidge, пер. Л. Якимчук).

Звернемося до аналізу конкретних прикладів, приділяючи особливу увагу аналізу словотворчих засобів, які виступають еквівалентами *=er*, і способу потенціювання.

Система «потенційне — потенційне». У перекладі вірша О. Неша невикористовуване для англійської мови слово *apologizer*, утворене від *to apologize* (*вибачитися, просити вибачення*), передано аналогічним новоутворенням *вибачальник*:

I dread these ***apologizers*** *even as I am depicting them,*
I shudder as I think of the hours that must be spend in
contradicting them

Я як вогню боюся цих ***вибачальників****, і навіть коли я про них пишу, перо в руці починає тремтіти:*

Все ми вічно в пошуках втраченого часу, але скільки часу втрачено і витрачається на те, щоб весь час їм заперечувати!

(O. Nash, пер. Т. Малковича).

В українській мові, як і в англійській, людину, що постійно приносить вибачення, не можна назвати одним словом, хоча явних мовних обмежень для утворення іменника з таким значенням немає. Тому О. Неш, що присвятив темі нескінченних вибачень свій вірш, легко створює слово, яке називає людину, що має таку звичку. У перекладі присутній відносний еквівалент, утворений шляхом поморфемного перекладу, при цьому суфікс *=er* переданий українським *=ник=*.

Система «використовуване — потенційне». При передачі англійських новоутворень з суфіксом *=er* відзначається різноманітність у виборі українських словотворчих засобів, що пояснюється наявністю великої кількості суфіксів зі значенням діяча. Перекладачами найчастіше застосовуються найбільш продуктивні з них (*=щик, =тель*). Тут ми можемо говорити про реалізацію такого

процесу, як розширення класу іменників зі значенням діяча, який залишається активним протягом тривалого часу, але зараз можна спостерігати прогресивний зростання слів цього семантичного класу.

3. Іншомовні словотворчі елементи у мові сучасної української поезії

Лексика української мови формувалася протягом тисячоліть. Сучасна лексика української мови складається з питомих, незапозичених слів, створених нашими предками, і слів, запозичених у різні періоди з інших мов.

Основну частину лексики української мови становлять незапозичені українські слова. Їх у мові приблизно дев'яносто відсотків. До них належать успадковані найдавніші індоєвропейські слова, спільні для багатьох індоєвропейських мов (санскриту, грецької, латинської, германських, романських, слов'янських та ін.); праслов'янські слова, спільні для всіх або більшості слов'янських мов; і власне українські слова, утворені безпосередньо тією частиною слов'янської людності, яка сформувала українську націю.

Взаємодія української літературної мови з іншомовною лексикою є однією з важливих лінгвістичних основ мовленнєвої експресії, особливо в кінці XX — на початку XXI ст., коли мова художнього тексту є надто відкритою до іншомовних запозичень.

У Ю. Андруховича більша частка віршів у збірці «Пісні для мертвого півня» названа англійською мовою. У поезії І. Бондаря-Терещенко, С. Жадана, С. Поваляєвої, І. Жиленко, О. Забужко, Лесі Степовички вжито англійські лексеми без перекладу.

Розглянемо також слова зі структурними елементами *=інг* і *=бельн=/=абельн=/=ібельн=* на матеріалі оригінальних українських поетичних текстів кінця XX—початку XXI століття, при цьому особливу увагу приділимо аналізу ступеня опанування цього елемента, характеру запозичення і перспективам його розвитку в українській мові. Нам видається цікавим розглянути слова з інговим елементом у текстах сучасної оригінальної української поезії у порівнянні з перекладними поетичними текстами.

Освоєння іншомовних структурних елементів характеризується певною словотвірною активністю іншомовних морфем в українській мові, коли стають можливими поодинокі утворення на ґрунті української мови за участю українських твірних основ, нерідко оказіонального характеру. Так, елемент *=дром*, приєднуючись до іншомовних основ (*велодром, танкодром космодром*), почав проявляти свою активність і на українському ґрунті (*сміходром, скеледром*). Також іншомовний суфікс *=бельн=/=абельн=/=ібельн=* приєднується переважно до іншомовних основ (*комфортабельний, контактабельний, презентабельний, рентабельний, транспортабельний, дисертабельний*), проте останнім часом сфера дії цього структурного елемента розширилася: утворилася низка похідних слів на базі українських дієслівних основ (*рішабельний, промокабельний, читабельний*). Так само поводяться і деякі інші іншомовні морфеми: *=фоб* (*урбанофоб, людино фоб, русофоб, українофоб*); *=філ* (*англофіл, неофіл, русофіл, слов'янофіл*).

4. Переклад складних слів із суфіксом *=ed*

Цей параграф присвячений аналізу потенційних складних прикметників і прислівників, що виникають при перекладі слів із суфіксом *=ed*: *winged* (крилатий), *figured* (фігурний), *fibred* (волокнистий).

Модель утворення похідних на *= ed* більш актуальна для складних прикметників: *greeneyed* (зеленоокий), *self-centered* (егоцентричний).

Суфікс *=ed* має словотвірне значення прикметника: «маючий щось: предмет, властивість, ознаку».

Продуктивна в англійській мові модель утворення складних прикметників така: «прикметник ∨(+) числівник ∨(+) іменник + ed».

Складні прикметники з суфіксом *=ed* зустрічаються набагато частіше, ніж звичайні прикметники з цим суфіксом: він деякою мірою продуктивний у поєднанні з окремими іменниками, але дуже продуктивний при утворенні складних слів, що пояснюється з точки зору семантики, так як можна володіти якоюсь конкретною ознакою,

вказівка на яку якраз і міститься в першому компоненті складного слова (прикметник); а утворення прикметників типу *legged*, *eyed* безглузде. Переважне утворення складних слів із компонентом =*ed* характерне як для використовуваного, так і для оказіонального словотворення.

Система «потенційне — потенційне». У прикладі реалізується використовувана модель «прикметник + іменник + ed»:

Where the Evangelist preached madly for 3 decades, ***hard-haired****,*
cracked & true to his mean Bible

Де Проповідник віщав шалено 30 років, ***жорстковолосий****,*
пришелепкуватий і вірний своїй злий Біблії
(*A. Ginsberg, пер. А. Любки*)

При смисловому збігу *hard* перекладається як *жорсткий*, *hair* — *волосся*, але тут втрачена фоносеманчина складова: в оригіналі є повтори *h* і *r*, які не компенсовані в перекладі.

Особлива семантична точність досягається в наступному прикладі:

Among Ovid's lovely casualties - all that blood
Colouring the grass and changing into flowers, purple,
Lily-shaped*, wild hyacinth upon whose petals*
We doodled our lugubrious initials ...

Серед чарівних жертв Овідія - вся ця кров
Фарбує трави, і ось вона - квіти, пурпур їх,
Лілієподібних*, дикий гіацинт, на чиїх пелюстках*
Ми дряпали наші скорботні ініціали ...
(M. Longley, пер. Т. Малковича)

Особливістю цього перекладацького рішення є повний збіг словотворчих моделей оригіналу і перекладу за формою, змістом і ступенем продуктивності. В українській мові ця модель характеризується високою продуктивністю і володіє потенцією до

утворення складних прикметників практично від будь-якого іменника (ниткоподібний, склоподібний, мигдалеподібний та ін.).

Система «використовуване — потенційне».

Volcanic rupture. ***Red-grained*** *white sand.*

Вулканічний розлом. ***Червонозернистий*** *білий пісок*
(J. Donahue, пер. А. Любки)

Перекладач тут вдався до словотворчого калькування: кожному компоненту складного англійського прикметника знайдений український аналог.

Утворення на *=ed* можуть служити приводом для виникнення потенційних прикметників і прислівників в українських перекладних поетичних текстах, причому вони створюються на основі англійських потенційних утворень, тоді спостерігається посилення стилістичного навантаження в тексті перекладу, або ж можуть відповідати англійською використовуваним моделям.

5. Особливості граматики заперечення

У сучасній англійській мові вирізняються шість префіксів, які надають словам заперечне значення: *un=, dis=, in=, non=, a=, mis=*, а також один суфікс *=less*, який бере участь у творенні прикметників зі значенням негації. Всі вони досить продуктивні в рамках певних класів, проте найбільшою сполучуваністю характеризується префікс *un=*. Суфікс *=less*, хоча і обмежений у сполучуваності, всередині класу прикметників демонструє дуже високу продуктивність. Можна сказати, що в сучасній англійській мові найбільш активними функційними негативними формантами є саме *un=* і *=less*.

Для української мови характерне утворення негативних форм за допомогою префіксів *не=, без=, а=*, при цьому префікс *а=,* будучи запозиченим формантом, функціонує в українській мові так само, як і *а=* в англійській: його продуктивність обмежується в основному академічною мовою за винятком окремих випадків. Відповідно,

найбільш активно в утворенні заперечних форм беруть участь приставки *не=* і *без=,* вони ж є основними еквівалентами *un=* і *=less* при перекладі.

Необхідно зазначити, що поморфемний переклад слів із суфіксом *=less* становить певні труднощі, так як в українській мові йому немає аналога, що служить додатковим стимулом для пошуку нових форм заперечення в перекладних текстах і, відповідно, для виникнення потенційних форм заперечення.

Як відомо, у використанні суфікс *=less* співвідноситься з порівняльним ступенем прикметника *little* (маленький) і, відповідно, позначає менший вияв якої-небудь ознаки або її відсутність. Недостатня кількість чогось є лише перехідний ступінь до відсутності, і завдяки цій близькості можливе співіснування цих двох значень не тільки в одному типі похідних — похідних з суфіксом *=less*, але навіть в одному і тому ж похідному. *Airless*, наприклад, може означати як відсутність повітря взагалі (*airless planet* — безповітряному планета), так і недостатню кількість свіжого повітря (*airless room* — задушлива кімната). Незважаючи на наведений приклад, для суфікса *=less* все ж більш характерні негативні конотації , тому українською мовою *=less* в основному перекладається як *не=* або *без=*. В українській мові частіше еквівалентом *=less* виступає префікс *без=*: *lawless* — беззаконний, *hopeless* — безнадійний, *careless* — безтурботний і ін.

Префікс *un=* поєднується з іменними та дієслівними основами. При цьому, як відзначають дослідники, в сучасній англійській мові *un=* демонструє дивовижну продуктивність у поєднанні з іменниками. Приєднуючись до основ іменників, прикметників, прислівників і дієприкметників префікс *un=* надає утвореним з його допомогою словам значення заперечення; в українській мові відповідає запереченню *не=*: *unhappy* — нещасний, *unnatural* — неприродний, *unpleasant* — неприємний, *unwell* — нездоровий, *unknown* — невідомий, *unlearned* — невчений, неписьменний, *undeservedly* — незаслужено.

В англійській мові (як у розмовній мові, так і в мові поезії) значення *=less* і *un=* розходяться, семантичний потенціал *un=* ширше. Розуміння різної семантики цих префіксів знаходить відображення в перекладних текстах: *un=* у більшості випадків

передається за допомогою *не=*, *=less* — за допомогою *без=*. Сприйняття *=less* як еквівалента *без=* перекладачами поезії може пояснюватися також їхньою відносною злагодженістю, еквівалентність цих формантів знаходить підтримку на фоносемантичному рівні, незважаючи на те, що один з них суфікс, а інший — префікс:

The reminiscence comes
Of ***sunless*** *dry geraniums*
And dust in crevices,
Smells of chestnuts in the streets,
And female smells in shuttered rooms,

Приходить спомин, в'яне,
Той спомин про сухі, ***безсонячні*** *герані*
Та про пилюку по щілинах,
Про запах смажених каштанів скрізь по вулицях,
Про запахи жіночі у зашторених кімнатах
(T. Eliot, пер. С. Павличко)

Тут потенційне утворення в оригіналі калькується в перекладі (*sun* — сонце, *sunless* — безсонячний) — модель «потенційне — потенційне».

Текстоутворююча роль заперечення може реалізовуватись за допомогою повтору, наприклад у наступному уривку — через повтор *never* в оригіналі і «вічно не» в перекладі:

Never *to have seen*	***Вічно*** *не побачити*
never *to have given*	***вічно*** *не віддати*
never *to have taken*	***вічно*** *не взяти*
Ever vain homing	*Шлях порожній голубиний*
even what is new	*нехай і нове*
and not her	*а не вона*
Ever the torn heart	*Що випустило серце*
scribed "You"	*з надписом "Тебе"*

Never *enough seen*	***вічно*** *недобачено*
never *enough given*	***вічно*** *недодано*
never *enough taken*	***вічно*** *недобрано*
Never *departure*	***Вічно*** *не відбування*
never *what is new*	***вічно*** *не нове*
and not her	*не те що не вона*
Ever no *change*	***Вічно без*** *змін*
saying all ways	*говорити "Ти"*
"You"	*на всі часи*

(B. Coffey, пер. Т. Малковича)

Отож, у процесі перекладу поезії стимулюється виникнення нових форм: замінників прикметників, часто середнього роду, негативних іменників, утворених приєднанням форманта *не=* дієприкметників, які є виразником потенційних явищ у граматиці української мови. Важливо, що позначені нами форми мають не поодинокий характер. У рамках цього процесу переважає модель «потенційне — потенційне». Отак, ми можемо виділити наступні активні процеси, пов'язані з запереченням: розширення функцій заперечення, розширення сполучуваності форманта *не=*, активізація форманта *недо=*, поява потенційних негативних іменників, поява нових моделей заперечення, концептуалізація *не=*.

6. Деякі особливості функціонування прийменників у перекладних поетичних текстах

Для англійської мови, як для мови аналітичного типу, характерна побудова семантичних валентностей переважно за допомогою прийменників.

Еквівалентами моделі прийменникового управління «дієслово + прийменник», характерною для англійської мови, в українській мові зазвичай виступають префіксальні утворення: *go off* — вистрілити,

випалити; *run away* — втікати, *look through* — продивлятися. Поетичний переклад сприймає утворення за цією моделлю («дієслово + прийменник») не як ідіоматичні, а як вільні сполучення і заново їх переводить, внаслідок чого з'являється ряд потенційних утворень за моделлю «використовуване — потенційне»:

У деяких випадках, коли використовуване англійське поєднання дієслово + прийменник не має точного українського словникового відповідника, перекладач, керуючись аналогічним принципом, створює потенційні префіксальні дієслова, пор.: *to shudder* перекладається як здригатися, *down* — вниз. В англійській мові таке поєднання використовується, проте в українській мові у нього немає еквівалента з одного слова, тому перекладач знаходить свій еквівалент і утворює потенційне префіксальне дієслово *здригатися*:

and the world's circle ***shudders***
down *to one bleeding point -*

і ***здригається*** *коло світу*
в кровоточиву точку.
(G.M. Brown, пер. А. Любки)

При перекладі англійської моделі «дієслово + прийменник» знаходить відображення загальна стратегія перекладачів, спрямована на те, щоб не обмежуватися передачею словникового значення цього поєднання як цілого. Модель з післялогами нерегулярна для української мови, тому вона провокує перекладачів розглядати такі сполучення не як ідіоматичні, а як вільні і заново встановлювати відносини між дієсловом і прийменником. Ця трансформація характерна для текстів перекладної поезії.

Прагнення перекладного поетичного тексту уникнути ідіоматичності знаходить відображення і в інших явищах:

The same skin ***in*** *and* ***out***

Та ж сама шкіра ***в*** *та* ***із***
(*R. Waldrop, пер. Т. Малковича*)

In and out — ідіома, що має значення зовні і всередині. Перекладач не вдався до словникового еквівалента, а зробив дослівний переклад, який можна вважати таким, що більш точно передає структурні особливості оригіналу і що перетворює *в* та *із* у прислівникове значення.

Висновки

Отже, при перекладі англійського прийменникового управління провідною є тенденція до калькування конструкцій оригіналу (використовуваних і невикористовуваних). Це призводить до того, що нормативним англійським конструкціям в українському перекладі часто відповідають невикористовувані конструкції з абсолютним прийменником, відбувається концептуалізація прийменника в зв'язку з відсутністю в тексті об'єкта дії. Найчастіше реалізується модель «використовуване — потенційне», і, відповідно, здійснюється вплив мови оригіналу на текст перекладу, який, однак, при цьому не виходить за мужі потенційності системи приймаючої мови. Часто відбувається переосмислення відношень між дієсловом і похідним, яке призводить до перекладу ідіоматичних англійських конструкцій як вільних поєднань. Такого роду явища мають місце там, де регулярна англійська конструкція виявляється для української мови несистемною. Відповідно, відсутнє в українській мові граматичне явище продукує перекладної поетичний текст на прояв потенційності.

На жаль, уважне ставлення до оказіоналізмів та потенційних слів не є перекладацьким правилом. Дуже часто перекладачі просто не помічають оказіоналізмів, приймаючи їх за невідомі їм загальновживані слова, і перекладають оказіоналізми звичайною лексикою. Навіть сприймаючи оказіональне слово, багато перекладачів не наважуються зайнятися самотворчістю і удаються до більш менш вдалих описових еквівалентів.

Поморфемний переклад (словотворче калькування) використовується як при передачі невикористовуваних, так і використовуваних іншомовних слів, які не мають прямого українського відповідника. Потенціювання відбувається за двома

системами: «потенційне — потенційне» і «використовуване — потенційне».

Особливістю мови сучасної перекладної поезії є висока концентрація потенційних словоформ в одному тексті, виникнення яких взаємозумовлене і пов'язане з механізмом потенціонування, який полягає в тому, що одна потенційна форма в перекладному тексті як би тягне за собою утворення інших потенційних форм. Запущений механізм потенціювання проявляється в пошуку потенційних відповідностей використовуваним словами оригіналу. Потенційних форм у перекладному поетичному тексті більше, ніж в оригіналі.

Часто одна потенційна словоформа в перекладі є поєднанням двох продуктивних моделей, двох активних мовних процесів, що є особливістю реалізації потенційності в перекладному поетичному тексті, через те, що перекладач прагне досягти максимальної точності в передачі мовних особливостей оригіналу, при цьому не виходячи за норми своєї мови.

Утворення з формантом *=бельн=/=абельн=/=ібельн=* нечасто використовуються мовою сучасної української поезії, що говорить про їхню невелику освоєність українською мовною системою. На сучасному етапі ми можемо спостерігати початковий етап освоєння цих форм, так як елемент *=бельн=/=абельн=/=ібельн=* тільки починає виокремлювати у складі іншомовних слів і прикріплятися до українських основ, про що свідчить активне функціонування нових слів з цим елементом у різних підсистемах мови . У мові перекладної поезії слова з цими формантом не зустрічаються.

При передачі моделей англійського прийменникового управління провідною є тенденція до калькування конструкцій оригіналу .Це призводить до того, що нормативним англійським конструкціям в українському перекладі часто відповідають невикористовувані конструкції з абсолютивним прийменником, відбувається концептуалізація прийменника в зв'язку з відсутністю в тексті об'єкта дії.

Література

1. Ashbery J. John Ashbery | Poetry Foundation [Електронний ресурс] / John Ashbery – Режим доступу до ресурсу: https://www.poetryfoundation.org/poems-and-poets/poets/detail/john-ashbery.
2. Bauer L. English word-formation / Laurie Bauer. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – 310 с.
3. Coffey B. The Curse of Crow Hollow / Billy Coffey. – Nashville: Coffey, 2015. – 416 с.
4. Coolidge C. Clark Coolidge | Poetry Foundation [Електронний ресурс] / Clark Coolidge – Режим доступу до ресурсу: https://www.poetryfoundation.org/poems-and-poets/poets/detail/clark-coolidge.
5. Donahue J. Joseph Donahue | Poetry Foundation [Електронний ресурс] / Joseph Donahue – Режим доступу до ресурсу: https://www.poetryfoundation.org/poems-and-poets/poets/detail/joseph-donahue.
6. Gizzi P. Peter Gizzi | Poetry Foundation [Електронний ресурс] / Peter Gizzi – Режим доступу до ресурсу: https://www.poetryfoundation.org/poems-and-poets/poets/detail/peter-gizzi.
7. Hudgins A. Andrew Hudgins | Poetry Foundation [Електронний ресурс] / Andrew Hudgins – Режим доступу до ресурсу: https://www.poetryfoundation.org/poems-and-poets/poets/detail/andrew-hudgins.
8. Longley M. Michael Longley | Poetry Foundation [Електронний ресурс] / Michael Longley – Режим доступу до ресурсу: https://www.poetryfoundation.org/poems-and-poets/poets/detail/michael-longley.
9. Marchand H. The categories and types of present–day English word–formation (a synchronic–diachronic approach) / Hans Marchand. – Alabama: University of Alabama Press, 1966. – 380 с.
10. Nash O. Ogden Nash | Poetry Foundation [Електронний ресурс] / Ogden Nash – Режим доступу до ресурсу: https://www.poetryfoundation.org/poems-and-poets/poets/detail/ogden-nash.
11. Palmer M. Michael Palmer | Poetry Foundation [Електронний ресурс] / Michael Palmer – Режим доступу до ресурсу: https://www.poetryfoundation.org/poems-and-poets/poets/detail/michael-palmer.
12. Plag I. Word–formation in English / Ingo Plag. – Cambridge: Cambridge Dniversity Press, 2002. – 254 с.
13. Waldrop K. Keith Waldrop | Poetry Foundation [Електронний ресурс] / Keith Waldrop – Режим доступу до ресурсу: https://www.poetryfoundation.org/poems-and-poets/poets/detail/keith-waldrop.
14. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Леонид Степанович Бархударов. – Москва: Международные отношения, 1975. – 240 с.
15. Еліот Т. Вибране / Томас Стернз Еліот. – Київ: Видавництво художньої літератури «Дніпро», 1990. – 198 с.
16. Карабан В. І. Посібник–довідник з перекладу англійської наукової і технічної літератури на українську мову / В'ячеслав Іванович Карабан. – Флоренція, Страсбург, Гранада, Київ: Tempus, 1997. – 317 с.
17. Малкович Т. І. Антологія молодої поезії США / Тарас Іванович Малкович. – Київ: А-БА-БА-ГА-ЛА-МА-ГА, 2016. – 280 с.

РЕЦЕНЗІЇ ТА ОГЛЯДИ

РЕЦЕНЗІЯ
на колективне наукове видання «Типологія та функціонування мовних одиниць сучасних романо-германських та слов'янських мов: когнітивний, прагматичний та комунікативний аспекти» /

За заг. ред. к. філол. н, доц. З. Ю. Воронової. — Дніпродзержинсь: ДДТУ, 2016.

Рецензоване колективне наукове видання висвітлює кілька важливих аспектів функціонування мовних одиниць з когнітивної, прагматичної та комунікативної точок зору.

Рецензоване наукове видання складається з двох розділів: розділу 1 «Типологія та функціонування мовних одиниць сучасних романо-германських та слов'янських мов: комунікативний аспект» і розділу 2 «Типологія та функціонування мовних одиниць сучасних романо-германських та слов'янських мов: когнітивний та прагматичний аспекти».

У центрі уваги дослідників постали актуальні питання сучасного мовознавства та перекладознавства: лексичні й граматичні одиниці та категорії англійської, французької, української мов; когнітивний аспект функціонування метафоричних одиниць; переклад фразеологічних одиниць у художній літературі тощо.

Актуальність рецензованого наукового видання визначається тим, що функціонування мови можливе лише за умови врахуванням комунікативних особливостей, які дозволяють розглядати комунікативно-прагматичні відмінності вжитку мовних одиниць та їхнього використання у мовленні. Отож питання комунікативної та прагматичної лінгвістики висувають на перший план функційно-комунікативне дослідження мови та дискурсу.

У рецензованому науковому виданні, підготовленому викладачами кафедри перекладу, знайшло відображення загальне визнання думки, що мовна комунікація відбувається не за допомогою окремих ізольованих одиниць, а у формі цілісних висловлювань, починаючи з речення та закінчуючи текстом. Тому чимала увага авторами приділяється теорії мовленнєвої діяльності, предметом якої є аналіз саме тих чинників комунікації, що кореняться в соціальній взаємодії людей та у спілкуванні як однієї з її різновидностей.

На думку авторів наукового видання, мовленнєва діяльність є одним із найважливіших елементів життя людини, явищем соціальним за своєю обумовленістю та сутністю. Соціальна зумовленість комунікативного акту та мовленнєвої діяльності

є проявом того, що вони передбачають наявність типових ситуацій спілкування та контексту культури, які є загальними для всіх мовців.

Загальну думку, якою можна охарактеризувати те, що об'єднує досить різнопланові роботи — мова відтворює дійсність і тільки на підставі цієї первинної функції вона актуалізується в мовленні, стає знаряддям комунікації. Отак, мова розглядається авторами видання як символічна система, яка виступає як інтерпретатор світогляду й культури суспільства, а саме суспільство інтерпретується через мову.

Слід відзначити, що прагматичний аспект граматичних категорій, про які йдеться в окремих статтях науковців кафедри, описано в загальному контексті прагматичного підходу до явищ мовної системи, яка являє собою багаторівневе утворення та передбачає розгляд граматики в комунікативному аспекті, оскільки граматичні одиниці, будучи лінгвістичними знаками, виконують поряд із семантичною та синтаксичною функціями прагматичну функцію, причому не ізольовано, а у складі речення / висловлювання як певної системи.

Тексти різних жанрів розглянуто у науковому виданні з позиції їхньої когнітивної та комунікативної специфіки. Йдеться, зокрема, про комунікативний аспект безособових форм дієслова в реченнях з предикативними відношеннями (на матеріалі художніх текстів), про діалогічність жанру романтичної фантастичної новели в контексті комунікативного аспекту функціонування художнього тексту, про функціонування непрямих мовленнєвих актів у мовленнєвому спілкуванні, про комунікативний аспект функціонування фразеологічних одиниць в англомовній художній літературі та ін.

Аналіз способів перекладу різних граматичних форм розглядається авторами видання на рівні речення, оскільки саме в ньому знаходить відображення абсолютна більшість граматичних явищ.

Підсумовуючи вищевикладене, відзначу наступне.

1. Рецензоване колективне наукове видання відповідає вимогам навчальної програми з практики перекладу для підготовки фахівців з відповідного профілю навчання.

2. Матеріали наукового видання будуть у нагоді студентам і молодим науковцям при опануванні перекладацьких технологій /

трансформацій для передачі змісту оригінальних текстів різних жанрів українською мовою.

3. Колективне наукове видання відповідає сучасним вимогам і може бути рекомендоване до друку.

Ю.О. ШЕПЕЛЬ

академік Академії наук ВО України, доктор філологічних наук, професор, професор кафедри перекладу та лінгвістичної підготовки іноземців Дніпропетровського національного університету імені Олеся Гончара

ЗМІСТ

ПЕРЕДМОВА

ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОГНИТИВНЫЙ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ КАК ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ УРОВНЕЙ ЯЗЫКА
(Шепель Ю. А.)……6

ФУНКЦІЙНО-ПРАГМАТИЧНІ ПИТАННЯ ГРАМАТИКИ

СЛОВОТВІРНІ ОСОБЛИВОСТІ ТЕРМІНІВ СУЧАСНОЇ АНГЛІЙСЬКОЇ МОВИ І ЛЕКСИКОГРАФІЧНА ПРАКТИКА (*Шепель Ю. О.)*……10

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОСВЕЩЕНИЕ МЕЖДОМЕТИЯ В ДИАХРОНИИ И СИНХРОНИИ *(Лю Фейхун, Панченко Е. И., Шепель Ю. А.)*……37

NOTION OF THE RESPONSIVE SENTENCE (Types of the responsive sentences in the English language) *(Suima I. P.)*……..49

ЗНАЧЕННЯ СТВЕРДЖЕННЯ У ФІЛОСОФІЇ, ЛОГІЦІ ТА ЛІНГВІСТИЦІ *(Гурко О. В.)*……..87

ПИТАННЯ ЛЕКСИКОЛОГІЇ ТА ЛЕКСИКОГРАФІЇ

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ МЕЖДОМЕТИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ *(Лю Фейхун, Панченко Е. И., Шепель Ю. А.)*……98

ОДНОЗНАЧНОЕ СЛОВО В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЯЗЫКА И В ЛЕКСИКОГРАФИИ *(Вотинцева М. Л.)*……128

ПИТАННЯ ТЕКСТУ Й ДИСКУРСУ

ИДИОДИСКУРС Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И ЕГО ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ *(Поляковская Ю. В., Шепель Ю. А.)*……..177

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ПАНОРАМА ТЕКСТА УЧЕБНИКА *(Шевчик Е. Ю., Панченко Е. И.)*……204

ДО ПИТАННЯ ІСТОРІІ РОЗВИТКУ РОЗВАЖАЛЬНОГО ДИСКУРСУ *(Панченко С. А.)*……231

СТРУКТУРА ЗАГЛАВИЯ КАК СТРУКТУРА РЕЧЕВОЙ ЦЕПИ *(Суворова С. А., Амичба Д. П.)*……237

ФУНКЦІЙНО-ПРАГМАТИЧНІ ТА СТИЛІСТИЧНІ ПИТАННЯ МОВИ ТА МОВЛЕННЯ

КОНЦЕПТ АНГЛИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (ОТСИСТЕМНЫЙ ПОДХОД) *(Плахтий А. А., Панченко Е. И.)*……283

СТРУКТУРА И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЧ МАРКИРОВКА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ *(Суима И. П.)*…….336

КОГНІТИВНО-ПРАГМАТИЧНІ ПИТАННЯ. КОНЦЕПТОЛОГІЯ

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ «ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОГО» КОНЦЕПТА-КОНСТРУКТА «ДОМ» В АБХАЗСКОЙ, УКРАИНСКОЙ И РУССКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА (*Амичба Д. П.*)……...393

КОНЦЕПТУАЛЬНА ОПОЗИЦІЯ «*СВІЙ / ЧУЖИЙ*» В АНГЛІЙСЬКІЙ МОВНІЙ КАРТИНІ СВІТУ *(Полагейкіна В. А., Шепель Ю. О.)*……421

ПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА *ЧЕЛОВЕК* В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ *(Федина Е. В., Шепель Ю. А.)*……..460

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОНЯТИЙ «СВЕТ» И «ТЬМА» *(Клименко Т. А.)*…….480.

СЕМАНТИЧНІ ОСОБЛИВОСТІ АНТИТЕЗИ ТА ЇЇ ВІДТВОРЕННЯ У СКЛАДІ АФОРИЗМІВ В АСПЕКТІ АНГЛО-УКРАЇНСЬКОГО ПЕРЕКЛАДУ *(Уманець О., Шепель Ю. О.)*…….498

ТЕОРІЯ ПЕРЕКЛАДУ ТА ПЕРЕКЛАДОЗНАВСТВО

ПЕРЕКЛАД АНГЛОМОВНИХ ПОЕТИЧНИХ ТЕКСТІВ У АСПЕКТІ ПОТЕНЦІЙНОСТІ ДЛЯ СУЧАСНОЇ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ (СЛОВОТВІРНИЙ І ГРАМАТИЧНИЙ АСПЕКТИ) *(Власенко О. С., Шепель Ю.О.)*…….513

РЕЦЕНЗІЇ ТА ОГЛЯДИ

Типологія та функціонування мовних одиниць сучасних романо-германських та слов'янських мов: когнітивний, прагматичний та комунікативний аспекти *(Шепель Ю. О.)*……534

CONTENT

PREFACE

FUNCTIONAL COGNITIVE AND PRAGMATIC APPROACH
AS A BASIS FOR STUDYING THE LANGUAGE LEVELS
(*Shepel Yu.A.*)……..…6

FUNCTIONAL AND PRAGMATIC ISSUES OF GRAMMAR

WORD-FORMATION FEATURES OF MODERN ENGLISH TERMS AND LEXICOGRAPHY PRACTICE (*Shepel Yu .O.)……10*

LANGUAGE LIGHTING OF INTERJECTIONS IN DIACHRONY AND SINCHRONY (*Liu Feyhun, Panchenko E.I, Shepel Yu.A.)……..37*

NOTION OF THE RESPONSIVE SENTENCE
(Types of the responsive sentences in the English language)
(Suima I. P.)……....49

VALUE OF APROVAL IN PHILOSOPHY, LOGIC AND LINDUISTICS
(*Gurko O. V.*)……87

ISSUES OF LEXICOLOGY AND LEXICOGRAPHY

LEXICOGRAPHIC PORTRAIT OF INTERJECTIONS IN THE RUSSIAN LANGUAGE (,*Liu Feyhun, Panchenko E. I, Shepel Yu. A.)……98*

MONOSEMANTIC WORD IN THE LEXICAL SYSTEM OF THE LANGUAGE AND IN LEXICOGRAPHY (*Votintseva M. L*)……128

ISSUES OF TEXT AND DISCOURSE

F. M. DOSTOEVSKY'S IDIODISCOURSE AND ITS CHARACTERISTICS
(Polyakovskaja Yulja, Shepel Yu .A.) .....……177

THE TEXT FUNCTIONAL PRAGMATIC PANORAMA OF TEXTBOOK
(Shevchyk K. Yu, Panchenko E. I.)…….204

ON THE HISTORY OF ENTERTAINMENT DISCOURSE
(Panchenko S. A.)…….231
STRUCTURE OF TITLE AS A STRUCTURE OF SPEECH CIRCUIT
(Suvorova S.A, Amichba D.P)……237

FUNCTIONAL-PRAGMATIC AND STYLISTIC ISSUES OF THE LANGUAGE AND SPEECH

THE CONCEPT OF ENGLAND IN THE RUSSIAN LANGUAGE (SYSTEMATIC APPROACH) *(Plahtiy A. A, Panchenko E. I.)……283*

STRUCTURE AND LEXICOGRAPHICAL MARKING OF THE ADJECTIVE WITH A MEANING OF NATIONAL-TERRITORIAL REFERENCE *(Suima I. P.)……..336*

COGNITIVE-PRAGMATIC ISSUES. CONCEPTOLOGY

COMPARATIVE LINGUACULTUROLOGICAL DESCRIPTION OF THE "UNIVERSAL" CONCEPT-CONSTRUCT "HOUSE"IN THE ABKHAZ, UKRAINIAN AND RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD *(Amichba D.P.)…….393*

CONCEPTUAL OPPOSITION "HIS / ALIEN" IN THE ENGLISH LANGUEGE PICTURE OF THE WORLD *(Pelageykina V.A., Shepel Yu.O.)…….421*

PRESENTATION OF THE CONCEPT “HUMAN” IN MODERN LINGUISTICS *(Fedina H.V, Shepel Yu. A.)* ..... ……460

THE COGNITIVE ASPECTS OF STUDYING THE CONCEPT "LIGHT" AND "DARKNESS" *(Klimenko T. A.)……480*

SEMANTYC FEATURES OF THE ANTITHESIS AND ITS PLAYBACK IN PROOF OF APHORISM IN THE CONTEXT OF UKRAINIAN-ENGLISH TRANSLATION *(Umanets O., Shepel Yu. A.)…….498*

TRANSLATION AND THEORY OF TRANSLATION

TRANSLATION OF ENGLISH-LANGUEGE POETIC TEXTS IN THE ASPECTS OF A POTENTIAL FOR MODERN UKRAINIAN LANGUAGE (derivative and grammatical aspects) *(Vlasenko O., Shepel Yu. A.)……513*

CRITICS AND REVIEWS

Typology and functioning of language units of modern Roman-Germanic and Slavic languages: the cognitive, pragmatic and communicative aspects *(Shepel Yu. O.)…….534*

Н а у к о в е в и д а н н я

ЛІНГВІСТИКА. ЛІНГВОКУЛЬТУРОЛОГІЯ

Входить до «Переліку наукових фахових видань,
в яких можуть друкуватися результати дисертаційних робіт на здобуття наукових ступенів доктора і кандидата наук»,
затвердженого наказом Міністерства освіти і науки України від 13.12.2016 р., № ____

Збірник наукових праць

Функційно-семантичні та когнітивно-прагматичні питання мови та міжкультурної комунікаціїї

Том 10

Українською, російською та англійською мовами

Свідоцтво про державну реєстрацію
державного засобу масової інформації
серія КВ № 18253-7053Р від 05. 09. 2011

Редакційна колегія не завжди поділяє позицію авторів

Матеріал друкується в авторській редакції
За зміст статті та точність викладеного матеріалу відповідальність покладається на авторів

Усі права застережено
Використання матеріалів – з дозволу редакційної колегії

Відповідальний редактор *Шепель Ю.О.*
Оригінал-макет *Шепель Ю.О.*
Технічний редактор *Шепель Ю.О.*

Підп. до друку _____16. Формат 60х841/16. Спосіб друку – плоский.
Папір офсетний.Ум. друк. арк ____. Тираж 100 пр. Зам. № _____

Видано та надруковано в ТОВ "Акцент ПП",
вул. Ларіонова, 145, м. Дніпропетровськ, 49052
тел. (056) 794-62-04(05)

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру суб’єктів видавничої справи
ДК № 4766 від 04.09.2